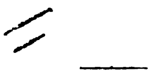
25

Этнографическій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

БѢЛОМОРСКІЯ БЫЛИНЫ

записанныя

А. Марковымъ.



съ предисловіемъ

проф. В. Ѳ. Миллера.

Поставщикъ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во Скоропечатни А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. Москва, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1901.

ОГЛАВЛЕНІЕ [1]).

	Стр.
Предисловіе проф. В. Ѳ. Миллера	VII
Отъ собирателя	XV
Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря	1
Списокъ сказателей	23
Роспись дней, въ которые записаны старины	25

Нижняя Зимняя Золотица.

I. *Крюкова* Аграѳена Матвѣевна	27

A) *Старины Терскаго берега.*

1. Три поѣздки Ильи Муромца	31
2. Илья Муромецъ и Калинъ	36
3. Илья Муромецъ и Баданъ (Батый)	45
4. Бой Ильи Муромца съ сыномъ	53
5. Добрыня и Змѣя	59
6. Неудавшаяся женитьба Алеши	63
7. Алеша и сестра Бродовичей	68
8. Потыкъ	73
9. Дунай сватаетъ невѣсту князю Владиміру	77
**10. Женитьба Дуная	82
11. Сухматій (Суханъ)	86
12. Михайло Даниловичъ	90
**13. Туры и турица	95
14. Настасья Митреяновна (Иванъ Годиновичъ)	96
15. Дюкъ	101
16. Козарушка (Козаринъ)	109
17. Михайло Петровичъ (Козаринъ)	114
18. Князь Романъ и Марья Юрьевна	119
19. Чурило и Авдотья (Чурило и невѣрная жена)	126
20. Хотѣнъ	130
21. Садко	135
22. Сорокъ каликъ со каликою	139
23. Соломанъ и Иванъ Никульевичъ (Окульевичъ)	144
24. Егорій Храбрый и его мучитель	151

---

[1]) Одной звѣздочкой отмѣчены былины, не имѣющія себѣ варіантовъ въ другихъ сборникахъ, а двумя звѣздочками — былины, впервые являющіяся въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенъ.

Стр.

25. Оника-воинъ 157
26. Горе 158
27. Братья — разбойники и ихъ сестра 159
*28. Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики 163
29. Князь Романъ убиваетъ жену 165
30. Князь, княгиня и старицы (Гибель оклеветанной жены) 167
31. Мать князя Михайлы губитъ его жену 169
*32. Иванъ Дородоровичъ и Софья-царевна 173
33. Князь Дмитрій и его невѣста Домна 175
*34. Жданъ-царевичъ 177
**35. Смерть царицы (Настасьи Романовны) 182
36. Кострюкъ 184
37. Иванъ Грозный и его сынъ 190
38. Смерть Ивана Грознаго 194
39. Смерть Михайлы Скопина 196
40. Осада Соловецкаго монастыря 197
*41. Шведская война при Екатеринѣ II 201

Б) *Старины Зимняго берега.*

**42. Исцѣленіе Ильи Муромца 205
**43. Илья Муромецъ въ изгнаніи и Идолище 215
44. Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ 220
45. Илья Муромецъ и разбойники 228
46. Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ 230
**47. Алеша, переодѣвшись каликою, убиваетъ Тугарина 234
48. Князь Борисъ Романовичъ (Данило Ловчанинъ) 238
*49. Идолище сватается за племянницу князя Владиміра 242
*50. Князь Глѣбъ Володьевичъ 251
51. Волхъ Святославьевичъ (Всеславьевичъ) 255
52. Василій Богуславьевичъ 261
53. Голубинная книга 273
**54. Разбойникъ Илья, кумъ темный 277
*55. Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ 280
*56 Купеческая дочь и царь 281
57. Мать и дочь въ татарскомъ плѣну 289
58. Взятіе Казани и казнь царя Симеона 291
**59. Похороны Сеньки Разина 293
*60. Семейная жизнь Петра I 296
II. *Крюкова*, Марѳа Семеновна 304
61. Святогоръ и Илья Муромецъ 305
62. Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши 312
**63. Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ 324
64. Алеша освобождаетъ изъ плѣна сестру 329
65. Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ) 335
III. *Крюковъ*, Гаврило Леонтьевичъ 342
66. Святогоръ и Илья Муромецъ 343
67. Исцѣленіе Ильи Муромца 344
68. Первая поѣздка Ильи Муромца 345
69. Илья Муромецъ, разбойники и Идолище 352

Стр.
70. Бой Ильи Муромца съ сыномъ 358
71. Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ 364
*72. Женитьба Добрыни 369
73. Добрыня и Змѣя 372
74. Михайло (Потыкъ) 379
75. Дунай 389
76. Михайло Игнатьевичъ (Даниловичъ) 401
77. Василій (Игнатьевичъ), пьяница 409
78. Иванъ Годеновичъ 414
*79. Идолище сватается за племянницу князя Владимира 423
*80. Князь Глѣбъ Володьевичъ 429
*81. Камское побоище 434
82. Сорокъ каликъ со каликою 444
83. Соломанъ и Иванъ (Василій) Окульевичъ 450
84. Смерть царицы (Настасьи Романовны) 456
85. Кострюкъ 459
**86. Орсёнко (Аксёнко) 463
IV. *Васильева*, Анна Ивановна 465
87. Чурило и невѣрная жена . . . . . —
88. Небылица 467
89. Егорій Храбрый и его мучитель 468
V. Рукопись покойной Устиньи Крюковой 469
90. Осада Соловецкаго монастыря 470

Верхняя Зимняя Золотица.

VI. *Пономаревъ*, Ѳедоръ Тимоѳеевичъ 473
91. Исцѣленіе Ильи Муромца 474
92. Илья Муромецъ и Идолище 475
93. Алеша и сестра Збродовичей 476
*94. Камское побоище 478
95. Сотко 491
96. Сорокъ каликъ со каликою 493
VII. *Чекалевъ*, Власъ Ивановичъ 499
97. Илья Муромецъ и разбойники 500
98. Илья Муромецъ на заставѣ 502
**99. Бой Добрыни съ Дунаемъ 505
100. Потыкъ 508
101. Дюкъ 515
102. Козарушко (Козаринъ) 518
103. Чурило и невѣрная жена 520
*104. Камское побоище 523
105. Сорокъ каликъ со каликою 524
**106. Иванъ Грозный 528
VIII. *Сидуновъ*, Ѳедоръ Парѳеновичъ 530
107. Первая поѣздка Ильи Муромца 531
IX. *Прыгуновъ*, Иванъ Прокопьевичъ 536
108. Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ . . . . . —
X. *Точилова*, Марья Сергѣевна 540
109. Дунай . . . . . —

Стр.
110. Козарушко (Козаринъ) 547
111. Мать князя Михайлы губитъ его жену. 549
XI. *Бурая*, Анна Пудовна, и *Лыткина*, Анна Ивановна . . . 553
112. Неудавшаяся женитьба Алеши . . . . —
113. Дюкъ. 556
114. Братья-разбойники и ихъ сестра. 559
115. Князь, княгиня и старицы (Гибель оклеветанной жены). 561
116. Небылица. 563
Словарь мѣстныхъ и старинныхъ словъ 565
Указатель предметовъ. 579
Указатель именъ. 597
Списокъ былинъ по содержанію, съ указаніемъ параллелей въ другихъ изданіяхъ 611
Напѣвы былинъ №№ 63 и 75. 618

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Интересъ къ изученію памятниковъ русскаго народнаго творчества, характеризующій XIX столѣтіе, увѣнчался въ самомъ концѣ его удачными поисками эпической старины въ Архангельской губерніи, изъ которой до послѣдняго времени лишь немногія былины попали въ сборники. Раньше поѣздокъ, предпринятыхъ въ эту губернію въ 1898—1900 годахъ двумя молодыми этнографами А. В. Марковымъ и А. Д. Григорьевымъ, намъ было извѣстно около 30 былинъ, записанныхъ въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи, въ уѣздахъ Шенкурскомъ, Онежскомъ, въ г. Мезени и въ селеніи Зимняя Золотица на берегу Бѣлаго моря. Сравнивая архангельскій инвентарь былинныхъ сюжетовъ съ олонецкимъ въ 1894 году, въ моей статьѣ „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ“ (Журн. М. Н. Пр. № 5), я могъ въ то время констатировать, что въ Архангельской губерніи неизвѣстны былины о многихъ богатыряхъ, каковы: Михаилъ Потыкъ, Соловей Будимировичъ, Ставръ, Иванъ Гостиный сынъ, Сухманъ, Вольга, Микула Селяниновичъ, Святогоръ-Самсонъ, Чурила и оба новгородскіе типа Садко и Василій Буслаевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предположить, что былины о нѣкоторыхъ изъ этихъ богатырей еще найдутся впослѣдствіи, такъ какъ Архангельская губернія далеко не такъ обстоятельно изслѣдована по части народной поэзіи, какъ Олонецкая. Мои надежды на то, что былинная традиція въ этой губерніи не изсякла съ 60-хъ годовъ, къ которымъ относились послѣднія записи былинъ, оправдались въ 1898

году, когда А. В. Маркову, проведшему лишь нѣсколько дней въ селеніи Зимняя Золотица на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, удалось записать отъ „сказателя“ Крюкова пять прекрасныхъ былинъ (№№ 71, 72, 73, 76 и 78). Случайная экскурсія г. Маркова доказала, что въ этомъ селеніи, въ которомъ священникъ Розановъ въ 60-хъ годахъ записалъ 6 №№-въ былинъ, онѣ „сказываются“ еще доселѣ, и что отъ болѣе продолжительнаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ можно ожидать обильныхъ находокъ въ области эпическихъ пѣсенъ. Дѣйствительно, когда въ слѣдующемъ году г. Марковъ провелъ въ двухъ селахъ Зимней Золотицы (Нижней и Верхней) около мѣсяца, онъ записалъ въ теченіе этого времени такое множество былинъ, что пѣсенный матеріалъ только одной этой волости составляетъ содержаніе всего издаваемаго Этнографическимъ Отдѣломъ сборника **„Бѣломорскія былины“**. Другой членъ Этнографическаго Отдѣла А. Д. Григорьевъ, ѣздившій одновременно съ А. В. Марковымъ лѣтомъ 1899 года въ Архангельскую губернію, записалъ въ такъ наз. Поморьѣ въ нѣсколькихъ селахъ, въ числѣ другихъ народныхъ произведеній, 35 старинъ, а во вторичную поѣздку, лѣтомъ 1900 года, когда ему удалось посѣтить до 60 деревень по теченію р. Пинеги, отъ ея устья до с. Веркольскаго, и побывать въ г. Пинегѣ, число записанныхъ имъ старинъ достигло уже значительной цифры 167 №№-въ. Былинный матеріалъ, собранный г. Григорьевымъ, изготовленъ къ печати и появится въ изданіи И. Академіи Наукъ. Такимъ образомъ недавнія поѣздки обоихъ московскихъ этнографовъ обогатили былинныя записи сотнями №№-въ и вполнѣ подтвердили предположеніе, что былинная традиція въ Архангельской губерніи еще въ началѣ XX-го столѣтія не менѣе свѣжа, чѣмъ въ Олонецкой, считавшейся доселѣ „Исландіей“ нашего эпоса. По свѣдѣніямъ, собраннымъ гг. Марковымъ и Григорьевымъ, былины извѣстны въ слѣдующихъ частяхъ обширной губерніи: на Терскомъ берегу Кольскаго полуострова, на Поморскомъ (западномъ) берегу Бѣлаго моря (отъ Кандалакской губы до г. Онеги),

на Зимнемъ берегу, противоположномъ Терскому, въ г. Мезени и по всему теченію рр. Мезени и Пинеги. Въ виду того, что въ 40-хъ и 50-хъ годахъ было записано нѣсколько былинъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, можно думать, что дальнѣйшія поѣздки въ Архангельскую губернію могутъ обогатить еще новыми цѣнными записями былинный инвентарь этого края Россіи.

Въ предпосланной текстамъ былинъ статьѣ „Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря" г. Марковъ даетъ всѣ необходимыя читателю свѣдѣнія о состояніи былевого эпоса въ обслѣдованной имъ мѣстности, о бытовыхъ условіяхъ, содѣйствовавшихъ сохраненію „старинъ", объ отраженіи въ послѣднихъ чертъ мѣстной природы и быта, о сказателяхъ, сказательницахъ и проч. Поэтому, напутствуя совершенный г. Марковымъ трудъ, я, съ своей стороны, считаю своей обязанностью сказать нѣсколько словъ о томъ, о чемъ молодой этнографъ по вполнѣ понятнымъ мотивамъ не могъ распространяться.

Мнѣ пріятно, какъ старому профессору, видѣть въ г. Марковѣ одного изъ даровитѣйшихъ моихъ учениковъ и продолжателя предпринятыхъ мною работъ по детальной разработкѣ вопросовъ русской эпической старины. Я замѣтилъ въ Алексѣѣ Владиміровичѣ уже въ первый годъ его пребыванія въ Университетѣ живую любовь къ русской народной поэзіи и отличное знакомство особенно съ лирическими пѣснями, которыхъ онъ зналъ множество и по сборникамъ, и по собственнымъ записямъ. Посѣщеніе лекцій по русской народной словесности, читаемыхъ мною на 3-мъ курсѣ, и участіе въ практическихъ занятіяхъ въ той же области на 4-мъ курсѣ подготовили г. Маркова къ самостоятельной работѣ въ излюбленномъ имъ отдѣлѣ русской словесности, а постоянное участіе въ засѣданіяхъ Этнографическаго Отдѣла и сотрудничество въ журналѣ „Этнографическое Обозрѣніе" расширили въ немъ историко-этнографическій интересъ. Уже въ первую свою этнографическую поѣздку въ Архангельскую губернію въ 1898 г., г. Марковъ отправился

на работу вполнѣ подготовленнымъ этнографомъ-филологомъ съ полнымъ знаніемъ всего нашего былиннаго инвентаря и съ практическимъ умѣньемъ записывать народныя пѣсни вполнѣ научно, съ соблюденіемъ особенностей говора и склада стиха. Эти свойства его записей я могъ отмѣтить, издавъ съ моими замѣчаніями (во 2-й кн. IV т. Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Ак. Наукъ 1899 г.) первыя пять былинъ, привезенныхъ имъ изъ Зимней Золотицы. Тою же отчетливостью и добросовѣстностью записи отличаются всѣ былины настоящаго сборника. Лучшихъ записей былинъ, не исключая и записей Гильфердинга, мы не имѣемъ, и это одно уже составляетъ немалое достоинство **„Бѣломорскихъ былинъ“**.

Сборникъ А. В. Маркова содержитъ былинный инвентарь двухъ районовъ, хотя собиратель записывалъ „старины“ только въ одной Золотицкой волости на Зимнемъ берегу. Объясняется это тѣмъ, что путешественнику удалось въ селеніи Зимняя Золотица познакомиться съ замѣчательною сказательницей Аграфеной Крюковой, которая, происходя родомъ съ Терскаго берега и обладая огромной памятью, знала отчетливо весь запасъ старинъ, извѣстныхъ на ея родинѣ. Почти половина былинъ издаваемаго сборника была записана г. Марковымъ отъ Крюковой. Ея удивительная память сохранила 60 старинъ, содержащихъ, по счету г. Маркова, до 10,300 стиховъ, и въ этомъ отношеніи ни одинъ изъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ сказателей не можетъ быть поставленъ съ нею на ряду. Пользуясь ея показаніями, г. Марковъ выдѣлилъ изъ ея репертуара въ особую группу тѣ старины, которыя она принесла съ Терскаго берега на Зимній (№№ 1—41). Прочія „старины“ сборника, записанныя отъ нея и другихъ мѣстныхъ сказателей, составляютъ инвентарь Зимней Золотицы.

Типическую особенность архангельскихъ старинъ, какъ замѣтитъ читатель, составляетъ ихъ сжатость и содержательность. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отличаются отъ олонецкихъ, особенно отъ былинъ пріонежской группы,

которыя переполнены повтореніями и достигають нерѣдко тысячи стиховъ и болѣе. Былины Терскаго и Зимняго берега обыкновенно укладываютъ даже довольно сложный разсказъ въ 150—200 стиховъ. Въ издаваемомъ сборникѣ не болѣе 12 №№-въ переходятъ за 300 стиховъ и только 5 за 400. Отсутствіе растянутости, нисколько не вредящее при томъ полнотѣ эпическихъ деталей, значительно возвышаетъ ихъ интересъ для всякаго любителя народной поэзіи. Но лица, ближе интересующіяся народной былиной и изучающія ее спеціально, найдутъ въ сборникѣ г. Маркова много новыхъ и цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Въ настоящее время намъ извѣстны многія сотни былинъ въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга, Барсова, Тихонравова-Миллера, но число отдѣльныхъ сюжетовъ въ этихъ сотняхъ записей сравнительно не велико, лишь нѣсколько десятковъ. Такъ, огромный сборникъ Гильфердинга, содержащій 318 №№-въ, почти не прибавилъ новыхъ былинныхъ сюжетовъ къ извѣстнымъ раньше. Поэтому нельзя не видѣть особенной удачи въ томъ, что г. Марковъ записалъ нѣсколько вполнѣ новыхъ старинъ, которыя до сихъ поръ не встрѣчались прежнимъ собирателямъ. Эти впервые издаваемыя старины составляютъ лучшее украшеніе его сборника и даютъ новый матеріалъ для изслѣдователей народнаго эпоса. Такова, напримѣръ, записанная въ двухъ варіантахъ (№№ 49 и 79) обширная былина т. наз. Владимірова цикла, разсказывающая о томъ, какъ Идолище сватается за племянницу князя Владиміра Мареу Митревну, и какъ послѣдняя, отъѣзжая въ его страну на кораблѣ, посредствомъ хитрости избавляется отъ ненавистнаго жениха. Совершенно нова былина (№ 50 и 80) о новгородскомъ князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ и его столкновеніи съ Маринкой Кайдаловкой. Интересная былина (№ 81) „Камское побоище", напечатанная г. Марковымъ въ 1900 г., уже послужила ему матеріаломъ для отдѣльной статьи. Былина (№ 72) „Женитьба Добрыни", записанная г. Марковымъ еще въ первую его поѣздку въ Зимнюю Золотицу и изданная мною

въ 1899 г., представляетъ также unicum въ нашемъ эпосѣ. Къ доселѣ неизвѣстнымъ старинкамъ можно еще причислить: № 55 (Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ), № 56 (Купецъ, дочь и царь), № 32 (Иванъ Дородоровичъ и Софья царевна), № 34 (Жданъ-царевичъ), № 99 (Бой Добрыни съ Дунаемъ).

Кромѣ названныхъ *новыхъ* сюжетовъ г. Маркову удалось записать нѣсколько такихъ старинъ, которыя особенно цѣнятся изслѣдователями, какъ сравнительно рѣдко встрѣчающіяся. Таковъ отличный варіантъ (№ 11) былины о подвигѣ богатыря Сухматія (Сухмантія, Сухмана); двѣ записи былины о богатырѣ-малолѣткѣ Михаилѣ Даниловичѣ или Игнатьевичѣ (№№ 12 и 76); четыре—о богатырѣ Козарушкѣ, иначе Михаилѣ Петровичѣ (№№ 16, 17, 102 и 110), полныя новыхъ мотивовъ; о князѣ Борисѣ Романовичѣ (№ 48)=Данилѣ Ловчанинѣ, о Святогорѣ и Ильѣ Муромцѣ (№ 61) и друг. Даже въ широкоизвѣстныхъ былинныхъ сюжетахъ, вошедшихъ и въ архангельскій репертуаръ, знатокъ эпоса подмѣтитъ нерѣдко новые мотивы, интересныя детали и новыя второстепенныя лица. Такъ, напримѣръ, въ перечисленіи богатырей является какой-то Пересмяка со племянникомъ (см. №№ 1, 7, 42). Въ былинѣ № 65 Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ), этотъ эпическій женихъ, является въ необычной роли богатыря, прирубая татаръ и невѣрнаго царища Грубіанишша, сватавшагося за его невѣсту во время его отъѣзда. Въ своеобразныхъ чертахъ изображенъ въ былинѣ № 19 Чурило Пленковичъ. По обилію новыхъ мотивовъ особенно интересна былина № 18 о князѣ Романѣ и женѣ его Марьѣ Юрьевнѣ, имѣющая весьма мало общаго съ другими былинами о тѣхъ же лицахъ. Не менѣе интересна по своей второй половинѣ былина объ Алешѣ и сестрѣ Бродовичей (№ 7), содержащая рядъ мотивовъ, неизвѣстныхъ другимъ былинамъ этого сюжета. Замѣчательной полнотой въ деталяхъ отличается старина о походѣ Волха Святославьевича въ Индію (№ 51), пожалуй, лучшій изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ варіантовъ. Много новаго и интереснаго содержитъ рѣдкая старина (№ 54) про разбойника Илью и кума

темнаго. Своеобразно разработанъ въ былинѣ (№ 61) о Святогорѣ и Ильѣ Муромцѣ мотивъ женитьбы Святогора, а былины (№ 74 и 100) о Михаилѣ (Потокѣ) Игнатьевичѣ представляютъ новую редакцію этого широко распространеннаго сюжета.

Замѣчательной полнотой отличаются историческія пѣсни изъ цикла Ивана Грознаго (№№ 35, 36, 37, 38, 58, 84, 85, 106), а также пѣсни о смерти Михаила Скопина (№ 39), объ осадѣ Соловецкаго монастыря (№ 40 и 90) и друг. Но интереснѣйшій unicum среди историческихъ пѣсенъ представляетъ № 60 „Семейная жизнь Петра I-го". Въ этой обширной пѣснѣ (въ 316 стиховъ) мы находимъ въ своеобразной народной переработкѣ біографическія данныя: рожденіе Петра I-го, женитьбу его на Настасьѣ-королевичнѣ (=Евдокіи), рожденіе царевича Ѳедора (=Алексѣя), столкновеніе отца съ сыномъ, являющимся сторонникомъ старой вѣры, смерть царевича, постриженіе его матери въ монастырь, занятіе Петра плотничествомъ, знакомство съ Екатериной Алексѣевной и вторичную женитьбу. Вообще мы увѣрены, что **„Бѣломорскія былины"** по разнообразію содержанія и новизнѣ нѣкоторыхъ сюжетовъ займутъ выдающееся мѣсто среди сборниковъ эпическихъ пѣсенъ и дадутъ изслѣдователямъ-спеціалистамъ новый и обильный матеріалъ для разработки.

Въ виду научнаго интереса сборника А. В. Маркова, Этнографическій Отдѣлъ съ готовностью включилъ его въ серію своихъ изданій и надѣется, что появленіе **„Бѣломорскихъ былинъ"** встрѣтитъ сочувствіе во всѣхъ любителяхъ русской народной поэзіи.

Считаю также своей обязанностью принести искреннюю благодарность дѣйствительному члену И. О. Л. Е. А. и Э. А. А. Левенсону, предоставившему Отдѣлу возможность напечатать **„Бѣломорскія былины"** въ типографіи Т-ва А. А. Левенсонъ на льготныхъ условіяхъ.

Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла

25 января 1901 г. *Всев. Миллеръ.*

Отъ собирателя.

Выпуская въ свѣтъ свою книгу, я считаю долгомъ выразить глубокую благодарность Этнографическому Отдѣлу ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, способствовавшему моей поѣздкѣ въ Архангельскую губернію, и предсѣдателю Отдѣла Всеволоду Ѳедоровичу Миллеру, принимавшему живое участіе при изданіи собраннаго мною матеріала. Кромѣ того, я сердечно признателенъ В. В. Пасхалову, записавшему по моей передачѣ былинныя мелодіи, и въ особенности Н. В. Васильеву, любезно взявшему на себя неблагодарный трудъ составленія указателей.

Когда началось печатаніе сборника, къ собраннымъ мною былинамъ предполагалось присоединить записи, сдѣланныя А. Д. Григорьевымъ въ 1899 году въ Поморьѣ. Но впослѣдствіи г. Григорьевъ рѣшилъ свои былины выпустить въ свѣтъ отдѣльной книгой. Поэтому ссылки въ моей вступительной статьѣ (стр. 4, 5, прим. 1, стр. 7) на записи г. Григорьева, при настоящемъ составѣ сборника, являются излишними.

Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря.

Въ августѣ 1898 г. мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ селѣ Зимней Золотицѣ, на восточномъ берегу Бѣлаго моря. Счастливый случай свелъ меня здѣсь съ хорошимъ „сказателемъ“, крестьяниномъ Крюковымъ, отъ котораго въ короткое время я записалъ 5 прекрасныхъ былинъ [1]). Изъ разговоровъ съ крестьянами я узналъ, что въ Золотицѣ можно найти нѣсколькихъ мастеровъ и мастерицъ „сказывать старины“. Я тогда же рѣшилъ еще разъ посѣтить это село, чтобы записать всѣ былины, какія тамъ найдутся. Въ іюнѣ 1899 г., отправляясь на сѣверъ, я думалъ начать свои разысканія въ двухъ селахъ Зимней Золотицы (Нижняя и Верхняя), а затѣмъ съѣздить на Терскій берегъ и въ Мезѐнь, такъ какъ я располагалъ достаточнымъ временемъ—около 1 мѣсяца. Но въ Золотицѣ оказалась такая богатая жатва по части собиранія былинъ, что я принужденъ былъ ограничить районъ своей поѣздки одной Золотицкой волостью. Основываясь на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о положеніи былевого эпоса на нашемъ крайнемъ сѣверѣ; но предварительно я укажу на географическое распространеніе былинъ въ Архангельской и отчасти Вологодской губерніяхъ, пользуясь какъ тѣмъ, что извѣстно по этому вопросу въ литературѣ, такъ и свѣдѣніями, добытыми мною у крестьянъ во время двухъ поѣздокъ.

Начну съ крайняго сѣверо-запада. По словамъ золотицкихъ стариковъ, на Мурманѣ не поютъ старинъ, потому что колонистовъ тамъ немного, а пріѣзжимъ молодымъ промышленникамъ, безъ отдыха работающимъ цѣлое лѣто, совершенно нѣтъ времени распѣвать длинныя и протяжныя

---

[1]) Онѣ были изданы съ замѣчаніями проф. В. Ѳ. Миллера въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“, т. IV (изд. 1899 г.), кн. 2. и перепечатываются здѣсь.

старины. Извѣстный путешественникъ г. Максимовъ въ своемъ „Годѣ на сѣверѣ“ (ч. I, гл. VIII, по III изд. стр. 210) приводитъ разговоръ въ партіи мурманскихъ промышленниковъ, представляющій прекрасную иллюстрацію къ свидѣтельству золотицкихъ крестьянъ.

„Вечоръ... Гришутка... намъ насказалъ бывальщинъ... Такъ это тебѣ пѣлъ, да все по церковному, и ко всякому-то слову складъ прибиралъ:.. Князь Романъ Митріевичъ младъ простился со своей княгиней... и поѣхалъ... нѣмчовъ донимать: „что̀ молъ вы теперича подать перестали платить? Мнѣ, говоритъ, и то, и сё,—деньги надо, нѣмча̀ некрещеная. Поганый молъ вы народъ, и разговоровъ терять не хочу съ вами!“. И какъ нѣтъ его дома годъ, нѣтъ и другой. Схватили его что-ли?—Гришутка-то, вишь, не знаетъ.— Вотъ теперича сожительница его и выходитъ это на крылецъ и видитъ,—бѣжитъ изъ-за моря изъ-за синя три черныехъ три кàрабля. Она, вишь, и заплакала, да такъ складно и жалостливо“.

Итакъ, въ 1856 г. одинъ изъ мурманскихъ покрученниковъ пѣлъ среди промышленниковъ былину о князѣ Романѣ и женѣ его Марьѣ Юрьевнѣ (въ моихъ записяхъ № 18); но товарищамъ его показалось очень удивительнымъ, какъ онъ „ко всякому-то слову складъ прибиралъ“; они даже не знаютъ, что такое онъ поетъ, и называютъ его старины „бывальщинами“. Очевидно, въ 50-хъ годахъ рѣдко можно было услышать былину на Мурманѣ.

Относительно Терскаго берега я слышалъ отъ золотицкихъ крестьянъ, что тамъ поютъ старины вездѣ, кромѣ села Поноя. Это мнѣ показалось весьма загадочнымъ [1]); но потомъ дѣло случайно разъяснилось. На пароходѣ я встрѣтился съ нѣсколькими понойскими жителями, которыхъ по одеждѣ нельзя было бы отличить отъ богатыхъ подмосковныхъ крестьянъ; прислушиваясь къ ихъ разговору, я замѣтилъ, что и говоръ ихъ почти не отличается отъ московскаго. Тутъ же одинъ крестьянинъ мнѣ сообщилъ, что предки русскаго населенія Поноя [2]) переселились изъ „Москвы“, т. е. изъ центральной Россіи. Перенявши у мѣстнаго населенія нѣкоторыя „бывальщины“ (сказки реаль-

---

[1]) Крестьяне объясняли это тѣмъ, что въ Понои и его окрестностяхъ живетъ обрусѣвшая „лопь“.

[2]) Понойскій погостъ съ лопарскимъ населеніемъ существовалъ еще въ XVI вѣкѣ (Извѣстія Географическаго Общ. по отд. Этнографіи, т. II, 650, 672).

наго, не фантастическаго содержанія), названія вѣтровъ и кое-какія особенности языка [1]), московскіе выходцы не измѣнили своей этнографической физіономіи и даже не научились мѣстнымъ старинамъ. Начиная съ Пя́лицы былины извѣстны на всемъ протяженіи Терскаго берега. 42 изъ записанныхъ мною старинъ (№№ 1—41, 89) принесены въ Золотицу изъ селъ: Пя́лицы, Чапомы́, Стрѣльны, Тѐтрины, Ча́ваньги и Ку́зомени; въ Кузомени же большею частью проживаетъ замѣчательная пѣвица былинъ, слѣпая Маремьяна Ефимовна Нѣмчинова; по временамъ она бываетъ и въ другихъ селахъ Терскаго берега: въ Ва́рзухѣ, въ Чаваньгѣ.

Терскій берегъ непосредственно примыкаетъ къ т. н. Поморью, простирающемуся отъ с. Ка́ндалакши до г. Онеги [2]). Здѣсь также, по словамъ золотицкихъ крестьянъ, поютъ старины. Дѣйствительно, двѣ былины записаны г. Максимовымъ въ Калгалакшѣ [3]); въ Кемскомъ же уѣздѣ выучилъ нѣсколько былинъ одинъ изъ олонецкихъ сказителей Никитинъ (*Гильфердингъ*, Онежскія былины, біограф.

---

[1]) Вотъ подмѣченныя мною слова и формы: новóй (иной), нать (надо), ишшé (ещё), правдѣдъ, кéбовать или кóйбовать (колдовать, предсказывать—о лопарскихъ колдунахъ); окон. твор. мн. именъ прилагат. -ма, вм. -ми. Оканья почти не замѣтно.

[2]) Г. *Максимовъ* („Годъ на с.“, по III изд. стр. 277 и др.) ограничиваетъ Поморье пространствомъ отъ Онеги до Кеми, а берегъ отъ Кеми до Кандалакши называетъ Корельскимъ. Послѣдняго названія мнѣ нигдѣ не приходилось слышать. Въ Золотицѣ и на Терскомъ берегу про Корелу слышали только въ былинѣ о Дюкѣ, и не знаютъ, чтò это за страна. Въ Золотицѣ опредѣляютъ Поморье такъ, какъ я указалъ; изрѣдка назовутъ поморкой и „терчанку“.

[3]) *Кирѣевскій*. Пѣсни, V, 92, 96. Можетъ быть, одна изъ нихъ ведетъ свое происхожденіе съ Топозера, озера, находящагося въ Кемскомъ у. Г. Максимовъ сообщаетъ въ *Живой Старинѣ* (т. VII, вып. I, стр. 52): „Старуха съ Топозера распѣвавшая мнѣ былины въ деревушкѣ Поньгамѣ, на берегу Бѣлаго моря,... жалобится: нудно ей въ ладъ попадать; сказываетъ, что память у нéй стала—какъ рѣшето“. (Одна пѣсня объ Иванѣ Грозномъ записана имъ отъ старухи Архангельской губ.—*Кирѣевскій*, VI, 119—120). Описывая свой путь изъ Кеми въ Кереть, тотъ же изслѣдователь („Годъ на с.“, ч. I, гл. VI, по III изд. стр. 144) говоритъ: „Подъ воскресенье..., на середу и пятницу по вечерамъ... пѣсня... и то только на настойчивый спросъ и просьбу, замѣняется плаксиво выпѣваемый *стариной* про Егорья-свѣта Храбра, про Романа Митріевича млада, про царя Ивана Грознаго, про сонъ Богородицы и про другое прочее; но зато уже такихъ *старинъ* нигдѣ, кромѣ сѣвера, не услышишь“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 97) г. Максимовъ называетъ „божественными старинами“ вообще стихи, „чтò калики перехожіе по ярморкамъ поютъ“.

XXXI); въ одной былинѣ изъ Олонецкой губ. (ів., № 103= *Рыбниковъ*, Пѣсни, II, 197 и слѣд.) вмѣсто новгородцевъ играютъ роль „мужики городо-кемскіе“; вѣроятно, эта былина зашла въ Заонежье также изъ Поморья. Въ записяхъ А. Д. Григорьева читатель найдетъ старины изъ селъ: Колежмы, Нюхчи и изъ деревни Каменихи, близъ г. Онеги. Въ Онегѣ и ея окрестностяхъ въ 50-хъ годахъ записывали былины Верещагинъ и свящ. Ивановскій [1]).

На всемъ протяженіи Лѣтняго берега до сихъ поръ не было записано ни одной былины; но на Зимнемъ берегу оказался весьма богатый и разнообразный эпическій репертуаръ. Здѣсь, въ с. Зимней Золотицѣ еще раньше меня, въ 60-хъ годахъ записывалъ былины свящ. Розановъ [2]). Окрестности города Мезени и все теченіе рѣки того же имени считаются въ Золотицѣ главнымъ средоточіемъ старинъ. Я могу указать и на прямые факты, потверждающіе такой взглядъ: нѣсколько старинъ, записанныхъ мною, занесены въ Золотицу изъ села Койды, на Мезенскомъ берегу, и изъ мѣстностей, лежащихъ вверхъ по теченію Мезени; въ с. Долгая Щель, по словамъ золотицкихъ стариковъ, есть замѣчательный сказатель [3]) Ѳедоръ Антоновичъ Широкій; въ городѣ Мезени 4 былины записаны г. Никольскимъ [4]). Такимъ образомъ, былины распространены почти по всему побережью Бѣлаго моря и Мезенскаго залива.

Есть у меня также нѣкоторыя свѣдѣнія относительно существованія былинъ по сѣвернымъ рѣкамъ. Отъ золотицкихъ крестьянъ я узналъ о томъ, что старины поютъ

---

[1]) *Кирѣевскій*, I, 52, 86; II, 11; III, 41, 58; IV, 49, 72.

[2]) *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, Русскія былины, II, 9, 60, 115, 172, 246, 283.

[3]) Пѣвцы былинъ называются 1) *сказителями* въ Олонецкой губ. (въ Мелентьевской волости Каргопольскаго у. *росказйтелями* называютъ сказочниковъ; былины тамъ не извѣстны); 2) *сказдтелями* въ Золотицѣ, 3) *посказателями* въ Якутской области (Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXIX—XXX, 74). На Терскомъ берегу для нихъ нѣтъ особаго термина. Въ старину сказателями назывались проповѣдники, какъ видно изъ начальной фразы слова Кирилла Туровскаго: „Велика учителя и мудра сказателя требуеть церкви на украшеніе праздника“ (Памятники росс. слов. XII в., изд. *Калайдовичемъ*. М. 1821. стр. 18); въ такомъ же смыслѣ встрѣчается это слово въ одномъ приказѣ 1652 г. царя Алексѣя Михайловича, гдѣ упоминаются „духовные богословцы и и сказатели Писанія божественнаго“ (*Пыпинъ*, Ист. р. лит. II, 364, прим.). См. также Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, *Срезневскаго*, слова: *гусль* и *казатель*.

[4]) *Тихонравовъ* и *Миллеръ* II, 25, 102, 179, 255.

по всему теченію р. Мезени. и по р. Пинегѣ [1]), а одинъ крестьянинъ Сольвычегодскаго у. Вологодской губ. сообщилъ мнѣ, что въ селѣ Верхней Тоймѣ (на р. Двинѣ) и въ окрестныхъ селеніяхъ былины еще поются стариками. Въ сосѣднемъ уѣздѣ Архангельской губ.—Шенкурскомъ [2]), былины были извѣстны въ 40-хъ и 50-хъ годахъ: здѣсь было записано 16 №№ Борисовымъ, Харитоновымъ и Кузьмищевымъ. Правда, относительно 7 былинъ Харитонова, помѣщенныхъ въ IV вып. „Пѣсенъ" *Кирѣевскаго* (стр. 1—49, 51—2), сказано, что онѣ записаны въ Архангельскомъ уѣздѣ; но въ виду того, что 1) одна изъ этихъ былинъ (стр. 6) записана въ другой разъ Кузьмищевымъ и напечатана съ помѣткою „Архангельск. губ., Шенкурскаго уѣзда" (I, 46), что 2) двѣ другія записи (II, 83; VI, 132+143) обоихъ собирателей оказались тожественными и что 3) всѣ пѣсни Харитонова, кромѣ указанныхъ 7 былинъ, помѣчены Шенкурскомъ или Шенкурскимъ уѣздомъ (II, 45, 67; III, 81; V, 3; VI, 98, 156),—нужно думать, помѣтка „Архангельскій уѣздъ" ошибочно поставлена, вмѣсто—„Архангельская губернія". Намъ неизвѣстно, какъ называли былины пѣвцы Шенкурскаго уѣзда, сообщавшіе ихъ корреспондентамъ Кирѣевскаго; но одинъ крестьянинъ, записывавшій въ Шенкурскѣ народныя сказанія для Борисова, называлъ „побывальщинками" не только сказки, но и былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-Разбойникѣ, о Калинѣ [3]), и притомъ не пѣлъ ихъ а „сказывалъ" словами. Вѣроятно, въ Двинскомъ бассейнѣ былины не очень распространены. Экспедиціи Географическаго общества удалось записать на всемъ протяженіи Двины только одну былину [4]). Одинъ крестьянинъ изъ Тотемскаго уѣзда, которому приходилось не разъ проѣхать всю Двину, до Архангельска, говорилъ мнѣ, что только однажды онъ слышалъ, какъ кто-то пѣлъ объ Ильѣ Муромцѣ изъ села Карачарова; но сказки о богатыряхъ и пѣсни объ Ермакѣ ему приходилось слышать нерѣдко. Былинъ не поютъ и въ устьѣ Двины, напр., въ деревнѣ Исаковой Горѣ, черезъ которую я проѣзжалъ; не знаютъ ихъ

---

[1]) Одну былину изъ Пинежскаго у. читатель найдетъ въ записи г. Григорьева, № 6.

[2]) Отъ села Верхней Тоймы до Шенкурска по прямому направленію около 105 верстъ.

[3]) См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. XXXV, 131—2; ср. *Кирѣевскій*, I, 77.

[4]) Въ Тотемскомъ у. См. Пѣсни русск. нар., *Истомина* и *Ляпунова*. Спб. 1899.

и на о. Му́дьюгѣ лежащемъ въ Двинской губѣ, о чемъ мнѣ сообщали въ Золотицѣ. Изъ этого очерка распространенія былинъ въ Архангельской губ. можно заключить, что въ будущемъ должно разсчитывать на новыя цѣнныя находки лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой губерніи: на Терскомъ берегу, въ Поморьѣ, на Мезенскомъ берегу и по рѣкамъ Мезени и Пинегѣ [1].

Мои записи обнимаютъ собою двѣ мѣстности, рѣзко отличающіяся одна отъ другой по характеру своего населенія: Зимній берегъ и Терскій. И золотицкіе крестьяне, и А. М. Крюкова, „терчанка“, у которой я записывалъ старины (ея біографія подъ цифрой I), согласно признаю́тъ эту разницу. Населеніе Зимняго берега отличается отважностью, презрѣніемъ къ опасностямъ морского плаванія и звѣроловныхъ промысловъ; на Бѣломъ морѣ извѣстно, что „нѣтъ старательнѣе золотицкаго народа — промышленный народъ“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается открытымъ обращеніемъ, рѣзкой, бойкой рѣчью и чуждъ всякой застѣнчивости. Терчаны (сужу о нихъ по отзывамъ золотицкихъ крестьянъ и А. М. Крюковой), наоборотъ, не любятъ опасныхъ и рискованныхъ предпріятій, напр., не ѣздятъ на Му́рманъ и на далекій зимній промыселъ морскихъ звѣрей, а ловятъ ихъ только у Терскаго берега; не занимаются торговлею съ Норвегіей; семгу предпочитаютъ ловить больше въ рѣкахъ, чѣмъ на морѣ. По характеру они отличаются терпѣливостью, сосредоточенностью и мягкостью въ обращеніи какъ въ семьѣ, такъ и въ народѣ [2]). Есть значительная разница и въ говорѣ крестьянъ Терскаго и Зимняго берега. Все это указываетъ на то, что колонизація этихъ мѣстностей шла въ разныхъ направленіяхъ; всего естественнѣе думать, что населеніе Терскаго берега явилось туда изъ Поморья, а Зимній берегъ былъ населенъ переселенцами съ р. Двины. Такое предположеніе объясняло бы и разницу эпическаго достоянія этихъ двухъ мѣстностей, обнаруживающуюся какъ

---

[1]) Но, во всякомъ случаѣ, утвержденіе г. Истомина, будто „въ Арханг. губ. былина—явленіе рѣдкое“ (*Истоминъ* и *Дютшъ*, Пѣсни р. нар. Спб. 1894. стр. XIII), не имѣетъ за собою никакихъ основаній.

[2]) Г. Максимовъ (Годъ на сѣв., по III изд. стр. 266) такъ характеризуетъ „добрый и привѣтливый народъ Терскаго берега“: „стóитъ только обокраденному мужичку заявить о пропажѣ въ церкви послѣ обѣдни,—воръ или вынужденный обстоятельствами похититель непремѣнно скажется. Довѣрчиво смотрятъ всѣ Терскіе, откровенно высказываютъ все свое сокровенное... Гостепріимство и угощенія доведены здѣсь до крайней степени добродушія“.

въ сюжетахъ старинъ, такъ и въ пріемахъ творчества. Не имѣя возможности останавливаться на мелкихъ пріемахъ описаній, я разсмотрю только былинные репертуары Терскаго берега (№№ 1—41, 89) и Зимней Золотицы (остальные №№).

Репертуаръ перваго района примыкаетъ ближайшимъ образомъ къ репертуару Поморья. И тамъ, и здѣсь мы находимъ: 1) Три поѣздки Ильи Муромца; 2) Бой Ильи М. съ сыномъ; 3) Неудавшуюся женитьбу Алеши; 4) Дуная; 5) Туровъ; 6) Козарина; 7) Князя Романа съ Марьей Юрьевной; 8) Михайлу Даниловича; 9) Хотѣна; 10) Садка (см. у г. Григорьева біографію XIV); 11) Егорія Храбраго; 12) Онику-воина; 13) Братьевъ разбойниковъ съ ихъ сестрой; 14) Вдову съ ея дочерью и сыновьями-корабельщиками; 15) Князя, княгиню и старицъ; 16) Мать князя Михайлы; 17) Князя Дмитрія съ его невѣстой Домной; 18) Смерть царицы (Настасьи Романовны); 19) Кострюка [1]); 20) Ивана Грознаго съ его сыномъ [2]); особенно сильно связываетъ эти два района присутсвіе и въ томъ, и въ другомъ 5 рѣдкихъ старинъ (5—7, 14, 18), неизвѣстныхъ въ Олонецкой губ.

Отъ терско-поморскаго репертуара былинъ весьма отличается былинный репертуаръ мѣстностей, лежащихъ на востокъ отъ Бѣлаго моря,—на Зимнемъ берегу, на побережьѣ, прилегающемъ къ Мезенскому заливу, и по теченію Мезени. Всѣ эти мѣста объединяются въ одинъ былинный районъ благодаря постоянному сношенію ихъ жителей между собой. Нерѣдко крестьяне Зимняго берега, промышляя морскихъ звѣрей, встрѣчаются съ мезенскими промышленниками у о. Моржовца и на западномъ берегу полуострова Канина; въ Золотицу приходятъ работники съ р. Мезени, а золотицкая молодежь ходитъ въ покруты на Мезенскій берегъ. Отсюда является обмѣнъ былинами. Такъ, золотицкій сказатель Крюковъ (III) нѣсколько былинъ выучилъ, когда нанимался покрученникомъ въ с. Койду, на Мезенскомъ берегу, а нѣкоторыя былины перенялъ у крестьянъ, прихо-

1) Записи этой старины изъ Поморья см. у *Кирѣевскаго*, VI, 116, 120.

2) Къ этому числу можно присоединить старины олонецкаго сказителя Никитина, который, какъ упомянуто выше (стр. 3), выучилъ часть своего репертуара въ Поморьѣ. Всѣ его старины, кромѣ Ивана Гостинаго сына, (7) извѣстны А. М. Крюковой. Въ такомъ случаѣ, къ перечню старинъ, общихъ Поморью и Терскому берегу, должно прибавить 21. Первую поѣздку Ильи Муромца (у Крюкокой въ составѣ Трехъ поѣздокъ, № 1), 22. Илью Муромца съ Калиномъ, 23. Сорокъ каликъ со каликою и 24. Горе.

дившихъ покрученниками въ Золотицу съ верхняго теченія Мезени; отъ другихъ „мезенцевъ“ перенимали старины покойный братъ Крюкова и его внучка (II). Репертуаръ этого района—назовемъ его Задвинскимъ—представляетъ особенно много сюжетовъ, неизвѣстныхъ въ Олонецкой губ.—таковыхъ оказывается 13 изъ 37 сюжетовъ [1]), содержащихся въ моихъ записяхъ. По сравненію съ олонецкимъ и сибирскимъ репертуарами, репертуаръ Задвинскаго района занимаетъ промежуточное мѣсто въ томъ отношеніи, что ему извѣстны какъ былины, входящія въ олонецкій репертуаръ но неизвѣстныя въ Сибири [2]), такъ и наоборотъ, входящія въ сибирскій репертуаръ, но неизвѣстныя въ Олонецкой губ. [3]). Съ другой стороны, 10 былинъ, неизвѣстныхъ ни одному изъ этихъ двухъ репертуаровъ [4]), позволяютъ выдѣлить Задвинскій районъ въ особую самостоятельную область.

Обращаюсь къ состоянію былевого эпоса въ обслѣдованныхъ мною двухъ селахъ Зимней Золотицы [5]). Прежде всего я постараюсь уяснить причины, способствовавшія сохраненію тамъ весьма значительнаго количества былинъ.

Первымъ необходимымъ условіемъ процвѣтанія былевой поэзіи является досугъ. Для того, чтобы пропѣть только

---

[1]) Къ этому числу надо прибавить старину о Горѣ и загадочную былину о сынѣ Чурилушка Перемётковича и Опраксеи Коромысловны, которыя мнѣ не удалось записать (см. ниже, списокъ сказателей).

[2]) Илья Муромецъ и царь Любовъ, Ссора Ильи съ княземъ, Бой Добрыни съ поленицей и женитьба на ней, Бой Добрыни съ Дунаемъ, Святогоръ и Илья, Горе, Соломанъ и Василій Окульевичъ.

[3]) Илья Муромецъ и разбойники (отдѣльно отъ поѣздокъ), Бой Алеши, переодѣтаго каликой, съ Тугариномъ, Алеша освобождаетъ изъ плѣна сестру, Козаринъ.

[4]) Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ, Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ, Женитьба Добрыни (№ 72), Идолище сватается за племянницу князя Владиміра, Князь Глѣбъ Володьевичъ, Князь Борисъ Романовичъ, Камское побоище, Илья Муромецъ и Мамай, Алеша и сестра Збродовичей, Купцова дочь и царь.

[5]) Поселеніе на р. Золотицѣ возникло не ранѣе XVI вѣка. Книга Большаго Чертежа, упоминающая „градъ Пустоезеро“, основанный въ 1499 г. не указываетъ ни одного поселенія на всемъ протяженіи Зимняго берега (Записки И. Р. Географическаго Общ. по отд. этнографіи, т. VII, стр. 203—4,232); но возможно, что села Золотицы не было и въ XVI—XVII вѣкахъ, такъ какъ Книга составлена на основаніи грамотъ именно этого времени. По преданіямъ крестьянъ, Золотицу основали „новогородци“, которые переселялись туда „отовсюль“; нѣкоторые семьи выводятъ своихъ родоначальниковъ изъ Новгорода и съ береговъ Двины.

одну былину, требуется нерѣдко часъ, два и болѣе времени; но вѣдь запоминается она не сразу, нужно ее прослушать раза 3; между тѣмъ хорошіе сказатели знаютъ по нѣскольку десятковъ старинъ. Сколько же надо потратить времени, чтобы овладѣть такимъ обширнымъ репертуаромъ? Дѣйствительно, у золотицкихъ крестьянъ много свободнаго времени и притомъ такого, которое нечѣмъ заполнить. На лѣто многіе крестьяне уѣзжаютъ ловить семгу въ промысловыя избушки, разсѣянныя по берегу моря въ нѣсколькихъ верстахъ одна отъ другой, и живутъ совершенно изолированно по трое, иногда даже безъ женщинъ. Сидя по нѣскольку часовъ сряду въ ожиданіи улова, промышленники имѣютъ возможность перенять другъ у друга громадный запасъ старинъ, „сказываніе" которыхъ разнообразитъ ихъ невольный скучный досугъ. Лучшіе три сказателя, прослушанные мною: Крюковъ, Пономаревъ и Чекалевъ, съ дѣтскихъ лѣтъ занимаются ловлею семги на морѣ; послѣдній прямо говорилъ, что онъ перенялъ старины на тоняхъ. На тоняхъ же А. М. Крюкова слушала старины у своего двоюроднаго брата (см. №№ 26 и 38). Зимніе промыслы также оставляютъ свободное время для пѣнія старинъ. Крюковъ большую часть своего репертуара заучилъ въ то время, когда онъ, сначала въ качествѣ работника, а потомъ—самостоятельнаго члена артели, промышлялъ морскихъ звѣрей. Сами крестьяне говорили мнѣ, что старины чаще всего услышишь на промыслахъ, причемъ къ указаннымъ выше занятіямъ они прибавляли охоту на звѣрей, когда охотники, обыкновенно двое, отправляются на недѣлю или на двѣ въ лѣсъ и тамъ живутъ въ избушкахъ. Дома же старины можно услышать только отъ женщинъ, и то большею частью постомъ. Какъ выше упомянуто, теченіе Мезени въ Золотицѣ считается главнымъ центромъ былиннаго мѣстонахожденія. На мой вопросъ, чѣмъ объяснить такое богатство старинъ въ этой глухой сторонѣ, одинъ старикъ сказалъ, что тамъ населеніе рѣдкое, а мѣстъ для рыбной ловли очень много, и промышленникамъ приходится проводить долгое время вдали отъ дома, въ избахъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой по берегу моря и около озеръ.

Уже Гильфердингъ [1]) указалъ, что занятія нѣкоторыми

---

[1]) Онежскія былины, II изд., т. I, стр. 17—8,23.

ремеслами способствуютъ распространенію былинъ, такъ какъ даютъ время для ихъ пѣнія. Это мнѣніе подтверждается и моими наблюденіями. Правда, изъ опрошенныхъ мною сказателей только одинъ, Чекалевъ, серьёзно занимается сапожнымъ ремесломъ; но что касается сказательницъ, то онѣ всѣ рукодѣльничаютъ: большинство изъ нихъ работаетъ на ткацкомъ станкѣ (дочери Крюковой, Точилова и др.), а самая лучшая сказательница А. М. Крюкова [1]) постоянно занимается сученіемъ бичевокъ и плетеніемъ изъ нихъ сѣтей. Впрочемъ, она не пренебрегаетъ и хозяйствомъ, а также рыбной ловлей, которою вообще золотицкія женщины занимаются наряду съ мужчинами.

Вторымъ условіемъ сохраненія былинъ въ населеніи является малое развитіе въ немъ грамотности, которая, расширяя умственный горизонтъ и возбуждая новые интересы, отвлекаетъ вниманіе отъ несложныхъ эпическихъ памятниковъ старины. Дѣйствительно, въ Золотицѣ до сихъ поръ обученіе въ школахъ очень мало распространено, а въ старину, когда не было еще школъ, единственными проводниками грамотности были два скита: Игнатьевскій и Онуфріевскій, находящіеся въ 60 и 100 верстахъ отъ Золотицы и разоренные въ концѣ царствованія Николая I. Въ этихъ скитахъ училось (конечно, самымъ примитивнымъ образомъ; ср. рукопись старины подъ № 90) очень немного народа, такъ какъ учившіеся должны были жить тамъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Изъ 11 лицъ, прослушанныхъ мною, грамотными оказались плохіе сказатель и сказательница—Сѣдуновъ и Лыткина, и только одна порядочная пѣвица Марѳа Крюкова, внучка покойнаго знаменитаго сказателя Василія Леонтьевича Крюкова, который также умѣлъ читать и писать, выучившись грамотѣ въ Онуфріевскомъ скиту.

Третьимъ важнымъ условіемъ сохраненія былинъ должно быть присутствіе интереса къ этимъ памятникамъ старины, не заглушаемаго животрепещущими событіями или распространеніемъ болѣе интересныхъ формъ поэтическаго творчества. И въ этомъ отношеніи посѣщенная мною мѣстность соединяетъ въ себѣ всѣ элементы, благопріятные для сохраненія традиціоннаго эпоса. Занесенное судьбою на крайній сѣверъ, населеніе бѣломорскаго побережья всегда жило вдали отъ политическихъ и культурныхъ центровъ и, ко-

[1]) Ея 60 старинъ заключаютъ въ себѣ, по моему счету, около 10.300 стиховъ.

нечно, не могло принимать близко къ сердцу ихъ жизнь, отголоски которой доходили до него медленно и въ слабой степени [1]). Даже теперь, съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ устройствомъ почты и телеграфа на значительной части пространства, отдѣляющаго Зимній и Терскій берегъ отъ Москвы и Петербурга, даже теперь всероссійскія новости доносятся до Бѣлаго моря нескоро и не производятъ большого впечатлѣнія на крестьянъ; прежде сѣверяне, очевидно, были отчуждены отъ центровъ еще въ большей степени. Въ центральной Россіи Москва, задавая тонъ поэтическому творчеству, выработала историческія пѣсни, которыя могли замѣнить собою старыя былины; на Дону и на Уралѣ казацкая жизнь, полная треволненій, также давала пищу для новыхъ формъ эпоса. Но на крайній сѣверъ изъ этихъ новинокъ проникла самая незначителчная часть [2]), и населеніе довольствовалось старымъ, вынесеннымъ изъ Новгородской земли эпосомъ, только слегка примѣняя его къ своей природѣ и своему быту.

Наконецъ, четвертымъ условіемъ сохраненія былевой поэзіи должно быть сочувствіе ея идеаламъ и пониманіе ея типовъ. Въ этомъ отношеніи сѣверный крестьянинъ былъ поставленъ въ особенно благопріятныя условія. Живя вдали отъ крѣпостного права, онъ, по прекрасному выраженію Гильфердинга (Он. был., по II изд. стр. 7), „не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того“, продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, „что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?“ Если приглядѣться къ крестьянину Зимняго берега, то окажется, что ему долженъ быть понятенъ типъ независимаго „эпическаго богатыря“, такъ какъ онъ ни передъ кѣмъ не „чувствуетъ себя рабомъ“. Отношеніе золотицкихъ крестьянъ къ заѣзжему горожанину совсѣмъ не то, что отношеніе нашего мужика къ барину. Они относятся къ человѣку высшаго сословія какъ къ равному,—не унизятся передъ нимъ, но не откажутся и охранить его

[1]) Особенно это относится къ Зимнему и Терскому берегу, населеніе которыхъ не ѣздитъ на Мурманъ, откуда обыкновенно идутъ новыя пѣсни и новыя моды.

[2]) Количество записанныхъ мною московскихъ и казацкихъ историческихъ пѣсенъ (10 пересказовъ), сравнительно съ количествомъ другихъ старинъ, совершенно ничтожно.

интересы, въ случаѣ покушенія на нихъ со стороны другихъ, хотя бы своихъ же односельчанъ. При встрѣчѣ они слегка кивнутъ ему головою, не снимая шапки, и назовутъ его такъ же, какъ своего крестьянина—„молодцомъ“ или „мужикомъ“, но ни въ какомъ случаѣ не бариномъ, потому что это слово имъ даже неизвѣстно.

Нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя мною, позволяютъ предполагать, что старинные скиты также играли роль въ храненіи и распространеніи нашего эпоса; но говорить объ этомъ положительно я не рѣшаюсь, такъ какъ самъ я не былъ ни въ одномъ изъ такихъ скитовъ. Документально мнѣ извѣстно, что въ Онуфріевскомъ скиту пѣли много духовныхъ стиховъ, между прочимъ и Голубиную книгу (№ 53), которая считается за старину. Одна учившаяся тамъ старуха, среди рукописей которой я нашелъ нѣсколько стиховъ, а также старину объ осадѣ Соловецкаго монастыря, писанную около 1814 г. (№ 90), говорила мнѣ, что въ кельяхъ пѣли и про князя Владиміра. Покойный сказатель Василій Крюковъ (о немъ см. въ біогр. II) и хорошая сказательница Точилова (X) выучили нѣкоторыя старины въ томъ же скиту; къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, какія именно старины и отъ кого они переняли. Можетъ быть, серьёзные и благочестивые сюжеты, дѣйствительно, пользовались популярностью въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ чисто-національныхъ скитахъ, которые допускали въ свои кельи народные стихи и старины, въ противоположность оффиціальной церковности [1]), бывшей большею частью суровой гонительницей какъ христіанскихъ легендъ, признанныхъ ею апокрифическими, такъ въ особенности и народной поэзіи.

Теперь я перехожу къ современному состоянію былинной традиціи въ Зимней Золотицѣ. Старины здѣсь поются какъ мужчинами, такъ и женщинами: насколько я могъ узнать, въ обоихъ селахъ можно найти 11 сказателей и 13 сказательницъ [2]), такъ что число женщинъ-пѣвицъ превышаетъ число мужчинъ; мнѣ пришлось записывать старины также болѣе у крестьянокъ, чѣмъ у крестьянъ: первыхъ оказывается 6, а послѣднихъ—5, причемъ первыя знаютъ

---

[1]) Противоположность эта всего яснѣе видна изъ того обстоятельства, что закрытіе сѣверныхъ скитовъ состоялось въ эпоху провозглашенія извѣстныхъ принциповъ: самодержавія, *православія* и народности.

[2]) Списокъ пѣвцовъ, отъ которыхъ старинъ не записано, помѣщенъ въ концѣ статьи.

не менѣе старинъ, чѣмъ вторые. Самый обширный репертуаръ оказался также у женщины, правда, родомъ съ Терскаго берега, А. М. Крюковой. Въ распредѣленіи сюжетовъ трудно указать какую-нибудь разницу между полами; скорѣе, разница въ этомъ отношеніи существуетъ между лицами, обладающими болѣе и менѣе обширнымъ репертуаромъ, а именно: первыя не любятъ короткихъ, а также общеизвѣстныхъ старинъ. Старины поются большею частью пожилыми людьми отъ 40 до 60 лѣтъ, но заучиваютъ ихъ обыкновенно, еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ, обѣ Крюковы, мать и дочь, начали перенимать старины съ 8—9 лѣтъ; А. М. Крюкова до 18 лѣтъ, когда она жила на Терскомъ берегу, заучила 41 старину, а съ 18 до 45 лѣтъ— только 19; Васильева заучивала старины дѣвочкой лѣтъ 10; въ молодости, именно, лѣтъ 17-ти, перенималъ старины и замѣчательный сказатель Гаврило Крюковъ.

Такой способъ передачи старинъ отъ одного поколѣнія другому объясняетъ сравнительную сохранность, въ какой донесли до насъ золотицкіе сказатели старыя былины: онъ сокращалъ количество звеньевъ, связывающихъ современные тексты съ болѣе ранними, такъ какъ наиболѣе важныя измѣненія въ нихъ совершались, очевидно, при передачѣ. Другой фактъ, объясняющій архаичность записанныхъ мною старинъ, это—почтеніе, съ которымъ относятся сказатели къ содержанію ихъ. А. М. Крюкова прямо говорила, что проклятъ будетъ тотъ, кто позволитъ себѣ прибавить или убавить что-нибудь въ содержаніи старинъ. Уваженіе крестьянъ къ старинамъ и сказателямъ настолько извѣстно, что я не считаю нужнымъ на немъ останавливаться; отмѣчу только тотъ фактъ, что крестьяне считаютъ знаніе былинъ признакомъ талантливости и какъ-бы образованности. Одинъ старикъ говорилъ о себѣ и нѣсколькихъ другихъ крестьянахъ не знавшихъ былинъ: „вотъ, мы никуда не годимся, ничему не учились;—никакого проку въ насъ нѣтъ“ [1]).

Отношеніе къ содержанію разсказа сказателей и другихъ крестьянъ, слушателей,—двоякаго рода: съ одной стороны, они хотятъ показать вамъ, какъ образованному человѣку, что не вѣрятъ всему, что поется въ старинѣ, и самый

[1]) Оригинальное мнѣніе существуетъ относительно происхожденія старинъ: А. М. Крюкова слышала на Терскомъ берегу повѣріе, будто „затюрёмщики укладываютъ старины и сказки; имъ скучно сидѣть,—отъ скуки имъ и станетъ приноситься“.

процессъ пѣнія называютъ враньемъ: „онъ много тебѣ наврётъ!“; но съ другой стороны, во время сказыванія старинъ у нихъ срываются съ языка замѣчанія, показывающія, съ какимъ довѣріемъ они относятся къ ихъ содержанію. Когда одинъ сказатель пѣлъ о томъ, что Соловей разбойникъ глотаетъ по цѣлому богатырю съ конемъ (№ 107), слушатели замѣтили: „кака пасть!“, а по поводу того, что Илья направилъ стрѣлу въ правый глазъ Соловья, послышалось замѣчаніе: „небольша мѣточка“. Чудесныя свойства богатырей обыкновенно объясняются тѣмъ, что они были не такой народъ, какъ теперщніе люди,—ѣли, пили, спали, дрались не по нашему. Нѣсколько критическое отношеніе къ содержанію старинъ я замѣтилъ только у А. М. Крюковой; но и она не довѣряетъ лишь нѣкоторымъ частностямъ, въ общемъ признавая достовѣрнымъ содержаніе не только старинъ, но отчасти и сказокъ. Такъ, она недовѣрчиво отнеслась къ разсказу старины, что изъ крови Дуная протекла рѣка (№ 10). Иногда у нея является только сомнѣніе въ правдѣ того, что она поетъ. Напр., относительно того, что Егорью Храброму выпалъ конь изъ тучи (№ 24), она вопросительно замѣтила: „врака́ поется?“; но когда я передавалъ ей разсказъ Пономарева, что конь выпалъ Ильѣ Муромцу (№ 91), она стала утверждать, что, какъ всѣмъ извѣстно, конь выпалъ Егорью. Иногда она весьма основательно критикуетъ текстъ своихъ же старинъ. Пропѣвши о томъ, что крестоваго брата Василія Богуславьевича „во многихъ старинахъ скажутъ“ (№ 52), она отвергнула эту подробность: „врака́, всё-таки въ одной“. Относительно старины о шведской войнѣ при Екатеринѣ II (№ 41) она замѣтила: что врака̀, будто царица была въ Москвѣ; она царила въ Петербургѣ.

По обилію сказателей и разнообразію былинныхъ сюжетовъ обслѣдованная мною мѣстность принадлежитъ къ выдающимся. Кажется, нигдѣ не было найдено такого множества старинъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ поселеній. Въ двухъ селахъ Зимней Золотицы, заключающихъ въ себѣ около 170 дворовъ, можно найти, какъ я указалъ выше, не менѣе 24 сказателей и сказательницъ; такимъ образомъ, одно изъ такихъ лицъ приходится дворовъ на 7. Нѣкоторые былинные герои пользуются такой популярностью, что дѣти, какъ говорила А. М. Крюкова, называютъ себя въ играхъ ихъ именами: „я—Васильюшко Бо-

гуславьевичъ, я—Илья Муромецъ“. Несмотря на это, есть признаки, указывающіе на недолговѣчность былинной традиціи. По словамъ 77-милѣтняго сказателя Крюкова (III), въ старину сказателей было больше; тогда только и забавы было, что слушать старины да биться кулачнымъ боемъ. Теперь же онѣ понемногу выводятся; младшее поколѣніе болѣе любитъ читать или слушать сказки и повѣсти. Я могу указать только 3—4 сказательницъ, которымъ менѣе 30 лѣтъ; большинство же пѣвцовъ и пѣвицъ—люди пожилые.

Передача старинъ отъ одного поколѣнія другому въ Золотицѣ, какъ вездѣ, гдѣ сохранились былины, совершенно случайна. Не только нѣтъ людей, которые спеціально занимались бы сказываньемъ старинъ и этимъ снискивали себѣ пропитаніе, но и въ записанныхъ мною текстахъ нѣтъ слѣдовъ, указывающихъ на профессіональныхъ пѣвцовъ. Если сказатель обращается къ своимъ слушателямъ, то называетъ ихъ „братцами“; про себя онъ говоритъ обыкновенно въ единственномъ числѣ:

Ай мнѣ спѣть, мнѣ-ка старинушку старинную (№ 37);

или:

Старинѣ скажу конецъ,—больше нечего мнѣ спѣть (№ 28).

Къ былинѣ онъ приступаетъ обыкновенно просто, безъ прелюдій; если же и вносится въ нѣкоторыхъ пересказахъ прибаутка, то она не имѣетъ никакого отношенія къ личности пѣвца или пѣвицы. Такъ, Бурая начинаетъ старину о князѣ, княгинѣ и старицахъ (№ 115) слѣдующимъ началомъ „погудки“, извѣстной ей и въ отдѣльномъ видѣ (№ 116):

Старину-то сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою.
Еще это вѣдь чудо, братцы,—не чудо;
Еще есть-то какъ чудышко чуднѣй того.

Но Васильева (см. біограф. IV), а также Крюкова (№ 30), съ Терскаго берега, сказываютъ эту старину безъ прибаутки. Весьма распространенная прибаутка [1]), въ которой пѣвцы, выражая почтеніе своимъ слушателямъ, говорятъ,

---

[1]) Ею начинаются одна бѣлорусская колядка (Этногр. Обозр. 1895 г., № 2, стр. 28=*Лобода*, Русскій богат. эпосъ, 99=*Владиміровъ*, Введеніе въ Ист. Русс. Слов., 85) нѣсколько былинъ (*Кирѣевскій*, I, 19, 20, 31) и пѣсня о московскомъ пожарѣ (ib. VII, 31, Прил., 126—7; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣст. и плем. Кавказа, XV, 82; *Истоминъ* и *Ляпуновъ*, Пѣсни русск. нар. Спб. 1899, стр. 171).

что имъ не дорого угощеніе, а дорога бесѣда, состоящая изъ добрыхъ и умныхъ людей,—въ сѣверной передѣлкѣ совершенно измѣняетъ смыслъ комплимента слушателямъ и въ былинѣ о первой поѣздкѣ Ильи Муромца (№ 107) является въ такомъ видѣ:

Намъ не дорого ни злато да чисто сёребро,
Дорога наша любовь да молодецкая:
Да какъ злато-то, сёребро минуется—
Дорога наша любовь не позабудется [1]).

И эту прибаутку прибавляютъ къ былинѣ посредственный сказатель Ѳ. Сѣдуновъ (VIII) и Н. А. Лыткина (см. списокъ сказателей, 7); лучшіе же сказатели: Крюковъ (№ 68) и Пономаревъ [2]), непосредственно приступаетъ къ содержанію старины:

А какъ первая была поѣздка Ильи Муромца
А изъ Мурома до Кіева, и проч.

Только одну прибаутку, прибавленную къ старинѣ А. М. Крюковой объ убійствѣ Иваномъ Грознымъ своего сына (№ 37), можно считать унаслѣдованною изстари на томъ основаніи, что она существуетъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и въ другихъ варіантахъ этой старины. Вотъ эта прибаутка:

Ай мнѣ спѣть, мнѣ-ка старинушку старинную,
Что старинную, старинушку бывалую,
Про того-ли спѣть царя, царя московскаго,
Про Ивана-та спѣть все про Васильевича.

Начало этой прибаутки показываетъ, что старина поется сказателемъ для себя; между тѣмъ какъ изъ записи той же старины въ Новгородской или Пермской губ. [3]) видно, что тамъ старина когда-то пѣлась нѣсколькими лицами по приказанію хозяина:

Прикажи, господи, [4]) намъ старину сказать.

---

[1]) Подобная прибаутка встрѣчается въ двухъ пѣсняхъ изъ Архангельской губ.: въ одномъ отрывкѣ изъ яко-бы свадебной пѣсни у *Истомина* и *Ляпунова*, 126 и въ рождественской обрядовой пѣснѣ у *Ефименка*, Матеріалы по Этногр. русск. нас. Арханг. губ. II, 95, № 2.

[2]) Его пересказъ помѣщенъ у *Тихонравова* и *Миллера*, II, 9.

[3]) *Кирѣевскій*, VI, 66; ср. *Гильфердингъ*, № 129, ст. 7—10.

[4]) Въ подлинникѣ „Господи“; но, очевидно, это—обращеніе къ господину, хозяину; можетъ быть, здѣсь пропущено *н* подъ вліяніемъ слѣдующаго „*намъ*“.

Присутствіе традиціонныхъ прибаутокъ въ былинахъ указываетъ на среду профессіональныхъ пѣвцовъ—скомороховъ и каликъ, отъ которыхъ онѣ перешли къ крестьянамъ нѣкоторыхъ губерній. Но населеніе Зимняго и Терскаго берега не могло непосредственно перенять старины ни отъ скомороховъ, которые, конечно, не заходили на крайній сѣверъ Россіи, ни отъ каликъ, которые хотя бываютъ зимою на Зимнемъ берегу, но поютъ только духовные стихи, да и тѣхъ, по словамъ крестьянъ, знаютъ немного.

Какъ извѣстно, въ текстахъ былинъ весьма замѣтно личное вліяніе, вносимое пѣвцомъ. Вліяніе это сказывается между прочимъ въ складѣ стиха. Прослушанные мною сказатели настолько свыклись съ обычнымъ былиннымъ размѣромъ, что вносятъ его и въ такія старины, которыя, какъ видно изъ другихъ варіантовъ, были сложены совсѣмъ другимъ размѣромъ. Особенно это замѣтно въ старинахъ А. М. Крюковой, которая пѣла былиннымъ складомъ старины о Кострюкѣ (№ 36), о Голубинной книгѣ (53), о матери и дочери въ татарскомъ плѣну (57), о взятіи Казани (58), похоронахъ Сеньки Разина (59) и рожденіи Петра I (начало № 60); такимъ же складомъ пѣлъ о Кострюкѣ (№ 106, вторая половина) Чекалевъ, между тѣмъ какъ Крюковъ сохранялъ въ этой старинѣ (№ 85) ея оригинальный скоморошій размѣръ. Насколько легко сказатели передѣлываютъ всякій размѣръ на обычный былинный ладъ, показываетъ слѣдующій случай. Послѣ того какъ репертуаръ двухъ сказательницъ, пѣвшихъ мнѣ старины вмѣстѣ, Бурой и Лыткиной (XI), уже истощился, онѣ, желая получить еще гонорара, своимъ обычнымъ былиннымъ напѣвомъ запѣли слѣдующее:

Изъ-за горъ-то, да горъ да крутыхъ, высокúхъ,
Изъ-за лѣсу-то, лѣсу тёмного,
Изъ-за тёмненького-то лѣсу дрёмуцёго
Выбѣгаётъ-то конь, да лошадь добрая,
Лошадь добренькая была неѣзжáлая,
Неѣзжалая лошадоцька постухмённая [1]),
Да слуга-та моя, братцы, праворучная...

И такимъ складомъ онѣ пропѣли всю эту пѣсню, весьма извѣстную въ Золотицѣ, но обладающую другимъ размѣромъ:

---

[1]) По объясненію пѣвицъ, послушная.

Изъ-за горъ-то, горъ высокiихъ,
Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго
Выбѣгаетъ конь, добрá лошадь, и пр. [1]).

Подобнымъ же образомъ, въ качествѣ старины онѣ хотѣли спѣть мнѣ пѣсню: „У отца было три сына любимые [2])"; но я отказался ее записать, зная, что это—рекрутская, лирическая пѣсня и потому не можетъ претендовать на названiе старины.

Личность пѣвца проявляется также въ томъ, что онъ, запомнивши въ одной старинѣ извѣстный фактъ, напр., личность, географическое названiе, оригинальный эпитетъ, эпическiй прiемъ описанiя, переноситъ этотъ фактъ въ другую старину, а иногда и въ цѣлый рядъ старинъ, что̀, конечно, облегчаетъ ему ихъ запоминанiе. Перенесенiе является особенно удобнымъ при сходствѣ положенiй, въ которыхъ оказывается переносимый фактъ. Такимъ образомъ вырабатываются извѣстные типы человѣка, города, рѣки, утвари и т. п. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ перенесенiй, обусловливающихъ собою выработку типическихъ былинныхъ героевъ. Васька Торокашка Замо́рянинъ представляетъ типъ помощника властителя, насильно добывающаго себѣ жену. Въ репертуарѣ А. М. Крюковой онъ исполняетъ слѣдующiя порученiя: 1) увозитъ жену Соло́мана для царя Василiя Окульевича (№ 23), 2) похищаетъ жену князя Романа для царища Грубiянища (№ 18), 3) въ качествѣ посла приходитъ отъ Идолища и требуетъ у князя Владимира его племянницу замужъ за своего господина (49), 4) въ качествѣ помощника деспота, ищущаго себѣ жену, губитъ князя Бориса и старается достать Владимиру жену убитаго (48). Торокашко является также въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Баданѣ (3), но уже въ другой обстановкѣ, и потому пѣвица не называетъ его здѣсь ни Васькой, ни Заморяниномъ. Подобнымъ же образомъ царище Грубiянище (Дiоклетiанъ) изъ старины объ Егорьѣ Храбромъ (№ 24) перенесенъ въ старину о князѣ Романѣ (18).

---

[1]) Варiанты въ Великор. нар. пѣсняхъ, *Соболевскаго*, I, 278—295.

[2]) Варiанты въ Русскихъ пѣсняхъ, *Якушкина*, 99; въ Пѣсняхъ Самарскаго края, *Варенцова* 189; въ „Утрѣ" (1859 г.), 193; въ Бытѣ русск. нар. *Терещенка*, II, 405; въ Сборникѣ памят. нар. тв. въ Сѣв.-Зап. краѣ, 8; въ Пѣсняхъ пинчуковъ, *Довнара-Запольскаго*, 126, № 546.

Маринка Кайдаловка въ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Волбдьевичѣ (50) является любовницей Ильи Муромца; отсюда она со всѣми своими аттрибутами перенесена въ былину о боѣ Ильи съ сыномъ (4); поэтому оказалось, что мать Подсокольника беретъ громадную пошлину съ кораблей князя Владимира, а самъ Подсокольникъ захватываетъ сотню русскихъ судовъ съ корабельщиками и матросами. Въ старинахъ Г. Л. Крюкова распространеннымъ типомъ насильника является Идолище: онъ завладѣваетъ Царьградомъ (№ 69), подступаетъ къ Кіеву съ громаднымъ войскомъ (81); пытается насильно взять замужъ племянницу Владимира (79) и, наконецъ, является соперникомъ Дуная (75), претендуя на руку его невѣсты. Особенно оригиналенъ типъ князя, который женится 90-а лѣтъ отъ роду. Сказательница Васильева (см. ея біограф., IV) знаетъ старину о князѣ Михайлѣ, который женился 90-а лѣтъ; въ былинѣ о Дунаѣ, его соперникъ князь Данило Бѣлый сватается на дочери Задонскаго короля, и Данилѣ оказывается тоже 90 лѣтъ.

Конечно, выработка подобныхъ типовъ происходила въ устахъ не одного только сказателя, отъ котораго записаны старины, но и его предшественниковъ. Нѣкоторые типы распространены въ цѣломъ былинномъ районѣ, а такіе прочно установившіеся типы, какъ города Кіевъ и Черниговъ, рѣки Нѣпра и Пучай, Леванидовъ крестъ, Алатырь-камень, князь Владиміръ, Опраксія, наконецъ, типы главныхъ богатырей, пользуются извѣстностью почти вездѣ, гдѣ существуютъ былины [1]).

Мнѣ остается сказать о томъ, насколько черты мѣстной природы и быта отразились на записанныхъ мною старинахъ. Прежде всего, въ сказателяхъ сейчасъ же видно приморскихъ жителей, прекрасно знакомыхъ съ мореплаваніемъ и интересующихся всѣмъ, что касается моря. Во многихъ старинахъ [2]) описывается плаваніе кораблей по морю. Корабли отошли отъ берега; потянула способная,

---

[1]) Мнѣ кажется, что детальное изученіе эпическихъ типовъ, являющихся у отдѣльныхъ сказателей, а также въ извѣстныхъ географическихъ районахъ, прольетъ свѣтъ и на выработку теперь вполнѣ установившихся типовъ и исключитъ изъ вѣдѣнія науки туманныя параллели, приводившія въ качествѣ причинъ заключенія цѣлаго ряда былинъ въ кіевскій циклъ, въ родѣ объединенія Руси подъ властью Москвы (*Халанскій*, Великорусскія былины кіевскаго цикла, заключеніе).

[2]) №№ 3, 4, 18, 21, 23, 28, 49, 50, 65, 79, 80, 83, 95.

уносная пóвѣтерь (попутный вѣтеръ); затѣмъ пали вѣтры со всѣхъ четырехъ сторонъ: восточной, западной, сѣверной и лѣтной (мѣстныя названія); корабли метало туда и сюда и наконецъ занесло въ гавань. Подробно описывается причаливаніе къ берегу: корабельщики (капитаны) смотрятъ въ подзорныя трубы; матросы распускаютъ флаги, ронятъ и подвиваютъ паруса, спускаютъ якоря и бѣлыя модныя шлюпки, въ которыя садятся мореплаватели; затѣмъ они направляются къ лодейной пристани, пристаютъ къ плоту, идутъ по мосту въ таможню, гдѣ ихъ протаможиваютъ, или, что то же, берутъ съ нихъ пошлину. При отчаливаніи корабля, поднимаютъ булатные якоря, выпускаютъ вязки (канаты), бросаютъ ихъ на воду, развиваютъ полотняные паруса; затѣмъ корабль начинаетъ покачиваться, являются бѣлые гребни волнъ, которые „будто бѣлыя лебеди взлетываютъ“; наконецъ, скрывается берегъ:

„А какъ русская земля да потаилася,
Какъ поганая земля да замѣнилася“.

Часто описывается внутренность корабля: каюты краснаго дерева, палуба; упоминается грузъ, состоящій изъ шелковыхъ, атласныхъ и бархатныхъ матерій и разныхъ мѣховъ. На корабляхъ являются, кромѣ матросовъ, надъ которыми начальствуетъ корабельщикъ, также и водолазы. Въ двухъ старинахъ упоминается Окіянъ-море,—обычное въ Золотицѣ названіе Ледовитаго океана: 1) Илья Муромецъ досталъ лебединое перо въ серединѣ славнаго синяго моря, которое называютъ „Окіянъ-море“ (№ 45); 2) въ Голубинной книгѣ (53) говорится, что когда всплеснется Магуй-птица, Окіянъ-море взволнуется, и начинаетъ пружить (опрокидывать) гостинные (купеческіе) корабли съ заморскими товарами.

Сѣверная природа не такъ ярко проглядываетъ въ старинахъ. Но все-таки есть прямыя указанія на крайній сѣверъ; такъ, упоминается Карское море (№ 79); два пересказа былины о Чурилѣ (87 и 103), начинающіеся словами:

„Ай о вешнемъ было праздничкѣ о Троицѣ,
Нападала пороха снѣгу бѣлаго“,

ясно указываютъ на широты, подъ которыми они были записаны: въ концѣ мая, когда большею частью приходится празднованіе Троицына дня, въ Золотицѣ нерѣдко идетъ

снѣгъ. Природа сѣвера оставила нѣсколько слѣдовъ въ былинныхъ описаніяхъ, сравненіяхъ и лирическихъ отступленіяхъ. Такъ, татаринъ, подъѣзжая къ Кіеву, не спрашиваетъ ни мховъ, ни лѣсовъ (№ 3); конь Ильи Муромца перескакиваетъ черезъ болота и озера (1); сестра Алеши Поповича (64), разсуждая, куда дѣлось ея счастье, рисуетъ довольно яркую картину побережья Ледовитаго океана:

„Ты въ темнóмъ лѣсу ли, лѣсѣ заблудилося,
Во жидкúхъ ли мхахъ гдѣ, во болотахъ-то,
Во приглубистыхъ тихихъ озёрахъ-то?“

Вслѣдствіе того, что сѣверный сказатель никакъ не можетъ представить себѣ совершенно „чистое“ поле, безъ деревьевъ, является сравненіе:

„Не лѣсина въ чистóмъ полѣ шатается“;

богатырь ѣдетъ по „чистому полю“, но оно наполнено валежникомъ, какъ и всякій сѣверный лѣсъ:

„Сухо пеньице, кореньице поломалося“ (№ 14).

Такъ какъ сказатель не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о степи, то немудрено, если онъ поетъ о „степныхъ лѣсахъ Саратовыхъ“ (2).

Въ нѣкоторыхъ старинахъ отразились особенности сѣвернаго промысловаго быта. Всю жизнь имѣя дѣло съ морскими звѣрями, сказатель вводитъ обстановку звѣроловныхъ промысловъ даже въ такія старины, гдѣ она вовсе не идетъ къ дѣлу. Князя Бориса (№ 48) послали на островъ Буянъ убить кабана, который, подобно морскимъ звѣрямъ, выходитъ изъ моря; Борисъ поставилъ у моря неводъ, изловилъ звѣря и убилъ его такъ, какъ бѣломорскіе промышленники убиваютъ тюленей или бѣлухъ. Чтобы объяснить тяжесть шляпы, принадлежавшей сестрѣ Кострюка (106) и вѣсившей 30 пудовъ, сказатель говоритъ, что въ нее было вдѣлано кутило [1]), тяжесть котораго ему, конечно, хорошо извѣстна. Въ старинахъ отразились также семужій и другіе рыбные промыслы. Сейчасъ же видно рыболова въ авторѣ такихъ сравненій:

„Еще мастеръ былъ Добрыня ныркомъ ходить,
Онъ ныркомъ мастеръ ходить да посёмужьи“ (№ 5);

[1]) Орудіе, которымъ убиваютъ крупныхъ морскихъ звѣрей.

или:
„Какъ налимъ-то вкругъ вѣдь камешка все обвивается,
Какъ Василій Богуславьевичъ къ матушкѣ вѣдь все онъ ластит-
ся“ (52).

Обстановка охотничьихъ промысловъ является въ старинѣ о князѣ Романѣ (18), жена котораго, встрѣтивъ въ лѣсу полѣсника (охотника), прячется за уголъ, изъ чего видно, что въ лѣсу была промысловая изба, въ родѣ тѣхъ, какія разбросаны по всему побережью Бѣлаго моря. У полѣсника есть „подорожники“, т. е. разное печенье, взятое имъ на время охоты; подобнымъ образомъ, Козарушка (102, 110), отправляясь на заводи стрѣлять птицъ, запасается подорожниками, какъ и всякій золотицкій охотникъ.

Слѣдовъ бытовыхъ особенностей, отличающихъ жизнь крестьянъ Зимняго берега, немного. Упоминается о ѣздѣ на саняхъ лѣтомъ, которая, дѣйствительно, примѣняется въ Золотицѣ, когда къ мѣсту назначенія нельзя проѣхать воднымъ путемъ: Идолище (49), собираясь въ дорогу, говоритъ: „я въ сани сажусь“ (дѣло происходитъ лѣтомъ). Есть указанія и на домашнюю обстановку; напр., когда богатырь подъѣзжаетъ къ дому, находящееся тамъ лицо всегда „отпираетъ окошечка немножечко“ (71, 108 и др.); это объясняется тѣмъ, что въ Золотицѣ окна всегда привязываются шнуркомъ, чтобы ихъ не разбило сильнымъ морскимъ вѣтромъ, и настежь отворить ихъ нельзя. Очень часто (№№ 14, 20, 52, 56, 78) встрѣчается названіе кухарки въ смыслѣ вообще служанки [1]), потому что въ Золотицѣ всякая домашняя работница называется кухаркой. Въ двухъ старинахъ находимъ указанія и на свадебные обряды съ терминологіей, взятой изъ обыденной жизни золотицкихъ крестьянъ. Говорится о „смотрѣньѣ“ невѣсты, происходящемъ наканунѣ вѣнчанья, причемъ она называется „зарученою“; упоминается также „дѣвья плачь“, или „дѣвій столъ“ за день до смотрѣнья (№№ 6, 49, 79).

Такимъ образомъ, на старыхъ былинахъ, зашедшихъ съ юга на Бѣлое море, видна печать довольно сильной сѣверной переработки, совершавшейся путемъ примѣненія традиціонныхъ разсказовъ къ мѣстной обстановкѣ и мѣстнымъ интересамъ. Это указываетъ на свѣжесть и жизненность

[1]) Въ варіантахъ тѣхъ же былинъ, записанныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, является служанка, казачиха, работница, холопка, портомойница; но нигдѣ не упоминается „кухарка“.

былинной традиціи на Бѣломъ морѣ. Былины не сошли еще здѣсь на степень мертвыхъ обломковъ прошлаго; населеніе, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ пожилыхъ крестьянъ, не утратило пока интереса къ старинамъ и уваженія къ сказателямъ, которымъ принадлежитъ честь быть, пожалуй, послѣдними хранителями русскаго національнаго эпоса.

При выборѣ старинъ для записыванія, я руководился такими соображеніями: 1) мнѣ хотѣлось представить по возможности полный репертуаръ золотицкихъ сказателей; поэтому я не пренебрегалъ и такими старинами, которыя извѣстны въ нѣсколькихъ десяткахъ пересказовъ, напр., Братья-разбойники и ихъ сестра, Кострюкъ; 2) я старался записывать въ бо́льшемъ количествѣ варіантовъ рѣдкія старины, каковы: Алеша и сестра Збродовичей, Михайло Даниловичъ, Козарушка, Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ, 40 каликъ со каликою, Садко, или старины, досѳлѣ не бывшія въ печати. На этихъ основаніяхъ я записалъ и нѣсколько старинъ въ прозаической передачѣ. Конечно, приходилось иногда сообразоваться съ временемъ и наклонностями пѣвцовъ, которые не всегда были готовы пѣть старины Такъ, мнѣ не удалось записать у М. С. Крюковой старинъ о Волхѣ Святославьевичѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ (духовный стихъ); у Г. Л. Крюкова—о Козарушкѣ; у Пономарева—о Потыкѣ, о смерти жены Грознаго; у Бурой—о Камскомъ побоищѣ; изъ Чекалевскаго пересказа той же старины я успѣлъ записать только отрывокъ (№ 104). Съ нѣкоторыми сказателями и сказательницами мнѣ даже не пришлось познакомиться или вслѣдствіе ихъ отлучки изъ Золотицы, или вслѣдствіе нежеланія ихъ сообщать мнѣ старины.

Я привожу здѣсь списокъ такихъ лицъ со скудными свѣдѣніями о нихъ, которыя мнѣ удалось получить.

Сказатели Нижней Золотицы:

1) Александра Тита́новна (т. о. Татіоновна) Голу́бина—женщина лѣтъ 30-ти, племянница Г. С. Прыгунова (8), знаетъ Голубиную книгу.

2) Павла Семеновна Крюкова, дочь А. М. Крюковой, дѣвушка 22 лѣтъ (см. біогр. I), знаетъ довольно много старинъ, перенявши ихъ у своего дѣда, но совѣстится ихъ пѣть. У нея переняла мать №№ 45 и 57.

3) Дарья Андреевна Попова, вдова лѣтъ 45, знаетъ старины: а) про сына Цюрилушка Перемётковиця и Опраксеи Коромысловны, б) какъ Цюрило ходилъ къ Пересьмякиной женѣ, в) какъ мужъ уѣхалъ на сторону, купилъ платье... [1]) но пѣть ихъ отказалась несмотря на двукратную мою просьбу.

4) Любава (Любовь) Павловна Попова, дѣвушка 26 лѣтъ, дочь предыдущей сказательницы, выучила двѣ старины у своей матери: а) и в); въ 1899 г. нанималась на лѣто въ работницы въ другомъ селѣ.

5) Василій Өедоровичъ Онуфріевъ (прозвище Орýжьевъ) хорошій пѣсельникъ, но знаетъ и старины.

6) Филаретъ Ефимовичъ Стрѣлковъ — лѣтомъ 1899 г. уѣзжалъ въ Норвегію закупать треску; у него переняла А. М. Крюкова № 56.

Сказатели Верхней Золотицы:

7) Настасья Андреевна Лыткина, женщина лѣтъ 45 — знаетъ старины: а) „намъ не дорого не злато" (Первая поѣздка Ильи Муромца), б) „какъ старой женитце собиралсэ, наѣхалъ сѣръ горючъ камень" (Илья Муромецъ и разбойники); в) Бой Добрыни съ Дунаемъ (ср. № 99), г) Дюкъ, д) Иванъ Годеновичъ, е) Чюрилюшка, ж) „Ондрей девеноста лѣтъ" (Князь, княгиня и старицы), з) Небылица. Ея братъ помогалъ Сѣдунову пѣть старину № 107. Она спѣла мнѣ нѣсколько свадебныхъ „плачей", но старины ей пѣть не хотѣлось.

8) Доримъ Ивойловичъ (Доримедонтъ Іоилевичъ) Пономаревъ, старикъ 80 лѣтъ—отказался пѣть старины, сославшись на свою старость.

9) Григорій Степановичъ Прыгуновъ (прозв. Пáвозковъ), дядя Голубиной (1), старикъ 72 лѣтъ—замѣчательный пѣвецъ старинныхъ пѣсенъ; прежде онъ зналъ нѣсколько старинъ но теперь можетъ спѣть только одну: Чурило и жена Перемёты.

10) Иванъ Васильевичъ Спировъ—уѣхалъ на тоню ловить семгу.

11) Өедоръ Антипьевичъ Сѣдуновъ, крестьянинъ лѣтъ 50, живетъ въ работникахъ, при мнѣ уѣхалъ ловить семгу; онъ помогалъ Чекалеву пѣть № 100.

---

[1]) Это—старина о Горѣ; см. напр., въ Великор. нар. пѣсняхъ *Соболевскаго* I, 514, 521.

12) Малафей (Малахія) Васильевичъ Точиловъ.

13) Марья Степановна—считается хорошей сказательницей, но пѣть мнѣ старины отказалась.

14) Настасья Семеновна—знаетъ Небылицу и другія старины, но въ хлопотахъ по хозяйству не нашла времени спѣть ихъ мнѣ.

Роспись дней, въ которые записаны старины.

Нижняя Золотица.

Число.			№№ старинъ.
1898 г.	августа	22	76, 73, 71.
—	—	23	78, 84, 72.
—	—	24	90.
1899 г.	іюня	12	81.
—	—	13	75.
—	—	14	74, 79.
—	—	15	80, 82, 70, 66, 68, 83.
—	—	16	14, 4, 29, 17, 48, 35, 40
—	—	17	5, 22, 21, 31, 6.
—	—	18	19, 3, 12, 18, 20.
—	—	19	30, 2, 8.

Верхняя Золотица.

—	—	20	107.
—	—	21	108, 94, 96, 93, 95, 91, 92, 100.
—	—	22	103, 101, 99, 102, 97, 98, 104, 105, 106.
—	—	23	110, 109, 111, 114, 115, 116, 113.
—	—	24	112.

Нижняя Золотица.

—	—	26	36, 7, 46, 16.
—	—	27	56, 11, 25, 53, 33, 10, 9, 24.
—	—	28	87, 88, 85, 67, 69.
—	—	29	52, 51, 61, 65, 15.
—	—	30	77, 86, 47, 37, 27, 13, 1.
—	іюля	1	60, 34, 32, 43, 62.
—	—	2	59, 41, 63, 64, 54, 55, 57, 23.
—	—	3	42, 44, 26, 38.
—	—	4	89, 45, 50, 28.
—	—	5	39, 58, 49.

Относительно передачи мѣстнаго говора въ моихъ записяхъ слѣдуетъ замѣтить, что я избѣгалъ затруднять типографію и читателя пестротою транскрипціи. Такъ, я обозначалъ посредствомъ ɪ дыхательный звукъ, который золотицкіе крестьяне и А. М. Крюкова выговариваютъ близко къ малорусскому произношенію; посредствомъ чь[1]), *чя* я обозначалъ особенно мягкое *ч*, близкое къ *ць*; но мягкость звука *ц*, въ сочетаніи съ *е*, пришлось отмѣтить акутомъ: *ц́е*; кромѣ того, во избѣжаніе недоразумѣній при чтеніи, я ввелъ употребленіе *ё*.

При своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ я дѣлалъ отмѣтку: *Собир.* (собиратель); примѣчанія же безъ отмѣтки воспроизводятъ собственныя слова пѣвцовъ.

А. Марковъ.

---

[1]) Отсюда исключаются тѣ слова, въ которыхъ принято писать чь, напр., дочь; въ такихъ словахъ это написаніе не имѣетъ за собою фонетическихъ основаній.

Нижняя Зимняя Золотица.

I.

Аграфена Матвѣевна Крюкова, замужняя женщина 45-ти лѣтъ, родомъ съ Терскаго берега. Ея дѣдъ по матери Стрѣлковъ изъ села Тѣтрины переселился въ с. Стрѣльну, когда еще она состояла только изъ 3 дворовъ [1]. Здѣсь онъ въ теченіе 14-ти лѣтъ даромъ служилъ при церкви сторожемъ и старостой. Будучи самъ грамотнымъ, онъ научилъ читать и писать своихъ дѣтей—двухъ сыновей и трехъ дочерей; грамотность передавалась изъ рода въ родъ: по словамъ Крюковой, одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ такъ любилъ читать, что даже пѣсни и старины пѣлъ по какой-то рукописной книжкѣ. Но ея матери некогда было хорошо научиться грамотѣ, потому что ей, какъ старшей изъ дочерей, пришлось съ 14—15 лѣтъ принять на себя все домашнее хозяйство. Замужъ она была взята за Кожина въ село Чáваньгу, куда переѣхалъ также ея братъ Ефимъ. Здѣсь-то родилась и выросла Аграфена; здѣсь же еще въ дѣтствѣ она выучила бóльшую часть своихъ старинъ, главнымъ образомъ отъ матери и дяди, а также отъ сосѣдей и подругъ. Когда она была дѣвочкой (лѣтъ 9-ти), ей стоило одинъ разъ прослушать старину,—и она уже запоминала ее на всю жизнь; до сихъ поръ она поетъ старины, которыя переняла отъ стариковъ и старухъ, умершихъ лѣтъ 30 тому назадъ. Ея замѣчательная память не была ослаблена грамотностью, потому что ей негдѣ было научиться читать и писать: мать ея—сама еле-еле разбирала церковное письмо, а отецъ вовсе былъ неграмотный. Те-

[1] Въ 1856 г., во время проѣзда г. Максимова по Терскому брегу въ Стрѣльнѣ было 4 двора (Годъ на сѣверѣ, I, гл. IX, по III изд. стр. 224); очевидно, четвертымъ дворомъ былъ дворъ Стрѣлкова. Теперь Стрѣльна состоитъ изъ 8 дворовъ.

перь она очень жалѣетъ о томъ, что не знаетъ грамоты. На Зимній берегъ она попала такимъ образомъ: когда ей было 18 лѣтъ, буря занесла въ Чаваньгу партію золотицкихъ крестьянъ, выѣхавшихъ на весенній промыселъ за морскими звѣрями (въ февралѣ и мартѣ); тамъ промышленники провели всю весну. Одинъ изъ нихъ, Семенъ Васильевичъ Крюковъ посватался за Аграфену Матвѣевну, которая въ то время, какъ говорятъ, была очень красива. Ей не хотѣлось идти за него замужъ, и она просила родителей не выдавать ея на чужую сторону, со слезами валяясь у нихъ въ ногахъ. Но они выдали ее насильно, такъ какъ слышали о женихѣ похвальные отзывы. По словамъ А. И. Васильевой (сказательница, см. IV), товарищи стали передъ ними нахваливать Семена, „что онъ — мужикъ хорошій, что онъ—мужикъ проворый, а изъ него ничто не оказалось". Тяжело было положеніе молодой женщины въ большой семьѣ ея свекра Василія Леонтьевича, который тогда жилъ въ одномъ домѣ со своимъ братомъ Гаврилой (сказатель, см. III); особенно много она терпѣла отъ двухъ своихъ золовокъ, старыхъ дѣвицъ, и неразъ со слезами она мнѣ жаловалась, что отъ нихъ ей приходилось даже получать побои. Послѣ выхода замужъ она только одинъ разъ была на родинѣ, а теперь ее и не тянетъ туда, потому что ея родители, любимый дядя Ефимъ и бо́льшая часть другихъ родственниковъ уже умерли. Въ Золотицѣ она обогатила и безъ того обширный репертуаръ своихъ старинъ, перенявши много старинъ у своего свекра, теперь уже покойнаго, а также нѣсколько—у другихъ лицъ. Феноменальная ея память обнаруживалась, между прочимъ, въ томъ, что она поправляла мелкія ошибки въ своихъ старинахъ, пропѣтыхъ днемъ раньше: она помнила, какъ спѣла названіе какого-нибудь города или рѣки; когда встрѣчалось что-нибудь оригинальное, напр., эпитетъ: кипарисовое сѣдло, отчество Алеши: Леонтьевичъ,—она обыкновенно упоминала, въ какихъ старинахъ встрѣчаются эти особенности.

Къ содержанію старинъ она относится съ большимъ довѣріемъ, и только нѣкоторыя невѣроятныя частности позволяетъ себѣ называть „вракой"; вмѣстѣ съ тѣмъ пѣніе старинъ (какъ и стиховъ) она считаетъ весьма похвальнымъ дѣломъ, и чаще всего поетъ ихъ въ Рождественскій постъ; передъ тѣмъ какъ „сказывать" старину, она зара-

нѣе ее обдумываетъ, боясь, какъ бы не соврать, потому что, по ея словамъ, „убавишь, или прибавишь (въ содержаніи, а не въ складѣ старинъ),—таковые прокляты; а стихи-ти (т. е. если невѣрно споешь духовный стихъ)—паче". Большею частью она поетъ старины своимъ дѣтямъ, которыхъ у нея было 9 человѣкъ; но четверо умерло, и теперь осталось двѣ дѣвушки, дѣвочка 9-ти лѣтъ и 2 мальчика; обѣ взрослыя дочери переняли у нея нѣкоторыя старины (одна изъ нихъ пѣла мнѣ, см. II). При народѣ же она не любитъ пѣть и потому не пользуется славою хорошей сказательницы; въ селѣ многіе удивлялись, когда узнали, что она пропѣла мнѣ 60 старинъ: благодаря ея кроткому нраву, сосредоточенному характеру и нѣкоторой замкнутости ее считали „простоватою".

Она отличается особенною религіозностью, которая перешла къ ней отъ матери, простаивавшей, какъ она говорила, цѣлыя ночи на молитвѣ, и еще болѣе развилась послѣ замужества подъ вліяніемъ тяжелой жизни. Эта сторона ея характера отчасти отражается и въ ея старинахъ: дѣйствующія въ нихъ лица часто молятся, служатъ молебны и паннихиды. Направленіе религіозности у нея, какъ и вообще у сѣвернаго крестьянства, отличается приверженностью къ старинѣ и отвращеніемъ ко всякимъ перемѣнамъ и нововведеніямъ, такъ что по духу она—совершенная старовѣрка. Въ ея историческихъ пѣсняхъ и разсказахъ нетрудно уловить ненависть къ патріарху Никону, Алексѣю Михайловичу и отчасти къ Петру I. Когда на ея вопросъ, признаетъ ли русская церковь Никона святымъ, я отвѣчалъ отрицательно, она съ радостью стала говорить объ этомъ всѣмъ домашнимъ. Она убѣждена, что въ послѣдній разъ на землѣ священникъ отслужитъ обѣдню постарому, и тогда уже будетъ конецъ міра. Съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала она благочестивую сказку о томъ, какъ одинъ богачъ не хотѣлъ помочь своему бѣдному брату и какъ св. Николай, явившись къ нимъ, одного наставилъ на путь истины, а другого наградилъ. Великимъ постомъ и вечеромъ наканунѣ праздниковъ она любитъ пѣть духовные стихи; я у нея записалъ 11 стиховъ, которые она выучила у матери, дяди Ефима, тетки Матрены Кипріановны, свекра и сосѣдки Маѳы Ларіоновны. Кромѣ старинъ и стиховъ, она знаетъ нѣсколько сказокъ, напр., объ Иванѣ Гостиновѣ (мотивъ Василисы Премудрой, дочери мор-

ского царя), о Лазорѣ Лазоревичѣ, о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра I отъ разбойниковъ; знаетъ также причитанія невѣсты на свадьбѣ и множество пѣсенъ, какъ свадебныхъ, такъ и необрядовыхъ. Нужно замѣтить, что она строго отличаетъ отъ старинъ историческія пѣсни XVIII и XIX вв., которыхъ она знаетъ нѣсколько: „Откатилась вѣточка“ [1]), „Не полынь-травка въ полѣ закачалася“ [2]), „Зазвонили въ большой колоколъ“ [3]) (всѣ 3 пѣсни съ именемъ Петра I), о Захарѣ Григорьевичѣ Чернышовѣ [4]), о взятіи Варшавы въ 1831 г. [5]). Послѣ выхода замужъ Аграфена Матвѣевна почти перестала пѣть пѣсни, кромѣ величальныхъ, которыя она поетъ на свадьбахъ. Старины она поетъ довольно слабымъ, но пріятнымъ голосомъ, не детонируетъ и хорошо выдерживаетъ размѣръ стиха. Она говорила, что каждая старина поется на свой голосъ; но мнѣ она большинство старинъ пѣла однимъ и тѣмъ же протяжнымъ напѣвомъ, чтобы удобнѣе было записывать, и только для немногихъ старинъ, напр., о Кострюкѣ, о вдовѣ, ея дочери и сыновьяхъ корабельщикахъ, она употребляла особенный голосъ. Изъ былинныхъ героевъ она никогда не слыхала именъ Ставра, Вольги и Микулы; не знаетъ она также старинъ о битвѣ Добрыни съ Дунаемъ, о Камскомъ побоищѣ.

Хотя она уже 27 лѣтъ живетъ въ Золотицѣ, но въ говорѣ ея замѣтно довольно много особенностей: она не такъ ясно выговариваетъ безударное *о*, какъ золотицкіе уроженцы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ не замѣняетъ *я* поср. *е*; большею частью произноситъ Влади*м*иръ вм. Влади*ме*ръ; нерѣдко въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ вмѣсто =*оһо* и=*еһо* выговариваетъ *ово* и *ево*; въ суффиксахъ прилагательныхъ удваиваетъ *н*, напр., *соболинной*; иногда чвакаетъ; *ц* произноситъ не совсѣмъ мягко, *щ* (*шш*)—не совсѣмъ широко, и пр.

---

[1]) См. въ „Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“, вып. VIII, стр. 4 и слѣд.—
[2]) ibid., IX, стр. XXVI.—
[3]) ib., VIII, 276.—
[4]) ib., IX, 125.
[5]) ib., X, 464.

А) Старины Терскаго берега.

1.

Три поѣздни Ильи Муромца.

(Переняла у дяди Ѳофима).

Ай во городи было всё во Муроми,
Во сели-то у насъ было во Качарови,
Тамъ вѣдь былъ-то жилъ богатой-отъ хресьянинъ-отъ Иванъ всё Тимоѳеевичь
Со своей-то жилъ съ супругой съ Епестéньей Олёксандровной.
Какъ не бѣлинька берёзка къ земьли клонитце,
Не кудрявинька зелёна подгибаитце;—
Какъ дородьнёй доброй молодець-отъ падатъ батюшку въ рѣзвы́ ноги,
Ай тому-ли всё Ивану Тимоѳеёвичу,
Ро́дной матушки Липесьтéніи Олёксандровны;
Говоритъ-то онъ самъ да всё таки рѣци:
„Ужъ ты гой еси, родимой ты мой батюшко
Со родимой со моей, всё съ ро́дной матушкой!
Благословите-ко меня вы, добра молодца,
Вы того-ли Илью да миня Мурамця,
Ишше сильнёго могучово бога́тыря,
Съѣзьдить мнѣ-ка, батюшко, въ цисто́ полё:
Говорятъ шьто мнѣ, могуци-ти сказали мнѣ,
Мнѣ сказали-то многи могуція бога́тыри,
Будто есь какъ во чисто́мъ поли на столбичку написано,
На дубовомъ на столбѣ вѣдь будто наресовано:
Есь нечистыхъ три дорожки прямоѣжжіихъ“.
Тутъ заплакали ево чёсны́ родители:
—Ты уѣдёшь—вѣдь убьютъ твою уда́лу буйну голову.—
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамець, всё какъ свѣтъ-Ивановиць:
„Во чисто́мъ-то поли мнѣ смерть не написана“.
Онъ скоренько-то пошолъ да на широкой дворъ,
Онъ сядлалъ-то, сряжалъ да тутъ добра́ коня,
Надѣвалъ-то онъ уздицю всё серебряну,
Онъ вѣдь клалъ-то всё сѣдёлышко всё кипарисноё [1]),

[1]) Не черкальское, а кипарисное было у нево сѣдёлышко.

Онъ садилсэ на своёго Воронёюшка.
Онъ вѣдь сталъ-то у ево всё, доброй конь, поскакивать,
Сталъ онъ рѣки и озёра промежъ ногъ спускать,
Вси болота и озёра всё проскакивать.
Пріѣзжаетъ онъ во дáлече въ чистó полё;
Тамъ, въ цистóмъ поли да тамъ столбъ стоитъ;
На столби-то всё былó подписано,
На дубовомъ всё вѣдь было наресовано:
Какъ въ перьвý дорожку ѣхать—тутъ богату быть,
Во втору дорожку ѣхать—дакъ жонату быть,
Ай въ третью дорожку ѣхать—не живý не быть.
Тутъ какъ думаётъ Илья всё Мурамечъ, онъ прироздумыватъ:
„Шьто нашьто вѣдь мнѣ-ка, старому, богату быть?
Мнѣ-ка старому богатьсьво всё ненадобно;
Я поѣду же однако въ ту дорожцьку“.
Пріѣжаетъ по дорожки недалёко-то;
Подъ однымъ-то тутъ вѣдь было подъ сырымъ дубомъ
Тамъ стоитъ-то вѣдь, стоитъ да три розбойницька.
Розьдѣлили по перьвóй они по мисы красна золота,
По другой они по мисы чиста сéребра,
По третьéй они по мисы скатна жемцюгу,
Розьдѣлили они да всё приконьцили.
Тутъ гледѣлъ-смотрялъ Илья да Илья Мурамецъ;
Онъ тутъ перьвого розбойника конёмъ стопталъ,
Онъ другого-та розбойника копьёмъ скололь,
Онъ третьёму-то отсѣкъ по плéци буйну голову;
Собиралъ-то онъ къ себѣ тутъ злато, сéребро.
Тутъ же сталъ онъ по чистý полю розгуливать,
Онъ розгуливать сталъ, да всё розьѣжживать;
Розьминатъ-то онъ, розьѣжживатъ добрá коня.
„Я поѣду въ ту дорожку, гдѣ жонату быть.
Ай нашьчо же мнѣ-ка, старому, жонату быть?
Мнѣ женитьба, старому, вѣдь ни къ чому будётъ“.
Говоритъ-то тутъ вѣдь самъ себѣ, роздумыватъ.
„Я не то, токо я сьѣжжу, попровѣдаю“.
Онъ вѣдь ѣхалъ Илья Мурамечъ и дó ночи;
Увидалъ-то онъ въ тёмнóмъ лѣсу огромной домъ;
Онъ поѣхалъ ко дому ко богатому.
Этотъ домъ стоитъ вѣдь убранъ, прироскрашонъ весь.
Пріѣжаётъ онъ ко дóму всё близёхонько,
Привезалъ-то онъ коня своего доброго,
Ко тому ли привезалъ коня-то къ золоту кольцю,

Принасыпывалъ пшеницы бѣлояровой.
Тутъ выходитъ къ ёму да на краснó крыльцё,
На краснó крыльцё выходитъ красна дѣвиця:
„Ты-ка здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець!
Проходи ко мнѣ въ полатушки высокія;
У миня-то вѣдь домъ великъ всё со полатами“.
И спросилъ у ей Илья-та вѣдь свѣтъ-Мурамець:
—Ужъ ты гой еси, душа ты красна дѣвиця!
Исъ какихъ ты родовъ, да ты всё здѣсь живёшь:
Исъ королевськихъ ли родовъ, али исъ княженьскихъ?—
Тутъ отвѣтъ скорó держала красна дѣвиця:
„Не могу тобѣ сказать, вскорй повѣдати;
Я тогды тебѣ скажу, когды я замужъ за тебя пойду“.
Ай заходитъ онъ въ её да всё полаты-ти,
Она садитъ ёго Илью за дубовы столы,
А поитъ-то его водками всё разныма,
Она корьмитъ его кушаньёмъ да ѣствами сахáрьныма:
„Ужъ ты пей, кушай, женихъ мой наречённой ты“!
Говоритъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець:
—Ты мнѣ дай-ко-се свои-ти золоты ключи;
Обхожу-ту я по всѣмъ твоимъ покоямъ-то,
Я по всѣмъ твоимъ полатамъ бѣлокамяннымъ;
Я тогда-то вѣдь тебя да за себя возьму.—
Пристыгаетъ тутъ Илью да ноцька тёмная,
Ноцька тёмна пристыгаетъ, ноць осённая.
Какъ лёжитъ его дѣвиця-душа красная
Шьчо на ту ево кроваточку тисовую,
Шьчо на ту-ли на периночку пуховую;
Говоритъ она сама всё таки рѣци:
„Ты лёжись-ко-се, лежись, да ты какъ мой женихъ;
Я сама-то всё тебя возьму окутаю“.
Говоритъ-то Илья Мурамець таковы рѣци:
—Повались-ко-се сама да на кроватоцьку.—
Онъ увидѣлъ, шьчо у ей есь злы всё помыслы:
Уходить она желатъ да Илью Мурамця.
Онъ немного сь ей тутъ всё да розговаривалъ;
Захватилъ-то ей за дѣвью за русу косу,
Онъ откинулъ взялъ перину всё пуховую,
Онъ киналъ-то ей во пóгрёбъ во глубокой-отъ.
Хто не толкуетъ—повалитьце, тотъ и тамъ упалъ;
Тамъ наставлёны у ей да всё востры копья,
Нагублёно тамъ вѣдь много душъ напрасныхъ-то:

Исъ худыхъ-то есь родовъ, много хорошихъ есь;
Хто вѣдь мимо попадётъ эти копья́, дакъ тотъ живой сидитъ;
Хто на копьё-то попадётъ, дакъ тотъ приконьчитцэ.
Закрычали вси многи́ тамъ люди добрыя:
„Шьчо сама она летитъ, вѣдьма проклятая!“
Ай нашолъ вѣдь Илья Мурамець да всё клюци у ей,
Отмыкалъ-то онъ вѣдь дьвери всё у этой тёмници,
Онъ скрыцялъ-то богатырьскимъ своимъ голосомъ:
„Тóко есь хто живой, токó живёхонёкъ,
Изъ многи́хъ токó изъ вас, всё людей добрыхъ-то,
Вы примайте сáму вѣдьму на востры́ штыки“.
Тутъ народъ-то православной вси Бога прославили.
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамечъ, всё сынъ Ивановичъ:
„Выходите-ко вы всѣ на улочку,
Поѣжайте-ко-се вы вси да по своимъ селáмъ,
По своимъ селáмъ, хто и по городамъ“.
Тутъ напёха́но у ей, выходитъ сорокъ всё царей,
Сорокъ царей, всё царевицéй,
Ай выходитъ сорокъ королей-то тутъ,
Сорокъ королей, всё королевицéй,
Сорокъ князей, всё княжевичей,
Какъ да чорного-простого тутъ народа цисла-смѣту нѣтъ.
Всѣ поѣхали они всё по своимъ мѣстамъ,
По своимъ-то по мѣстамъ, разны́мъ по гóродамъ;
Да вѣдь тутъ они прирозьѣхались.
Онъ обцистилъ ту дорожку прямоѣжжую;
Да поѣхалъ Илья Мурамець, да сынъ Ивановиць,
Онъ поѣхалъ въ ту дорожку, гдѣ живу́ не быть.
Ай приѣхалъ, онъ вѣдь день ѣхалъ всё дó ноци;
Онъ завидѣлъ Соловья сына Рахмáтьёвича;
Шьчо сидитъ-то Соловей да на семи дубахъ,
Самъ крычитъ-то Соловей посоловьинному,
Самъ шипитъ-то онъ, сóбака, позьмѣинному,
Самъ ревётъ-то онъ, проклятой, позьвѣринному.
Приѣжаетъ вѣдь Илья близки́мъ-близёхонько,
Онъ стрѣляётъ, всё онъ стрѣлоцькой калёною;
Ай ушла-то ёму́ стрѣлка всё во правой глазъ,
Обошолъ-то Соловей кровью горячою;
Тутъ вѣдь падалъ Соловей Рахматовичъ да на сыру́ землю;
Мать сыра-та вѣдь земля да потрясаласе.
Тутъ вѣдь бралъ ёгó Илья, да Илья Мурамець,

Привезалъ онъ ёго́ да ко добру́ коню;
Онъ повёзъ-то Соловья да всё Рахматьёвича
Мимо свой-ли-то ёго высокъ терёмъ.
Тутъ увидѣла ево да доць-та старшая;
Говоритъ-то своей да ро́дной матушки:
„Нашъ вѣдь батюшко ѣдетъ, мужика везётъ“.
Говорила ей да ро́дна матушка:
—Какъ му́жикъ-отъ вѣдь ѣдетъ, везётъ батюшка.—
Она кланеитце, Соловьёва молода жона,
А тому она Ильи, да Ильи Мурамцю:
—Ты возьми-ко у мня мису красна золота,
Ты возьми у мня другу хоть ци́ста се́ребра,
Ты возьми у мня третью́-ѣу скатна жемцюга.—
„Мнѣ ненадобно твоё да красно золото,
Не возьму я у тебя да цисто се́ребро,
Не возьму я у тебя да скатна жемцюга“.
Тутъ ударила-то палицёй тяжолою—
Палиця была у ей въ сорокъ пудъ—
Какъ ёго-то вѣдь доць да Соловьёва-та,
Невнацёй она его ударила;
Цють не палъ-то доброй молодець зъ добра́ коня,
Цють не выпалъ изъ сѣдёлышка да кипарисного.
Какъ вѣдь онъ-то тутъ, Илья, да скоро соходилъ онъ со добра́ коня,
Онъ хваталъ-то свою саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-то взялъ у ей да буйну голову;
Самъ поѣхалъ-то въ красёнъ Кіёвъ-градъ,
Онъ повёзъ-то Соловья да въ красёнъ Кіёвъ-градъ.
Ай пріѣхалъ онъ ко князю на широкой дворъ,
Да оставилъ Соловья-та всё Рахматьёвича,
Онъ оставилъ ёго на широко́мъ дворѣ;
Самъ заходитъ во полаты бѣлокамянны.
Ай у князя у Владимера всё пиръ идётъ,
Иныше пиръ-отъ идётъ, всё пиръ на радосьти.
Говоритъ-то тутъ Илья да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, ты кра́сно нашо солнышко,
Ты Владимиръ, ты князь да славной кіевской!
Я обцистилъ ту дорожку прямоѣжжую,
Я привёзъ-то Соловья, привёзъ Рахматьёвиця;
Мы какъ шьчо будёмъ теперь да надь имъ дѣлать-то?
Нать отсѣкци у ёго да бу́йна го́лова“.
Какъ пошли-то тутъ смотритъ вѣдь Соловеюшка Рахматьёвича:

Запеклисе у ево уста кровью горецёю.
Говоритъ-то князь Владиміръ таковы рѣци:
„Ты вѣдь спой-ко, Соловей, посоловьинному“.
Отвѣчаетъ Соловей, ему отвѣтъ держитъ:
—Не твоё-то вѣдь я пъю, да всё я кушаю,—
Не тебя-то вѣдь, князь, я буду слушати;
Я вѣдь пью-то, кушаю всё Ильи Мурамця,
Я его-то вѣдь всё, я буду слушати.—
Розрывалъ скоро́ Илья-то у ево всё кровь горяцюю;
Наливали ёму цяроцьку всё зелёна́ вина,
Зелёна́ ёму вина́ всё полтора ведра;
Выпиваетъ Соловей Рахматьевичъ еднымъ духомъ.
Говоритъ ёму Илья вѣдь таковы слова:
„Токо будешь, Соловей Рахматьёвичъ, ты меня слушать туть,
Я вѣдь буду тибя да всё поить, корьмить;
Будёмъ ѣзьдить заодно со мной въ чисто́ полё;
Сосьвисьти-ко, Соловей, да ты вѣдь въ пőлсвиста,
Ужъ ты въ пőлсвиста свисьни посоловьинному“.
Сосьвисьтѣлъ-то онъ, собака, онъ вѣдь всимъ свистомъ;
Тутъ народъ вѣдь, люди добры испугалисе,
Испугалисе они, всё съ ногъ попадали.
Не можотъ унѣть его всё Илья Мурамоць;—
Онъ отьсѣкъ взялъ у его тутъ буйну голову.

2.

Илья Муромецъ и Калинъ.

(У него же).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Тамъ вѣдь жилъ былъ старая старыньшина да Илья Мурамець,
Илья Мурамець былъ да сынъ Ивановиць.
Ёму придумалось-то съѣзьдить во цисто́ полё;
Какъ поѣхалъ онъ да позабавитьце
Онъ тима́-ти вѣдь дворяньскима забавами:
Пострѣлять-то онъ поѣхалъ гусей, лѐбедей,
Онъ перьнясцятыхъ-то мелкихъ всё онъ утоцёкъ.
Онъ наѣхалъ во цисто́мъ-то поли три могуцёго богатыря,
Три того-ли онъ, три бра́тёлка Борисьёвыхъ:
Во цисто́мъ-то поли они дѣля́тъ всё красно золото.
Говоритъ-то Илья да таковы рѣци:

„Ужъ вы гой еси, три брата три Борисьёва!
Ужъ вы дайте-ко вы мнѣ да красна золота“.
Говорятъ-то ёму братьици Борисовы:
—Тибя скоро разлуцимъ, старъ, со бѣлымъ свѣтомъ.—
Говоритъ-то казакъ да Илья Мурамецъ:
„Шьто у старого, у бѣдного взеть нецёго,
Взеть-то нецёго вамъ, всё живота вѣдь нѣтъ:
Только есь у мня у старого, всё у сѣдатого,
Шьчо три есь у мня три стрѣлки всё калёныя;
Я сьтрилею ети стрѣлки по бѣлымъ днямъ,
Собираю ети стрѣлки по тёмнымъ ноцямъ:
По ноцямъ-то у мня стрѣлки какъ свѣшши́ горятъ“.
Натегатъ скоро Илья да вѣдь онъ ту́гой лукъ,
Онъ спускаётъ Илья Мурамецъ всё калену́ стрѣлу;
Онъ застрѣлилъ тутъ трёхъ братьицей Борисьёвыхъ,
Обиралъ-то онъ вѣдь тутъ злато, сéребро,
А приѣхалъ-то вѣдь тутъ да въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ,
Въ кра́сёнъ Кіевъ-градъ приѣхалъ, ко князю на широ́кой дворъ.
Онъ дарилъ-то тутъ ети подароцьки,
Подарилъ-то злато, сéребро вѣдь ласковому князю со кнегинóю,
Со кнегиной съ Опраксéей съ Королевисьнёй.
Ишше князю-ту Владимиру ети подароцьки ёму всё полюбилисе;
Онъ отдаривалъ вѣдь князь да всё Владимиръ-отъ,
Подарилъ-то ёму шубоцьку-кошу́лёцьку [1]);
Да потя́нута шуба всё камця́ткой мелкотравцятой;
На Владимири-то шупка какъ огонь горитъ.
Тутъ вѣдь вси-ти бояра на его розгнѣвались,
На того-ли казака, всё Илью Мурамця;
Тутъ бояра насказали на Илью князю Владимеру:
„Шьчо жъ ты ой еси, ты красно наше солнышко Владимиръ-князь!
Напилсэ вѣдь Илья всё зелёна́ вина;
Онъ вѣдь ходитъ всё по городу по Кіеву,
Онъ воло́цитъ ету шубку за единъ рукавъ,
Онъ воло́цитъ, самъ ко шупки приговариватъ:
„Волоци́-тко-се ты шупку за единъ рукавъ,
Ай Владимира-та-князя за жёлты́ кудри!
Опраксею-Королевисьню я за собя возьму“.

---

1) Въ старины поéтц'е.

Ишше тутъ-то князь Владиміръ пообидилсэ;
Приказалъ-то копать пóдкопы глубокія,
Шьчо глубокія пешеры ёму смéртныя;
Засадилъ онъ Илью Мурамця съ добрыи́мъ конёмъ.
Тутъ узнала всё про ето цюдо цюдноё
Молода-та вѣдь кнегина Опраксея-Королевисьня,
И сама она тому да прирасплакалась:
„Шьчо неладно-то Владиміръ дѣло зьдѣлалъ-то,
Занапрасно посадилъ да Илью Мурамця:
Насказали всё ёму бояра кособрюхія“.
Подкопала она пóдкопы други́ ёму,
Она въ роди какъ пешеръ ёму спасёныихъ,
Уносила всё ему книгу Евангельё,
Присылала ёму свѣшшъ всё воскояровыхъ;
Шьчо сама-та пила, ѣла, она кушала,
Она тѣмъ же кормила Илью Мурамця;
Она такъ ёго корьмила, шьчобы князь не зналъ;
Ай добрá коня спускали въ зелёны́ лужка,
Въ зелёны́ лужка спускали, въ шолкову́ траву.
Ай съ того-то всё горя, горя великого
Тутъ уѣхало двѣнадцеть всё богáтырей:
Въ перьву голову уѣхалъ Самсонъ Сильнія,
Во вторыхъ-то тутъ уѣхалъ Пересмяка со племяницькомъ,
Тутъ ишшé-то какъ уѣхалъ всё Цюрило-свѣтъ всё Плéнковиць[1]),
Да ишшé-то тутъ уѣхалъ всё Добрынюшка Никитиць младъ,
Да ишшé да тутъ уѣхалъ всё вѣдь Олёшенька Поповиць младъ,
Да ишшé-то тутъ уѣхалъ всё Дунаюшко Ивановиць;
Тутъ уѣхали богáтыри—не всё вѣдь мы ихъ знамъ, да какъ ихъ именёмъ-то звать.
А ишшé-то съ того горюшка великого
Да убилсэ тутъ Добрынюшка Никитиць младъ
Онъ о тотъ-ли о горюцёй о сѣръ кáмешокъ:
„Олишили токо Илью-то всё бѣлá свѣту,—
А не буду безъ ёго да я на свѣти жить!“
Ай прошло-то тому времени не годъ, не два,
Шьто не годъ, не два прошло вѣдь, братцы, да не три года,
Шьто прошло-то тому времени, тому три мя́сеця;
Шьчо прошла-то скоро вѣстоцька по всей земьли,

---

1) Въ былинахъ А. М. Крюковой Чурило обладаетъ совершенно особеннымъ обликомъ, см. № 19. *Собиратель*.

Шьчо по всей прошла земьли по Святоруською;
Да дошла-то ета вѣстоцька до земьли-то до поганыя,
Какъ до той-ли до орды, до Золотой земьли.
Тамъ вѣдь жилъ-то былъ да всё собака-Ка́инъ-царь,
Собака Каинъ-то царь, да царь Кали́новиць.
Онъ заслушелъ, шьчо нѣтъ живого Ильи Мурамця;
Подымаитьце собака ише Каинъ-царь,
Ише Каинъ-отъ-царь да всё Калиновиць,
Онъ со тѣмъ-ли со своимъ сыно́мъ съ любимыимъ;
За сыно́мъ-то всё идётъ силушки всё несцётно-то:
Идетъ сорокъ-то царей за имъ, царевицей,
Идётъ сорокъ королей, всё королевицей;
Ай за кажнымъ за царёмъ да за царевицёмъ
Шьчо за кажнымъ королёмъ, за королевицёмъ
Шьчо идётъ-то вѣдь силушки по сороку всё тысецей,
Ай за зѣтёмъ силы-то идётъ—да цисла-смѣту нѣтъ,
За самимъ же за собакой царёмъ Каиномъ
Идётъ силушки за имъ—да цисла-смѣту нѣтъ.
Тутъ не вёшна всё вода да розьливаласе,
Всё тотарьска-та сила-та подвигаитце
Ко тому-ту всё ко городу ко Кіеву,
Ко ко ласковому князю ко Владимиру,
Шьчо ко тѣмъ-ли ко церьквамъ Божьи́мъ соборныимъ,
Шьчо соборныимъ, къ церьквамъ все богомольныимъ,
Шьчо ко тѣмъ цюдни́мъ крестамъ животворяшшіимъ,
Ай ко тѣмъ-ли ко мана́стырямъ къ спасёныимъ.
Самъ выходитъ царь-собака изъ бѣла́ шатра,
Шьчо собака-та выходитъ ише Каинъ-царь,
Ише Каинъ вѣдь царь да Кали́новичъ,
Ай выходитъ собака, похваляитце.
Подошла сила вѣдь за́ версту́ за мѣрную;
Замогли́-то продувать да вѣтры буйныя,
Замогло́-то пропекать да красно солнышко
Отъ того-ли всё отъ духу отъ поганого,
Отъ поганого отъ духу отъ тота́рьского,
Отъ того-ли всё отъ пару лошадиного.
Говоритъ-то вѣдь собака ише Каинъ-царь,
Ише Каинъ вѣдь царь да всё Калиновичъ:
„Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
Три тотарина вы всё да три поганого!
Вы пишите вы скорѣ-ко мнѣ-ка грамотку,
Вы пишите мнѣ-ка грамотку да всё вы руськую,

Не перомъ-то вы пишите, не цернилами,
Не по бѣлой по ербовой по бумажоцьки,—
Вы по рыту-ту пишите всё по бархату
Дорогимъ-то вы пишите сухимъ краснымъ золотомъ,
Ужъ мы какъ вѣдь зайдёмъ да въ красенъ Кіевъ-градъ".
Ишше тутъ ёму тотара отказалисе:
—Мы не знамъ, не знамъ писать-то, всё ты Каинъ-царь,
Всё ты Каинъ-царь да всё Калиновичь!
Не умѣмъ-то мы писать всё грамотки всё руською.—
Закрыцялъ-то тутъ собака позьвѣринному,
Засьвистѣлъ-то тутъ собака всё посоловьинному:
„Ужъ вы гой еси, тотарева-булановя,
Ужъ вы ти всё стихари всё получёвныя [1])!
Вы пишите скоро грамоту тотарьскую,
Ай тотарьску вы грамоту нѣмецькую,
Ай пишите вы про князя про Владимира:
Ай мы князя съ Владимира мы кожу всё съ жива зьдерёмъ,
Опраксею-Королевисьню мы всё съ собой возьмёмъ,
Увезёмъ-то мы всё ей да во свою землю".
Они скоро написали ету грамотку;
Тутъ пошли-то вѣдь скоро всё три тотарина;
Ай приходятъ они ко князю на широкой дворъ,
Съ широка двора въ полаты въ бѣлокаменны;
Принесли-то они грамотку тотарьскую,
Говорятъ-то они князю Владимиру
Все не руськимъ языкомъ-то, своимъ они:
„Получай-ко, князь Владимиръ, скору грамотку
Ай отъ нашого царя, царя отъ Каина,
Шьчо отъ Каина-царя да всё Калиновича".
Тутъ какъ стали скоро росьпецятывать;
Какъ по ихной-то всё пало по уцести:
На ту пору-ту пріѣхалъ тутъ Олёшенька всё исъ циста поля,
Попровѣдать-то пріѣхалъ всё онъ князя со кнегиною.
Онъ вѣдь бралъ-то скоро грамотку росматривалъ,
Онъ россматривалъ грамотку-ту, всё вѣдь онъ процитывалъ.
Ишше всё-то у тотарина написано:
„Мы зайдёмъ-то вѣдь мы завтра въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Въ красёнъ Кіевъ мы градъ ко князю ко Владимеру;
Мы не будёмъ у его отсѣкать да буйной головы,
Мы вѣдь будёмъ ёго муцить-то мы муками:
У жива да мы вѣдь кожу-ту сьдирать будёмъ;

[1]) Писаря, знацитъ, поихному.

Опраксею-ту мы Королевисьню мы съ собой возьмёмъ".
Они стали-то цитать, да всѣ заплакали.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Ужъ вы вой еси, тотарява поганыя!
Вы мнѣ дайте-ко мнѣ строку, да трои́ мнѣ сутоцьки:
Отслужить-то мнѣ обѣдьни со молебнами,
Со молебнами мнѣ да съ панафидами".
—Не даймъ-то тибѣ строку́ да на три де́ницька.—
Тутъ заплакало-то нашо-то да солнышко,
Да по имени нашъ да всё Владимиръ-князь:
„У мня вси теперь въ розьѣзди вси бога́тыри;
Теперь некому стоять будётъ за вѣру православную,
Православну-ту вѣру, за Божьи́ ц́ерькви,
За Божьи́-ти за ц́ерьквы, за золоты кресты,
За золоты-ти кресты-ти стое́ть, за князя, за кнегину-ту!"
Говоритъ тутъ Опраксея таковы рѣци:
—Ужъ ты гой еси, ты красно моё солнышко,
Ишше князь ты всё Владимиръ стольне-кіевской!
Ужъ ты дай-ко росказать, мнѣ всё повѣдай-то [1]);
Я ноц́е́сь мало спала, да много во сни видяла:
Какъ Илья-та вѣдь у насъ будто живёхонёкъ,
Какъ живёхонёкъ у насъ онъ, здоровёхонёкъ.—
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Кабы былъ у насъ Илья кабы живёхонёкъ,
Не боелись бы собаки царя Каина,
Не розорилъ бы у насъ да красна града Кіева,
Не погубилъ бы у насъ да всё Божьи́хъ ц́ерквей
Не убилъ бы тогда миня, князя Владимера,
Онъ не вырубилъ тогда бы всё со старого до малого!"
Говорила Опраксея-Королевисьня:
—Я скажу-ту всё тибѣ, правду повѣдаю:
Занапрасно посадилъ ты Илью Мурамця;
Сохранила я ёго отъ сьмерти отъ голодныя;
Я поила-то ёго, корьмила всё любы́мъ кускомъ
Я тайкомъ-то отъ тибя тольки, Владимиръ-князь.
Ты просьтишь ли теперь миня въ такой вины?—
„Тебя Бохъ просьтитъ, всё Опраксея-Королевисьня!
Да пойдёмъ-ко мы Илью звать, ниско кланитц́е".
Ай приходятъ въ пещеры-ти спасёныя;
Ему кланеитц́е князь Владимиръ-отъ нисќой поклонъ:

---

[1]) *ть* передъ *т* перешло въ *й*. *Собир*.

„Ты просьти миня, старая стариньшина,
Ужъ ты славной мой казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сынъ Ивановиць,
Ты просьти, прости миня всё виноватого!"
Говорилъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець:
—Тибя Бохъ проститъ, да красно нашо солнышко,
Тибя Бохъ проститъ, да всё Владимиръ-князь!
Не своимъ-то ты умомъ да дѣло здумалъ дѣлати:
Насказали-то тебѣ бояра кособрюхія.—
Онъ вѣдь скоро выходитъ исъ пòдкопòвъ—пешёръ спасёныихъ.
А служили всё обѣдьни-то да со молебнами,
Со молебныма всё съ панафидами
Шьчо во тихъ-ли во Божьи́хъ церквахъ соборныихъ,
Во соборныхъ церквахъ да богомольныихъ,
Шьчо у тихъ-ли у поповъ, отце́й соборныихъ;
Ай приходятъ во полаты изъ Божьёй церквы;
Онъ садитъ-то всё Илью да всё за дубовой столъ,
Наливаетъ ему цяроцьку всё зелена́ вина,
Зелена́-та вина цяру полтора ведра;
Онъ ишшé-то наливаетъ пива пьяного,
Пива пьяного ему да полтора ведра;
Онъ ишшé-то наливаетъ мёду сладкого,
Мёду сладкого онъ да полтора ведра.
Ишше сталъ-то тутъ Илья всё поговаривать;
Шшевелились у ёго всё могуци́ плеци,
Розыгралась-то въ имъ силушка великая,
Всё вели́ка-та сила богатырьская;
Онъ вѣдь скоро вѣдь ставатъ всё на рѣзвы́ ноги.
Онъ вѣдь скоро тутъ выходитъ всё изъ-за дубова́ стола;
Онъ молилсэ-то всё тутъ Богу-Господу,
Всё царици-то небесной, Божьёй Матери,
Благословлялсэ всё у князя со княгиною;
Онь какъ скоро выходилъ самъ на широкой дворъ,
Говорилъ скорó таки да рѣци горькія,
Рѣци горьки говорилъ да всё обидилсэ:
„Тебѣ Бохъ тебѣ судья, ты нашо красно солнышко,
Красно солнышко, Владимиръ славной кіевськой!
Розлуцилъ ты всё миня да со добры́мъ конёмъ,
Со добры́мъ миня конёмъ всё съ Воронёюшкомъ!"
Ай выходитъ на ширóку сьвѣтлу улоцьку;
Онъ понёсъ тольки въ рукахъ одну востру́ саблю,
Онъ ишшé понёсъ въ рукахъ всё палицю свою цяжолую,

Онъ цяжолу-ту палицю всё сорока пудовъ;
Онъ ишшé же онъ понёсъ копьё всё брузаменьское.
Недалёко отошолъ отъ города отъ Кіева:
Тутъ бѣжитъ-то всё ёго, да бѣжитъ доброй конь,
Бѣжитъ доброй ёго конь всё Воронеюшко;
Обниматъ своёго ножками любимого хозяина,
Говоритъ своимъ языкомъ цёловѣческимъ;
„Я ходилъ-то, всё я бѣгалъ по зеленымъ лужкамъ,
Всё я кушалъ-то траву, траву шолкóвую,
Ужъ я пилъ-то всё свѣжу́ воду ключóвую;
Я не могъ забыть любимого хозяина,
Я своёго-то всё старую старыньшину,
Я того-ли всё Илью да Илью Мурамця,
Илью Мурамця, я сына Ивановича.
Во сегóдёшной-онъ мнѣ да во денёцекъ-отъ
Пріоткрылась мнѣ дорожка токо къ Кіеву".
Тутъ садилсэ доброй молодець всё на добра́ коня;
Онъ поѣхалъ во тѣ-ли сцепни́ лѣса Саратовы,
Ись тёмныхъ ись тѣхъ лѣсовъ всё на круту гору́,
Шьчо на ту-то на круту гору́ на Арависькую,
Арависькую на гóру на укатисту.
Выѣжалъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамець,
Посмотрялъ сь етой горы во трубоцьку подзорную;
Хоть-то думатъ доброй молодець, роздумыватъ:
„Этой силы на добрóмъ кони́ мнѣ-ка будётъ не óбъѣхать,
Какъ сѣру́-ту всё волку́ будётъ не óбѣжать".
Помолился на востокъ всё Богу-Господу
Онъ во ту-ли во востоцьню всё въ стороноцьку,
Ко тому-ли ко мана́стырю спасёному,
Ко тому-ли ко Онтонію, Өеодóсею;
Да поѣхалъ-то онъ тутъ да доброй молодець;
Ишше конь-отъ у ёго да какъ сокóлъ летитъ,
Шьчо Илья-та на кони́ да всё розмахиватъ
Онъ своей-то всё онъ палицей тяжолою;
Онъ всё палицёй-то бьётъ-то силу, всё саблёй сѣкётъ,
Онъ копьёмъ-то колетъ, больше конь топцетъ.
Онъ вѣдь сутоцьки билъ силу, други пошли,
И други-ти пошли сутки, третьи пришли;
Онъ добралсэ до самóго цяря Ка́лина;
Говоритъ-то онъ ёму да таковы слова:
„Теперь буду у собаки я кожу съ жива́ здирать:

Отмешшу развѣ тебѣ, собака, я слово похвальнёё;
Да не нать бы тебѣ, собака, всё хвалитисе,
Переди́-то страшать князя Владимира!
Ты пецелилъ всё у мня моёго красна солнышка,
Проливалъ ты вѣдь всё у его у князя горюци́ слёзы.
Ты теперецé, собака, у меня въ рукахъ;
Я не буду-ту марать свои бѣлы́ руки
О того я о поганого тотарина,
О того-ли о собаку царя Каина,—
Я приму тибя, возьму я на востро́ копьё,
Ростопцю тибя за то возьму своимъ добры́мъ конёмъ“.
Онъ убилъ-то тутъ собаку царя Каина,
Онъ убилъ-то у ёго сына любимого,
Онъ убилъ-то у его зетя любимого;
Не оставилъ-то онъ силушки на сѣмяна.
Бога́тыри-ти тамъ вѣдь спятъ въ шатрахъ, не вѣдаютъ,
Они спятъ въ шатрахъ да всё не знаютъ-то.
Поѣхалъ Илья Мурамецъ во Кіевъ-градъ;
Пріѣжаётъ онъ ко князю ко Владимиру,
Пріѣжаетъ вѣдь онъ всё на широкой дворъ;
Онъ вѣдь бросилъ востру саблю, не повѣсилъ ей;
Говоритъ-то всё вѣдь онъ своéй востро́й сабли́:
„Полёжи ты, моя сабелька, немножоцько;
И не служатъ у миня да руцьки бѣлыя;
Не могу тибя повѣсить-то на спичёцьку.
Я изьбилсо доброй молодецъ въ цисто́мъ поли;
Не пивалъ вѣдь, не ѣдалъ я трои сутоцьки“.
Тутъ услышели скоро́ вѣдь всё придверницьки,
У воротъ-то вѣдь да всё приворо́тьницьки;
Донесли-то скоро́ они ласковому князю всё Владимиру,
Шьчо пріѣхалъ осударь нашъ Илья Мурамецъ;
Говорили-то они князю Владимиру:
„Онъ пріѣхалъ вѣдь у насъ всё голоднёхонёкъ“.
А идётъ-то скоро красно нашо солнышко,
На широкомъ двори у насъ росьвѣ́тило,
Со своей-то со кнегиной съ Опраксею съ Королевисьню.
Какъ берутъ-то Илью да за бѣлы́ руки;
Обнимаётъ князь Владимиръ-отъ за шею за бѣлу́ его,
Прижимаетъ онъ къ своёму къ ретиву́ серьцю:
„А вѣдь цимъ теперь-то я тебя дарить буду,
А дарить-то всё тебя я буду, цимъ ударивать?
Наградить надоть наградушкой тебя великою“.

Говоритъ-то вѣдь старой казакъ Илья Мурамецъ:
—Мнѣ ненадобно твои-ти, князь, подароцьки;
Заслужила мнѣ-ка Опраксея Королевисьня,
Шьчо избавила миня отъ сьмерти всё отъ скорою,
Шьчо отъ сьмерти мнѣ скорою отъ голодною.
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Я могу здѣлать тебя князёмъ, бояриномъ".
—Мнѣ ненадобно на сёмъ свѣти слава сосьвѣтная;
Я не буду жить да на двори у тя,
Я не буду слушать-то бояръ всё кособрюхіихъ;
Лучше буду я ѣзьдить по цисту полю.—
Собиралъ-то для ево-то нашо красно солнышко,
Ишше ласковой князь да всё Владимиръ-свѣтъ,
Собиралъ-то для его всё пиръ великой-отъ
Ай на цѣлую недѣльку поры-времени;
Шьчобы собрать-то всѣхъ могуціихъ богатырей,
Шьчобы собрать-то всихъ князьёй да шьчобы бояровъ,
Шьчобы всѣхъ простыхъ хрисьянъ прожитоцьнихъ,
Шьчобы за здравье шчобы ѣли, пили, кушали
Не за князя шьчобы не за кнегину-ту,
Шьчобы за славного могуцёго богатыря.

3.

Илья Муромецъ и Баданъ (Батый).

(У дяди Ефима и матери).

Изъ-за моря-то было, моря синёго,
Изъ-за синёго моря, изъ-за Чёрного
Приходили-то чернёны больши карабли;
Приходилъ-то всё да царь невѣрныя,
Все невѣрной царь Баданъ Бадановицъ
Со своимь-то со сыномъ съ Торокашкою,
Со своимь-то зятёмъ съ однымъ со любимымъ;
Ай за сыномъ-то идётъ силы сорокъ тысецей;
Идётъ сорокъ царей, сорокъ царевицей,
Идётъ сорокъ королей да королевицей;
И за кажнымъ за царёмъ идётъ цяревицёмъ,
И за кажнымъ королёмъ да королевицёмъ
Ише силушки идётъ по сороку всё тысяцей,
И за зятёмъ-то идётъ силы сорокъ тысяцей,
А и сорокъ царей идётъ царевицей,
Ише сорокъ королей да королевицей;

За всимá има идётъ по сороку тысець.
Собиралъ-то эту силу ровно три года,
Ровно три года силу, всё три мѣсеця;
Ишше самъ идётъ, собака, похвалянтце:
„Я приду-то вѣдь какъ скоро всё подъ Кіевъ-градъ,
Отсѣку же у Илейки буйну голову“.
Какъ приходитъ царишшо въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Óнъ вѣдь стелетъ всё мосты себѣ дубовыя,
Ай выходитъ царищо на крутъ бéрежокъ,
Ишше тотъ-ли Баданъ да всё Бадановиць;
Онъ вѣдь скоро выноситъ всё дубовой столъ,
Ишше сталъ-то онъ писать да ёрлыцьки всё скорописцяты;
Написалъ онъ на бумаги, на цѣлóмъ листу:
„Ужъ мы какъ-то придёмъ, зайдёмъ въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Мы Владимера да вѣдь стругомъ выстружимъ,
Опраксею мы да Королевисьню—
Опраксеюшку-ту я возьму въ поляноцьки [1]),
Я возьму ей замужъ зá сына любимого;
Я вѣдь Божьи-ти церькви на огни сожгу,
Я святы-ти вси иконы спушшу нá воду;
Я вѣдь красныхъ-то дѣвушокъ да всихъ къ себѣ возьму,
Я толпáми-ти къ себѣ возьму да добрыхъ мóлодцовъ,
Я стадами-ти возьму да коней добрыихъ“.
Говоритъ-то самъ тотаринъ таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, тотара немилóсьливы!
Выходите вы ко мнѣ да поскорéшенько;
Ишше хто изъ васъ знатъ да языкъ руськой-отъ?
Повезите скоро князю всё Владимиру“.
Ай одинъ-то тутъ тотаринъ нахвалилсэ-то,
Нахвалилсэ-то, скорó выскакивалъ,
Выскакивалъ скóро изъ бѣлá шатра;
Онъ сутулъ, самъ горбатъ, вѣдь наперёдъ покляпъ;
Ишше синь-отъ кафтанъ, голова да какъ пивной котёлъ.
Онъ сядлалъ-то вѣдь скоро коня-та доброго;
Онъ не спрашиватъ не мховъ, и не темны́хъ лѣсовъ;
Всё крыцитъ ёму ззади царь Баданъ Бадановиць:
„Заѣзжай-ко ты въ стѣну не воротами,
Цéрезъ тынъ-то скаци да церезъ башни наугóльнія“.
Пріѣхалъ тотаринъ на широкой дворъ,
Оставлялъ-то онъ добрá коня-та середи онъ широкá двора,

[1]) Заполоню къ себѣ.

Самъ заходитъ въ полаты въ княженеськія;
Онъ кинаётъ скоро грамоту на круглой столъ,
Поворотъ онъ держалъ да всё вонъ пошолъ;
Запиралъ у полаты двери нáкрѣпко,
Вси полатушки-ти тутъ да покосилисе,
Вси окóлёнки со страху поломалисе.
Онъ [1]) вѣдь скоро призыватъ двухъ братьицей крестовыихъ:
Во перьвыхъ зовётъ Добрынюшку Никитиця,
Во вторыхъ зовётъ Алёшеньку Поповиця:
„Роспецятывайте, братьиця крестовыя,
Ёрлыцьки тотарськи скорописцяты".
Они стали тутъ вѣдь скоро росьпечатыватъ;
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Вы ц(ч)итайте-тко, всё братьиця, да не утайте-ко".
Они стали цитать,—слезнó заплакали:
—Эта грамотка, Владимиръ-князь, тебѣ пришла нерадосьня:
Подошолъ-то вѣдь царь-отъ всё Баданъ Бадановиць;
Собиралъ-то онъ вѣдь силы ровно три года,
Онъ вѣдь сóбралъ силы-то вѣдь съ трёхъ земель;
Онъ вѣдь проситъ у тебя да трёхъ богáтырей:
Перьву голову онъ проситъ всё у тя Илейку Мурамця,
Во вторыхъ проситъ Добрынюшку Никитиця,
Во третьйхъ проситъ Алёшеньку Поповиця:
„Отсѣку-то я вѣдь самъ у ихъ да буйны головы".—
Тутъ-то скоро Владимиръ одѣваютце
Со своей онъ съ Опраксеёй Королевисьнёй,
Одѣваютъ на себя всё платьё чёрноё,
Платьё чёрно на себя, платьё печальнёё;
А пошли-то они всё да во Божью церьковь,
А служить пошли молебны всё великія;
Отслужили молебны во Божьёй церьквы.
Тутъ заплакалъ князь Владимиръ горюцьми слезми:
„Ишше всѣ у мня богáтыри розьѣхались!"
А идётъ онъ да изъ Божьёй церьквы;—
Къ имъ настрѣцю всё калика перехожая,
Перехожая калика, переброжая;
Кланёлса Владимиръ-отъ калики перехожою:
„Ты откуль идёшь, калика, куды путь держишь?"
—Я иду-ту, иду въ слáвной въ крáсёнъ Кіевъ-градъ
Я ко ласковому князю ко Владимеру;

[1]) Т. е. князь Владимиръ. *Собир.*

Я спрошу-ту у тибя, всё князь, повѣдаю:
Почему ходи́шь въ цёрномъ платьи въ пеце́льнёмъ-то?—
„Подошла вѣдь у насъ силушка подъ Кіевъ-градъ“.
Говоритъ-то ка́лика перехожая:
—Не калика вѣдь иду я перехожая,—
Я иду-ту тибѣ старая старыньшина,
Шьто по имени казакъ я Илья Муромець,
Изъ очётесьва иду я сынъ Ивановичъ.—
Ему кланялса Владимиръ до низко́й земли:
„Ты не мошь ли, Илья Мурамець, помиловать
Ты не ради всё миня, князя Владимера,
Ты не ради Опраксеи Королевисьни;—
Хоть ты для́-ради Божьи́хъ це́рьквей соборныихъ,
Ужъ ты ради мана́стырей-то хоть спасёныихъ,
Ужъ ты для́-ради сиротскихъ малыхъ дѣтоцёкъ?“
Говорилъ ёму Илья всё таковы рѣци:
—Отказалъ ты, князь Владимиръ, насъ отъ Кіева
Шьчо двѣнадцеть-ту вѣдь лѣтъ насъ поры-времени.—
Тутъ заплакалъ князь Владимиръ горюцьми́ слезьми;
Поклонилсэ онъ Ильи всё до низко́й земьли,
До низко́й ему земли, да до рѣзвы́хъ всё ногъ:
„А постой же за вѣру православную!“
Тутъ вѣдь взялъ-то Илья Мурамець всё князя за праву руку́,
Онъ княгину Опраксею за лѣву́ руку́:
—Вы не плаць-ко-се, князь да со кнегиною!
Постою-ту я за вѣру православную,
Постою я за Божьи́ це́рьквы́ соборныя,
За соборьныя це́рьквы богомольнія,
Постою я за мана́стыри́ спасёныя,
Постою-ту за сиротъ, за вдовъ за бѣдныихъ.
Ты да дай-ко мнѣ-ка, красно нашо солнышко,
Насыпай ты пе́рьву мису кра́сна золота,
Насыпай ты вто́ру мису циста се́ребра,
Насыпай-ко третью мису скатна жемцюга;—
А пойдёмъ-то вѣдь къ царю да всё съ подарками;
Я возьму-то всё съ собой князя Владимира,
Я возьму всё Добрынюшку Никитиця,
Мы возьмёмъ ишше́ Олёшеньку Поповиця;
Мы пойдёмъ-то къ ёму скоро́ съ подарками.—
Какъ приходятъ всё къ царю Бадану-ту Бада́новицю,
Принесли-то ему ско́ро̀ подароцьки:

Какъ подноситъ князь Владимиръ пѐрьву мису крáсна золота;
Принимаетъ тутъ тотаринъ все едной рукой,
Онъ не бьётъ-то всё џеломъ за то, не кланитџе;
Подаваетъ другу-ту мису циста сѐребра,—
Всё примаетъ тотаринъ единóй рукой;
Подавáетъ третью вѣдь мису скатна жемцюгу;
Берётъ-то тотаринъ всё подароцьки;
Говоритъ ему собака таковы рѣци:
„Ты возьми-ко, да ты князь Владимиръ же,
Ты прими у меня цяру зеленá вина,
Зеленá же вина цяру, полтора ведра“.
Ай берётъ-то князь Владимиръ единóй рукой,
Выпиваетъ князь Владимиръ тольки онъ одинъ пивной стоканъ,
Подавáётъ эту цяроцьку всё стáромъ-то старыньшины,
Шьчо тому-ли казаку всё Ильи Мурамцю;
Выпиваетъ Илья всё на единой духъ.
Шшевелились у его всё могуцѝ плюци,
Розгорѣлось у его да ретивó серьцё,
Лѣпётá [1]) же во лици перемѣниласе.
Ай какъ говоритъ вѣдь царь Баданъ Бадановицъ:
„Ты воспоѣжай топере, князь, во Кіевъ-градъ;
Ты оставь мнѣ трёхъ могуціихъ богáтырей:
Во перьвыхъ-то оставь да Илью Мурамця,
Во другихъ оставь Добрынюшку Никитиця,
Во третьи́хъ оставь Алёшеньку Поповиця;
Самъ ты запирайсе на крѣпки́ замки,
Ты крѣпи-ко-се свою-ту стѣну городовую.
Я прибью, зайду, со старого до малого“.
Ай Владимиръ-князь поѣхалъ со Добрынюшкой да со Олёшенькой во Кіевъ-градъ,
Илья Мурамецъ поѣхалъ ко Почай-рѣки;
Онъ вѣдь сталъ-то тутъ двѣнадџеть-то богáтырѐй розыскивать,
Онъ искать-то вѣдь ихъ сталъ по зелёнымъ садамъ:
Они ѣзьдя́тъ по садамъ, всё забавляютџе
Они всякима дворяньскима забавами.
Онъ вѣдь скоро крыцялъ Илéюшка-та зыцьнимъ голосомъ:
„Собирайтесь-ко, богáтыри, въ одно мѣсто;
Мы пойдёмъ-ко скорѣ ко славну граду Кіеву,

---

1) Румéнець.

Мы ко ласковому князю ко Владимеру.“
Ишше скоро съѣжались всѣ богáтыри:
А пріѣхалъ-то въ перьвы́хъ Самсонъ всё Си́льнёй-отъ,
Пересмяга-то пріѣхалъ со племянницькомъ;
Они хоть не вси поимя́нно упомянуты.
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Да ко ласковому князю ко Владимеру;
Отслужили обѣдьни съ панафидами,
Съ панафидами обѣдьни, всё съ молебнами.
Они стали тогда метать всё жéребьи;—
Какъ вѣдь выпало Самсонушку всё Сильнёму,
Ай Самсонушку-ту ѣхать во праву́ руку́,
Пересмяги со племянницькомъ въ лѣву́ руку,
А Ильи-то ѣхать Мурамцю во серёдоцьку,
А Добрынюшки-то ѣхать тоже шьто въ серёдоцьку,
А Алёшеньки Поповицю ѣхать тоже въ серёдку, по крупно́й силы.
А прогóворилъ-то у Ильи-свѣта у Мурамця,
Прогóворилъ ёго да всё вѣдь доброй конь,
Прогóворилъ онъ всё язы́комъ цёловѣцеськимъ:
„Послушай ты, мой ласковой хозяинъ же,
Шьчо по имени Илья да свѣтъ ты Мурамець,
Изъ очетесьва Илья да сынъ Ивановиць!
Ты поѣдёшь въ серёдку въ силушку тотарьскую,—
У тотаръ-то есь три пóдкопа глубокіихъ,
Въ подкопахъ-то наставлёны востры́ шшыки́;
По бокамъ-то наставлёны востры́ шшыки,
По серёдоцькамъ—копья брозамецькія.
Я вѣдь перьвой-отъ подкопъ всё перéскоцю,
Другой-отъ вѣдь подкопъ я перéскоцю,
А въ третѐй-отъ подкопъ уроню тебя я, добра молодца.“
Онъ вѣдь бьётъ коня да по крутымъ мѣстамъ:
—Эка волцья ты сыть, да травяной мѣшокъ!
Ты не хошь стоѣть за вѣру православную,
Ты не хошь слушáть любимаго хозяина!—
Онъ вѣдь бьётъ коня всё по крутымъ бокамъ;
Онъ поѣхалъ скоро въ больши подкопы глубокія.
Ай перьвóй-отъ подкопъ конь скоро перéскоцилъ,
А другой-отъ пóдкопъ скоро конь перéскоцилъ,
Уронилъ-то во третѐй подкóпъ да Илью Мурамця.
Набѣжали тутъ тотара всё поганыи,

Всё опутали во пу́тани шелко́выя,
Шьчё во тѣ его варга́ны [1]) во желѣзныя,
Отправляли всё къ царю-то всё къ невѣрному,
Ко ево-то увезли ёго къ бѣлу́ шатру.
Ишше сами тотара посмѣхаютце:
„Ты сѣки-ко-се, Баданъ да нашъ вѣдь царь Бадановиць,
Отсѣки ты у Илейки буйну голову“.
Говоритъ-то всё вѣдь царь поганой-отъ да всё невѣрной-отъ:
—Вы возьмите-ко да стрѣлоцьки калёныя,
Вы стрѣляйте-тко ёму всё во ясны́ оци.—
Тутъ вѣдь го́воритъ-отъ царь да таковы рѣци:
—Послужи-тко мнѣ, Илейко, хоць три годика.—
Говорилъ-то да Илья Мурамець:
„Я не буду служить у тя три годицька;
Кабы́ была у мня въ рукахъ тепере сабля вострая,
Послужилъ бы я тебѣ всё по твоей шеи,
По твоей-то бы шеи по тотарьскою“.
Говоритъ-то собака таковы рѣци:
—Отсѣките у нево вы буйну голову.—
Говоритъ-то тутъ Илья да свѣтъ всё Мурамець:
„А у васъ вѣдь, у тотаръ, кака́ вѣра неправая;
Ай у нась вѣдь какъ сѣкутъ да буйну голову,
У насъ на́ полё увозятъ на Куликово
Да кладутъ-то буйну голову всё на колодоцьку,
Отсѣкутъ-то тогда да буйну голову“.
Говоритъ-то собаки цᴴрю ро́дной сынъ
Какъ по имени-то всё да Торокашко-то:
„Ты спусти, ты татенько родимой мой,
Ты спусти-ко старого да на Божью́ волю:
Сѣдиной-то вѣдь старой изукрасилса“.
Возмолилсэ Илья да Илья Мурамець
Со слёзами-то Миколы всё угодьнику:
„Прилетали-то во чисто́мъ поли мнѣ-ка свѣтъ-ангели
Да садились они мнѣ на могуци плеци,
Говорили они мнѣ, шьто во цисто́мъ поли мнѣ сьмерьть не писана;—
Мнѣ приходитъ-то тепере сьмерьть напрасная!“
Тутъ свалились-то отъ Бо́жьёй скоро милости,
Всѣ опали-то пу́тани шолко́выя,
Отвалилосе желѣзо всё приковано.
Взялъ-то Илья Мурамець тотарина да за рѣзвы́ ноги,

[1]) На плецяхъ надѣты желѣза.

Онъ вѣдь зáцялъ тотариномъ помахивать:
Въ ту вѣдь сторону махнётъ—валитце улицёй,
Да въ другу-ту махнётъ—всё переулками.
Прибѣжалъ-то у Ильи у Муромця свой Воронеюшко;
Онъ садилсэ тогда да на добрá коня;
Они [1]) стали по чистý полю поѣжживать,
Ай тотарьску-ту силу всё потаптывать.
Исприбили тотаровъ до единого;
Они били-то немало же вѣдь времени:
А двѣнадцеть-то дней да пóры-времени;
Не пивали они да не ѣдали-то.
Да уѣхалъ собака-царь да во своё мѣсто;
А оставили ёму сына любимого,
Да за то его не сказнили, не срубили-то,—
Онъ велѣлъ спустить Илью всё на Божью волю.
Да уѣхалъ царь да во своё мѣсто
Не на церьнёныхъ-то да большихъ кáрабляхъ;
На мелки́хъ-то всё уѣхалъ лёхкихъ шлюпоцькахъ,
Онъ пріѣхалъ бесь прибытку во своё мѣсто;
Тутъ вѣдь брали всё вѣдь ихъ жонки,
Брали они дубовы палоцьки
Да убили-то царя-собаку-то невѣрного:
„Розорилъ-то ты вѣдь да наши дóмы-ти.
Оставилъ ты сиротъ, да малыхъ дѣтоцёкъ!“
Слободилъ-то у насъ Госпоць, небесной Царь,
Сохранилъ-то у насъ многи́хъ богáтырей,
Сохранилъ у насъ вѣру православную,
Сохранилъ у нáсъ надежду царя бѣлого,
Сохранилъ у насъ да всё Божьи́ церькви,
Сохранилъ у насъ манáстыри спасёныя,
Сохранилъ у насъ да книги всё церьковныя,
Сохранилъ у насъ да цюдны свѣтлы óбразы!
Пріѣжжаютъ на дворъ да къ царю бѣлому,
Къ царю бѣлому, ко князю ко Владимеру;
Говорятъ-то они да таковы рѣци:
„Не потухло у насъ да красно солнышко,
Не закрыло у насъ да туцёй тёмною,
Не убили-то тотары царя бѣлого,
Ишше князя-та всё свѣта Владимира!
Ты пойдёмъ-ко, князь Владимиръ, во Божью церьковь;

[1]) Т. е. богатыри. *Собир.*

Мы вѣдь пѣть будёмъ молебны всё за здравiё,
Принесёмъ-то мы хвалу Царю небесному!“
Приходили вѣдь скоро во Божью църьковь,
Отслужили молебны за здравiё
За царя-та вѣдь да тутъ, за цярицю же,
За князьёй за всихъ да тутъ за бо́яровъ,
За руськихъ сильнихъ за могуцихъ своихъ бога́тырей;
Да повёлсэ-то пиръ у ихъ наве́сели;
Они пили зелёна́ вина скольки надобно,
Безъ росцёту они брали золоту казну;
Одарилъ ихъ Владимиръ-князь да со кнегиною,
Подарилъ ихъ подарками великима
За услуги-ти ихны богатырьскiя.

4.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

(У дяди Ефима).

А во да́лечи, дале́че во чисто́мъ поли
Тамъ вѣдь стоялъ-то шатёръ бѣлой поло́тьняной;
Да во томъ во шатру новомъ поло́тьняномъ
Было жило пять могуцiихъ бога́тырей:
Шьто перьво́й-отъ бога́тырь Ва́нюшко, боярьской сынъ,
Да второй-отъ Ванька, енеральской сынъ,
Да третѐй-отъ Олёшенька, поповськой сынъ,
Да четвёртой Добрынюшка Никитиць младъ,
Ишше пятой-отъ—старая старыньшина,
Ишше старая старыньшина Илья Мурамець,
Илья Мурамець былъ, да свѣтъ-Ивановиць.
Пробужаитце Илья да отъ крѣпко́го сну;
Онъ свѣжо́й водой ключёвой умываитце,
Тонкимъ бѣлымъ полотеньцомъ утираитце,
Онъ вѣдь молитце всё Спасу пречистому
Да царици небесной Богородици;
Ёнъ выходитъ на широ́ку свѣтлу улицю,
Онъ берётъ свою трубочку подзорную,
Онъ вѣдь смотритъ на цётыре во вси стороны:
Шьто во да́личи, дале́че во чисто́мъ поли,
Тамъ вѣдь ѣздитъ бога́тырь по чисту́ полю,
Ишше ѣздитъ по чисту́ полю, полякуётъ;
Онъ вѣдь ме́цётъ всё палицю тежолую,
Онъ вѣдь ме́цётъ-то палицю сорока пудовъ,

Онъ берётъ-то едной рукой, съ коня нейдётъ,
Не 'становитъ онъ своёго коня доброго;
На кони-то сидитъ будто сильнёй бугоръ.
Инше тутъ-то Илья Мурамець пріужа́хнулса,
Пріужа́хнулса, со страху прироздумалса:
„Мнѣ кого бы послать-то во чисто́ полё,
Во чисто́ полё послать мнѣ, попровѣдати?
Мнѣ послать вѣдь развѣ Ва́нюшу боярьского,—
Не простыхъ-то родо́въ,—роду боярьского;
Утерятъ въ цистомъ по́ли буйну голову.
Мнѣ послать вѣдь развѣ Ваньку инираль‑ского,—
Ениральцького роду пришолъ, нѣжного;
Утерлетъ-то въ цистомъ поли буйну голову;
Да послать развѣ Олёшеньку Поповиця;
Онъ вѣдь роду какъ всё поповського,—
Потерлетъ въ чистомъ поли буйну голову;
Мнѣ послать развѣ всё брателка крестового
Какъ того ли Добрынюшку Никитичя“.
Услыхаетъ Добрынюшка таковы рѣци;
Онъ вѣдь скоро выходитъ изъ бѣла́ шатра,
Онъ вѣдь скоро сѣдлатъ-то своёго коня доброго,
Онъ сѣдлатъ, всё убиратъ коня богатырьского:
Онъ двѣнадцетъ шолко́выихъ упружинокъ застёгиватъ;
Инше самъ онъ коню да приговариватъ:
„Ужъ ты шолкъ всё не рвись, да ты уборъ не гнись!“
Що не ради красы, да ради крѣпости,
Ради силы своей да богатырьскія.
Какъ поѣхалъ Добрынюшка во чисто́ полё,
Не наѣхалъ бога́тыря въ чисто́мъ полй;
Онъ поѣхалъ Добрынюшка поближе ко синю́ морю
И увидялъ бога́тыря всё присильнёго;
Онъ скрыцялъ вѣдь бога́тырь' ¹) во всю голову:
„Ты постой-ко, бога́тырь, самъ ты мнѣ скажись,
Ты скажись-ко мнѣ, богатырь ты могу́цёй жа;
Подъѣжай ко мнѣ поближе, мы какъ съѣдемсе“.
Какъ услышелъ бога́тырь таку похвальбу,
Поворачиватъ своёго коня доброго;
Какъ зары́снула у коничка права́ нога ²),—
Мать сыра-та земля да потрясаласе,
Инше синёе море зволновалосе,

¹) Вмѣсто „богатырю“. *Собир.*
²) Задѣла за землю, за корешокъ ли.

Изъ озёръ, изъ рѣкъ вода да поливаласе.
Ишше тутъ вѣдь Добрынюшка испугантце;
Подломилиcь у Добрынюшки ножки рѣзвыя,
Пріупали у Добрынюшки руцьки бѣлыя,
Пріудрогло у Добрынюшки ретиво́ серцо́,
Помутились у его-то оци ясныя,
Прокатились у ёго жо горюці́ слёзы:
„Ужъ я скольки по цисту́ полю не ѣзживалъ,—
Ужъ я эдакого бога́тыря не видывалъ“.
Поворацивалъ Добрынюшка добра́ коня
Ко своёму-ту онъ да ко бѣлу́ шатру,
Ёнъ поѣхалъ-то всё проць ко бѣлу шатру.
Какъ стрѣцятъ-то старыньшина Илья Мурамець;
Недосугъ Ильи коня учясывать-углаживать,
Недосугъ ему двѣнадцеть шолко́выихъ опру́жинокъ засте́гивать;
Ище самъ говоритъ да таковы рѣци:
„Ище мнѣ-ка во чисто́мъ по́ли смерть не писана;
Я поѣду зъ бога́тыремъ побра́таюсь,
Я поѣду съ могуцимъ поздороваюсь“.
Пріѣжаетъ Илья да во чисто́ полё;
Онъ наѣхалъ бога́тыря въ чисто́мъ полі́;
А богатырь-то ѣздитъ, забавляитце
Онъ какъ дѣтскима-боярьскима забавами;
Ишше самъ-то онъ палици приговариватъ:
„Приклоню-ту свою палицю тяжолую,
Приклоню-ту я тибя прямо на красёнъ Кіевъ-градъ,
Какъ на матушку тибя, да каменну́ Москву“.
Ишше тѣ слова вѣдь старой вѣдь старыньшины
За бѣду-ту ёму стали за великую,
Пріѣжаётъ къ бога́тырю близёхонько,
Онъ ударилъ своей-то вѣдь палицей тяжолою,
Онъ ударилъ богатырю по буйно́й головы.
Какъ бога́тырь-то сидитъ, сидитъ не думаётъ,
Онъ не думаётъ сидитъ-то, самъ не обёрнитце,
Не обёрнитце сидитъ, да не зглёнётъ же.
Ишше тутъ вѣдь Илья да призадумалсэ:
„Развѣ силушка у мня ужъ не попрежному,
Не попрежному сила, не постарому?“
Онъ отъѣхалъ всё за́ вёрсту за мѣрную,
Онъ нашолъ въ полі́ горюцёй сѣрой камешокъ,

Сохранилъ ёго Господь-отъ, всё помиловалъ:
Розлетѣлось копьё-то Ильи-то въ бѣлы́ груди;
Ище былъ-то у ёго на шеи навѣшанъ золотой же крестъ,
Золотой-отъ вѣдь крестъ былъ во вси груди;
Онъ вѣдь тѣмъ же крестомъ отъ смерти всё избавилсэ.
Онъ вѣдь взялъ Подсокольницька за жолты́ кудри,
Онъ бросалъ-то его-то вѣдь высо́ко же,
Онъ вѣдь выше ёго-то лѣсу стоящёго,
Онъ пониже всё облака ходе́цёго;
Онъ вѣдь тутъ-то его же не убилъ вовсё;
Привезалъ онъ къ своёму [1]) къ добру́ коню:
„Ты бѣги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
Увези Подсокольницька во своё [1]) мѣсто,
Щёбы не ѣздилъ къ намъ больше во чисто́ полё,
Во чисто́ къ намъ полё, щёбы въ красёнъ Кiевъ-градъ;
Не допушшу ёго до матушки славной каменно́й Москвы“.
Побѣжалъ-поступалъ-то тутъ вѣдь доброй конь,
Прибѣгалъ-то къ родимой его матушки.
Ёнъ крыцялъ-то скоро вѣдь да зысьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, матушка родимая!
Ты родима моя матушка любимая!
Ты отворь-ко мнѣ косисьцято окошочько,
Посмотри-тко на своёго цяда милого;
Ты велѣла вѣдь мнѣ-ка старому низко кланетце;—
Ище старъ-отъ вѣдь надо мной какъ надругалсэ-то:
Привезалъ-то миня взялъ ко добру́ коню;
Розьвежи ты миня, маменька, скорёшенько“.
Розьвязала она его скорёшенько,
Ише стала сама про то выспрашивать:
—Ужъ ты было ли, цядышко, на святой Руси?—
Онъ вѣдь взялъ своё-то всё востро́ копьё,
Онъ вѣдь матушки-то ударилъ всё вѣдь въ бѣлу грудь;
Ишше тутъ вѣдь она-то скоро́ представилась.
Ише самъ-то собака похваляитце:
„Уходилъ-то теперице ро́дну матушку;—
Какъ теперице мнѣ будётъ воля вольняя.
Заполоню ту всѣ я руськiя чёрны ка́рабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей многи́хъ людей;
Разышшу-то тогда жа Илью Мурамця,
Отсѣку я по плёць ёму буйну голову“.

---

[1]) Т. е. его, Подсокольника. *Собир.*

Какъ пришло-то объ одну по́ру, прикатилосе,
Ужъ и сотня цернёныхъ-то пришло ка́раблей;
Захватилъ-то онъ, вси-то за́бралъ-то,
Заполонилъ онъ народу всего да православного.
Какъ приходятъ ёрлыцьки скоро скорописьцяты,
Да приходятъ-то скоро всё во Кіевъ-градъ,
Шьто во матушку приходятъ въ камянну́ Москву:
„Захватилъ-то Подсокольничокъ чёрны ка́рабли,
Заполонилъ-то Подсокольницёкъ людей добрыихъ,
Да матросицьковъ онъ да всихъ карабельщицьковъ".
Какъ недолго тутъ Илья, немного онъ роздумывать,
Онъ скорёхонько-скоро да собираитце;
Онъ вѣдь скоро поѣхалъ тутъ къ Подсокольницьку,
Онъ прибилъ всѣхъ со старого до малого,
Онъ отсѣкъ у Подсокольницька буйну голову,
Пригонилъ вси чернёны-ти свои ка́рабли
Онъ вѣдь въ гавань ко князю ко Владимиру.

5.

Добрыня и Змѣя.

(У матери).

Ишше былъ жилъ Никитушка, не славилсэ,
Да не славилсэ Никитушка, состарилсэ,
Да состарилсэ Никитушка, представилсэ.
Оставалась у Никитушки люба́ семья,
Да люба́-та семья да молода жена;
Оставалось у Микитушки цядо милоё,
Ишше милоё цядышко, любимоё,
Какъ вѣдь молодой Добрынюшка Никитиць младъ.
Ишше сталъ-то Добрынюшка двѣнадцети лѣтъ,
Ишше сталъ-то просить благословленьица:
„Ишше матушка ты моя родимая!
Ишше дай-ко-се мнѣ благословленьицо
Мнѣ-ка съѣздить-то развѣ во цисто́ полё,
Поискать мнѣ во цисто́мъ поли поединщицька".
Да услышилъ про эту большу по́хвальбу,
Да услышилъ про то да православной-отъ царь,
Православной царь да Пётръ-отъ Первой жо;
Онъ вѣдь скоро собиралъ да всё поцесенъ-отъ пиръ,
Онъ вѣдь скоро звалъ Добрынюшку Никитьиця:

„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитиць младъ!
Я пошлю, тебѣ съѣздить во Почай-рѣки,
Привезти-то съ Почай-рѣки свѣжой воды,
А свѣжóй-то воды да всё ключёвою,
Да умытьце мнѣ вѣдь, всё аньператору,
Пріумытисе вѣдь мнѣ, да Петру Перьвому,
Пріумытьце вѣдь мнѣ-ка со кнегиною,
Со кнегиной-то мнѣ да съ Катериной-то,
Намъ помытьце охвота, помолодитисе".
Тутъ Добрынюшка всё да не отслышилсэ,
А Никитиць-отъ всё не отговариватъ;
Онъ приходитъ къ собѣ да на широкой дворъ,
Онъ сѣдлатъ-то своёго Воронеюшка.
Какъ выходитъ къ ёму матушка родимая:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитиць младъ!"
Какъ заходитъ къ ёму матушка съ правóй руки,
Говоритъ ёму родима потихошеньку:
„Ты куды, моё дитетко, срежаисьсе,
Ты куды, моё дитятко, отправляисьсе?"
Говоритъ-то Добрынюшка таковы рѣци:
— Ужъ ты лучше бы миня, матушка, не спорóдила;
Спорóдила бы миня въ темнóмъ лѣсу берёзоцькой,
Да стояла берёзка бы во тёмнóмъ она лѣсу,
Во тёмнóмъ она лѣсу да во чистóмъ поли;
Ише ко той бы берёзки съѣжжалисе
Ище вси сильни могуци́ богáтыри.
Я скажу тибѣ, матушка, повѣдаю,
Ты вѣдь матушка моя да всё родимая,
Ты честнá вдова Амельфа Тимоѳеевна!
Ты бы лучше спородúла миня, Добрынюшку Микитиця,
Во синё-то бы морё сѣрымъ камешкомъ;
Да лёжалъ бы этотъ камешекъ вѣки-пó-вѣки!
Посылаётъ теперь миня Петръ-отъ Перьвой, царь,
Посылаётъ миня онъ за свѣжóй водой,
За свѣжóй-то водой за ключóвою:
Пріумыть-то вѣдь хоцётъ лицё бѣлоё,
Со кнегиной-то хоцётъ съ Катериною;
Пріумытьце хотятъ, помолодитисе.—
А тутъ скоро-то матушка благословлятъ его.
Какъ ни бѣлинька берёзоцька къ земьли клонитце,—
Ише кланяитце дородной доброй молодець,
Какъ по имени Добрынюшка Микитиць младъ:

— Благослови-тко миня, матушка, мнѣ-ка съѣздить-то.—
„Тибе Богъ благословитъ, моё цядо милоё!
Ты́ прiѣдёшь когда вѣдь ко Почай-рѣки,
Ростоснётце твоё вѣдь всё бѣло́ тѣло,
Ты вѣдь здумашь-то кунатьце во Почай-рѣки,—
Перьву-ту ты стру́ёчку заплывай,
А вторую-ту струёчку всё вѣдь заплывай,
Ище третьёй-то струёчки не заплывай“.
Ище скоро Добрынюшка прiѣжаётъ-то,
Прiѣжаетъ Добрынюшка ко Почай-рѣки;
Да придумалось Добрынюшки покупатисе
Да во той-ли во матушки во Почай-рѣки;
Онъ вѣдь пе́рьву-ту стру́ёчьку скоро заплывалъ,
Онъ втору-ту вѣдь струёчьку скоро заплывалъ,
Онъ вѣдь третью-то вѣдь струёчьку призаплывалъ,—
Не послушалъ наказу ро́дной матушки;
Выходилъ онъ на сѣрой горюць ка́мешокъ,
Онъ гледѣлъ-смотрѣлъ въ чётыре во вси стороны.
Какъ со той стороны было́ съ восточнюю
Тутъ вѣдь грозная туця подымаитьце;
Ище самъ тому Добрынюшка удивляитце:
„Кабы туця ту́цилась, то бы громъ гремѣлъ;
Кабы громъ-отъ гремѣлъ, то бы цястой дожжикъ шолъ“.
Не усьпѣлъ-то Добрынюшка слова вымолвить,
Слова вымолвить Добрынюшка, рѣци выполнить,—
Прилитѣла злодѣюшка змiя лютая:
„Ужъ ты хоцёшь ли, Добрыня, я тибе водой залью,
Ишше хоцёшь ли, Добрыня, я тибя огнёмъ сожгу,
Ишше хоцёшь ли, Добрыня, дымомъ затушу [1]).
Ишше хоцёшь ли, Добрыня, подхвацю въ свои во хоботы змiинныя,
Унесу-ту я тибя-то въ пешеры дальнiя
Къ малымъ дѣтушкамъ своимъ тибя на съиденьицо?“
Говоритъ-то Добрыня таковы рѣци:
— Ты хотѣла бы, злодѣйка-змѣя лютая,
Ты хотѣла бы злодѣйка,—да какъ вѣдь тибѣ Богъ вѣдь дастъ,
Какъ вѣдь Богъ тибѣ дастъ, да Христосъ выдаётъ!—
Ишше мастёръ былъ Добрынюшка ныркомъ ходить,
Онъ ныркомъ ма́стёръ ходитъ да посёмужью:

---

[1]) Вмѣсто: задушу. *Собир.*

Онъ у сѣрого у камешку унырыватъ,
Онъ у кру́того у бережку выныриватъ;
Онъ вѣдь скоро надѣвалъ своё платье цвѣтноё,
Онъ вѣдь скоро почерьпнулъ два кувшина-то свѣжой воды,
Онъ вѣдь скоро же поѣхалъ да во чисто́ полё.
Налетѣла злодѣйка-змѣя лютая,
Да брала ёго на хоботы всё змѣинныя,
Вызнимала ёго вдвоёмъ со добрымъ конёмъ,
Вызнимала ево 'на высоко́хонько:
Да пониже-то облака ходе́цёго,
Да повыше она лѣсу́ стоящёго.
Ёнъ вѣдь сталъ скоро плёточкой шолковою,
Ёнъ вѣдь сталъ етой плётоцькой постягивать,
Ёнъ вѣдь сталъ пушше вѣдь плётоцькой пошевеливать;—
Отлетѣли у ей хоботы всё змѣинныя;
Ище падатъ змѣя-та на сыру землю;
Ишше стала говорить ему змѣя лютая:
„Ты не бей миня, Добрынюшка Никитиць младъ,
Не розори-ко ты моихъ-то дитей малыихъ!
Мы положимъ съ тобой заповѣдь мы великую;
Ище ты вѣдь какъ будёшь мнѣ большой-отъ братъ,
А вѣдь я тибѣ буду всё меньша́ сестра;
При какой ни будь мы будемъ всё при горюшки,
Ужъ мы будёмъ другъ дружки помогать мы всё,
Я не буду летать-то къ вамъ въ красенъ Кіевъ-градъ,
Я не буду губить вашихъ людей добрыихъ“.
Тутъ Добрыня скоро да испускалъ-то всё,
Какъ спускалъ-то змѣю на волю вольнюю.
Полетѣла змѣя да скоро́ захвастала:
„Ужъ ты самъ моло́дъ, Добрыня, у те умъ вѣдь глупъ!
А вѣдь будёшь ты тепереце мнѣ меньшо́й-отъ братъ,
Ужъ я буду теперь-то тебѣ больша́ сестра;
Я всецясь же полецю теперь на святую Русь,
На святу-ту я Русь, ише въ красенъ Кіевъ-градъ,
Унесу-ту я у князя Петра Перьвого,
Унесу-ту я у него племе́ненку
Ишше ту же Забаву дочь Путятисьню“.
А пріѣхалъ Добрыня отъ Почай-рѣки;—
Ишше ходятъ во Кіеви въ платьи цёрномъ всё,
Да во цёрномъ-то платьици во печальнёмъ жо.
Пріѣжаетъ-то онъ къ дворцю ко царському,
Какъ вѣдь скоро приходитъ со свѣжо́й водой.

Говоритъ ёму царь всё таковы рѣци:
„Какъ у насъ вѣдь во городи вѣдь несчастьицё:
Послѣ твбего, Добрыня, послѣ бываньиця
Унесла змѣя любиму мою племяненку
Ише ту у насъ Забаву дочь Путятичьню;
Поѣжай скоро, Добрыня, за Забавой за Путятичьнёй".
Поворацивалъ Добрыня всё добрá коня;
Не приворотилъ онъ своей-то рóдной матушки;
Онъ прiѣхалъ въ пешероцьку къ змѣй лютою,
Онъ прибилъ, притопталъ взялъ всѣхъ змѣёнышовъ,
Онъ отсѣкъ-то у змѣи взялъ буйну голову;
Онъ привёзъ всё Забаву-ту дочь Путячисьню,
Онъ привёзъ къ своёму-ту [1]) къ родному дядюшки,
Ко тому-ли къ царю-ту да къ Петру Перьвому;
Полуцялъ сибѣ наградушку онъ великую:
Собиралъ-то для ёго да царь поцёсёнъ пиръ,
Собиралъ онъ для ёго князей, бóяровъ,
Собиралъ онъ на пиръ-отъ купцей-гостей торговыихъ,
Онъ вѣдь всѣхъ собиралъ многихъ изъ простыхъ людей.
Онъ дарилъ вѣдь всё Добрынюшку Никитиця,
Онъ дарилъ дорогима всё подарками.

6.

Неудавшаяся женитьба Алеши.

(У матери и дяди Ефима).

Поѣжжаетъ Добрынюшка во чистó полё,
Ко тому онъ ко каменю ко Лáтырю,
Ко тому-ли ко кружалу всё осудареву;
Какъ вѣдь сказыватъ Добрынюшка рóдной матушки:
„Ужъ ты гой еси, матушка родимая!
Какъ пройдётъ тому времецьку три годика,
Да пройдётъ-то тому времецьку вѣдь шесть годовъ,
Да пройдётъ-то тому времецьку всё деветь лѣтъ,
Да пройдётъ-то тому времени двѣнадцэть лѣтъ,—
Ты бери-тко, моя матушка, золоты ключи,
Отмыкай-ко, моя матушка, кóваны ларьци,
Ты бери-ко-се мою-ту вѣдь золоту казну,
Ты клади-тко по церьквамъ, всё по манáстырямъ;
Ужъ ты пой-ко панафиды по мнѣ великiя,

---

[1]) Ея, Забавы. *Собир.*

Ты служи по мнѣ обѣдни да всё поминальни.
А тибѣ-то, моя да вѣдь молода жона,
Ище душоцька Настасья Королевисьня,
Ай тибѣ-то, Настасьюшка, воля вольняя:
Хоть вдовой ты сиди да хоть замýжъ поди,
Хошь за князя поди ты, хоть за боярина,
За купця-гостя поди хоть за торгового,
За хрисьянина поди ты хоть за прожиточьнёго;
Не ходи же за Олёшеньку за Поповиця,
За того-ли за братёлка за крестового;—
У насъ заповѣдь съ имъ-то была положина:
Шьчо не дѣлать-то намъ шьчобы на злó-то намъ,
Не ёму шьчобы нá зло-то, не мнѣ ёму".
Ай прошло тому времени три годицька,
Да прошло тому времецьку вѣдь шесть годовъ,
Да прошло тому времени вѣдь ишше деветь годовъ,
Да прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ;
Тутъ не соболиная шубоцька прошýмѣла,
Какъ сафьяны-ти сапожицьки проскрыпѣли;
Какъ заходитъ во полатушки всё Владимеръ-князь,
Онъ заходитъ въ полаты-ти, сталъ вѣдь свататься:
„Ты поди, поди, Настасьюшка, за Олёшеньку Поповиця!"
Говоритъ-то Настасья всё таковы рѣци:
— Я нейду за Олёшеньку за Поповиця;
Подожду ишшé Добрынюшки изъ цистá поля,
Подожду ишшé Добрынюшки хошь два мѣсеца:
Отпою ишшé обѣдни да съ панахидами,
Помяну ишшé Добрынюшку всё Никитиця:—
Шьчо прошло того времецька два мѣсеця;
Отслужили обѣдни всё съ панахидами.
Какъ приходитъ опеть да всё Владимеръ-князь:
„Ты поди, поди, Настасьюшка Королевисьня,
Королевисьня Настасья, ты дочь Никулишьна!
Ты поди, поди, Настасьюшка, всё въ замужество
За того-ли Олёшеньку за Поповиця:
Ужъ я самъ ѣздилъ, Настасья, во чистóмъ полú,
Я разьвѣдывалъ, вѣсти перевѣдывалъ;—
Ишше нѣту Добрынюшки Микитиця:
Онъ вѣдь всё убитъ лёжитъ во чистóмъ поли.
Ёво бѣло-то тѣло всё прибитоё,
Всё прибитоё, всё-то лёжитъ пристрѣляно;
Ишше буйна головушка всё лёжитъ отсѣцёна;

Я вѣдь самъ яво предалъ всё ко сырой земли“.
Тутъ повѣрила Настасья Королевисьня,
Тутъ повѣрила враќи всё князя Владимера;
Тутъ пошла-то Настасьюшка всё замýжъ она.
А вѣдь ѣхалъ Добрынюшка исъцистá поля;
Повалилса отдохнуть-то онъ во бѣлъ шатёръ;
Не усьпѣлъ онъ заснуть-то да иште крѣпкимъ сномъ,—
Да забилъ-то ево-то тутъ вѣдь доброй конь,
Онъ забилъ-то вѣдь тутъ да ножкой правою:
„Тебѣ полно спать, любимой ты мой хозяинъ же,
Ище нá имя Добрынюшка ты Никитиць младъ!
У тебя-то въ доми-то есь нешчасьицо:
Молода-та жена у тебя замýжъ пошла,
Не за князя пошла, всё не за боярина,
Не за гостя-купця пошла за торгового,
Не за бѣднову-нужного за хресьянина,—
За твоёго за брателка за крестового,
За крестового братёлка за назвáного
За тово-ли за Олёшеньку за Поповиця“.
Недосугъ тутъ Добрынюшки долго спать-лежать;
Онъ вѣдь скоро ставалъ же, пробужалсэ тутъ,
Онъ вѣдь скоро поѣхалъ-то въ красенъ въ Кіевъ-градъ;
Онъ вѣдь прямо пріѣжаётъ къ матушки на подворьицѣ.
Да выходитъ-то матушка на краснó крыльцѣ;
Онъ заходитъ Добрынюшка въ ихно всё подворьицо,
Не здороваитцэ онъ-то съ рóдной матушкой.
Иште матушка тутъ всё прирослакалась:
„И какой-то невѣжа пріѣхалъ на сиробцько моё подворьицё!
Онъ вѣдь смѣло идётъ ко мнѣ безъ докладу всё.
Кабы бы́ло у мня бы да цядо милоё
Какъ бы мóлодой Добрынюшка Никитиць младъ,
Не завёлъ бы онъ [1]) на дворъ-то ко мнѣ добрá коня“.
Какъ сказалъ тогда Добрынюшка рóдной матушки:
— Ты не плаць, цёснá вдова Омельфа Тимоѳеёвна!
Не моци-ко ты своёго-то лиця бѣлого,
Лиця бѣлого своёго ты пристарѣлого.
Ужъ ты спрашивай ты лучше про Добрынюшку:
Мы недавно зъ Добрынюшкой прирозъѣхались;
Ай Добрынюшка поѣхалъ да во чистó полё,
Ище я-то поѣхалъ въ красёнъ Кіевъ-градъ.

[1]) Т. е. невѣжа. *Собир.*

Ужъ ты дай-ко-се моё да платье цьвѣтноё;
Наряжусь-то я вѣдь, маменька, скоморошиной.—
„Я не вѣрю у тя, да доброй молодець:
Шьчо Добрынюшка у мня-то да былъ хорошенькой;
Ишше лицико было какъ снѣжку бѣлого“.
— Ужъ ты шьто же ты, матушка родимая,
Какъ двѣнадцать-то лѣтъ какъ я ѣзьдилъ по чисту́ полю,—
Загорѣло отъ солнышка лицё бѣлоё,
Прирвалось у мня отъ лѣсу вѣдь платье цьвѣтноё.
Посмотри-тко, моя матушка родимая:
На правой-то у мня-то было на ножоцьки,
Ище всё было пятонышко родимоё.—
Потому ево признала-то ро́дна матушка.
— Ты неси-ко-се мнѣ-ка звонцяты́ гусьли.
„Молода-та жона, всё Добрынюшка Никитиць младъ,
Шьчо пошла у мня Настасьюшка всё какъ за́ мужъ-отъ;
Ище скоро они пойдутъ во Божью́ церьковь,
Ище скоро держать будутъ по злату вѣньцу“.
А пошолъ-то Добрынюшка крутёшенько;
Онъ заходитъ въ полаты всё княженеськія,
Онъ садился Добрынюшка всё на пецьку-ту;
Ёнъ вѣдь сталъ-то во гу́сельци всё поигрывать;
Онъ утѣшилъ всё князя со княгиною.
Ишше самъ онъ игратъ-то, самъ приговариватъ:
„Не пёкло́-то красно солнышко у васъ три́ года́,
Не пёкло-то красно солнышко оно шесь годовъ,
Не пёкло-то красно солнышко оно деветь лѣтъ,
Не пёкло-то красно солнышко двѣнадцеть лѣтъ“;
(Молодой-то жены своей наговариватъ):
„Росьпекло-то красно солнышко всё росьвѣтило
На тринадцэтомъ, Настасья, у тя годоцики“.
Говорилъ-то вѣдь князь-отъ да всё Владимиръ-свѣтъ:
— Ты подьвиньсе поближе хоть, скоморошина,
Пріутѣшь жениха у мня со невѣстою.—
Тутъ узнала Настасья-та Королевисьня,
Говорила она всё князю Владимиру:
„Ужъ ты гой еси, красно ты наше солнышко,
Ужъ ты гой еси, свѣтъ ты Владимиръ же стольнё-кіевськой!
Ты позволь, князь, налить-то мнѣ-ка рюмоцьку,
Поднести мнѣ-ка этому скоморошины“.
Говорилъ-то Настасьи-то всё Владимиръ-князь:

— Наливай-ко, Настасья, ты сколько тебѣ надобно.—
Подносила Настасья всё скоморошины;
Принимаетъ же онъ-то всё единой рукой,
Поздравляетъ вѣдь всё-то князя Владимира,
Прóздравляётъ жениха-та всё со невѣстою,
Выпиваётъ вѣдь цяроцьку эту всю до дна.
Заговорúлъ-то вѣдь эта да скоморошина:
„Ужъ ты гой еси, Владимиръ князь ты стольнё-кіевськой!
Ужъ ты дай мнѣ налить-то эту цяроцьку,
Вы дозвольте налить мнѣ-ка мёду сладкого,
Поднести мнѣ невѣсты всё заручёвною".
Приказалъ-то ему-то да князь дозволилъ-то;
Подносилъ онъ Настасьи всё Королевисьни:
„Ужъ ты пей-ко, Настасьюшка, цяру всю до дна;
Ты найдёшь въ этой цяроцьки, бывать, добра".
Выпиваетъ Настасьюшка мёду сладкого;
Прикатилса къ Настасьюшки золотой перстень.
Какъ брала-то она перстенъ-отъ во правý рукý;—
Ишше перстень—Добрынюшки всё Никитиця.
Ишше тутъ вѣдь Настасьюшка обрадѣ́ла же;
Какъ скакала она церезъ дубовой столъ,
Обняла она Добрынюшку за бѣлý шею,
Цёловала его въ уста сахáрныя:
— Какъ не тотъ-отъ мой женихъ-отъ,—за столомъ сидитъ;
Ише тотъ-отъ мой мужъ-отъ, гдѣ у стола стоитъ.—
Говоритъ-то Добрынюшка таковы рѣци:
„Не дивлю-ту, Настасьюшка, твоей глупости".
Она пала Добрынюшки во рѣзвы́ ноги:
— Ты просьти меня (въ) вины, просьти виноватую!—
„Я дивлю-ту только князю-ту со кнегиною:
Ишше князь-отъ Владимиръ-отъ у мня сватомъ былъ,
Да кнегина-та Опраксея-то была свахою.
Не прошшу тебя, брателка крестового:
Ты хотѣлъ же у живá мужа жону отнять,
Ты пецелилъ мою-ту да рóдну матушку;
Проливала она-то да горюци́ слёзы".
Онъ вѣдь взялъ-то Настасьюшку за бѣлý руку;
Онъ киналъ-то въ Олёшеньку всё булатёнъ ножъ [1]).
Ишше отнялъ Илья-та Олёшеньку Поповиця:
„Помиритесь-ко, братьиця крестовыя,

---

[1]) Взялъ изъ нагáлишша.

Вы крестовы, вы братьиця назва́ныя!
Ты поди домой, Добрынюшка, съ молодой жоной,
Ты поди-ко къ своей матушки къ родимыя,
Ко цесно́й вдовы Омельфы Тимоѳеевны“.

7.

Алеша и сестра Бродо́вичей.

(Отъ дяди Ефима).

Ай во славномъ было городи во Кіеви
Да у ласкового князя у Владимера:
Собиралъ князь Владимиръ-отъ всё поцесёнъ пиръ
Ай на тѣхъ-ли на своихъ-то князей, на бо́яровъ,
Онъ на тѣхъ-ли предводителей всё на вѣрныихъ,
Собиралъ онъ тутъ на тѣхъ на энераловъ-то,
На купцей на гостей на всѣхъ на торговыхъ,
На всѣхъ собиралъ всё людей прожиточнихъ,
На прожиточнихъ собиралъ на всѣхъ хресьянушокъ;
Потому-то былъ названъ у хресьянъ прожиточнихъ,
Ише названъ былъ краснымъ у ихъ солнышкомъ,
Всё вѣдь ласковымъ названъ князёмъ Владимеромъ,
По ёго-то всё названъ добродители.
Собиралъ-то могуцихъ сильнихъ бога́тырей,
Собиралъ-то два братёлка два Петровиця,
Два Петровицей, братьицей Бродо́вицей.
Ише свѣ́тёлъ-отъ день пошолъ ко вѐцёру,
Ай поцесёнъ-отъ пиръ идётъ навѐсели.
Ише всѣ на пиру да напивалисе,
Ише всѣ на чесно́мъ да наѣдалисе;
Ише всѣ на пиру да пьяны, вѐсёлы.
Ише красно-то нашо было солнышко,
Ище князь-о Владимеръ стольне-кіевской,
Онъ вѣдь ходитъ-то всё самъ веселёхонёкъ,
Говоритъ-то онъ и самъ да таковы слова:
„Ужъ вы кушайте, кушайте, пейте, ѣшьте вы,
Ужъ вы пейте и ѣшьте, сами хвастайте“;
А богатой-отъ хвастатъ золотой казной,
А бога́тырь-отъ хвастатъ могуто́й-силой,
Ище глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Ише умной-отъ хвастатъ роднымъ батюшкой,
Да разумной-отъ хвастатъ ро́дной матушкой,

А вѣдь хитрой-отъ хвастатъ рбдной сéстрицой.
Да Владимиръ-князь по полатушки всё похаживатъ;
Онъ вѣдь бѣлыма руцюшками розмахиватъ,
Золотыма персьнями всё самъ набрякиватъ,
Онъ русы́ма кудрями скорó натряхиватъ;
Ишше самъ-то тому всё приговариватъ:
„Удивляюсь двýма братьицямъ всё Петровицямъ,
Всё Петровичамъ, братьичамъ я Бродóвичамъ:
Почему же вы, братьица, всё не хвастайте?"
Говорятъ скоро братьича таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, крáсно ты нашо солнышко,
Ужъ и ласковой князь да ты Владимиръ же!
Ише нецимъ же намъ да вбвсё хвастать-то;
Ишше тѣмъ-то вѣдь развѣ всё мы похвастамъ-то,
Да своей-то похвастамъ родной сéстрой,
Ище душочкой Настасьёй всё Петровной-то:
Да сидитъ у мня сéсьтриця родимая,
Какъ сидитъ она въ высокомъ-то новомъ тéреми.
Ай сидитъ она за многима за заморськима,
За заморськима сидитъ она за замоцьками,—
Шьчобы красно ей солнышко не зáпёкло,
Шьчобы буйныи вѣтры да не завѣели,
Шьчобы народъ люди добрыи не увидѣли,
Шьчобы руськія могуціи ей богáтыри,
Вси дородьни-ти ей добры молодцы.—
Тутъ скорёхонько ставаётъ-то на ножки дородьнёй доброй молодець,
Ишше руськой-отъ сильнёй-отъ всё богáтырь-отъ
Шчо по имени Алёшинька всё Поповиць младъ:
„Вы не хвастайте, два братёлка два родимого,
Два Петровиця всё вы два Бродóвиця,
Вы не хвастайте родимой-то своей сéстрицёй:
Хошь сидитъ у васъ за крѣпкима за замоцьками,
Шьчо постáвлёны крѣпки-ти вѣрны караульшицьки,—
Нечево-то про то они не знаютъ тутъ:
Я хожу-то къ родимой-то къ вашой сéстрици,
Я ко душеньки къ Настасьи-то всё къ Петровны-то,
Я хожу-то къ ей вѣдь я не по бѣлымъ днямъ,
Я хожу къ ей въ вецéряхъ, въ полнóць да ноцьки тёмною;
Приду, брошу комоцикъ я снѣжку бѣлого
Во её во косéсцято во окошоцько;

Отпирать мнѣ-ка окошоцько всё косесцято,
Запускать миня въ окошоцько потихошеньку,
Шьчобы не знали вы, братьиця всё Петровици,
Всё Петровици, братьиця вы Бродовици“.
Ище тутъ-то вѣдь братьицямъ за бѣду́ стало́,
За надсмѣшоцьку вели́ку имъ показалосе;
Они брали изъ нага́лишша всё булатенъ ножъ
Да кинали въ Алёшеньку въ Поповиця;
Да Алёшенька былъ-то вѣдь всё хитёръ-мудёръ,
Да Поповиць-отъ былъ у насъ всё догадливъ онъ:
Онъ подвинулсэ во лѣву-ту онъ стороноцьку;—
Пролетѣлъ етотъ ножикъ у ёго о руцьку правую.
Тутъ скакалъ-то старая всё стариньшина,
Ише тотъ-ли казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець всё да сынъ Ивановиць;
Онъ вѣдь скоро говорилъ-то имъ таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, братьиця Петровици,
Вы Петровици, братьича всё Бродовичи!
Не стыдитесь стыду, стыду, братцы, се́стрина,
Не пристыдили шьчобы́ васъ молоды жоны!“
Не досиживали тутъ всё пиру́ Петровици;
Они скоро брали́-то шляпы со спичоцьки,
Они скоро молились всё Богу-Господу,
Они матери Божьёй да Богородицы,
Благодарили вѣдь ласкова князя-то Владимира
Со кнегиной съ Опраксеей-то съ Королевисьнёй;
Они князямъ, боярамъ низко кланелись,
Енераламъ-то всимъ они, предводителямъ,
Они всѣмъ-то могуцимъ да всѣмъ бога́тырямъ;
Они тольке сердиты-ти были на Олёшеньку Поповиця.
Прiѣжаютъ они-то всё къ широку́ двору;
Ихъ стрѣцяютъ вѣдь ихны молоды жоны́,
Говорятъ они имъ-то всё таковы рѣци:
„Ужъ вы шьчо вы сегодне, вы братьиця Петровици,
Вы Петровици, братьиця всё Бродо́вици,
Ужъ вы скоро прiѣхали со цёсна́ пиру́?“
Какъ молцятъ они всё-то, имъ не сказываютъ.
Они скоро дожьдали́сь тутъ ноцьки тёмною,
Они стали-то къ сёстры́ всё къ высо́ку тёрему;
Тутъ вѣдь пришло тому-ту въ ноцьку времени;
Какъ пришли-то вѣдь братьиця подъ окошоцько,
Какъ кинали комоцикъ снѣ́жку бѣлого.

Ище тутъ отпиратъ скоро Настасьюшка окошоцько:
„Я прошу-то тебя-то, Олёшенька Поповиць младъ,
Шьчо зайди ко мнѣ теперь во высо́къ теремъ
Шьчо попить-то, поѣсть мнѣ съ тобой, покушати;
У мня кушаньё северне всё приготовлёно“.
Тутъ нейдётъ къ ей въ окошоцько всё Олёшенька;
Говоритъ-то она всё таки рѣци:
„Поцёму осердилсэ ты на меня-то всё?“
Тутъ вѣдь скоро загремѣли замоцьки крѣпкія;
Какъ приходятъ родимы 'е [1]) всё братьиця;
Ище брали они всё ей за русу́ косу,
Да хотятъ ей вести-то ей во чисто́ полё,
Отрубить у ей по плёць хотятъ буйну голову.
Ужъ какъ вывели ей братья на широкой дворъ;
Да Настасьюшка слёзно всё уливаитце,
Какъ Петровна-та плацётъ, какъ рѣка идётъ,
Какъ рѣка-та идётъ да какъ руцей бѣжитъ;
Во слёзахъ-то говоритъ она таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, родимы вы милы братьиця!
Не могите миня вы скоро рубить-казнить,
А не можно ли миня-то всё помиловать?
Вы не бойтесь моёго-то всё стыду се́стрина,
Вы побойтесь своёго-то вы стыду женина!
Росскажу-ту я про вашихъ молодыхъ вѣдь жонъ:
Не своимъ-то умомъ его я приглашала тутъ;
Мнѣ дозволили ваши всё молоды жены
Пригласить мнѣ-ка Алёшеньку-свѣтъ Поповиця;
Потому они велѣли, шьчобъ я вамъ не сказала про ихъ:
Вы постойте, покараульте у своихъ у молодыхъ вѣдь жонъ;—
[Какъ вѣдь старша твоя-та любитъ молода жона]
Измѣнили васъ, братьицей всё Петровицей:
Какъ вѣдь старша-та любитъ Цюрила-свѣта Плёнковиця,
Какъ за то ево любитъ—за походочку,
Какъ походочка ево да очунь модная;
А вѣтъ младша-та любитъ—скажу я тебѣ, братёлко —
Пересьмяки-то родимого всё племянницька,
За ухватку ево любитъ богатырьскую,
За красу-ту ево любитъ молодецькую“.
Ище скоро про то-то всё роздёрнулось [2]);

---

[1]) Вмѣсто: её, т.-е. ея. *Собир.*

[2]) Розошлось по городу.

Какъ доходитъ до Олёшеньки Поповиця,
Шьчо повозятъ Петровици родну́ сестру,
Шьчо отсѣкци хотятъ у ей буйну голову.
Тутъ пришолъ-то Олёшенька всё Поповиць младъ:
„Не сѣките-ко у Настасьюшки буйну голову;
Вы отдайте-тко Настасьюшку за миня заму́жъ".
Они скоро ёму ниско поклонилисе:
— Ты бери-тко, Олёшенька ты Поповиць младъ,
Ты бери у насъ Настасьюшку съ цести, съ радости,
Ты избави отъ стыду-ту отъ великого.—
Ишше тутъ вѣдь Олёшенька поѣхалъ съ Настасьюшкой во Божью церковь;
Принимали они-то скоро закóнъ Божій,
Обдержали они скоро по злату вѣньцу;
Да повёлсэ у ихъ тутъ пиръ на радости;
Посьлѣ етого пиру́ домой пріѣжаютъ тутъ.
Какъ уѣхали Петровичи во чистó полё;
Испытать они хотятъ своихъ молодыхъ всё жонъ.
Они жили во пóли трои сутоцьки;
Пріѣжаютъ въ полноць-ту ноцьки тёмною;—
У большой сѣдитъ Цюрилушко всё Плéнковиць,
У меньшой сѣдитъ Пересьмя́кинъ родной племянницёкъ.
Говоритъ-то Цюрилушко таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Пересьмякинъ всё племянницёкъ!
Намъ вѣдь полно сидѣть долго, прохлаждатисе!
Мы гостимъ вѣдь, сидимъ у ихъ третьи сутоцьки:
Не прошла шьчобы вѣсть, не пронеслась-то вѣдь
Какъ до тѣхъ-ли Петровицей до Бродóвицей.
Мы пойдёмъ-ко домой, разьвѣ станемъ собиратисе".
Говорятъ-то всё ихны молоды жоны:
— Не пріѣдутъ сёгодне наши Петровици,
Не пріѣдутъ сёводне наши Бродовици.—
Какъ Петровици-Бродовици всё во ту пору;—
Проговорили у ихъ кони язы́комъ человѣцескимъ:
„Вамъ вѣдь полно, Петровици, спать въ бѣлы́хъ шатрахъ!
У васъ въ доми всё сдѣлалось нешчасьицё:
Измѣнили ваши васъ-то всё молоды жоны́,
Пригласили къ себѣ-то дружковъ милыихъ:
Во перьвы́хъ-то Цюрилушко госьтитъ Плéнковиць,
Во вторыхъ-то госьтитъ Пересьмякинъ младъ племéнницёкъ".
Недосугъ тутъ Петровицямъ розговаривать;
Они скоро-то тутъ да всё поѣхали;

Какъ идутъ-то скоро́ они въ новы горьницы.
А Цюрилушко-то всё онъ былъ хитро́й-мудро́й,
Онъ хитро́й-отъ, мудро́й всё былъ догадьливой;
Онъ охвоць ходить за бабами былъ, за дѣвками;
Онъ вѣдь скоро бралъ со спицьки пухову́ шляпу,—
Онъ услышалъ топоть всё конинуя;
Онъ выскакивалъ косисцятымъ всё окошоцькомъ,
Онъ бѣжалъ-то Цюрилушко всё вѣдь Плёнковиць,
Онъ оставилъ перцятоцьки всё шолко̀выя.
Пересьмякинъ-отъ былъ да всё племянницёкъ
Молодёхонёкъ былъ ише всё глупёхонёкъ;
Тотъ сидитъ-то, сидитъ, съ има розговариватъ.
Да пришли-то всё братьиця тутъ Петровици,
Да схватали дородьня-та добра молодца,
Какъ схватали ёго-то за бѣлы́ руки;
Богатырь-отъ былъ-то всё пресильнія,—
Розмёталъ-то всихъ братьицей Петровицей,
Выбѣгаётъ на широ́ку-ту свѣтлу улоцьку.
Они брали своихъ-то молодыхъ всё жонъ,—
Какъ узнали Цюрилушка по перцятоцькамъ,—
Да срубили у ихъ взели буйны головы.
Съ того горюшка было, вѣдь съ той круцинушки
Шьчо лишились вѣдь города славна Кіева,
Записались во городъ-отъ во Цернйловъ-отъ;
Они стали поживать тамъ, всё здрастовать.

8.

Потыкъ.

(У родственниковъ перепяла еще маленькой дѣвочкой [1]).

Ай вѣдь было во славномъ городи во Кіеви,
Шьчо у ласкового князя у Владимера;
Ай вѣдь было жило у его всё три бога́тыря,
Три того-ли всё три брателка крестового:
Во перьвы́хъ-то жилъ Добрынюшка Никитиць младъ,
Во вторыхъ-то жилъ Алёшенька Поповичъ младъ,
Во третьи́хъ-то жилъ вѣдь По́тыкъ-отъ Михайло сынъ Ивановиць.
Говорилъ-то князь Михайлу, всё росказывалъ:
„Поѣжай-ко ты, Михайлушко, въ чисто́ полё,

[1]) Забыла;—не знаю, могу ли спѣть.

Ужъ ты молодой мой Потыкъ, ты Михайло сынъ Ивановиць!
Пострѣляй-ко хоть ты мнѣ да бѣлыхъ лёбедей“.
Тутъ какъ скоро-то Михайло свѣтъ Ивановиць
Онъ вѣдь скоро-то выходитъ всё изъ-за дубовá стола,
Онъ вѣдь скоро-то бѣжитъ всё на конюшинъ дворъ;
Онъ сядлалъ-то своево вѣдь коня доброго,
Онъ вѣдь скоро тутъ поѣхалъ во цистó полё;
Ишше бралъ-то онъ всё стрѣлоцьки калёныя;
Онъ завидялъ всё на тихой-то на зáводи,
Онъ завидялъ лебёдушку всё бѣлую:
Ета бѣленька лебёдка—золотó перьё,
Золото у ей перьё, крыльё серебрянó,
Голова-та усажóна скатнымъ жемцюгомъ.
Воспроговóритъ всё Потыкъ-то Михайло свѣтъ Ивановичъ:
„Я не буду-то стрѣлять етой лебёдочки,
Я не буду всё ей да я кровавить-то;
Не могу ли изымать ею живý въ руки,
Увезти мнѣ-ка живу князю Владимиру“.
Онъ не могъ-то поимáть да ей живой въ руки;
Онъ вѣдь скоро натягáётъ Потыкъ-то Михайло сынъ Ивановиць,
Натягаётъ онъ у стрѣлки скоро тýгой лукъ,
Онъ вѣдь хоцётъ пострѣлить-то эту лебёдушку;
Тутъ спрогóворитъ лебёдушка языкомъ человѣчеськимъ:
„Ужъ ты гой еси, ты Потыкъ же Михайло сынъ Ивановичъ!
Не стрѣляй-ко ты миня, всё бѣлой лебеди:
Пригожусь-то я къ тебѣ да всё во всё время“.
Тутъ Потыкъ-то Михайло всё Ивановиць
Онъ-то ей да пожалѣлъ да всё пострѣлить-то.
Полетѣла-то лебёдочка ко Почай-рѣки [1]);
Поѣхалъ вѣдь Потыкъ-то Михайло-свѣтъ Ивановиць
Какъ за етой за бѣлой вслѣдъ лебёдушкой.
Не лебёдушка летатъ-то тутъ,—Овдотья Лиходѣёвна;
Прилетѣла-то Овдотья на крутъ бéрежокъ,
Розьвернулась-то Овдотья красной дѣвицёй;
Пріѣжаетъ-то вѣдь Потыкъ-то Михайло-свѣтъ Ивановиць.
Обнимать она Потыка Михайла всё Ивановиця,
Обнимаетъ она ево всё за бѣлý шою,
Чёловала ево въ уста въ сахáрнія:
„Ты возьми, возьми-тко, Потыкъ ты Михайло сынъ Ивановичъ,
Ты возьми, возьми миня Овдотьюшку-ту за сибя замýжъ!“

---

[1]) Больша рѣцюшка, гдѣ-небудь далёко,—въ скольких старинáхъ поётце!

Ишше тутъ-то вѣдь Потыкъ-то Михайло всё Ивановичъ
Ишше онъ вѣдь тутъ вѣдь всё на ей сосваталсэ.
Тутъ садилсэ всё Потыкъ-то Михайло всё Ивановиць,
Онъ садилсэ на своёго коня доброго,
Онъ поѣхалъ вѣдь Потыкъ-то Михайло всё Ивановиць
Да поѣхалъ вѣдь онъ да въ красёнъ Кіевъ-градъ
Ко своёму-ту ко ласковому князю ко Владимиру.
Овернулась тутъ Овдотья Лиходѣёвна,
Овернулась-то она да бѣлой лебедью,
Овернулась—полетѣла-то да перѳди его.
Ишше ѣётъ Потыкъ-отъ Михайло всё Ивановиць,
Мимо ѣдётъ Овдотьюшкинъ высокъ терёмъ:
Сидитъ-то тутъ Овдотья Лиходѣёвна,
Шьто сидитъ-то подъ косисьцятымъ окошоцькомъ.
Пріѣжаетъ ко князю ко Владимиру;
Онъ навёзъ-то тутъ ёму всё гусей, лёбедей
Да пернасцетыхъ-то мелкихъ утоцёкъ.
Говоритъ-то тутъ вѣдь Потыкъ-отъ Михайло всё Ивановиць:
„Ужъ ты красно моё солнышко Владимиръ-князь,
Ты Владимиръ, ты князь мой стольнё-кіецькой!
Ты збиралъ-то пиръ да для троихъ для насъ,
Для троихъ для насъ збиралъ, для трёхъ могуціихъ богáтырей“.
Говоритъ-то тутъ Потыкъ-отъ Михайло всё Ивановиць,
Какъ вѣдь говоритъ-то всё князю Владимиру:
„Собери-ко-се ты, князь, ты пиръ да одному мнѣ-ка:
Я сосваталсэ вѣдь на Овдотьи Лиходѣёвны;
Зазвонятъ вѣдь какъ вецерьни-ти позды сёгодни-то,
Мы тогда пойдёмъ съ Овдотьёй съ Лиходѣёвной
Во Божью-ту мы церьковь пойдёмъ вѣнцятисе“ [1]).
Ай тому-то вѣдь Владимиръ-князь всё радъ вѣдь былъ,
Онъ вѣдь радъ вѣдь былъ тому радёшенёкъ.
Ишше свѣтёлъ-отъ день пошолъ ко вецёру,
Ишше красно-то солнышко пошло ко западу;
Зазвонили тутъ вецерни-ти вѣдь во Божьихъ церьквахъ;
Тутъ вѣдь Потыкъ-отъ Михайло сынъ Ивановиць
Пошолъ-то Потыкъ вѣдь свѣтъ-Михайлушко въ Божью церьковь;
Наредилась тутъ Овдотья Лиходѣёвна
Да пошла же она да во Божью церьковь.
Какъ вѣдь отслужили-то позды вецерьни-то,
Говорилъ-то Потыкъ-то Михайлушко Ивановиць,

[1]) Еретиця была; говоритъ: „обвинцеюсе послѣ вецерни“.

Говорилъ-то всё отцамъ, попамъ соборныимъ:
„Повѣнчайте-тко вы насъ съ Овдотьюшкой съ Лиходѣёвной“.
Говорила тутъ Овдотья Лиходѣёвна:
„Ужъ ты гой еси, Потыкъ ты Михайло всё Ивановиць!
Мы положимъ развѣ заповѣдь великую:
Впереди-то мы умрёмъ которой одинъ одно́го-то,
Шьчобы къ мёртвому живого закопать въ земьлю“.
Положили они заповѣдь великую
Передъ той-ли они да во Божьѐй ц́ерькви,
Какъ при тѣхъ-ли отцяхъ, отцяхъ духовныихъ,
Шьчо при тѣхъ-ли при прицьтьницькахъ ц́ерьковныихъ.
Овѣнцялсэ тутъ Потыкъ-то Михайло сынъ Ивановиць
Съ молодой-то со Овдотьѐй Лиходѣёвной;
Приходятъ они всё изъ Божьѐй ц́ерькви.
Ише князь-отъ былъ Владимиръ всё радёхонёкъ,
Всё радёхонёкъ былъ онъ, веселёхонёкъ;
Онъ садитъ-то новобрачныхъ, всё усаживатъ;
Ише По́тыка Михайла всё Ивановиця
Онъ со той-ли со Овдотьѐй съ Лиходѣёвной
Онъ усаживалъ въ полаты ихъ за дубовы́ столы;
Повёлсэ тутъ у ихъ всё пиръ навёсели.
Они жили немного—тольки по́лгода;
Незамо́гла-то тутъ Овдотья Лиходѣёвна;
Она вецёромъ незамогла, утромъ представилась.
Тутъ пошолъ-то скоро Потыкъ-отъ Михайло все Ивановичъ,
Онъ пошолъ-то тутъ да всё къ попамъ соборныимъ;
Они зьдѣлали могилу всё большиньскую,
Повалили Овдотьюшку всё мёртву въ гробъ,
Повалили тутъ Потыка Михайла все Ивановиця;
Подли бокъ-то поставили къ ёму добра́ коня.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, попы, отцы соборныя!
Я не дамъ-то Михайлушка лёжить съ Овдотьей Лиходѣёвной;
Повалите вы Овдотью всё ёдну вы въ гробъ,
Положите на Овдотью полосу желѣзную,
Посадите вы Потыка Михайла со добры́мъ конёмъ,
Положите вы ёму да саблю вострую;
Ужъ поставлю я къ могилы крѣпкихъ караульщицьковъ“.
Закрывали съ могилы [1]) ихъ рѣшотоцькой желѣзною;
Какъ вѣдь жолтымъ-то песоцькомъ не зарыли-то;

[1]) Въ могилы? *Собир.*

По роспореженьицю всё вѣдь было по хорошому,
По хорошому да всё по хитрому
Всё по хитрому былб, по мудрому:
Тутъ поставилъ онъ крѣпкихъ всё караульшицьвовъ.
Со шести было цесовъ да до двѣнадцети,
Приползала тутъ зьмѣя къ Потыку Михайлу всё Ивановичу;
Напустила тутъ Овдотья Лиходѣёвна
Волшесьтвомъ она своимъ да зьмѣй-то лютыихъ;
Загрызьли-то у Потыка Михайла у Ивановича,
Ай хотятъ они отрысьть да ручки бѣлыя.
Онъ хватилъ тутъ Потыкъ-то Михайло всё Ивановиць,
Онъ хватилъ свою скорб востру́ сабьлю,
Онъ отцѣкъ-то у змѣй да буйны головы.
Забрецяла полоса-та всё желѣзная;
Заскрыпѣла тутъ зубами всё Овдотья Лиходѣёвна.
Перепалсэ у Потыка у Михайла у Ивановиця доброй конь;
Онъ выскакиватъ изъ матушки сырой земьли,
Онъ выхватывалъ ногами своего хозяина;
Проговорилъ-то конь языкомъ человѣцескимъ:
„Притопцю возьму Овдотью Лиходѣёвну!“
Притопталъ-то онъ въ земьли, въ гробу Овдотью Лиходѣёвну;
’ достали-то присѣкъ Потыкъ-то Михайло всё Ивановиць,
Онъ присѣкъ ей, прирубилъ взялъ на мелки части:
„Не жона была Овдотья мнѣ-ка Лиходѣёвна,
Не жона мнѣ-ка была,—всё еретиця-та проклятая!“

9.

Дунай сватаетъ невѣсту князю Владимиру.

(У матери).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимира
Заводилсэ-зацинался столъ, поцесёнъ пиръ
Ай на тѣхъ-ли на князьей, бояръ да всё богатыихъ,
Шьчо на тѣхъ-ли на купцей-гостей торговыихъ,
Ай на руськихъ на сильнихъ на богатырей,
На хресьянъ-то всё на бѣдныхъ, на прожитосьнихъ.
Ишше вси на пиру да напивалисе,
Ишше вси на чесномъ да наѣдалисе,
Ишше вси на пиру-ту приросхвастались:
Ай богатой-отъ хвастатъ золотой казной,

Ай богáтырь-отъ хвастать могуцёй силой,
Ай вѣдь глупой-отъ хвастать молодой жоной,
Неразумной-отъ хвастать родимóй сёстрой.
Ай Владимиръ-князь по полатоцькамъ похаживать,
Съ ноги нá ногу вѣдь всё онъ переступывать,
Онъ сапогъ-то о сапогъ самъ поколачивать,
Онъ вѣдь жолтыма кудьрями принатряхивать,
Онъ вѣдь бѣлыма-ти ручками розмахивать,
Золотыма персьнями принашшалкивать;
Ипше самъ онъ говоритъ да таковы рѣци:
„Ай во Кіеви во городи всѣ у насъ да добры молодцы,
Добры молодцы-ти вси у насъ пожéнёны,
Красны дѣ(в)ушки вси замýжъ подáваны;
Я холóсъ одинъ живу-ту, князь Владимиръ-отъ,
Я холóсъ-то всё живу да нежонатъ слыву.
Ище хто бы мнѣ-ка выбралъ бы изъ васъ бы мнѣ обручницу,
Да обручницу выбралъ, красну дѣвицу,
Шьчобы походочка у ей была павúнная,
Тиха рѣчь-то бы у ей да лебединная,
Ишше брови-ти у ей да цёрна соболя,
Цёрна соболя у ей шьчобы сибирчкого,
Ясны оци-ти у ей да я́сна сокола,
Ясна сокола у ей да всё заморьского,
Шьчобы лицико—порóшки снѣжку бѣлого,
Ягодиночки въ лици да маку красного;
Шьчобы ростомъ-то она была немáла и умомъ свёрсна.
Шьчобы было бы кому да поклонятисе,
Шьчобы было бы кому да покорятисе,
Шьчобы было бы кого мнѣ-ка кнегиной звать?“
Тутъ какъ бóльшей-отъ хоронитце за среднёго,
Ише среднёй-отъ хоронитце за мéньшого;
Ай отъ мéньшого Владимиру отвѣту нѣтъ.
Какъ въ ту-ту всё порý было, во то время
Тутъ выходитъ-выступаетъ доброй молодець
Шьчо по имени Дунаюшко Ивановиць;
Изъ за тѣхъ-ли всё скамеёкъ бѣлодýбовыхъ,
Изъ-за тѣхъ-ли изъ-за столовъ да всё дубóвыихъ,
Изъ-за тѣхъ-ли изъ-за скатертей шелкóвыихъ
Тутъ выходитъ-выступаетъ доброй молодець
Да по имени Дунаюшко Ивановиць.
Наливать ёму Владимиръ цяроцьку всё зеленá вина,

Зелёна́ ёму вина всё полтора ведра;
Выпиваётъ тутъ Дунай да на единой духъ;
Наливаётъ онъ ему всё пива пьяного;
Принимаетъ Дунай да единой рукой,
Выпиваетъ Дунай да на еди́ной духъ;
Наливаётъ Владимиръ-князь да мёду сладкого,
Мёду сладкого ему да полтора ведра;
Выпиваетъ Дунай да на единой духъ.
Ише сталъ тутъ Владимеръ-отъ выспрашивать:
„Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановиць!
Ты не знашь ли да ты мнѣ всё обручници,
Ты обручници мнѣ, да красной дѣвици,
Ай походоцька штобы была павиннная,
Тиха рѣць-та у ей да лебединная,
Ай вѣдь брови-ти у ей да цёрна соболя,
Ише оци-ти у ей да ясна сокола,
Шьчобы лицико—порошки снѣжку бѣлого,
Во лици у ей вѣдь я́годинки маку красного;
Шьчобы было кому да покоритисс,
Шьчобы было кому да поклонитисе,
Шьчо́бы было кого мнѣ-ка кнегиной звать?"
Говорилъ-то тутъ Дунаюшко Ивановиць:
— Я вѣдь знаю, князь Владимиръ, тебѣ красну дѣвицю,
Я во томъ знаю во Ця́хови, во Ляхови
У того-ли короля всё Ляхоми́ньского;
А вѣдь есь его двѣ доцери любимыхъ:
Да одна-та доць Настасья Королевисьня,
Полени́ця она всё пріуда́лая;—
Не тебѣ-то та—жона, не тебѣ та вѣдь;
А друга-та доць есь Опраксе́я Королевисьня:
Ай сидитъ она за тридеветь замоцьками заморьскима,
Шьчобы красно-то ей солнышко не бпёкло,
Шьчобы буйны-ти вѣтры не завѣели,
Шьчобы народъ ей, люди добры не увидѣли.—
Говорилъ-то Владимиръ-князь да стольне-кіеськой:
„Ты бери-ко-се, Дунай да сынъ Ивановиць,
Ты бери-ко-се у мня да золотой казны,
Ты бери-ко-се ты силы скольки надобно".
Говоритъ-то Дунай да таковы рѣци:
—Ужъ ты гой еси, кра́сно наше солнышко,
Ты Владимиръ вѣдь князь всё стольнё-кіевськой!
Съ богато́й-то мнѣ казной да не купить бу́дётъ;

Мнѣ-ка дай тольки два братёлка крестового,
Мнѣ крестового два братёлка названого:
Мнѣ того-ли Добрынюшку Никитиця,
Мнѣ того-ли Олёшеньку Поповиця.—
Они скоро собрались, скоро́ поѣхали.
Пріѣжаютъ къ королю всё къ Ляхоми́нскому;
Тутъ ведётце у короля-та всё поцёсенъ пиръ.
Ай оставилъ-то Добрынюшку Микитиця,
Онъ оставилъ Олёшеньку Поповиця,
Оставилъ братьицей крестовыхъ-то
Онъ вѣдь тутъ у короля на широко́мъ двори;
Тутъ пришолъ Дунаюшко къ королю-ту на ясны̀ оци.
Говоритъ-то король да таковы слова:
„Добро жаловать, Дунаюшко Ивановиць!
Ты пошьто же пришолъ, пошьто пріѣхалъ къ намъ:
Ты служить-то ли ко мнѣ постарому,
Ай постарому служить ко мнѣ попрежному,
Или со силушкой пришолъ ты подъ меня разьвѣ съ великою,
Разьвѣ скорымъ посломъ ты ко мнѣ посланъ-то?“
Говоритъ ему Дунай да таковы рѣци:
—Не служить-то я къ тебѣ да вѣрой правдою,
Не посломъ-то я къ тебѣ да пришолъ посланый,
Я пришолъ къ тебѣ, пріѣхалъ сватомъ свататьсе
За своёго-то за красного за солнышка,
За того-ли я за князя за Владимира.—
Говорилъ ёму король да таковы слова [1]):
Наливалъ-то ёму цяру зелёна́ вина,
Зелёна́ ёму вина да полтора ведра;
Выпивалъ Дунай да на единой духъ.
Наливалъ ему да пива пьяного;
Выпивалъ Дунай да на единой духъ.
Наливалъ ёму мёду сладкого;
Какъ вѣдь выпивалъ Дунай да мёду сладкого.
Ише сталъ-то Дунаюшко всё веселёхонёкъ.
Говоритъ-то онъ королю да во второй наконъ,
Говоритъ онъ королю да во третёй наконъ:
—Ты отдай, отдай, король да Ляхоминьской ты,
Ты отдай-ко-се свою-ту доць любимую

---

[1]) Сказательница въ первый разъ пропустила слова короля, но потомъ пропѣла ихъ по усиленной моей просьбѣ. *Собир.*

Ишше ту-ли Опраксею Королевисьню
Ты за нашого за красного за солнышка,
За того-ли всё за князя за Владимера!—
Говоритъ-то король да Ляхоминьскія:
„Не отдамъ-то Опраксеи Королевисьни:
Опекатъ-то онъ всё куци всё назёмныя;
Я ишшё слыхалъ у васъ про князя про Владимира,—
Бѣлотой-то онъ всё какъ котёльня-та пригарина".
Тутъ не лютоё зёльё розгорѣлосе,
Богатырьско-то серьцё проскрипѣлосе;
Онъ хватилъ-то всё тотарина тутъ за ноги;
Въ одну сторону махнётъ—валитце улицёй,
Шьто въ другу-ту онъ махнётъ—да переулками.
Засьвисьтѣлъ-то тутъ Дунаюшко во турей рогъ;
Тутъ наѣхали два брателка крестовыи:
Какъ перьвой-отъ всё Добрынюшка Никитиць младъ,
Шьчо другой-отъ Олёшенька Поповськой сынъ;
Они зачели-то бить со старого до малого.
По подстоликамъ король-отъ всё тулёитце,
Куньей шубоцькой король всё прикрываитце.
Говоритъ-то Дунай да таковы рѣци:
„Ты не бойсе-ко, король всё Ляхоминськыя!
Не убъёмъ-то мы тебя да зберегёмъ мы всё".
Тутъ ставаётъ всё король, король скорёхонько;
Онъ вѣдь кланелсэ Дунаюшку низёхонько:
—Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Ты бери-ко Опраксеюшку у мня да съ цесьти, съ радосьти;
Ты оставь мнѣ-ка силы хоть на сѣмяна.—
Тутъ какъ скоро Дунаюшко-то приступилъ къ замкамъ заморьскіимъ,
Онъ прибилъ-то всё вѣдь крѣпкихъ караульщиковъ,
Притопталъ-то онъ вѣдь вси замки заморьскія.
Опраксеюшка скоцила на рѣзвы ноги
Со того-ли со стула рыта бархата:
„Я кого-то, какъ кого теперь увидяла!
Я того-ли всё Дунаюшка сына Ивановиця".
Онъ тутъ бралъ-то Опраксеюшку всё за праву руку,
Онъ за тѣ-ли ей за перьсни за злацёныя,
Онъ повёлъ-то Опраксею на широкой дворъ;
Какъ Опраксею-Королевисьню онъ на рукахъ несётъ,
Ище самъ онъ по сѣнямъ-то въ крови да до колѣнъ бредётъ.

Тутъ поѣхали они да въ красёнъ Кіевъ-градъ
Ко тому-ли ко ласковому князю ко Владимиру;
Пріѣжали они да въ славной Кіевъ-градъ.
Принимали съ Опраксеей-то Владимиръ по злату̀ вѣнцю;
Какъ повёлсэ тутъ у ихъ на радосьти поцёсёнъ пиръ,
Да поцёсёнъ у ихъ пиръ да тутъ на весь на міръ,
На кнезьёй у ихъ да всё на бо́яровъ·
Да на сильнихъ на могуцихъ на бога́тырей,
Тутъ на трёхъ-то всё на братьицей крестовыхъ:
На того-ли на Дунаюшка сына Ивановиця,
На того-ли на Добрынюшку сына Никитиця,
Шьчо на того-ли на Олёшеньку да на Поповиця.

10.

Женитьба Дуная.

(У дяди Еѳима).

Ише былъ-то жилъ Дунаюшко да онъ не въ Кіеви,
Ай не въ Кіеви жилъ, всё не въ Цернигови,
Жилъ во матушки, жилъ въ славной камянно́й Москвы [1]).
Тутъ задумалъ Дунаюшко женитисе,
Онъ задумалъ-то женитьце не у князя, всё не у боярина,
Онъ во той-ли проклято́й Литвы поганою
У того всё короля у Ляхоминьского.
Говорилъ-то Дунай да таковы рѣци,
Онъ тому-ли всё Ильи, да Ильи Мурамцю:
„Я вѣдь самъ-то—богаты́рь да я присильнія,—
Я возьму себѣ вѣдь полени́цю преудалую,
Я-ли ту возьму Настасью Королевисьню“.
Тутъ поѣхалъ скоро всё Дунай у насъ,
Всё Дунаюшко поѣхалъ сынъ Ивановиць,
Онъ поѣхалъ къ королю да къ Ляхоминьскому;
Во чисто́мъ поли увидѣлъ и́скопы глубокія
У того-ли всё коня да богатырьского;
Онъ вѣдь самъ-то говоритъ да таковы рѣци:
„Досмотрю я топере, хто же ѣзьдитъ во чисто́мъ поли“·
Тутъ вѣдь ѣзьдитъ всё вѣдь поленица пріуда́лая
А по имени Настасья Королевисьня.
Они съѣхались съ Настасьюшкой да всё ударились;
Они другъ дружку до больня́ не ранили;
Они стали тутъ сошли всё со добры́хъ коней;

[1]) Ср. № 36, ст. 17 и слѣд. *Собир.*

Тутъ у Дунаюшка-та силушки малб стало;
Закрыцялъ-то онъ стару всё стариньшину;
Ай того-ли онъ вѣдь стáрого всё Илью Мурамця:
„Пособи ты мнѣ-ка, братёлко крестовой мой,
Побороть мнѣ полени́цю прiудáлую“.
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамецъ да сьвѣтъ-Ивановиць:
— Шьчо не цесь эта́ хвала да молодецькая,
Шьчо не выслуга эта богатырьская—
Намъ бороть-то двумъ могуцимъ всё богáтырямъ
А едну-ту поленицю преудáлую.—
Опознала у Дунаюшка Настасьюшка всё золотой перьстень,—
Подарила-ту Дунаюшку вѣдь всё Ивановицю,
Ай когда-то онъ вѣдь жилъ у ихъ во клюсьницькахъ;
Говорила Настасья таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Дунай, Дунай Ивановиць!
Ты кабы́ былъ не Дунаюшко, я тебѣ бы не уважила,
Поборола бы вѣдь я да добра молодца,
Досмотряла бы твоё-то ретивó серьце“.
Говоритъ-то Дунай всё таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Настасья Королевисьня!
Ты поѣдемъ-ко со мной въ матушку въ камянну́ Москву [1],
Ужъ мы примемъ съ тобой да по злату вѣньцю.—
Говоритъ-то тутъ Настасья Королевисьня:
„Я нейду-ту, Дунаюшко, всё я теперь да за тебя замужъ;
Мы поѣдёмъ-ко, съѣздимъ къ батюшку родимому,
Ко тому-ли королю всё къ Ляхоминьскому;
Насъ просватать токо батюшко родимой мой“.
А прiѣхали они къ королю всё къ Ляхоминьскому.
(Говоритъ-то Дунаюшко да таковы рѣци):
Говоритъ король Дунаю таковы рѣци:
„Мнѣ-ка хто-ли ну́жонъ, дакъ тотъ и самъ пришолъ;
Ты пришолъ ко мнѣ, дородьнёй доброй молодець,
Послужить ко мнѣ пришолъ ли вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою ко мнѣ ты неизмѣнною,
Всё постарому пришолъ ко мнѣ, попрежному,
Ишше всё ко мнѣ пришолъ ты подосельнёму?“
Говоритъ ему Дунай да сынъ Ивановиць:
— Я пришолъ-то къ тебѣ да не служить теперь,
Не постарому прiѣхалъ, не попрежному;—

[1]) Сначала сказательница пропѣла: „со мной да въ красенъ Кiевъ-градъ“, но потомъ поправилась. *Собир.*

Я пріѣхалъ къ тебѣ да всё какъ сватат̂ьце
Я на душоцьки Настасьи Королевисьни.
Ты отдай-ко-се Настасьюшку всё за миня заму́жъ;
Увезу-ту я Настасью на сьвяту ей Русь,
На сьвяту-ту я Русь, да въ камянну́ Москву.—
Тутъ вѣдь го́воритъ ёму король да таковы рѣци:
„Не отдамъ-то я Настасьи Королевисьни:
У мня хто тогды на королевевьви-то будётъ, останитц̂е?
Какъ Владимиръ-отъ увёзъ князь Опраксею на сьвяту вѣдь Русь.
Ты пойди-ко ко мнѣ жить на моё королесьвицё“.
—Не отдашь ты токо мнѣ-ка Настасьи съ ц̂есьти, съ радосьти,
Я убью у тя со старого и всѣхъ до малого.
Какъ Настасья Королевисьня давно вѣдь мнѣ посваталась;
Подарила мнѣ дородьню добру молодцу
Со право́й-то со руки да золотой персьте́нь;
Опраксеюшка была тогды ишé глупёхонька,
Королевисьня была всё молодёхонька,
Я вѣдь жилъ-то у тебя когды, король, во клюцьницькахъ,
Дру́го три года я жилъ у тя да всё игралъ во гу́сельци,
Утѣшалъ-то я любимыхъ-то твоихъ двѣ доц̂ери:
Я въ перьвы́хъ-то всё Настасью Королевисьню,
Во вторыхъ-то Опраксею Королевисьню,—
Я дёржалъ тогда Настасьюшку-ту на своихъ колѣняхъ богатырьскіихъ.—
Засадилъ-то взялъ Дуная въ тёмну те́мницю.
Говорила тутъ Настасья Королевисьня:
„Ты подай-ко, подай, батюшко, всё золоты́ клюци;
Отомкну-то я Дуная всё Ивановиця;
Я пойду-то за Дуная за ёго заму́жъ,
Я вѣдь ѣду со Дунаёмъ на сьвятую Русь,
Я во матушку ѣду въ камянну́ Москву“.
Говоритъ-то король да таковы рѣци:
— Ты поди, поди, Настасья Королевисьня,
Ты безъ драки-то поди бесъ кроволитною.—
Отмыкала-то она вѣдь скоро тёмну те́мницю,
Выпускала Дуная на бѣлой сьвѣтъ;
Они скоро собрались да тутъ поѣхали.
Пріѣжаютъ во матушку да въ камянну́ Москву,
Принимаютъ съ Настасьёй по злату вѣньцу;

Собираетъ Дунаюшко поцесёнъ пиръ,
Онъ зовётъ то всё князя всё Владимера
Со княгиной Опраксеёй Королевисьнёй;
Да пиры-ти велись у ихъ на радосьти равнό полгодику;
Шьто во Кіеви пирують, въ камянной Москвы.
На пиру-ту Настасьюшка росхвасталась,
Говорила она да таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Отнеси-ко-се ты да всё злацёнъ перьстень
Шьчо за ту-ли всё за версту за мѣрную;
Я вѣдь стрѣлю всё изъ стрѣлоцьки калёною,
Я росьстрѣлю—вы вѣдь свѣсьте мой да золотой перьстень,—
Некотόра полавиноцька не больше-то будётъ одна другой".
Отнесьли-то вѣдь ей всё золотой перьстень;
Она перьстень-отъ тутъ да все росьстрѣлила;
Половиноцьки-ти на вѣскáхъ увѣрили,
Всё увѣрили, да они сьвѣсили;—
Шьчо одна-та другой не тяжелѣе всё, не лекцe тутъ.
Ишше тутъ вѣдь Дунаюшку всё за бѣду стало,
За натьсмѣшоцьку велику показалосе;
Онъ вѣдь хоцётъ вести Настасьюшку всё во цистό полё.
Говоритъ ёму Настасья Королевисьня:
„Ужъ ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановиць!
Не стрѣлей-ко ты меня, всё не ухаживай:
У мня есь вѣдь во утробы всё засѣяно
Шьчо два млáдого два ясного два сокола,
Шьчо два руського могуцёго богáтыря;
По локόтъ-то вѣдь у ихъ да руцьки въ золоти,
По колѣнъ-то вѣдь у ихъ да ножки въ сéребри.
Ты хоть будёшь стрѣлять миня, Дунай да сынъ Ивановиць,
Ты вѣдь перьву-ту стрѣлоцьку не дόсьтрѣлишь,
Ты другу-ту вѣдь стрѣлоцьку перéсьтрѣлишь,
Ишше третья-та стрѣлка—мнѣ-ка въ ретивό серьцё.
Ты просьти миня, Дунай да сынъ Ивановиць,
Ты просьти, просьти ' вину все виноватую!
У мня волосы, у бабы, дόлги, умъ корόтокъ всё".
Не принимаетъ розговоровъ, не прошшаётъ ей;
Онъ отьвёзъ-то тутъ Настасью далекό отъ города да отъ Москвы-то всё,
Онъ вѣдь перьву-ту стрѣлоцьку не дόсьтрѣлилъ,
И другу-ту стрѣлоцьку перéсьтрѣлилъ,

Ай третью-ту стрѣлку—ей всё въ ретиво́ серьцё;
Онъ вѣдь скоро роспоролъ у ей всё груди бѣлыя,
Досмотрялъ у ей въ утробы ясныхъ со́коло́въ,
Шьчо два ясного два сокола у ей въ утробы-то,
Шьчо дво руського роди́лось бы могуцёго бога́тыря:
По локо́тъ-то у ихъ руцьки въ красномъ золоти,
По колѣнямъ у ихъ ножки въ цистомъ се́ребри.
Какъ съ того-то всё горя Дунаюшко съ великого
Онъ скавалъ себѣ два ножицька укладныихъ,
Закололсо онъ на ножицькахъ булатныихъ;
Ишше самъ-то онъ сказалъ да всё таки рѣци:
„И лёжи́тъ-то гдѣ Настасья Королевисьня,
Тутъ лёжи-ко ты, Дунай да всё Ивановиць,
Протеки-ко-се тутъ славная Дунай да рѣцька быстрая!“ [1]

11.

Сухматій (Суханъ).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера
Тутъ вѣдь было у ево собранъ почесенъ пиръ,
А поцесёнъ-отъ пиръ всё на весь-отъ міръ,
На князьей-то было, всё на бо́яровъ,
На сильнихъ, могучіихъ бога́тырей.
Ишше всѣ на пиру да напивалисе,
Ишше вси на чесномъ да наѣдалисе;
На пиру-ту вси сидятъ да они хвастаютъ:
Ишше глупой-отъ хвастатъ молодой женой,
А разумной-отъ хвастатъ ро́днымъ батюшкомъ,
Разумной-отъ хвастатъ ро́дной матушкой.
Ай Владимеръ-отъ вѣдь по полатушкамъ похаживатъ,
Ишше самъ онъ говоритъ да таковы слова,
Говоритъ своимъ могуцимъ всѣмъ бога́тырямъ:
„Ише шьто у мня бога́тыри сидятъ не хвастаютъ?
Я спрошу же у тибя, да доброй молодець,
Ужъ ты руськой сильнёй всё бога́тырь мой
Ише тотъ-ли Сухма́тій-свѣтъ Сухма́тьёвичъ:
Ты не пьёшь-то у меня, сидишь не хвастаёшь?“
Говоритъ-то Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ:

---

[1]) Говорятъ, тутъ рѣка протекла; гдѣ же протекётъ рѣцька!

— Ужъ ты гой еси, ты красно наше солнышко,
Ише тотъ-ли ты князь да всё Владиміръ-свѣтъ!
Я вѣдь тѣмъ разьвѣ тебѣ теперь похвастаю,
Шьчо привезу я тебѣ лебёдушку всё исъ чиста́ поля,
Я неранену тебѣ, всё некрова́влёну,
Привезу тебѣ лебёдочку живу́ въ рукахъ.—
„Ужъ ты гой еси, Сухматій свѣтъ Сухматьёвичъ!
Привези мнѣ-ка лебёдушку-ту завтро ты по у́тру мнѣ-ка ранному“.
Онъ отходитъ тутъ скоро́ почесёнъ пиръ;
Ище вси-ти съ пиру́ скоро росходятце.
Тутъ выходитъ-то дородьнёй доброй молодець
Шьчо по имени Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ,
Онъ выходитъ тутъ изъ-за столовъ-то бѣлоду́бовыхъ,
Изъ-за тѣхъ-ли изъ-за скатертей шолко́выихъ,
Онъ вѣдь бьётъ-то цѣломъ, клaнеитце князю со кнегиною,
Шьто со той-ли съ Опраксеей съ Королевисьнёй;
Онъ скорёшенько сѣдлатъ своёго ко́ня доброго,
Онъ берётъ-то всё вѣдь саблю свою вострую;
Поѣжжаетъ во чисто́ё полё доброй молодець,
Изъ циста́ поля на тихи всё на заводи.
Онъ не мокъ найти лебёду́шки да не одной негдѣ́,
Не найти ихъ-то да онъ не на заводяхъ,
Не на матушки не онъ не на Почай-рѣки.
Пріѣхалъ дородьнёй доброй малодець:
„Эко горюшко мнѣ теперь да добру молодцу!
Не поѣду я во красёнъ теперь въ Кіевъ-градъ,
Я поѣду, съѣжжу я теперь всё ко Нѣпре́-рѣки.“
Пріѣжжаетъ, свѣтъ, онъ ко Нѣпре́-рѣки:
А вѣдь Нѣпре́-то-рѣка течётъ всё помутиласе;
Прого́ворила она всё сь имъ язы́комъ человѣческимъ:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець,
Ужъ ты сильнёй бога́тырь со сьвятой Руси,
Ты по имени Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ!
Не гледи-тко на меня, на матушку Нѣпре́-рѣку;
Поглядишь ты на меня, да ты не бойсе всё;
Я вѣдь, матушка рѣка, исъ силушки повышла всё:
Тамъ стоятъ-то за мной, за матушкой Нѣпре́-рѣкой,
Стоитъ-то тотаровей поганыхъ десеть тысечей;
Ка́къ поу́тру-ту они да всё мосты мосьтятъ,
Всё мосты́ они мосьтятъ, мосты кали́новы:
Они утромъ-то мосьтятъ—я ночью всё у ихъ повырою;

Помутилась я, матушка Нѣпре́-рѣка,
Помутилась-то всё да я изьбиласе“.
Тутъ поѣхалъ-то дородьнёй доброй молодець,
Онъ за матушку поѣхалъ за Нѣпре́-рѣку̀
По тому-ту всё по мо́сту по калинову;
Онъ вѣдь сталъ-то тотаръ да побивать да всё поѣжживать,
Онъ конёмъ ихъ сталъ топтать да всё на саблю востру брать.
Какъ одинъ-отъ былъ идо́лишо поганоё,
Онъ стрѣлялъ-то всё въ дородьня добра молодца
А въ того-ли-то въ Сухматія Сухматьёвича;
Онъ направилъ свою всё калену́ сьтрѣлу,
Онъ просьтрѣлилъ у ево да всё какъ правой бокъ;
Ише вышла пуля-та всё въ лѣвой бокъ.
Тутъ вѣдь спалъ-то со добра́ коня дородьнёй доброй молодець
Ише тотъ-ли Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ;
Онъ вѣдь взялъ-то изъ травы да всё сорвалъ листковъ,
Онъ обкладывалъ листами всё раны свои кровавыя;
Онъ съ того-то всё ише́ съ горя великого
Онъ выдёрьгивалъ лѣсину изъ сырой земли,
Онъ какъ сталъ-то лѣсиноцькой посьвистывать,
Онъ вѣдь сталъ-то дубиночкой помахивать;
Онъ прибилъ-то вѣдь поганыхъ всихъ тотарь-то тутъ,
Не оставилъ онъ вѣдь силы всё на сѣ́мяна.
Да восталось дубиночки-то всё одинъ обломочёкъ;
Тутъ вѣдь скоро онъ садилсэ на добра́ коня;
Пріѣжаетъ ко городу ко Кіеву,
Онъ ко ласковому князю ко Владимеру;
Ай выходитъ скоро князь ёго стрѣцять всё на широкой дворъ,
Говоритъ-то онъ ёму всё таковы рѣци:
„Ты привёзъ ли мнѣ, дородьнёй доброй молодець
А по имени Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ,
Ты привёзъ ли мнѣ лебёдочку неранену,
Ты неранену лебёдочку, всё некрова́лену;
Ты живу́-ту мнѣ въ рукахъ хотѣлъ привезьти да всё немёртвую?“
Говоритъ-то тутъ Сухматій-свѣтъ Сухматьёвичъ:
— Мнѣ-ка было, моё ты красно солнышко,
Мнѣ вѣдь было всё вѣдь тутъ не до лебёдушки:
Подошла-то тутъ силушка тотарьская,
Ай у матушки стоитъ всё у Нѣпре́-рѣки,
Ай стоя́ли тотаръ всё десеть тысецей,

Всё мосьтили мосты они калиновы;
Они утромъ-то мосьтятъ, да ноцью выроётъ
Ишше матушка-та всё-то ужъ Нѣпре́-рѣка;—
Вода-та всё въ рѣки да помутиласе.
Я изьбилъ-то вѣдь тутъ поганыхъ всѣхъ тотаръ-то ихъ,
Не оставилъ я вѣдь ихъ силы на сѣмяна.—
Ай спрогово́ритъ вѣдь тутъ да нашо красно солнышко:
Какъ Владимеръ всё, князь да стольне-кіечкой:
„Посадите-ко дородьня добра молодца,
Ай во ту ево во те́мницю во тёмную;—
Ай пустымъ-то всё онъ хвастаётъ, напраснымъ тутъ“.
Посадили-то въ темницю добра молодца.
Посылатъ скоро Добрынюшку-ту всё вѣдь князь провѣдывать:
Ужъ ты съѣзьди-ко, Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съѣзди, съѣзди ты ко матушки къ Нѣпре́-рѣки,
Розмышши-ко, росматри да силу битую“.
А пріѣхалъ Добрынюшка къ Нѣпре́-рѣки;—
Намошшоны тутъ мосты, мосты калиновы;
Ай прибита всё силушка тотарьская;
Да нашолъ-то Добрынёчка обломочёкъ,
Всё обломочёкъ нашолъ этой дубиночки;
Онъ привёзъ-то князю всё на посмотрѣньичо.
Они свѣсили-то ету всё дубиночку,—
Потянула дубина девяносто пудъ.
Говорилъ-то Владимеръ князь да стольнё-кіевчькой:
„Вы отмыкайте-тко подите скоро тёмну те́мницю;
Ужъ я буду Сухматья-та Сухма́тьёвича,
Я вѣдь буду-ту ево да теперь ми́ловать,
Буду миловать ево да буду жаловать:
Надорю я ёму города да всё съ посёлками“.
Отмыкали-то ево да скоро те́мьну те́мьницю,
Выпускаютъ-то дородьня добра молодца,
Ишше сильнёго могуцёго бога́тыря
Да того-ли Сухматья-свѣтъ Сухма́тьёвича.
Говорятъ-то ему да всё росказываютъ:
„Ужъ ты гой еси, бога́тырь святоруськія
Ты по имени Сухматій-свѣтъ Сухма́тьёвичъ!
Да вѣдь хоцётъ тебя князь Владимеръ, хоцётъ миловать,
Хоцётъ миловать тебя да хоцётъ жаловать,
Подарить-то хоцётъ городъ всё съ посёлками“.
Говоритъ-то тутъ Сухматей-свѣтъ Сухматьёвичъ:
— Не умѣлъ миня Владимиръ-князь вѣдь жаловать!

Я теперене поѣду во чистó полё.—
Онъ садилсэ тутъ скоро на добрá коня,
Онъ поѣхалъ скоро во чистó полё;
Онъ пріѣхалъ во чистó полё роскáтисто [1]),
Онъ отдёрнулъ-то листки отъ ранъ кровавыхъ всё,
Говорилъ-то вѣдь самъ да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, мои раны кровавыя!
Протеки-тко-се изъ ранъ да всё Сухмáнъ-рѣка,
Шьчо Сухманъ-то протеки-тко, рѣка быстрая
Хоть у бѣднаго дородьня добра молодца,
Хошь у руського могуцёго богáтыря
У того-ли у Сухматья-свѣтъ Сухматьёвича!“
Протекала тутъ вѣдь Сухманъ, да рѣцька быстрая,
Выбѣгала у ёго всё кровь горячая.
Наказалъ ишé своёму кóню доброму:
„Ужъ ты конь, ты всё конь, моя да лошадь добрая!
Ты не стой, не плаць у тѣла богатырьского,
Ты поди-ко-се, бѣги да куды хошь подя,
Во луга ступай-поди да во зелёныя,
Ты питайсе-ко всё травой шелкóвою,
Ходи пей-ко-се ключóву-ту сьвѣжу́ воду
Шьто исъ той-ли ты изъ матушки Сухмáнь-рѣки“.
Ишше тутъ-то вѣдь Сухматью-свѣтъ Сухмáтьёвицю
Тутъ славы́-ти всё поютъ, да онъ представилсэ,
Онъ представилсэ тутъ да всё преконьцилсэ;
Всё славы́ про то поютъ, всё въ старинáхъ скажутъ [2]).

12.

Михайло Даниловичъ.

(У матери).

А во славномъ было городи во Кіеви
Тамъ вѣдь жилъ-то сильнёй, могуцёй богáтырь-отъ;
Ишше было-то у ево да цядо милоё,
Цядо мило у Данилушка, любимоё
Ишше нá имя Михайлушко Даниловиць.
Онъ и сталъ-то Михайлушко ходить по улоцьки,
Онъ играть-то сталъ да всё съ ребятками:
Онъ за рученьку возьмётъ, дакъ руцьку выдерьнётъ,
Онъ за ножоцьку возьмётъ, дакъ ножку выдерьнётъ,

---

[1]) Смѣшано съ „шеломенемъ окатистымъ“. *Собир.*

[2]) Думаю, не всю спѣла; гдѣ всё запомнить!

Онъ за голову возьмётъ, дакъ голова-та процъ.
Тутъ многи́-ти люди всё стали обидитьце:
„Ужъ ты гой еси, Данило сынъ Игнатьёвиць!
Не спускай-ко ты Михайла на свѣтлу улицю:
Онъ вѣдь много прибилъ у насъ малыхъ дѣтоцёкъ".
Говоритъ-то Данилушко таковы рѣци:
— Не грубите вы серьця всё богатырьского.—
Говоритъ-то Данилушко всё Игнатьёвиць:
„Ты послушай-ко, моё ты да цядо милоё,
Молодой ты Михайлушко-свѣтъ Даниловиць:
Я оставлю тебѣ-то да всё добра́ коня,
Я добра́ коня тебѣ-то всё богатырьского,
Я оставлю, Михайлушко, копьё вострое,
Копьё во́стро, Михайлушко, брузамецькоё,
Я оставлю всё палицю тяжолую,
Я оставлю свою тебѣ саблю вострую,
Я оставлю вѣдь плётоцьку шолко́вую,
Я оставлю-то латы-то бога̀тырьскія;
Я вѣдь самъ пойду, Михайлушко, всё ду́шу́ спасать.
Я прошусь пойду со князёмъ да со Владимиромъ,
Я прошусь съ Опраксе́ёй-то съ Королевисьнёй".
Какъ приходитъ Данило-то всё Игнатьёвиць,
Онъ вѣдь кланеитце всимъ придверницькамъ,
У воротъ-то стоятъ—онъ всимъ придворо́тницькамъ:
„Допустите до красного миня солнышка,
Всё до ласкова-то князя всё до Владимира".
Да заходитъ въ палаты-тѣ гряновитыя;
Онъ вѣдь крестъ-отъ кладётъ-то всё по писа́нному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да всё по уцёному;
Онъ вѣдь князю-ту Владимиру низко кланялсэ,
Онъ кнегины-то Опраксеи Королевисьни;
Онъ вѣдь палъ всё князю Владимиру во рѣзвы́ ноги:
„Отпусти ты миня, моё красно солнышко,
Ужъ ты на́ имя ты князь да свѣтъ-Владимиръ жа,
Мнѣ сходить всё ко Онтонію, къ Ѳеодо́сею,
Мнѣ сходить-то тамъ Богу всё помолитисе,
Ко святымъ къ ихнымъ мошшамъ мнѣ-ка приложитисе;
Мнѣ спасти-то теперь надоть душа грѣшная:
Ужъ я много вѣдь пролилъ крови напрасною,
Ужъ я много убилъ-то сильніихъ, могуціихъ,
Ужъ я сильнихъ, могуціихъ бога́тырей".
Да ушолъ-то Данило-отъ сынъ Игнатьевиць,

Онъ спасать ушолъ свою да душу грѣшную.
Приказалъ онъ своёму-ту цяду милому,
Молодому Михайлушку всё Даниловицю:
„Подойдётъ, быватъ, Михайло, сила тотарьская,
Ужъ ты бей-ко-се силу да по краямъ силу,
Не заѣжжай-ко-се въ серёдку, въ силу тотарьскую“.
Да прошло тому времени всё полгодика.
Тутъ подходитъ подъ Кіёвъ-градъ всё силушка:
Во перьвы́хъ-то подходитъ король фрянцускія,
Во вторыхъ-то подходитъ король швецькія.
Ишше тутъ всѣ богатыри собиралисе,
На поцесёнъ-отъ пиръ они съѣжалисе.
Посылаютъ тутъ скоро за Михайлушкомъ,
За Михайлушкомъ всё да за Даниловицемъ;
Наряжаитце Михайлушко въ платьё цьвѣтноё
Да приходитъ ко князю всё на поцесёнъ пиръ;
Онъ вѣдь бьётъ-то князю-ту цёломъ, низко кланялсэ
Онъ съ кнегиной-то съ Опрасеей Королевисьней;
Да садилъ-то князь Михайлушка во большо́ мѣсто,
Во большоё во мѣсто ишше подлѣ собя.
Ище вси-ти сидятъ бога́тыри пьютъ, ѣдятъ,
Ище пьютъ, ѣдятъ сидятъ они, сами хвастаютъ;
А Михайлушко сидитъ-то одинъ не пьётъ, не ѣстъ,
Онъ не пьётъ сидитъ, не ѣстъ, онъ сидитъ не кушаётъ,
Онъ вѣдь бѣленькой лебёдушки не рушаётъ.
Говоритъ-то князь Владимиръ-отъ таковы рѣци:
„Ужъ ты шьто сидишь, Михайло ты свѣтъ Даниловиць,
Ты не пьёшь, ты не ѣшь, ты у мня не кушаешь,
Ужъ ты бѣленькой лебёдушки всё не рушаёшь?“
Говорилъ-то Михайлушко таковы рѣци:
— Я сижу хоть, сижу-то я на цёсно́мъ пиру,
Шшевелилися мои-ти плеци могуція,
Розгорѣлось моё-то да ретиво́ серьцо,
Роскипѣлось у мня серьцо богатырьскоё.
Мнѣ дай-ко ты, князь, да волю вольнюю
Мнѣ-ка съѣздить впереди всихъ во цисто́ полё,
Мнѣ попробовать побить-то силы́ тотарскою.—
Говорилъ-то князь Владимеръ-свѣтъ:
„Поѣжай-ко-се, Михайлушко Даниловиць!
Тибѣ Богъ благословитъ побить силу тотарьскую“.
Выходилъ скоро Михайлушко да на конюшенъ дворъ,
Онъ сѣдлалъ-то, сряжалъ да всё добра́ коня,

Онъ вѣдь батюшкова коня богатырьского,
Надѣвалъ скоро латы-ти богатырьскія,
Онъ берётъ свою палицю всё тяжолую;
Онъ заходитъ въ полатушки во родительски;
Помолилсэ-то онъ всё Спасу прецистому,.
Ише Матери Бо́жьёй-то Богородици,
Роспростилсэ съ родимой-то своей матушкой,
Да поѣхалъ Михайлушко на добро́мъ кони́,
Да Михайлушко поѣхалъ самъ молодёхонёкъ:
Ише отъ роду ёму тольки семнадцеть лѣтъ.
Говорила ёму матушка родимая:
„Ужъ ты съѣздей-ко къ батюшку родимому
Ты къ тому-ли ко Данилу-ту ко Игнатьёвицю“.
Не послушалъ наказу-ту ро́дной матушки:
— Не поѣду я прошшатьце-то съ ро́днымъ батюшкомъ,
Я поѣду скорѣ да во чисто́ полё,
Постою поѣду я лучше за Божьи́ церьквы,
Постою-ту я за князя-та за Владимира,
Постою я за всю вѣру-ту православную.—
Онъ вѣдь билъ-то Михайлушко день до вецёра;
Заѣжаётъ въ серёдку въ силу тотарьскую,
Онъ вѣдь бьётъ своево-то всё коня́ доброго,
Онъ вѣдь билъ-то коня да приговаривалъ:
„Ты поди-ко силу топци, да мой доброй конь;
Я копьёмъ колю, да ты въ ногахъ топци“.
У тотаръ-то было всё у хитрыихъ,
У поганыхъ-то было, всё-то было у мудрыихъ:
Они выкопа́ли по́дкопъ страшно́й глубокой-отъ;
Да упалъ-то Михайлушко во глубокъ подко́пъ.
Какъ увидялъ родимой-отъ ёго батюшко,
Онъ увидялъ съ крутой-то горы высокою,
Отъ того-ли отъ мана́стыря отъ спасёного,—
Подошла ему силушка подъ Кіевъ-градъ;
Ише цёрному ворону будётъ не облетѣть,—
„Какъ Михайлушку, моёму цяду будётъ не объѣхать!“
А не могъ-то утерпѣть да всё Данилушко:
„Я пойду-ту подсоблю силу побить Михайлушку“.
Онъ приходитъ ко силушки тутъ скорёхонько,
Онъ и взялъ-то тотарина за рѣзвы́ ноги,
Онъ вѣдь сталъ тутъ тотариномъ помахивать;
Показалось ёму да тутъ вѣдь лёкко въ рукахъ;
Енъ вѣдь выдернулъ берёзку-ту всё взялъ съ коренёмъ,

Онъ вѣдь сталъ этой берёзоцькой всё помахивать;
Онъ прибилъ-то вѣдь всю силу тотарьскую,
Розошолсэ ко пбдкопу глубокому;—
Тутъ лёжитъ-то Михайлушко со добрыимъ конёмъ.
Онъ вытянулъ Михайлушка со добрыимъ конёмъ:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко мой Даниловиць!
Не могло-то утерпѣть всё серьцо родительско".
Какъ поѣхалъ Михайлушко, сталъ поѣзживать
На добрóмъ-то кони да ихъ порубливать;
Изрубилъ, избилъ поганыхъ всихъ тотаръ-то онъ.
Онъ вѣдь палъ-то да батюшку во рѣзвы ноги:
„Ты прости миня, батюшко, виноватого!
Не послушалъ я твоёго вѣдь наказаньиця,
Я заѣхалъ во силу-ту во крупну-ту я,
Я упалъ-то да во пбдкопъ во глубокія.
Ты ищё во другой вины прости миня:
Не послушалъ-то родимой своей матушки".
Роспростилсэ Данилушко съ цядомъ съ милыимъ,
Съ цядомъ съ милымъ Данилушко, всё любимыимъ;
Онъ наложилъ на ёго всё благословленьицё,
Да поѣхалъ-то Данило-свѣтъ Игнатьёвиць,
Онъ поѣхалъ въ манастырь да онъ душу спасать;
Онъ отправилъ-то своёго цяда милого
Онъ во Кіевъ-градъ ко князю всё Владимиру.
Пріобцистилъ Михайло силу тотарьскую,
Онъ пріѣхалъ ко князю всё ко Владимиру;
Онъ вѣдь только да билъ да одни сутоцьки.
Да Михайлушко ѣдётъ всё во Кіевъ-градъ,
А богáтыри поѣхали исъ Кіёва;
Пріѣжають ёму ту встрѣту богáтыри;
Говорилъ-то Михайлушко всё Даниловиць:
„Воротитесь, богáтыри, вы со мной вмѣстяхъ;
Мы поѣдёмте, братцы, да въ крáсёнъ Кіевъ-градъ
Мы ко ласкову князю да ко Владимиру.
Пріобилъ, пріобцистилъ силушку фрянцюскую,
Я ишшё же прибилъ силу вѣдь шведьскую".
Пріѣжаётъ ко князю-ту ко Владимиру,
Пріѣжаётъ онъ прямо всё на широкой дворъ.
Какъ стрѣцятъ-то вѣдь князь ёго со кнегиною:
„Ужъ мы цимъ тебя, Михайлушко, мы дарить будёмъ,
Ишше цимъ тебя, Даниловиць, будёмъ жаловать
По твоей-то поступоцьки богатырьскою,

По твоей-то заслуги всё по великою,
По твоей-то по храбрости, всё по смѣлости?
Хоть у князя женись, да хоть у боярина,
У купця хоть женись ты, гостя торгового“.
Говорилъ-то Михайлушко онъ таки рѣци:
— Я не буду женитьце да не у князя я,
Не хоцю-то я взять всё у боярина;
Я желаю-то вѣкъ ѣзьдить по цисту́ полю;
Сохранять-то буду я ц́ерьквы соборныя,
Всё соборныя церьквы я богомольнія,
Сохранять буду спасёны-ти всё мана́стыри,
Я стоеть буду за вѣру всё православную,
Сохранять-то буду князя всё со кнегиною,
Ише вси-ти ро́да́ буду я княжеськи.—
Это слово Владимиру любо показалосе;
Собираётъ для Михайлушка онъ поц́есёнъ пиръ,
Онъ поц́есёнъ-отъ пиръ да всё на весь на міръ;
Онъ зовётъ всихъ со старого и до малого,
Онъ зовётъ всихъ князьей, бояръ, богатыхъ людей,
Приглашаётъ онъ бѣдныхъ, да не отказыватъ,
Шьчобы этотъ да пиръ былъ на память всимъ,
За великую услугушку за Михайлову.

13.

Туры и турица.

(У старушки Авдотьи Кипріяновны, тетки своей подруги).

„Вы туры́ [1]), вы туры́, туры́, малы дѣтоцьки!
Вы бывали ли, туры́, на сьвятой-то нашой Руси,
Вы видали ли, туры́, красно солнышко,
Вы видали ли, туры́, младъ сьвѣтёлъ мѣсець,
Вы видали ли ц́ерькву-ту, всё ц́ерькву соборную,
Вы соборну-ту ц́ерьковь, богомольнюю,
Вы видали ли царицу Мать-ту Божью-ту,
Пресьвятую всё царицу Богородицу?“
— Ужъ мы были, туры́, на сьвятой на Руси,
Ужъ мы видѣли, туры́, ķрасно солнышко,
Ужъ мы видѣли, видѣли, туры, младъ свѣтёлъ мѣсець,
Ужъ мы видѣли башню новую,
Ужъ мы видѣли сьтѣну городовую,
Ужъ мы видѣли дѣви́цю-душу красную

[1]) Олени.

Мы во той-ли во сьтѣны́, да стѣны въ новою
Мы во той-ли, подлѣ башню городо́вую:
Какъ вѣдь клала-то книгу всё Еваньгелье;
Какъ сама она надъ книгой слёзно плачитце.—
Говоритъ-то тура́мъ ро́дна матушка ихна̀,
Ро́дна матушка-та и́хна говоритъ-то всё имъ:
„Ужъ вы глупы туры́ мои, малы дѣточки,
Неразумны туры вы, малы дѣточки!
Я скажу, скажу про то, про всё повѣдаю:
Хошь вы были, вы были на сьвятой-то Руси,
Хошь вы видѣли, видѣли красно солнышко,
Хошь вы видѣли, видѣли младъ сьвѣтёлъ мѣсе́цъ,
Ужъ вы утряну зорю, вы вечернюю,
Ишше видѣли хошь вы да звѣзды частыя,—
Вы не сьтѣну вы видѣли городовую,
Не ограду вы видѣли у Божье́й у ц́ерькви́,
Ай не башню вы видѣли вы не новую;
Вы вѣдь видѣли соборну ц́ерьковь Божью-ту;
Какъ исъ ц́ерьквы-то выходитъ не дѣви́ця вѣдь тутъ,
Шьчо сама вышла царица Мать-та Божья-та,
Пресьвята-та вѣдь Божья Богородиця;
Выносила она всё-то вѣру старую,
Вѣру стару-ту выносила всё спасёную;
Закопала-то вѣру́-ту во сыру земьлю;
Шьчо подъ ту Божью ц́ерькву подъ соборную,
Подъ соборну подъ ц́ерьковь богомольнюю;
Она плацётъ надъ вѣрой, заливаитц́е:
„Ты лёжи, моя вѣрушка старинная,
Шьчо старинна ты вѣра православная,
Православна ты вѣра всё спасёная,
Шьчо спасёная вѣра, богомольняя!
Не бывать тебѣ, вѣра, на сьвятой на Руси,
Не видать тебѣ, вѣра, свѣту бѣлого,
Сьвѣту бѣлого, вѣры православною!““.

14.

Настасья Митреяновна (Иванъ Годиновичъ).

(У старика-сосѣда Ефрема, умершаго, когда еще А. М. Крюкова была дѣвочкой).

Дядюшка племянницька уговаривалъ:
„А пора тибѣ, племянницёкъ, женитисе“.
— Ужъ я радъ бы, дядюшка, женитисе,—

Мнѣ-ка нѣту невѣсты по уму-ту взять,
Не у князя нѣту, не у боярина.—
Говорилъ то вѣдь дядюшка племянницьку:
„Я найду тебѣ невѣсту не въ святой Руси,
Не въ святой Руси невѣсту, въ проклято́й земли
У того-ли короля у Ми́трея Митрея́новиця,
Ешшо ту-ли Настасью Митрея́новну;
Ешшо сидитъ она за тремя замоцьками заморськима“.
Тольке видѣли молодця сряжаючись,
Не видали уда́лого поѣдуци;
Во чисто́мъ-то поли тольке дымъ дымитъ,
Дымъ дымитъ, да будто столбъ стоитъ;
Сухо пеньицё, кореньицё поломалосе,
Мать сыра-то земля да потрясаласе.
Пріѣжаётъ уда́лой доброй молодець
Какъ въ ту-ли во землю во невѣрную
Ко тому-ли королю всё къ невѣрному,
Еще къ тому-ли къ Митреяну Митреяновицю.
Онъ привязывалъ коня да къ дубову́ столбу,
Къ дубову́ столбу да къ золоту кольцю;
Ужъ восходитъ онъ самъ на новы́ сѣни;
На новы́ сѣни ступилъ, дакъ сѣни дыблютьсе,
Сѣни дыблютьсе, новы́ колыблютьсе;
Отпираетъ полату, двери на́ пяту,
Запираетъ полату, двери на́крѣпко;
Онъ не кститъ своего лиця бѣлого,
Не поклоняитце и́дола́мъ поганыимъ,
Какъ вѣдь бьётъ королю-ту во руценьку во правую,
Королевой во руценьку во лѣвую;
Онъ вѣдь всимъ тутъ тотарамъ ниско кланялса.
Какъ поддёрнулъ-то король Ми́трей Митреяновиць,
Онъ принёсъ-то свой-отъ стулъ да рыта бархата;
Ишше самъ онъ говоритъ да таковы рѣци:
„Ты садись-ко, дородьней доброй молодець!“
Ишше стулъ то подъ имъ да всё сломаитце.
Какъ король-то скакалъ всё на рѣзвы́ ноги:
„А какой же пришолъ къ намъ со светой Руси,
Со светой Руси пріѣхалъ, съ камянно́й Москвы?
Али воръ ты пришолъ къ намъ, розбойницёкъ,
Ли сбѣгло́й ли къ намъ солдатъ-отъ государевой?
Ты скажи-ко намъ правду, всё повѣдай-ко;
И со силушкой пришолъ къ намъ съ великою?“

Говорилъ-то дородьнёй доброй молодець,
Ише руськой могучей богáтырь нашъ:
— Я не воръ къ вамъ пришолъ, не розбойницёкъ
Не сбѣглóй я къ вамъ солдатъ государевой,—
Я прiѣхалъ къ тебѣ да сватомъ свататьсе,
Не за людей я прiѣхалъ, за собя къ тобѣ,
На твоей-то на любимой всё на дочери,
А на душоцьки Настасьи Королевицьни:
Ты отдай-ко-се Настасью Митреяновну.
Не отдашь токо безъ драки кроволитныя,
Я изъ рукъ у тя, изъ ногъ жи́льё повытяну,
Самого-то тебя стругóмъ повыстружу,
Твой рѣцистой языкъ да буду теменёмъ тянуть.—
Говоритъ-то король да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Я радёшенёкъ отдать бы за тебя заму́жъ,—
Да прiѣхалъ царишшё изъ невѣрныхъ земель;
Три дéнецька прошло тому времени,
Какъ просватана у мня Настасьюшка;
У насъ бѣлы-ти руцюшки исподáваны;
Золотыма-ти перстнями подарилисе.
Самъ уѣхалъ вѣдь царь-отъ во чистó поле,
Шьто стрѣлять-то уѣхалъ гусей, лéбедей,
Ише меленькихъ пернастихъ, мелкихъ утоцёкъ;
Посадилъ у мня Настасью Митреяновну,
Посадилъ-то на стулъ рыта бархата,
Приказалъ-то вышивать шириноцьку красна золота,
Да садить-то ширинку скатнымъ жемчугомъ;
Онъ навѣсилъ ише сорокъ замковъ
И поставилъ къ замкамъ сорокъ караульшицьковъ,
Караульшицьковъ всё сорокъ татаревей“.
Говоритъ-то дородьнёй доброй молодець:
— Я не много буду съ вами розговаривать,
Я не буду гледѣть да на тотаръ-то я,
Я не буду смотрять да на крѣпки́ замки.—
Говоритъ-то король да королевы-то,
Королевы-то, своей всё молодой жены:
„Ты бери-тко, королева, да золоты́ клюци,
Отмыкай-ко, королева, кованы́ ларьци,
Вынимайте-ко вы да золоты клюци,
Отдавай-ко дородьню добру молодцу;
Ише пусь берётъ королевну съ чесци, съ радости,

Пусь безъ драки берётъ да кроволитныя".
Онъ вѣдь нé бралъ ключей да во бѣлы́ руки,
А отвбрилъ полату, двери на́ пяту,
Запиралъ онъ полату со всей ярости,
Онъ прибилъ-то убилъ да сорокъ стброжовъ,
Приломалъ-то вѣдь вси замки заморьскія;
Какъ заходитъ въ полаты бѣлокамянны,
'шше заходитъ къ Настасьи Митреяновны.
А ставала Настасья на рѣзвы́ ноги,
Поклонилась она ёму низёхонько:
„Ужъ ты здраствуй, дородьнёй доброй молодéцъ!
Ты откуль же идёшь да куды путь держи́шь?"
Говоритъ-то дородьнёй доброй молодецъ:
— Я иду-ту какъ, ѣду со святой Руси,
Со святой Руси да съ каменнбй Москвы;
Я пріѣхалъ на тибѣ всё вѣдь свататься.
Ты поди-тко, Настасья, за миня заму́жъ;
Увезу-ту я тибя да во святую Русь,
Во святую тибя Русь да въ каменну́ Москву.—
Тутъ заплакала Настасья Митреяновна:
„Шьто умѣла миня матушка спорбдити,
Да умѣлъ миня батюшко шьто вспоить, вскормить,
Шьто вспоить, вскормить миня, возрбстить всё;
Не умѣли миня да зáмужъ выдати
Шьто безъ драки-то миня безъ кроволитныя!"
Онъ вѣдь бралъ-то Настасьюшку за праву́ руку,
Онъ за тѣ-ли за перстни за злачёныя,
Онъ увёлъ-то ей скоро на широкой дворъ,
Онъ садилъ-то вѣдь ей да на добрá коня
Да повёзъ-то вѣдь ей въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Въ красёнъ Кіевъ-градъ да въ каменну́ Москву.
Они день-то ѣдутъ, они другой ѣдутъ,
Да другой-отъ ѣдутъ, они третёй ѣдутъ;
Да три дéнецька ѣхали, три ноценьки.
Говоритъ-то Настасья Митреяновна:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодецъ!
Ишше надоть теперь да коню здохъ давать".
Онъ вѣдь скоро сходитъ со добрá коня,
Онъ вѣдь ставитъ шатёръ новбй полбтняной,
Поволился въ шатёръ новбй полбтняной,
Онъ вѣдь скоро заспáлъ да богатырскимъ сномъ.
А во ту пору, пору было, во то время,

Шьто не спитъ-то Настасья Королевичьня,
Шьто не спитъ она въ шатру, больше прислушиватъ.
Шьто наѣхалъ царишшё всё невѣрноё,
Закрицялъ-то царишшё попрестрашному,
Закрицялъ-то царишшё позвѣриному,
Зашипѣлъ-то царишшё позмѣиному,
Засвистѣлъ-то царишшё посоловьиному.
Онъ скорёхонько пріѣхалъ ко бѣлу́ шатру.
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ты пошьто увёзъ Настасью Митреяновну?
Я изъ рукъ у тя, изъ ногъ жильё повытяну,
Отсѣку я у тя по плець да буйну голову".
А заходитъ онъ скоро во бѣло́й шатёръ,
Вынимаётъ онъ скоро свой булатёнъ ножъ,
Онъ вѣдь хоцётъ отсѣкци буйну голову.
Тутъ заплакала Настасья Митреяновна:
„Не сѣки-ко у сонно́го: всё ровно́ будётъ—
ты ссѣкёшь у мёртвого".
Ише скоро пробужалсэ доброй молодець,
Онъ вѣдь скоро скакалъ да на рѣзвы́ ноги;
Ишше стали они да тутъ боротисе;
Ишше бились они да боролисе,
Не пивали они да не ѣдали-то,
Ишше тольке вѣдь времени было три денька;
Не которой не можотъ обороть изъ ихъ;
По колѣнъ они въ сыру землю втопталисе.
Поборолъ-то дородьнёй доброй молодець,
Какъ которой пріѣхалъ со святой Руси;
Ишше падалъ царишшё на сыру землю́,
Мать сыра-та земля да потрясаласе.
Закрыцялъ онъ [1]) Настасью Митреяновну:
„Ты подай-ко, Настасьюшка, булатенъ ножъ [2]);
Ужъ мы будёмъ колоть да груди бѣлыя".
— Не носи-тко, Настасья Митреяновна! [3])
Не ходи ты, Настасья, за ёго заму́жъ;
На святой Руси вѣра́ есь тежолая:
Съ кажной-то ноци натъ умыть твоё лицё,
Помолитьсе вѣдь натъ всё Богу-Господу,
Поклонитьсе вѣдь натъ да Божьей Матери.

[1]) Молодецъ. *Собир.*
[2]) Ножи оставили въ шатри.
[3]) Царишшо говоритъ.

А пріѣдёшь ты, Настасья Митреяновна,
Тебѣ жить-то вѣдь нать да всё въ кухароцькахъ,
Нать Владимиру вамъ, князю поклонятисе [1]);
Сохранить-то на святой Руси нать среды, пятницы,
Надоть свѣтлы Христовы воскрисеньиця.
Ты поди-ко, Настасья Королевисьня,
Ты поди-ко Настасья за миня замужъ;
Въ проклятой-то земли у насъ въ Тотарьскою
Какъ у мня-то вѣдь вѣра будётъ лёккая:
Ише самъ-то живу, я всё царёмъ царю,
А за мной-то вѣдь будешь жить царицею;
Будутъ вси тебѣ, будутъ поклонятисе.—
Да Настасьюшка сидитъ да приросплакалась,
Приросплакалась сидитъ да приростужилась:
„Отъ того-то бéрежку вѣдь я отстала-то,
Я къ другому-ту, вѣрно, не пристала же“.
Принесла-то ёму да всё булатенъ ножъ;
Онъ вѣдь сталъ-то пороть да груди бѣлыя,
Вынимать-то ретивó серьцо тотарьскоё;
Присѣкъ-то онъ взялъ его да на мелки части.
Ише сами поѣхали въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Въ красёнъ Кіевъ-отъ градъ да въ каменну Москву;
Они приняли себѣ по злату вѣньцю,
По злату вѣньцю да законъ Божей-то.

15.

Дюкъ.

(У матери, которая „вѣкъ пѣла“ эту старину).

Ай вѣдь было жило во дальнёмъ славномъ городи,
Шьто во той было Корелы во богáтыя,
Тамъ-то жилъ былъ вѣдь дородьнёй доброй молодець,
Ише тотъ-ли бояринъ Дюкъ Степановиць,
Ай вѣдь сильнёй былъ могуцей богáтырь-отъ.
Ай у Дюка-та было у Степановича,
Ише былъ у его да всё широкой дворъ,
Ай вѣдь былъ-то у ево да всё широкой дворъ,
Какъ широкой ево дворъ да на семи верстахъ,
На семи-то верстахъ былъ, да семидесети былъ семи столбахъ;
Эти столбички-ти были столбы тóчоны,
Столбы тóчоны, были позолóчоны;

[1]) Онъ былъ племенникъ князю.

Да у кажного столба всё было-то по золотому по колечушку;
Ишше крышоцька была на доми золочёная.
Ай сидѣла-то вѣдь Дюкова всё рóдна маменька,
Посажóна была у Дюка рóдна маменька
Ишше та вдова Омельфа Тимоѳеевна
Посажóна на стули рыта бархата,
На коври-то ево была да красна золота;
Какъ въ её было въ полаты бѣлокамянной
Надьведёно же надь ей-то было красно солнышко,
Надьведёно надь ей вѣдь былъ да младъ свѣтёлъ мѣсецъ,
Ище зори-ти были, звѣзды частыя,
Вся луна была надъ ей да поднебесная.
Тутъ не бѣленька берёзка къ земьли клонитце,
Ни зелёненька, кудрява выгибаитце, —
Тутъ дородьнёй доброй молодецъ да низко кланялсэ,
Ище тотъ-ли бояринъ Дюкъ Стёпановичъ,
Ище тотъ-ли богáтырь да приудáлой-отъ,
Ко своей-то онъ родимой милой маменьки,
Онъ къ чеснóй вдовы къ Омельфы къ Тимоѳеевной [1]):
„Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка, матушка родимая,
Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка, матушка, благословленьицё
Мнѣ-ка съѣзьдить-то, дородьню добру молодцу,
Мнѣ-ка съѣзьдить-то теперь какъ въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Мнѣ ко ласковому князю ко Владимеру,
Посмотрѣть-то мнѣ-ка князя со кнегиною,
Посмотрять-то мнѣ князьей да всѣхъ-то бóяръ тутъ,
Посмотрять мнѣ-ка могуціихъ сильнúхъ богатырей“.
Говоритъ-то ему матушка родимая:
— Ужъ ты гой еси, моё ты цядо милоё,
Молодой же ты Дюкъ да свѣтъ-Стёпановицъ!
Ты поѣдёшь, моё дитятко, не хвастай-ко,
Ты не хвастай-ко своимъ-то всё имѣньицёмъ,
Ты не хвастай-ко своимъ да широкúмъ дворомъ,
Ты не хвастай-ко своимъ многúмъ да платьёмъ цьвѣтнымъ-то,
Ты не хвастай-ко ухваточкой своей всё богатырьчкою,
Ты не хвастай-ко своимъ-то ты добрыúмъ конёмъ. —
Говоритъ-то тутъ вѣдь Дюкъ да Дюкъ Стёпановицъ:
„Ужъ ты гой еси, родима моя матушка,

---

[1]) Сначала сказательница пропѣла: „Елены Косьтентиновны“, но потомъ поправилась. *Собир.*

Ты чесна́ вдова Омельфа Тимоѳеевна!
На меня-то какъ найдуть, я всё не уступлю тутъ имъ".
Собиралсэ-то вѣдь молодой-отъ нашъ бояринъ Дюкъ Стёпановицъ,
Собираитче онъ да всё скорёхонько;
Тольки видѣли-то добра молодца сряжаючись,
Не видали тутъ поѣздки богатырьскою.
Пріѣжаетъ тутъ уда́лой доброй молодець,
Ише тотъ-ли вѣдь бояринъ Дюкъ Стёпановиць
Къ широку́-ту двору вѣдь, всё князю ко Владимеру;
Онъ пріѣхалъ-то да всё во ту пору,
Онъ во ту же пору пріѣхалъ, всё во ту время,—
Ишше князя-та Владимера вѣдь дома нѣтъ:
Шьчо ушолъ-то князь Владимиръ стольнё-кіеськой,
Онъ ко той ушолъ ко ранной ко заутрени.
Оставлялъ-то онъ своёго ко́ня доброго,
Оставлялъ-то онъ у князя всё на широко́мъ двори,
Самъ пошолъ-то во Божью́ церьковь соборную,
Во соборну Божью церьковь богомольнюю;
Замаралъ-то онъ сафьяны всё сапожоцьки
Шьчо по тѣмъ-ли по москамъ, москамъ дубовыимъ.
Говорилъ-то мла́дой всё бояринъ Дюкъ Стёпановичъ;
Говорилъ-то вѣдь онъ, дакъ будто громъ гремѣлъ:
„Шьчо сказали про Кіевъ-городъ, шьчо—хорошъ городъ;—
Уходилъ-то я сапожоцьки-сафьяныя!"
Приходилъ-то онъ вѣдь скоро во Божью́ церьковь,
Говорилъ-то вѣдь тутъ онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты здрастуй, князь Владимиръ стольне-кіеськой!"
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, ты дородьнёй доброй молодець!
Я не знаю-ту тепере, какъ тебя всё именёмъ зовутъ,
Я не знаю, звеличать какъ изъ очетесьва.—
Говоритъ-то тутъ бояринъ Дюкъ Стёпановичъ:
„Я наѣхалъ-то изъ той-ли изъ Корелушки богатыя,
Ише тотъ-ли я, богатой-отъ бояринъ я,
Я богатой-отъ бояринъ Дюкъ Стёпановиць.
Благослови-ко ты меня, всё Владимеръ-князь,
Мнѣ-ка стать-то всё на крылосъ всё на правой-отъ,
Послужить-то мнѣ, попѣть хошь мнѣ во Кіеви,
Мнѣ за той попѣть обѣдьнёй воскресеньскою".
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:

— Тебя Бохъ благословитъ, да молодой бояринъ Дюкъ Стёпановиць! —
Ай запѣлъ-то скоро, зачиталъ всё Дюкъ Степановиць,—
Божья церьковь-та тутъ да потрясалася,
Всё окошоцька въ Божьей-то церьквы покосилисе,
Всѣ народъ-то, люди добры съ ногъ попадали;
На ногахъ-то стоитъ да самъ Владимеръ-князь,
На ногахъ же онъ стоитъ, качаитце;
За праву́-ту руку дёржитъ всё Добрынюшка Микитичъ младъ,
За лѣву́ же руку дёржитъ-то Олёшенька Поповичъ младъ.
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кіевськой:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець,
Молодой же сьвѣтъ-бояринъ Дюкъ Стёпановиць!
Тибѣ полно-то стоять, всё пѣть на крыласи!“
Пересталъ-то тутъ вѣдь Дюкъ да свѣтъ-Стёпановичъ.
Какъ отпѣли, отслужили службу Божью-ту,
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Ты пойдёмъ-ко-се, пойдёмъ, уда́лой доброй молодець,
Ужъ ты сильнёй же, могуцёй руськой ты богáтырь нашъ
Шьчо по имени бояринъ Дюкъ Стёпановиць!
Ты пойдёмъ-ко-се ко мнѣ да ты вѣдь хлѣба, соли ись,
Хлѣба, соли ко мнѣ ись да слáдка мёду пить“.
Пошолъ-то бояринъ-то богатой Дюкъ Стёпановиць;
Шьчо приходитъ во полаты княженеськія;
Онъ вѣдь крестъ-то всё кладётъ да по писáнному,
Онъ поклонъ-отъ всё ведётъ да по учоному,
Онъ вѣдь князю-ту Владимиру всё низко кланялсэ
Шьчо со той-ли со кнегиной Опраксеёй Королевисьнёй.
Собиралъ-то князь Владимиръ для ево поцесёнъ пиръ,
Собиралъ-то всё князей да своихъ бо́яровъ,
Собиралъ-то руськи́хъ могучихъ всё богáтырей;
Онъ содилъ-то молодого-то боярина-та Дюка свѣтъ Стёпановича,
Онъ садилъ-то всё его да всё къ собѣ близко.
Онъ сидитъ-то Дюкъ Стёпановичъ, не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кіевськой:
„Ужъ ты шьто ты, какъ дородьнёй доброй молодець,
Молодой-ли ты бояринъ Дюкъ Стёпановичъ!
Ты не пьёшь-то, всё не ѣшь сидишь, не кушаёшь,
Ужъ ты бѣленькой лебёдочки не рушаёшь;

Ужъ ты мéкишки-ти кушашь, корки проць откладывашь?“
Говоритъ-то тутъ бояринъ Дюкъ Стёпановицъ:
— Ужъ ты гой еси, Владимиръ-князь да стольнё-кіевской!
Потому-то я сижу не пью, не ѣмъ, не кушаю,—
Какъ у васъ-то вѣдь пецьки всё кирпишныя
Да помёлышко у васъ вѣдь всё сосновоё;
На помёлышко льитé воду болотную [1]).
Я скажу тибѣ, да всё Владимиръ-князь,
Я скажу-ту про сибя, тибѣ повѣдаю,
Я скажу-то всё тебѣ я про широкой дворъ:
Шьчо у мня-то вѣдь, у доброго у молодца,
Ишше домъ у мня стоитъ вѣдь на семи вёрстахъ,
На семидесети у мня на семи столбахъ;
Ишше кажной всё столбичокъ былъ тóчоной,
Столбикъ тóчоной, кажной позолóчоной;
Какъ у кажного столба-та было всё да по колецюшку,
По тому-то было всё по золотý кольцю.
Ай вѣдь есь у мня, у Дюка, добра молодца,
На двори у мня да на конюшномъ всё
Какъ живётъ у мня да петьдесятъ да всё людей робочыихъ;
Ишше есь у мня, у доброго у молодца,
Ишше платьиця живётъ у мня да цьвѣтного—
Мнѣ носить-то будётъ, добру молодцу, въ году на кажной дéнецекъ,
Носить годъ да по три платья перемѣнныхъ въ день.
Ишше есь у мня, у добра-та всё молодца,
Ишше крышоцька у мня да красна золота;
Золотó у мня крылецюшко паратноё,
Какъ колецюшко у дверей золотó у мня.
Петьдесетъ у мня вѣдь, всё у добра молодца,
Петьдесетъ-то тутъ у мня всё портомойниць-то;
Тутъ бѣльё они стираютъ у миня, у добра молодца;
Ищэ есь у мня, ищэ у добра молодца,
Шьчо другó у мня-то петьдесятъ да мукосѣйниць-то;
Шьчо ишшé у миня, у добра молодца
Петьдесятъ всё у мня да всё колачьниць-то.
Шьчо у мня-то, у моей-то рóдной матушки,
У чеснóй вдовы Омельфы Тимоѳеевны,
Да на стули сидитъ она всё рыта бархата;

[1]) Шьтобы не горѣло.

На коври она сидитъ, на красномъ золоти;
Надьведёно вѣдь надь ей да красно солнышко,
Надьведёно надь ей да младъ сьвѣтёлъ мѣсецъ,
Надьведёны зори утряны да зьвѣзды частыя,
Вся луна надь ей у мня всё поднебесная.
У моей-то у родимой всё у матушки
Ише пецьки-ти у ей были мура́влёны,
Ай помолышко у ей было шолко́воё;
На помёлышко она вѣдь льётъ воду́ мёдо́вую,
Пересыпаетъ она подъ да всё тутъ сахаромъ;
Ай колачики пекётъ она круписчаты;—
Тутъ колацикъ-отъ сьѣшь,—другого хочитцэ;
Какъ другой-отъ скушашь—объ третьёмъ душа бажитъ.
Я ищё же, доброй молодецъ, похвастаю:
Какъ стоитъ-то у мня тынъ серебряной да позолоченой:
Я ищё же, доброй молодецъ, похвастаю:
У меня въ тыну́ текётъ рѣка медо́вая,
Розсыпаитьце у рѣчиньки всё золота руда;
Я ищё же, доброй молодецъ, похвастаю:
Не имѣю я коня всё перемѣнного;—
Какъ наводитъ-то мой Бурушко всё каждой день,
Каждой день-то онъ наводитъ, перемѣнятъ, шерсть перемѣнную.—
Какъ свёзали тутъ, сковали добра молодца,
Посадили ево въ тёмьницю во тёмную.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Ужъ вы гой еси, дородьни добры молодцы,
Вы два руського могучого бога́тыря!
Поѣжай въ перьвыхъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Поѣжай второй Олёшенька Поповичъ младъ;
Опишите вы всё Дюково имѣньицё,
Вы берите-ко черьнилъ да вы зъ бумагами,
Накладите-ко вы больше—лошадиной возъ“.
А наклали они бумагъ, цернилъ всё лошадиной возъ,
Какъ поѣхали они во ту славну Корелу во богатую.
Не доѣхали они да всё до города;
Увидали-то у Дюка крышу на дому его;
Говорятъ-то тутъ они всё таковы рѣци:
„Какъ горитъ, вѣрно, Корелушка богатая!“
Пріѣжаютъ они ко Дюку на широкой дворъ,
Говорятъ-то всё они да промежу́ собой:

„Дюкъ Стёпановичъ, навѣрно, не пустымъ хвастатъ".
Описали-то они да всё жили три мѣсеця,
Описали они только всё одинъ конюшной дворъ.
Шьчо пошли они поближе, Дюковой искать да ро̀дной матушки;
Имъ стрѣцялась-то имъ встрѣту всё имъ женшшина;
Они кланелись ей всё до низко̀й земьли:
„Здрастуй, Дюкова ты ро̀дна матушка!
Ише Дюкъ-отъ тебѣ да всё поклонъ послалъ
Онъ поклонъ тебѣ послалъ, всё низко кланялсэ".
Говорила-то тутъ имъ всё женьшина:
— Ище есь-то насъ у Дюка до петидесятъ.
Я не Дюкова-та какъ да ро̀дна матушка,
Ище Дюкова я да портомойниця.—
Вѣдь пошли они ищэ́ вперёдъ;
Тутъ какъ стрѣтилась имъ да дру́га женшина;
Они кланелись всё ей до низко̀й земли:
„Здрастуй, Дюкова да ро̀дна матушка!"
— Я вѣдь Дюкова всё да мукосѣйниця;
Ище есь-то насъ у Дюка до петидесятъ.—
Тутъ пошли они да всё опять вперёдъ;
Стрѣтилась тутъ имъ да всё вѣдь женьшина;
Ишше кланелись они ей до низко̀й земли:
„Здрастуй, Дюкова ты ро̀дна матушка!
Ище Дюкъ-отъ тибѣ да всё поклонъ послалъ".
— Я не Дюкова-то всё вѣдь родна матушка,
Я вѣдь Дюкова всё вѣдь я коласьниця.—
Говорятъ-то тутъ дородьни добры молодци,
Шьчо два руського могуцёго богатыря,
Какъ по имени Добрынюшка Микитиць младъ,
А по̀ имени Олёшенька Поповиць младъ:
„Ужъ ты гой еси, да ты всё женьшина!
Доведи-ко насъ до Дюковой да ро̀дной матушки—
Описать намъ всё въ доми имѣньицё".
Тутъ вѣдь доводила она до Дюковой до ро̀дной матушки,
До чесно̀й вдовы Омельфы Тимоѳеевны;
Шьчо на стули сидитъ да рыта бархата,
Въ дорогомъ она сидитъ вся въ красномъ золоти.
Они кланелись ей всё до низко̀й земьли:
„Здрастуй, Дюкова ты ро̀дна матушка!
Ишше Дюкъ-отъ тебѣ да всё поклонъ послалъ,
Шьчо поклонъ-отъ послалъ, да велѣлъ низко кланитце".
Говоритъ-то ево всё родна матушка:

— Какъ моё-то вѣдь всё дитятко захвасьливо,
Шьчо захвасьливо дитятко моё, всё неуступчиво.
Я про то вѣдь вамъ скажу: онъ не пустымъ хвастатъ.—
Говорятъ-то тутъ дородьни добры молодцы:
„Мы прiѣхали описывать его имѣньицё“.
Говорила родима ево маменька:
— Пусь продастъ-то князь Владимиръ стольне-кiевской,
Ише Кiевъ-отъ продастъ пушай на бумагу-ту,
Онъ Черниговъ пусь продастъ да на чернила-та;
Тогда опишутъ-то, бывать, ево имѣньицё,
Ише вдо́вей-отъ домъ да всё сиротской-отъ.—
Они стали тутъ писать да всё описывать;
Они такъ-то всё на то они положились:
„Какъ писать-то намъ вѣдь нать три годицька,—
Не описать-то намъ будётъ всёго имѣньиця“.
Описали-то ево всё платье цьвѣтноё,—
Какъ носить-то надоть платьице всё цьвѣтноё,
На три года нать носить, нать на три мѣсеця,
Кажной день носить-то по три платья перемѣнныя.
Тутъ вѣдь они да росьмѣхнулисе,
Росьмѣхнулисе они, всё удивилисе;
Тутъ всёго они имѣнья оступалисе:
„Шьчо же хвастатъ доброй молодець, насъ не оманиватъ,
Онъ вѣдь быломъ хвастатъ, всё-то былью-ту“.
Прiѣжаютъ они-то скоро ко князю ко Владимеру;
Росказали всё про Дюково имѣньицё.
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Выпускайте вы вѣдь Дюка-ка изъ тёмной тёмници“.
Говорилъ-то всё онъ Дюку таковы рѣци:
„Молодой ты свѣтъ-бояринъ Дюкъ Стёпановичъ!
Ты просьти, просьти миня хошь виноватого,
Ты просьти-ко всё миня, князя Владимера!“
Тутъ садитце скоро Дюкъ Стёпановиць
На своёго то онъ всё тутъ на добра́ коня.
Какъ ударились они съ Цюрилушкомъ всё Плёнковымъ
Шьчо о ту-ли они заповѣдь великую;
Говоритъ-то всё Чурилушко всё Плёнковиць:
„У меня-то вѣдь у шубоцьки да есь три пуговки;
Запоётъ у этихъ пуговокъ какъ соловей-тиця“.
Говорилъ-то вѣдь какъ Дюкъ Стёпановичъ:
— У меня-то есь у шубоцьки да всё вѣдь какъ не пуговки;—
Зарыцятъ у меня вѣдь вси зьвѣри рыкучiя,

Запоютъ-то вси вѣдь птици иностранныя,—
Зьвеселять-то всѣхъ во городи во Кіеви.—
Говоритъ-то всё Чурило таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, богатой ты бояринъ Дюкъ Стёпановичъ!
Мы поѣдёмъ-ко съ тобой всё на Почай-рѣку;
Перескоцитъ у которово всё конь церезъ Почай-рѣку,
У которого не перескоцитъ, у того нать голова всё съ плець“.
Они такъ-то промежу́ собой ударились.
Перескóцилъ-то у Дюка у Стёпановича
Церезъ ту-ли церезъ матушку церезъ Поцяй-рѣку;
Какъ Цюрилушка-та палъ вѣдь доброй кóницёкъ въ Поцяй-рѣку,
Уронилъ-то Цюрилушка въ Почай-рѣку.
Тутъ сталъ-то бояринъ молодой всё Дюкъ Стёпановиць
Онъ вѣдь вытянулъ Чурила со добры́мъ конёмъ.
Говоритъ-то тутъ Владимиръ-князь да стольнё-кіевской:
„Молодой ты нашъ бояринъ Дюкъ Стёпановиць!
Шьчо ты знаешь, надь Цюриломъ теперь самъ суди,
Ты суди-ко, Дюкъ да ты Стёпановиць,
Ты суди у мня Чурилушка своимъ судомъ“.
Говоритъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановиць:
— Я не буду-ту судить Чурила всё свѣтъ-Плéнковича,
Я тово-ли всё бабъёго угодьничка;
Я оставлю-ту ходить его, всё жить во городи во Кіеви,
Я у ласкового князя у Владимера;
Пушшай зъ дѣвками онъ, зъ бабами онъ управляитце!—
А поѣхалъ молодой бояринъ Дюкъ Стёпановичъ,
Роспрошшаитце со князёмъ со Владимеромъ,
Со кнегиной съ Опраксéёй съ Королевисьнёй,
Роспрошшаитце съ Добрынюшкой Никитичомъ,
Роспрошшаитце съ Олёшенькой съ Поповичомъ,
Со всимá-ти онъ со руськима съ могучима богáтырьми;
Уѣжаетъ онъ къ родимой къ милой матушки,
Онъ ко той вдовы чеснóй Омельфы Тимоѳеевны.

16.

Козарушка (Козаринъ).

(У старушки Прасковьи Ивановны, умершей лѣтъ 30 тому назадъ).

Ише былъ же король Петръ Коромы́словъ-отъ;
Да была-то у ёго да доць любимая,

Шьчо·единая дочь была любимая
Ишше душочка Настасья Королевисьня;
А вѣдь было у ёго да деветь сыновъ,
Ише деветь сыновъ было, ясныхъ сóколовъ;
Да былó зародилось-то десято цядо милоё,
Ище мóлодой Козáрушка всё Петровиць-младъ.
На родинушкахъ Козариныхъ было пошýцёно [1]),
На родиночкахъ Козарушки попорьтили; —
Отець ёго, мать не вóзлюбили,
Рóдны братьича его невознавидѣли;
Да хотѣли Козарушку всё конёмъ стоптать,
Да хотѣли Козарушку всё копьёмъ сколоть;
Понесли-то Козáрина всё свинья́мъ отдать, —
Да увидяла сестриця всё изъ окошоцька,
Ище та-ли Настасья-та Королевисьня;
Отьнимала Козáрина всё у нянюшокъ,
Отьнимала Козáрина всё у бабушокъ,
Говорила сама имъ таковы слова:
„Вы не сказывайте родному всё вы батюшку;
Вы берите у мня много злата, сéребра“.
Она стала Козарушку всё покарьмливать,
Она стала Козарушку все порáшшивать.
У ей скоро Козаринъ да скоро выросъ тутъ;
По полаты-то Козарушка похаживатъ,
Съ ноги нá ногу Козарушка поступыватъ,
Ище самъ онъ говоритъ всё таковы рѣци:
„Ужъ ты вой еси, молода сесьтриця моя,
Ужъ ты душенька Настасья Королевисьня!
Да спусьти-тко на ширóку мяня на улочку
Поиграть мнѣ со маленькима ребятками,
Мнѣ повырвать у ихъ изъ рукъ руцьки бѣлыя,
Мнѣ повыдерьгать изъ [2]) ножьки-ти у ихъ рѣзвыя,
Оторвать у новóго съ плець буйна голова“.
Говоритъ ёму Настасьюшка таковы слова:
— Не дозволю, Козарушка, идти на улоцьку;
Изобидишь многúхъ ты малыхъ дѣтушокъ,
Будёшь много сьлезить-то отцéй, матушокъ. —
Какъ проходитъ тому време-то — одны сутоцьки;
Говоритъ опять Козарушка таковы рѣци:

---

[1]) Попóрьцёно — волшебные люди.
[2]) Вѣроятно, здѣсь сказательница выпустила неприличное слово. *Собир.*

„Не хоцю сидѣть, сестриця, въ полатахъ бѣлокамянныхъ;
Ты спусьти-тко поиграть миня всё съ ребятками.
Роскажи мнѣ-ка, сесьтрицюшка, не утай про то:
Ище есь ли у меня-то рóдёнъ батюшко,
Ище есь ли у меня-то рóдна матушка?“
Говорила родима ему сесьтриця-та:
— У тя есь на роду-ту родной батюшко,
Ише есь у тя, Козаринъ, родной батюшко—
Ише тотъ же король-отъ Пётръ-отъ же;
На родинушкахъ они тибя не возлюбили,
Да хотѣли, Козарушка, тибя конёмъ стоптать,
Да хотѣли, Козарушка, тибя копьёмъ сколоть,
Да хотѣли Козарушку сьвинья́мъ отдать.—
„Дакъ скажи-ко, сесьтриця, видно, я вѣдь—королевськой сынъ?“
— Королевськой ты сынъ, мнѣ родной брателко.—
„Я не буду сидѣть въ полатахъ бѣлокамянныхъ;
Посмотрю я пойду народа, людей многiихъ,
Людей многихъ, народу, правоелавныихъ.
Хоть не спустишь меня, сéстриця родимая,—
Я отвóрю окошоцько косисцято“.
А вѣдь скоро она выпускатъ волёй,
Выпускатъ ёго крылецюшкомъ паратныимъ,
Шьто сама она Козарушки наказыватъ:
„Ты недолго ходи, Козарушка Петровиць младъ,
Шьчобы дѣтушки тибя не изобидѣли“.
Говоритъ-то Козáринъ таковы слова:
— У тя нѣтъ ли, сесьтриця, палици тяжолою,
Шьто така, шьчобы была мнѣ сорока пудовъ;
Я на улоцьки съ ребятками управлюсь тутъ.—
Тутъ заплакала Настасья Королевисьня:
„Немалу́ я теперь шутоцьку нашу́тила!
Я спусьтила Козарушку по бѣлу́ сьвѣту;
Онъ убьётъ теперь во городи много малыхъ дѣтоцёкъ“.
Онъ приходитъ къ ребяткамъ, къ малымъ дѣтоцькамъ;
Всѣ ребятушка тому, стоятъ, удивляютце,
Дорогому-то ёго всё платью цьвѣтному.
Онъ вѣдь сталъ-то съ ребятками всё поигрывать.
Какъ вѣдь мудрой-отъ которой, всё подальше проць,
Онъ подальше проць всё подвигаитце;
А разумной-отъ которой, всё выспрашиватъ:
„Ты скажи, скажи, дородьнёй ты мла̀дой доброй молодець:

Ише какъ-то зовутъ тибя по имени,
Зьвеличать-то тибя вѣдь какъ по отечесьву“.
Отвѣчаётъ Козарушка всё ребятушкамъ:
— Какъ зовутъ миня Козарушка, королевськой сынъ;
Я живу-ту съ Настасьей съ Королевисьнёй.—
Тутъ ребятушка скоро всѣ росьсмѣхнулисе:
„Да какой-то пришолъ, бродяга деревеньская,—
Называитце всё сыномъ королевськіимъ“.
Ише тутъ вѣдь Козарушки за бѣду́ стало,
За надсмѣшоцьку вели́ку цоказалосе;
Онъ выдёрьгиватъ плётоцьку шолко́вую,
Онъ вѣдь сталъ-то плётоцькой въ ихъ побрасывать;
Онъ вѣдь за́ руку возьмётъ—руку проць вѣдь оторвётъ,
Онъ вѣдь за́ ногу возьмётъ—ногу онъ вѣдь оторвётъ,
Онъ за го́лову возьмётъ—голова и проць летитъ;
Онъ прибилъ-то ребятоцёкъ полъ-сотни всѣхъ.
Да приходятъ къ королю они подъ окошоцько:
„Обирай-ты всё, король, Козарушку всё королевиця“.
Говоритъ-то король всё таковы рѣци:
— Навѣку́ я Козару́шку всё не видывалъ,
Про Козарушку вѣдь я вѣдь не слыхалъ некакъ.—
Да пошолъ скоро Козарушко къ ро́дной се́сьтрици,
Ише къ той-ли Настасьи Королевисьни:
„Ты пойди проси у батюшка мнѣ добра́ коня,
Ты пойди проси, Настасьюшка, копья вострого,
Ты поди проси ты сабельки мнѣ-ка вострою,
Ты проси мьнѣ-ка палици богатырьскою“.
Говорила Настасьюшка Козарушки:
—Были матушки, отци [1]) теперь подъ окошоцькомъ;—
Твой вѣдь батюшко отьпёрсэ всё отъ Козарушки,
Онъ некакъ тебѣ не признаваитце.—
Тутъ немного Козарушка розговаривалъ.
Онъ вѣдь скоро бѣжалъ-то на широкой дворъ,
Съ широка́ двора бѣжалъ всё во конюшну-ту,
Онъ сѣдлалъ-то собѣ скоро добра́ коня,
Всё добра сибѣ коня-то всё богатырьского,
Онъ вѣдь скоро бралъ себѣ палицю тяжолую,
Онъ вѣдь бралъ себѣ сѣдёлышко черкальское,
Надѣвалъ вѣдь на коня у́зду це́сьмяную;
Онъ садилсэ тутъ скоро на добра́ коня,

[1]) Убитыхъ Козарушкой дѣтей. *Собир.*

На добра коня садилсэ на богатырьского,
Да поѣхалъ Козарушко куда Бохъ велитъ,
Куда Бохъ ёму велитъ, куда глаза гледятъ;
Запостýпывалъ ёго-то всё вѣдь доброй конь,
Запоступывалъ онъ въ ту-ли дорожку, во чистó полё.
Посьлѣ ёго былó посьлѣ биваньиця,
Истопили Настасьюшки пáрну бáнёцьку;
Уцёсала головушку рóдна матушка,
Уплёла-то у ей она трубцятý косу,
Овивала у ей она краснымъ золотомъ,
Усадила у ей она скатнымъ жемцюгомъ;
Говорила ей матушка родимая:
„Не ходи-ко, Настасьюшка, свѣтлой улоцькой,
Ты поди-ко, Настасьюшка, широкимъ дворомъ“.
Не послышала наказу рóдной матушки,
Да пошла она Настасьюшка свѣтлой улочкой.
Налетѣло три ворона, всё три кáркуна,
Подхватили Настасью Королевисьню,
Унесли ей на гóру-ту Арависькую
Да хотѣли Настасьюшки срубить у ей буйну голову.
Какъ во ту вѣдь пору было, во тó время,
Не есёнъ-то сокóлъ скорó пролётывалъ,
Какъ дородьнёй-отъ молодець наѣхалъ тутъ
Да по имени Козарушка королевськой сынъ;
Онъ прибилъ, притопталъ-то всё тотаръ тутъ всихъ,
Самъ у дѣвици сталъ выспрашивать;
А дѣвиця-та плацётъ, какъ рѣка текётъ,
Ише красна возрыдаетъ, какъ руцьи шумятъ:
„Какъ вецёръ у мня матушка на сьвятой Руси,
На сьвятой Руси головушку у мня учёсала,
Заплёла она мою трубчату косу,
Овивала у мня она краснымъ золотомъ,
Пересыпала у мня она скатнымъ жемцюгомъ.
Ище была-то вѣдь я-то королевська доць;
А вѣдь было у короля на сьвѣти много всѣхъ:
А вѣдь было у ёго деветь сыновъ, ясныхъ соколовъ,
Да родилсэ у ёго всё былъ десятой сынъ
Ише тотъ-ли Козарышко Петровиць младъ;
На роду было Козарушки попóрцяно;—
Какъ отець ёго, мать невознавидѣли;
Я поила Козарушку до возросту,
Да Козарушка у мня богатырь всё примогучія,

Изъ неволи бы Козарушка миня выруцилъ!“
Сходилъ тутъ Козарушко со добра́ коня,
Онъ вѣдь бралъ-то Настасьюшку за бѣлы́ руки,
Онъ вѣдь падалъ сесьтрици во рѣзвы́ ноги:
— Ты оть смерьти, сесьстриця, миня избавила;
Какъ моё-то добро къ тебѣ назадь пришло:
Ише я тибя, сесьтрицюшка, повыруцилъ,
Я избавилъ тибя смерти напрасныя.—
Пріѣжаютъ къ королю прямо на широкой дворъ;
Какъ стрѣцятъ король всё Настасьюшку,
Всё Настасьюшку стрѣцятъ свою Королевисьню,
Не признаётъ Козару-ту королевиця;
Онъ вѣдь сталъ у Настасьи король выспрашивать:
„Ты скажи-ко-се, моя ты дочь любимая,
Скажи, душенька Настасья-свѣтъ Королевисьня,
Это хто съ тобой пріѣхалъ, какой же богатырь сильнёй;
Я могу-то ёго-то скоро́ пожаловать
За ёго за добро-то за великоё:
Могу дать ёму городъ всё съ посёлками“.
Говоритъ-то Настасьюшка таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, батюшко любимой мой!
Ты имѣшь миня за доць, Настасью Королевисьню,
Поциташь токо миня всё за родимую,
Я скажу-то про молодца, тебѣ повѣдаю:
Я про сильнёго могуцёго про богатыря,
Про того тебѣ Козарушку, сына милого.—
Тутъ какъ бралъ ёго король скоро за праву́ руку,
Чѣловалъ ёго король въ уста въ сахáрныя,
Обнималъ ёго король своей право́й рукой:
„Я приму теперь Козарушку за родна́ сына́,
Благословлю теперь Козарину королевьство всё
Я за выслугу ёго за богатырьскую;
У мня будётъ Козарушка королёмъ'сё жить,
Ище будётъ владѣть всимъ королесьвицёмъ;
Ишше вси будутъ ёму, пушшай поклоняютце“.

17.

Михайло Петровичъ (Козаринъ).

(У матери).

Ише было жило у короля девёть сыновъ,
Зародиласе у короля десята доць

Ише душоцька Настасья Королевисьня;
Послѣ того-то зародилсэ у ихъ всё десятой сынъ
Ише нá имя Михайло королевиць сынъ.
А отець Михайлушка, ни мать не вóзлюбилъ,
Рóдны братьица ёго невознавидѣли;
Захотѣли Михайлушка конёмъ стоптать,
Захотѣли Михайлушка копьёмъ сколоть.
А увидяла родима ёго сéстрица
Ише та-ли Настасья Королевисьня,
Да брала она Михайлушка да на бѣлы́ руки,
Уносила Михайлушка въ свои палаты бѣлы-камянны,
Ай поила, кормила, ёго рóсьтила.
Ище сталъ у ей Михайлушко двѣнадцеть лѣтъ,
Ище сталъ-то Михайлушко у ей выспрашивать:
„Ужъ ты гой еси, дѣви́ця-душа красная!
У меня есь ли на роду-то рóдной батюшко,
У меня есь ли на свѣту на бѣломъ рóдна матушка,
Ишше есь ли у меня да рóдны братьиця,
Ишше есь ли у меня да родны сéстрици?“
Какъ спроговóритъ Настасья Королевисьня:
Ужъ ты гой еси, Михайлушко Петровиць младъ!
Ише есь-то у тебя на свѣти родной батюшко,
Ише тотъ-ли король да Коромысловъ Пéтръ,
Ише есь-то у тебя на свѣти рóдна матушка,
Ише есь у тебя на свѣти деветь братьицей,
Йше е у тя, десятой-отъ — ты, да младъ есёнъ сокóлъ;
И сестрицъ-то у тибя да тольки я одна,
Тольке я одна Настасья Королевисьня,
Королевисьня-та я ишé Петровна же.
А какъ ты-то родилсэ когды малёшенекъ,
На родинушкахъ тебѣ было пошу́цёно;
Рóдёнъ батюшко-то съ матушкой тебя невознавидѣли,
А хотѣли тибя, Михайлушко, придать тебя къ смéрти́ ко скорыя,
А хотѣли тибя, Михайлушко, свинья́мъ отдать;
А увидяла вѣдь я да всё сама тибя,
А брала-то тибя да на бѣлы́ руки,
Уносила тибя въ полаты я да всё высокія;
Я поила тибя, корьмила всё какъ рóсьтила.—
Тутъ вѣдь палъ ей Михайлушко въ рѣзвы́ ноги:
„Ужъ ты ми́ла моя сéстриця любимая,
Молода моя Настасья Королевисьня!

Ты умѣла миня отъ смерьти всё избавити,
Ты умѣла миня да всё споить-скормить, возрбсьтить всё; —
Попрошу объ цёмъ, тибѣ я поконаюсе:
Ты поди-сходи-ко къ батюшку къ родимому,
Ты проси поди у батюшка мнѣ-ка добрá коня,
Ты проси поди у батюшка-то мнѣ да сабли вострою,
Ты проси поди у батюшка да копья вострого,
Ты проси поди сѣдёлышка чиркальского,
Ты проси поди у батюшка всё збруи богатырьскія“.
Тутъ Настáсья Королевисьня всё не ослышилась;
Она скоро приходитъ къ рóдну батюшку,
Пала батюшку Настасьюшка въ рѣзвы́ ноги́:
„Дай-ко, батюшко, ты мнѣ да всё добрá коня,
Мнѣ добра ты коня всё богатырьского;
Дай ты, батюшко, ты мнѣ да всё вострá копья,
Всё востра-та копья да брозаменьского;
Дай ты, батюшко, сѣдёлышка чиркальского,
Дай ты палици мнѣ, батюшко, цяжолою,
Дай ты всю же мнѣ-ка збрую богатырьскую“.
Говоритъ-то батюшко Настасьи таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Настасья Королевисьня!
Какъ кому у тя, Настасья, всё конёмъ владѣть?
Ишше некому владѣть всей сбруей богатырьскою.
„У мня есь вѣдь возрбшшонъ милой-отъ родимой брáтёлко
Ишше молодый Михайло-королевицъ младъ:
Я его отъ смерьти всё избавила,
На своихъ я на бѣлы́хъ рукахъ возрбсьтила“.
Говоритъ король Настасьи Королевисьни:
— Ты когды была, Настасья, доць мнѣ-ка любимая;
Ужъ ты здѣлалась нонѣ доць постылая.—
Ай пришла-то Настасья, приросплакалась,
Рóдну брателку своёму прирозжалилась:
„Не даватъ-то батюшко, Михайлушко, тибѣ добрá коня,
Не даватъ тибѣ вѣдь батюшко да богатырьского!“
Говоритъ-то Михайло таковы рѣци:
— Ты не плацъ-ко-се, родима моя сéстрица,
Молода же ты Настасья Королевисьня!
Я пойду-схожу ко ботюшку всё на широкой дворъ,
Я возьму же коня все самолучшого.—
Онъ вѣдь взялъ коня да самолучьшого,
Самолучьшого коня да богатырьского,
Онъ поѣхалъ скоро съ широкá двора;

Не поѣхалъ онъ, да не воротами,—
Цёресъ тынъ скакалъ да ёго доброй конь;
А поѣхалъ Михайлушко въ чистó полё;
Во чистóмъ-то полú да куревá стоитъ,
Курева-то стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ.
А пріѣхалъ Михайлушко въ цистó полё;
Онъ вѣдь ѣздилъ по цисту́ полю, поляковалъ,
Онъ вѣдь ѣздилъ немного, немало—цѣлой мѣсець-отъ;
Нецёго не могъ наѣхать во чистóмъ поли,
Онъ не старого не могъ, да всё не малого,
Не богáтыря не могъ, не поленúци преудáлыя [1].
Придумалось ёму же съѣзьдить на круту́ гору́;
На круту гору пріѣхалъ онъ да во темны́ лѣса;
Тамъ услышилъ онъ, да вѣдь какъ шумъ шумитъ,
А какъ шумъ шумитъ, да ише гамъ гамúтъ.
Онъ подался немножко по тёмны́мъ лѣсамъ;—
Во тёмнóмъ-то лѣсу всё три розбойника,
Три розбойника да они дѣлъ дѣлятъ [2]):
На перьвóй-отъ пай кладутъ да красно золото,
На другой-отъ пай кладутъ до цисто сéребро,
На третéй-отъ пай кладутъ да красну дѣвицю.
А какъ пéрьвой-отъ тотаринъ всё спрогóворитъ:
„Ты не плаць, не плаць, дѣвúця-душа красная,
Ты не плаць, не плаць, Настасья Королевисьня!
Ты на мой-отъ, дѣвúця, пай достанисьсе,—
Увезу-то я тебя во земьлю во невѣрную,
Я вѣдь буду корьмить тибя вѣдь всё да кобылятиной“.
Ай заплакала дѣвúця пуше старого:
— Заплели у мня кóсу да на святой Руси;
Росьплетутъ у мня косу́ да въ проклятóй Литвы!—.
А другой-отъ тотаринъ да спрогóворилъ:
„Ты не плаць, не плаць, дѣвúця-душа красная!
Ай на мой-отъ ты вѣдь пай да какъ достанисьсе,
Отсѣку у тя по плець я буйну голову“.
А третéй-отъ розбойникъ-отъ спрогóворитъ:
„Увезу, тебя, дѣвиця, во своё мѣсто;
Я поить, кормить тебя буду бѣлы́мъ хлѣбомъ,
Я поить-то тебя буду слáдкóй водой мёдóвою“.
Говоритъ-то Михайлушко да таковы рѣци:

[1] Женськой родъ, богаты́рици были въ старо время; ѣздили въ мужьськомъ платьи;—въ старинахъ названо.

[2] Имѣнье,—награбили гдѣ-то.

„Ужъ ты гой еси, да всё розбойницьки!
Ужъ вы дайте-тко-се мнѣ-ка хошь вы пôлъ-пая;
А хошь не давайте да мнѣ-ка злата, сéребра,
Ужъ вы дайте-ка мнѣ хошь красну дѣвицю“.
Говорятъ-то тутъ ёму да всё розбойницьки:
— Не даимъ-то мы тебѣ не злата и не сéребра,
Не даимъ-то мы тебѣ да красной дѣвици.—
Онъ вѣдь перьвого розбойника конёмъ стопталъ,
Онъ вѣдь другого розбойника копьёмъ сколóлъ,
Онъ третьёго-то розбойника да всё на вôлю спустилъ [1]);
Посадилъ онъ дѣвицю на добрá коня,
На добрá-та коня да впереди собя,
Онъ повёзъ-то дѣвицю на святую Русь;
Онъ вѣдь сталъ-то у ей да всё выспрашивать:
„Ты скажи, скажи дѣвиця-душа красная:
Ты какого ты роду, какой племени,
Ты какой же земли, какого города?“
— Ужъ я роду-ту вѣдь всё да королевського,
Ужъ я доць-то всё Петру да Коромыслову.—
„Я вѣдь тоже роду королеського,
Я вѣдь тоже сынъ Петру да Коромыслову“.
— Какъ спасибо же тебѣ, да рôдной брателко!
Ты повыруцилъ миня да изъ неволюшки.—
„А спасибо тибѣ всё же, рôдна сéстриця,
Ты Настасья же свѣтъ-Королевисьня!
Ты споила миня, скорьмила всё малёхонькóгó;
А твоё-то мнѣ добро вѣдь наперёдъ зашло.
Повезу-ту я теперь тибя да къ рôдну батюшку“.
Повёзъ-то онъ вѣдь ей да въ королесьво-то;
Онъ пріѣхалъ къ батюшку-ту подъ косисьцято окошоцько,
Онъ скрыцялъ-то своимъ вѣдь зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, король да Коромысловъ Пéтръ!
Да была ли у тибя да рôдна доць твоя?“
Отвѣчаётъ оть-король ёму скорёхонько:
— Какъ была-то у меня вѣдь доць родимая,
Молода у мня Настасья Королевисьня.—
„Ишше былъ ли у тибя да рôдной дитятко,
Какъ Михайлушко у тя да младъ Петровиць-отъ?“
Отъ Михайлушка король да отпираитце:
— Ты бери-тко у меня да злата, сéребра,

---

[1]) Которой хотѣлъ поить, кормить.

Ты поставь-ко своё да ты востро́ копьё,
Ты во матушку поставь да во сыру землю;
Я обсыплю тебѣ копьё-то краснымъ золотомъ.—
Говоритъ-то Михайло таковы слова:
„Не признашь токо своё да цяда милого,
Молодого-то Михайла-королевиця,—
Не отдамъ токо твою тибѣ любиму доць“.
Отпиралъ король окошецько косисьцято:
— А вѣдь былъ у мня на роду Михайлушко,
А Михайлушко-то былъ у мня Петровиць младъ.
Возлюблю теперь Михайлушка я пушше всѣхъ,
Посажу теперь Михайла на своё мѣсто,
На своё-то я на мѣсто королевськое,
Отдава́ю Михайлушку-ту всю державу королевськую,
Шьто повыруцилъ у мня-то доць любимую,
Ишше ту-ли да Настасью Королевисьню.—

18.

Князь Романъ и Марья Юрьевна.

(У подруги и ея тетки—старушки Авдотьи Кипріяновны).

Ишше было во городи во Цари́гради,
Ишше жилъ-то Романъ да князь Ивановиць;
Ай была-то княгина-та Марья всё вѣдь Юрьевна.
Онъ вѣдь ѣзьдилъ, Романушко, въ дальни города,
Собирать-то онъ ѣзьдилъ дани-пошлины;
Обратилсэ домой тольке ненадолго-то,
Опять про́жилъ во гради тольке полъ-мѣсеця;
Поѣзжаётъ опять да во Большу́ землю,
Во Большу-ту въ земьлю́-ту онъ за пошлиной.
Унимаетъ Романушка молода жона,
Молода ево жона-та всё Марья Юрьёвна:
„Ты не ѣзьди, Романъ-отъ князь, во Большу землю,
Очышшать-то не ѣзди ты дани-пошлины,
Дани-пошлины ты вѣдь всё прошлогодныя,
Шьто за тѣ-ли за годицьки всё за прошлыя:
Мнѣ ноцесь мало спалось, много во сняхъ видялось:
У миня-то вѣдь будто да на право́й руки,
Золотой-отъ перьстень у миня россы́палсо“.
А не слушаётъ Романъ-отъ да князь Ивановиць,
Онъ не слушаётъ своей-то всё молодой жены,
Молодой-то жоны своей Марьи Юрьёвны;

„Ужъ ты гой еси, да всё розбойницьки!
Ужъ вы дайте-тко-се мнѣ-ка хошь вы по́лъ-пая;
А хошь не дава́ите да мнѣ-ка злата, се́ребра,
Ужъ вы дайте-ка мнѣ хошь красну дѣвицю“.
Говорятъ-то тутъ ёму да всё розбойницьки:
— Не даимъ-то мы тебѣ не злата и не се́ребра,
Не даимъ-то мы тебѣ да красной дѣвици.—
Онъ вѣдь перьвого розбойника конёмъ стопталъ,
Онъ вѣдь дру́гого розбойника копьёмъ скололь,
Онъ третьёго-то розбойника да всё на во́лю̀ спустилъ [1]);
Посадилъ онъ дѣви́цю на добра́ коня,
На добра́-та коня да впереди собя,
Онъ повёзъ-то дѣви́цю на святую Русь;
Онъ вѣдь сталъ-то у ей да всё выспрашивать:
„Ты скажи, скажи дѣви́ця-душа красная:
Ты какого ты роду, какой племени,
Ты какой же земли, какого города?“
— Ужъ я роду-ту вѣдь всё да королевського,
Ужъ я доць-то всё Петру да Коромыслову.—
„Я вѣдь тоже роду королеськаго,
Я вѣдь тоже сынъ Петру да Коромыслову“.
— Какъ спасибо же тебѣ, да ро́дной брателко!
Ты повыруцилъ миня да изъ неволюшки.—
„А спасибо тибѣ всё же, ро́дна се́стриця,
Ты Настасья же свѣтъ-Королевисьня!
Ты споила миня, скорьмила всё малёхонькŏгŏ;
А твоё-то мнѣ добро вѣдь наперёдъ зашло.
Повезу-ту я тепе́рь тибя да къ ро́дну батюшку“.
Повёзъ-то онъ вѣдь ей да въ королесьво-то;
Онъ прiѣхалъ къ батюшку-ту подъ косисьцято окошоцько,
Онъ скрыцялъ-то своимъ вѣдь зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, король да Коромысловъ Пе́тръ!
Да была ли у тибя да ро́дна доць твоя?“
Отвѣчаётъ отъ-король ёму скорёхонько:
— Какъ была-то у меня вѣдь доць родимая,
Молода у мня Настасья Королевисьня.—
„Ишше былъ ли у тибя да ро́дной дитятко,
Какъ Михайлушко у тя да младъ Петровиць-отъ?“
Отъ Михайлушка король да отпираитце:
— Ты бери-тко у меня да злата, се́ребра,

[1]) Которой хотѣлъ поить, кормить.

Ты поставь-ко своё да ты востро́ копьё,
Ты во матушку поставь да во сыру землю;
Я обсыплю тебѣ копьё-то краснымъ золотомъ.—
Говоритъ-то Михайло таковы слова:
„Не признашь токо своё да цяда милого,
Молодого-то Михайла-королевиця,—
Не отдамъ токо твою тибѣ любиму доць“.
Отпиралъ король окошецько косисьцято:
— А вѣдь былъ у мня на роду Михайлушко,
А Михайлушко-то былъ у мня Петровиць младъ.
Возлюблю теперь Михайлушка я пушше всѣхъ,
Посажу теперь Михайла на своё мѣсто,
На своё-то я на мѣсто королевськое,
Отдава́ю Михайлушку-ту всю державу королевськую,
Шьто повыруцилъ у мня-то доць любимую,
Ишше ту-ли да Настасью Королевисьню.—

18.

Князь Романъ и Марья Юрьевна.

(У подруги и ея тетки—старушки Авдотьи Кипріяновны).

Ишше было во городи во Царігради,
Ишше жилъ-то Романъ да князь Ивановиць;
Ай была-то кнегина-та Марья всё вѣдь Юрьевна.
Онъ вѣдь ѣзьдилъ, Романушко, въ дальни города,
Собирать-то онъ ѣзьдилъ дани-пошлины;
Обратилсэ домой тольке ненадолго-то,
Опять про́жилъ во гради тольке полъ-мѣсеця;
Поѣжжаётъ опять да во Большу́ землю,
Во Большу-ту въ земьлю́-ту онъ за пошлиной.
Унимаетъ Романушка молода жона,
Молода ево жона-та всё Марья Юрьёвна:
„Ты не ѣзьди, Романъ-отъ князь, во Большу землю,
Очышшать-то не ѣзди ты дани-пошлины,
Дани-пошлины ты вѣдь всё прошлогодныя,
Шьто за тѣ-ли за годицьки всё за прошлыя:
Мнѣ ноцесь мало спалось, много во сняхъ видялось:
У миня-то вѣдь будто да на право́й руки,
Золотой-отъ перьстень у миня россы́палсо“.
А не слушаётъ Романъ-отъ да князь Ивановиць,
Онъ не слушаётъ своей-то всё молодой жены,
Молодой-то жоны своей Марьи Юрьёвны;

Отъѣжаётъ всё князь-отъ съ широка́ двора.
Церезъ двои-ти было ра́вно́ сутоцьки,
Со восточьню-ту было со стороноцьку
Да со славного-то синя солона́ моря
Тамъ идётъ-то три ка́рабля всё цернёныихъ
Да приходятъ во гавань князю къ Роману-то.
Выздымаютъ они всё флаки́ шелко́выя,
Да мостятъ-то всё мосты они дубовыя,
Настилаютъ всё су́кна-та одинцёвыя.
Тутъ приходитъ поганоё всё Идолишшо [1]),
Онъ приходитъ тутъ скоро къ Роману-ту въ полатушки,
Во полатушки приходитъ всё въ бѣлокаменны,
Онъ приходитъ со Васькой-то съ Торокашкомъ всё:
Ишше знаётъ вѣдь Васька языкъ руськія.
Говоритъ-то вѣдь Васька да таковы рѣци:
„Ище гдѣ у васъ Романъ-отъ свѣтъ-Ивановицъ?“
Отвѣцяётъ кнегина-та Марья Юрьёвна:
— Какъ Романъ-отъ у насъ-то уѣхалъ во Большу́ землю́,
Опышшать же уѣхалъ-то дани-пошлины.—
Говоритъ-то вѣдь Васько-то таковы слова:
„Ты пойдёмъ-ко, кнегина Марья Юрьёвна,
Ты сними у мня товары съ цёрныхъ ка́раблёй“.
Она стала-то всё у ихъ выспрашивать:
— Шьто у тя товаръ-отъ на цёрныхъ ка́рабля́хъ?—
„У меня вѣдь товары-ти всяки-разныя:
Цёрны соболи у мня вѣдь есь сибирьскія,
Ясны соколы у мня вѣдь есь заморьскія,
Да шолки́-ти у мня есь вѣдь всяки-разныя,
Ишше сукна у мня всяки-розноличныя,
Ишше всяки напитки, каки́ вамъ надобно“.
Набрала она много-то золотой казны,
Золотой-то казны берётъ несцётну тутъ.
Говорятъ-то ей нянюшки-ти, матушки,
Говорятъ-то вси-ти её прислужинки:
„Не ходи-ко-се, наша мила́ хозяюшка,
Ише та-ли кнегина ты Марья Юрьёвна!
Увезётъ тебя Васька Торокашка-та,
Торокашка-та Васька-та сынъ Замбрениӊъ,
Увезётъ онъ тебя-то вѣдь за синё морё“.
Говорила она-то имъ таковы рѣци:

[1]) На другомъ-то карабля́—сильней могуцёй бога́тырь.

— Я не буду сидѣть, съ имъ розговаривать;
Откуплю скорѣ́ товары-ти вси заморьскія.—
Говорятъ-то въ глаза ёму всё вѣдь нянюшки:
„Не торговать ты пришолъ, Васька,—воровать пришолъ!
Увезти хошь у Романа-та молоду жону,
Молоду-ту жону-ту да Марью Юрьёвну“.
Потихошеньку Марьюшка всё сряжаитце,
Поскорёшеньку всё она собираитце (?);
Надѣваётъ на сибя-то она кунью́ шубу,
Ишше ку́нью-ту шубоцьку, соболинную,
Да пошла-то она по мостамъ дубовыимъ,
Да идётъ она по су́кнамъ всё одинцёвыимъ;
Какъ стрѣцяётъ ей Васька Торокашко-то,
Торокашка-та Васька сынъ Замбренинъ;
Онъ стрѣцятъ ей на палубу на хрустальнюю,
Онъ ведётъ ей въ каюту-ту красна золота;
Онъ нанёсъ ей товаровъ-то всякихъ-разныихъ,
Говоритъ онъ ей самъ-то да таковы рѣци:
„Выбирай-ко въ товарахъ-то, ты росматривай;
Я пойду-ту, схожу-ту скоро на палубу“.
Заглядѣлась она-то да на товары-ти,
Забыла оманы-ти всё вѣдь Васькины,
Да не спомнила лукаства Торокашкова.
Говорилъ онъ потихоньку всё матросицькамъ:
„Постарайтесь вы, мла́дыи всё матросики:
Не берите вы мостовъ, всё мостовъ дубовыихъ,
Не троньте вы су́кновъ-то одинцёвыихъ,
Вы откуйте потихонецько я́коря̀ булатныя;
Увезёмте къ царишшу мы Грубіянишшу,
Увезёмте-тко Марью-ту за ёго заму́жъ“.
Самъ уходитъ опеть скоро во каюту-ту.
Отковали они вѣдь я́коря̀ булатныя,
Подымали они-то вѣдь скоро то́нки па́руса̀.
Говоритъ-то кнегина-та таковы рѣци:
„Шьчо ты Васька Торокашко ты сынъ Заморенинъ!
Ише шьчо у васъ цьерьнёнъ карабь пошевеливатъ?“
Говорилъ-то вѣдь Васька сынъ Заморенинъ:
— А припала-то съ моря вѣдь всё погодушка;
Отъ того же карабь у насъ пошевеливатъ.—
Росситáлась зá три-то цьернёны карабли—
Да за тѣ она товары за заморьскія,
Да сама она съ Васькой всё роспрошшаласе;

Какъ выходитъ на палубу на хрустальнюю,—
Ище мать, родима своя-та да ми́ла сто́рона!
Будто бѣлы лебеди тольке зля́тываютъ [1]).
Она тутъ-то вѣдь слёзно взяла заплакала:
„Ужъ ты гой еси, Васька ты, Торокашко ты,
Торокашко ты Васька да ты Замбренинъ!
Не торговатъ ты пришолъ, тольки воровать пришолъ“
Какъ приходятъ къ цари́шшу-ту Грубіянишшу,
Да заходятъ во га́вань-то ко царишшу-ту,
Вызнимаютъ на радости флаки шолковыя.
Недосугъ тутъ царишшу-ту дообѣдывать!
Онъ вѣдь скоро бѣжитъ да въ ти́ху гавань-то,
Онъ вѣдь скоро убиратъ-то мосты дубовыя,
Онъ вѣдь скоро настилатъ да ковры новыя,
Да росшиты ковры были красны́къ золотомъ;
Онъ вѣдь скоро заходитъ на цернёнъ карабь,
А берётъ-то ей тотаринъ всё за праву́ руку,
Онъ за тѣ ей за персни всё за злацёныя,
Ишше самъ онъ, тотаринъ, всё усмѣхаитце:
„Ужъ я кольки по бѣлу́-ту свѣту́ не хаживалъ,—
Я такой тибя, красавици, не нахаживалъ“.
„Я хоть дамъ тибѣ, Васька всё Торокашко ты,
Торокашко ты Васька да сынъ Заморенинъ,
Подарю за твою тибѣ за услугушку
Я-то три-то цернёныхъ большихъ ка́раблѐй
Со всимá я тибѣ со матросами.
Ты торгуй-ко поди цернёны вси ка́рабли,
Ты поди-ко-се, Васька, на сибя торгуй“.
Уводилъ-то вѣдь всё да Марью Юрьёвну
Во свои-ти полаты всё во царьскія,
Онъ поставилъ вѣдь стражу-ту кругомъ дому-то,
Онъ крѣпки́хъ-то вездѣ да караульшиковъ,
Онъ задёргивалъ окошецька вси косисцяты
Онъ желѣзною цястою всё рѣшоткою.
Повелось-то на радости тутъ поцесёнъ пиръ;
Напивалсэ цари́шшо-то всё поганоё,
Напивалсэ до пья́на онъ зелёны́мъ виномъ,
Напивалсэ, собака, онъ пивомъ пьяныимъ.
Какъ во ту вѣдь пору, всё быль́ во то время,
Какъ молилась вѣдь Марьюшка Богу-Господу

[1]) Съ лебедями сравниваются, конечно, гребни волнъ. *Собир.*

Да прецистой царици-то Богородици:
„Сохрани миня, спаси ты, Боже, помилуй-ко
Отъ того-то отъ тотарина отъ поганого;
Ужъ ты дай мнѣ, Господи, путь-ту мнѣ способную—
Хоть бы выйти на широку свѣтлу улицю.
Я скоцю лучше, я пойду на Почай-рѣку,
Ухожусь лучше пойду отъ своихъ я рукъ!"
Не зглеиётце поганому-ту тотарину;
Скоро заспалъ тотаринъ-отъ Грубіянишшо,
Онъ крѣпкимъ-то сномъ заспалъ всё богатырьскимъ-то.
Какъ по Божьёй-то было всё по милости,
Да по Марьюшкиной было всё по уцести:
Напились-то тотара-та, вси вѣдь заспали.
Какъ выходитъ она всё до караульшицьковъ,
Да даватъ имъ горсьёмъ она красна золота;
Ишше вси-ти ей скоро пропускають-то;
Да пошла-то она да Богу молитце,
По широкой пошла по свѣтлой улици.
По её-то было да всё по шьчасьицу:
Да слуцилось въ то время всё въ полноць-время;
Ишше спалъ-то царишшо вѣдь трои сутоцьки.
Не, слезами, идётъ больше уливаитце,
А питаитце всякима она фруктами;
Далеко она ушла у насъ въ трои сутоцьки;
Какъ приходитъ она всё ко Почай-рѣки:
„Мнѣ скоцить мнѣ-ка развѣ ужъ во Почай-рѣку,
Утонуть-то мнѣ развѣ отъ своихъ же рукъ?
Не достанитце мое-то хошь тѣло бѣлоё
Всё тому-то-ли хоть тотарину всё поганому.
Сохранилъ теперь Осподь отъ ёго, помиловалъ".
Обтирала свои она горюци слёзы.
Подъ глазами—вѣдь лодоцька съ перевошшикомъ;
Говоритъ перевошшикъ ей таковы рѣци:
„Ты садись скорѣ въ мою-ту, кнегина, лодоцьку;
Я направлю тибя вѣдь на путь, на истину,
Я на ту тибя дорожоцьку на широкую".
Какъ даватъ перевошшику красна золота.
„Мнѣ ненадоть твоё-то вѣдь красно золото".
Перевёзъ-то онъ ей да сталъ невидимо;
Какъ открылась дорожоцька ей широкая.
Тутъ проснулсэ царишшо-то Грубіянишшо;
Розиимаетъ скоро онъ книгу волшебную:

„Вы подите возьмите—за Почай-рѣкой“.
Какъ пришли-то къ Почай-рѣки пóслы посланы;
Да текётъ славна матушка всё Почай-рѣка,
Въ ширину-ту текётъ рѣка, текётъ широкая,
Въ глубину-ту рѣка очунь глубокая.
Говорятъ-то послы они таковы слова:
„Ужъ мы скажемъ царишшу всё Грубіянишшу:
Утонула, мы скажомъ, шьто во Почай-рѣки“.
А пріѣхалъ Романъ-отъ вѣдь изъ Большой земли;
Онъ искалъ-то вѣдь ей да по всимъ городамъ;
Подошолъ онъ войной вѣдь подъ царишша-та,
Онъ прибилъ-то вѣдь со стáрого и до малого,
Самого-то царишша взялъ на огни сожёгъ;
Ишше Васька-то Торокашко да на убѣ́гъ ушолъ.
Ишше самъ онъ [1]) воротилсэ онъ во свой же градъ,
Онъ во тотъ вѣдь во славной Ерусалимъ же градъ.
Да прошло тому времени всё три годицька;
Да на то вѣдь ужъ князь-отъ всё роздумалсэ:
„У мня нѣтъ теперь живой, видно, Марьи Юрьевны!“
Какъ прошло вѣдь тому времени равно три года.
Какъ задумалъ женитьсе-то князь Романъ Ивановицъ;
Онъ сосваталъ себѣ тоже княженеську доць.
Онъ послалъ-то полѣ́сьницька всё полѣ́совать;
А полѣсьницёкъ былъ онъ исъ простыхъ родовъ,
Исъ простыхъ-то родóвъ-то да былъ изъ бѣдносьти;
Онъ стрѣлять-то послалъ его гусей, лéбедей,
Онъ пернáсцятыхъ меленькихъ всё вѣдь утоцёкъ.
А приходитъ кногина-та Марья Юрьевна,
Да приходитъ близёхонько всё къ полѣсьницьку;
Какъ завидяла она, видитъ, шьто муськой вѣдь полкъ,—
Она сѣла за кýтъ, сама притулúласе,
Говорила сама ёму таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, млáденькой ты полѣсьницёкъ!
Ты подай-то мнѣ своё-то хоть платьё верьхнёё,
Пріодѣнь моё-то тѣло нáгоё.
Не ходи ты ко мнѣ-то самъ близёхонько,
Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка ты пріобдѣтьце-то;
Я сама-та приду-то да я тогда къ тобѣ.
Не убойсе миня ты, бѣдной погибшою,

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о Романѣ; но у него оказывается новая столица—Іерусалимъ. Путаница объясняется тѣмъ, что оба города попали сюда изъ былины о Соломанѣ (№ 23). *Собир.*

Не устрашись ты миня-то, бѣдно́й, безцясною;
Я вѣдь роду-ту, роду непростого-то,
Я вѣдь роду-ту, роду, да роду царьского,
Ужъ я вѣры-то, вѣры-то православною".
Онъ вѣдь скоро скинывалъ-то да платьё верьхноё;
Она скоро одѣвала ёго платьицё,
Она скоро идётъ къ полѣсьницьку на́ рѣци:
„Ужъ ты здрастуй-ко, мла́денькой ты полѣсьницёкъ!
У тя нѣтъ ли цёго-нибудь подорожницьковъ?
Покорьми ты мою-ту да душу грѣшную.
Ты скажи-ко, полѣсьницёкъ, ты какой, откуль".
— Я хожу-ту, хожу исъ Царя́града,
Я стрѣляю хожу всё гусей, ле́бедей,
Я перна́сцятыхъ всё стрѣляю утоцёкъ
Я на́ свадьбу-ту всё князю Роману-то.—
Говоритъ-то она ёму таковы рѣци:
„Неужли́ у васъ Романъ-отъ князь не женилсэ-то?"
— Некакой у насъ Романъ-отъ князь не женилсэ-то;
Ишше тольке вцерась онъ сосваталсэ;
А сёгодне-то будётъ всё смотрѣньё-то,
Ище завтра-то будётъ всё вѣнчаньицё.—
Какъ пришли они съ полѣсницькомъ на широкой дворъ,
Да сказала она-то полѣсницьку по тайности:
„Ишше я вѣдь—Романова молода жона,
Молода-та жона вѣдь я, Марья Юрьёвна".
Наливаётъ Романушко всё полѣсьницьку,
Наливаётъ съ остатку-ту пива пьяного [1]).
Говоритъ-то полѣсьницёкъ таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Романъ ты князь Ивановицъ!
Ты налей-ко моёму-то бѣдному товарышшу,
Ты налей-ко ёму тольки мёду сладкого;
Поднеси-ко-се, князь-то, да вѣдь какъ самъ ёму".
Ище князю-ту тутъ ёму смѣшно стало:
— Поднесу токо, ужъ я послушаю:
Да при свадьбы живу-то да всё цюжимъ умомъ.—
Подносилъ-то онъ ей да мёду сладково;
Выпивала она-то тутъ на единой духъ
Да спустила ёму перьсьтень всё обруцельнёй свой;
Онъ увидялъ-то перьсьтень да всё во цяроцьки,
Онъ берётъ-то вѣдь перьсьтень да во праву́ руку,

1) Цяроцьку.

Прижимаётъ онъ перьстень къ ретиву́ серьцу.
„Ты скажи-ко-сь, скажи мнѣ-ка, полѣсьницёкъ,
Ты вѣдь гдѣ-то, полѣсьницёкъ, взялъ товарышша?
Роскажите-ко мнѣ-ко сушшу правду всю,
Сушшу правду вы мнѣ-ка всё неута́йную“.
Говоритъ настояшшой ёму полѣсницёкъ:
— Я скажу-то тибѣ-то правду, повѣдаю:
Я нашолъ вѣдь въ лѣсу твою-ту молоду жону,
Молоду твою жону-ту, кнегину Марью Юрьёвну—.
Ише тутъ-то вѣдь князь да обрадѣлъ у насъ;
Онъ вѣдь бралъ-то вѣдь Марьюшку за праву́ руку:
„Ты откуль-то пришла, откуль тебя Богъ принесъ?
Заступили вѣдь то, вѣдь молитвы-ти
Ищё всё поповъ-то, отцовъ духовныхъ,
Ишше всё нашихъ прицетницьковъ церьковныхъ;—
Со слёзами за тобя-то они Богу молилисе“.
„Ты бери-ко, бери-ко-се, мой полѣсьницёкъ,
Ты бери мою невѣсту всё обруце́нную!
Не проминею-ту своей-то я молодой жоны,
Молодой своей жоны-то да Марьи Юрьёвны“.
Повѣнцялъ-то онъ мла́дого всё полѣсницька
На своей онъ невѣсты всё обруце́нныя,
Становилъ-то всё мла́дого онъ полѣсницька
Онъ къ сибя на дворъ главнымъ всё предводителёмъ.
Тутъ повёлсэ поцестенъ-отъ пиръ на радости
Ище князю-ту Роману по свиданьицю съ ёго да молодой женой,
Ишше мла́дому-ту всё полѣсницьку,
А повёлсэ тутъ пиръ съ имъ вмѣстѣ тутъ;
Ишше князь-отъ Романъ-отъ былъ всё тысецькимъ,
Ишше Марья-та Юрьёвна всё вѣдь сва́тьёю.
Овинцели мла́дого всё полѣсницька;
Обдёржали они вѣдь всё по злату́ вѣнцю.
На двори у ихъ жить сталъ главнымъ предводителёмъ.

19.

Чурило и Авдотья. (Чурило и невѣрная жена).

(У матери, дяди Ефима и крестнаго отца).

Было въ славномъ нашомъ городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера
Ишше былъ-то у ёго бога́тырь-отъ любо́й-мило́й,

Ипше тотъ-ли былъ Цюрилушко сынъ Плёнковиць.
Зазвонили всё, по утру было равному,
Какъ звонили-то заутреню-ту ранную,
Ише ту-ли обѣдню воскресеньскую;
Тутъ стаётъ скоро Цюрилушко, всё побужаитце,
Онъ свѣжой водой клюцёвой умываитце,
Въ цьвѣтно платьицё хорошо нарежаитце;
Онъ пошолъ-то молитьце Богу-Господу,
Онъ во Божью всё церьковь во соборную,
Во соборную церьковь богомольнюю.
Онъ вѣдь молитце стоитъ да во Божьёй церьквы;
Тутъ приходятъ всё вѣдь маленьки ребятушка,
Говорятъ они Цюрилу-свѣту Плёнковицю:
„Тибѣ полно стоять, Цюрило, во Божьёй церьквы;
Ты поди домой, Цюрило, поскорёшенько;
У тебя въ доми, Цюрилушко-свѣтъ Плёнковиць,
У тебя-то всё вѣдь въ домьици нешшясьицё,
Какъ нешшясьицё у тя въ доми слуцилосе:
У тя здѣлала измѣну молода жона.“
Пріѣжалъ-то всё къ крылецюшку ко бѣлому,
Ко бѣлу-ту крыльцю-ту, всё къ паратному
Пріѣжалъ-то къ твоей-то молодой жоны,
Къ молодой жоны Овдотьи Королевисьни,
Пріѣжалъ-то вѣдь всё да какъ нежданой гость,
Дорогой-то вѣдь какъ гость, какъ старой-прежной другъ,
Старой-прежной вѣдь другъ, да дружокъ милёнькой;
Уводила она ево въ высоки свѣтлы горьници;
Они пьютъ-то всё сидятъ да прохлаждаютце,
Сладкой водоцькой до пьяна напиваютце“.
Какъ Чурило стоитъ Плёнковиць, самъ не обёрнитце,
Какъ вѣдь молитце онъ Богу-Господу.
А приходятъ вѣдь скоро красны дѣвушки,
Становятце къ Цюрилушки близёхонько;
Улыбаютце дѣвушки, всё посмѣхаютце:
„Ты поди, поди Чурилушко-свѣтъ Плёнковиць!
Какъ пришолъ-то къ твоей-то жоны да нелюбой вѣдь гость,
Какъ тибѣ вѣдь гость немилой, ей вѣдь милой другъ“.
Какъ Чурилушко стоитъ да всё не зглянётъ-то.
А приходятъ вѣдь два брателка крестовыи,
Крестовы два братёлка, названыи:
Во перьвыхъ-то Добрынюшка Никитиць младъ,
Во вторыхъ-то всё Олёшенька Поповиць младъ;

Тутъ приходятъ, ёму да сами сказываютъ:
„Ужъ ты ми́лой ты нашъ брателко названой же,
Ишше тотъ же Цюрилушко-свѣтъ Плёнковицъ!
Какъ поди-тко-се домой-то поскорёшенько:
Какъ прiѣхалъ-то къ тебѣ вѣдь нелюбимой гость,
Молодой-то жоны да ста́рой-прежной другъ,
Старой-прежной другъ [1]) . . . .
Ище тутъ-то Цюрилушко задумалса;
Отстоялъ-таки обѣдню воскресеньскую,
Ай пошолъ-то Цюрилушко скорёшенько.
Ай стрѣцяетъ ёго, нянюшки-ки, мамушки да на новы́хъ сѣняхъ.
Ай стрѣцяютъ-то ёго всё сѣнны дѣвушки;
Говоритъ-то Цюрило таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои вы нянюшки, вы сѣнны дѣвушки!
Каково́-то молода наша хозяюшка
Безъ миня-то здраствуётъ Овдотья Королевисьня?“
Отвѣчали ему скоро сѣнны дѣвоцьки:
—Всё во старомъ-то у насъ Овдотья въ положеньици
Вси затёплёны свѣшши́ у ей съ лампадами.—
Отьпираетъ онъ свою-ту свѣтлу свѣ́тьлицю;
Тутъ сидитъ ёго любима милая племянёнка;
Говоритъ-то онъ племянёнки да всё выспрашиватъ:
„Ты скажи, моя любима всё племянёнка:
Каково́-то безъ меня эта [2]) была Овдотья Королевисьня?
Говорила племянёнка родному дядюшки,
Шьто тому-ли Цюрилу-свѣтъ Плёнковицю:
— Ужъ ты гой еси, любимый милой дядюшка
А по имени Цюрило ты вѣдь Плёнковицъ!
Бесь тебя она молилась Богу-Господу;
Вси затёплёны были свѣшши́ съ лампадами.—
Онъ скорёшенько пошолъ да въ спальню въ тёплую;
А сидитъ-то Овдотьюшка да Королевисьня,
Наредны́мъ она сидитъ всё нареднёхонька,
Весёлы́мъ она сидитъ всё веселёхонька.
Она скоро тутъ ставала на рѣзвы́ ноги,
Она скоро бѣжала всё къ Цюрилушку-ту Плёнковицю:
„Ише шьто же ты, Цюрилушко-свѣтъ Плёнковицъ,
Ты ушолъ-то долго? я сижу соскуцилась“.

---

[1]) Не помню—Светопо́лкъ ли Светополковицъ, Ерусла́въ ли Ерулавьевицъ; только не Пересмяка.

[2]) Вмѣсто „ётта“=здѣсь. *Собир.*

Говоритъ-то всё Цюрило таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Овдотья Королевисьня!
Ай какá у тебя на спицьки вѣснётъ шуба соболиная?—
„Ишше были у мня бабушки, ребятушка;
Шьто оставили вѣдь шубу соболинную“.
— Ужъ ты гой еси, Овдотья Королевисьня!
У тя цья-то на спицьки вѣснётъ пуховá шляпа?—
„У мня были въ гостяхъ бабушки, ребятушка;
Позабыли-то на спицьки пуховý шляпу“.
— Ишше гой еси, Овдотья Королевисьня!
Ты скажи-тко мнѣ-ка правду-ту, повѣдай всё:
Эта цьи у тя сафьяненьки сапожоцьки?—
„Ишше были-то всё бабушки, ребятушка
Да оставили сапожоцьки сафьяныя“.
Посмотрилъ-то подъ кроваткой-то Цюрило Плёнковиць;—
Тамъ лёжитъ-то её да всё какъ милой другъ,
Ишше милой другъ какъ . . . .
Онъ хватилъ-то со спицьки саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-то у ево да скоро буйну голову,
Онъ отсѣкъ-то тоже у Овдотьи Королевисьни:
„Ужъ ты здѣлала, Овдотья, мнѣ измѣнушку!“
Самъ вѣдь скоро пошолъ да на широкой дворъ,
Онъ сядлалъ-то своего да коня доброго,
Онъ поѣхалъ съ горя-та всё во цистó полё,
Со стыду большé поѣхалъ со великого;
А за имъ-то поѣхалъ стáра всё старыньщина
Шшé по имени Илья-то всё вѣдь Мурамець;
Поворотилъ-то онъ Цюрилушка всё Плёнковиця:
„Мы найдёмъ-то какъ во Кіеви тебѣ да красну дѣвицю,
Красну дѣвицю тебѣ да мы невѣсту-то
Не простого тибѣ роду, княженевського“.
Онъ вѣдь скоро тутъ да всё сталъ женитисе,
Бралъ-то онъ да всё у князя доць.
А сходили всё они да во Божью церьковь,
А держали они съ ей да по златý вѣнцю.
Онъ вѣдь взялъ топерь себѣ да жóну вѣрную,
Жóну вѣрную себѣ взялъ неизмѣнную;
Да повёлсэ-то вѣдь цесёнъ пиръ на радости.

20.

Хотѣнъ.

(У сосѣда Ефрема, старика, умершаго, когда́ еще А. М. Крюкова была дѣвочкой).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимира
Заводилось пированьё-столъ, поцесёнъ пиръ;
Собиратъ-то этотъ пиръ всё не Владимиръ князь,
Собираётъ Опраксе́я Королевисьня
Ай на тѣхъ-ли на красныхъ всё на-дѣвушокъ,
Ай на тѣхъ-ли на жонъ да жонъ всё мужніихъ,
Ай на тѣхъ-ли на вдовъ благоцесливыихъ,
Шьчо на тѣхъ-ли на сиротъ да всё безма́тёрныхъ,
Ай безматёрныхъ да всё на бѣдныхъ-то.
Въ перьву голову звала да князёву родну сёстру,
Ай родну-ту сёстру всё Цясову́ жону;
Другу голову звала на пиръ — Хотѣ́нюшка-та Блу́довиця·
ро́дну матушку.
Посадили Цёсову жону вѣдь по родни-то ей,
По родни-то ей садили во большой уголъ;
Блудову́-ту жону садили по Хотѣнюшки,
За ёво-то-ли за силу богатырьскую;
Ай садили ей подлѣ Цясову́ жону,
Подлѣ князя-то Владимира родну́ сёстру.
Ай сидѣли они да пили, кушали,
Пили, кушали они да прохлаждалисе;
Наливала имъ княгина мёду сладкого,
Подносила она имъ да всимъ по цяроцьки;
Они скоро ставали вси да на рѣзвы́ ноги,
Они скоро-то брали ети цяроцьки,
Они вси молились за царицю православную,
Ай молили, просили Бога-Оспода.
Тутъ вѣдь спомнила вдова да Блудова́ жона;
Какъ не пьётъ-то она да своей цяроцьки,
Да подноситъ она да Цясовой жоны:
„Ты возьми, возьми у мня, да Цясова жона,
Ты возьми-тко у мня цяроцьку въ бѣлы́ руки;
Заведёмъ-то мы съ тобой дѣло немалоё,
Мы немало-то съ тобой, дѣло великоё,
Ай вели́ко съ тобой дѣло—развѣ сва́товство:
Ты отдай-ко-се свою-ту доць любимую

Ишше ту-ли ты Чя́висьню Чясо́висьню,
Ишше ту-ли мнѣ дѣви́цю девети братье́й,
Девети-то вѣдь бра́тьей-то-ли, ясныхъ со́коловъ,
За моёго-то за сына за любимого
За того-ли за Хотѣюшка за Блудо́вйця".
Да брала-то ету цяру Цясова жена,
Да брала-то какъ въ свои-ти во бѣлы́ руки,
Выливала-то ей цяроцьку въ ясны́ оци,
Обливала у ей шупку сараци́ньскую,
Обливала вѣдь у ей у шупки пуговки:
Да перьва́-та у ей пуговка была во сто рублей,
Ай друга-та у ей пуговка была да въ цѣлу тысецю,
А трете́й-то вѣдь пуговки да цѣны нé было;
Обливала-то у ей вси оци ясныя,
Пристыдила-то вѣдь ей да прибеше́стила
Да при всёмъ-то ей пиру́ да при многи́хъ людяхъ,
Всё при книзи-то ей, всё при кнегины-то;
Обругала-то ей сына любимого,
Ай того же бога́тыря могуцёго
И того же Хотѣнюшка всё Блудовиця:
— Ай отець-отъ у его да всё былъ Блу́дишшо;
Ишшо сынъ-отъ осталсэ всё уродишшо;
Онъ вѣдь ѣзьдитъ по городу уродуётъ:
Ишше хто бы Хотѣюшку рубашку далъ,
Ишше хто бы Хотѣюшку бы подштаньницьки,
Ишше хто бы Хотѣюшка-та покорьмилъ да хлѣбомъ, солью-бы,
Покорьмилъ его обѣдомъ либо ужйнöю?—
Тутъ заплакала горько Блудова́ жона,
Она сжала вси досады на желанномъ ретиво́мъ серьци.
Тутъ не могъ же усидѣть родимой её [1]) брателко
Ишше тотъ-ли нашъ Владимиръ-князь да славной кіеськой;
Онъ сказалъ-то Цясовой жоны одно слово:
„Ужъ ты глупая ты вöё моя родна́ сестра,
Неразумна ты вотъ моя Цясова жона!
Немалу́ ты собѣ шутоцьку нашу́тила;
Ишше какъ-то тибѣ шутка ета съ рукъ сойдётъ?
Отворотитъ вѣдь Хотѣюшко тебѣ, сёстра, да всѣ насмѣшоцьки".
Просидѣла Блудова́ жона ужъ весь же пиръ;
Тутъ вѣдь стали со пиру́-ту росходитисе,
Ишше стали со цёсно́го роспрошшатисе;

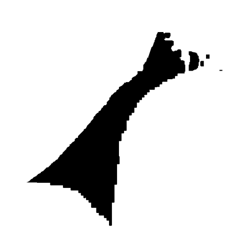
[1]) Часовой жены. *Собир.*

Ай пошла-то тутъ домой да Блудова жона,
Какъ Хотѣюшка всё рóдна матушка;
Она крестъ-отъ кладётъ да всё по писáпному
Да поклонъ-отъ всё ведётъ да по уцёному,
Роспрошаитце со ласковымъ со княземъ со Владимиромъ
Ай со той же со княгиной съ Опраксеей Королевисьнёй,
Покłоняитце на всѣ чотыре стóроны,
Со всимá-то она да всё прошаитце.
Какъ приходитъ къ своёмý-ту къ широкý двору,
Къ широку двору, крылецьку всё паратному;
Да стрѣцяётъ-то, скорéшенько ею́ кухароцьки.
Отпираютъ-то тутъ крыльцё, дверь паратную;
Ай стрѣцяётъ ей Хотѣюшко младъ Блудовиць,
Да стрѣцяётъ ей Хотѣюшко-то на новы́хъ сѣняхъ;
Онъ берётъ-то ей за руценьку за правую,
Ай ведётъ-то ей въ полаты бѣлокамянны,
Ай садитъ-то ей на стулъ всё рыта бархата,
Розьдѣватъ-то у ей шубу сороциньскую:
„Ужъ ты шьто же, моя маменька родимая,
Ты родима моя маменька любимая,
Ты невéсёла пришла съ пиру́, нерадосьня?
Развѣ мѣстомъ-то тибя да обсадили тутъ,
Развѣ цяроцькой тибя да обнесли они,
Ли невѣжа надъ тобой-то развѣ насмѣяласе?“
Говорила-то ево да рóдна матушка,
Родна матушка ево, всё Блудова жена:
— Ай вѣдь мѣстомъ-то миня кнегина не обсадила же,
Ише цяроцькой миня не обнясла она,
А невѣжа надо мной же натсьмѣяласе:
Натсьмѣялась надо мной всё Цясовá жона;
Я посваталась-то за тобя, да цядо милоё,
Цядо милоё моё да ты любимоё,
На её-то на любимой всё на доцяри
А на той-ли на Чявисьни Чесóвисьни,
Я на той-ли на дѣвици девети братьёй,
Девети-то я братьёй, всё ясныхъ сóколовъ;
Выливала мнѣ цяроцьку она въ ясны́ оци,
Обругала всё тибя, моё да цядо милоё,
Цядо милоё, Хотѣюшко ты Блудовивиць.—
„Ты не плаць-ко-се, моя ты матушка родимая,
Ты родима моя матушка любимая!
Не моци ты свои-ти оци ясныя.

Отсьмѣю-ту я вѣдь ей скоро натсьмѣшоцьку".
Онъ вѣдь скоро ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
Онъ вѣдь скоро бралъ со сьпицьки саблю вострую,
Онъ вѣдь скоро-то сѣдлалъ да онъ добра́ коня,
Онъ добра́ коня сѣдлалъ всё богатырьского,
Онъ вѣдь бралъ съ собой копьицё циркальскоё,
Онъ поѣхалъ по городу по Кіеву
Онъ вѣдь мимо-то её да всё окошоцько.
Тутъ увидяла всё Чявисьня Чясо́висьня,
Ишше та-ли вѣдь дѣви́ця девети братьѐй,
Девети братьей дѣвиця, ясныхъ со́коловъ;
Ай мёталась-кина́лась во косисьцято окошоцько,
Отпирала вѣдь окошоцька немножоцько,
Шьчо крыцяла-то своимъ да зыцьнимъ голосомъ:
„ Ишше смѣлъ ты всё, уродъ, на мнѣ посвататьце!"
Тутъ не лютоё-то зѐльё роскипѣлосе,
Богатырьско-то серьцё розгорѣлосе;
А какъ бралъ-то тутъ скоро своё востро́ копьё,
Онъ вѣдь ша́рнулъ-то копьёмъ всё вѣдь въ окошоцько;
Онъ немножко ей не прѐдалъ смерти скорыя.
Самъ поѣхалъ онъ скоренько во чисто́ полё,
Онъ убилъ-то, онъ убилъ да взялъ всё семь быковъ,
Онъ извилъ-то, приготовилъ взялъ онъ семь ремней,
Изыма́лъ-то взялъ-то деветь ясныхъ со́коловъ,
Привезалъ взялъ ко берёзоцькамъ, ко со́сёнкамъ;
Изымалъ-то всѣхъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцовъ,
Самъ поѣхалъ-то назадъ да въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Онъ пріѣхалъ-то опеть къ имъ подъ окошоцько:
„Изымалъ-то я твоихъ всѣхъ ясныхъ со́коловъ,
Отсмѣялъ я тибѣ всё ишшё натьсмѣшоцьку;
Отсѣку у ихъ поѣду буйны головы".
Говоритъ-то тутъ вѣдь Чявисьня Чясовисьня:
„Ты поди-сходи, маменька, ко дядюшки,
Ко тому сходи ко князю ко Владимиру;
Попроси ты у его да хоть ты силы-то,
Попроси ты вѣдь силы десеть тысеце́й;
Да убейте-то тогда всё уродишша престрашного,
Да не ѣздилъ шьтобы́ по свѣту бѣлому,
По тому же онъ по городу по Кіеву".
Какъ приходитъ тутъ скоро Цясова́ жена:
„Ужъ ты гой еси, родимой милой братёлко,
Ужъ ты милой, ты любимой всё Владимиръ князь!

Ай пошла-то тутъ домой да Блудова жона,
Какъ Хотѣюшка всё рóдна матушка;
Она крестъ-отъ кладётъ да всё по писáпному
Да поклонъ-отъ всё ведётъ да по уцёному,
Роспрошаитце со ласковымъ со князёмъ со Владимиромъ
Ай со той же со княгиной съ Опраксеей Королевисьнёй,
Поклоняитце на всѣ чотыре стóроны,
Со всимá-то она да всё прошаитце.
Какъ приходитъ къ своёму-ту къ широку двору,
Къ широку двору, крылецьку всё паратному;
Да стрѣцяётъ-то, скорёшенько ею кухароцьки.
Отпираютъ-то тутъ крыльцё, дверь паратную;
Ай стрѣцяётъ ей Хотѣюшко младъ Блудовиць,
Да стрѣцяётъ ей Хотѣюшко-то на новыхъ сѣняхъ;
Онъ берётъ-то ей за руценьку за правую,
Ай ведётъ-то ей въ полаты бѣлокамянны,
Ай садитъ-то ей на стулъ всё рыта бархата,
Розьдѣватъ-то у ей шубу сороциньскую:
„Ужъ ты шьто же, моя маменька родимая,
Ты родима моя маменька любимая,
Ты невёсёла пришла съ пиру, нерадосьня?
Развѣ мѣстомъ-то тибя да обсадили тутъ,
Развѣ цяроцькой тибя да обнесли они,
Ли невѣжа надъ тобой-то развѣ насмѣяласе?“
Говорила-то ево да рóдна матушка,
Родна матушка ево, всё Блудова жена:
— Ай вѣдь мѣстомъ-то миня кнегина не обсадила же,
Ишше цяроцькой миня не обнясла она,
А невѣжа надо мной же натсьмѣяласе:
Натсьмѣялась надо мной всё Цясовá жона;
Я посваталась-то за тобя, да цядо милоё,
Цядо милоё моё да ты любимоё,
На её-то на любимой всё на доцяри
А на той-ли на Чявисьни Чесóвисьни,
Я на той-ли на дѣвúци девети братьёй,
Девети-то я братьёй, всё ясныхъ сóколовъ;
Выливала мнѣ цяроцьку она въ ясны оци,
Обругала всё тибя, моё да цядо милоё,
Цядо милоё, Хотѣюшко ты Блудовивиць.—
„Ты не плаць-ко-се, моя ты матушка родимая,
Ты родима моя матушка любимая!
Не моци ты свои-ти оци ясныя.

Отсьмѣю-ту я вѣдь ей скоро натсьмѣшоцьку".
Онъ вѣдь скоро ставалъ да на рѣзвы ноги,
Онъ вѣдь скоро бралъ со сьпицьки саблю вострую,
Онъ вѣдь скоро-то сѣдлалъ да онъ добра́ коня,
Онъ добра́ коня сѣдлалъ всё богатырьского,
Онъ вѣдь бралъ съ собой копьицё цпркальское,
Онъ поѣхалъ по городу по Кіеву
Онъ вѣдь мимо-то её да всё окошоцько.
Тутъ увидяла всё Чявисьня Чясо́висьня,
Ишше та-ли вѣдь дѣвиця девети братьѣй,
Девети братьей дѣвиця, ясныхъ со́коловъ;
Ай мётались-кина́лась во косисьцято окошоцько,
Отпирала вѣдь окошоцька немножоцько,
Шьчо крыцяла-то своимъ да зыцьнимъ голосомъ:
„Ишше смѣлъ ты всё, уродъ, на мнѣ посвататься!"
Тутъ не лютоё-то зѐльё роскипѣлосе,
Богатырьско-то серьцё розгорѣлосе;
А какъ бралъ-то тутъ скоро своё востро́ копьё,
Онъ вѣдь ша́рнулъ-то копьёмъ всё вѣдь въ окошоцько;
Онъ немножко ей не прѐдалъ смерти скорыя.
Самъ поѣхалъ онъ скоренько во чисто́ полё,
Онъ убилъ-то, онъ убилъ да взялъ всё семь быковъ,
Онъ извилъ-то, приготовилъ взялъ онъ семь ремней,
Изыма́лъ-то взялъ-то деветь ясныхъ со́коловъ,
Привезалъ взялъ ко берёзоцькамъ, ко со́сёнкамъ;
Изымалъ-то всѣхъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцовъ,
Самъ поѣхалъ-то назадъ да въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Онъ пріѣхалъ-то опеть къ имъ подъ окошоцько:
„Изымалъ-то я твоихъ всѣхъ ясныхъ со́коловъ,
Отомѣялъ я тибѣ всё ишше́ натьсмѣшоцьку;
Отсѣку у ихъ поѣду буйны головы".
Говоритъ-то тутъ вѣдь Чявисьня Чясовисьня:
„Ты поди-сходи, маменька, ко дядюшки,
Ко тому сходи ко князю ко Владиміру;
Попроси ты у его да хоть ты силы-то,
Попроси ты вѣдь силы десеть тысецей;
Да убейте-то тогда всё уродишша престрашного.
Да не ѣздилъ шьтобы по свѣту бѣлому,
По тому же онъ по городу по Кіеву".
Какъ приходитъ тутъ скоро Цясова́ жена:
„Ужъ ты гой еси, родимой милой братѣлко,
Ужъ ты милой, ты любимой всё Владимиръ князь



Мнѣ-ка дай-ко-се ты силы десеть тысецей,
Ты повыруци любименькихъ плямяницьковъ,
Ты исъ той же повыруци неволюшки;
Заморитъ вѣдь насъ вѣдь онъ смертью голодною".
Онъ вѣдь далъ-то тутъ ей силы десеть тысецей;
Ёнъ прибилъ-то ету силу на единой духъ.
Некакой же она пользы всё не здѣлала,
Привела тольки въ изьянъ князя Владимира.
Какъ пошла она просить къ ёму въ другой наконъ:
„Ужъ ты дай мнѣ-ка силы двадцеть тысецей"
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
— Ужъ ты глупая сестра, всё неразумная!
Розгрубили вы теперь богатыря могуцёго.
Мнѣ-ка силы-то тибѣ-ка больше жалко дать;
Я даю-то тебѣ лучше золотой казны:
Ты вели ёму поставить-то ево востро копьё,
Ай востро копьё поставить-то ему на ярой лёдъ" [1]).—
Она приходитъ къ богатырю Хотѣюшку, да низко кланялась:
„Ты поставь, поставь, Хотѣюшко всё Блудовиць,
Ты поставь-ко-се своё-то копьё востроё,
Ты воткни-ко-се ты всё да какъ во ярой лёдъ;
Мы обсыплёмъ тибѣ да краснымъ золотомъ.
Ужъ ты выпусти ты дѣтоцёкъ моихъ любимыихъ
Ты исъ той-ли изъ великой изъ неволюшки!"
Ай на то-то всё Хотѣюшко не соглашаитце:
— А ненадоть мнѣ-ка ваша золота казна,
У мня есь казны да красна злота,
Оставлёно у мня у родного у батюшка;
Мнѣ во вѣки-ти будётъ не прожить-то мнѣ,
И останитьце она-то отъ миня-то людемъ добрыимъ.
Я вѣдь скоро же поѣду во чисто полё,
Отсѣку же я у ихъ-то буйны головы.—
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, сестра моя безумная!
Ты поди давай свою хошь доць любимую:
Не возьмётъ ли онъ, бывать, её въ супружество,
Не возьмётъ ли онъ, бывать, её въ кухароцьки".
Вѣдь пошла она давать свою же доць любимую:
„Ты возьми, возьми, Хотѣюшко сынъ Блудовиць,
Ты возьми, возьми любиму доць въ кухароцьки!"

---

[1]) Когда замѣрьзнетъ, тоненькой;—шьтобы больше насыпать.

Говорилъ-то Хотѣюшко таки рѣци:
— Мнѣ нашьто-то мнѣ твоя-та доць безумная?
Я возьму лучше у бѣдного хресьянина,
Изъ имѣньиця возьму, не изъ богатьства ей,—
Ай лицёмъ она хороша, всё умомъ сверстна.—
Она пала-то ёму во рѣзвы ноги:
Ты возьми, ты возьми у мня любиму доць;
Ты спусти у мня на волю ясныхъ соколовъ!"
Ай зговорила ёму матушка родимая,
Ай родима ёго матушка любимая:
„Ты послушай-ко миня хошь, цядо милоё,
Ты миня-то же, родиму свою матушку:
Ты возьми-тко-се, возьми ей за себя замужъ,
Ты хошь для-ради возьми князя Владимира,
Хошь ты ради Опраксеи Королевисьни.
Ты спусти-тко-се на волю ясныхъ соколовъ:
Какъ они-то всё тибѣ не виноватыя".
Онъ послушалъ всё родиму свою матушку;
Онъ вѣдь съѣзьдилъ скоро во цисто полё
Онъ спустилъ-то всѣхъ на волю ясныхъ соколовъ,
Онъ привёзъ-то ихъ съ собой же въ красёнъ Кіевъ градъ;
Онъ же взялъ тогды сестру ихну въ замужество.
А вѣдь съѣздили они тутъ во Божью церьковь—
Инше тотъ-же Хотѣюшко да Блудовицъ
Ай со той-ли дѣвицей съ Чявисьнёй съ Чясовисьнёй
Девети-то вѣдь братьей, ясныхъ соколовъ;
А повёлсэ у ихъ тогды всё пиръ на радости;
Они звали-то на пиръ князя Владимира,
Они звали Опраксёю Королевисьню.

21.

Садко.

(У дяди Еѳима).

Ише былъ жилъ Садко новогородцькія.
Онъ вѣдь здѣлалъ всё гусельци ярбвцяты;
Онъ изъ хитрыхъ же Садко да былъ хитёръ-мудёръ;
Ёнъ ходилъ-то всё игралъ да всё ко озёру,
Онъ вѣдь день ходилъ игралъ, да онъ другой игралъ.
Выплывала царица Бѣлорыбица:
„Ужъ ты гой еси, Садко новогородскія!
Ты сходи-ко-се во лавочки торговыя,

Ты купи-ко-се, купи да всё разны́хъ шелковъ,
Изьвяжи-ко-се ты всё да ты шолкóвъ нёвóдъ,
Замеци-ко-се ты въ это Цю́до-озёро;
Я пошлю-то золотыхъ тибѣ три рыбинки“.
Онъ вѣдь скоро сходилъ въ лавки торговыя,
Онъ вѣдь скоро мёталъ да всё шолкóвъ нёводъ,
Изловилъ-то онъ да эти рыбинки.
Говоритъ ёму царица Бѣлоры́бица:
„Ты поди-тко-се тепере бейсе всё съ купце́ми о великъ закладъ,
Выбивай у ихъ три лавоцьки съ товарами заморьскима;
Ай скажи, шьто „изловлю-то золотыхъ я вамъ три рыбинки““.
Пробѣгали купци да въ свои лавоцьки;
Оби́ѣнили у ево да перьву рыбинку,
Перьву рыбинку-ту оби́ѣнили вѣдь во стó рублей,
Другу рыбинку-ту оби́ѣнили ’ цѣлу тысецю,
Третью рыбинки тутъ вѣдь цѣны нé было.
Ай пробили всѣ вѣдь лавки съ товаромъ разныимъ,
А пробили три цернёныхъ своихъ кáраблей;
Оттово-ли-то Садкó-купець богатой сталъ.
Онъ пошолъ-то на чёрныхъ всё на кáрабляхъ,
Торговать-то онъ пошолъ да всё вѣдь въ разны гóрода;
Торговалъ-то онъ ходилъ да всё какъ съ прибылью.
Онъ пошолъ-то опеть да во второй наконъ.
Ишше вси-ти кáрабли по морю какъ да соколы́ летятъ,
Ай Садкóськой-отъ карáбь какь вѣдь на якорю́ стоитъ;
А пошли его цернёны многи кáрабли.
Ай Садкó-купець по кáраблю похаживатъ,
Онъ вѣдь бѣленькима ручками розмахиватъ,
Золотыма-ти персьнями принабрякиватъ,
Онъ бѣлыма-ти пальцями принашшалкиватъ,
Онъ жöлты́ма всё кудрями принатрясыватъ;
Онъ вѣдь самъ всё говорилъ да таковы рѣци:
„Ишше кольки по синю́ морю не хаживалъ—
Я Морьскому ця́рю дани-пошлины не плацивалъ,
Вы спускайте-ко, мои млады матросики,
Вы спускайте-тко-се боцьку съ краснымъ золотомъ,
А другу́ боцьку спускайте съ цистымъ сéребрóмъ“.
Ишше эти боцьки-то всё поверьхъ воды несётъ.
Да сказалъ-то Садкó-купець новогороцькія:
„Не берётъ у насъ Морьской царь дани-пошлины.
Ужъ вы дѣлайте, матросицьки, вы жéребьи,

Ай собѣ-то дѣлайте вы жеребьи дубовыя,
Ай вѣдь мнѣ-ка здѣлайте вы жéребей да красна дерева“.
Иньше вси вѣдь жеребьи поверьхъ воды плывутъ,
Ай Садкосько’ жеребей да кó дну кáменёмъ.
Уряжалсэ въ дорогó своё да въ платьё цьвѣтноё,
Онъ садилсэ-то во бѣлу модну шлюпоцьку,
Онъ вѣдь бралъ-то собѣ да всё вѣдь гусельци,
Онъ вѣдь гусельци собѣ да звоньцяты́ они;
Онъ садился во ету скоро шлюпоцьку,
Ай онъ сталъ вѣдь во гусельци поигрывать:
„Вы прошшайте-тко, мои млады́ матросицьки!“
Полетѣлъ у Садка червёнъ карáбь да какъ во крыльици,
Перестыгъ-то всё цернёныхъ цюжихъ кáраблей.
Какъ Садко-то не поспѣлъ взглянуть да на цернёнъ карабь,—
Утянула всё ёго царица Бѣлорыбица,
Ай приводила ево всё къ царю ко Морьскому-ту:
„Ты бери-ко-се, бери же ты, Морьской вѣдь царь,
Ты бери-ко-се Садка, купця новогороцького,
Ты бери-ко-се ево на трои сутоцьки,
Засади его играть да въ звоньцяты́ гусли“.
Говоритъ же царь Морьской да таковы рѣци:
„Я сижу-ту вѣдь, Садко новогороцькой же,
Ужъ я жду тибя ровнó три годицька.
Поиграй-ко-се во гу́сельци звоньця́тыя,
Ты утѣшь миня, царя всё со царицою“.
Заигралъ-то всё Садко новогороцькія;
Заплясали-то же царь всё со царицою,
Вѣдь плясали они всё во синёмъ мори́.
А играетъ вѣдь онъ да цѣлы сутоцьки,
А играетъ-то онъ да всё други́ сутки,
Да играетъ-то онъ да третьи сутоцьки.
Какъ вѣдь приходитъ къ ёму Микола всё Можайськой-отъ:
„Тибѣ полно играть, Садко новогороцькія!
Ты прирви возьми свои да звоньцяты́ гусли:
На синёмъ-то вѣдь мори здѣлалась большà погодушка
Да отъ той-ли отъ пляски-то царя съ царицою;
Ище много изгубило людей добрыихъ,
Ище много вѣдь погибло чёрныхъ кáраблей,
И того больше́ погибло всё мелки́хъ судовъ“.
Приломали-то взели [1]) звоньцеты́ гусли.

[1]) Садко и Никола? *Собир.*

Тутъ приходятъ, ёму да сами сказываютъ:
„Ужъ ты ми́лой ты нашъ брателко названой же,
Ише тотъ же Цюрилушко-свѣтъ Плéнковиць!
Какъ поди-тко-се домой-то поскорéшенько:
Какъ прiѣхалъ-то къ тебѣ вѣдь нелюбимой гость,
Молодой-то жоны да стáрой-прéжной другъ,
Старой-прежной другъ [1]) . . . .
Ище тутъ-то Цюрилушко задумалса;
Отстоялъ-таки обѣдню воскресеньскую,
Ай пошолъ-то Цюрилушко скорёшенько.
Ай стрѣцяетъ ёго, нянюшки-ки, мамушки да на новы́хъ сѣняхъ.
Ай стрѣцяютъ-то ёго всё сѣнны дѣвушки;
Говоритъ-то Цюрило таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои вы нянюшки, вы сѣнны дѣвушки!
Каковó-то молода наша хозяюшка
Безъ миня-то здраствуётъ Овдотья Королевисьня?“
Отвѣчали ему скоро сѣнны дѣвоцьки:
—Всё во старомъ-то у насъ Овдотья въ положеньици
Вси затéплёны свѣшши́ у ей съ лампадами.—
Отпираетъ онъ свою-ту свѣтлу свѣ́тьлицю;
Тутъ сидитъ ёго любима милая племянёнка;
Говоритъ-то онъ племянёнки да всё выспрашиватъ:
„Ты скажи, моя любима всё племянёнка:
Каковó-то безъ меня эта́ [2]) была Овдотья Королевисьня?
Говорила племянёнка родному дядюшки,
Шьто тому-ли Цюрилу-свѣтъ Плéнковицю:
— Ужъ ты гой еси, любимый милой дядюшка
А по имени Цюрило ты вѣдь Плéнковиць!
Весь тебя она молилась Богу-Господу;
Вси затéплёны были свѣшши́ съ лампадами.—
Онъ скорёшенько пошолъ да въ спальню въ тёплую;
А сидитъ-то Овдотьюшка да Королевисьня,
Нарядны́мъ она сидитъ всё нареднёхонька,
Весёлы́мъ она сидитъ всё веселёхонька.
Она скоро тутъ ставала на рѣзвы́ ноги,
Она скоро бѣжала всё къ Цюрилушку-ту Плéнковицю:
„Ише шьто же ты, Цюрилушко-свѣтъ Плéнковиць,
Ты ушолъ-то долго? я сижу соскуцилась“.

---

[1]) Не помню—Светопóлкъ ли Светополковиць, Еруслáвь ли Ерулавьевиць; только не Пересмяка.

[2]) Вмѣсто „этта“=здѣсь. *Собир*.

Говоритъ-то всё Цюрило таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Овдотья Королевисьня!
Ай кака́ у тебя на спицьки вѣ́снётъ шуба соболиная?—
„Ишше были у мня бабушки, ребятушка;
Шьто оставили вѣдь шубу соболинную“.
— Ужъ ты гой еси, Овдотья Королевисьня!
У тя цья-то на спицьки вѣ́снётъ пухова́ шляпа?—
„У мня были въ го́стяхъ бабушки, ребятушка;
Позабыли-то на спицьки пухову́ шляпу“.
— Ишше гой еси, Овдотья Королевисьня!
Ты скажи-тко мнѣ-ка правду-ту, повѣдай всё:
Эта цьи у тя сафьяненьки сапожоцьки?—
„Ишше были-то всё бабушки, ребятушка
Да оставили сапожоцьки сафьяныя“.
Посмотрилъ-то подъ кроваткой-то Цюрило Плёнковиць;—
Тамъ лёжи́тъ-то её да всё какъ ми́лой другъ,
Ишше милой другъ какъ . . . .
Онъ хватилъ-то со спицьки саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-то у ево да скоро буйну голову,
Онъ отсѣкъ-то тоже у Овдотьи Королевисьни:
„Ужъ ты здѣлала, Овдотья, мнѣ измѣнушку!“
Самъ вѣдь скоро пошолъ да на широкой дворъ,
Онъ сядла́лъ-то своего да коня доброго,
Онъ поѣхалъ съ горя-та всё во цисто́ полё,
Со стыду больше́ поѣхалъ со великого;
А за имъ-то поѣхалъ ста́ра всё стары́ньщина
Шше́ по имени Илья-то все́ вѣдь Мурамець;
Поворотилъ-то онъ Цюрилушка всё Плёнковиця:
„Мы найдёмъ-то какъ во Кіеви тебѣ да красну`дѣвицю,
Красну дѣвицю тебѣ да мы невѣсту-то
Не простого тибѣ роду, княженевського“.
Онъ вѣдь скоро тутъ да всё сталъ женитисе,
Бралъ-то онъ да всё у князя доць.
А сходили всё они да во Божью́ ця́рьковь,
А держали они съ ей да по злату́ вѣнцю.
Онъ вѣдь взялъ топерь себѣ да жо́ну вѣрную,
Жо́ну вѣрную себѣ взялъ неизмѣнную;
Да повёлсэ-то вѣдь цѐсёнъ пиръ на радости.

20.

Хотѣнъ.

(У сосѣда Ефрема, старика, умершаго, когда еще А. М. Крюкова была дѣвочкой).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимира
Заводилось пированьё-столъ, поцесёнъ пиръ;
Собирать-то этотъ пиръ всё не Владимиръ князь,
Собираётъ Опраксѣя Королевисьня
Ай на тѣхъ-ли на красныхъ всё на-дѣвушокъ,
Ай на тѣхъ-ли на жонъ да жонъ всё мужніихъ,
Ай на тѣхъ-ли на вдовъ благоцесливыихъ,
Шьчо на тѣхъ-ли на сиротъ да всё безматёрныхъ,
Ай безматёрныхъ да всё на бѣдныхъ-то.
Въ перьву голову звала да князёву родну сёстру,
Ай родну-ту сёстру всё Цясову́ жону;
Другу голову звала на пиръ — Хотѣнюшка-та Блудовиця родну матушку.
Посадили Цёсову жону вѣдь по родни-то ей,
По родни-то ей садили во большой уголъ;
Блудову́-ту жону садили по Хотѣнюшки,
За ёво-то-ли за силу богатырьскую;
Ай садили ей подлѣ Цясову́ жону,
Подлѣ князя-то Владимира родну́ сёстру.
Ай сидѣли они да пили, кушали,
Пили, кушали они да прохлаждалисе;
Наливала имъ княгина мёду сладкого,
Подносила она имъ да всимъ по цяроцьки;
Они скоро ставали вси да на рѣзвы́ ноги,
Они скоро-то брали ети цяроцьки,
Они вси молились за цярицю православную,
Ай молили, просили Бога-Оспода.
Тутъ вѣдь спомнила вдова да Блудова́ жона;
Какъ не пьётъ-то она да своей цяроцьки,
Да подноситъ она да Цясовой жоны:
„Ты возьми, возьми у мня, да Цясова жона,
Ты возьми-тко у мня цяроцьку въ бѣлы́ руки;
Заведёмъ-то мы съ тобой дѣло немалоё,
Мы немало-то съ тобой, дѣло великоё,
Ай велико съ тобой дѣло—развѣ сва́товство:
Ты отдай-ко-се свою-ту доць любимую

Ише ту-ли ты Чя́висьню Чясо́висьню,
Ише ту-ли мнѣ дѣви́цю девети братьѐй,
Девети-то вѣдь бра́тьей-то-ли, ясныхъ сбколовъ,
За моёго-то за сына за любимого
За того-ли за Хотѣюшка за Блудо́вйця“.
Да брала-то ету цяру Цясова жена,
Да брала-то какъ въ свои-ти во бѣлы́ руки,
Выливала-то ей цяроцьку въ ясны́ оци,
Обливала у ей шупку сараци́ньскую,
Обливала вѣдь у ей у шупки пуговки:
Да перьва́-та у ей пуговка была во сто рублей,
Ай друга-та у ей пуговка была да въ цѣ́лу тысецю,
А третѐй-то вѣдь пуговки да цѣ́ны нѐ было;
Обливала-то у ей вси оци ясныя,
Пристыдила-то вѣдь ей да прибешѐстила
Да при всёмъ-то ей пиру́ да при многи́хъ людяхъ,
Всё при князи-то ей, всё при кнегины-то;
Обругала-то ей сына любимого,
Ай того же бога́тыря могуцёго
И того же Хотѣнюшка всё Блудовиця:
— Ай отець-отъ у его да всё былъ Блу́дишшо;
Ишшо сынъ-отъ осталсэ всё уродишшо;
Онъ вѣдь ѣзьдитъ по городу уродуётъ:
Ише хто бы Хотѣюшку рубашку далъ,
Ише хто бы Хотѣюшку бы подштаньницьки,
Ише хто бы Хотѣюшка-та покорьмилъ да хлѣбомъ, солью-бы,
Покорьмилъ его обѣдомъ либо ужйнбю?—
Тутъ заплакала горько Блудова́ жона,
Она сжала вси досады на желанномъ ретиво́мъ серьци.
Тутъ не могъ же усидѣть родимой её [1]) брателко
Ише тотъ-ли нашъ Владимиръ-князь да славной кіеськой;
Онъ сказалъ-то Цясэвой жоны одно слово:
„Ужъ ты глупая ты вбё моя родна́ сестра,
Неразумна ты вотъ моя Цясова жона!
Немалу́ ты собѣ шутоцьку нашу́тила;
Ише какъ-то тибѣ шутка ета съ рукъ сойдётъ?
Отворотитъ вѣдь Хотѣюшко тебѣ, сѐстра, да всѣ насмѣшоцьки“.
Просидѣла Блудова́ жона ужъ весь же пиръ;
Тутъ вѣдь стали со пиру́-ту росходитисе,
Ише стали со цѐсно́го роспрошшатисе;

[1]) Часовой жены. *Собир.*

Ай пошла-то тутъ домой да Блудова жона,
Какъ Хотѣюшка всё рóдна матушка;
Она крестъ-отъ кладётъ да всё по писáнному
Да поклонъ-отъ всё ведётъ да по уцёному,
Роспрошаитце со ласковымъ со княземъ со Владимиромъ
Ай со той же со княгиной съ Опраксеей Королевисьнёй,
Поклоняитце на вс́ѣ чотыре стóроны,
Со всимá-то она да всё прошаитце.
Какъ приходитъ къ своёму́-ту къ широку́ двору,
Къ широку двору, крылецьку всё паратному;
Да стрѣцяётъ-то, скорёшенько ею́ кухароцьки.
Отпираютъ-то тутъ крыльцё, дверь паратную;
Ай стрѣцяётъ ей Хотѣюшко младъ Блудовиць,
Да стрѣцяётъ ей Хотѣюшко-то на новы́хъ сѣняхъ;
Онъ берётъ-то ей за руценьку за правую,
Ай ведётъ-то ей въ полаты бѣлокамянны,
Ай садитъ-то ей на стулъ всё рыта бархата,
Розьдѣватъ-то у ей шубу сороциньскую:
„Ужъ ты шьто же, моя маменька родимая,
Ты родима моя маменька любимая,
Ты невесёла пришла съ пиру́, нерадосьня?
Развѣ мѣстомъ-то тибя да обсадили тутъ,
Развѣ цяроцькой тибя да обнесли они,
Ли невѣжа надъ тобой-то развѣ насмѣяласе?“
Говорила-то ево да рóдна матушка,
Родна матушка ево, всё Блудова жена:
— Ай вѣдь мѣстомъ-то миня кнегина не обсадила же,
Ише цяроцькой миня не обнясла она,
А невѣжа надо мной же натсьмѣяласе:
Натсьмѣялась надо мной всё Цясовá жона;
Я посваталась-то за тобя, да цядо милоё,
Цядо милоё моё да ты любимоё,
На её-то на любимой всё на доцяри
А на той-ли на Чявисьни Чесóвисьни,
Я на той-ли на дѣви́ци девети братьёй,
Девети-то я братьёй, всё ясныхъ сóколовъ;
Выливала мнѣ цяроцьку она въ ясны́ оци,
Обругала всё тибя, моё да цядо милоё,
Цядо милоё, Хотѣюшко ты Блудовивиць.—
„Ты не плаць-ко-се, моя ты матушка родимая,
Ты родима моя матушка любимая!
Не моци ты свои-ти оци ясныя.

Отсьмѣю-ту я вѣдь ей скоро натсьмѣшоцьку“.
Онъ вѣдь скоро ставалъ да на рѣзвы ноги,
Онъ вѣдь скоро бралъ со сьпицьки саблю вострую,
Онъ вѣдь скоро-то сѣдлалъ да онъ добрá коня,
Онъ добрá коня сѣдлалъ всё богатырьского,
Онъ вѣдь бралъ съ собой копьицё циркальское,
Онъ поѣхалъ по городу по Кіеву
Онъ вѣдь мимо-то её да всё окошоцько.
Тутъ увидяла всё Чявисьня Чясóвисьня,
Ишше та-ли вѣдь дѣви́ця девети братьéй,
Девети братьей дѣвиця, ясныхъ сóколовъ;
Ай мёталась-кинáлась во косисьцято окошоцько,
Отпирала вѣдь окошоцька немножоцько,
Шьчо крыцяла-то своимъ да зыцьнимъ голосомъ:
„ Ишше смѣлъ ты всё, уродъ, на мнѣ посвататьце!“
Тутъ не лютоё-то зѐльё роскипѣлосе,
Богатырьско-то серьцё розгорѣлосе;
А какъ бралъ-то тутъ скоро своё вострó копьё,
Онъ вѣдь шáрнулъ-то копьёмъ всё вѣдь въ окошоцько;
Онъ немножко ей не прѐдалъ смерти скорыя.
Самъ поѣхалъ онъ скоренько во чистó полё,
Онъ убилъ-то, онъ убилъ да взялъ всё семь быковъ,
Онъ извилъ-то, приготовилъ взялъ онъ семь ремней,
Изымáлъ-то взялъ-то деветь ясныхъ сóколовъ,
Привезалъ взялъ ко берёзоцькамъ, ко сóсёнкамъ;
Изымалъ-то всѣхъ удáлыхъ добрыхъ мóлодцовъ,
Самъ поѣхалъ-то назадъ да въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Онъ пріѣхалъ-то опеть къ имъ подъ окошоцько:
„Изымалъ-то я твоихъ всѣхъ ясныхъ сóколовъ,
Отсмѣялъ я тибѣ всё ишшé натьсмѣшоцьку;
Отсѣку у ихъ поѣду буйны головы“.
Говоритъ-то тутъ вѣдь Чявисьня Чясовисьня:
„Ты поди-сходи, маменька, ко дядюшки,
Ко тому сходи ко князю ко Владимиру;
Попроси ты у его да хоть ты силы-то,
Попроси ты вѣдь силы десеть тысеце́й;
Да убейте-то тогда всё уродишша престрашного,
Да не ѣздилъ шьтобы́ по свѣту бѣлому,
По тому же онъ по городу по Кіеву“.
Какъ приходитъ тутъ скоро Цясовá жена:
„Ужъ ты гой еси, родимой милой братёлко,
Ужъ ты милой, ты любимой всё Владимиръ князь!

Мнѣ-ка дай-ко-се ты силы десеть тысецей,
Ты повыруци любименькихъ плямяницьковъ,
Ты исъ той же повыруци неволюшки;
Заморит̀ъ вѣдь насъ вѣдь онъ смертью̀ голодною".
Онъ вѣдь далъ-то тутъ ей силы десеть тысецей;
Ёнъ прибилъ-то ету силу на единой духъ.
Некакой же она пользы всё не здѣлала,
Привела тольки въ изьянъ князя Владимира.
Какъ пошла она просить къ ёму въ другой наконъ:
„Ужъ ты дай мнѣ-ка силы двадцеть тысецей"
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
— Ужъ ты глупая сестра, всё неразумная!
Розгрубѝли вы теперь богáтыря могуцёго.
Мнѣ-ка силы-то тибѣ-ка больше жалко дать;
Я даю̀-то тебѣ лучше золотой казны:
Ты вели ёму поставить-то ево вострó копьё,
Ай востро копьё поставить-то ему на я̀рой лёдъ" [1]).—
Она приходитъ къ богáтырю Хотѣюшку, да низко кланялась:
„Ты поставь, поставь, Хотѣюшко всё Блудовиць,
Ты поставь-ко-се своё-то копьё востроё,
Ты воткни-ко-се ты всё да какъ во ярой лёдъ;
Мы обсыплёмъ тибѣ да краснымъ золотомъ.
Ужъ ты выпусти ты дѣтоцёкъ моихъ любимыихъ
Ты исъ той-ли изъ великой изъ неволюшки!"
Ай на то-то всё Хотѣюшко не соглашаитце:
— А ненадотъ мнѣ-ка ваша золотá казна,
У мня есь казны да красна зо̀лота,
Остáвлёно у мня у рóдного у батюшка;
Мнѣ во вѣки-ти будётъ не прожить-то мнѣ,
И останитьце она-то отъ миня-то людемъ добрыимъ.
Я вѣдь скоро же поѣду во чистó полё,
Отсѣку же я у ихъ-то буйны головы.—
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, сестра моя бозумная!
Ты поди давай свою хошь доць любимую:
Не возьмётъ ли онъ, быватъ, её въ супружество,
Не возьмётъ ли онъ, быватъ, её въ кухароцьки".
Вѣдь пошла она давать свою же доць любимую:
„Ты возьми, возьми, Хотѣюшко сынъ Блудовиць,
Ты возьми, возьми любиму доць въ кухароцьки!"

---

[1]) Когда замѐрьзнетъ, тоненькой;—штобы больше насыпать.

Говорилъ-то Хотѣюшко таки рѣци:
— Мнѣ нашьто-то мнѣ твоя-та доць безумная?
Я возьму лучше у бѣдного хресьянина,
Изъ имѣньиця возьму, не изъ богатьства ей,—
Ай лицёмъ она хорбша, всё умомъ свертна.—
Она пала-то ёму во рѣзвы́ ноги:
Ты возьми, ты возьми у мня любиму доць;
Ты спусти у мня на волю ясныхъ сбколовъ!“
Ай зговорила ёму матушка родимая,
Ай родима ёго матушка любимая:
„Ты послушай-ко миня хошь, цядо милоё,
Ты миня-то же, родиму свою матушку:
Ты возьми-тко-се, возьми ей за себя замужъ,
Ты хошь для-ради возьми князя Владимира,
Хошь ты ради Опраксеи Королевисьни.
Ты спусти-тко-се на волю ясныхъ сбколовъ:
Какъ они-то всё тибѣ не виноватыя“.
Онъ послушалъ всё родиму свою матушку;
Онъ вѣдь съѣзьдилъ скоро во цистб полё
Онъ спустилъ-то всѣхъ на волю ясныхъ сбколовъ,
Онъ привёзъ-то ихъ съ собой же въ красёнъ Кіевъ градъ;
Онъ же взялъ тогды сестру ихну въ замужество.
А вѣдь съѣздили они тутъ во Божью́ це́рьковь—
Ише тотъ-же Хотѣюшко да Блудовиць
Ай со той-ли дѣви́цей съ Чявисьнёй съ Чясовисьнёй
Девети-то вѣдь бра́тьей, ясныхъ сбколовъ;
А повёлсэ у ихъ тогды всё пиръ на радости;
Они звали-то на пиръ князя Владимира,
Они звали Опраксе́ю Королевисьню.

21.

Садко.

(У дяди Ефима).

Ише былъ жилъ Садкб новогородцькія.
Онъ вѣдь здѣлалъ всё гу́сельци яровцяты;
Онъ изъ хитрыхъ же Садкб да былъ хи́тёръ-мудёръ;
Ёнъ ходилъ-то всё игралъ да всё ко озёру,
Онъ вѣдь день ходилъ игралъ, да онъ другой игралъ.
Выплывала царица Бѣлорыбица:
„Ужъ ты гой еси, Садкб новогородскія!
Ты сходи-ко-се во лавочки торговыя,

Ты купи-ко-се, купи да всё разныхъ шелковъ,
Изьвяжи-ко-се ты всё да ты шолкбвъ нёвбдъ,
Замеци-ко-се ты въ это Цю́до-озёро;
Я пошлю-то золотыхъ тибѣ три рыбинки“.
Онъ вѣдь скоро сходилъ въ лавки торговыя,
Онъ вѣдь скоро мёталъ да всё шолкбвъ нёводъ,
Изловилъ-то онъ да эти рыбинки.
Говоритъ ёму царица Бѣлорыбица:
„Ты поди-тко-се тепере бейсе всё съ купцеми о великъ закладъ,
Выбивай у ихъ три лавоцьки съ товарами заморьскима;
Ай скажи, шьто „изловлю-то золотыхъ я вамъ три рыбинки““.
Пробѣгали купци да въ свои лавоцьки;
Обцѣнили у ево да перьву рыбинку,
Перьву рыбинку-ту обцѣнили вѣдь во стб рублей,
Другу рыбинку-ту обцѣнили ’цѣлу тысецю,
Третью рыбинки тутъ вѣдь цѣны нé было.
Ай пробили всѣ вѣдь лавки съ товаромъ разнымъ,
А пробили три цернёныхъ своихъ кáраблей;
Оттово-ли-то Садкб-купець богатой сталъ.
Онъ пошолъ-то на чёрныхъ всё на кáрабляхъ,
Торговать-то онъ пошолъ да всё вѣдь въ разны гброда;
Торговалъ-то онъ ходилъ да всё какъ съ прибылью.
Онъ пошолъ-то опеть да во второй наконъ.
Ишше вси-ти кáрабли по морю какъ да соколы летятъ,
Ай Садкбськой-отъ карáбь какъ вѣдь на якорю́ стоитъ;
А пошли его цернёны многи кáрабли.
Ай Садкб-купець по кáраблю похаживатъ,
Онъ вѣдь бѣленькима ручками розмахиватъ,
Золотыма-ти персьнями принабрякиватъ,
Онъ бѣлыма-ти пальцями принашшалкиватъ,
Онъ жёлтыма всё кудрями принатрясыватъ;
Онъ вѣдь самъ всё говорилъ да таковы рѣци:
„Ишше кольки по синю́ морю не хаживалъ—
Я Морьскому цярю дани-пошлины не плацивалъ,
Вы спускайте-ко, мои млады матросики,
Вы спускайте-тко-се боцьку съ краснымъ золотомъ,
А другу́ боцьку спускайте съ цистымъ сéребрбмъ“.
Ишше эти боцьки-то всё поверьхъ воды несётъ.
Да сказалъ-то Садкб-купець новогороцькія:
„Не берётъ у насъ Морьской цярь дани-пошлины.
Ужъ вы дѣлайте, матросицьки, вы жéребьи,

Ай собѣ-то дѣлайте вы жеребьи дубовыя,
Ай вѣдь мнѣ-ка здѣлайте вы жѐребей да красна дерева".
Ишше вси вѣдь жеребьи поверьхъ воды плывутъ,
Ай Садкосько' жеребей да кó дну кáменёмъ.
Уряжалсэ въ дорогó своё да въ платьё цьвѣтное,
Онъ садилсэ-то во бѣлу модну шлюпоцьку,
Онъ вѣдь бралъ-то собѣ да всё вѣдь гусельци,
Онъ вѣдь гусельци собѣ да звоньцяты́ они;
Онъ садился во ету скоро шлюпоцьку,
Ай онъ сталъ вѣдь во гусельци поигрывать:
„Вы прошшайте-тко, мои млады́ матросицьки!"
Полетѣлъ у Садка червёнъ карáбь да какъ во крыльици,
Перестыгъ-то всё цернёныхъ цюжихъ кáраблей.
Какъ Садко-то не поспѣлъ взглянуть да на цернёнъ карабь,—
Утянула всё ёго царица Бѣлорыбица,
Ай приводила ево всё къ царю ко Морьскому-ту:
„Ты бери-ко-се, бери же ты, Морьской вѣдь царь,
Ты бери-ко-се Садка, купця новогороцького,
Ты бери-ко-се ево на трои сутоцьки,
Засади его играть да въ звоньцяты́ гусли".
Говоритъ же царь Морьской да таковы рѣци:
„Я сижу-ту вѣдь, Садко новогороцькой же,
Ужъ я жду тибя ровнó три годицька.
Поиграй-ко-се во гу́сельци звоньця́тыя,
Ты утѣшь миня́, царя всё со царицою".
Заигралъ-то всё Садко новогороцькiя;
Заплясали-то же царь всё со царицою,
Вѣдь плясали они всё во синёмъ мори́.
А играетъ вѣдь онъ да цѣлы сутоцьки,
А играетъ-то онъ да всё други́ сутки,
Да играетъ-то онъ да третьи сутоцьки.
Какъ вѣдь приходитъ къ ёму Микола всё Можайськой-отъ:
„Тибѣ полно играть, Садко новогороцькiя!
Ты прирви возьми свои да звоньцяты́ гусли:
На синёмъ-то вѣдь мори здѣлалась большà погодушка
Да отъ той-ли отъ пляски-то царя съ царицою;
Ище много изгубило людей добрыихъ,
Ище много вѣдь погибло чёрныхъ кáраблей,
И того больше́ погибло всё мелки́хъ судовъ".
Приломали-то взели [1] звоньцеты́ гусли.

---

[1]) Садко и Никола? *Собир.*

Говорилъ-то тутъ да ёму всё вѣдь царь Морьской:
„Я вѣдь цимъ тибя, Садка-купця, подáрствую,
Я вѣдь цимъ-то всё тибя дарить буду, ударивать?“
Говорилъ яму́ Садко новогороцькія:
— Покажи-тко мнѣ своихъ да тридцеть красвыхъ дѣвушокъ.—
Росказалъ ёму Никола всё Можайськія:
„Ты бери-тко-се Настасью всё царевну-ту;
Онъ нарéдитъ-то тибѣ всё тридцеть дѣвушекъ,
Онъ нарéдитъ-то вѣдь въ платьицё всихъ въ парноё,
Всѣхъ-то въ пáрно-то ихъ въ платье, всѣхъ въ однакоё;
Посади́тъ онъ всё Настасью-ту царевну-ту,
Посадитъ-то ей да всё въ серёдки-то;
У Настасьи-то вѣдь оци ясна сокола,
Ишше брови-ти у ей да чёрна соболя.
Ужъ ты ту смотри, Садко, купець новогородскія,
Ужъ ты ту бери да за сибя заму́жъ.
Хоть жалѣть будётъ вѣдь царь да своей доцери,
Не бери ты больше некакой нóвóй“.
Приказалъ-то наредитьце всё Морьской вѣдь царь
Ишше всимъ-то имъ въ однáко платьё цьвѣтноё.
Замѣчаётъ Садко новогороцькой-отъ:
„Шьто мнѣ взеть будётъ Настасью-то получше всѣхъ“.
Они вси-то сидятъ будто парьнёхоньки;
А Настасья потянула руцьку правую
Да мигнула Сад-купцю да чёрнымъ глазикомъ;
Онъ вѣдь тутъ-то скоро догадаитьце,
Говоритъ-то онъ скорó всё царю Морьскому-ту:
„Мнѣ вотъ та же моя да Богомъ-су́жона“.
Тутъ вѣдь царь-отъ стоитъ да испугаитце:
— Не своимъ ты, Садко, умомъ, вѣрно, накáзаной;
Не отдамъ я за тибя свою-ту доць любимую:
Ай у мня-то Настасьюшки-то матушка была со сьвятой Руси,
Со сьвятой была Руси вѣдь матушка, исъ каменнóй Москвы.—
Тутъ ставала Настасья на рѣзвы́ ноги,
Говорила царю всё таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, батюшко любимой мой!
Не розлуци же ты миня съ Садкомъ, купцёмъ богатыимъ,
Отдавай-ко-се миня ты съ цести, съ радости;
Дай ты мнѣ-ка же приданымъ три-то кáрабля чернёныихъ,
Нагрузи-ко товарами да дорогима всё:

Ты одинъ карапь грузи-ко краснымъ золотомъ,
Ты другой карапь грузи-ко цистымъ сёребромъ,
Ты третёй карапь грузи каменьёмъ драгоцённыимъ".
Ише тутъ царь просватывалъ свою любиму доць;
Нагрузилъ ёму вѣдь вси цернёны три-то карабля:
Ише перьвой карабь да съ краснымъ золотомъ,
Да другой же карапь да съ цистымъ сёребромъ,
А третёй карапь съ каменьёмъ драгоцённыимъ;
Спроводилъ-то онъ Садка-купця да съ цести, съ радости.
Ай выходитъ Садко новогороцькія,
А выходитъ Садко да на синé морё,
На синё-то морё, морё Хвалыньское.
Ише далъ ему Господь-Богъ пóвѣтерь способную,
Имъ способную повѣтерь, уносную;
Они скоро же приходятъ во Нóвой-градъ;
Онъ вѣдь скоро всѣ обстыгъ вси цернёны свои кáрабли,
Онъ вѣдь скоро выгружалъ товары-ти заморьскія,
Онъ вѣдь скоро дѣлалъ Миколы-то да всё Можайському;
Дѣлалъ онъ Божью церьковь,
Онъ вѣдь Бóжью-ту церькву богомольнею
А тому-ли-то Миколы всё Можайському.

22.

Сорокъ каликъ со каликою.

(У матери и дяди Ефима).

А и было сорокъ каликъ да со каликою.
Собиралисе калики всё во единой кругъ,
Во единой же кругъ они на зелёной лугъ;
Они кóпьеця во землю всё испоставили,
Они сумоцьки-котомочки исповѣсили;
У ихъ суночки-котомочки рыта бархата.
Выбирали они да атамана-та,
Атамана выбирали Касьяна Немилóсьлива,
Подъатáманья—Михайлушка всё Касьяновича;
Они клали-то межъ собой заповѣдь великую,
Да велúку они заповѣдь, немалую:
„Ишё хто у насъ вѣдь, братцы, заворуётъ жа,
Ише хто у насъ, братцы, заплутýётъ какъ,—
Мы вкопамъ того во матушку въ сыру землю́,
Мы вкопамъ того во матушку сыру землю́ по поясу,
Ужъ мы будёмъ судить-то, братцы, своимъ судомъ,

Поведёмъ-то мы, братцы, не подъ царьской судъ,
Не подъ царьской-отъ судъ-отъ да не подъ княжеськой:
Мы изъ рукъ возьмёмъ, изъ ногъ-то жильё вытянёмъ,
Отсѣкёмъ возьмёмъ по плець-то мы буйну голову".
А идутъ они ко городу всё ко Кіеву;
Какъ навстрѣчу имъ, ветрѣту всё стрѣцялся-то
Какъ по имени Добрынюшка Никитиць младъ
Да по имени Олёшенька всё Поповиць младъ,
Да ишшё-то везутъ они съ собой, съ има—
Какъ позади-то ѣдетъ князь Владимиръ-свѣтъ.
Они кланелись каликамъ до низкой земьли:
„Вы куда пошли, калики перехожія,
Перехожи-ли калики, переброжія?"
Отвѣчали калики-ти двумъ богатырямъ:
— Мы пошли-то молитьце къ мошшамъ прецистыямъ,
Мы идёмъ-то молитьце въ Кіевъ-манастырь,
Мы къ Онтонью, къ Ѳеодосію помолитисе,
Во святыхъ пешерахъ всимъ-то святымъ помолитисе,
А оттуль-то пойдёмъ въ Ерусалимъ всё градъ;
Въ Ерусалими-то гради тожо молитьце нать,
Къ Осподню же гробу-ту приложитисе.
И подайте намъ милостинку спасёную.—
Говорилъ-то Добрынюшка Никитиць младъ,
Говорилъ-то Алёшенька Поповиць младъ:
„У насъ нѣту при собѣ-то, калики, золотой казны;
Подождите вы всё же князя Владимира,—
Онъ вѣдь скоро вѣдь къ вамъ-то сецясъ прикатитцэ".
Пріѣжаетъ Владимиръ-князь стольнё-кіевськой;
Они кланелись, калики, ему жо до низкой земьли:
„Ужъ ты здрастуй-ко, красно наше солнышко,
Ты Владимеръ же, князь нашъ стольнё-кіевськой!
Ты подай-ко намъ милостину спасёнаю".
Подаваётъ князь милостину спасёную,
Подаваётъ вѣдь имъ да красна золота.
Говорятъ тутъ калики всё перехожія:
„Да спасётъ-то тебя-то какъ Боже-Осподи"!
Говорилъ-то Владимиръ всё таковы рѣци:
— Ужъ вы спойте-тко, калики перехожія,
Ужъ вы спойте-тко, мнѣ да всё Елёньской стихъ.—
Какъ запѣли калики всё перехожія,
Перехожи калики, всё переброжія,—

Мать сыра же земьля та потресаласе;
Подъ одну руку дёржитъ Владимира,
Подъ праву́ руку дёржитъ Добрынюшка Нитятиць младъ,
Подъ лѣву́-ту руку дёржитъ Олёшенька Поповиць младъ;
Покатилась у Владимира съ плець да буйна голова.
Унимаётъ Добрынюшка всё Никитиць младъ:
„Перестаньте пѣть, калики перехожія:
Ипше князь-отъ Владимиръ цють онъ живъ стоитъ“.
Перестали пѣть калики всё перехожія.
Говоритъ-то Владимиръ-князь стольнё-кіеськой:
„Вы подите, калики вы перехожія,
Вы подите, калики, вы къ моей-то кнегины-то,
Вы ко той-ли къ Опраксе́и всё Королевисьни;
Напои́тъ васъ кнегина у мня, накормитъ всѣхъ
Да подастъ-то вамъ милостину спасёную“.
Какъ пошли-то калики всё перехожія;
Какъ приходятъ они-то всё въ красенъ Кіевъ-градъ,
Въ кра́сёнъ-отъ градъ, ипше въ матушку каменну́ Москву.
Какъ приходятъ они скоро подъ окошоцько,
А запѣли у полатъ-отъ всё у царьскіихъ,
А запѣли они-то славнóй Еленьской стихъ.
А увидяла Опраксея-то Королевисьня,
Подавала она милостинку спасёную,
Приказала заходить-то въ полаты княженеиския;
Она садила каликъ-то всё за дубовы́ столы,
Щё за тѣ-ли за скатерти всё за браныя.
Ише стали калики да всё роздѣватисе,
Они стали-то Осподу молитисе;
Они крестъ-то кладутъ да по писáнному
Да поклонъ-отъ ведутъ они по учёному,
Поклоняютце они всё Спасу пречистому
Да садятце они всё попить, поись,
Всё попить, поись-то они, покушати.
А отпили, отъѣли они, откушали;
Благодарятъ Опраксею всё Королевисьню.
Опраксея-та тутъ да имъ все зговóрила:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко сынъ Касьяновиць!
Оставайтесь-ко вы наце́вать же всё“.
А Михайлушко былъ-то всё красафцикомъ;
Красота-та въ ёмъ была въ лици́ непомѣрная;—
На Михайлушка царица-та обзарилась:
„Ты пойдёмъ со мной, Михайлушко, во полаты княженеиския:

Мнѣ-ка надоть съ тобой-то слово вымолвить".
Да Михайлушко всё онъ да не цюсвуётъ,
Какъ Касьяновиць онъ не понииатъ ето;
Да зовётъ, думатъ, царица похорошому.
Какъ приходитъ къ царици-то въ спальню хорошую,
Говоритъ ему царицяя всё рѣци безумныя,
Всё безумныя рѣци да беспонятныя:
„Я прельстилась, Михайлушко, на твою красу".
Какъ зовётъ она его къ себѣ на кровать всё спать.
Тутъ Михайлушко всё да испугатце,
Тутъ Касьяновиць всё перепадáитце;
Убѣжалъ отъ Опраксеи отъ Королевисьни
Ко своей-то ко младой ко дружинушки [1]);
Самъ горюцима слезами весь обливаитце:
Онъ вѣдь молитъ за ей всё Бога Господа,
Онъ вѣдь матерь прецисту-ту Богородицю:
„Ты прости, Боже, царицю въ зломъ помышленіи,
Ты вѣдь въ глупыхъ рѣцяхъ да въ непростúмыихъ".
Онъ вѣдь самъ-то не спитъ да Богу молитце.
Понёсла на ето зло-то Опраксея Королевисьня;
Подговорила Олёшеньку всё Поповиця:
„Принеси-ко Михайлушкову ко мнѣ сумоцьку,
Принеси ты Касьяновиця котомоцьку".
Онъ вѣдь скоро приносилъ къ ёю потихошеньку;
Роспороли они сумоцьку рыта бархата,
Положили они-то всё золоту́ цяшу,
Изъ которой князь Владимиръ всё по пріѣзду пьётъ;
Зашивали вѣдь суноцьку всё иголоцькой.
А Михайлу-ту Касьяновицю не спитце-то
Передь великой напраслиной, изневáгушкой [2]).
Мы пойдёмте-тко, Касьянушко Немилóсливой;
Ишше полно спать въ полатушкахъ проклаждатисе!"
Они скоро калики-ти всё ставали всѣ,
Они скоро калики-ти одѣвалисе,
Они скоро калики да роспрошалисе,
Со кнегиною они больше прошшалисе.
Послѣ ихъ наѣхалъ князь изъ цистá поля;
Заискали-то тутъ вѣдь золотой цяшы,
Исъ которой князь Владимиръ-отъ по пріѣзду пьётъ.

---

1) Ко каликамъ,—мододыя были.
2) Въ старины́ поéтьце.

Ище Олёшенька да скоро сказыватъ,
Принимаётъ грѣхи-ти на свою душу:
„Етто было у мня, князь, сорокъ каликъ въ гостяхъ;
Унесли-то они, вѣрно, твою цяшу".
Посылалъ князь Владимиръ-отъ онъ скорыхъ гонцёвъ;
Какъ нашли ету цяшу да у Михайлушка.
Да судить стали Михайла они своимъ судомъ:
Закопали Михайлушка во сыру́ землю,
Да вкопали Михайлушка въ земьлю́ по поясу
Да отсѣкли ёго взели буйну голову;
Прирубили-присѣкли всё на мелки́ части.
Ише сами пошли-то Богу молитисе,
Ко тому пошли къ Онтонью, всё къ Ѳеодо́сею.
Помолились они да попрошшалисе;
Какъ пошли они вѣдь скоро да исъ пешшеры-то:
„Приворотимте ко Михайлушку на могилу—нать".
А приходятъ къ Михайлу-ту на могилу-ту,—
Да Михайло-то стоитъ-то всё живёхонекъ,
Да живёхонёкъ стоитъ онъ, здоровёхонёкъ [1]);
Красота-та во лици не утеряласе.
„Ужъ вы шьто отъ миня, братцы, убѣжали-то?"
Они стали прошатьце тутъ со слёзами всё.
Говоритъ-то Михайлушко таковы рѣци:
„Мы пойдёмте-тко, братцы, въ красёнъ Кіевъ-отъ градъ,
Въ красенъ-отъ Кіёвъ-градъ, пойдёмъ въ матушку каменну́ Москву—
Мы не ради Опраксеи да Королевисьни,
Хоть мы ради пойдёмте князя Владимира:
Розгнила́сь вѣдь Опраксеюшка Королевисьня,
За грѣхи-ти вѣдь всё же пала въ гно́ишшо;
Какъ Владимеръ-отъ князь отъ неё отступилсэ-то;
Посмотрять-то зайдётъ онъ—носъ завязыватъ.
Я дуну-то на её-то на грѣшно̂ тѣло".
Какъ приходятъ-то они въ красёнъ Кіевъ градъ,
Ише прямо ко князю свѣту-Владимиру,
И Владимеръ стрѣцятъ ихъ отъ всей радости:
„Вы не можётё ли, калики, да излицить у мня,
Излицить-то Опраксеи всё Королевисьни?"
И пришолъ-то Михайлушко, слёзно Богу молитце;
Онъ вѣдь дунулъ своимъ-то всё святымъ духомъ.

---

[1]) Ожилъ святымъ духомъ, въ-ко́и-поръ они ходили въ манастырь.

У ей свалились коросты да вѣдь вси отъ ей;
Она сдѣлалась вѣдь здрава-здоровёхонька.
Нарядилась она въ ризы дравоцѣнныя,
Нарядиласе, сама вѣдь не постыдиласе;
Входитъ, каликамъ-то низко кланялась:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Касьяновицъ!
Ты просьти миня въ вины грѣшно виноватыя,
Ты просьти миня ишé, Михайлушко, во второй вины:
Пристыдила я твоё лицо непорочнаё,
Пристыдила я тебя-то рѣцьми напрасныма.
Ты просьти миня, Владимеръ-князь стольне-кіевськой:
За Михайлушка-та я вѣдь палá во гнóишшо.
Я обзарилась, Михайлушко, на твою красу“.

23.

Соломанъ и Иванъ Никульевичъ (Окульевичъ).

(У дяди Ефима).

Было-то въ Ерусалими, въ славномъ гради-то,
Тамъ вѣдь жилъ-то премудрой-отъ Солóманъ-царь
Со прекрасной жилъ царицой Соломàнихой.
Жили они да много времени;
Поѣжаётъ царь Солòманъ, всё премудрой царь,
Поѣжаетъ собирать онъ дани-пошлины,
Збирать пошлину поѣхалъ прошлогодьнюю —
Шьчо за тѣ-ли всё за годицьки за прошлыя,
Ай за прошлы-то годы, прошлогодныи.
Говоритъ прекрасна тутъ царица Соломáниха:
„Ты не ѣзьди, царь Солóманъ, збирать пошлины,
Збирать пошлину не ѣзьди прошлогоднюю;—
Этта прийдётъ Васька Торокашко сынъ Замбренинъ,
Увезётъ у тя царицу Соломаниху.
Приходилъ-то онъ два раза [1]),—ты всё дома былъ“.
Онъ не слушатъ царицы Соломáнихи,
Онъ скорёхонько въ дорожку отправляитце,
Отправляитце въ дорожку всё полъ-годика.
Ай прошла-то эта вѣстоцька да прокатиласе,
До того жо прошла вѣсть до Царягрóда.
Ай во ту-ту порý былó, во то время,

[1]) Отъ двухъ царей: Кудріянишша, ли отъ Грубіянишша (см. № 18), другой—Идóлишо (см. № 49).

Собираётъ прекрасной царь Иванъ Нику́льёвиць,
Собираетъ онъ пиръ на весь онъ міръ:
Собираетъ на князьей да на бояръ своихъ,
Собираетъ на хресьянъ на всѣхъ прожи́тосьнихъ [1]),
На прожитосьнихъ хресьянушокъ, на бѣдныхъ тутъ.
Ишше всѣ-то на пиру тутъ напивалисе,
Ишше всѣ же на чеснóмъ да наѣдалисе,
На пиру-ту скоро всѣ да стали хвастати:
Ишше глупой-отъ хвастатъ молодой женой,
Неразумной-отъ хвастатъ всё родной сестрой,
Ай вѣдь умной-отъ хвастатъ рóднымъ батюшкомъ,
Шьчо разумной-отъ хвастатъ рóдной матушкой.
Ай прекрасной-отъ царь Иванъ Нику́льёвичь
Онъ по полатушкамъ да тутъ похаживатъ,
Онъ пóхаживатъ, самъ всё усмѣхаитце;
Онъ вѣдь жолтыма кудрями принатрясыватъ,
Онъ вѣдь бѣлыма руками прирозмахиватъ,
Золотыма онъ перстнями принабрякиватъ;
Говоритъ прекрасной царь Иванъ Нику́льёвичъ:
„Ужъ вы гой еси, князи мои, бóяра,
Вси купци вы, вси мои госьти торговыя,
Вси хресьянушки да вси прожи́тоцьни,
Вы прожитосьни всѣ, да нóвы бѣдныи!
Роскажите мнѣ вы, всю правду повѣдайте:
Ай у насъ-то въ Цари́гради́ вси молодци поженёны,
Ишше красны-ти дѣвушки заму́жъ подáваны;
Я единъ живу, прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ,
Холóстъ-отъ живу да нежонатъ слыву.
Мнѣ-ка хто бы изъ васъ выбралъ бы обру́чницу,
Мнѣ обручницу бы выбралъ супроти́въ меня:
Шьчобы лицико—порóшки снѣжку бѣлого,
Ай походочка у ей была пави́нная,
Ти́ха рѣць у ей была да лебединная,
Брови-ти у ей да чёрна соболя,
Ишше оци-ти у ей да ясна сокола,
Ясна сокола у ей да перелётного,
Перелётного сокола, заморьского".
Ишше старшой-отъ хоронитце за средьвёго,
Ишше средьнёй-отъ хоронитце за мéньшого,
И отъ мéньшого прекрасному царю отвѣту нѣтъ.

---

1) Хорошо живутъ.

Говоритъ-то Васька Торокашко сынъ Замбренинъ:
—Я не знаю-ту тебѣ, прекрасной царь Иванъ Микульёвиць.—
Ишше говоритъ-то Торокашко сынъ Заморенинъ:
—Я вѣдь кольки не бывалъ по разнымъ гбродамъ,
Ай по руськимъ бывалъ и по невѣрнымъ я,
Я видалъ, видалъ, вездѣ да красныхъ дѣвушокъ,—
Не видалъ луцьшё царици Соломанихи.
Ужъ ты гой еси, прекрасной ты царь Иванъ Микульёвичъ!
Красота-та у васъ сь ей будётъ однакая,
Другъ на дру́жку вы вѣдь сь ей похожія.—
Тутъ вѣдь говоритъ прекрасной царь Иванъ Никульёвиць:
„Ужъ ты Васька Торокашко сынъ Заморенинъ!
Это есь ли гдѣ теперь таки права?
Говоришь ты вѣдь всё рѣци безумныя:
Какъ вѣдь можно у жива́ мужа жону отнять?“
Говорилъ-то Васька Торокашка сынъ Заморенинъ:
— Мнѣ нехи́тро это дѣло мнѣ-ка зьдѣлати —
Увесьти-то мнѣ царицу Соломаниху.—
Говоритъ-то прекрасной царь Иванъ Микульевичъ:
„А бери-ко ты у мня да золотой казны;
Ты достань, достань царицу Соломаниху“.
Говоритъ-то Васька таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ!
Нагрузи-ко мнѣ ты три ка́рабля черпёныихъ
Со тима́-ли со товарами заморьскима;
Я пойду-ту къ ей да всё въ Ерусалимъ я градъ,
Увезу-ту бесъ царя-та бесъ Соло́мана.—
Тутъ грузилъ ёму прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ,
Онъ грузилъ, грузилъ черпёны скоро ка́рабли;
А пошолъ-то Васька Торокашко сынъ Заморенинъ.
Онъ подходитъ ко сьвятому-ту къ Ерусалимъ-граду;
Онъ вымастыватъ мосточки красна дерева,
Росьтилаетъ онъ сукна одинцовыя
Онъ отъ цёрныхъ-то отъ караблей вплоть до дворьца до царь-[ского;
Онъ приходитъ къ царици къ Соломанихи:
„Ужъ ты здрастуй-ко, царица Соломаниха!
Я пришолъ, пришолъ къ тебѣ на чёрныхъ ка́рабляхъ;
Ты сьними поди у мня товары всё заморьскіи,
Всё заморскіи товары всяки-разныя,
Забирай ты съ насъ ишё, бери да дань всю, пошлину“.
Тутъ вѣдь скоро царица нарежаласе,
Ай пошла она къ Васьки на це́рёнъ карабь.

Заходила къ ёму да на цёрёнъ карабь.
На карабли-то ево было изукрашоно:
Ай каюты на карабли всё красна дерева,
Красна дерева всё да красна золота.
Тутъ зашла-то цариця Соломаниха
На тотъ на Васьки на цёрёнъ карабь,
Во ту-ли во каюту во хрустальнюю,
Загледѣлась на товары всё на разныя,
На разны-ти на вси она шолки разныя,
Ише разны были шолки всё заморьскія.
Ай во ту пору было, во то время,
Онъ вѣдь сказалъ-то всё младенькимъ матросицькамъ:
„Оставлейте-ко мосты вси красна дерева,
Отплывайте-тко изъ гавани царя Соломана;
Увезёмте мы царицу Соломаниху, —
Ай награду мы полуцимъ всё великую
Отъ того-то мы царя всё отъ прекрасного“.
Ай повёзъ-то тутъ царицу Соломаниху,
Онъ увёзъ, увёзъ царицу Соломаниху;
Онъ приходитъ, привозитъ ко царю прекрасному,
Ко тому-ли ко Ивану-ту Никульёвичу;
Ай привозитъ царицю Соломаниху,
Роспускатъ-то онъ скоро флаги шолковыя.
Тутъ стрѣцятъ-то ихъ прекрасной царь Иванъ Микульёвиць.
Онъ стрѣчаётъ-то ихъ да отъ всей радосьти;
Собираетъ онъ пиръ да тутъ на радосьти,
Повелось-стало у ихъ пированьицё, поцесёнъ пиръ;
Тутъ вѣдь жили они да всё тутъ пожили.
Ай прошло-то тому времени полъ-годика;
Тутъ наѣхалъ-то изъ земёлъ изъ дальнихъ-то
Ай премудрой-то Соломанъ-царь;
Говорятъ-то ёму нянюшки да сѣнны дѣвушки:
„Нѣтъ у насъ царицы Соломанихи:
Ай увёзъ-то ей Васька Торокашко всё Заморенинъ,
Онъ увёзъ-то къ царю прекрасному,
Ко тому-ли-то къ Ивану-ту Микульёвицю“.
Тутъ недолго царь Соломанъ розговаривалъ;
Ай онъ бралъ-то двухъ братьицей крестовыхъ-то:
Ай перьвого-то Добрынюшку Никитича,
Ай другого бралъ Олёшеньку Поповиця;
Ай поѣхалъ-то Соломанъ-царь, отправилсэ.
Пріѣжаетъ Соломанъ-царь, премудрой-онъ,

Прі̀ѣжаетъ онъ да къ Ца́рю-ту-граду,
Оставляетъ своихъ братьйцей крестовыхъ-то
Ай за той-ли за сьтѣной ихъ городовою;
Тутъ пошолъ-то самъ онъ, наредилсэ всё каликою;
Онъ сказалъ-то двумъ братьицямъ крестовымъ:
„Ай кака будётъ, быватъ, мнѣ-ка неволюшка,
Я взыграю вамъ, братьиця, во ту́рей рогъ,—
Наѣжжайте-ко тогда вы въ Царь-отъ-градъ,
Вы рубите-ко со старого до малого“.
Нарединсэ-то, пошолъ каликой перехожою,
Перехожою каликой, переброжою;
Онъ пришолъ-то къ царицы подъ окошоцько,
Закрыцялъ-то онъ у ей да подъ окошоцькомъ,
„Ужъ ты гой еси, прекрасная царица Соломаниха!
Ты подай-ко мнѣ-ка милосьтину всё спасёную—
Ты не ради-то калики перехожою,
Перехожою калики, переброжою,—
Ужъ ты для́-ради подай царя Соломана,
Ты Соломана-царя да все премудрого“.
Отьпирала окошоцько скоро́ косисьцято,
Ай бѣжала на широку свѣтлу улицю;
Тутъ признала она ёго, увидѣла:
Не калика-та ходитъ перехожая,
Перехожая калика, переброжая,
Тутъ вѣдь ходитъ-то Соломанъ-царь премудрой-отъ.
Тутъ брала она царя да за праву́ руку
Да вела ёго въ полаты бѣлокамянны,
Говорила-то она царю Соломану,
Шьчо Соломану-царю она премудрому:
„Ай премудрой ты царь у мня Соломанъ ты!
Ты попей-ко сѣдь, поѣшь, теперь покушай-ко;
У мня нѣтъ теперь въ доми прекрасного:
Онъ уѣхалъ, царь прекрасной, за охвотами“.
Онъ поѣлъ у ей, попилъ сѣлъ, покушалъ тутъ;
Заперла ево царица Соломаниха,
Заперла-то всё въ сундукъ да во платнои̂ ево.
Тутъ пріѣхалъ-то прекрасной царь Иванъ Микульёвичь,
Онъ пріѣхалъ у ей всё со охвотами,
Онъ навёзъ-то тутъ ей да гусей, лёбедей,
Онъ пернасьцятыхъ-то бѣленькихъ всё утоцёкъ.
Ишше тутъ царица розговариватъ:
„Ужъ ты душенька, прекрасной царь Иванъ Микульёвичъ!

Ужъ мы сѣдёмъ-ко съ тобой пить, ѣсь, всё кушати".
Они сѣли-то пить, ѣсь сь ей, всё всё кушати;
Говоритъ-то тутъ царица Соломаниха:
„Ай ты гой еси, прекрасной душоцька ты царь Иванъ Мику́льё-
Ты везьдѣ ѣзьдилъ, гулялъ, да ничего не знашь; [вичъ!
Я и дома была, цяриця-та прекрасная,
Я вѣдь дома-то была, да много видѣла:
У мня есь-то вѣдь въ госьтяхъ всё небывалой гось,
Небывалой у мня гось да всё нежданой-отъ,—
Не ждала ево, совсѣмъ объ ёмъ не думала".
Говоритъ прекрасно́й царь Иванъ Микульёвиць:
— Ужъ ты шьто северодьне, царица, не съ ума шалишь?—
Говоритъ-то тутъ царица Соломаниха:
„Ужъ ты душенька, прекрасной царь Иванъ Микульёвичь!
Я скажу-то про то тебѣ, тебѣ повѣдаю,
Про того скажу царя тебѣ премудрого:
Шьчо сказали—царь Соломанъ—онъ хитёръ-мудёръ,—
Ишше сидитъ онъ у мня да въ сундуки запёртъ,
. . . ."
Говоритъ-то прекрасной царь Иванъ Микульёвиць:
— Ты вѣдь врёшь теперь, царица Соломаниха!—
Отпирала она сундукъ, да всё показыватъ;
Говоритъ ёму цариця Соломаниха:
„Ужъ ты душоцька, прекрасной царь Иванъ Микульёвиць!
Не оставляй царя Соломана до у́тра ты,—
Отойдётъ онъ у тебя всё своей мудросью".
Говоритъ-то царь прекрасной Иванъ Микульёвиць:
— Ай тепере царь Соломанъ онъ въ моихъ рукахъ.—
Говоритъ-то царь Соломанъ таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной ты царь Иванъ Микульёвиць!
Цимъ тебѣ рубить моя-та бу́йна го́лова,
Ужъ ты завтро отсѣкёшь да буйну голову,—
Шьчо увидятъ всѣ народъ, да люди добрыя".
Говоритъ царю царицця Соломаниха:
— Отруби ты, отьсѣки да буйну голову.—
Говоритъ-то Соломанъ-царь премудрой-отъ:
„Ты прекрасной мой царь Иванъ Микульёвиць!
Ты возьми-ко завтро зьдѣлай ты высокой рей,
Ты къ рею́-ту къ тому зьдѣлай возьми ли́сёнку,
Ты повѣсь возьми да всё три пе́тёлки:
Шьчо перьву́-ту повѣсь петёлку шолко́вую,
Ай другу́-ту повѣсь петёлку варо́вую,

Ай третью́ ты повѣсь петёлку всё липову“.
Тутъ прекрасной царь Иванъ Микульёвиць
Онъ вѣдь радъ-то былъ тому, шьчо ёму царь сказалъ.
Говоритъ ёму цярицця Соломаниха:
„Ты прекрасной мой царь Иванъ Микульёвиць!
Ты сьвяжи хошь въ пу́тани шолкóвыя,
Не оставь ты такъ царя да всё Соломана,—
Измудри́тьце своей мудросью, онъ своей хитросью“.
Онъ связалъ-то тутъ царя Соломана,
Замыкалъ-то за замочки его крѣпкія.
Онъ стаётъ въ утря́хъ, по у́тру-ту по ранному,
Онъ вѣдь дѣлаётъ скоро тутъ высокой рей,
Къ высокóму дѣлатъ рéю всё онъ ли́сницю;
Онъ повѣсилъ три пéтёлки, вси разныя:
Онъ перьву́-ту всё петёлку шолкóвую,
Онъ другу-ту вѣдь петёлку варóвую,
Онъ третью́-ту вѣдь петёлку онъ липову.
Повели они царя, царя премудрого,
Ай премудрого царя да всё Соломáна;
На перьву́-ту на приступочку-ступеньку приздыну́лисе,—
Говоритъ-то тутъ Соломанъ-царь премудрой-отъ:
„Ты прекрасной ты царь Иванъ Микульёвичь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка взыграть-то всё во ту́рей рогъ;
Ты иди-ко со мной самъ, веди царицю Соломаниху:
Я потѣшу, поиграю, всё тебя, царя съ царицою“.
На другу́-ту ступеньку они вышли тутъ,—
Онъ зыгралъ опеть во дутоцьку, во турей рогъ;
Онъ играетъ, самъ да приговариватъ:
„Я потѣшу-то ихъ, всё я царя да со царицою:
Мнѣ вѣкóмъ больше царицу не видать будётъ“.
Говоритъ-то цярицця всё царю прекрасному:
—Ужъ ты вѣсь скорѣ царя Соломана:
Отойдётъ онъ отъ тебя да своей хитросью.—
Говоритъ-то царь Соломанъ всё премудрыя,
Говоритъ-то всѣмъ народу, людямъ добрымъ тутъ:
„Ужъ вы гой еси, народъ, вси люди добрыя!
Вы которы вы умны, дакъ подите процъ,
Не смотрите вы царя да всё Соломана:
Его-то вѣдь смерть бу́дётъ престрашная“.
Онъ зыгралъ-то въ третёй наконъ да всё во турей рогъ.
Тутъ наѣхала его дружиноцька хоробрая,
Шьчо два того-ли всё два брателка крестового,

Два крестового два братёлканазваного:
Ишше тотъ-ли Добрынюшка Никитиць младъ,
Ишше тотъ-ли Алёшенька Поповиць младъ.
Говоритъ-то царь Соломанъ-свѣтъ премудрой-отъ:
„Налетѣли у мня гуси со сьвятой Русй,
Со сьвятой у мня Руси, сь Ерусалима, славна города;
Шьчо клюютъ у мня пшеницю бѣлоярову“.
Говоритъ-то царица Соломаниха:
— Ты прекрасной мой царь Иванъ Микульёвичь!
Отойдётъ вѣдь царь Соломанъ своей хитросью·. —
Тутъ во ту-ли пору, скоро во то время,
Тутъ два ясного два сокола пролётыватъ,—
Пріѣжаетъ два дородьня добра молодца,
Шьчо два руського могучого богáтыря:
Шьчо перьвóй-отъ Добрынюшка Никитиць младъ,
Ай другой-отъ Олёшенька Поповиць младъ;
Ай приходятъ они скорó къ рею́ высокому.
По Солóманову было тутъ роспоряженьицю.
Приказалъ-то онъ какъ имъ, дѣло дѣлать-то:
„Въ перьву пéтёлку шолкóвую положьте вы,
Шьчо положьте вы прекрасного царя Ивана Микульёвича;
Я за то ёго полóжу въ петёлку въ шолкóвую,
Ай шьчобы пришла-то ёму скоро сьмерть,—
Онъ не билъ меня впередъ, да оставлялъ онъ всё“.
Ай царицю Соломаниху полóжили во петёлку,
Ей во ту-ли во петёлку варóвую;
Ешше Ваську Торокашку—всё во липову.
Тутъ вѣдь всихъ они всё злыхъ людей приконьцили;
Ай поѣхали они, скоро отправились
Шьчо во тотъ-ли они въ Ерусалимъ-отъ градъ.
Они стали поживать да тамъ всё здрастовать,
Всё постарому они стали да жить, попрежному.

24.

Егорій Храбрый и его мучитель [1]).

(У матери).

Ишше туры, олени по горамъ пошли,
Ишше сѣры-ти заюшки по засѣкамъ,

---

1) А. М. Крюкова говорила, что въ Золотицѣ Егорія поютъ за стихъ и совершенно иначе.—Этотъ стихъ считается стариной и въ Поморьѣ (см. въ моей статьѣ стр 3. прим. 3). *Собир.*

Ише бѣленьки горносталюшки по тёмны́мъ лѣсамъ;
Тутъ вѣдь рыбина ступила во морьску́ глубину;
Ише на́ неби взошолъ да младъ сьвѣтёлъ мѣсецъ,—
На земьли зародилсэ могу́цъ богаты́рь
Да по имени Егорей-свѣтъ Храбрыя.
У Егорьюшка во лбу было красно солнышко,
У Егорьюшка въ затылоцьки былъ сьвѣтёлъ мѣсецъ,
По̀ косицямъ цясты-ти звѣздоцьки катаютце,
За ушами-ти зори занимаютце.
И прошла ета вѣстоцька всё по всей земли,
Шчо по всей прошла зеньли, по всей Святоруською;
Шчо дошла ета вѣстоцька до невѣрного царя,
До невѣрного царишша всё Грубія́нишша.
Онъ царей-то, королей онъ всѣхъ повырубилъ,
Онъ вѣдь Божьи-ти церькви да вси на дымъ спусьтилъ,
Онъ святы́-ти иконы всё на мосты смосьтилъ,
Царя Ѳёдора Смоляньского [1]) подъ мецъ склонилъ,
Онъ срубилъ-то у ево да буйну голову,
Да цярицю, доцъ прекрасну [2]) онъ изуродовать хотѣлъ.
Да цярицяя, доцъ прекрасна-та всё хитра́-мудра́ была,
Всё хитра была, мудра, да во Пешѐръ-горы ушла,
Во Пешеръ-то горы ушла да горы камянны,
Да въ собой-то унесла она цяда милого,
Цяда милого она, всё цяда любимого,
Шьчо того она Егорья-свѣта Храброго.
Какъ приходитъ цариця гору камянную: [3])
„Ужъ ты гора́, ты гора, ты гора камянная!“
Называётъ цариця да гору матушкой,
Называетъ цариця да слёзно плацётъ же:
„Ты прими, прими, гора́, ты гора камянная,
Ты не для́-ради миня, ты для-ради цяда моего,
Для того-ли для Егорья ты свѣта-Храбраво“.
Розьдвига́лась Пешшера, всё гора камянная,
Принимала царицю, всё доцъ прекрасную.
Какъ не могъ найти цари́шшо всё Грубіянишшо.
Тутъ вѣдь сталъ у ей Егорьюшко всё пети годовъ,
Тутъ вѣдь сталъ у ей Егорьюшко всё восьми годовъ,
Ише сталъ у ей Егорьюшко всё выспрашивать:
„Ужъ ты гой еси, цярицяя, ты доцъ прекрасная,

[1]) Егорьева отця.
[2]) Мать Ёгорьеву.
[3]) Въ гору камянную? *Собир.*.

Ужъ ты матушка моя, ты свѣтъ-родимая!
У мня былъ ли на роду-ту рóдной батюшко?“
Россказала цариця ему прекрасная:
— Ужъ ты гой еси, моё ты цядо милоё,
Ужъ ты мило моё цядышко, любимоё,
Ты по имени Егорей всё свѣтъ-Храброй ты!
Когда ту́ры-ти, олени по горамъ прошли,
Ище рыбина ступила во морьску́ глубину,
Ище нá неби взошолъ-то младъ сьвѣтéлъ мѣсéць,
На земли-то ты у мня родилсэ, всё могуць богаты́рь,
Ты по имени Ёгорей-свѣтъ ты Храбрыя;
Да во лбу-ту у тобя какъ будто соньцо красноё,
Да въ затылки у тибя-то младъ свѣтéлъ мѣсець,
По локóтъ-то у тибя вѣдь руцьки въ золоти,
По колѣнъ-то у тибя-то нóжки въ сéребри,
По косицямъ [1]) часты звѣздочки всё катаютпе,
За ушами-ти зори занимаютце.
Да прошла эта вѣсьть про тебя по всей земли,—
Ише вся у тя краса была поднебесная,—
Да прошла-то про тебя слава великая,
Какъ по всѣмъ прошла земьля́мъ, по всѣмъ славнымъ городамъ;
Шьчо дошла эта вѣсьть-та до невѣрного царя,
До невѣрного царя всё до Грубіянишша;
Онъ вѣдь Божьи-ти церькви вси огвёмъ сожогъ,
Онъ святы-ти образа да онъ въ мосты вси склалъ,
Царя Өёдора Смоляньского, всё твоёго батюшка,
Онъ подъ мець ево склонилъ, ссѣкъ у ево буйну голову,
А миня-то онъ, царицю, изуродовать хотѣлъ.
Я хитрá очунь, мудрá была, хитрому́драя;
Во Пешеръ-гору ушла я, всё горы камянную [2]);
Я въ собой-то унесла тибя, цяда милого,
Я пришла-то, всё горы́ слéзно приросьплакалась,
Ишше матушки Пешшеры прирозьжалилась:
„Ужъ ты матушка Пешшера, гора камянная!
Ты прими, прими царицю, всё доць прекрасную,
Ты не для́-ради миня, хоть для́-ради цяда моёго,
Для того-ли для Ёгорья-свѣта Храброго.—
Какъ вѣдь выслушалъ Ёгорей её рѣци вси,
Ее рѣци-ти вси да вси росказы-ти:

[1]) Косьти надъ глазами.
[2]) См. примѣч. къ 28 ст. *Собир.*

„Ужъ ты гой еси, родима моя матушка,
Ише та-ли царица, доць прекрасная!
Ужъ ты дай-ко мнѣ-ка съѣзьдить благословленьиця,
Мнѣ-ка съѣзьдить-то разѣ-то ко паришшу тутъ;
Ко паришшу я съѣжжу всё Грубіянишшу,
Я пролью-то, пробью-ту кровь тотарьскую,
Отобью, отмешшу́ я кровь христіяньскую,—
За своёго за батюшка за родимого,
За того за царя за Ѳёдора за Смоляньчкого“.
Тутъ заплакала родима-та ёго матушка,
Ише та-ли цяриця-та, доць прекрасная:
— Ужъ ты гой еси, Егорей-свѣтъ ты Храбрыя!
До паришша-та есь всё три заставушки:
Ишше перьва-та заставушка—лѣса тёмныя,
Ото встоку стоятъ всё лѣса до западу;
Ишше ясному соколу не пролетѣть будётъ,
Какъ тебѣ-то, доброму молодцу, на своёмъ-то на добро́мъ кони́,
На добро́мъ-то кони будётъ не проѣхати.
Да втора-та есьть заставушка великая—
Да стоитъ тутъ гора-та, гора камянная,
Ото встоку стоитъ гора до западу,
Отъ земли-то стоитъ она ра́вно до неба;
Да третья́-та застава есь—рѣка огняная,
Ото встоку течётъ-то всё до западу,
Отъ земли пламя вьётце ровно до́ неба.—
Тутъ выходитъ Ёгорьюшка на широ́ку свѣтлу улоцьку,
Роспрошаитце съ родимой своей матушкой.
А исъ туци-то выпадывалъ ёму доброй конь [1]),
Да изъ облака выпадыватъ сабля вострая,
Сабля вострая ёму, палиця тяжолая,
Ишше вся-то принадлежносьть-та богатырская.
Да поѣхалъ Ёгорьюшко на добро́мъ кони;
Пріѣжаетъ Ёгорей къ той заставушки,
Да ко тѣмъ-ли пріѣжаётъ къ лѣсамъ тёмныимъ;
Призды́маетъ Егорьюшко злата́ вѣньця,
Говоритъ-то Ёгорьюшко таковы слова:
„Вы лѣса, вы лѣса-то да лѣса тёмныя!
Вы не наруйте, лѣса, всё во невѣрного царя,
Вы поваруйте, лѣса-та, въ самого́ Христа,

---

[1]) Врака́ поётьце?

Въ самого, лѣса, Христа вы, Бога роспятого,
Во того вы во Егорья-свѣта Храброго“.
Проѣжаетъ Егорьюшко ту заставушку;
Пріѣжаетъ Егорьюшко къ горы камянной,
Говоритъ-то Ёгоре́й-свѣтъ таковы рѣци:
„Ты гора-ли, гора, гора камянная!
Ты не варуй-ко, гора, ты во невѣрного царя,
Во невѣрного царя-то въ Грубіянишша;
Ты поваруй-ко, гора, ты въ самого Христа,
Въ самого-то Христа, всё царя небесного,
Во небесного царя, Бога распятого,
Во тово ишé въ Ёгорья-свѣта Храброго“.
Признимаетъ Егорьюшко злата́ вѣньца,
Проѣжаетъ Егорей ту заставушку.
Пріѣжаетъ къ рѣки, къ рѣки къ огняной;
Говоритъ-то Ёгорьюшко таковы рѣци:
„Ты не варуй-ко, рѣка, да во невѣрного царя,
Во невѣрного царишша Грубіянишша;
Ты поваруй-ко, рѣка, да въ самого Христа,
Въ самого Христа повѣруй, царя небесного,
Во того-ли-то всё Бога распятаго“.
Признимаетъ Ёгорьюшко злата́ вѣньца;
Проѣжаётъ Егорей ту заставушку.
Пріѣжаетъ Ёгорьюшко ко царишшу-ту Грубіянишшу.
Какъ выходитъ царишшо на красно́ крыльцё:
„Ты поваруй-ко Егорей-свѣтъ ты Храбрыя,
Во мою ты всё вѣру во невѣрную“.
Говорилъ-то́ Ёгорей да свѣты-Храбрыя:
— Я вѣдь скоро въ твою-ту вѣру поварую:
Отсѣку у тя тотарьску-ту твою голову,
Отьмешшу я христіяньску-ту кровь горячую.—
Приказалъ тутъ царишшо ево пилой пилить;
Да Ёгорья-та-свѣта всё пила не берётъ,
Ишше вся-та пила у ихъ выспригну́ласе.
Ишше сталъ онъ Ёгорьюшка колясомъ вертѣть;
Ишше всё-то въ шепу́-ту приломалосе.
Ишше сталъ онъ Ёгорьюшка въ котли варить;
Да Ёгорей-отъ въ котли-то онъ стойкомъ стоитъ,
Онъ стоитъ-то въ котли-то да всё стихи поётъ,
Ише пѣсь-ту поётъ всё Херуимскую;
У Егорья подъ котломъ-то не огонь горитъ,
Не огонь-то горитъ, всё разны́ цвѣты цвѣтутъ,

Всё цвѣты-ти цвѣтутъ, всё разни́ лазу́рёвы.
Приказалъ копать погрёбъ ёму глубокой тутъ:
Въ глубину-ту вѣдь погрёбъ сорока сажо́нъ,
Въ долину-ту вѣдь погрёбъ двадцети пети;
Въ ширину-ту вѣдь погребъ двадцети сажо́нъ;
Онъ хваталъ-то Ёгорьюшка царишшо за жолты́ кудри,
Онъ кина́лъ-то царишшо Ёгорья во глубокъ погрёбъ,
Онъ вѣдь цястою желѣзною рѣшотоцькой,
Онъ желѣзною рѣшотоцькой призадёрьгивалъ,
Онъ каме́ньицёмъ, кореньицёмъ призаваливалъ,
Онъ жолты́мъ пескомъ Ёгорьюшка призасыпывалъ;
Еще самъ-то, собака, онъ похвалаитце:
„Не бывать теперь Ёгорьюшку на сьвятой Руси,
Не видать теперь Ёгорьюшку сьвѣту бѣлого,
Не видать теперь Ёгорьюшку ро́дной матушки!“
Какъ по Бо́жьёму-то пало изволеньицю,
По Ёгорьёву-ту пало по моленьицю:
Потенули-то всё вѣдь тутъ вѣтры буйныя
Шьчо со ту-ли со востоцьню-ту со стороноцьку;
Вси жолты́-ти вѣдь песоцьки прирозьвѣяло,
Всё вѣдь каме́ньицё съ кореньицёмъ прироска́тало,
Всю желѣзную рѣшотку прирозьдёрьгало.
Тутъ выходитъ Ёгорьюшко къ намъ на бѣлой сьвѣтъ,
Онъ на бѣлой-отъ свѣтъ, да всё увидялъ онъ,
Да увидялъ Ёгорей красно солнышко.
Тутъ выходитъ царишшо на красно́ крыльцё,
Онъ вѣдь кланелсэ Егорью-ту низёхонько:
„Ужъ ты гой еси, Егорей-свѣтъ ты Храбрыя!
Станемъ бра́татьце персьнями однозоло́тныма:
Ище будешь ты, Егорьюшко, мнѣ большой вѣдь братъ,
Я вѣдь буду тебѣ да всё меньшо́й-отъ братъ“.
Нецёго-то съ имъ Егорей не розговариватъ;
Онъ хватилъ-то царишша за цёрны́ кудри́,
За цёрны́ ёго кудри́-ти всё за тотарьскія,
Ище онъ всё кина́лъ ёго о кирписьнёй мосъ;
Ишше тутъ царишшу-ту всё славы́ поютъ,
Всё славы́-ти поютъ ёму, въ старины́ скажу́тъ.
Онъ прибилъ-то со ста́рого и до малого,
Не оставилъ онъ силы-то на сѣмяна.
Онъ поѣхалъ искать своихъ двухъ онъ се́сьтрицей,
Онъ нашолъ-то родимыхъ двухъ вѣдь се́сьтрицей—

Какъ пасутъ они скота, за пастуховъ живутъ [1]);
Какъ на ихъ-то вѣдь тѣло-то какъ камышъ-трава.
Приводилъ-то, привозилъ онъ ихъ къ Ёрданъ-рѣки,
Окупалъ-то онъ ихъ-то всё въ Ёрданъ-рѣки;
Какъ свалилась у ихъ эта камышъ-трава;
Онъ вѣдь дунулъ на ихъ своимъ святымъ духомъ;
У ихъ зьдѣлались тѣла будто снѣгу бѣлого.
Онъ привёзъ-то ихъ къ родимой милой матушки;
Самъ насталъ-то онъ на батюшково на мѣсто тутъ.
Они зáжили тутъ да всё постарому,
Да постарому-ту зажили, попрежному.

25.

Оника-воинъ [2]).

(У матери).

Былъ жилъ Онúка-воинъ.
Поѣхалъ Оника-воинъ;
Преѣхалъ Оника-воинъ сьвятую Русь,
Онъ побилъ многихъ руськихъ богáтырéй,
Пролилъ много у вдовъ слéзъ горькихъ.
Задумалъ Оника-воинъ
Ерусалимъ-градъ розорити.
Насьтрѣчу Оники-воину
Йдетъ тутъ чудо чудноё,
Йдетъ всё диво дивноё,
Насьтрѣчу всё сьтрѣчаитце,
Всё Оники не ужахáитце.
Оника на кóни ужахнулсэ,
И хóчотъ вострую саблю всё направить;
Какъ изъ руки сабля упала.
Идётъ-то вѣдь цюдо цю́дно:
У ей ту́лово зьвѣрино,
Ише ноги всё лошадины,
Голова человѣческая,
Влáсы у ёго до пояса.
Тутъ спрогóворитъ Оника-воинъ:
„Ты какó же чудо чу́дно,

---

[1]) По словамъ А. М. Крюковой, одну изъ нихъ звали, кажется, Надеждой; имени другой сестры она не помнитъ. *Собир.*

[2]) По словамъ А. М. Крюковой, эта старина поется какъ стихъ; она пѣла ее тѣмъ же напѣвомъ, что и „Осаду Соловецкаго монастыря“ (№ 39). *Собир.*

Ты како же диво дивно:
Или царь, или царевиць,
Или король, ли королевиць,
Или руськой ты сильнёй, могуцёй богатырь?"
Отвѣчаетъ Оники сьмерьть-матушка:
— Я не царь, я не царевиць,
Не король я, всё не королевиць,
Я не руськой сильнёй, могучой богатырь,—
Я—сама престрашна Сьмерть твоя, матушка.—
Тутъ спроговоритъ Оника-воинъ:
„Ой еси, престрашна Сьмерть-матушка!
Дай ты мнѣ-ка строку съѣздить на три года,
Съѣздить мнѣ въ Ерусалимъ-градъ Богу помолитисе,
Ко Осподьню мнѣ-ка [1]) приложитисе".
Говоритъ престрашна Сьмерть матушка:
— Не дамъ тебѣ строку на три года
Съѣзьдить въ Ерусалимъ-градъ Богу помолитисе,
Ко Осподьнёму гробу приложитисе.—
„Ой еси, престрашна Сьмерть-матушка!
Дай же мнѣ-ка строку на три мѣсеця
Съѣзьдить въ Ерусалимъ-градъ Богу помолитисе,
Ко Осподьню мнѣ-ка гробу приложитисе".
— Не дамъ я тебѣ строку на три мѣсеця.—
„Дай, Сьмерть, строку хоть на три дня
Уѣхать мнѣ-ка въ свой градъ".
— Не дамъ я тебѣ строку на три дня.—
Тутъ Оника на кони да возьерилсэ.
Вострой саблёй замахнулсэ;
Права рука всё покатилась,
Лѣва рука опусьтилась,
Голова съ плець повалилась;
Тутъ Оники сьмерть слуцилась.

26.

Горе [2]).

(У своего двоюроднаго брата, племянника матери, родомъ изъ с. Стрѣльны).

Ише было-то бѣдному хресьянину;
Ише горюшко ёму да доставалосе.

[1]) Очевидно, пропущено „гробу". *Собир.*

[2]) А. М. Крюкова не могла опредѣлить навѣрное, старина ли это или пѣсня. *Собир.*

— На роду ли мнѣ горё было уписа́но,
На дѣлу́ ли ты мнѣ, горё, доставалосе,
Въ жеребью́ ли ты мнѣ, горюшко, повыпало?
Я пойду теперь отъ горя во тёмны́ лѣса;
Шьто за мной горё летитъ тутъ чёрнымъ ворономъ.
Я пойду-ли я отъ горя на сине́ морё,
Ай за мной-то вѣдь горё—сѣрой утицёй;
Я пойду-ту отъ горя на друго́ морё,—
Какъ за мной-то вѣдь горё-то сизы́мъ орломъ.
Я пойду-ту отъ горя во то-ли во чисто́ полё;
Тутъ летитъ-то за мной горё яснымъ соколомъ.
Я пойду-схожу отъ горюшка на тихи за́води,
Поплыву-ту я по тихимъ всё по заводямъ;
Тутъ за мной-то вѣдь горюшко да бѣлой лебедью.
Я пойду-схожу, отъ горя далеко́ уйду,
Я уйду-пойду во тѣ лѣса во тёмныя.
Я во тѣ уйду во сцепи во Саратовськи;
Тутъ за мной-то вѣдь горё—сѣрымъ заюшкомъ.
Я уйду, уйду отъ горя по крутой горы́;
Тутъ за мной-то вѣдь горё—горносталюшкомъ.
Я уйду же я отъ горя въ матушку сыру землю;
Ишше тутъ-то всё моё горё осталосе,
Ишше тутъ-то моё горё миновалосе.
Не достаньсе ты, моё горё великоё,
Не отьцю ты, моё горюшко, не матушки,
Ты не брату, моё горё, не родной сестры;
Не достаньсе ты, моё да горё горькоё,
Ты не другу моёму, всё не пріятелю,—
Ты останьсе со мной въ матушки сырой земли!

27.

Братья-разбойники и ихъ сестра.

(У жены своего дяди—„дедьны"—Матрены Кипріяновны, родомъ изъ Ку́зомени).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Тамъ была, побыла да пожила вдова,
Пожила была вдова, вдова Моряночка,
Пожила-та вдова была сорока годовъ.
Ай вѣдь было-то жило у ей деветь сыновъ,
Ай была у ей ишё-то дочка, красна дѣвушка.
Деветь сыновьёй её они въ розбой пошли,
Во розбой пошли, пошли во розбойницьки.

Посьлѣ ихново-то̀ было у ей бывáньиця,
Посьлѣ ихново-то было у ей живàньиця,
Ищэ маменька дочьку-ту возрóсьтила,
Шьчо возрóсьтила дочьку-ту, замужъ вы́дала
За того она купча-госьтя Моря́нина.
Вотъ живётъ наша Моряночка хорошо очунь;
Они годъ-то живутъ, всё они другой живутъ.
Какъ заску́чила Морянка объ рóдной маменьки.
Ай о маменьки роднóй она все соскучила;
Говоритъ она купчу-ту-госьтю Морянину:
„Мы поѣдёмъ къ родимой къ моей матушки!“
Не поѣхалъ Моря́нинъ всё къ своей тёшшиньки.
Они годъ-отъ живутъ, они другой живутъ;
Они при́жили собѣ-то какъ мáлого дѣтишша,
Они дѣтишша собѣ, они-то юношу.
Говоритъ опять Моряночка таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, купець богатой-отъ!
Мы поѣдёмъ-ко домой-то, къ рóдной матушки,
На мою-ту родиму милу сторону,
Ко моей-то ко родимой милой матушки,
Ко Моряниной мы да всё ко тёшшинки“.
Тутъ идётъ скоро купець-то да всё богатой-отъ,
По прозваньицю-ту всё да онъ Морянинъ былъ,
Ёнъ вѣдь скоро уходилъ къ себѣ на широкой дворъ,
Онъ уздалъ-то, сядлалъ-то коня доброго,
Онъ повёзъ свою Моряночку къ рóдной матушки,
Онъ вѣдь маленького дѣтиша садилъ всё во серёдыши.
Они день-то ѣдутъ, всё они другой ѣдутъ;
Пристыгáётъ-то ихъ-то всё ночка тёмная,
Ночка тёмна пристыгаетъ, всё ночь осённая.
Говоритъ-то Моряночка таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Морянинъ, купець богатой ты!
Какъ пора тебѣ сходить теперь со добрá коня,
Да пора спускать коня тебѣ во зелёной лугъ,
Да пора-то ставить шатёръ всё бѣлополóтьняной“.
Ишше тутъ всё купець-то скоро слушаётъ
Онъ свою-ту Моряночку, молоду жону;
Онъ вѣдь скоро сходитъ самъ со добрá коня,
Онъ вѣдь скоро спускатъ коня въ зеленóй-отъ лугъ,
Бѣлояровой пшеници коню насыпыватъ,
Онъ вѣдь ставитъ-то бѣлòй-то шатёръ полóтьняной;
Повалились-то въ шатёръ, купець Морянинъ-отъ;

Засыпа́лъ скоро Морянинъ-отъ богатырьскимъ сномъ,
А Моряночка-то да она всё не спитъ,
Всё не спитъ наша Моряночка, больше такъ лежитъ
Ай вѣдь было-то времецько, всё быль въ полно́ць время:
Тутъ не шумъ-то шумитъ-то, всё не гамъ гами́тъ,
Шьчо наѣхало тутъ-то девѣть бога́тырей,
На [1]) наѣхали они-то да въ по́лночь тёмную,
Ноцьку тёмную, въ полно́ць да ноць осённую;
Какъ Морянина они-то вѣдь брали за желты́ кудри,
Отрубили-отсѣкли буйну голову,
Ма́ла дѣтишша они всё взели розо́рвали,
Молоду эту Моряночку во поло́нъ взяли,
Во полонъ они взяли ей во серёдоши.
Ище всѣ-то тутъ бога́тыри скоро за́спали,
Скоро заспали всё сномъ они богаты́рьскіимъ;
Шьчо одинъ-отъ бога́тырь онъ не спитъ-то тутъ,
Онъ не спитъ, не спитъ, больше такъ лежитъ.
Тутъ заплакала Моряночка, заприцьта́ла тутъ:
„Тамъ была-то пожила да въ славномъ Кіеви,
Тамъ была-то, пожила была вдова,
Пожила была вдова сорока годовъ;
Шьчо у той у вдовы было́ девѣть сыновъ,
Шьчо девѣть было́ сыно', было ясныхъ соколовъ,
Какъ бога́тыри они были могуціи;
Ише дочка была у ей, красна дѣвиця.
Эти братьиця родимы всё во розбой пошли,
Во розбой они пошли, всё во розбойницьки,
Во чисто́ полё уѣхали всё они поля́ковать.
Посьлѣ ихного было посьлѣ бывáньиця,
Посьлѣ ихного было посьлѣ живаньиця,
Ише матушка дочку скоро возро́сьтила,
Шьчо возро́сьтила дочку, всё замужъ вы́дала
За того-ли за купця-та-гостя Морянина;
Ай увёзъ-то Морянинъ Моря́ночку во своё мѣсто,
Во своё увёзъ мѣсто-то, да во своё село,
Во своё увёзъ село, всё увёзъ за́ морё.
Ище годъ они жили, всё другой жили,
Ужъ какъ прижили собѣ-то мала дѣтишша.
Захотѣлось-то мнѣ-ка въ госьти ѣхати

[1]) Такъ сказательница иногда произносила слово „да". *Собир.*

Ко своей-то къ родимой моей матушки,
Ко Моряниновой-то всё да какъ ко тёшшинки.
Ай Морянинъ-отъ Моряночку миня слушалъ былъ;
Онъ ушолъ-то вѣдь скоро на широкой дворъ,
Онъ уздалъ-то, сѣдлалъ-то коня доброго,
Надѣвалъ-то на коня узду серебряну,
Ишше клалъ онъ сѣдёлышко всё чиркальское;
Онъ повёзъ миня Моряночку, къ ро́дной матушки.
Мы вѣдь день-отъ ѣдёмъ да всё другой ѣдёмъ,
Да застыгла-состыгла насъ ночка тёмная,
Ночка тёмная состыгла, всё ночь осённая;
Я сказала Морянину, всё скоро повѣдала:
„Шьчо пора тибѣ, Морянинъ, сходить съ добра́ коня,
Да пора тебѣ коню-ту, да коню сдохъ давать,
Шьчо здохъ коню давать, спускать въ зелены́ луга;
И насыць-ко ты пшеници бѣлоя́ровой“.
Онъ поставилъ намъ шатёръ скоро поло́тьняной;
У мня за́спалъ Морянинъ всё богатырскимъ сномъ,
Засыпи́ла я всё дитя малого;
А вѣдь я-то лёжала, лёжала, ужъ я всё не сплю,
Ужъ я всё не сплю, думу думаю.
Тутъ вѣдь скоро, во полно́ць было ноцьки тёмною,
Да не шумъ шумитъ-то, да всё не гамъ гами́тъ,—
Ай наѣхало тутъ деветь бога́тырей,
А бога́тырей, наѣхали всё деветь розбойницьковъ;
Они брали Морянина за жолты́ кудри,
Ай отсѣкли-отрубили съ плецъ да буйну голову,
Мала ди́тятка взели, розбрвали,
По чисту́ они полю-то всё розбро́сали“.
Какъ одинъ-отъ розбойничокъ прирослакалсэ,
Прироплакалсэ розбойницёкъ, приросту́жилсэ:
— Вы ставайте-тко, братьиця, вы братьича родимыя!
Немалу́-то мы шутоцьку нашу́тили;
Ище какъ эта шутоцька намъ вѣдь съ рукъ сойдётъ?
Вы ставайте, пробужайтесь, мои братьиця!
Мы убили всё зятя любимого,
Мы того-ли купця, купця Морянина,
Мы розо́рвали любимого всё племянницька,
Мы въ полонъ-отъ топерь взяли свою родну́ сестру,
Мы родну-ту сестру свою Моряночку.—
Тутъ скорёхонько стовали ро́дны братьиця,

Они падали сестрици во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти, просьти, родима мила се́стриця,
Ты просьти, просьти, Морянинова молода жона!
„Мы поѣдёмте тепере, братцы, въ Кіевъ-градъ
Ко своей-то ко родимо́й мы ко матушки;
Повезёмте-тко Моряночку, мы родну сестру,
Мы родну свою сестру, молоду вдову,
Ко своей-то родимой милой матушки;
Не пойдёмте-тко мы больше во розбойницьки,
Мы не будёмъ больше ѣзьдить по чисту́ полю;
Мы положимъ объ томъ заповѣдь великую:
Мы не будёмъ убивать больше многи́хъ людей!“
Тутъ просьтила ихъ родима мила се́стриця,
Ишше та-ли Моряночка, молода вдова.

28.

Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики.

(У дѣвочки Өедоры, лѣтъ 12; она была родомъ изъ Чапомы́, но жила въ Чаваньгѣ въ нянькахъ).

Ай была-то жила вдовушка;
Шьчо вѣдь было у ей да тро́ё дѣточокъ:
Два сына было́ да всё вѣдь дочь единая.
Ай задумала вдовушка думушку худу́ про собя:
„Ай шьчобы мнѣ, вдовушки, итьти ко синю́ ко морю́,
Ко синю́ морю, вдовушки, мнѣ-ка дѣточокъ сьнесьти.
Спушшу, спушшу, вдовушка, дѣтей на воду,
Я поло́жу-ту на дошшочку красна дерева,
Росьпишу-ту я слова, каки́ мнѣ надомно,
По словамъ шьчобы моихъ дѣтей узнавали тутъ“.
Приходила-то вдовушка ко синю́ морю,
Ихъ вѣдь кла́ла на дошшочку красна дерева
Да спускала-то дѣточокъ на сине́ё море́,
Говорила-то дѣточкомъ таково́ё слово́:
„Понеси, понеси ты, мо́рё си́неё,
Си́нё морё понеси да на морськую пучинушку!
Ты вѣдь спой-скорьми дитей, Спасъ пречистыя;
Ай на умъ-то наставь, да Мати Божья, ты ихъ!
Я сама-та пойду зъ дочкой спасатисе,
Я сама-та пойду Богу молитисе,
Я пойду я въ ма́настыри въ спасёныя“.

Ай прошло тому времецьку вѣдь много лѣтъ.
Да ушла она молитьце Богу-Господу;
Ай её-то дѣтей бѣдныхъ маленькихъ,
Понёсло же дѣтей по синю́ по морю̀,
По синю́ по морю̀ да ихъ не знаемъ куда.
Какъ во ту вѣдь пору̑ да во то времечко
Тутъ идётъ по синю́ морю́ чернёнъ карабь,
Да на томъ караблѣ младъ карабельшичокъ;
Онъ вѣдь ходитъ по ка́раблю, самъ расхаживаётъ,
Онъ въ подзорною трубочку посматриваётъ;
Онъ завидялъ во трубочку чудо чудноё,
Онъ завидялъ во трубочку диво дивноё:
На дошшочки несётъ да всё два дѣтишша,
Ихъ два дѣтишша несётъ два малого.
Приказалъ онъ спѣхнуть да скоро шлюпочку,
Онъ велѣлъ перенять да двухъ-то дѣточокъ;
Говорилъ онъ сибѣ да онъ такоё слово̀:
„Я возро́шшу возьму—дакъ будутъ братьича мнѣ“.
Онъ возро́сьтилъ взялъ этихъ малыхъ дѣтушокъ,
Онъ состроилъ имъ по чорному имъ по ка́раблю̀,
Нагрузилъ карабли да онъ товарами,
Отпускалъ корабли да во синёё море̂,
Отсылалъ онъ скоро́ да мла́дыхъ братьичей своихъ,
Мла́дыхъ братьичей своихъ, его воскро́рмленыхъ родныхъ.
Шьчо пошли-то ети братьича по синёму-ту по морю̀,
Становились ети братьича ко родимому къ селу.
Увидала тамъ родна́ да ихна матушка была;
Шьчо приходитъ ихна матушка ко черьнёну караблю
Со своей она съ родимой-то со дочерью;
Говоритъ-то тутъ вѣдь вдовушка таки она слова:
„За большого-то я брателка сама заму̀жъ иду̑,
За меньшого-то я брателка дочь вы́даю̀“.
Говорятъ-то карабельшички таковы-ти себѣ слова:
— Ты откуда же, кака пожила вдова пришла?—
Говоритъ-то всё вдова да таковы имъ словеса:
„Ужъ вы глупы карабельшицьки, неразумны вы молоды̀!
Шьчо живётъ ли тако чудо на бѣло́мъ же на свѣту̑,
На бѣло́мъ-то-ли на свѣту, на сьвятой-ли на Руси:
Выходила-ль ро́дна мать за своёго-ль за сынка̀,
Отдавала-ль дочь свою за родного братёлка?“
Старины скажу конець,—больше нечево мнѣ сьпѣть.

29.

Князь Романъ убиваетъ жену.

(У матери).

Ише было во славномъ городи во Кіеви,
Ише былъ-то князь Романъ да сынъ Ивановиць;
И была-то княгина молода ёго
А по имени-то Марья доць Ондреевна;
А вѣдь было у его княжнó дитя
Ищё душоцька Настасья доць Романовна.
А уѣхалъ-то князь Романъ Ивановиць,
А уѣхалъ онъ вѣдь всё да во чистó полё,
Изъ цистá поля́ пріѣхалъ къ своёму двору.
И княжно-то всё дитя да приросплакалось,
Приросплакалось оно да приростѣшилось;
Не могли-то ей утѣшить бабушки, всё нянюшки.
А приходитъ сама княгина Марья-свѣтъ Ондреёвна:
„Ужъ ты гой еси, моё княжнó дитя!
Слышишь развѣ надъ собой большу́ незгодушку?
А уѣхалъ у тя батюшко да во цистó полё,
Изъ цистá поля скорёшенко пріѣхалъ-то:
Онъ вѣдь хоцётъ розлуцить меня, кнегину, со бѣлы́мъ свѣтомъ,
Онъ вѣдь хоцётъ розлуцить меня, кнегину, со милымъ садомъ
Ай со душоцькой Настасьей всё Романовной,
Онъ вѣдь хоцётъ мнѣ придать скору́ю смерть
Во сегоднешню-ту ноцьку тёмную“.
Какъ приходитъ князь въ полаты княженеськія,
А берётъ-то кнегину за бѣлу́ руку,
А ведётъ-то кнегину на широкой дворъ;
А увёзъ-то ей серёдъ-то ноцьки тёмныя,
Шьто увёзъ-то кнегину во темны́ лѣса,
Онъ отсѣкъ-то, отрубилъ у ей да буйну голову,
Онъ зарылъ-то ей во матушку въ сыру землю.
Какъ не знатъ-то про то княжно дитё, не вѣдаётъ.
Стаётъ она по у́тру всё по раньному,
Ише стала то она да приросплакалась:
„Ужъ вы гой еси, вы нянюшки да бабушки!
Ише гдѣ-то моя да рóдна матушка,
Ише та-ли кнегина Марья доць Ондреевна?“

Говорятъ-то бабушки, всё нянюшки:
— Ише нѣту у тя да ро́дной матушки:
Твоя матушка ушла всё во Божью церковь,
Ушла Господу, всё Богу помолитисе.—
Ужъ и тутъ-то всё какъ княжна́ дитя
Приходитъ скоро она во Божью церковь,
Шьто не у́брана она да не наря́жона,
У ей буйна голова всё не учёсана.
Всѣ попы, отцы духовны огледѣлисе,
Всѣ причетьники церьковны здивовалисе;
„Ише шьто же у насъ топерь кнежно́ дитя
А не убрана идётъ, всё не наря́жона,
У ней буйна-та головушка всё не учёсана?“
— Ужъ вы гой еси, попы, отцы духовныя,
Ужъ вы гой еси, прицетьники церковныя!
Не видали ли родимой моей матушки,
Ише той-ли кнегины Марьи-свѣтъ Ондреевны?—
Отвѣчаютъ тутъ скоро́ попы, отцы духовныя:
„Не видали мы твоей-то ро́дной матушки,
Не слыхали мы тайкомъ про ро́дну твою матушку:
Онъ убилъ-то, князь Романъ всё свѣтъ-Ивановиць,
Онъ убилъ-то кнегину во темны́хъ лѣсахъ;
Онъ вѣдь намъ-то пришолъ всё прироскаялса,
Онъ велѣлъ-то пѣть панафиды всё великія,
Онъ велѣлъ служить обѣдни всё поми́нальни“.
Не убоялась тутъ княжно́ дитя,
Она скоро ушла да во темны́ лѣса.
Ай настрѣту ей иду́тъ да волки сѣрыя,
Волки сѣрыя идутъ, медвѣди цёрныя;
Некого она малёшенька не убояласе.
Какъ довёлъ-то ей Господь вѣдь да до ро́дной матушки.
Не узналъ-то князь Романъ да свѣтъ-Ивановичъ,
Онъ вѣдь самъ-отъ тому нерадъ же сталъ:
„Занапрасно уходилъ свою кнегину-ту,
Проливалъ я у ей да бесповинну кровь,
Розлуцилъ ей со своимъ да съ малымъ дѣтишшомъ,
Я со той-ли со Настасьей-то съ Романовной!
Я поѣду-то тепере за кнёжны́мъ дитёмъ“.
А пріѣхалъ онъ вѣдь скоро ко княжну дитю:
„Ай поѣдемъ-ко, моё-то всё княжно дитё!
Твоя матушка у мня сидитъ въ полатахъ-то,
И сидитъ же во полатахъ бѣлокамянныхъ“.

Говорила тутъ да всё княжна дитё:
— Не омманывай меня, да рóдной батюшко:
У мня матушка лёжитъ да во тёмнóмъ лѣсу,
Во тёмнóмъ лѣсу лёжитъ, да во сыромъ бору.—
„Я сошилъ тибѣ, княжна дитя, обновоцьку:
Я сошилъ-то тибѣ шубоцьку во тысецю,
На шубоцьки вѣдь пуговка во стó рублей,
Какъ друга-та пуговка—да ц́ѣла тысеча,
А третья́ ишше пуговка—да ц́ѣны не было".
Говорила тутъ да всё княжно дитё:
— Мнѣ ненадоть дороги твои подароцьки,
Мнѣ-ка надобно своя-та рóдна матушка.
Хошь привёлъ ты во полаты-то себѣ-то молоду жону,
Ише мнѣ-ка-то привёлъ не рóдну матушку,
Ише мнѣ-то ты привёлъ да лиху мацёху.—

30.

Князь, княгиня и старицы. (Гибель оклеветанной жены).

(У родныхъ).

Ишше былъ же вѣдь князь-отъ девяноста лѣтъ.
Онъ вѣдь взялъ себѣ кнегину двадцети годовъ;
Онъ вѣдь жилъ со кнегиной ровно три года,
На ц́етвёртой-отъ годъ да князь гулять пошолъ.
Онъ ходилъ-то гулялъ да равно три года,
На ц́етвёртой-отъ годъ да князь домой пошолъ;
А настрѣцю-ту князю идутъ стáрици,
Идутъ старици ему, идутъ манашины,
Цёрнокнижници идутъ, ц́ерны́ кукóльници:
„Ужъ ты здрастуй-ко, князь да девяносто лѣтъ!"
— Ужъ вы здрастуйте, старици-манашины!
Не видали ли кнегины, молодой жоны?—
„Мы въ глаза-ти не видали, слы́хомъ слышели:
А твоя-та, князь, кнегина за гульбой ушла,
За гульбой она ушла, да загуляласе".
Какъ спрогóворитъ князь да всё онъ старицямъ:
— Вы скажите-ко вы мнѣ да сушшу правду всю,
Сушшу правду-ту вы, всё мнѣ неутайную.—
„Вѣдь твоя-та, князь, кнегина она забыла всё тебя въ дорожоцьки.
Не горятъ у ей лампады масла Бóжьёго,
Не горятъ у ей свѣшши всё воску ярого,

Да не молитце она да Богу-Господу,
Да не молитъ за тебя, за князя-та обѣдьни-ти за здравьё всё.
Въ перьву горницю зайдёшь, да туть вѣдь колыбѣль вѣсьнетъ,
Ты въ другу-ту вѣдь зайдёшь, да тутъ другá виситъ,
Ты въ третью-то вѣдь зайдёшь, да тутъ третья́ виситъ;
Всё къ анбаромъ-то дорожки всё утóрёны,
Всѣ запасы роспротóрены, изъѣдёны;
Ты сходи-ко, князь, къ себѣ всё на конюшенъ дворъ:
А стоятъ-то вѣдь добры́ кони́ да по колѣнъ въ назьму,
Бѣлоярова пшениця не насыпана".
Князь скорёхонько поѣхалъ въ крáсёнъ Кіёвъ-градъ;
Пріѣжатъ скорó къ собѣ да на широкой дворъ.
Она вышла стрѣцять ёго скорёхонько:
„Ужъ ты здрастуй-ко, князь девяноста лѣтъ!"
Онъ вѣдь взялъ-то со спицьки саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-отрубилъ да буйну голову,
Роскинáлъ да розбросалъ да по цисту полю;
Самъ поѣхалъ тогда къ палатамъ бѣлымъ камяннымъ,
Къ своёму тогды къ двору широкому.
Во перьвы́хъ пóшолъ смотрять своихъ добры́хъ коней,—
А добры́ кони́ стоятъ они постарому да всё попрежному,
А стоятъ-то дóбры кóни по колѣнъ въ шолку,
Не въ шолку, да хоть сказать, да въ шолковóй травы;
Бѣлояровой пшеници принасыпано.
Въ перьвую полату онъ заходитъ—тутъ да всё узоръ вѣсь-нётъ:
А не сколько у ей не шито, вдвое плакано:
„Всё тебя я изъ дорожки дожидаласе,—
Я узоръ я вышивала краснымъ золотомъ,
Рытъ-отъ бархатъ покрывала всё слёзами горькима".
Во втору полатушку заходитъ—тутъ свѣшши́ горятъ,
А свѣшши-ти горятъ да со лампадами:
А усердно-то она Богу молиласе.
Не ербóвой на бумажецьки подписано:
„Всё молилась-то я Богу три дни, три ноци,
Всё тебя я изъ дорожки, князя, дожидаласе".
Въ третью горьницю зашолъ—все платьё лежитъ цёрноё;
А вѣдь тутъ же на листу-ту на србóвомъ всё подписано:
„Я носила-то съ полъ-гóда платье цёрноё;
Ужъ я думала, шьто князя-та живого нѣтъ,—
Изъ дорожецьки-то будётъ не дождатисе".
Вси амбары-ти стоятъ да всё напóлнёны,

Вси вѣдь лавоцьки стоятъ у ей непоцяты
Какъ со сладкима со всякима съ напитками.
Тутъ не лютоё зѣльё розгорѣлосе,
Богатырьскоё серьцо роскипѣлосе.
Онъ вѣдь перьву-ту всё старицю конёмъ стопталъ,
Онъ другу-ту всё старицю копьёмъ скололь;
Ишше третья-та старицця змолиласе:
„Ты не тронь-ко миня, князь всё девеносто лѣтъ!
Оживьлю тибѣ кнегину, молоду жону“.

31.

Мать князя Михайлы губитъ его жену [1]).

(У м а т е р и).

Поѣжжаётъ князь Михайло
Во чистóё пóлё,
Во широкоё раздóльё;
Оставляётъ князь да Михайло
Свою-ту кнегину,
Молоду жону Марфиду,
И наказыватъ князь Михайло
Своей маменьки родною,
И свѣтъ-сударини большою:
„Ужъ ты мать моя, мати,
Ужъ ты маменька родная,
И свѣтъ-сударыня большая!
Ты корьми мою кнегину,
Молоду жону Марьфиду,
Корми свой-то сахáрной;
Ужъ ты пой мою кнегину,
Молоду жёну да Марфиду
Ише слаткимъ ты мёдомъ“.
Цють успѣлъ-отъ князь Михайло
Съ широкá-та двора съѣхать,
До чистá поля не доѣхалъ,—
Ево доброй-то конь всё уткнулсэ,
Востра сабелька сломилась,
Пуховá-та шляпа скатилась.
„Я по етому замѣчаю,
По тому теперь признаваю,—

1) А. М. Крюкова пѣла эту старину тѣмъ же напѣвомъ, что №№ 25 и 39. *Собир.*

У мня есь-то въ доми нешчасье,
Есь нешьчасьё въ доми большоё:
Либо маменька неможотъ,
Молода-то жона либо хвораётъ".
Посьлѣ князёва всё бываньа,
Посьлѣ князёвой всё поѣстки
Ево маменька-та родная
Какъ корьмила сво кнегину
А овсяною кормо́ю [1]),
Шьто поила княгину
Троёсутосьнёй водою;
По три банёцьки въ день топила,
По три вѣницька хлоста́ла,
По три мыла измывала,
Горе́ць каминь всё нажигала,
Во бѣлы́-ти груди кнегины кла́ла,
Бѣлы груди всё пожигала,
Шьчо младеня-та вынимала,
Всё младеня-та изъ утробы.
Какъ приходитъ къ рыболовамъ:
„Ужъ вы братцы рыболовы!
Ужъ вы здѣлайте мнѣ колоду,
Мнѣ колоду-ту сыро-дубою,
Принесите мнѣ-ка колоду,
Положите вы во колоду
Вы кнегину всё со младе́нёмъ,
Положите вы въ колоду,—
Вы набейте-ко на колоду
Вы три обруця всё желѣзныхъ.
Напишу-ту я на колоду,
Напишу же я три предмета:
Шьчо перьва́ эта предмета—
Свою душу я погубила,
Шьчо втора-та эта предмета—
Я кнегину-ту потребила,
Шьчо третья́-та эта предмета—
Я младеньця-та изъ утробы,
Изъ утробы-то выживала,
Отьвезите эту колоду
Вы во синеё мо́рё,

[1]) Крупою? *Собир.*

Накажите этой колоды:
„Не пристань ты, моя колода,
Не къ камёшку, д' не къ берёжку,
Не къ крутому-ту бережоцьку,
Не къ розсыпцяту песоцьку!“ “
Рыболовы-ти отвозили,
Въ сйнё море-то ей спустили.
Прiѣжаетъ князь Михайло,
Прiѣжаетъ онъ исъ поля,
Исъ широкого онъ раздолья;
Привезалъ-то коня князь Михайло
Къ золоту-ту всё колецьку.
Какъ стрѣцяётъ князя Михайла
Ево матушка родная,
Сьвѣтъ-судариня большая;
Говоритъ тутъ князь Михайло:
„Ужъ ты маменька родная,
Ишше гдѣ-то моя кнегина,
Молода-та жона Марьфида?“
Говоритъ-то вѣдь ёму мать родная:
— Какъ твоя-та вѣдь, князь, кнегина
Шьчо горда, горда Марьфида
Сидитъ въ горницахъ высокихъ,
Во подвáлышшахъ широкихъ,
Тибя, мужа всё не стрѣцяётъ,
Тибя княземъ не называетъ.—
Онъ скорёхонько тутъ приходитъ;
Тутъ кнегины-то не слуцилось,
Молодой-то не пригодилось.
Говоритъ-то князь Михайло:
„Ужъ ты матушка родная,
Ты скажи, скажи сушшу правду,
Сушшу правду мнѣ, неутайну:
Ты куды-то у мня кнегину,
Ты куды ей изгубила?“
Говоритъ-то вѣдь ёму матушка:
— Шьчо ушла-то двоя кнегина
Во Божью церьковь Богу молйтце,
За тебя, князя, Бога молити.—
Онъ приходитъ-то въ Божью церьковь;
Тутъ кнегины-то не слуцилось.
Говоритъ-то онъ попамъ-отцамъ:

Осужали они насъ всё понапрасному“.
Зазвонили-то къ заутрени всё къ ранною.
Тутъ ставаётъ Софья, всё царевна-та,
Она будитъ-то Ивана Дородбровиця:
„Ай ставай-ко ты, Иванъ-свѣтъ Дородоровиць,
Двоюрбдной ты вѣдь мой да милой брáтелко!
У мня тéплятце лампадки масла Божьёго,
Вси затéплёны свѣшшѝ да воску ярого“.
Говоритъ-то ей двоюродной всё братёлко
Шьто по имени Иванъ да Дородоровиць:
— Я севодьне всё вѣдь видѣлъ страшной сонъ,
Ужъ и страшной сонъ, всё я не знаю какъ:
— Я иду будто, иду да во Божью церьковь;
Набѣгали мужики будто ко мнѣ настрѣцю-ту,
Отрубили и отсѣкли мою голову.—
Тутъ ставаётъ онъ, скоро одѣваитце,
Онъ приходитъ во Божью церьковь да Богу мóлитце.
Во Божьёй-то церьквы всё да ёго поносить стали:
„Ужъ ты гой еси, Иванъ-свѣтъ Дородоровиць!
Розведитесь вы вѣдь съ Софьёй-то съ царевной-то,
Не приводите насъ во грѣхъ, да людей многiихъ“.
Говоритъ-то тутъ Иванъ да Дородоровиць:
— Кабы умъ-то у васъ былъ, дакъ не грѣшили бы:
Ище Софья-та-царевна—я ей сцитаю за родну сестру.—
Не внимаютъ мужики всё деревеньскiя;
Говорятъ они ёму да таковы рѣци:
„Мы вѣдь станёмъ-то тебя да всё посматривать“ [1]).
Онъ приходитъ домой, да самъ росплакалсэ;
Говоритъ-то Софья, всё царевна-та:
„Не тужи-ка ты, не плаць, мой двоюрбдной брателко!
Не оставитъ насъ Господь, всё Бохъ помилуётъ“.
Тольке поконьцили рѣць свою печальную;—
Отпираютце двери скоро нá пяту,
Тутъ приходитъ два-та палаця всё немилбсьливы;
Они отсѣкли у Ивана Дородбровиця,
И отсѣкли у ёго хоть буйну голову;
Они взели-то Софью, всё царевну-ту,
Её взели они да за русу́ косу,
Ей убили тоже всё сьмертью напрасною.
Погребли они вѣдь скоро ихны всё святы́ тѣла;

[1]) Убить хотятъ.

У ихъ выросло-то на могилахъ вси разнй цвѣты,
Шьчо у тѣхъ-ли у мошшей, мошшей нетлѣнныихъ.

33.

Князь Дмитрій и его невѣста Домна.

(У матери).

Ипше былъ жилъ Митрей-князь Васильёвиць.
А какъ сваталсэ Митрей на Домны Ѳалелёевны
А вѣдь пб три онъ года по три осени;
На цетвёртой годъ да тольки свадьбы быть,
Тольке свадьбы-то быть да какъ къ вѣньцю итти.
Превелось-то итти Митрею ко ранной ко заутрени,
Шьчо ко той-ли ко обѣдьни воскресеньскія.
Не видала ёго Домна Ѳалелеёвна.
Ай бросалась скоро Домнушка въ окошоцьию,
Какъ сама она сказала таковы рѣци:
„Шьчо сказали про Митрея—хорошъ, пригожъ,
Про Васильёвиця,—да лучше въ свѣти нѣтъ;
Онъ сутулъ вѣдь, горбатъ да наперёдъ покляпъ,
Ипше ноги-ти кривы, да всё глаза косы,
Голова-та у ево будто пивной котёлъ“.
Ипше выслушалъ Митрей-князь Васильёвиць;
Онъ пришолъ скоро во церьковь во соборную.
Отошли-то тутъ заутрени съ обѣдьнями;
Онъ приходитъ во полаты княженевськія,
Говорилъ-то онъ сестрици всё родимою,
Ипше той-ли вѣдь Мареы всё Васильёвны:
„Собирай-ко-се ты, Мареушка, поцесёнъ пиръ
На своихъ-то на любимыхъ на подружоцёкъ,
Ты зови-ко, зови Домну Ѳалелеевну“.
Ипше тутъ скоро Мареа собираётъ всё,
Собираетъ скоро Мареушка поцесёнъ пиръ,
Зазыватъ своихъ подружоцёкъ любимыихъ,
Ай зовётъ-то она Домну Ѳалелеевну:
„Добро жаловать, Домна Ѳалелеевна,
Хлѣба, соли ко мни ись да слáдка мёда пить!“
Говоритъ-то Домны Ѳалелеевны
Говоритъ-то всё родима её матушка:
„Ужъ ты вой еси, Домна Ѳалелеевна!
Мнѣ ночесь мало спалось, да много во сняхъ видѣлось:
Да какъ будто на моей-то на правой руки

Золотой будто персьтёнь у мня россыпалсэ“.
Ише тотъ посолъ отъ Домны со двора пошолъ,
А другой-отъ посолъ да всё на дворъ пришолъ:
„Ты спусьти спусьти-ко, Софья дочь Микуличня,
Спусьти молодую Домну Өалелеевну
Какъ ко нашей-то ко Марфы ко Васильёвны
Да попити, поѣсь ко ей да всё покушати,
Посидѣть-то съ нашой Мареой всё Васильёвной“.
Потихошеньку всё Домнушка сбираитце,
Фалелеёвна у насъ всё одѣваитце,
Пошла-то вѣдь Домна Өалелеёвна,
Какъ пошла-то вѣдь Домна на поцесёнъ пиръ.
На перьвыхъ сѣняхъ стрѣцятъ-то Митрей-свѣтъ Васильёвиць,
Говоритъ-то вѣдь Митрей таковы слова:
„Добро жаловать, Домна Өалелеёвна,
Ко ногамъ-то ко кривымъ, всё ко глазамъ косымъ,
Къ головы-то ко пивной, къ кудрямъ соломеннымъ!“
Тутъ вѣдь Домнушки за досадушку велйку показалосе;
Шьчо не знатъ, вперёдъ итти ли, воротитьце ли.
Ай приходитъ Домна Өалелеёвна всё на други сѣни;
Тамъ стрѣцятъ-то всё ей Мареа-свѣтъ Васильёвна,
Шьчо садитъ ей за снарядны дубовы стола,
Говоритъ она сама всё таковы рѣци:
„Ты садись-ко, садись, Домна Өалелеёвна!
У мня Митрея-та князя всё вѣдь въ доми нѣтъ,
Шьчо Васисильевиця-свѣта всё не пригодилосе:
Онъ уѣхалъ у мня Митрей во чистó полё,
За куницеми уѣхалъ, за лисицеми,
Онъ за всякима за разныма за птицеми“.
Говоритъ ей Домна Өалелеевна:
— Не омманивай, моя любима всё подружоцька,
Ужъ ты гой еси, ты Мареа-свѣтъ Васильёвна!
Миня стрѣтилъ вѣдь Митрей на перьвыхъ сѣняхъ.
Тутъ приходитъ Митрей-свѣтъ Васильевиць:
„Ты пойдёмъ-ко-се, Домна Өалелеевна,
Сходимъ-ко, Домнушка, пойдёмъ мы во Божью церьковь,
Ужъ мы примёмъ съ тобой по злату вѣньцу!“
Говоритъ-то тутъ Домна Өалелеёвна:
— Ты спусьти, спусьти, Митрей-свѣтъ Васильёвиць,
Ты спусьти, спусьти меня сходить хоть къ рóдной матушки,
Мнѣ-ка взять-то, попросить родительского всё благословленьиця!—

Говорилъ-то ей Митрей-свѣтъ Васильёвиць:
„А бесстробсьнёго вѣдь времени на свѣти нѣтъ“.
А пошла она вѣдь мимо кузьницю желѣзную,
Ай сковала всё себѣ два ножицька булатныихъ,
Да булатны себѣ ножицьки, уклáдныи;
Отошла она за гóродъ недалёко тутъ,
Она ткнула себѣ ножицьки всё въ ретиво серьцё:
„Не достаньсе-тко я, да красна дѣвиця,
Я тому-ли князю всё не Митрею Васильёвичу;
Ты достаньсе, моё хоть тѣло бѣлоё,
Цёрнымъ-то вóронáмъ на кáрканьё!“
Тутъ пошолъ искать Митрей-свѣтъ Васильёвиць;
Приходитъ къ родимой къ её матушки;
Не нашли они Домны Ѳалелеёвны;
Довели-то ево маленьки ребятоцька.
Онъ вѣдь бралъ у Домны ножицёкъ изъ ретивá серьця,
Ише самъ вѣдь на томъ ножицьку да закололсэ тутъ,
Говорилъ-то самъ себѣ да таковы рѣци:
„Да лёжи ко-се тѣло бѣло Домны Ѳалелеёвны,
Тутъ лёжи-ко тѣло Митрея-свѣта Васильёвиця!“

34.

Жданъ-царевичъ.

(У матери).

Ише было во городи во Цернигови,
Ише жилъ-то тутъ всё богатой-отъ купець,
Да богатой-отъ купець Иванъ Гостиновиць;
Да была-то у ёво да молода жона,
Да была-то у ево да доць единая,
Шьчо едина доць Настасья-та Ивановна.
Отправляитце купець-отъ всё за синё морё
Ише тотъ-ли Иванъ да свѣтъ-Гостиновиць;
Нагрузилъ-то онъ три кáрабля черненыихъ
Нагрузилъ-то онъ разныма товарами,
Да пошолъ-то онъ всё да за синё морё
Провезти свои товары всё вѣдь розныя,
Навезьти товаровъ всё заморьскихъ-то.
Тутъ пошолъ-то онъ скоро зá морё;
Оставалась у ево всё молода жона,
Молода-та жона да съ одной доцерью.
Онъ оставилъ приказаньицё имъ строгоё:

„Не спускай-ко ты свою-ту доць любимую
Изъ своёго изъ высокого изъ терема".
Приказалъ-то онъ своей да молодой женѣ (sic):
„Токо скуцьнё будётъ доцери любимой-то—
Выпускай-ко ты гулять ей на высо́къ балхонъ;
Ище тутъ она посмотритъ свѣту бѣлого".
Да просилась-то однажды доць любимая
Ище та-ли Настасья доць Ивановна:
„Ужъ ты милая родимая моя матушка!
Ты спусьти миня отъ скуки проходитьце мнѣ".
Говорила-то тутъ мать-та ро́дной дочери:
— Ужъ ты милая Настасья ты Ивановна!
Мнѣ-ка строго-то оставлёно приказаньицё
У твоёго у родного всё у батюшка.—
Говорила-то вѣдь ро́дна матушка:
— Ты пойдёмъ, пойдёмъ со мной да прогулямсе
А на тотъ-ли на балхонъ-ли на высокой-отъ
Да на тѣ-ли на перила золочёныя.—
А пошли они, пошли, скоро отправились;
Они ходятъ; посмотрятъ всё на улицу,
Ай гледятъ-то скрозь перилышка золоцёныя;—
Тутъ вѣдь ѣдётъ всадьникъ онъ очунь хорошъ,
На своёмъ-то онъ ѣдётъ ворономъ кони;
Говоритъ-то тутъ садникъ всё таки рѣци:
„Ужъ ты гой еси, душа ты красна дѣвиця!
Почему не крѣпятъ тобя за крѣпки́ замки?
Какъ за ихно-то всё будётъ, за строгось-ту,
Надѣлитъ-то ихъ Бохъ такимъ несчасьицомъ;—
А купецеська ты всё молода жена!
Росскажу-то я про то, я всё повѣдаю:
Какъ родитъ-то ваша доць-та любимая,
Какъ родитъ-та она сына единого,
Не родитъ-то она, всё не отъ шалосьти—
Шьто за вашу-ту всё за крѣпось-ту—
А и тутъ-то нарекутъ имя Жданомъ-царевицёмъ,
Какъ бога́тыря она да всё могуцёго;
Будутъ многи ёму люди поклонятисе".
Запечалилась-то тутъ жона купеческа,
Да скрипила свою доць-ту на крѣпки́ замки,
Не выпускала на бѣлой сьвѣтъ полъ-годика.
Наѣхалъ-то тутъ всё до полъ-годицька,
Наѣжаётъ тутъ, приходитъ купець богатой-отъ;

У любимою её да всё у доцери
Какъ велико тутъ несцясьицё случилосе,
Что слуцилосе нещасьицё у ихъ въ доми всё:
Да родилсо прекрасной Жданъ-царевиць-отъ;
Красотой-то онъ подобёнъ цярямъ, царевицямъ,
Называютъ они всё Жданомъ-царевицёмъ.
Ише сталъ-то Жданъ-царевиць да тутъ большой онъ сталъ;
Изуцила ёго матушка всей-то грамоты,
Изуцила ёго-то на добры дѣла,
На добры дѣла, порядки на хорошія.
Какъ многи-ти люди стали ёму завидовать,
Востроты-то съ красотой ёго съ великою.
Запросилсэ-то Жданъ-отъ всё царевиць-отъ:
„Ты спусьти-ко меня, матушка, на улочку
Посмотрять-то мнѣ хресьянскихъ малыхъ дѣтоцёкъ“.
Выпускала ёго матушка на улочку;
Говорятъ-то ребятка, ему вслухъ крыцятъ,
Ему вслухъ-отъ крыцятъ да посьмѣхаютце:
„Это вышолъ играть-то Жданъ-царевиць младъ;—
Ишше нѣту у ево всё рбдна батюшка,
И не знаютъ про то, у ево хто отець“.
Услыхаётъ вѣдь скоро Жданъ-царевиць младъ;
Какъ слова-ти ёму эти не пондравились;
Онъ тутъ много изобидѣлъ всё ребятушокъ,
Много, пожалуй, онъ до сьмерти убилъ.
Самъ приходитъ къ родимой къ своей къ матушки,
Самъ вѣдь слёзно, приходитъ, приросплакалсэ:
„Ужъ ты мила моя матушка, любимая!
Ужъ ты дай-ко, скажи мнѣ сушшу правду всю:
Ище хто у мня на свѣтѣ-то есь рбдной батюшко?“
Приросплакалась тутъ да дочь купеческа:
— Ужъ ты гой еси, моё да цядо милоё,
Цядо милоё моё да всё любимоё,
Ты прекрасна моя юноша, Жданъ-царевиць младъ!
Не могу я вѣдь сказать про то, повѣдати.
Я нигдѣ-то не была да никого не видяла.
Ты не бойсе студу-ту, не стыдись-ко ты;
Ты живи у насъ, торгуй на чёрныхъ карабляхъ.—
Говоритъ-то Жданъ-царевиць таковы слова:
„Не хоцю вѣдь у васъ жить во цюжомъ доми:
Этотъ домъ-отъ тебѣ, онъ—свой тебѣ,
А ужъ я пойду искать дому батюшкова“.

Тутъ заплакала она ипше пушше старого.
„Ай поѣду я, пойду въ чисто́ полё,
Я искать-то себѣ пойду поединшицька“.
Говоритъ-то ёму матушка таки слова:
— Я ночёсь мало́ спала, много во сьни видяла:
Ай вѣдь будто предлага́лъ мнѣ доброй молодець
Про твоё-то похожденьё богатырьскоё.—
Говорила тутъ ёму да ро́дна матушка:
— Ты пойдёшь-то, моё цядышко любимоё,
Ты придёшь когды во да́лече, во чисто полё,—
Тамъ стоитъ-то твой вѣдь до́брой конь во чисто́мъ поли,
Да стоитъ-то доброй конь, стоитъ Вороне́юшко:
Какъ узда-та на кони была красна золота,
Ишше латы-ти богатырьски у коня лежатъ,
И копьё-то брузаме́ньско въ земли воткнуто,
И сѣдёлышко цирка́льско тебѣ направлено,
Ище плётоцька шёлко́ва приготовлёна;
Ай уборъ-отъ на кони́-то красна золота,
А упружи́нки-ти были всё серебряны.—
Ай пошолъ-то тутъ у насъ доброй молодець
Да по имени Жданъ-цяревиць младъ;
Онъ приходитъ-то скоро во чисто́ полё.
Обнимаётъ ёго конь ногами всё переднима,
Говоритъ онъ язы́комъ человѣческимъ:
„Ужъ ты милой мой хозяинъ, Жданъ-цяревиць младъ!
Ты садись-ко на миня-то на добра́ коня,
Поѣжай-ко ты по по́лю всё по чистому“.
Ище сталъ-то доброй молодець всё поѣжживать,
Онъ тяжолу свою палицю сталъ помётывать;
Ницёго-то не наѣхалъ во чисто́мъ поли;
Онъ поѣхалъ подальше, искать онъ разныхъ го́родовъ.
Пріѣжаетъ ко городу къ незнакомому; —
Ишше дѣлаютъ всё стѣну городовую;
Тутъ наго́нёно народу-ту — цисла-смѣту нѣтъ:
Шьчо крѣпятъ они сьтѣну-ту сѣрымъ ка́менёмъ.
Сходилъ-то богатырь со добра́ коня,
Онъ вѣдь сталъ камешоцьками поигрывать,
Наносилъ онъ, наклалъ къ стѣны городовою,
Укрѣпилъ-то онъ стѣну городовую.
Ише вси-ти ему низко вси закланелись:
„Ты поди-ко-се, садись ты на мѣсто царё:
Въ нашомъ городи-то нѣтъ царя настояшшого“.

Онъ вѣдь самъ тутъ пора́то имъ не отказывалсэ:
— Я поѣду-ту, сьѣжжу ишше подальше тамъ.—
Прiѣжаетъ онъ тамотки въ другой же градъ,
Увидалъ-то онъ тамъ всё многи́хъ людей;
Онъ вѣдь сталъ-то про городъ-отъ выспрашиватъ:
„А какой-отъ этотъ городъ, есь ли царь-отъ тутъ?"
Отвѣчаютъ они ёму поучоному:
— Это царь, у насъ есь царь въ здѣшномъ городи.—
Говоритъ-то имъ скоро таковы слова:
„У царя-та вѣдь нѣтъ ли доц́ери родной?"
— Ишше есь у царя у насъ три доц́ери.
Онъ северьне, царь-отъ у насъ пиръ собралъ;
Выбираетъ такого онъ поединшицька:
„Скажутъ, ходитъ во цисто́мъ поли златорога лань:
Ище хто бы досталъ ту, доць бы отдалъ я".—
Онъ поѣхалъ-то скоро во чисто́ полё,
Онъ нашолъ-то вѣдь лань да златорогую,
Онъ привёлъ-то ей да ко двору къ царю;
Тутъ выходитъ вѣдь царь-отъ на красно́ крыльцо:
„Ты какой же наѣхалъ уда́лой доброй молодець?
Ты отдай мнѣ-ка лань-то златорогую;—
Надѣлю-ту я тебя наградушкой великою".
Говоритъ-то дородьней доброй молодець:
— Покажи-ко ты своихъ любимыхъ-то три доц́ери.—
Ишше скоро вѣдь царь ему показывалъ.
— Мнѣ ненадобно твоя-та доць вѣдь старшая,
Мнѣ ненадобно твоя всё доць середняя;
Ты отдашь токо за меня да всё меньшу́ю доць,
Всё меньшу́-ту вѣдь доць свою, красавицу?—
„Ты достань-ко ищё въ по́ли коня всё златогривого;
Я тогда-то вѣдь росстанусь со своей доц́ерью".
Поѣжалъ-то вѣдь Жданъ-отъ всё царевиць младъ,
Онъ вѣдь ѣздилъ во чисто́ поле трои сутоцьки,
Онъ нашолъ же коня-то златогривого,
Поима́лъ коня во пе́тёлку шолко́вую,
Ище той-ли его да ножкой правою;
Онъ прiѣхалъ къ царю-ту со добры́мъ конёмъ,
Со добры́мъ конёмъ прiѣхалъ съ златогривыимъ.
Отдаваётъ-то царь всё ему любиму доць,
Называетъ ёго вѣдь всё наслѣдьницькомъ:
„Какъ теперец́е мнѣ, видно́, замѣнушка;

Ты садись-ко, садись царёмъ на мѣсто ты,
Повладѣй ты моимъ да всимъ вѣдь царствомъ тутъ".

35.

Смерть царицы (Настасьи Романовны) [1].

(У матери).

Пріутихло, пріуныло море синеё,
Пріутихли, пріуныли рѣки быстрыя,
Пріутихли, пріуныли облака ходѣція:
Благовѣрная царица преставлялася.
Воску ярого свѣшша [2]) передъ ей да загорѣласе;
Передъ ей стоятъ два мла́дого два царевиця,
Да стоятъ они, слёзно уливаютце;
Во ногахъ сидитъ Настасья, доць царевна-то,
А сидитъ она, слёзно уливаитце.
Говоритъ-то царица православная:
„Ужъ вы гой еси, два мла́дого царевиця,
Двѣ мои-ли двѣ свѣшши да воску-яровыя,
Двѣ мои-ли двѣ верьбы̆ двѣ кудрёва́тыя,
Вы двѣ крўглы двѣ скацёны двѣ жимцюжинки,
И два руського два молодого, могуцёго бога́тыря!
Идите-ко, сходите ко Грозному царю,
Вы ко Грозному царю Ивану-ту Васи́льёвицю,
Къ своему-ли вы къ батюшку къ родимому:
Ише пусть же придётъ со мной проститисе".
Тутъ вѣдь мла́ды-ти царевицй не отслышилисе,
Да приходятъ ко батюшку къ родимому;
Они падали ко батю̆шкў ко рѣзвы́мъ ногамъ:
„Ужъ ты гой еси, батюшко родимой нашъ,
Ужъ ты Гро́зёнъ царь Иванъ Васильёвиць!
Ты поди-тко-се съ матушкой проститисе:
У насъ матушка родима преставлёитце".
Отвѣчаётъ-то Грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць,
Отвѣчаётъ онъ дѣто̆цька́мъ со всей грубости:
— Ужъ вы гой еси, мла́ды̆ мо̆й царевици!
Ужъ вы какъ да э̆то̆ дѣло, пришли, здумали, ко мнѣ?
Недосугъ мнѣ-ка итти съ нею проститисе.—
Какъ приходятъ съ отвѣтомъ къ ро́дной матушки,

---

[1]) Поется очень грустнымъ напѣвомъ. *Собир.*

[2]) На воздўсяхъ.

Ише къ той нашой царици православною.
Посылаётъ царица во второй ихъ накбнъ,
Посылаётъ царица во третёй ихъ во наконъ:
„Вы подите-ка, мла́ды мо̆й царевици,
Вы подите-тко, верьбы мои да кудреватыи!
Вы зовите-тко его да немедленно сюды.
Ужъ вы милыя мла́ды мо̆й цяревици!
Ужъ вы падайте ёму да во рѣзвы́ во ноги̂“.
Говорятъ опеть ёму таковы же рѣци:
„Ты пойди, пойди, батюшко;—проститце зовётъ“.
— Ужъ вы гой еси, мла́ды мо̆й цяревици!—
Онъ скрыцялъ на нихъ опеть да зыцьнимъ голосомъ:
— Недосугъ мнѣ-ка иттить мнѣ съ ей прощатисе:
Я сижу-ту за пи́сью, пишу грамотку,
Не перомъ я пишу, сижў, не цернилами,
Не по бѣлой по гербо́вой по бумажоцьки,—
Я по рыту пишу, сижу, по бархату,
Дорогимъ-то пишу я краснымъ золотомъ,
Я про земьлю пишу да Святоруськую,
Я про вѣру пишу да христіянскую,
Про солдатушковъ пишу да новобраныихъ.
Вы идите, два мла́дого два цяревиця,
Вы скажите цярици благовѣрною:
Я всецясъ-то приду съ нею проститисе.—
А приходятъ-то мла́дыи цяревици,
Росказали родимой своей матушки;
Отьпирали всё полаты двери на́ пяту;
Заходитъ-то Гро́зёнъ Иванъ Васильёвиць,
Онъ приходитъ ко царици благовѣрныя,
Говори́тъ-то ей слово со всей грубости:
„Ты пошьто́ зовёшь, царица благовѣрная?“
Воспрого́воритъ царица благовѣрная:
— Ужъ ты гой еси, Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць!
Блӑго̆слови-тко мнѣ да слово вымолвить,
Слово вымолвить мнѣ, рѣци повыполнить,
Шьто безъ той мнѣ бесъ казени безъ скорыя,
Шьто безъ той мнѣ безъ сабельки безъ вострыя,
Шьто безъ той-ли безъ ссылоцьки безъ дальнія
Да безъ той-ли безъ насмѣшоцьки великія.—
„Говори-ко-се цярицяя, шьто тибѣ̆ надобно“.
— Будь ты доброй, будь ты смирной, будь ты ми́лосливо̆й
До своихъ-то до мла́дыхъ двухъ цяревицей;

Ты ишшé же будь доброй, кроткой, мйлосливóй
До своей-то до млáдой до царевны-то,
Шьто до той же до Настасьи до Ивановны;
Да ишшé ты будь вѣдь доброй, будь ты милосливой
До солдатушковъ да новобраныихъ,
Да ишшé ты будь доброй, будь ты милосливой
Ты до вдовъ-то бѣдныхъ, малыхъ дѣтоцёкъ ихъ.—

36.

Кострюкъ.

(У дяди Ефима).

Да во славномъ было городи во Кіѐви,
Шьчо во матушки-то было камяннóй Москвы,
Ише пó небу было всё по ясному
Да по воздуху было по небесному,
Тамъ вѣдь мелки цясты звѣздочьки просвѣтили:
По чисту́ полю бояра всё розьѣжалисе.
Да задумалъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильѐвиць,
А задумалъ-то всё да онъ женитисе,
Онъ не въ матушки задумалъ въ камяннóй Москвы,
Онъ во той-ли задумалъ проклятóй Литвы
У того-ли Небрю́ка-та всё Небрю́ковиця—
Да на той-ли на Марьи всё Небрюковны.
Ише скоро-то Грозной царь Иванъ Васильёвиць,
Ише скоро-то онъ всё сряжаитьце,
Поскорѣ-то онъ того всё отправляитце,
Онъ берётъ съ собой бога́тыря могуцёго,
Онъ того берётъ Дуна́юшка сына Ивановиця;
А поѣхали дородьни добры молодцы;
Пріѣжаютъ во земьлю во невѣрную
Ко тому-ли королю-ту Небрюку всё Небрюковицю.
Говоритъ-то Дунаюшко таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, король Небрюкъ Небрюковиць!
Мы пріѣхали къ тебѣ, да не гостить къ тебѣ
Мы пріѣхали къ тебѣ да всё какъ сватазтьце
За того-ли я за Грозного царя Ивана Васильёвича
Я твоей-то на любимоя на доцери
Шьто на той-ли на Марьи всё Небрюковны.
Да отдай-ко ты Марью всё Небрюковну;
Ише дай-ко приданого телѣгу красна золота,
Да другу́-то ты дай да циста сéребра

Да третью́-ту ты дай да скатна жемцюга".
Отдаваёть тутъ Небрюкъ да всё Небрюковиць
Да свою-ту онъ Марью-свѣтъ Небрюковну
Да за Грозного царя Ивана за Васи́льёвича,
Да давать три телѣги всё приданого:
Шьто перву́-ту телѣгу съ краснымъ золотомъ,
Да другу-ту телѣгу съ цистымъ сёребромъ
Да третью́-ту телѣгу скатна жемцюгу;
Да отправилисе въ матушку въ каменну́ Москву.
Онъ вѣдь звалъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць,
Своёго-то онъ звалъ тестя́ любимого,
Онъ вѣдь звалъ королову-ту, свою-ту тёшиньку любимую:
„Проводите вы Марью всё Небрюковну
Какъ до матушки-то вы до камянно́й Москвы;
Посмотрите у мня матушки славной камянно́й Москвы,
Посмотрите у мня да церьквей Божьихъ-то,
Посмотрите у мня да кнезьёй, бо́яровъ,
Посмотрите могуцихъ руськіихъ богáтырей".
Отказались они, да всё не ѣдутъ тутъ;
Нахвалилсэ ёго шуринъ любимой-отъ,
Ише тотъ любимой Кострюкъ Небрюковиць:
„Ужъ ты ой еси, батюшко родимой мой,
Ише тотъ-ли король Небрюкъ Небрюковиць!
Ты спусьти-ко миня съѣздить на святую Русь,
На святую меня Русь, съѣздить въ матушку камянну́ Москву —
Проводить-то мнѣ любиму свою сéстрицю,
Посмотрять ихныхъ могуціихъ богáтырей".
Они скоро-то тутъ да вси поѣхали;
Да пріѣхали они-то всё во матушку въ славну камянну́ Москву.
Тутъ вѣдь скоро зазвонили въ большой колоколъ,
Да запѣли обѣдьни Херуимскія
Ише всё-то попы, попы соборныя;
Ише скоро тутъ вѣдь повели ихъ во Божью́ церьковь,
Привели-то Марью-ту Небрюковну во вѣру-ту крешшоную,
Во крешшону ей вѣру, въ православную;
Они стали держать-то по злату вѣньцу,
Принимать-то они да законъ Божій тутъ.
Посьлѣ етого у ихъ пошолъ поцесёнъ пиръ,
Да поцесёнъ-отъ пиръ пошолъ на весь вѣдь міръ:
Шьчо въ перьвыхъ-то пошло на кнезей, на бо́яръ-то,

Ише на тѣхъ-ли на купцей да на богатыихъ,
Шьчо на руськiихъ могуцихъ всё богáтырей;
А богáтырей-то право не погодилосе,
Шьчо могуцiихъ, удалыхъ ихъ не слуцилосе;—
Собиратъ на бѣдныхъ, на прожи́тосьнихъ хресьянушокъ,
Не оставляётъ на радости ише бѣдныхъ вдовъ,
Не оставлятъ онъ сиротьскихъ всихъ малыхъ дѣтоцёкъ.
Какъ пошолъ у ихъ поцёсёнъ-отъ пиръ навесели;
Ише свѣ́тёлъ-отъ день пошолъ ко вецёру,
И какъ красноё солнышко всё ко западу.
Грозной-отъ царь да Иванъ Васильёвиць
Со своей-то съ кнегиной, молодой жоной
По полатамъ бѣлокамянныимъ похаживатъ,
Говоритъ-то онъ самъ да таковы рѣци:
„Ише вси у мня сидятъ да на пиру-ту всё,
Ишше всѣ у мня сидятъ-то вѣдь пьютъ всё, кушаютъ,
Ишше бѣленьку лебёдочку всё рушаютъ;
Да сидитъ только любимой-отъ, милой шуринъ мой
Ише тотъ-ли Кострюкъ-отъ сидитъ Небрюковичъ,
Онъ (sic), сидишь ты пошьтó у мня, всё не кушаёшь,
Ишше бѣленькой лебёдочки всё не рушаёшь?
Ишше мѣсто тибѣ разьвѣ не по разуму,
Или кушаньё моё тибѣ не по совѣсьти,
Али царой-то тебя разьвѣ обнесли у мня,
Али хто-небудь ужъ разьвѣ вѣдь надьсмѣхаитьце?“
Тутъ вѣдь скоро-то шуринъ ему отвѣтъ держалъ,
Отьвѣчаётъ скорó всё Кострюкъ Небрюковичъ:
— Ужъ ты Грозной царь же Иванъ Васильёвичъ!
По уму-ту мнѣ мѣсто твоё, по разуму,
Всё вѣдь кушаньё твоё по удовольствiю,
Ише царочкой меня не обнесьли нехто,
Какъ невѣжа надо мной-то не надьсмѣяласе;
Я сижу у тибя, объ томъ призадумалсэ:
Ише хочитцэ мнѣ бы попотѣшитце,
Попотѣшитце мнѣ бы, всё позабавитце;
Ты какъ дай луцьше могуцёго сильнёго богáтыря,
Мнѣ-ка дай-ко-се съ имъ-то поборотисе.
Посмотри вѣдь ты, царь, самъ со царицою
На мою всё поступочку богатырьчкую.—
Ише тутъ Грóзёнъ царь Иванъ призадумалсэ,
Призадумалсэ тутъ-то онъ, приросту́жилсэ,
„Непошьтó убьётъ могуцего у мня сильнёго богáтыря!“

Выходилъ-то Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичъ,
Выходилъ-то онъ скоро всё на широкой дворъ;
Онъ берётъ въ бѣлы руцюшки золоту трубу,
Затрубилъ-то онъ какъ всё въ золоту трубу.
Ишше нѣту могуцихъ сильнихъ богатырей,
Ишше нѣту-ту, всё да прирозъѣхались;
Какъ выскакивалъ одинъ бѣдной богатырь тутъ,
Онъ вѣдь бѣдненькой, все самъ нездоровенькой,
Ишше по имени-то Хроменькой Потанёчка;
Ишше хроменькой Потанёчка, нездоровенькой,
Онъ сутулъ, всё горбатъ, онъ былъ напередь покляпъ,
Онъ на праву-ту ноженьку всё припадывалъ,
На лѣву-ту ту, онъ ножочькой подковыривалъ,
По пережиму-ту былъ самъ пережимистой [1]);
Ай онъ силой былъ несильнёй, всё напускомъ смѣлъ.
Говорилъ-то онъ всё Грозному царю Ивану-ту Васильёвичу:
„Ужъ ты гой еси, Грозной царь Иванъ Васильёвичъ!
Я уважу Косьтрюку-ту хошь я въ первой разъ,
Я уважу Косьтрюку-ту во второй хошь разъ,
Я уважу Косьтрюку-ту во третей-отъ разъ.
Не пецялуйсе ты, Грозной мой славной царь:
Шьто Потанюшки мнѣ-ка смерть не писана“.
Да пошли они могуци всё на широкой дворъ;
Да выскакивалъ Косьтрюкъ-Небрюкъ церезъ дубовой столъ;
Уронилъ-то онъ вѣдь сорокъ-то князьей, бояровъ:
Не убилъ хошь до смерти, да досадилъ онъ имъ.
Выходили тутъ Грозной царь Иванъ Васильёвицъ
Со царицой-то со Марьей всё Небрюковной
Посмотрять-то на могуцихъ на двухъ богатырей.
Да Потанюшка-та бѣдной всё поддаваитьце,
Поддаваитьце Потанюшка всё до трёхъ же разъ;
Всё кинатъ его Кострюкъ-отъ всё Небрюковицъ
Грозёнъ царь Иванъ Васильёвицъ стоитъ невесёлъ тутъ,
Шьчо невесёлъ стоитъ, стоитъ всё нерадосьнёй;
Онъ повѣсилъ буйну голову всё съ могуцихъ плець,
Онъ потупилъ очи ясны во матушку сыру земьлю,
Прокатились горюци-ти всё вѣдь слёзы изъ глазъ.
Ишше Марья стоитъ-то да всё Небрюковна,
Она весёло стоитъ, да всё вѣдь веселёхонька:
Не жалѣтъ она Потанюшки бѣдного Хромого,

[1]) По животу тоненькой.

Шьчо жалѣтъ она своёго-та брата рόдного
Шьчо того-ли Косьтрюка-та всё Небрю́ковиця.
Какъ во ту-ту [1]) было да всё во то время,
Увидалъ бѣдной Потанюшка-та всё Хроменькой
Какъ своёго-та царя-надежду бѣлого,
Онъ того-ли Ивана всё Васильёвиця,—
Шьто слезитъ-то онъ свои да оци ясныя,
Онъ жалѣтъ всё Потанюшку-ту всё Хрόмого,—
Говоритъ-то Потанюшка таковы рѣци:
„Ужъ ты милой мой, ты всё Грозной царь,
Ужъ ты свѣтъ, ты государь Иванъ Васильёвиць!
Благослови-ко ты мнѣ-ка хоть слово вымолвить,
Слово вымолвить мнѣ да рѣци выполнить,
Ты бесъ той мнѣ бесъ казьни бесъ скорыя,
Ты бесъ той мнѣ бесъ сабельки безъ вострыя,
Ты бесъ то́й мнѣ надьсмѣшецьки великія:
Ты ищё благослови миня Косьтрюка побороть,
Побороть-то вѣдь мнѣ ёго всё вѣдь похорошому“.
Говоритъ-то вѣдь Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць:
— Тебѣ Бохъ благословитъ, Потанечка Хроменькой,
Ище хроменькой ты, бѣдной, нездоровенькой!
Побори Косьтрюка-та, да какъ тибѣ хочитце,
Ище хочитце какъ-то да какъ вѣдь я велю;
Пропусьти ету славушку по столичному по славному по городу,
Какъ по матушки по нашой по камяннόй Москвы.
Ты не мошь ли съ ёго хошь бы платьё цвѣтно содрать,
По Москвы ёго по городу спустить нáгого?—
Онъ вѣдь выслушалъ рѣци-ти скоро отъ царя-та всё;
Поступилъ-то Потанюшка всё скорёхонько,
Онъ вѣдь бралъ-то ёго скоро за праву руку́,
Онъ бросалъ-то къ собѣ онъ на ножку правую,
Онъ выки́нывалъ ёго вверьхъ высокохонько:
Онъ пониже вѣдь облаку всё ходецёго,
Онъ повыше его всё лѣсу́ стоящёго,
Онъ вѣдь выше дворьця-та всё государёва;
Онъ спускалъ Костьтрюка-та всё па сыру землю,
Подхватилъ онъ его къ себѣ на бѣлы́ руки,
Обрывалъ у его-то всё платьё цьвѣтноё,
Онъ спускалъ же ёго-то всё по святой Руси,

[1]) Пропущено: пору. *Собир.*

По святой Руси спускалъ всё по камянной Москвы,
Онъ вѣдь нáгого спусьтилъ всё ёго бóсого.
. . . . [1].
Ише Марья-та Небрюковна приросьплакалась;
А Косьтрюкъ-отъ идётъ, слёзно уливаитьце:
„Шьто не дай Бохъ бывать больше на святой Руси,
Какъ во славной-то матушки въ камянной Москвы,
Да не дай Бохъ видать мнѣ руськихъ сильнiихъ,
Руськихъ сильнихъ, могуцихъ мнѣ богáтырей!“
Тутъ вѣдь Косьтрюкъ Небрюковиць
Прибѣгаетъ ко дворьцю скоро къ восударьскому,
Онъ крыцялъ-то, зычáлъ своимъ зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ ты ой еси, сéстриця родимая,
Ты родима моя сéстриця любимая,
Ужъ ты Марья, ты всё да свѣтъ-Небрюковна!
Ужъ вы дайте-ко своё хошь какó-небудь платьё цьвѣтноё,
Прiукройте-тко моё вы всё тѣло нáгоё;
Вы подайте-ко моёго всё коня доброго“.
Ише скоро тутъ Марья Небрюковна-та одѣвала ихъ;
Ише тутъ-то былъ не Косьтрюкъ не всё Небрюковиць.
Ишше сказыватъ Марья всё Небрюковна
Своёму-ту Грóзному царю Ивану всё Васильёвицю:
„Ужъ ты дай-ко-се мнѣ въ роспореженьицё, Грозной царь Иванъ Васильёвиць,
Запрети всёго народа православного,
Не смотряли шьчобы на моёго-та братолка любимого,
Не смотряли шьчобы, не грáяли.
Прiобдѣну сама я бѣдного нáгого“.
Прiобдѣла его-то да всё вѣдь нáгого.
Запретили многи, людей добрыхъ всѣхъ,
Не смотряли шьчобы люди, не видѣли.
Уѣжалъ-то онъ скоро со студу-ту со великого,
Къ своёму-ту уѣжалъ-то къ отцу къ матушки,
Да къ тому-ли королю всё Небрю́ку Небрюковичу;
Онъ слезьнёшенько тутъ у ихъ приросплакалсэ,
Онъ родителямъ своимъ Косьтрюкъ пророжалилсэ:
„Не поѣду я вѣдь больше на сьвятую Русь
Къ своёму-ту любимому всё вѣдь къ зятю-ту,
Я къ тому-ли къ Ивану-ту ко Васильёвицю,
Я къ своей-то вѣдь Марьи-то всё Небрюковны!

[1] Женшина—бѣжитъ да прикрываитьце.

Хороша у ихъ матушка камяннá Москва,
Хорошо-то у ихъ всё изукрашона;
Только тѣмъ у ихъ худо-то на сьвятой Руси,
На сьвятой-то Руси, въ матушки всё въ камяннóй Москвы,
Шьчо богáтыри у ихъ всё живутъ присильнія,
Шьчо вѣдь сильни богáтыри всё бестыдныя:
Обдирали миня-то да всё вѣдь дó нага“.

37.

Иванъ Грозный и его сынъ [1]).

(У старушки Прасковьи Ивановны, умершей лѣтъ 30 тому назадъ).

Ай мнѣ сьпѣть мнѣ-ка старúнушку старинную,
Шьто старинную старинушку, бывалую
Про того-ли сьпѣть царя, царя москоського,
Про Ивана-та сьпѣть всё прó Васильевича.
Какъ во матушки-то было въ камяннóй Москвы,
А у Грозного царя было у Ивана-свѣтъ Васúльёвича,
Заводилась у евó бесѣдушка всё тихая,
Ай вѣдь тихая бесѣдушка смиренная;
Тутъ вѣдь заводилсэ у царя-та всё поцесёнъ пиръ,
Поцесёнъ-отъ пиръ да тутъ на весь на міръ:
Ай на тѣхъ-ли на князьей, гостей торговыихъ,
Ай на сильнихъ на могуціихъ богáтырей;
Ай вѣдь вси тутъ на пиру-ту напивалисе;
Пьютъ они, ѣдятъ, да сами кушаютъ,
Ай вѣдь бѣлиньку лебёдочку всё рýшаютъ;
На пиру-ту они всѣ-то, всѣ захвастали;
Ай богатой-отъ хвастатъ золотой казной,
Какъ богáтырь-отъ хвастатъ могучóй силой,
Ай какь глупой-отъ хвастатъ молодой жоной,
Ише мудрой-отъ хвастатъ всё родной сестрой.
Говоритъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвичъ,
По полатушки-то самъ-собой похаживатъ:
„Мнѣ похвастать разьвѣ мнѣ, да цáрю Грозному,
Я могу-то, всё могу да я похвастать-то;
Ненапрасно буду хвастать, такъ я зьдѣлаю:
Я повыведу измѣну исъ Чернигова,
Я повыведу измѣнушку исъ Кіева,

[1]) По словамъ А. М. Крюковой, эту старину почти такъ же поютъ и въ Золотицѣ. *Собир.*

Я повыведу измѣнушку изъ матушки исъ камяннóй Москвы“.
Говорятъ ёму смѣлы́ [1]) да всё сьмѣлёшенько,
Не боятьце-то Грознóго-то царя всё бѣлого,
Говорили-ти князья всё во одно слово:
— Ужъ ты гой еси, нашъ Грозной царь Иванъ Васильёвиць!
Ты не выведёшь измѣнушку изъ Новгрóда,
Не вывесьти измѣнушки тебѣ исъ Кiева.
Да не вывесьти тибѣ изъ матушки исъ камяннóй Москвы;
Ише тотъ у насъ, у насъ выведётъ измѣнушку,
Шьчо вѣдь выведётъ да изъ Новгрóда,
Онъ повыведётъ у насъ да всё исъ Кiева,
Онъ повыведётъ у насъ изъ матушки исъ камяннóй Москвы—
И которо-то вѣдь цядышко твоё любимоё:
Онъ теперь вѣдь всё подлѣ тобя сидитъ,
Ише тотъ-ли младъ Ѳёдоръ-отъ Ивановичъ.
Не потухнётъ-то свѣшша вѣдь наша воску-ярова;
Ай на комъ загоритъ наша свѣшша-та воскоярова,
Зацаритъ у насъ царёмъ вѣдь Ѳёдоръ, всё царевиць младъ,
Ай царевиць младъ Ѳёдоръ-свѣтъ Ивановиць;
У насъ всё тогда въ Москвѣ-то будетъ похорошому.
Розгрубилось у царя-то ретивó серьцо,
Ретиво ево серьцо, всё кровь горячая;
Выбѣгаетъ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць,
Выбѣгаетъ онъ скоренько на краснó крыльцё,
Онъ крыцитъ-то своимъ да зыцьнимъ голосомъ:
„Вы бѣгите, вы идите ко мнѣ вы крутёхонько,
Палачи вы всѣ мои всё немилóсьливы“.
Палачи-ти всѣ вѣдь тутъ да испугалисе,
По домамъ они скоренько розьбѣгáлисе,
На крѣпки́ они замки всё замыкалисе;
Только тутъ не убоялсэ единъ онъ тутъ,
Ай по имени Малю́та сынъ Скурлáтьевъ былъ.
Ёнъ бѣжитъ-то всё къ царю всё не съ упáдкою:
Почему ты эдакъ каркашь, ты всё Грозной царь,
Ище Грозной ты царь Иванъ Васильевичъ?
Ты крыцишь-то, ты крыцишь да непопутьнёму“.
Говоритъ-то Грознóй царь Иванъ Васильёвичъ:
— Ты поди, поди, Малюта всё Скурлятовъ ты,
Ты поди прямо въ полаты ко мнѣ царьскiя,
Ты бери, бери единую жемцюжину,

1) Вмѣсто „смѣлымъ“. *Собир.*

Ты еди́наго моёво цяда милого
Шьчо по имени Ѳёдора Ивановича;
Ты возьми поди ево за ручѐньку за правую,
Поведи ево на по́лё на Кули́ково,
Ойми́-ко ты со спички саблю вострую,
Отсѣки по плець его да буйну голову,
Принеси ко мнѣ всё сабельку кровавую.—
Онъ вѣдь бралъ сво за руцѐньку за правую.
Ай приходитъ скоро царь въ полатушки свои во царьскія,
Ай во царскія полаты бѣлокамянны;
Тутъ заплакали многи́ да люди добрыя,
На пиру-ту всѣ князья да всѣ вѣдь бо́яра:
„Шьчо потухла-то свѣшша вѣдь воскуярова,
Укатилась скацёна́ наша жемцюжинка,
Ай не стало-то на царсьви вѣдь царевиця
Ай того-ли Ѳёдо́ра у насъ Ивановича!“
Надѣвали тотъ народъ, да люди добрыя
Они чёрное всё платьичо, печальнёё.
Ай во ту-ту вѣдь пору́ было́, во то время,
Увидалъ-то тутъ какъ всё вѣдь изъ окошоцька
Любимой-отъ ево, всё милой дядюшка
Ишше тотъ-ли князь Никитушка Романовиць;
Онъ не самъ хошъ увидалъ, да услыхалъ-то онъ:
Донесьли-то ему да кня́зья, бо́яра.
Отдавалъ онъ молодого-то взамѣнъ своёго ключничка,
Отнималъ-то онъ любимого племянницька,
Шьчо того-ли онъ Ѳёдора Ивановича;
Онъ берётъ ево за ручѐньку за правую,
Онъ чѣлуётъ всё въ ево уста саха́рныя:
„А вѣдь тотъ-ли вамъ кусъ да не вамъ кушати!“
Отсѣкали-то у мла́дого у ключьницька,
Отсѣкали-то ево да буйну голову,
Привезли ко царю саблю́ кровавую.
Воротилъ-то дядюшка племянницька,
Онъ избавилъ-то его отъ сьмерти скорыя,
Онъ отъ скорой ево сьмерти отъ напрасно́ю.
Собираётъ князь Микитушка Романовичъ,
Собираётъ для племянничка почесёнъ пиръ;
Всё палитъ-то онъ исъ пушокъ беспрестанно тутъ,
Какъ изъ мелкого ору́жья безуты́шно-то.
Ай у Грозного царя Ивана-та Васильёвича
Ище пушки у ево всё—непостарому,

Шьчо изъ мелкого оружья обсѣкаитьце;
Посылать-то онъ скорйхъ пословъ скорёхонько:
„Вы зовите моево вы шурина,
Моево вы шурина любимого,
Вы того зовите-ко Микиту всё Романовича:
Онъ вѣдь пусьть придётъ, меня въ печали-то посмотритъ-то,
Онъ посмотритъ меня да посѣтитъ пушшяй“.
Тутъ приходятъ къ ему да такъ скоры́ послы:
„Ты пойдёмъ, пойдёмъ, Микита-князь Романовичъ!
Ай зовётъ нашъ Грозенъ царь Иванъ Васильёвичъ“.
Тутъ пошолъ-то онъ да такъ скорёшенько;
Приходитъ онъ ко Грозному царю Иванъ-Васильёвичу.
Говоритъ-то Грозной царь Иванъ Васильёвиць:
„Шьчо же милой ты, любимой мой ты шуринъ-отъ
Ай-ли тотъ-ли Никита-свѣтъ Романовиць!
У тя пушки-ти палятъ да всё постарому,
Всё постарому палятъ у тя, попрежному,
А изь мелка оружья́ не обсѣкаютце;
Ты не знаёшь про меня разьвѣ незгодушки,
Про моёго ты про мла́дого царевиця,
Про того-ли ты про Ѳёдора Ивановича?
Какъ одна была у мня скачёная жемчужинка,
А одна была сналйвна сла́дка ягодка;
Ай свалиласе у мня да укатиласе —
Шьчо единъ-отъ у меня да сынъ любимой мой,
Ишше тотъ-ли у мня Ѳёдоръ-отъ царевиць мла́дъ,
Шьчо царевиць у мня младъ да свѣтъ-Ивановиць!“
Говоритъ-то ёму шуринъ-отъ любимой-отъ
Ише тотъ-ли Никита-свѣтъ Романовиць:
— У миня-то, всё любимой ты вѣдь зеть ты мой,
У мня всё идётъ постарому, попрежному,
У мня всё-то дѣло дѣлаитце подосе́льнёму:
Ай поцёсёнъ у мня пиръ идётъ навесели,
Шьчо навесели идётъ у мня на радосьти;
Безутышно мы палимъ да въ пушки всё,
У мня мелко оружьё не обсѣкаитьце;—
Шьчо прїѣхалъ вѣдь ко мнѣ всё небывалой гось,
Небывалой ко мнѣ гось да долго-жда́ной-отъ
Шьчо по имени вѣдь Ѳёдоръ-свѣтъ Ивановиць,
Ай любимой мой милой всё племяньницёкъ.—
Говоритъ-то Грозенъ царь Иванъ Васильёвиць:
„Ты любимой мой, ты шуринъ, ты Никита-свѣтъ Романовиць!

Ай обрадовалъ теперь моё да ретиво́ серьцо,
Воротилъ ты у миня сына единого,
Ай того ли у мня мла́дого царевиця
Ай по имени Өёдора Ивановиця,
Дорогую ты мою круглу жимцюжинку,
Виноградную налйвну, сладку ягодку,
Мла́дого ты Өёдора-царевиця!“ [1])

38.

Смерть Ивана Грознаго [2]).

(У своего двоюроднаго брата, племянника матери, родомъ изъ с. Стрѣльны).

Ише было-то во матушки во нашой въ каменно́й Москвы,
Какъ у насъ во дворьци у царя бѣлого,
Царя Грознаго Ивана у Васильевиця:
Приходила тутъ ему да скора смерть,
Скора-та смерть-матушка престрашная.
Ише сталъ-то онъ Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ понема́гивать,
Розболѣлсэ-то онъ тутъ скоре́шенько.
Въ головяхъ-то у ёго стоитъ Өёдоръ-отъ царевиць младъ,
Во ногахъ-то сидитъ Настасья-царевна;
Сидятъ они, слёзно уливаютце.
Говоритъ имъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ:
„Ужъ ты милой мой младой царевиць, младъ!
Какъ когда-то я помру, да когды Богъ велитъ,
Вы поло́жьте-тко мнѣ-ка въ гробъ-отъ, мнѣ,
Положьте-ко вы да мой-отъ стра́шонъ мець;
Понесутъ-то моё да тѣло бѣлое,—
Православны-ти люди всё ужа́хнутце,
Вси солдатушки тутъ да прирослацютьце.
Хошь и звали меня да всё я—Грозной царь,
Пожалѣютъ-то меня да вси солдатушки:
Какъ до ихъ-то я былъ, да всё не грозной былъ,
Всё не грозной былъ, да всё я милосьливъ,
Всё я милосьливъ да всё я жалосьливъ“.
Какъ во ту пору было́, во то время,
Понесли царя да во Божью церьковь.
Вси идутъ солдаты, слёзно пла́цютъ-то,

[1]) Послѣдній стихъ А. М. Крюкова добавила словами. *Собир.*

[2]) А. М. Крюкова не могла опредѣлить навѣрное, старина ли это, или пѣсня. *Собир.*

Во полкахъ солдаты прицитаютъ тутъ.
Какъ единъ солдатъ-отъ на цясахъ стоялъ,
На цясахъ стоялъ да слёзно плакалъ онъ;
Какъ ударили да въ большой колоколъ,
Говорилъ солдатъ да таковы рѣци:
„Росьпрекрасно ты да моё дёревцё,
Моё деревцё да кипарисноё;
Ужъ ты ягодка моя смородинка,
Виноградная да моя сладкая!
Ты когды росла да когда вызрѣла,
Во каку пору да ты повыросла,
Во како́ же лѣто ты повы́здрѣла?
Ты розы́ньсе-ко да мать сыра земля!“
Онъ приплакиватъ, самъ выговариватъ:
„Ты роскройсе-ко, да дорога парця!
Ты востань-ко, сѣдь, да православной царь,
Православной царь да царь ты бѣлой нашъ,
Царь ты бѣлой нашъ Иванъ Васильёвиць!
Ты востань, востань да ко солдату мнѣ,
Ко солдату мнѣ всё къ новобраному;
Посмотри-ко ты да на солдатика:
Во слёзахъ стою да слово молвлю я,
Въ возрыданьици да рѣць гово́рю я;
Какъ реву-ту я, да какъ рѣка течётъ,
Говорю-ту я, да какъ вѣдь громъ гремитъ.
Ужъ ты стань, востань да посмотри на насъ,
Посмо́три на насъ да ты на тѣ полки,
Шьчо на тѣ полки всё на солдацькія,
На свою-то ты да на арьмéюшку:
Хорошо у тя они уря́жоны;
Они вси у насъ да во фрунту́ стоятъ,
Они вси стоятъ да оружьи́ дёржа́тъ,
Оружья́ держатъ да во своихъ рукахъ,
Во своихъ рукахъ да по своимъ полкамъ,
По своимъ полкамъ да по уце́ньицямъ,
По уце́ньицямъ—да ко войны́ уцятъ,
Ко войны уцятъ, да во походъ пойдутъ,
Во походъ пойдутъ,—да они вси ревутъ:
Споминаютъ всё да царя бѣлого,
Шьто того-ли царя Ивана да Васи́льёвиця“ [1]).

[1]) Записано со словъ, такъ какъ сказательница не рѣшилась пѣть эту старину, говоря, что не совсѣмъ хорошо ее знаетъ. *Собир.*

39.

Смерть Михайлы Скопина [1]).

(У дяди Ефима).

Поѣжаетъ Скопи́нъ-отъ, да князь-отъ Михайло Васи́льёвичъ,
Поѣжаетъ Скóпинъ-отъ за Москву-рѣку.
На наказываетъ Скопи́ну-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жона:
„Ужъ ты душенька Михайло да ты Васильёвичъ,
Ужъ ты тотъ-ли князь да Скóпинъ-отъ!
Ты не ѣзьди, Скопи́нъ, да за Москву-рѣку:
Тамъ поставятъ тебя-то—вѣдь не на пиръ зовутъ,
Не на пиръ тибя зовутъ-то, не пировать съ тобой,
Они тебя—держать всё хресьника
У того-то у князя у московського.
Ты одёржишь своёго хошь воспріемьника“,—
Говоритъ ёму родна-та да ево матушка,—
„Ты не пей-ко-се, у ихъ да зелёна́ вина,
Ты не кушай-ко у ихъ всё ѣсвы саха́рныя:
Да уходитъ тебя кума, да доць Малю́тьёва“.
Онъ не слушаётъ наказу-ту рóдной матушки,
Рóдной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поѣжаётъ-то Скóпинъ-то-князь Михайло-свѣтъ Васильёвичъ,
Онъ берётъ, берётъ коня-та всё богатырьского,
Онъ уѣхалъ за матушку за́ Москву-рѣку.
Пріѣжаетъ ко князю-ту ко московському;
Да стрѣчяютъ Скопина́-та князя Михайла Васильёвича,
Да стрѣчаютъ ево на широкой свѣтлой улици,
Приглашаютъ ево всё почéсёнъ пиръ;
Да идётъ-то Скопи́нъ-князь Михайло Васильёвичъ,
Онъ идётъ-то да ничево-то всё не думаётъ;
Одёржалъ же онъ своего всё воспріемника.
Собираётъ князь на радосьти тутъ почесёнъ пиръ,
Онъ почесёнъ-отъ пиръ да онъ на весь на міръ:
На своихъ-то на князьёй да онъ на бóяровъ,
Для того-то собиратъ больше Скопина́-кума́,
Для того-ли-то князя Михайла Васильёвича,
Да садитъ онъ ево всё во большó мѣсто,
Во большó ево мѣсто да ише всё къ собѣ.

---

[1]) Поется быстрѣе другихъ старинъ. М. С. Крюкова (II) говорила, что эту старину поютъ и въ Зимней Золотицѣ. *Собир.*

Ише тутъ вѣдь бояра всё зло подумали;
Розговорили они да всё княгиню тутъ,
Насыпали въ стоканъ ёму зелья лютого;
Подносила кума всё ему крестовая.
Выпиваётъ Скопинъ, ничево не думаётъ;
Загорѣло у ево скоро ретиво серьцо;
Выходилъ-то онъ вѣдь скоро исъ цёсна пиру,
Говорилъ-то онъ кумы-то своей крестовою:
„Ужъ ты гой еси, кума ты моя крестовая!
Опоила ты, всё ты меня, безбожниця,
Опоила меня ты да зѣльёмъ лютыимъ,
Ты злодѣйка-кума, ты да зьмѣя лютая,
Зьмѣя лютая ты, да дочь Малютина,
Доць Малютина ты, да всё Скурлатова!
Отьвези ты миня, да кумъ крестовой мой,
Ко своей-то [1]) отьвезти меня къ рòдной матушки.
Ишше я-то на васъ-то да зла не думаю:
Уходила миня кума-злодѣйка зла,
Да злодѣйка-та зла, да доць Малютина".
Уѣжаётъ онъ скоро да къ рòдной матушки,
Къ родной матушки, къ своей-то онъ къ молодой жоны;
Ише тутъ-то заходитъ-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да онъ ко матушки.
Онъ зашолъ-то самъ слёзно да уливаитце,
Онъ всемірно во своихъ грѣхахъ всимъ онъ каелса,
Ище тутъ-то зъ души онъ скорó представилсэ:
Да згорѣло у ёго-то тутъ ретиво серьцо.

40.

Осада Соловецкаго монастыря [2]).

Во Москвы-то было, во царьсви,
Во прекрасномъ восударьстви,
Переборъ-то былъ боярамъ,
Пересмотръ-отъ былъ воеводамъ.
Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту непростого —

[1]) Т. е. моей, Скопина. *Собир.*
[2]) По словамъ А. М. Крюковой, эта старина—„запрещенная". *Собир.*

Ево роду же непростого:
Изъ боярь князь-Салтыкова.
Воспроговорить-то восударь-царь нашъ.
Алексѣй-сударь свѣтъ-Михайловиць:
„Ужъ ты гой еси, воевода!
Я пошлю тибя, воевода,
Ко манастырю святому
Ко игумену честнóму:
Стару вѣру-ту порушите,
Стары книги исприбите,
На огни вы вси сожгите".
Воспрогóворить воевода:
—Ужъ ты гой ёси, государь-царь нашъ,
Волексѣй ты судáрь-Михайловиць!
Какъ нельзя-то думой подумать
На святó вѣдь на это мѣсто,
На прекрасною кенорію,
Шьчё на свѣтовъ-то преподобныхъ
Соловецькихъ вѣдь цюдотворьцевъ.—
Воспрогóворитъ осударь-царь нашъ
Алексѣй-отъ судáрь-Михайловиць:
„Ужъ ты гой еси, воевода!
Прикажу я тебе казнити,
Руки, ноги же отпилити,
Буйну голову отрубити".
Воевода-та испугалсэ,
Самъ слезами же обливалсэ:
—Ужъ ты гой еси, государь-царь нашъ
Алексѣй же судáрь-Михайловиць!
Погоди ты миня пилити,
Ужъ (м)нѣ дай рѣць говорити:
Мнѣ-ка дай же ты силы много,
Мнѣ стрѣльцовъ, борьцóвъ, салдатовъ.—
Шьчё садилсэ-то воевода;
Надалек'онъ, свѣтъ, отъѣхалъ,—
Онъ росплакалсэ, самъ роздумалсэ:
„Хошь я смерть-ту—я прíиму же!
Онъ роздумалсэ воевода:—
Во пути будто розномóгсе;
Онъ назать скоро воротилсэ.
На то мѣсто-то накупáлсэ
Изъ бояръ, бояръ князь Пешёрской;

Шьчё садилсэ-то воевода
Онъ во лёгоньки стружбцьки;
Потянули-то вѣтры буйны
Съ полудённую сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко мана́тырю святому,
Ко игумену чеснбму,
Ка(къ) ко свѣтамъ-то преподобнымъ
Соловецькимъ же чудотворьцамъ.
Какъ стрѣлялъ, стрѣлялъ воевода
Во соборну-ту Божью церьковь,
Уронилъ-то тутъ воевода
Богородицу со престола.
Вси манахи-ти испугались,
По стѣнамъ-то вси побросались
Въ одну келью-ту собирались,
Въ одно слово-то говорили:
Говорилъ-то всё игуменъ:
„Вы не бойтесь-ко, мои дѣти,
Не страшитесь-ко етой страсьти!
Мы постарому вѣдь отслужимъ,—
Съ Христомъ въ царсьтви съ имъ прибудёмъ“.
По грѣхамъ было сучинилось,
По тежки́мъ грѣхамъ сотворилось:
Захотѣлъ-то вѣдь деревя́га [1])
Въ светомъ озери (онъ) купатьце,
По верёвкамъ церезъ стѣну-ту опускатьце;
Ишше палъ етотъ грѣшникъ
Онъ на сыру-ту земьлю;
Онъ сломилъ свою пра́ву руку,
Извихну́лъ свою лѣву ногу.
Тутъ пришолъ къ ёму воевода:
„Ты скажи-ко намъ сушшу правду:
Ище порохомъ-то ли довблёнъ манастырь,
Ишше пушками-то доволенъ ли,
Ишше крѣпосью-то крѣпокъ ли
Да людьми-то вѣдь онъ людёнъ ли?“
Говорилъ-то тутъ деревяга:
— Онъ вѣдь крѣпосью-ту крѣпокъ,
Онъ людьми тольки не людёнъ.

---

[1]) Мужикъ деревеньской, жилъ по обѣдамъ.

Попадите й вы зайдите
Дровяны́мъ-то въ стѣну окошкомъ [1]).—
Какъ зашолъ-то воевода,
Росказалъ какъ деревяга;
Онъ заця́лъ тутъ воевода,
Стару вѣру-ту поруши́лъ взялъ,
Стары книги-ти Божьи изорвалъ всё,
На огни-ти онъ прижигалъ ихъ;
Всѣхъ манаховъ прирубили,
Въ си́нё морё-то помётали
Надъ игуменомъ наругались:
Рѣцистъ языкъ у его отрѣжутъ,—
Церезъ ноць было тако цюдо:
Онъ вѣдь здѣлалсэ весь здравой;
Они взели его убили—
Какъ небесно царсвó купили.
Во ту пору-ту, во то время,
Въ са́му въ ту вѣдь въ тёмну ноцьку
Ишше къ нашому царю жо
Къ Олёксѣю-то свѣтъ-Михайловицю
Какъ приходятъ къ ёму два старьца,
Какъ хотятъ-то его убити,
Руки, ноги да отпилити;
Говорятъ ёму таки рѣци:
„Ужъ ты гой ёсй, государь-царь,
Олексѣй ты суда́рь-Михайловиць!
Не розорей-ко ты старой вѣры“.
Посылатъ-то вѣдь царь же скбро,
Онъ гонцёвъ-то скорó, салдатовъ:
„Старой вѣры не розоряйте,
Вы вѣдь книгъ-то не розрушайте,
На огни-то не розжигайте,
Вы манаховъ-то не рубите“.
Ище стрѣтили воеводу
Въ славномъ городи во Вóлогды.
Воевода-то розболѣлсэ,
Онъ въ худой-то боли́ сконцялсэ [2]).
Государь-отъ, государь нашъ царь
Олексѣй-свѣтъ суда́рь-Михайловиць

[1]) Окошко было закладено дровами; а то имъ ужъ не попасть въ стѣну (т. е. во внутренность стѣны).
[2]) Сгнилъ.

За воеводой собиралсэ,
Жисть своёй жизнью сконцялсэ [1]).
Понесли ёго въ Божью церьковь,—
Потекло у ёго изъ ушей-то,
Потекла у ёго всяка гáвря [2]);
Ишше уши-ти затыкáли
Всё хлопцятой бѣлой бумагой.

Пропѣвши эту старину, А. М. Крюкова разсказала слѣдующее. Царь Алексѣй Михайловичъ думалъ, что Никонъ—святой; чтобы окончально убѣдиться въ этомъ, онъ велѣлъ ему надѣть бащмаки, въ которыхъ было наколочено гвоздье. Никонъ поставилъ башмаки подъ кровать, а царю говорилъ, что онъ ходитъ въ нихъ невредимо. Тогда царь велѣлъ ему перемѣнить старую вѣру и поставить новую—неправую.

41.

Шведская война при Екатеринѣ II.

(У матери).

Во Москвы-то вѣдь было, въ славномъ городи,
Ай на царсьви-то вѣдь нé было не цяря и не царевиця,
Шьчо не млáдого родимого наслѣдьницька:
Тутъ цярила-то цариця благовѣрная
Ише та Екатерина Алексѣевна.
Шьчо сидѣла она, цярила ровно три года;
Тутъ заслышелъ король невѣрной швéдськой-отъ;
Ишше самъ-то онъ, тотаринъ, похваляитце:
„Я зайду-пойду во матушку въ Москву-городъ;
Напередъ я розорю въ Москвѣ да церьквы Божьи вси,
Я тогда буду рубить со старого до малого,
Не оставлю я въ Москвѣ силы на сѣмяна;
Я царицу-ту Екатерину за собой возьму,
За своёго я за сына за любимого“.
Ай подходитъ-то тутъ король всё шведьцькія,
Онъ подходить-то подъ матушку подъ славну каменну́ Москву,
Онъ тутъ пишотъ ёрлыцькй всё скорописцяты.

---

[1]) Когда я просилъ повторить эти слова, А. М. Крюкова пропѣла: „Онъ своёй-то жизнёй сконцялсэ“. *Собир.*

[2]) Гной.

Принесьли-то отъ шведського-то короля да скору грамотку,
Подовают царици-то Екатерины Алексѣёвны;
Задрожали тутъ у ей да ручки бѣлыя,
Пріудрогло тутъ её всё ретиво серьцо,
Прокатились изъ очей слёзы горючія:
„Я слегу теперь въ постелёчку во смёртную!“
У ей былъ-то всё въ полкахъ-то во военныхъ тутъ
Предводитель-отъ большой да былъ всё хитрой самъ [1]),
Роспорядкомъ-то былъ да всё россудливой;
Ухитрилъ ёго Господь вѣдь своей хитросью.
Онъ пришолъ-то, сталъ царицу уговаривать:
„Не тужи, наша царица благовѣрная!
Ты читай-себѣ молитву всё Исусову,
Призывай къ себѣ на помошъ Бога-Господа;
Ты садись поди, на свой садись на золотъ стулъ“.
Говорить наша царица православная:
— Не могу ьтти я сѣсь къ тебѣ на золотъ стулъ:
Присидѣлсэ золотой мнѣ стулъ въ три годицька.—
Онъ вѣдь бралъ свою царицу за бѣлы руки,
Посадилъ-то взялъ вѣдь онъ ей къ дубову столу:
„Ты читай, сиди, молитву всё Исусову;
Сокрѣпитъ вѣдь тебя Господи, помилуётъ“.
Онъ вѣдь сталъ-то писать, ей всё росказывать:
„Написалъ вѣдь намъ король да онъ всё швецькой-отъ:
„Приналажены ли какъ у васъ да пушки-матушки,
Принакачоны ли всё у васъ да зѣльё съ порохомъ?“ “
Говоритъ-то тутъ вѣдь предводитель нашъ премудрой-отъ:
„Ты вѣдь слушай-ко, Екатерина Алексѣёвна:
Присуди ты, мнѣ-ка пособи да ели, какъ писать,
Мнѣ-ка какъ писать злодѣю, всё отписывать“.
Говоритъ Екатерина всё таки слова:
— Ты пиши, пиши-ко самъ, да какъ вѣдь Бохъ велитъ,
Какъ вѣдь Бохъ тебѣ велитъ да твоей мудросьти.—
Во перьвыхъ-то сталъ всё пріуписывать:
„Добро жаловать, ты да король шведьнія,
Да во матушку-ту нашу въ камянну Москву!
Подъ-у матушки во нашой камянной Москвы

[1]) Я предводителя забыла: Цернышовъ ли Захаръ Григорьевицъ? тольки не Кутузовъ. *А. М. Крюкова.* Затѣмъ сказательница прибавила, что Кутузовъ участвовалъ въ другой войнѣ, въ которой „треть вѣку, треть птицъ и треть людей убыло“. Онъ „видѣлъ планиду Божію — святой былъ — видѣлъ, кому смерть будетъ“. *Собир.*

Пушки-матушки у насъ все принаряжены,
Бочки съ порохомъ у насъ всё принакáчоны".
Онъ пише-то всё да какъ уписывалъ:
„У насъ нѣтъ такого всё закону на сьвятой Руси,
На сьвятой Руси закону, въ камяннóй Москвѣ;—
Погосьтятъ у насъ въ госьтяхъ—тогда замýжъ берутъ.
Ты приди, приди ты въ госьти-то къ царици тутъ,
Ты ко мнѣ приди, къ царици, посмотрять меня;
Поиграмъ-то мы съ тобой да въ карты, въ пѣ́шочки".
Уносили скору грамотку да свою руськую,
Отдавали королю въ руки ко швецькому.
Въ рукахъ грамотку онъ бралъ скорó да роспечатывалъ,
Роспечатывалъ онъ бралъ да скоро самъ прочитывалъ,
Всё прочитывалъ, скоро росьмѣхáитце,
Росьмѣхаитце, сáмъ въ госьти собираитце.
Приносилъ ей дорогú да всё подароцьки,
Дороги-ти ей подарочки бесцѣ́нныя;
Принимаетъ царица-то Екатерина Алексѣевна,
Принимаетъ королям да всё тутъ шведьского,
Шьчо ведётъ она въ полаты бѣлокáмянны.
Говоритъ-то ей король да таковы слова:
„Ты прекрасная Екатерина Алексѣ́вна!
Ты поди, поди за сына всё въ замужесьтво;—
Не сожгу-ту я въ Москвы у васъ Божьи̇ церькве,
Не прибью-ту я у васъ народу православного".
Говоритъ Екатерина таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, король да король шведськой ты!
У тя гдѣ-то вѣдь да сынъ-отъ, всё женихъ-то мнѣ?—
„У мня нѣту сына здѣсь, не пригодилосе.
Я вѣдь самъ возьму тебя да увезу къ себѣ".
Говоритъ наша царица благовѣрная:
—Мнѣ-ка дай ты, король, строку на недѣлёчку,
Погосьтить-то мнѣ съ тобой да погулять вѣдь здѣсь.—
Шьчо тому-то былъ король себѣ радёшенёкъ;
Его лáшшитъ всё царицѧ рѣ́цьми тутъ хорошима.
Говорилъ-то ей король да таковы слова:
„Шьто бессрóцьнёго-то времени на сьвѣти нѣтъ".
Тутъ вѣдь зоветъ ей король да всё къ себѣ въ госьтя,
Ей во тѣ-ли во свои да всё во лагери.
Говоритъ тутъ предводитель всё премудрой-отъ:
„Положи возьми въ мѣшокъ муки хоть съ пудъ вѣдь ты,
Ты носи эту муку да въ собой кажной день.

Понесу-ту я ёму всё вбдоцёкъ-напйвоцьковъ;
Напоймъ мы короля да всё мы пьяного.
Я возьму, возьму въ собой ишё булатёнъ ножъ".
Тутъ пошли они къ ёму въ госьти, отправились.
Въ камяннбй Москвѣ народъ вси ужахнулисе,
Ужахнулисе народъ вси, зьдивовалисе,
Зьдивовались тутъ народъ, слезнб росплакались;
Говорятъ вѣдь они сами таковы слова:
„Экъ, изьмѣнушку царица, вѣрно, дѣлаётъ!"
А приходитъ царица къ королю въ госьти;
Ей стрѣчаетъ тутъ король, да ниско кланялсэ.
Напоили ево водками всё допьяна;
Тутъ вѣдь сталъ-то король шведськой [1]) веселёхонёкъ;
Ёнъ вѣдь сталъ-то съ царицой поговаривать,
Сталъ онъ разны-ти шутоцьки пошуцивать.
Покатились у царици горючй слёзы.
Говоритъ тутъ предводитель таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, король ты земьли Шведською!
Повались ты всё къ царици на колѣни къ ей".
Онъ тому-то какъ король былъ радъ-радёшенёкъ.
Говоритъ ёму царица-та Екатерина Алексѣёвна:
„Ужъ ты гой еси, король да земли Шведськія!
Ты усьни ты на колѣняхъ хоть немножоцько.
Мнѣ приходитъ теперь время, нать домой итти".
Тутъ вѣдь скоро же король да засыпалъ у ей.
Шьчо во ту вѣдь пору было, во тб время,
Предводитель её хитрой пріумудрилсэ,
Пріумудрилсэ онъ да пріухитрилсэ:
Доставаетъ скоро ножицёкъ булатной-отъ,
Онъ отрѣзалъ королю-ту буйну голову;
Ешше самъ-то взялъ его да пріокуталъ всё,
Онъ спусьтилъ-то эту голову въ мѣшокъ, въ муку,
Положилъ мѣшокъ-то королю да подъ окутоцьку [2]).
Они сами благодарили Бога-Господа и вонъ пошли.
Они скоро, царица-та Екатерина Алексѣёвна,
Ай приходятъ во полаты бѣлокамянны,
Весёлымъ они приходятъ веселёхоньки.
Они зацели палить-то, бить силу вѣдь шведцькую,
До тово—они не смѣютъ имъ противитьце;

---

[1]) Вмѣсто „король шведськой" А. М. Крюкова пропѣла: „царйшшо", но потомъ поправилась. Ср. № 49, ст. 290, 329. *Сбир.*

[2]) Цимъ окуталъ,—одѣвальшко какое ли?

Они бились тутъ, стрѣляли бо̀ёмъ огняным;
Сила шведськая-та стоитъ да не противитце.
До того они добились бо̀ёмъ огняныммъ,—
Ихъ немного тутъ стало оставатисе;
По сторонамъ-то шведська сила розьбѣгаитце,
Имъ тутъ въ руки-ти сила́ нова́ пѣхаитьце,
Имъ пѣхаитьце въ руки, изьвиняитце:
„Вы берите положите подъ сьвятую Русь,
Подъ сьвятую Русь, подъ матушку подъ камянну̀ Москву!
Исьприбили всю вѣдь силу до единого,
Не оставили силы всё на сѣмяна.

Б) Старины Зимняго берега.

42.

Исцѣленіе Ильи Муромца [1]).

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Муроми,
Ай во томъ было сели да во Качарови,
Тамъ вѣдь жилъ-то былъ богатой-отъ хресьянинъ-отъ,
Ай богатой-отъ хресьянинъ-отъ Иванъ да Тимоѳѐевичъ.
Ему далъ-то Господь сына единого,
Ай единого сына-та любимого
Ай по имени—Илѐйко сынъ Ивановиць.
Ише сталъ-то Илья у ихъ пети годовъ;—
Шьто сидитъ-то онъ, да всё не ходитъ онъ;
Ише сталъ-то Илья да десети годовъ,
А не служатъ у ево всё ножки рѣзвыя;
Ище сталъ-то Илья и двадцети годовъ;—
Не несутъ-то ево всё ножки рѣзвыя;
Ище сталъ-то Илья и тридцети годовъ;—
Не несутъ-то всё, не служатъ ножки рѣзвыя.
На печаль-то пали ево родители:
„Шьто едино у насъ цядышко убогоё,

[1]) Я спрашивалъ у А. М. Крюковой, не разсказывалъ ли это словами ея свекоръ, но она увѣряла меня, что онъ пѣлъ голосомъ, какъ старину. Подобную старину она слышала и въ Чаваньгѣ, но изъ той ничего не запомнила. *Собир.*

Да убого моё цядышко, безногоё!“
Какъ пошли-то Иванъ-свѣтъ Тимоѳеёвиць,
Со своей-то пошолъ да съ молодой жоной,
На цяжолу-ту пошли да на роботушку,
Ай на ту-ли на цежолу—хлѣбопашество;
Посадили своево цяда любимого,
Ай любимого цядышка, всё милого
Ай того-ли Илью да свѣтъ-Ивановиця,
Посадили на кирпишну всё на печоцьку;
Говорили они ёму таки слова:
„Ай сиди ты до насъ, нешевелимой будь,
Не пади-ко-се ты, да не убейсе ты“.
Онъ немного посидѣлъ-то посьлѣ батюшка,
Да пришли къ ёму калики подъ окошоцько:
„Ужъ ты гой еси, ты цядышко единоё,
Ты едино, ты цадышко любимоё,
А по имени ты всё Илья ты всё,
По очётесьву да всё Ивановиць!
Ты подай-ко ты милосьтину спасёную,
Ай напой-ко-се насъ да пивомъ хмѣльніимъ,
Хмѣльніимъ да пивомъ сладкіимъ“.
Говоритъ-то Илья, скоро́ отвѣтъ держалъ,
Отвѣчаетъ скорёшенько Ивановичъ:
— Ужъ вы гой еси, мои милы калики вы,
Перехожія спасёны, переброжія!
Вы зайдите-ко, подите вы вѣдь въ домъ ко мнѣ.—
Заходили калики ише въ домъ къ ёму.
Говорилъ-то Илья да онъ таки рѣци,
Шьчо Ивановиць-отъ да со сьлёза́ми онъ:
— Перехожи вы калики, переброжія,
Я бы радъ-то вамъ подать я милосьтинку всё спасёную:
У моёго-то у ро́дного у батюшка
Езь дово́льнё у ево всё золотой казны,
Шьчо прископлёна казна, всё присодвигнута;—
Не могу сойти со печки со кирписьнёю.—
Говорили калики перехожія:
„Ты какъ дай хошь намъ напитьце пива сладкого“.
— Есь у батюшка-та пива всё вѣдь боцьками;—
Не могу сойти со пецьки со кирпишною.—
Говорятъ-то всё калики перехожія,
Перехожіи калики, переброжіи:
„Ты сойди, сойди, Илья, со печки со кирпишьною“.

— Я сижу, братцы, на пецьки я единой день,—
Не могу ходить на ножоцькахъ я тридцеть лѣтъ.—
Говорятъ ёму калики перехожія:
„Росьтени-ко ты, росправь свои-ти ножки рѣзвыя,
Ты сойди теперь со пецьки—они понесутъ тебя,
Понесутъ тебя, удёржатъ ножки рѣзвыя.—
Онъ росправилъ на печки ножки рѣзвыя,—
У ево вѣдь рѣзвы ножоцьки всё росьтянулисе;
Соходилъ же онъ со печки со кирпичною,—
У ево вѣдь рѣзвы ножоцьки—какъ вѣкъ ходилъ.
Онъ пошолъ-то скоро самъ за золотой казной,
Подаватъ-то каликамъ перехожіимъ;
Говорятъ ему калики, всё отвѣтъ держатъ:
„Не возьмёмъ-то мы твоей всё золотой казны;
Принеси ты намъ напитьце пива сладкого“.
Нацидилъ, сходилъ на погрёбъ, цяшу пива сладкого,
Подаваётъ всё каликамъ перехожіимъ,
Перехожимъ каликамъ, переброжимъ тутъ,
Подаваётъ вѣдь онъ отό всей радосьти;
Онъ вѣдь кланеитце имъ всё до сырой земли,
До сырой ли до земли, до ихныхъ рѣзвыхъ ногъ.
Они пόпили-то тутъ да пива сладкого,
И немного они цяшы оставляли тутъ,
Оставляли они цяшы, подаютъ ему:
„Ты возьми у насъ исьпей, да ты Илья же свѣтъ;
Посьлѣ нашого питья—да́ мы скажόмъ тебѣ—
Топерь будь-ко ты Илья да ты по имени,
Ишше будь-ко ты свѣтъ да Мурамецъ,
Илья Мурамецъ да свѣтъ Ивановицъ.
Каковό ты во собѣ слышишь здоровьицё?“
— Я вѣдь слышу по собѣ—да теперь здравъ совсимъ,
Теперь здравъ-то совсѣмъ, всё здоровéшенёкъ.—
„Мы скажόмъ теперь про то, тебѣ повѣдаёмъ:
Принеси-ко ты ишé пивá другý цяшу“.
Онъ всё радъ бѣжать за пивомъ Илья Мурамецъ,
Илья Мурамецъ бѣжать да сынъ Ивановицъ,
Нацидилъ-то онъ другý да пива сладкого,
Онъ принёсъ-то всё каликамъ перехожіимъ.
Исьпивали калики во другой наконъ,
Оставляли ему да тутъ полъ-цяшы всё:
„Пей-ко ты, Илья, да Илья Мурамецъ.
Потому мы тебя назвали, шьчо—Мурамецъ,

Мы по вашому зовёмъ да всё по городу:
Ты живёшь всё во городи во Муроми".
Выпивалъ-то Илья да всё ись цяшы тутъ.
Говорятъ ёму калики перехожія,
Перехожи калики, переброжія:
„Ты вѣдь слышишь ли въ собѣ теперь каку силу?"
Отвѣчаетъ Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сынъ Ивановиць:
— Я вѣдь слышу-ту силушку въ собѣ великую;
Кабы было кольцё въ матушки въ сырой земли,
Я бы взялъ-то я самъ бы единой рукой,
Поворотилъ бы всю матушку сыру землю.—
Ишше тутъ-то калики говорятъ да промежу собой:
„Какъ мы вѣдь силы-то тебѣ много дали;—
Ай не будетъ носить-то тебя матушка сыра земля.
Говорятъ калики перехожія:
„Принеси-ко намъ пива во третей наконъ".
Онъ принёсъ-то сходилъ да во третей наконъ.
Ай вѣдь попили они, немного этотъ разъ оставили.
„Допивай", ёму сказали, „пиво сладкоё".
Онъ вѣдь допилъ у ихъ да пиво сладкоё;
Говорятъ они ему всё таковы слова:
„Ты вѣдь много ли собѣ теперь имѣшь всё силушки,
Ай ты слышишь по своимъ-то могучимъ плецямъ?"
— Я вѣдь цюю въ себѣ, слышу силы въ половиночку:
Въ половины у миня всё силы сбавилось.—
Говорятъ они ему всё таковы слова:
„Вели батюшку купить себѣ ты жеребёноцька,
Жеребёноцька купить да шьчобы сѣрого,
Шьчобы сѣрого купить да на-манеръ всё бѣлого;
Ты вѣдь пой-ко-се своёго жеребёноцька,
Ты вѣдь пой его да на рѣки Муравенки,
Ай корьми-ко ты пшеницей бѣлояровой;
Ты води-тко-се своёго жеребёноцька,
Ай кататьце давай ты ему въ трёхъ росахъ,
Какъ ты въ трёхъ его росахъ: да во перьвой росы,
Во перьвой росы катай всё во Иваньскою,
Во второй росы катай ты во Петровською,
Во третей росы катай коня въ Ильиньською;
Ты давай ему кататьце въ зеленыхъ лугахъ,—
Тебѣ будётъ вѣдь конь-отъ служить правдой-вѣрою:

Побѣдя́ть-то будёшь на кони́, всё бить многи́хъ богатырей;
Ишшо конь-отъ будётъ всё товарышъ твой
И топтать будётъ ногами силу всё невѣрную,
Пособлять будётъ тебѣ, любимому хозяину".
Ай ишшé ёму калики-ти говóрятъ тутъ,
Шьчо говорятъ-то тутъ да ёму всё росказываютъ:
„Ты теперь, посьлѣ того-то заведи ты себѣ латы богатырьскія,
По своей силы имѣй ты палицю тяжолую;
На коня-та ты налóжь сѣдёлышко да кипарисноё;
Ты ишшé-то возьми купи да плётку шолкову,
Плётку шолкову да всё копьё-то брузаменьскоё,
Не забудь ты ишé да сабли вострою,
Ты тово ишшé ножа да всё булатного.
Ты возьми теперь себѣ положь какого-небудь кушанья.
Отправляйсе ко батюшку всё нá полё,
Ко своей-то ко родимой милой матушки;
Ты сьнеси-ко поди имъ пообѣдать-то,
Росскажи-ко-се имъ, да мы тебѣ сказали шьто".
Онъ вѣдь радъ тому Илья-та былъ всё Мурамець,
Илья Мурамець радъ да сынъ Ивановиць.
Походятъ-то калики, собираютце,
Говорили Ильи, да Ильи Мурамцю:
„Ты ишé-то будёшь ѣзьдить во чистóмъ поли;
Во чистóмъ-то поли тебѣ да сьмерть не писана,—
Ты не бойсе, ѣзьди по чисту́ полю".
Ишше тутъ-то калики-ти стали всё неви́домо;
Онъ негдѣ-то больше не зави́дялъ тутъ,
Не завидялъ тутъ, да они проць ушли.
Онъ скоро собиралъ да питьё, кушаньё,
Онъ понёсъ-то къ родителю ко батюшку,
Ко тому-ли къ Ивану Тимоѳéёвичу,
Къ рóдной матушки да къ Епесьтéньи къ Олёксандровны.
Подошолъ-то онъ скорёхонько ко батюшку;
Увидалъ-то ево всё рóдной батюшко;
Ишше тутъ они да обрадѣли же,
Обрадѣли, тому да были рады-ти.
Онъ принёсъ-то имъ обѣдъ, да принёсъ кушаньё;
Онъ вѣдь сказыватъ своёму отцю-батюшку,
Онъ тому-ли Ивану Тимоѳеёвичу:
„Какъ пришли ко мнѣ калики подъ окошоцько,
Закрычали у меня да подъ окошоцькомъ,
Запросили они милосьтины всё спасёною;

Я вѣдь такъ имъ отвѣчалъ, сьмѣло́ отвѣтъ держалъ:
„Не сойти, калики, съ печьки со кирпичною“.
Попросилъ-то ихъ скорёшенько къ собѣ я въ домъ.
Запросили напитьце у меня вѣдь пива тутъ,
Они пива-та хмѣльнёго всё сладкого;
Я принёсъ-то цяшу-ту полнёхоньку.
Не могли они допить, всё мнѣ оставили:
„Допивай-ко ты“, сказали, „исъ цяшы—и здоровъ будешь“.
Я повыпилъ всё исъ цяшы-то и здравъ тутъ сталъ,
Я вѣдь здравъ тутъ сталъ да здоровёшенёкъ.
Наливалъ-то, приносилъ да я другу́ цяшу;
Выпивали-то исъ той цяшы да полавиночку;
Допивалъ-то я у ихъ да цяшу всю до дна.
Говорятъ калики мнѣ да всё выспрашиваютъ:
„Ужъ ты слышишь ли въ собѣ силу великую?“
Я сказалъ-то имъ, скоро́ отвѣтъ держалъ:
— Я тутъ слышу въ собѣ силушку великую:
Кабы было кольцё въ земли великоё,
Я принялсэ бы своей всё единой рукой,
Поворотилъ бы я матушку сыру землю.—
Говорили мнѣ они да изъвѣшшали тутъ:
„Не заноситъ тебя матушка сыра земля.
Принеси“, мнѣ говорятъ, „пива третью цяшу“.
Выпивали-то исъ цяшы полавиночку,
Допивалъ-то я вѣдь цяроцьку вѣдь всю до дна.
Говорятъ-то мнѣ калики, всё отвѣтъ держатъ:
„А велику ли ты силушку слышишь въ собѣ теперече?“
Говорилъ-то я имъ да всё россказывалъ:
— Я тепере силу слышу въ полавину всё.—
Говорили они да мнѣ-ка всё про то:
„Ты пойдёшь къ своёму къ ро́дну батюшку,—
Ты скажи ему про то да всё повѣдай-ко:
Ай купилъ шьчобы тебѣ онъ жеребёночка,
Ай не сѣрого шьчобы, да онъ не бѣлого;
Ай подъ старось-ту онъ будётъ-то какъ бѣлой-отъ“.
Ай поить они велѣли ключевой водой,
Ай корьмить они пшеницёй бѣлояровой,
Ай катать они велѣли, водить въ трёхъ росахъ:
Во перьво́й-то во росы они въ Иваньчкою,
Во второй они въ росы ево въ Петровською,
Во третьѐй они росы ево въ Ильиньскою.
„Ай тогда у тя будётъ жеребёночокъ“.

Они велѣли мнѣ-ка завесьти-то латы богатырьскія,
Они палицю тяжо́лу по своимъ рукамъ,
На головушку мнѣ шляпу сарачиньскую,
И велѣли мнѣ-ка завесьти всё плёточку шолко́вую,
Да ишшé мнѣ-ка велѣли саблю вострую,
Да ишшé мнѣ-ка велѣли всё булатенъ ножъ,
Да ишшé мнѣ-ка велѣли-то востро́ копьё да брузаменьчкоё
Ай сѣдёлышко велѣли кипарисного всё деревця".
Ай тутъ батюшко ево да тому радъ онъ былъ,
Тому радъ-то онъ былъ, весьма радéшенёкъ.
Онъ бѣжалъ-то скорéшенько тутъ, скоро изъ циста́ поля;
Онъ хвалу-ту приносилъ Богу небесному,
Во вторыхъ-то онъ царицы, Бо́жьёй матери,
Во третьи́хъ-то всё каликъ да перехожіихъ (sic):
Они были у меня да не просты́ люди,
Не просты́ были люди, да всё сьвяты́ отцы:
Исьцѣлили у меня сына́ единого;
Заслужили у ёго вѣдь ноги рѣзвыя".
Ай купилъ онъ вѣдь жеребёноцька,
Выбиралъ онъ по велёному да какъ по писаному;
По россказаному-то всё да дѣло дѣлалъ тутъ,
Дѣло дѣлалъ онъ да ко́ня ро̑сьтилъ-то;
Онъ вѣдь далъ за жеребёнка петьдесятъ рублей,
Онъ поилъ ево свѣжо̑й всё ключово́й водой,
Какъ вѣдь онъ корьмилъ пшеницёй бѣлояровой,
Онъ водилъ ево да по ноцямъ въ луга,
Онъ каталъ ево да всё во трéхъ росахъ:
Во перьво́й-то во росы каталъ Иваньскою,
Во второй-то во̑ росы да во Петроською,
Во третéй-то во росы да во Ильиньскою.
Тутъ вѣдь ко́ницёкъ у ихъ да сталъ побѣгивать,
На шелко́вой на узды да сталъ поскакивать.
Ище сталъ-то Илья Мурамець-то коницька объѣзживать;
Тутъ скакалъ-то ево всё какъ доброй конь,
Онъ повыше-то выскакивалъ лѣсу стоя́цего,
Онъ пониже-то облака ходéчого,
Цересъ стѣны, ц́ерезъ башни перескакивалъ;
Онъ вѣдь рѣчки-ти, озёра небольши-ти промежъ ногъ скакалъ,
Ай больши́-ти таки́ рѣки перескакивалъ.
Тутъ купилъ вѣдь Илья Мурамець да сынъ Ивановичъ,
Онъ себѣ же завёлъ латы богатырьскія,
По рукамъ-то купилъ палицю тяжолую,

Надѣвалъ-то на конёцекъ сѣдёлышко всё кипарисноё,
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ себѣ да копьё востроё,
Копьё востроё всё брузаменьчкоё,
Надѣвалъ-то онъ шляпу сарачиньскую,
Прибиралъ-то онъ въ лѣву̀ руку да плётку шолкову;
Онъ молилсэ на востошьну сьвяту сторону,
Поклонялсэ ро́дну батюшку во рѣзвы́ ноги,
Ро́дной матушки да во рѣзвы́ ноги:
„Дай-ко, батюшка, мнѣ всё благословленьицё,
Со родимой со моей да ро́дной матушкой—
Назову я васъ, родители, по имени:
Ужъ ты батюшко Иванъ-свѣтъ Тимоѳеёвичъ,
Родна матушка Епестемія-свѣтъ да Олёксандровна!
Пожелайте, порадѣйте всего доброго,
Всево доброго мнѣ, всёго хорошого“.
Говорили ёго цясны́ родители:
— Поѣжай-ко ты, нашо цядо милоё,
Тебя Богъ благословитъ, цядо любимоё!
Тебѣ надоть ужъ ѣхать, тебѣ ве́лёно
Шьчо у тѣхъ тебѣ каликъ да перехожіихъ,
Перехожи ' всё каликъ да переброжіихъ.
Поѣжай, нашо родимо мило дитятко,
Поѣжай-ко-се теперь да во чисто́ полё,
Ись циста́ поля прiѣдь-ко въ красёнъ Кiевъ-градъ,
Ко своему ты ко красному ко солнышку,
Всё ко ласкову князю ко Владимиру,
Шьчо ко той-ли ко кнегины къ Опраксеи Королевисьни;
Прiѣжай-ко ты всё къ имъ по уцёному:
Ужъ ты кресъ-то клади да по писа́нному,
Ты поклонъ-отъ веди да по учёному;
Ты вѣдь кланейсе своёму красну солнышку,
Ише ласковому князю всё Владимиру
Со кнегиной съ Опраксеёй Королевисьнёй;
Князьямъ, боярамъ всѣмъ ты низко кланейсе,
Всѣмъ солдатушкамъ, полкамъ ты новобраныимъ,
Всѣмъ своимъ-то ты бога́тырямъ, всё поединьшицькамъ,
Обойдись-ко ты сь има́ всё поучёному,
Ознакомляй-ко-се ты сь има́ всё похорошому.—
Онъ поѣхалъ-то въ славенъ Кiевъ-градъ;
Прiѣжалъ-то всё ко князю ко Владимеру,—
Не приворачивалъ онъ всё да во чисто́ полё.
Самъ прiѣхалъ-то ко князю на широкой дворъ,

Сходилъ-то со добрà коня скорёшенько,
Онъ вѣдь шолъ-то всё да поучёному:
Всѣмъ тутъ кланелсэ на сѣняхъ-то низёшенько:
„Пропусьтите, доведите-ко миня до красна солнышка,
До того миня до князя до Владимира“.
Доводили ёго да тутъ близёхонько.
Онъ вѣдь кресъ кладетъ да по писáнному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ всё по учоному;
Онъ вѣдь молитце всё Спасу пречистому,
Онъ творитъ-то всё молитву-ту Исусову,
Поклоняитце царицы, Божьёй матери;
Бьётъ цёломъ всё князю-ту Владимеру,
Онъ вѣдь той же кнегины Опраксеи Королевисьни;
Поклоняитьце князья́мъ, боярамъ тутъ
На четыре на вси да на стороноцьки.
Говоритъ-то онъ самъ да онъ таки слова:
„Ужъ ты гой еси, красно моё солнышко,
А вѣдь ласковой князь да ты Владимиръ-свѣтъ!
Мнѣ-ка съѣзьдить-то благослови-ко во чистó полё,
Мнѣ прибрать въ чистóмъ поли себѣ дружиночку хоробрую,—
Послужить-то мнѣ тебѣ да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою тебѣ-ка неизмѣнною—
Шьчо за тѣ-ли за Божьи́ церьквы соборныя,
Шьчо за тѣ мнѣ за манáстыри спасéныя,
Шьчо за тебя-то за князя со кнегиною“.
Всё слова-ти таки хорóши князю прилюбилисе,
Прилюбилисе слова ёму, пондравились.
Говоритъ-то князь Владимеръ стольнё-кіевськой:
— Ты вѣдь цей такой учоной доброй моледець?
Ты скажи-ко, скажи про то, повѣдай мнѣ:
Ишше какъ тебе вѣдь, доброй молодець, да звать по имени,
Зьвеличать тебя я буду изъ очетесьва;
Какого ты села, какого города,
Ай какого отца, какой ты матушки?—
Отвѣчаётъ ёму скоро доброй молодець:
„Ай я города́-та всё да я вѣдь Мурома,
Я села-та всё да я Качáрова,
Ай по имени зовутъ миня да Илья Мурамець,
По отьци-то зьвеличаютъ сынъ Ивановиць,
Ишше тотъ-ли я богáтырь сильнёй-отъ, могуцёй-отъ.
Благослови мнѣ съѣзьдить во чистó полё,—
Сь непріятелёмъ мнѣ да поборотисе,

Ай со руськима богáтырями мнѣ да поздоровáтьце,
Поздоровáтьце мнѣ да познакомитьце,
Мнѣ прибрать себѣ дружиночьку мнѣ храбрую,
Мнѣ крестами-ти всё съ и́ма побратáтьце".
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
— Ай тибѣ-то, доброй молодець, да воля вольняя,
Воля вольняя тебѣ да путь широкая!
Поѣжай-ко во чотыре во вси стóроны,
Поѣжай-ко ты вѣдь зъ Богомъ во чистó полё,
Находи-ко ты могущíихъ богáтырей;
Прíѣжай ко мнѣ исъ поля на поцéсёнъ пиръ.
Ужъ тѣ быть надо всимá во пóли надъ богáтырьми,
Надо всѣмá-то быть да атаманами,
Роспоредителёмъ быть, ты Илья Му́рамець,
Казакомъ ты надъ имá, да сынъ Ивановиць.—
Онъ поѣхалъ тутъ да во чистó полё;
Онъ наѣхалъ богáтырей въ бѣлы́хъ шатрахъ:
Во перьвы́хъ нашолъ Добрынюшку Никитича,
Во вторыхъ нашолъ Алёшеньку Поповиця;
Онъ вѣдь тутъ сь и́ма скоро всё знакомитьце;
Онъ побрáталсэ крестами золотыма тутъ,
Называётъ ихъ крестовыма всё брáтёлками.
Онъ нашолъ ишé Дунаюшка Ивановича,
Называетъ-то крестовымъ онъ всё брателкомъ;
Онъ ишé нашолъ Самсона Сильнёго,
А нашолъ вѣдь онъ да Пересьмяку со племяньникомъ,
Онъ нашолъ ишé Чурила-сьвѣта Плéнкова,
Онъ нашолъ ишшé вѣдь Ваньку всё боярьского
По фамилеи его—да всё Залéшанинъ,
Онъ нашолъ ишé Ваньку генеральского.
Надо вси́ма онъ былъ да атаманъ большой,
Потому былъ атаманъ большой—силушкой былъ онъ сильнѣе всѣхъ;
По другому ише былъ, шьчо не написана-то сьмерть да во чистóмъ поли.
Говорятъ ёму богáтыри да всё выспрашиваютъ:
„Мы вѣдь какъ тебя теперь будёмъ да звать по имени,
Зьвеличать-то какъ теперь мы изъ очéтесьва?"
— Вы зовите миня да Илья Мураме́ць,
Хошь и такъ ише зовите: старой-отъ казакъ да Илья Мурамецъ,
Изъ очетесьва вы зьвеличайте сынъ Ивановиць.—

Они стали по чисту́ полю да всѣ поѣжживать,
Всю покорнось-ту держать да Ильи Мурамцю,
Ильи Мурамцю да сыну всё Ивановичу.
Ише тѣмъ старина-ли вся и коньцилась.

43.

Илья Муромецъ въ изгнаніи и Идолище.

(У свекра Василія Леоитьевича).

Ай во славномъ было городи во Кіеви
Ай у ласкового князя у Владимера,
Ишше были жили тутъ бояра кособрюхіе;
Насказали на Илью-ту всё на Мурамця,—
Ай такима онъ словами похваляитьце:
„Я вѣдь князя-та Владимера повыживу,
Самъ я сѣ́ду-ту во Кіёвъ на ево мѣсто,
Самъ я буду у его да всё князё́мъ княжить“.
Ай объ этомъ они съ кня́зёмъ прироссспо́рили;
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы рѣци:
„Прогоню тебя, Илья, да Илья Мурамець,
Прогоню тебя изъ славного изъ города изъ Кіёва;
Не ходи ты, Илья Мурамець, да въ красёнъ Кіёвъ-градъ“.
Говорилъ-то тутъ Илья всё таковы слова:
— А вѣдь при́детъ подъ тебя кака́ сила невѣрная,
Хоть невѣрна-та сила бусурманьская,—
Я тебя тогды хошь изъ неволюшки не выруцю.
Ай поѣхалъ Илья Мурамечъ въ цисто́ полё,
Исъ циста́ поля отправилсэ во городъ-отъ во Муромъ-то,
Ай во то-ли во село, село Кача́рово,
Какъ онъ жить-то ко своёму къ отцю, матушки,
Онъ вѣдь у отца живётъ, у матушки,
Онъ немало и немного живётъ три года.
Тутъ заслыше’-ли Идо́лишшо проклятоё,
Ище тотъ-ли цари́шшо всё невѣрноё,—
Нѣту, нѣтъ Ильи-та Мурамця жива́ три годицька;
Ай какъ тутъ сталъ-то Идолишшо подумывать,
Онъ подумывать сталъ да собиратьце тутъ;
Назьбиралъ-то онъ силы всё тотарьскою,
Онъ тотарьскою силы, бусурманьчкою,
Назьбиралъ-то онъ вѣдь силу, самъ отправилсэ.
Подошла сила тотарьчка-бусурманьчкая,
Подошла же эта силушка близёхонько

Ко тому она ко городу ко Кіеву.
Тутъ выходитъ тотаринъ-отъ Идолишшо всё изь бѣла̀ шатра,
Онъ писалъ-то ёрлычкѝ всё скорописчаты;
Посылаетъ онъ тотарина поганого.
Написалъ онъ въ ёрлычкахъ всё скорописцятыхъ:
„Я зайду, зайду, Идолишшо, во Кіевъ-градъ,
Я вѣдь выжгу-ту вѣдь Кіевъ-градъ, Божьѝ церькви;
Выбиралсэ-то шьтобы̀ князь исъ полатушокъ:
Я займу, займу полаты бѣлокамянны;
Тольки я пушшу въ полаты бѣлокамянны—
Опраксеюшку возьму веё Королевисьню;
Я Владимира-та-князя я поставлю-ту на кухню-ту,
Я на кухню-ту поставлю на меня варить“.
Онъ тутъ скоро тотаринъ-отъ приходитъ къ имъ,
Онъ приходитъ тутъ-то тотаринъ на широкой дворъ,
Съ широка̀ двора въ полаты княженецькія;
Онъ вѣдь рубитъ, казнитъ у придверьницьковъ всё буйны головы;
Отдаваётъ ёрлычкѝ-то скорописчаты.
Прочитали ёрлыки скоро̀, заплакали;
Говорятъ-то—въ ёрлычкахъ да всё описано:
„Выбирайсе, удаляйсе, князь, ты исъ полатушокъ,
Нарежайсе ты на кухню варить поваромъ“.
Выбиралсэ князь Владимиръ стольнё-кіечькой
Исъ своихъ же исъ полатушокъ крутёшенько;
Ай скорёшенько Владимиръ выбираитце,
Выбираитце Владимиръ—самъ слезами уливаитце.
Занимаетъ [1]) княженевськи всѣ полатушки,
Хочетъ взять онъ Опраксеюшку собѣ въ полатушку;
Говоритъ-то Опраксеюшка таки рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Идо̀лищо, невѣрной царь!
Ты посьпѣшь ты меня взять да во свои руки“.
Говоритъ-то ей вѣдь царь да таковы слова:
— Я уважу, Опраксеюшка, ешшё два дёницька,
Церезъ два-то церезъ дня какъ будёшь не кнегиной ты,
Не кнегиной будёшь жить, да всё царицою.—
Розьнемогсэ-то во ту пору казакъ да Илья Мурамець:
Онъ не могъ-то за обѣдомъ пообѣдати;
Розболѣлось у ево всё ретиво̀ серьцо,
Закипѣла у ево всё кровь горячая.

---

[1]) Идолище. *Собир.*

Говоритъ-то всё Илья самъ таковы слова:
„Я не знаю, отцево да незамогъ совсимъ.
Не могу терьпѣть жить то у себя въ доми;
Надоть съѣзьдить, попровѣдать во чисто́ полё,
Надоть съѣзьдить, попровѣдать въ красёнъ Кiёвъ-градъ“.
Онъ сѣдлалъ, зьбиралъ своёго всё Бѣлёюшка,
Наредилъ скоро своёго ко́ня доброго;
Самъ садилсэ-то онъ скоро на добра́ коня,
Онъ садилсэ во сѣдёлышко чиркальскоё;
Онъ вѣдь рѣзвы свои ноги въ стремёна́ всё клалъ;
Тутъ поѣхалъ-то Илья нашъ, Илья Мурамецъ,
Илья Мурамечъ поѣхалъ свѣтъ-Ивановичъ.
Онъ прiѣхалъ тутъ да во чисто́ полё,
Ись циста́ поля поѣхалъ въ красёнъ Кiёвъ-градъ;
Онъ оставилъ-то добра́ коня на широко́мъ двори,
Онъ пошолъ скоро́ по городу по Кiеву;
Онъ нашолъ, нашолъ калику перехожую,
Перехожую калику переброжую,
Попросилъ-то у калики всё платья каличьёго;
Онъ вѣдь далъ-то ёму платье всё отъ радосьти,
Отъ радосьти скинывалъ калика платьичё,
Онъ отъ радосьти платьё отъ великою.
Ай пошолъ скоро́ Илья тутъ подъ окошоцько,
Подъ окошоцько пришолъ, къ полатамъ бѣлокамянныимъ;
Закрыцялъ же онъ Илья-та во всю голову,
Ишше тѣмъ-ля онъ вѣдь крыкомъ богатырьскимъ тутъ;
Говорилъ-то Илья, да Илья Мурамечъ,
Илья Мурамецъ да самъ Ивановицъ:
„Ай подай-ко, князь Владимиръ, мнѣ-ка милосьтинку,
Ай подай-ко, подай милосьтинку мнѣ спасёную,
Ты подай, подай мнѣ ради-то Христа, царя небесного,
Ради матери Божьёй, царици Богородици“.
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамець,
Говоритъ-то онъ, крыцитъ всё во второй наконъ:
„Ай подай ты, подай милосьтину спасёную,
Ай подай-ко-се ты, красно моё солнышко,
Ужъ ты ласковой подай да мой Владимеръ-князь!
Ай не для-ради подай ты для ково-небудь,
Ты подай-ко для Ильи, ты Ильи Мурамця,
Ильи Мурамча подай сына Ивановиця“.
Тутъ скорёхонько къ окошоцьку подходитъ князь,
Отпиратъ ёму окошоцько косисцято,

Говоритъ-то князь да таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-ту всё, калика, не попрежному,
Не попрежному живу, не подосѐльнёму:
Я не сьмѣю подать милосьтинки всё спасёною;
Не даватъ-то вѣдь царишшо всё Идолишшо
Поминать-то онъ Христа, царя небесного,
Во вторыхъ-то поминать да Илью Мурамця.
Я живу-ту князь—лишилсэ я полатъ всё бѣлокамянныхъ;
Ай живётъ у мня поганоё Идолишшо
Во моихъ-то во полатахъ бѣлокамянныхъ;
Я варю-ту на ево, всё живу поваромъ,
Подношу-ту я тотарину всё кушаньё.—
Закрыцялъ-то тутъ Илья да во третѐй наконъ:
„Ты поди-ко, князь Владимиръ, ты ко мнѣ выйди,
Не увидѣли шьчобы́ царишша повара, ево:
Я скажу тебѣ два тайного словецюшка“.
Онъ скорёхонько выходитъ князь Владимиръ нашъ,
Онъ выходитъ на широ́ку свѣтлу улоцьку.
„Шьчо ты, красно нашо солнышко, поху́дѣло,
Шьчо ты, ласковъ нашъ Владимиръ-князь ты стольнё-кіевской?“
Я вѣдь чуть топерь тебя признать могу“.
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кіевской:
— Я варю-ту, всё живу за повара;
Похудѣла-то кнегина Опраксея Королевисьня,
Она день-отъ ото дьня да всё ише́ хуже.—
„Ужъ ты гой еси, моё ты красно солнышко,
Ище ласковъ князь Владимиръ стольнё-кіевськой!
Ты не могъ узнать Ильи да Ильи Мурамця?“
Вѣдь тутъ падалъ Владимиръ во рѣзвы́ ноги:
— Ты просьти, просьти, Илья, ты виноватого!—
Подымалъ скоро́ Илья всё князя изъ рѣзвы́хъ онъ ногъ,
Обнималъ-то онъ ево своей-то ручкой правою,
Прижималъ то князя Владимера да къ ретиву́ серьцю,
Чѣловалъ-то онъ ево въ уста сахарныя:
„Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!
Я тепере изъ неволюшки тебя повыручу;
Я пойду теперь къ Идолишшу въ полату бѣлокамянну,
Я пойду-ту къ ёму на глаза-ти всё,
Я скажу, скажу Идолищу поганому:

„Я пришолъ-то, царь, къ тебѣ всё посмотрять тебя“.
Говоритъ--то тутъ вѣдь красно нашо солнышко,
Шьчо Владимеръ-отъ князь да стольнё-кіевськой:
— Ты поди, поди къ царишшу во полатушки.—
Ай заходитъ тутъ Илья да во полатушки,
Онъ заходитъ-то вѣдь, говоритъ да таковы слова:
„Ты поганоё, сидишь, да всё Идолишшо,
Ишше тотъ-ли, сидишь, да царь невѣрной ты!
Я пришолъ, пришолъ тебя да посмотрять теперь“.
Говоритъ-то всё погано-то Идолишшо,
Говоритъ-то тутъ царишшо-то невѣрное:
— Ты смотри меня;—я не гоню тебя.—
Говоритъ-то тутъ Илья, да Илья Мурамецъ:
„Я пришолъ-то всё къ тебѣ, да скору вѣсь принёсъ,
Скору вѣсточку принёсъ, всё вѣсь нерадосьню:
Всё Илья-та вѣдь Мурамечъ живёхонёкъ,
Ай живёхонёкъ онъ, всё здоровешенёкъ;
Я встрѣтилъ всё ево да во чистомъ поли;
Онъ осталсэ во чистомъ поли поѣзьдить-то,
Шьчо поѣзьдить-то ёму да пополяковать;
Заутра хочётъ пріѣхать въ красенъ Кіевъ-градъ“.
Говоритъ ему Идолишшо, да всё невѣрной царь:
— Ищё великъ ли—я спрошу у тя, калика,—Илья Мурамецъ?—
Говоритъ-то калика-та Илья Мурамецъ:
„Илья Мурамечъ-то будётъ онъ во мой же росъ“.
Говоритъ-то тутъ Идолишшо, выспрашиватъ:
— Э по многу ли ѣстъ хлѣба Илья Мурамечъ?—
Говоритъ-то калика перехожая:
„Онъ вѣдь кушатъ-то хлѣба по единому,
По единому-единому онъ по ломтю къ выти“.
— Онъ по многу ли вѣдь пьётъ да пива пьяного?—
„Онъ вѣдь пьётъ пива пьяново всёво одинъ цивной стоканъ“.
Росьсмѣхнулсэ тутъ Идолишшо поганоё:
— Шьчо же, почему вы этимъ Ильёю на Руси-то хвастаютъ?
На долонь ево положу, я другой прижму;—
Остаётце межъ руками шьто одно мокро.—
Говоритъ-то тутъ калика перехожая:
„Ище ты вѣдь по многу ли, царь, пьёшь и ѣшь,
Ты вѣдь пьёшь, ты и ѣшь, да всё вѣдь кушаёшь?

— Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,
Я веё кушаю хлѣба по семи пудовъ;
Я вѣдь мяса-та ѣмъ—къ выти всё быка я съѣмъ.—
Говоритъ-то на тѣ рѣчи Илья Мурамечъ,
Илья Мурамечъ да сынъ Ивановиць:
„У моёво всё у батюшки родимого
Тамъ была-то всё корова-та обжорьцива;
Она много пила да много ѣла тутъ—
У ей скоро вѣдь брюшина-та тутъ треснула“.
Показалось-то царищу, всё не въ удовольствіи;
Онъ хваталъ-то изъ нага́лища булатенъ ножъ,
Онъ кина́лъ-то вѣдь въ калику перехожую.
Ай помиловалъ калику Спасъ пречистой нашъ:
Отьвернулсэ-то калика въ другу сторону.
Скинывáлъ-то Илья шляпу со головушки,
Онъ вѣдь ту-ту скинывалъ всё шляпу сорочиньскую,
Онъ кина́лъ, киналъ въ Идолишша всё шляпою,
Онъ вѣдь кинулъ—угодилъ въ тотарьску са́му голову;
Улетѣлъ же тутъ тотаринъ изъ простѣнка вонъ,
Да вѣдь вылетѣлъ тотаринъ всё на улицю.
Побѣжалъ-то Илья Мурамечъ скорёшенько
Онъ на ту-ли на широку, свѣтлу улицю,
Онъ рубилъ-то всё онъ тутъ силу тотарьскую,
Онъ тотарьску-ту силу, бусурманьчкую;
Онъ избилъ-то, изрубилъ силу великую.
Приказалъ-то князь Владимиръ-отъ звонить всё въ большой колоколъ,
За Илью-ту пѣть обѣдьни-ти съ молебнами:
„Не за меня-то молитé, за Илью за Мурамця“.
Собиралъ-то онъ поцесенъ пиръ,
Ай почёсёнъ собиралъ для Ильи да всё для Мурамча.

44.

Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владимиромъ [1]).

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Собиралъ-то князь Владимеръ-отъ почесенъ пиръ,
Ай почесенъ-то пиръ на тѣхъ-то собиралъ, которы—въ Кіеви:

---

1) Худо помню.

Собиралъ онъ больше на князей да всё на бо́яръ же;
Позабылъ въ чисто́мъ поли могуцихъ онъ бога́тырей,
Да онъ не далъ имъ вѣстоцьки, скоры́хъ гонцёвъ;
Некакого онъ бога́тыря да не почёстовалъ.
Какъ веде́тьце у нихъ всё пиръ наве́сели,
Ай узналъ про то Илья-та какъ да Мурамецъ:
„Я поѣду-ту топерь да въ красенъ Кіевъ-гра́дъ,
Я надѣну, братцы, шубу долгополую,
Назовусь-то я Никитой всё залѣшанинъ“.
Тутъ поѣхалъ Илья, да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамецъ поѣхалъ свѣтъ-Ивановицъ.
Пріѣжаётъ ко городу ко Кіеву,
Ай ко ласкову князю ко Владимеру;
Онъ оставилъ ко́ня доброго на широко́мъ двори,
Самъ заходитъ во полаты бѣлокаменны;
Онъ вѣдь крестъ-то кладётъ да по писа́нному,
Онъ покло́нъ-отъ ведётъ да по учоному:
„Ужъ ты здрастуй, нашо красно, моё солнышко,
Ай ты ласковой ты Владимеръ нашъ;
Ужъ ты здрастуй, Опраксея Королевисьня,
Ужъ вы здрастуйте, князи вси, вы бо́яра!“
Говоритъ-то нашо красно-то всё солнышко,
Ище нашъ-отъ Владимиръ-князь да стольне-кіеськой:
— Добро жаловать, дородьнёй доброй молодецъ,
Ай ко мнѣ-то посидѣть да на поцесёнъ пиръ,
Ай попить-то, поись у мня, покушати,
Ай вѣдь бѣленькой лебёдочки нору́шати! —
Ай вѣдь не́ далъ князь мѣста по уму ему,
По уму-ту не далъ мѣста, всё по разуму:
Не посадилъ ёго Владимиръ-отъ не подлѣ́ собя,
Не посадилъ ево Владимиръ-отъ проти́въ собя, —
Посадилъ ево Владимиръ, добра молодца,
Посадилъ-то ево въ мѣсто не въ почотноё,
Не въ почотно ево мѣсто не въ большой уголъ,
Посадилъ ево Владимеръ всё въ посьлѣдьнёй столъ,
Посадилъ ево со малыма съ ребятками,
Со тѣма́-ли со дѣтьми, дѣтьми боярскима.
Самъ онъ сѣлъ-то Илья, да Илья Мурамецъ —
Не Ильёй-то онъ, право, называитце,
Называитче всё Никитушкой-залѣшанинъ —
Ай хошь сѣлъ-то къ Владимиру да за дубовой столъ,
Онъ не пьётъ, сидитъ, не ѣстъ, да всё не кушаётъ,

— Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,
Я всё кушаю хлѣба по семи пудовъ;
Я вѣдь мяса-та ѣмъ—къ выти всё быка я съѣмъ.—
Говоритъ-то на тѣ рѣчи Илья Мурамечъ,
Илья Мурамечъ да сынъ Ивановиць:
„У моёво всё у батюшки родимого
Тамъ была-то всё корова-та обжорьцива;
Она много пила да много ѣла тутъ—
У ей скоро вѣдь брюшина-та тутъ треснула“.
Показалось-то царищу, всё не въ удовольствіи;
Онъ хваталъ-то изъ нага́лища булатенъ ножъ,
Онъ кина́лъ-то вѣдь въ калику перехожую.
Ай помиловалъ калику Спасъ пречистой нашъ:
Отъвернулсэ-то калика въ другу сторону.
Скинывалъ-то Илья шляпу со головушки,
Онъ вѣдь ту-ту скинывалъ всё шляпу сорочиньскую,
Онъ кина́лъ, киналъ въ Идолишша всё шляпою,
Онъ вѣдь кинулъ—угодилъ въ тотарьску са́му голову;
Улетѣлъ же тутъ тотаринъ изъ простѣнка вонъ,
Да вѣдь вылетѣлъ тотаринъ всё на улицю.
Побѣжалъ-то Илья Мурамечъ скорёшенько
Онъ на ту-ли на широку, свѣтлу улицю,
Онъ рубилъ-то всё онъ тутъ силу тотарьскую,
Онъ тотарьску-ту силу, бусурманьчкую;
Онъ избилъ-то, изрубилъ силу великую.
Приказалъ-то князь Владимиръ-отъ звонить всё въ большой колоколъ,
За Илью-ту пѣть обѣдьни-ти съ молебнами:
„Не за меня-то молитé, за Илью за Мурамця“.
Собиралъ-то онъ поцесенъ пиръ,
Ай почёсёнъ собиралъ для Ильи да всё для Мурамча.

44.

Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владимиромъ [1]).

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Собиралъ-то князь Владимеръ-отъ почесенъ пиръ,
Ай почесенъ-то пиръ на тѣхъ-то собиралъ, которы—въ Кіеви:

[1]) Худо помню.

Собиралъ онъ больше на князей да всё на бояръ же;
Позабылъ въ чистомъ поли могуцихъ онъ богатырей,
Да онъ не далъ имъ вѣстоцьки, скорыхъ гонцёвъ;
Некакого онъ богатыря да не почёстовалъ.
Какъ ведётьце у нихъ всё пиръ навесели,
Ай узналъ про то Илья-та какъ да Мурамецъ:
„Я поѣду-ту топерь да въ красенъ Кіевъ-градъ,
Я надѣну, братцы, шубу долгополую,
Назовусь-то я Никитой всё залѣшанинъ“.
Тутъ поѣхалъ Илья, да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамецъ поѣхалъ свѣтъ-Ивановицъ.
Пріѣжаётъ ко городу ко Кіеву,
Ай ко ласкову князю ко Владимеру;
Онъ оставилъ коня доброго на широкомъ двори,
Самъ заходитъ во полаты бѣлокаменны;
Онъ вѣдь крестъ-то кладётъ да по писанному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учоному:
„Ужъ ты здрастуй, нашо красно, моё солнышко,
Ай ты ласковой ты Владимеръ нашъ;
Ужъ ты здрастуй, Опраксея Королевисьня,
Ужъ вы здрастуйте, князи вси, вы бояра!“
Говоритъ-то нашо красно-то всё солнышко,
Ище нашъ-отъ Владимиръ-князь да стольне-кіеськой:
— Добро жаловать, дородьнёй доброй молодецъ,
Ай ко мнѣ-то посидѣть да на поцесёнъ пиръ,
Ай попить-то, поись у мня, покушати,
Ай вѣдь бѣленькой лебёдочки порушати! —
Ай вѣдь не далъ князь мѣста по уму ему,
По уму-ту не далъ мѣста, всё по разуму:
Не посадилъ ёго Владимиръ-отъ не подлѣ собя,
Не посадилъ ево Владимиръ-отъ противъ собя, —
Посадилъ ево Владимиръ, добра молодца,
Посадилъ-то ево въ мѣсто не въ почотноё,
Не въ почотно ево мѣсто не въ большой уголъ,
Посадилъ ево Владимеръ всё въ посьлѣдьнёй столъ,
Посадилъ ево со малыма съ ребятками,
Со тѣма-ли со дѣтьми, дѣтьми боярьскима.
Самъ онъ сѣлъ-то Илья, да Илья Мурамецъ —
Не Ильёй-то онъ, право, называитце,
Называитче всё Никитушкой-залѣшанинъ —
Ай хошь сѣлъ-то къ Владимиру да за дубовой столъ,
Онъ не пьётъ, сидитъ, не ѣстъ, да всё не кушаётъ,

Онъ вѣдь бѣленькой лебёдочки не рушаётъ.
Ище князь, сидитъ, Владимиръ самъ поглядыватъ,
Самъ поглядыватъ, сидитъ, скоро́ росматриватъ;
Говоритъ ёму Владимиръ таковы рѣчи:
„Ай же шьчо ты, нашъ уда́лой доброй молодецъ
Шьчо по имени Никитушка-залѣшанинъ!
Ты не пьёшь, сидишь, у мня, сидишь, не кушаёшь,
Ишше бѣленькой лебёдочки не рушаёшь?
Обсадилъ-то я тебя ли разьвѣ мѣстомъ тутъ,
Надьсмѣялась надъ тобой разьвѣ невѣжа-та,
Обнесли, можотъ, тебя да царкой винною?
Ты сидишь ты всё у насъ невéсёлъ-отъ:
Ай поту́пилъ оци ясны въ матушку сыру землю,
Ай во ту-ли во се́реду кирпишную".
Говоритъ-то тутъ Илья да онъ таки рѣци:
— Ты вѣдь самъ ты сидишь, князь, за дубовы́мъ столомъ,
Ты сидишь-то какъ всё съ ворона́ми ты,
Ай миня всё посадилъ ты съ воронятами!—
Тутъ Владимиръ-князь скакалъ онъ скоро на рѣзвы́ ноги:
„Поѣжай поди, уда́лой доброй молодецъ,
Со моёго ты ступай-ко со чёсна́ пира;
Ты не ѣзьди ко мнѣ больше въ красенъ Кіевъ-градъ,
Въ красёнъ Кіевъ-отъ-градъ не прослѣжа́й своёго ты слѣдочку-ту;
Удаляйсе ты подальше исъ циста́ поля!"
Онъ скорёхонько-то доброй молодецъ тутъ собираитце;
Ай выскаскивалъ онъ скоро изъ-за дубовы́хъ столовъ;
Онъ прошаитьце со князёмъ со Владимеромъ,
Онъ со той-ли со кнегиной съ Опраксеёй-то:
— Тебѣ спасибо, ты моё да красно солнышко,
На твоёмъ-то на чесно́мъ-то на пиру́ тебѣ!
Не Микитушка у тя всё былъ залѣшанинъ,—
У тя тотъ-ли былъ всё старая стари́ньшина,
Ишше тотъ-ли атаманъ да Илья Мурамецъ,
Илья Мурамечъ былъ да сынъ Ивановицъ.—
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Воротись ты, мой уда́лой доброй молодецъ,
Ужъ ты руськой мой, си́льнёй ты бога́тырь-отъ
Ай по имени Илья ты, Илья Мурамецъ,
Ай по батюшки-отци ты сынъ Ивановицъ!"
Говорилъ ёму Илья всё таковы рѣчи:
— Не умѣлъ ты, князь Владимиръ, сокола́ имать,

Не умѣлъ ты сокола́ имать, въ рукахъ держать,
Не умѣлъ ты угосьтить всё добра молодца,
Ты того меня Илью-ту свѣты-Мурамца!
Подойдётъ, быватъ, къ тебѣ сила невѣрная,
Ай невѣрна къ тебѣ сила, бусурманьчкая,
Ты, тогда у тя бояра кособрюхи съ ей управятце!
Я возьму-ту, князь Владимеръ, я своё востро́ копьё,
Я сойму у тя полаты по окошоцька;
Пусь задавитъ князьей да твоихъ бо́яровъ! —
Онъ сказалъ-то онъ самъ тольки не зьдѣлалъ такъ.
Уѣжаетъ онъ скорёхонько въ чисто́ полё.
Говоритъ-то Владимиръ таковы рѣци:
„Немалу́ я собѣ шутоцьку нашу́тилъ-то!
Ище какъ мнѣ эта шутка теперь съ рукъ сойдётъ?
Посылатъ-то онъ скорыхъ гонцёвъ въ чисто́ полё:
„Вы скажите, вы мои, мои скоры́ гонци,
Шьчобы вѣдь Илью-ту звалъ Добрынюшка Никитиць младъ; —
Ай зъ Добрынюшкой у ихъ сь Никитичомъ
Ай поло́жона вѣдь заповѣдь великая:
Какъ которой-то изъ ихъ да будётъ гнѣватьце,
Будетъ гнѣватьце, которой будётъ гнѣвъ дё́ржать,
Ай другому шьчобы́ уговорить бы такъ,
Одному шьчобы́ другого розговаривать“.
Ай приходитъ эта вѣстоцька гъ Добрынюшки,
Гъ Добрынёчки приходитъ во чисто́ полё;
Ай Добрынюшка Никитиць скоро онъ зовётъ ево:
„Ты поѣдёмъ-ко, мой брателко крестовой ты,
Ты ко ласкову князю на поцесё́нъ пиръ;
Самъ вѣдь всѣхъ велѣлъ собрать могуціихъ бога́тырей,
Пуше всѣхъ велѣлъ онъ звать да Илью Мурамця“.
Говоритъ ёму Илья да всё таки рѣци;
— Ай спасибо князю всё за приглашеньицё!
Я отказанъ ужъ отъ города отъ Кіева,
Отъ того я отъ пиру́, пиру́ чё́сно́го я,
Я ишшé-то всё отказанъ отъ чиста́ поля [1]).
У ёго есь-то тамъ много бояръ есь всѣхъ;
Ишше будутъ поправлятьце-то когды всё при́ гори.
Я поѣду во да́лече, дале́че во чисто́ полё,
Увезу я всихъ могучихъ всѣхъ бога́тырей;

---

[1]) Т. е. я не стану биться за Кіевъ въ полѣ; поэтому уѣду и увезу богатырей (ст. 125). *Собир.*

Я уѣду-ту, уѣду не нá день-отъ,
Я не нá день-отъ уѣду, я не нá два тутъ,—
Я уѣду отъ ево всё нá два годичка,
На два годичка уѣду поры-времени.—
Ай прошло-то тому времени вѣдь цѣлой годъ,
Наступаетъ-то тому времени другой вѣдь годъ.
Тутъ поѣхалъ всё Илья да попровѣдати,
Попровѣдать-то поѣхалъ по чисту́ полю,
Попровѣдать-то поѣхалъ-то про красёнъ Кіевъ-градъ,
Онъ ишé-то попровѣдать всё про князя-та.
Ай про князя попровѣдать со кнегиною:
„Каково у мня живётъ тамъ красно солнышко,
Каково у мня живётъ да всё Владимеръ-князь
Со своей-то со кнегиной съ Опраксеёй-то,
Ай со той-ли съ Опраксеёй Королевисьнёй?“
Онъ вѣдь ѣдётъ, онъ розьѣжживатъ да по чисту́ полю;
Во чистóмъ поли завидялъ: всё стоитъ-то силушка,
Шьчо стоитъ-то, стоитъ сила невѣрная,
Шьчо невѣрна-та силушка тотарьская.
Шьчо выходитъ тутъ Идóлишшо-то изъ бѣлá шатра,
Говоритъ-то всё Идолишшо таки рѣци:
„Ай тотары вы мои, да палачи мои,
Палачи мои, тотары, немилóсьливы,
Немилóсьливы тотары, нежалóсьливы!
Выходите, понесите скору грамотку,
Понесите скору грамоту тотарьскую,
Инше тѣ-ли ёрлычка да скорописцяты“.
Тутъ тотары всѣ да выходили всѣ;
Отсылаётъ онъ зъ грамотой да три тотарина.
Вотъ приходятъ тотара на широкой дворъ,
Безъ докладу иду́тъ, безъ приказаньиця,
Бесъ приказаньича ’ цолаты бѣлокáмянны;
Какъ они тутъ отдаваютъ скору грамоту,
Не кресьтя́ть-то своёго лиця поганого;
Принимаётъ князь Владимиръ стольнё-кіевской.
Въ ерлычкахъ-то скорописцятыхъ написано:
„У тя нѣтъ, я знаю, князь, да при тебѣ вѣдь всё,
При тебѣ-то всё твоихъ да всё богáтырей,
Ай богатырей-то, руськихъ поединьшицьковъ.
Ай подай, подай мнѣ-ка, князь, ты поединьшицьковъ,
Ты того подай Илью мнѣ, Илью Мурамця;
Не подашь токо мнѣ завтро поединьшицька,—

Пушшай выѣдутъ ко мнѣ всё на чистó полё;
А мы тутъ-то стáнёмъ съ и́ма тогда битисе,
Мы вѣдь битьце съ има станёмъ, воёватисе,—
А̀й не дашь ты мнѣ да поединьшицька,
Поединьшицька, могу́цёго богáтыря,—
Я зайду-то вѣдь къ тобѣ всё въ красёнъ Кіёвъ-градъ,
Я сожгу-то всѣ вѣдь церьквы Божьіи,
Розорю-ту у тибя монáстыри спасёныя;
Исъ полатъ-то вѣдь князя-та Владимера повыгоню,
За жолты́ ёго кудри́ возьму повыкину,
Ай оставлю одну въ полатахъ-то княгину я,
Ишше ту я Опраксею Королевисьню“.
Это всё-то Илья, стоитъ, выслушиватъ.
Онъ пріѣхалъ Илья-та всё во Кіевъ-градъ,
Онъ во Кіевъ-градъ пріѣхалъ на добрóмъ кони;
Онъ спускалъ-то своево да всё добрá коня:
„Ты постой, пстой немножко, ты мой доброй конь!
Я пойду-схожу по городу по Кіеву:
Не могу ли я найти калики перехожою;
Я возьму-ту у ево клюку всё подорожную;—
Я не взялъ-то вѣдь да сабли вострою“.
Нашолъ-то тутъ да Илья Мурамець
Ай ту-ли калику перехожую,
Перехожу калику, переброжую,
Онъ того богатыря да всё Иванишша,
Попросилъ-то у ево платья́ кали́цьёго,
Онъ вѣдь нé далъ ёму платья́ кали́цьёго.
Онъ попросилъ-то у ево клюки всё подорожною;
Не дават ёму клюки онъ подорожною.
Говоритъ-то Илья Мурамець таки рѣци:
„Не отдашь ты мнѣ клюки—да я возьму у тя“.
Заревѣлъ-то тутъ калика всё Иванишшо,
Онъ вѣдь заревѣлъ, пошолъ, слёзами горькима;
Онъ кинáлъ свою клюку всё подорожную
Онъ во ту-ли онъ во матушку въ сыру землю.
Тутъ вѣдь цють-то могъ достать да Илья Мурамець,
Илья Мурамечъ достать да сынъ Ивановиць;
Онъ вѣдь бралъ эту клюку да во бѣлы́ руки—
Шьчо вѣсу́ будётъ клюка всё девяносто пудъ.
Онъ садилсэ на своёго на добрá коня,
Онъ поѣхалъ тепере во чистó полё,
Во цистó полё поѣхалъ ко тотарамъ тутъ;

Онъ вѣдь зáчялъ по чисту́ полю поѣжживать,
Онъ вѣдь сталъ-то этой клю́чкой всё помахивать,
Онъ вѣдь сталъ-то тутъ тотаръ всё прiубавливать;
Кольке клю́чкой тотаръ бьётъ, вдвоѐ конёмъ топцётъ.
Онъ прибилъ-то, прирубилъ да всѣхъ тотаревей,
Онъ прибилъ-то, прирубилъ всё до единого;
Убивалъ-то онъ Идóлиша поганого,
Убивалъ-то онъ его, всё приговаривалъ:
„Не ходи ты, Идолишо, не ѣзди на сьвяту́ къ намъ Русь:
Тяжело видать могуцiихъ богáтырей“.
Тутъ прибилъ онъ, прирубилъ силу великую,
Не оставилъ-то онъ силы всё на сѣмяна;
Онъ оцистилъ тутъ своё да полё цистоё,
Сохранилъ-то онъ тутъ вси да церьквы Божьiи,
Сохранялъ онъ всѣ манáстыри спасёныи,
Сохранялъ-то своего князя Владимера
Со кнегиной съ Опраксеёй съ Королевисьнёй.
Самъ поѣхалъ онъ скоро въ красёнъ Кiевъ-градъ
Ай искать-то всё калику-ту Иванища.
Онъ нашолъ-то ёго, встрѣтилъ въ славномъ Кiеви,
Подавалъ ёму клюку всё подорожную:
„Ты бери, бери, калика ты Иванишё,
Ты бери, бери клюку всё подорожную.
Я поѣду теперь я во чистó полё,
Во чистó полё поѣду я гъ богáтырямъ“.
Тутъ приходитъ калика всё Иванишшо,
Онъ приходитъ ко князю подъ окошоцько;
Запросилъ-то онъ милосьтинку всё спасёную:
„Ай подай ты, князь Владимиръ, стольнё-кiевской,
Ты подай, подай милосьтинку мнѣ спасёную“.
Подавалъ-то ёму князь-отъ милосьтину всё спасёную.
Говоритъ калика перехожая:
„Я вѣдь видялъ сёгодьне Илью Му́рамця; —
Отымалъ у мня клюку онъ подорожную,
Онъ вѣдь билъ-то всё моей клюкой силу тотарьскую,
Онъ убилъ клюкой Идолишша поганого“.
Выходилъ-то князь Владимиръ всё на улоцьку,
Онъ вѣдь бралъ Иванишша-калику за праву́ руку,
Чёловалъ ёго въ уста въ сахáрныя,
Уводилъ-то онъ калику во полатушки:
— Не во сьни ли то тебѣ эдакъ привидялось,
Шьчо ужъ былъ у мня Илья-та онъ во Кiеви?

Не слыхалъ я про Илью-ту больше годика;
Всихъ увёзъ у мня могуцихъ всѣхъ богáтырей.
Токо правду ты сказалъ мнѣ-ка всё, Иванишшо,
Пріобцистилъ токо онъ силу тотарьскую,—
Я вѣдь буду-ту писать я ёрлычки всё скорописцяты,
Ужъ я буду отсылать теперь скоры̆хъ гонцёвъ,
Я вѣдь буду-ту теперече звать дорогá госьтя,
Дорога-та я госьтя Илью Мурамця
Со своима-ти [1]) съ могуцима богáтырями;
Напишу я ёрлыцьки имъ скорописцяты,
Отошлю-ту я сёводьне всё скоры̆хъ гонцёвъ,
Розыскали-то шьчобы̆ у мня да Илью Мурамця,—
Собиралъ шьчобы̆ свою-ту онъ дружиночку хоробрую,
Шьчобы руськихъ-то могуцихъ всѣхъ богáтырей,
И ко мнѣ шьчобы̆ пріѣхали да пировать у мня,
Пировать шьчобы̆ у мня да проклаждатисе,
Собираю этотъ пиръ ужъ не на кня̆зей, не на бóяровъ,
Собираю я на руськихъ-то могуцихъ я,
Шьчо на руськихъ могуцихъ на богáтырей:
На Илью-ту собираю всё на Мурамця,
Ай на всихъ-то на ёго я на товарышшовъ.—
Тутъ вѣдь скоро гонци, скоры̆ послы наѣхали;
Они звали Илью дӑ низко кланелись.
Ише тутъ у Ильи-то отопило да ретивó серьцё;
Онъ вѣдь тутъ поѣхалъ веселёхонёкъ,
Онъ повёзъ-то всё своихъ да онъ товарышшовъ.
Ай пріѣхали ко городу ко Кіеву,
Шьчо ко ласковому князю ко Владимеру.
Вѣдь стрѣцятъ ихъ тутъ князь на широкóмъ двори
Со своей-то со кнегиной съ Опраксéёй тутъ.
Говоритъ-то Илья, да Илья Мурамецъ:
„Ужъ ты здрастуй-ко, ты красно моё солнышко,
Ище тотъ-ли князь Владимиръ стольнё-кіеськой,
Ужъ ты здраствуй, кнегина Опраксея Королевисьня!
Говорилъ-то Владимиръ таковы рѣци:
— Ужъ ты здрастуй, здрастуй, атаманъ ты нашъ,
Ешше старая-ли ты да всё старúньшина,
Да по имени Илья да сьвѣтъ ты Мурамецъ,
Изъ очетесьтва да ты Ивановицъ!
Ты спасибо тебѣ, да Илья Мурамецъ,

[1]) Т. е. съ его (Ильи). *Собир.*

Ай за силушку твою-ту за великую,
Шьчо за вы́слугу твою за богатырьскую:
Ужъ ты спасъ у мня, помиловалъ Божьи́ церькви,
Ты вѣдь спасъ у мня, помиловалъ мана́стыри спасёныя,
Ужъ ты тѣ-ли вси сьвяты́ мошши нетлѣнныя
И меня-то спасъ, князя, со кнегиною.—
Онъ берётъ ёго всё за праву́ руку,
Обнима́тъ ево своей да руцькой правою,
Онъ чѣлуётъ всё въ уста ёго въ саха́рныя:
Онъ проводитъ во полаты княженеськія
Онъ вѣдь всихъ-то ёго да всихъ товарышшовъ:
Ай Добрынюшку ведётъ да всё Никитича,
Ай Алёшеньку ведётъ да всё Поповиця,
Онъ вѣдь всѣхъ ведётъ бога́тырей да до единого;
Онъ садитъ-то Илью да онъ вѣдь выше всѣхъ,
Онъ вѣдь выше всихъ садитъ—да во своё мѣсто,
Ай бога́тырей садитъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ;
Самъ вѣдь ходитъ со кнегиной, поклоняютце:
„Ужъ ты ѣшь-ко-се, ты кушай, атаманъ ты нашъ,
Атаманъ ты нашъ, старая ста́рыньшина,
Ишше тотъ-ли ты казакъ да Илья Мурамець!
Ты сидишь теперь, Илья, хоть во моёмъ мѣсьти,
Во моёмъ мѣсьти сидишь да ты во князёвомъ.
Ты имѣй-ко на пиру да ты всё бо́льшину:
Для тебя-то этотъ пиръ да собираитце
За твою-ту за услугу богатырьскую,
Для твоихъ-то всё вѣдь тутъ да для товарышшовъ,
Для товарышшовъ збираю, для бога́тырей“.
Ише та-то старина да тѣмъ приконьцилась.

45.

Илья Муромецъ и разбойники.

(А. М. Крюкова переняла эту старину у дочери Павлы спеціально для того, чтобы сообщить мнѣ; а Павла Семеновна, въ свою очередь, выучила старину у дѣда Василія Леонтьевича).

Ай поѣхалъ Илья Мурамець въ чисто́ полё,
Да поѣхалъ во чисто́ онъ по́лё попровѣдати,
Попровѣдать, посмотрять, нѣтъ ли, не ѣзьдятъ ли,
А не ѣзьдя ли тотара-поединшыцьки.
Ай наѣхалъ во чисто́мъ поли́ единой сѣрой ка́мешокъ,
Онъ наѣхалъ камешокъ,—да всё подписано.

„У кого эта дорозоцька уѣжжона,
У кого эта широкая утоптана?
Розьѣзьдилъ я дорожоцькой, всё доброй молодець
Ай по имени Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець розьѣзьдилъ сынъ Ивановиць.
Да вѣдь я-то теперь поѣду развѣ во тёмны лѣса;—
Во правой руки у мня дорожки пріуцишшоны,
Пріуцишшоны дорожоцьки, извѣданы.
Я поѣду-ту тепере на круты горы“.
На крутой-то на горы да тамъ стоятъ бѣлы шатры;
Во бѣлыхъ-то во шадрахъ-то есь-то тутъ сорокъ розбойницьковъ,
Ай поруськи-то назвать—сорокъ totáрьницьковъ,
Пототарьски-то назвать—сорокъ камышницьковъ.
Тутъ вѣдь сталъ-то Илья да всё россматривать,
Онъ россматривать-то сталъ, да онъ розглядывать;
Говоритъ-то Илья да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, тотара вы поганыи!
Ай поруськи-то назвать, дакъ васъ тотарами,
Пототарьски-то назвать—дакъ вы камышницьки“.
Они стали изъ шатровъ да всё выскакивать,
Шьто тотаринъ за тотаринъ выскакивать,
Ихъ навышло ишше сорокъ всё тотаровей.
Говорятъ-то тотара таковы слова:
— Ай ты гой еси, сторой-отъ сѣдатой ты!
Тебя скоро мы вѣдь розлуцимъ да со бѣлымъ свѣтомъ.—
Говорилъ-то имъ Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сынъ Ивановиць:
„Розлуцить-то вамъ меня да всё вѣдь нéзашто:
Тольки есь-то у мня шубка соболинная,
Ета стоитъ у мня шубоцька петсотъ рублей;
Ай на шубоцьки пуговка—петьсотъ рублей,
Ай друга-та у мня пуговка вѣдь—цѣла тысеця,
Ай третья-та у мня пуговка—цѣны ей нѣтъ.
Ай да есь у мня у старого ишшé перцятоцьки,
Ай перчатоцьки у мня да красна золота—
Подареньицё у мня князя Владимера;
Да перцятоцьки стоятъ всё петьсотъ рублей.
А ишшé у мня у старого да у сѣдатого,
У мня есь ише сапожоцьки на ножоцькахъ,
Ай сапожоцьки у мня тоже—петсотъ рублей.
Ишше есь у мня у старого, сѣдатого,

Ишше есь у мня перо да лебединноё:
Я досталъ ето перо-то въ середины моря сйнёго,
Я со того-то моря синёго со славного—
Называють это морё: Окіянъ, да морё синёё,
А на томъ зо на горюцёмъ сѣромъ камешки;
У мня стоитъ это пёрышко петьсотъ рублей“.
Говорятъ ёму тотара-ти да всё розговариваютъ:
— Мы вѣдь скоро тебя старого, сѣдатого,
Предаёмъ мы тебѣ старому скору мы сьмерть,
Отсѣкёмъ-то у тебя мы буйну голову.—
Говоритъ-то старой таковы рѣци:
„ Я возьму-ту какъ свою да саблю вострую,
Отсѣку-то я у васъ да буйну голову.
Вы поѣзьдили вы по бѣлу сьвѣту, пограбили
Вы пограбили, побили людей добрыихъ“.
Онъ тутъ скоро поѣхалъ на добромъ кони,
Онъ отьсѣкъ-то у тотаръ да буйны головы,
Онъ вѣдь взялъ-то у ихъ собралъ злато, сёребро;
Ай поѣхалъ-то онъ да въ красёнъ Кіёвъ-градъ.
Онъ ко ласкову князю ко Владимеру;
Онъ привёзъ-то всё да злато, сёребро.
Благодарилъ-то тутъ князь да со кнeгиною.

46.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Во Резани-то было, славномъ городи,
Да во Муроми, во Качарови.
Тамъ вѣдь жилъ-то Никита сынъ Ивановиць
Ище жилъ-то князь, князь пребогатой былъ,
Со своей-то онъ жилъ съ молодой женой,
Да со той-ли съ Амельфой Тимоѳеевной.
Ай вѣдь нё было у нихъ да малыхъ дѣтоцёкъ,—
Они жили немало, немного—пять годовъ;
На шостомъ-то было у ихъ на годицьку,
Да родилось у ихъ да цядо милоё,
Ищо мило-то цядышко, всё любимоё,
Молодой-то Добрынюшка всё Никитиць младъ.
Они скоро Добрынюшку всё возрОсьтили.
Да Никита-та, князь-отъ скоро представилсэ;
Оставалсэ Добрынюшка съ одной съ матушкой.

Ишше сталъ у насъ Добрынюшка двадцети годовъ;
Да прошла ета славушка по вьсей земьли,
Какъ по всей-то земьли слава пошла великая,
До того дошла до города до Мурама,
До того дошла села, села до Качáрова;
А услышилъ старой-отъ казакъ всё Илья Мурамецъ,
Онъ поѣхалъ узнать-то всё богáтыря,
Какъ Илья-та тогды ишше онъ не силёнъ былъ,
Ище Мурамецъ тогда-то не имѣлъ себѣ [1]).
Стрѣтились Ильи два юноши,
Воротили Илью съ пути-дорожоцьки:
„Воротись-ко, Илéюшко, изъ дорожоцьки;
Ты пойдёмъ-ко-се съ нами ише въ домъ къ тобѣ“.
Принесьли-то ему всё цяшу серебряну,
Всё серебряну цяшу, всё позолóцёну;
Ище дали исьпить ёму пива пьяного,
А другой наливалъ ёму юноша мёду сладкого;
Ише сами говорятъ ёму таковы рѣци:
„Ужъ ты слышишь ли, Илья, въ себѣ силу великую?“
— Ужъ я слышу въ себѣ-то силу великую:
Кабы было теперецe кольцё въ земли,
Поворотилъ бы вьсю земьлю-ту Святоруськую.—
Наливали ёму-ту тольки полъ-цяши-то;
Выпивалъ-то Илья-то скоро Мурамецъ.
„Ты велúку ли тепере слышишь силушку?“
— Да теперь во мнѣ силушки половинушка.—
А во ту вѣдь пору скоро, во то время
Отправляли его юноши во чистó полё;
Подписали всё на ёго могуцúхъ плецяхъ,
Шьчо Ильи-то во чистóмъ поли смерть была не писана;
Какъ давáютъ ёму всё саблю вострую,
Всё даваютъ ёму сѣдёлышко черкальскоё,
Всё даваютъ ёму копьё брузаменьскоё,
Всё даваютъ ёму палицю тяжолую,
Да тяжóлу ёму палицю—девяносто пудъ.
Да поѣхалъ нашъ Илеюшка во чистó полё;
Съ руки нá руку палицю всё побрасывалъ.
Онъ не могъ найти Добрынюшки во чистóмъ поли:
Какъ вотýпоръ было—Добрынюшка ѣзьдилъ по тихимъ заводямъ.

[1]) Очевидно, силы. *Собир.*

Прiѣжаётъ вѣдь онъ-то [1]) всё ко матушки,
Ко Добрынину прiѣхалъ къ широку́ двору,
Ко окошоцьку прiѣхалъ ко косисцётому.
Отьпиратъ-то вдова-то скоро окошоцько,
Ишше та вдова Омельфа Тимоѳеёвна,
Она кланялась ёму-ту до низкой земьли:
„Ужъ ты здрастуй, двоюро́дной милой братёлко,
Ужъ ты старой казакъ свѣтъ-Илья Мурамець,
Илья Мурамець ты же свѣтъ-Ивановиць!
Ты не бо́йсе моёго двора сиротьского,
Заѣжай-ко-се добры́мъ конёмъ на широкой дворъ
Ты попить-то, поѣсь ко мнѣ, покушати.
Ищё ты-то когда у мня былъ малёхонёкъ,
Я жила-то вѣдь у твоего родного батюшка,
У своёго-то жила у двоюро́дницька,
У того же жила у Ивана Тимоѳеевича,
Я у матушки твоей жила у родимою,
У Елены я жила у Олёксандровны;
Я водилась съ малёхонькимъ съ тобой, съ глупёхонькимъ;
За воднё-ту подарилъ твой ро́дной батюшко,
Двоюро́дной-отъ мой всё милой бра́тёлко,
Со твоей-то со родимой милой матушкой
Какъ со той-ли съ Еленой Олёксандровной
Не пожалѣли, подарили золотой персьтѣнь;
А тепере—у Добры́нюшки на право́й руки,
У Никитиця на пѐрьстецьку безымяномъ-то.
Ужъ ты гой еси, казакъ да Илья Мурамець,
Илья Мурамець ты да сынъ Ивановичъ!
Ты не бойсе моёго всё двора вдовьёго,
Заходи ко мнѣ попить, поѣсть, покушати.
Ты нейдёшь-то ко мнѣ, да всё боисьсе ты!
Ты по́милуй хоть моёго цяда милого,
Цяда милого моёго ты, всё любимого,
Да того-ли Добрынюшку всё Никитича:
Ише цядышко у мня-то неуступциво;
Онъ вѣдь силой не силенъ, всё напу́скомъ смѣлъ".
Поворацивалъ Илья да коня доброго,
Онъ поѣхалъ Добрынюшку искать во чисто́мъ поли.
Онъ наѣхалъ Добрынюшку во чисто́мъ поли;
Они съѣхалисе съ нимъ, всё прiударились;

[1]) Илья. *Собир.*

Востры сабельки у ихъ скоро потупи́лисе,
Востры копьиця у ихъ всё поломалисе;
Они стали—боемъ всё рукопашныимъ.
Какъ садилсэ Илья къ ёму на бѣлы́ груди,
Увидалъ у ево на руки злацёнъ перьстéнь,—
Онъ спросилъ у ёго про родъ, про племя тутъ.
Говорилъ-то Добрынюшка всё Микитичъ младъ:
„Я сидѣлъ бы у тибя теперь на бѣлы́хъ грудяхъ,—
Не спросилъ бы не роду я, не племени,
Не спросилъ бы природы твоей сердéсьнёю“.
Ишше тутъ-то Илья скоро усьмѣхаитьце;
Онъ берётъ его за рученьку за правую,
Онъ чѣлуетъ его въ уста сахáрныя,
Ище самъ онъ говоритъ ёму таковы рѣци:
— Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитиць младъ!
Ты глупёхонёкъ—стало быть, молодёхонёкъ.
Вѣрно храбрось въ тебѣ богатырьская;
Не напрасно прошла-то слава великая.
Ты поѣдёмъ со мной лучше къ ро́дной къ матушки,
Да ко той вдовы къ Омельфы къ Тимоѳеевны.—
Тутъ вѣдь скоро Добрынюшка догадаитьце;
Онъ вѣдь падалъ ёму скоро во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти, просьти мивя, просьти виноватого!
Говорила мнѣ матушка родимая,
Шьто чесна́ вдова Омельфа Тимоѳеевна:
„Да увидишь въ чисто́мъ поли Илью Мурамця,—
Не дошо́дъ ты ёго, да низко кланейсе,
Называй ты ёго дядюшкой всё двоюроднымъ,
Ты зови ёво къ себѣ на широкой дворъ““.
Тутъ вѣдь скоро они тутъ поѣхали
Шьто во тотъ они славной во Резань-городъ,
Какъ ко той вдовы Омельфы Тимоѳеевны;
Тутъ вѣдь пили, проклаждались ровно три-то дня,
Всё побра́тались крестами однозоло́тныма,
Назвали́сь они братьеми крестовыма,
Шьчо крестовыма братьицями, назва́ныма.
Какъ оттуль они поѣхали въ красёнъ Кіевъ-градъ
Посмотрять-то они князя Владимира
Со кнегиной съ Опраксеей съ Королевисьнёй,
Познакоми́тьце со руськима съ могуцима со бога́тыреми.
Принималъ-то Владимиръ ихъ съ цести, съ радости;
Собираётъ для бога́тырей поцéсёнъ пиръ,

Отовсюль онъ собиратъ-то всё богáтырей.
Во перьвы́хъ познакоми́лись Илья всё со Добрынюшкой,
Во вторыхъ-то покрестóвались со Олёшенькой,
Да ишше́ съ Дунаёмъ сыномъ Ивановичемъ,
Да ишé они съ Цюрилушкомъ со Плѐнковичёмъ,
Да ишé же со Самсономъ всё со Сильнимъ-то;
Да ишé-то Перетьсмяка тутъ со племянницькомъ,
Ишше былъ сь има Вáнюша, всё боярской сынъ,
Ишше былъ сь има Ванька, енеральской сынъ.
Ишше тѣ же богáтыря всё сильнія
Записались всё въ заповѣдь великую:
„Шьчобы стоять намъ за князя за Владимира,
Шьчобы стоять намъ за вѣру христіяньскую,
Шьчо за матушку Россію за православную,
Шьчо за земьлю-ту намъ шьчобы Святоруськую“.

47.

Алеша, переодѣвшись каликою, убиваетъ Тугарина.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ-то было-то въ прекрасномъ Острови,
Во прекрасномъ-то было, славномъ городи,
Тамъ два ясного два сокола вылéтыватъ,
Выѣжаютъ два дородьня добра молодця,
Вы два руського могучого богáтыря:
Во перьвы́хъ-то всё Олёшенька Левонтьёвичъ [1]),
Да Левонтьёвичъ Олёшенька Поповиць младъ,
Во вторыхъ-то вѣдь крестóвой ево брáтёлко
Ишше тотъ-ли Екимъ да всё Ивановиць.
Они ѣдутъ, ѣдутъ братьича крестовыя,
Они бокъ вѣдь ó бокъ вѣдь ѣдутъ, плецё ó плечо,
Нога ó ногу гуляютъ, стремя ó стремя;
Да поѣхали они-то въ три дорожки прямоѣжжіи,
Въ ту дорожочку поѣхали, къ чисту́ полю.
Они ѣхали по пóлю, полю чистому,
Нечево совсѣмъ во пóли не наѣхали,
Шьчо не гуся-та они, не бѣлой лебеди,
Не какого они зьвѣря-та рысу́шого,
Да рысушого зьвѣря, всё бѣгушого,—

---

[1]) По словамъ Крюковой, только въ этой старинѣ Алеша называется по отчеству. *Собир.*

Тольке наѣхали два братёлка крестовыи
Во чистóмъ они полѝ всё сѣръ горюць камень.
Говорилъ-то Олёшенька Поповиць младъ,
Шьчо Поповиць младъ Олёшенька Левоньтьёвичъ,
Говорилъ своёму брателку крестовому,
Шьто крестовому онъ братёлку, названому,
Ай тому-ли онъ Екиму всё Ивановичу:
„Ужъ ты гой еси, крестовой ты мой братёлко!
Ты смотри-ко, смотри грамоту, прочитывай“.
Онъ смотрялъ-то скоро грамотку, прочитывалъ;
Какъ написана была-то грамотка словами золотыма всё.
Говорилъ-то онъ крестовому всё братёлку,
Богáтырю Алёшеньки Поповичу:
— Проциталъ я, россмотрялъ всё эту грамоту;
Всё росьписаны дорожоцьки да прямоѣжжія:
Какъ перьвá лежитъ дорожка прямоѣжжая,
Шьто во тотъ она лежитъ, лежитъ во Муромъ-градъ,
Какъ втора лежитъ дорожка прямоѣжжая,
Шьчо во тотъ лёжитъ она Церниговъ-градъ,
Шьто третья́ лежитъ дорожка прямоѣжжая
Она прямо во славёнъ, красёнъ Кіевъ-градъ,
Ко тому-ли всё ко князю ко Владимиру.—
Говорилъ-то тутъ Екимъ да всё Ивановиць:
— Ты подумай-ко, крестовой ты мой брателко,
Намъ куда-то теперь ѣхать, куда путь держать?
Говоритъ ему Алёшенька Левоньтьёвичъ:
„Мы поѣдемъ, братёлко, топерече въ чистó полё,
Ись цистá поля поѣдемъ въ красёнъ Кіевъ-градъ“.
Недалече во чистó полё подьѣхали,—
Сходили добры молодци да со добрыхъ коней,
Шьчо спускали своихъ-то коней добрыхъ тутъ
Шьчо спусьтили они кóничковъ да въ зеленá луга,
Зелены́ они въ луга, хоть ко Офрáкъ-рѣки;
Ишше сами они ставили бѣлы́ шатры полóтьняны,
Повалились во бѣлы́ шатры да всякъ во свой шатёръ.
Тутъ не сьпитьце-то Алешеньки Поповичу,
Онъ не сьпитъ, всё не сьпитъ, самъ больше такъ лежитъ;
Пробужаице поу́тру онъ ранёшинько,
Онъ свѣжóй водой ключóвой умываитьце.
Тонкимъ бѣлымъ полотеньчомъ утираитьце,
Онъ вѣдь молитце на встокъ самъ Богу-Господу,
Самъ пошолъ же въ ту онъ сторону, всё ко Офракъ-рѣки.

Тутъ идётъ къ ему калика перехожая,
Перехожа-то калика, переброжая;
Говоритъ ёму калика перехожая:
„Ужъ ты здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець,
Ише руськой сильнёй ты могуцей же богáтырь ты!“
Говоритъ-то тутъ Алёшенька Поповичъ младъ:
— Ужъ ты здрастуй-ко, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!—
Удивляитьце Алешенька тому диву:
На калики-то вѣдь на ногахъ полапотьки
Какъ рошшиты, всё сьплетёны ись семи шолковъ,
На калики-то всё шуба соболинная,
Соболинная шуба, долгополая,
На головушки шляпа сарачиньская,
Сарачиньская шляпа, земьли Гречеськой,
Какъ вѣдь мáленько личё ево да съ цистымъ сéребромъ,
Подбородокъ зъ барадой-то у ево, увито краснымъ золотомъ,
Шэпалы́га подорожная у его въ рукахъ ише въ тридцеть пудъ,
Какъ облита у ево да сьвинцёмъ гречеськимъ.
Говорилъ-то онъ таковы рѣци:
„Шьчо не ты ли, доброй молодець,
Шьчо не ты ли вѣдь Алёшенька Поповиць младъ?
Я вѣдь шолъ-то какъ севодьне по чисту́ полю,
Я вѣдь видѣлъ-то севодьне чудо чудноё,
Чудо чудноё севодьне диво дивноё:
Ишше ѣзьдитъ по чисту́ полю змѣйишшо всё Тугáришшо [1]);
Ищэ конь-отъ подь имъ да будто зьвѣрь страшной;
Онъ вѣдь змѣйишшо-то Тугаришшо—
Три сажéни-то большихъ печатныихъ,
Какъ переносьё ево будто палка дровокольняя;
Какъ вѣдь у ево на себѣ-то платья было цьвѣтного,
Ише платьиця на ёмъ да на сто тысецей,
На добрóмъ кони уборъ—дакъ цѣны нé было;
У коня-та вѣдь изъ ноздрей дакъ искры сыплютьце,
Ише изъ роту вѣдь у коня дакъ пламя пáшотъ тутъ“.
Говорилъ-то тутъ Алёшенька Поповиць младъ,
Шьчо Поповиць младъ, Алёшенька Лявоньтьёвичъ:
— Ужъ ты дай-ко, дай мнѣ-ка, калика перехожая,

[1]) Сначала Крюкова пропѣла: „Зрыденишшо“, потомъ поправилась. *Собир.*

Перехожа ты калика, переброжая,
Мьнѣ-ка дай-ко ты каличьё платьё цьвѣтноё,
Надѣвай-ко ты моё-то всё вѣдь платьицё.—
Они скоро тутъ съ каликой-то перемѣнилисе.
Говоритъ ише калика-та Олёшеньки Поповицю:
„Вѣдь крыцитъ ишё зьмѣишшо-то да во всю голову:
„Етотъ гдѣ же есь Олёшенька Поповиць младъ?
Я его буду не бить ево, не у́чити,
Розорву ево возьму я скоро на́двоё““.
Наредилсэ онъ въ каличьё платьё въ чёрноё,
Взялъ онъ въ руки шепалыгу подорожную.
Онъ приходитъ ко зьмѣишшу-ту близёхонько,
Онъ крыцитъ ёму зьмѣишшо во всю голову;—
Мать сыра-та вѣдь земьля да всё колыблитьце:
„Не видалъ ли ты, калика перехожая,
Тутъ не ѣзьдитъ ли Алёшенька Поповиць младъ?“
Говоритъ-то тутъ калика перехожая:
— Не видалъ вѣдь я Алёшеньки Поповиця.
Ты крыци мнѣ-ка, зьмѣй, пушше, шьтобы слышалъ я;
Нечево-то я теперь да всё не слышу вѣдь,
Я не слышу-ту, не вижу я рѣцей твоихъ.—
Тутъ повѣрилъ-то зьмѣищо калики, шьто таки рѣци;
Онъ походитъ-то къ калики онъ близёхонько.
Онъ вѣдь хлопнулъ шелапы́гой подорожною
Онъ по той-ли по его-то всё по го́ловы;
Тутъ свалилсэ зьмѣй Туга́ринъ со добра́ коня.
Онъ садилсэ-то ему всё на чорны́ груди.
Тутъ Тугаринъ вѣдь ему, зьмѣишшо, взмолитсэ:
„Ужъ ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Шьчо не самъ ли ты—Алёша всё Поповиць младъ?
Ты спусьти миня, спусьти да ты живого всё“.
— Не спушшу-то я тебя на свѣтъ живого тутъ—“.
Отрубилъ онъ взялъ, отсѣкъ да буйну голову,
Наредилсэ всё Тугарина да въ платьё въ чвѣтноё,
Онъ садилсэ на его всё на добра́ коня;
Ише платьё у ево вѣдь было на сто тысецей,
Ай уборъ-то у коня-та—цѣ́ны не было.
Онъ поѣхалъ тутъ ко бра́тёлку крестовому,
Ай къ тому-ли онъ къ Екиму-ту Ивановичу.
Тутъ увидѣлъ ево братёлко крестовой-отъ;
Онъ вѣдь думатъ—ѣдетъ зьмѣй Тугаринъ самъ;

Онъ наладилъ всё свою да стрѣлочку калёную,
Онъ стрѣлялъ-то всё въ Алёшеньку Поповиця.
Онъ свалилсэ тутъ Алёшенька зъ добра́ коня;
Онъ отьсѣкъ взялъ у ево всё буйну голову,
Отдиралъ-то онъ сь его да платьё цьвѣтное,
Онъ увидѣлъ на грудяхъ ево да золотой-отъ крестъ:
„Охте мнѣ-ценько теперече тошнёшенько!
Я убилъ-то своего брата крестового“.
Говорилъ-то тутъ калика перехожая:
— Ты не плачь, не плачь, Екимъ да ты Ивановичъ,
Не груби своего серьца богатырьчкого:
У мня есь-то вѣдь съ собой жива вода и мёртвая;
Оживлю тебѣ я братёлка крестового,
Я того тебѣ Алёшеньку Поповиця—.
Избрызга́лъ-то онъ вѣдь тѣло всё Алёшеньки.—
Шьто збрызга́лъ-то вѣдь калика водой мёртвою,
Поливалъ-то онъ да всё живой водой;
Ото сну какъ будто молодець да пробудилсэ тутъ.
Они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали,
Какъ поѣхали они да въ красёнъ въ Кіевъ-градъ;
А Алёшенька поѣхалъ на кони да на зьмѣёвомъ-то,
Ай калики отдавалъ онъ своего коня.
А пріѣхали они да въ красенъ Кіевъ-градъ
Шьчо ко ласковому князю ко Владиміру,
Навезьли они отъ зьмѣя злата, сéребра.

48.

Князь Борисъ Романовичъ. (Данило Ловчанинъ)

(У свекра Василія Леонтьевича).

Было жило во славномъ городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владиміра:
Собиралъ-то Владиміръ-князь поцесёнъ пиръ
Онъ на всѣхъ-то на князей, бояръ богатыихъ,
Онъ на тѣхъ-то на купцей-гостей торговыихъ.
Ише вси ти на пиру да напивалисе,
Ише всѣ на чёснóмъ да наѣдалисе.
Говоритъ-то князь Владиміръ да таковы рѣци:
„Не видали ли вы гдѣ мнѣ красной дѣвици,
Хошь вы умну мнѣ-ка гдѣ-нибудь, разумную,
Мнѣ-ка хочь изъ простого житья, не изъ царьского?
Мнѣ-ка скусьнё вѣдь, князю, холостому жить,

Холостому князю жить, да нежонатому“.
Тутъ выскакавалъ-то единъ хвасьливъ мужикъ,
Шьто хвасьливъ мужикъ вѣдь Васько Торокашко всё Замбренинъ:
— Я вездѣ-то, князь Владимиръ, я вездѣ бывалъ,
Я вездѣ бывалъ, многихъ людей видалъ;
Не видалъ я лучше-краше-то Борисушка-то князя молодой жоны:
Красота-та у ей въ лици неизреценная;
Не могу-ту я на ей, не могъ да наглядѣтисе;
Ише лучше-то Борисушковой князя-та жоны на свѣти нѣтъ.—
А Владимеръ-отъ князь да усмихаитце:
„Шьто ты, глупой ты едакой Васька, мужикъ ты деревеньськой жо!
Ише какъ можно на свѣти у жива мужа жону отнять?“.
— Мнѣ немного надо, дѣло скоро здѣлаемъ:
Созови-тко ты Бориса на почёсёнъ пиръ,
Ай пошли-ко ты Борисушка-та на Буянъ-островъ;
Какъ уходимъ мы Борисушка крутёхонько:
Ты вели, князь, извезать да всё шолковъ нёводъ,
Ты возьми его отправь да на Буянъ-островъ;
На Буяни-то на острови выходитъ всё страшонъ вѣдь звѣрь,
А страшонъ-отъ звѣрь выходитъ всё ваканишшо [1]).
Говоритъ-то Владимиръ таковы рѣци:
„Вы зовите Борисушка ко мнѣ вы князя на поцесёнъ пиръ“.
Они скоро Борисушка-та созвали всё на поцесёнъ пиръ.
Говоритъ ёму Владимиръ таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Борисъ да сынъ Романовиць!
Ты вѣдь съѣзди-тко отъ меня, отъ князя всё Владимира,—
Я наложу на тибя, Борисушко, службу великую:
Ай ты съѣздій, Борисушко, отъ миня на Буянъ-островъ,
Излови-тко-се въ шолковъ неводъ страшного ты звѣришша всё ваканишша,
Роспори ты у его да груди сѣрыя,
Вынь-ко у его да ретиво серьцо,
Положи-ко ты на блюдо на серебряно,
Привези ты ко мнѣ, князю, всё на посмотрѣньицё“.
Какъ вѣдь тутъ Борисушко да не ослышилсэ;
Поскорёшенько онъ вѣдь тутъ домой пошолъ.
И пришолъ-то онъ къ своей да молодой жоны:

---

[1]) Очевидно, кабанъ. *Собир.*

„Ужъ ты гой еси, кнегина молода жона!
А накинулъ на меня вѣдь князь службу великую:
Посылаетъ меня князь вѣдь съѣзьдить ко синю морю,
Ко тому-ли ко Буяну, страшну острову,
Изловить велитъ звѣришше всё вака́нишше,
Роспоро́ть велитъ да ёго груди сѣрыя,
Положить его серьцо на блюдо на серебряно,
Привезти велитъ князю на посмотрѣньицё.
А неси-тко-се, моя ты молода жена,
Ты неси-тко мнѣ да полтораста стрѣлъ“.
Принесла-то она ёму да полтретьяста стрѣлъ.
Ише тутъ вѣдь Борисушку-ту за бѣду стало,
За досадушку ему всё показалосе;
„Ай не сталъ-то меня Богъ вѣдь ми́ловать,
Какъ Владимиръ-отъ-князь меня жаловать,
Молода миня жена не стала слушати!“
Онъ вѣдь взялъ съ собой вѣдь тольке полтораста стрѣлъ,
Онъ поѣхалъ скоро ко синю морю;
И прі̀ѣхалъ скоро онъ да на Буянъ-островъ,
Онъ поставилъ-то вѣдь къ морю всё шолко́въ нёводъ,
Уловилъ-то онъ звѣришшя страшного ваканишшя,
Роспоролъ у его да груди сѣрыя,
Вынималъ-то у его да ретиво́ серьцё,
Положилъ-то да на блюдо на серебряно;
Онъ поѣхалъ домой всё веселёхонёкъ:
„Шьто избавилъ миня Осподи и той смерти!“
А какъ во ту вѣдь пору, во то время
Пріудумалъ Васька Торокашко всё:
„Ужъ ты дай мнѣ-ка, Владимиръ-князь да стольнё-кіевськой,
Ужъ мнѣ дай-ко силушки да полтретьяста целовѣкъ;
Убьёмъ-то мы Борисушка въ цисто́мъ поли́“.
Ише далъ ёму Владимиръ полтретьяста силушки;
Да вѣдь стрѣтили Борисушка-та, Васька во чисто́мъ поли.
А стрѣлялъ Борисушко, выстрѣля́лъ вси стрѣлоцьки,
Онъ вѣдь вы́стрѣлялъ всё стрѣлокъ полтораста же;
Не хватило у его да больше стрѣлоцёкъ.
„Охти, мнѣ-ценько тепере-ка тошнёшенько!
Мнѣ-ка ладно говорила молода жона“.
Ише тутъ вѣдь Борисушка убили всё.
Вси вѣдь здѣлались они тутъ веселёхоньки.
Собираетъ князь на радости поцесёнъ пиръ;

Посылаётъ скоро онъ скорыхъ пословъ,
Онъ скорыхъ пословъ ко Борисушку да во полатушки.
А вѣдь ти послы придуть, уйдутъ—дакъ и други прійдутъ;
А зовуть они вѣдь въ царьской домъ Борисушкову молоду жону:
„Ты поди-тко-се ко князю ко Владиміру,—
Шьто наѣхалъ-то у тя Борисушко вѣдь изъ цистá поля“.
Говоритъ она имъ да таковы рѣци:
— Не проѣхалъ бы [1]) Борисушко-то, кабы живъ онъ былъ.—
Посылаётъ опеть да онъ вѣдь, князь Владиміръ-отъ,
Посылаётъ онъ за ей скорыхъ пословъ,
А шьтобы скорѣй она шла, шьтобы не медляла.
А приходитъ она во полатушки-то княженеськія,
А во цёрномъ платьици пришла, сама въ пецёльнемъ-то.
Она крестъ-отъ кладётъ да по писáному,
Она поклонъ-отъ ведётъ всё по уцёному,
Она бьётъ целомъ Владиміру во руценьку во правую,
Князьямъ, боярамъ всимъ она да низко кланялась.
Ей берётъ-то всё князь да за бѣлы руки:
„У тя вѣту Борисушка живого-то;
Онъ лёжитъ убитъ всё во цистомъ поли.
Ты поѣдёмъ со мной всё во Божью церьковь;
Ты прійми со мной, со княземъ, по злату винцю“.
Говоритъ-то Борисушкова молода жона:
— А нейду-то съ тобой, князь, во Божью церьковь,
Не приму-ту я съ тобой по золотý винцю.
Мнѣ-ка дай-ко съѣздить строку до цистá поля,
Захоронить-то у Борисушка бѣлó тѣло.—
Говорилъ-то князь Владиміръ славной кіевськой:
„Поѣжай-ко-се; я вѣдь дамъ тебѣ-то строку съѣздить во цистó полё;
Ай безсрочьнёго-то времени, братцы, на свѣти нѣтъ“.
Какъ поѣхала княгинушка Борисова,
Приворотила она во кузницю желѣзную,
Искавала-то собѣ два ножицька булатныи,
Ай булатныи, два ножицька собѣ укладныи,
Шьто поѣхала тогда же во чистó полё,
Розыскала въ цистомъ поли тѣло бѣлоё,
Предала тѣло ко матушки къ сырой земли;
И сама-то тутъ у тѣла прирослакалась:

[1]) Мимо своего дома—къ князю. *Собир.*

„Не послушалъ ты, Борисъ да князь Романовицъ!
Ай тепереце меня хотятъ да всё похитить-то;
Не даютъ-то мнѣ топерецe вдовой вдовѣть;
Мйня насилу хоцётъ князь Владимиръ взять-то за сибя замўжъ,
Овѣнцять-то меня хоцётъ, овинцётьце во Божьей церьквы.
Не пойду-ту я зáмужъ-отъ за князя за Владимира;
Я положу таку заповѣдь великую:
Я положила два ножицька булатныихъ,
Какъ во матушку полóжила въ сырý землю,
Какъ положила-то ножицьки тупымъ концомъ во матушку въ сыру землю,
Ай вострыимъ концёмъ себѣ да въ ретивó серьце:
„А лёжить-то бѣлó тѣло гдѣ Борисово,
Ай лёжи же тутъ моё тѣлю, кнегинино!“

49.

Идолище сватается за племянницу князя Владимира.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ай во славномъ было городи во Кіеви,
Ай у ласкового князя у Владимера,
Ай была-то у ево взята къ себѣ любимая,
Ай любима у ево была племянёнка
Ище та-ли у ево да Марѳа Митрёвна.
Онъ возрóсьтилъ ей дедюшка, повыкорьмилъ,
Онъ повыкорьмилъ дедюшка, повыросьтилъ;
Посадилъ свою любимую племянёнку
Онъ во тѣ-ли во высóки ей во тéремы,
Посадилъ ей на диванъ да рыта бархата,
Ай того-ли дорогого красна золота;
Онъ поставилъ-то къ ей-то вѣрныхъ караульщицьковъ,
Кромѣ мамушокъ ишё да кромѣ нянюшокъ,
Ай замкнулъ-то за многи́ замки заморьскія,
Ай заморьскихъ замковъ, сказать за три́деветь,
Ей не знали шьчобы́ многи́ да люди добрыя,
Не роспустили шьчобы́ про ей, про красну дѣвицю,
Про её-то красоту-красу великую,
Ей по всѣмъ шьчобы́ землямъ по всѣмъ невѣрныимъ,
Не прошла бы шьчóбы вѣсь скорá-скорéшенька
Шьчо до тѣхъ-ли до царей, царей невѣрныихъ,
Шьчо до тѣхъ же королей бы, королевицей,

Ай до тѣхъ-ли шьчобы идоловъ поганыихъ.
Посѣшчалъ часто, ходилъ къ ей роденъ дядюшка
Ишше тотъ-ли Владимиръ-свѣтъ да стольне-кіевськой.
Тутъ прошло-то какъ-то время, всё повынёслось
Ай про ту-ли про любиму про племёнёнку
Шьчо того-ли вся нашого князя Владимера;
Тутъ услышели многи́ цари, царевици,
Вси тутъ мно́ги короли да королевици;
Й услыхаетъ погано-то Идо́лишшо,
Ишше то-ли царишшо всё невѣрноё,
Услыхалъ онъ про ту всё её красу великую.
Вотъ задумалъ поганоё Идолишшо,
Ище то-ли царишшо всё невѣрноё;
Онъ грузилъ скоро́ три чорново три ка́рабля
Дорогима онъ товарами заморьскима,
Онъ вѣдь вёзъ-то всё камёньё дровоцѣнноё,
Дравоцѣнно каменьё, самоцввѣтноё
Въ подареньицё князю со кнегиною,
Со кнегиной съ Опраксеёй Королевисьнёй.
Онъ вѣдь скоро потходитъ-то подъ красенъ Кіевъ-градъ,
Потъ того-ли къ намъ подъ красного подъ солнышка,
Шьчо подъ ласкового князя подъ Владимера;
Ёнъ приходитъ во гавань, въ красенъ Кіевъ-градъ,
Онъ во ту-ту гавань, всё ко князю ко Владимеру;
Онъ берётъ-то булатны свои якоря,
Онъ спускатъ-то онъ въ воду свои я́коря,
Онъ моcьтитъ-то свои мосты дубовыя,
Росьтилаетъ дорого́ сукно заморьскоё,
Посылаетъ своихъ скоро́ тотаръ къ ему:
„Отнесите, тотара, ско́ру грамоту,
Отдавайте вы въ руки всё князю Владимеру,
Подавайте отъ миня князю подароцьки,
И вѣдь князю-ту дайте со кнегиною
По тому-ли имъ по камню самоцьвѣтному“.
Тутъ приходятъ скоро всё тотара-ти,
Ай заходятъ они всё на красно́ крыльцё;
Ихъ проводятъ, пропускаютъ до князя до Владимера.
Ай не ксьтятъ-то, не кресьтя́тъ лиця поганого,
Шьчо не молятце они Спасу пречистому,
Не поминаютъ царици всё небесною,
Какъ столбы будто идутъ, столбы отёсаны;

Подаваютъ скоро грамоту тотарьскую;
У ихъ писана грамота тотарьцькая
Не перомъ же у ихъ да не цернилами,
Не по бѣлой по гербо́вой бумажоцьки,—
Ай по рыту у ихъ да всё по бархату,
Дорогимъ же сухимъ да краснымъ золотомъ;
Подаваютъ подароцьки да дорогй свои,
Подаваютъ вѣдь князю со кнегиною
Ай со той-ли съ Опраксеёй съ Королевисьнёй
По самоцьвѣтному по каменю.
Принимаетъ у ихъ да князь подароцьки,
Ай садитъ-то онъ ихъ всё за дубовы́ столы.
Ише тутъ же тотара не садятьце-то,
Не садятьце они, да сами всё стоятъ;
Подаваётъ имъ стульё рыта бархата;
Ише тутъ тотара не садятьце всё.
Ай онъ говори́тъ онъ скоро всё таки рѣци:
„Ай ишите-ко Добрынюшку Никитичя,
Ай ишите-ко Алёшеньку Поповиця
И ишите-ко Дунаюшка Иванова;
Они скоро россмотрятъ скору грамотку.
Мы вѣдь скоро отпишёмъ имъ самимъ отвѣтъ.
Вѣдь писать-то Дунаюшко всё мастёръ онъ,
Ай лекко́-то онъ держи́тъ въ своей право́й руки
Онъ вѣдь то-ли перо да лебединноё;
Ай Добрынюшка съ Алёшенькой съ Поповичомъ
Они скоро прочитаютъ тутъ, росмотрютъ эту грамоту“.
Ай вѣдь скоро собирались три бога́тыря,
Прочитали скоро грамоту тотарьскую.
Ише пишотъ поганоё Идо́лишо,
Ише тотъ-ли царишшо всё невѣрноё,
Онъ уписыватъ всё князю Владимеру:
„Я пришолъ-то, князь Владимиръ, да не госьтить къ тебѣ,
Во твою пришолъ во гавань княженеськую,—
Я пришолъ-то къ тебѣ да сватомъ свататься
На твоей-то на любимой на племянёнки
Ай на той-ли на молодой на Мареы Митрёвны;
Ты отдай-ко, право, Мареушку всё за миня́ заму́жъ.
Не отдашь ты ей заму́жъ безъ драки кроволитною,—
Приступлю скоро́ ко городу ко Кіеву,
Розорю-ту я у тя, да всё Владимеръ-князь,
Ише тѣ-ли у тебя всё церьквы Божьія,

Я прибъю у тя во Кіеви многихъ да людей добрыихъ,
Ай останутьцо тольке у тя во Кіеви
Ай вдовы-ти, вдовѣть, сиротки, малы дѣтоцьки".
„Не давайте князю строку вы некольки тутъ [1]),
Вы не нá годъ ёму, вы не на пóлгода,
Не на мѣсецъ ёму, не полъ-на мѣсецяа,
Вы не на недѣлёцьку ёму, не на единъ денёкъ;
Тольке дайте ёму времени на три цяса".
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кіевськой:
— Мнѣ-ка дайте, дайте строку на три дéницька
Посидѣть моей невѣсты, красной дѣвици,
Ише той моей любимой всё племянёнки,
Посидѣть-то на(ть) ей со красныма дѣвицеми.—
Собираетъ-то князь Владимиръ всё почéсёнъ пиръ
Онъ на тѣхъ-ли на князей, да на бояръ-ли онъ,
На многúхъ-то на всѣхъ да людей добрыихъ;
Приказалъ-то имъ зьбиратьце всё въ одúнъ имъ цясъ,
Шьчобы другъ они о(тъ) дружки тутъ не оставалисе.
Ише скоро собралúсь, скорó скоплялисе.
Говоритъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Собираю же я пиръ вамъ не на радосьти,
Не на радосьти вамъ пиръ, не на весельици;
Ай подумайте вы со мной думу крѣпкую,
Заступите за любиму за племянёнку,
Ай за ту-ли за Мареу, Мареу Митрёвну".
Говорятъ-то ёму всѣ люди добрыя,
Ай просты-ти вси хресьяна православныи:
— Мы не будёмъ стоять-то за твою любимую племянницу,
Да не будутъ сирóтовать у насъ вѣдь жоны зъ дѣтьми съ малыма.—
Ише тутъ-то князь Владимеръ приросплакалсэ:
„Ужъ вы гой еси, народъ, вси люди добрыя!
У ей нѣту вѣдь, красной всё у дѣвици,
У ей нѣту родителя всё батюшка
Со родимой-то сь её да всё со матушкой,
У ей нѣту вѣдь брáтьей, ясныхъ соколовъ;—
Пожалѣть-то вѣдь ей теперь всё некому;
Пожалѣю тольки я-то, всё единъ я ей,
А ли тотъ-ли родимой всё я дядюшка".
Онъ пошолъ скоро въ её да всё высокъ терёмъ;

[1]) Приказъ Идолища посланнымъ татарамъ. *Собир.*

Отмыкаётъ онъ скоро́ у ей крѣпкий замки,
Онъ приходитъ-то къ ей да во высокъ терёмъ,
Онъ вѣдь крестъ-о кладётъ всё подписа́нному,
Ай поклонъ-отъ ведётъ всё по уцёному,
Ай вѣдь молитце всё Спасу пречистому,
Ай вѣдь Божьёй-то матери всё Богородицы.
Ай скакала тутъ ёго любимая племянёнка
На свои-ти она на ножки рѣзвыя,
Обнимала ёго да за бѣлу́ шею,
Прижимала ёго-то руку ко ретиву́ серьцю:
„Ужъ ты шьчо же такъ, родимой милой дядюшка,
Не по старому пришолъ, всё не по прежному,
Ише всё-то ты пришолъ ко мнѣ не по досе́льнёму,
Во сьлёзахъ ко мнѣ пришолъ, въ сьлёзахъ горючі́ихъ?“
Говоритъ-то ево (sic) дядюшка родимой-отъ,
А родимой ево дяденька любимой-отъ:
— Ужъ ты гой еси, племянёнка моя любимая,
Ай безо́тна ты моя да красна дѣвиця!
Нечево, сидишь, про то топерь не знаёшь ты:
Ай пришолъ-то вѣдь какъ къ намъ поганоё Идо́лишшо,
Ише тотъ пришолъ царишшо всё невѣрноё;
Онъ вѣдь всё-то на тебѣ да онъ вѣдь сватайтьце,
Не даваётъ онъ мнѣ строку не на го́дъ-отъ мнѣ,
Не даватъ онъ мнѣ-ка строку не на по́лъ-года,
Не даватъ мнѣ-ка строку на недѣлёцьку;
Тольке далъ онъ мнѣ-ка строку на три часика.
Собиралъ я въ три часа да я почесёнъ пиръ,
Приказалъ я всѣмъ скоплятьце всѣмъ въ единой часъ.
Отперьли́сь они у мня, вси отказалисе.—
Тутъ заплакала душа да красна дѣвиця,
Ише та-ли вѣдь Мареа, Мареа Митрёвна:
„Ужъ ты гой еси, дядюшка любимой мой,
А любимой мой дядюшка, родимой мой!
Отдавай-ко ты меня хошь съ ц́ести, съ радосьти
Всё безъ драки меня бесъ кроволитною;
Ты проси-ко, проси строку на недѣлёцьку—
Посидѣть мнѣ-ка съ подружками съ любимыма,
Посидѣть-то мнѣ-ка всё, да красной дѣвици,
Мнѣ поплакать-то при ихъ-то, красной дѣвици“.
Вотъ запла́калъ, пошолъ, дедюшка да пуше старого.
Посылаётъ онъ Идолишшу вѣдь скору вѣсьть,
Шьчо идётъ заму́жъ любимая племянёнка,

Тольке проситъ она строку на недѣлёцьку:—
„Посидѣть-то мнѣ съ подружками любимыма“.
Говоритъ тутъ погано всё Идолишшо:
— Ай бесстроцьнёго-то времени на сьвѣти нѣтъ;
Я вѣдь дамъ-то ей строку на недѣлёцьку.—
Собираётъ скоро князь всѣхъ красныхъ дѣвушокъ;
Онъ садилъ-то всё любимую племянёнку.
Ише вси-ти красны дѣвушки скоплялись тутъ
На её-то всё на свадьбу на сьлезьливую;
Она сѣла-то тутъ да всё выплакивать:
„Ужъ вы гой еси, вы дѣвици-души красныя!
Вы вѣдь вси вы живитё да съ отцёмъ, съ матушкой,
Ужъ и я-то живу, да красна дѣвиця,—
Не отца-та у мня нѣтъ да родной матушки;
Ише некому вѣдь за миня пристать да заступить теперь,
Заступить-то за миня да пожалѣть меня;
У мня нѣту родимыхъ моихъ братьицей;
А тепере за миня не заступаютъ вси кресьянушки,
Отдавать миня велятъ да всё просватывать
За того-ли за Идолишша поганого.
Вы ужъ всё-таки да вы останитесь
У своихъ-то вы отцей, своихъ у матушокъ,
Ай вѣдь надоть мнѣ ити во землю во поганую,
Во погану-ту мнѣ земьлю во тотарьскую,
Да оставить нать своя вѣра крешшоная,
Мнѣ крешшона своя вѣра богомольняя,
Богомольня мнѣ своя вѣра спасёная,
Нать ити мнѣ за поганого Идолишша,
За того-ли за царишша за невѣрного“.
Говоритъ-то вѣдь Марѳа Митрёвна
Своему-ту она дядюшки любимому:
„Ты поди-ко ко мнѣ, дядюшка любимой мой.
Мы вѣдь всё-таки съ тобой да прироссудимъ-ко,
Прироссудимъ мы съ тобой да мы подумаёмъ.
Ай приходитъ къ ей вѣдь дядюшка скорёхонько,
Онъ горюцима сьлёзами уливантце;
Говоритъ-то вѣдь тутъ да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, ты Марѳа Митрёвна,
Ай любима ты моя да всё племянёнка!
Ты скажи-ко мнѣ-ка, шьчо да ты всё здумала,
Шьчо ты здумала, въ умѣ цёго Господь принёсъ?—
„Вразумилъ мнѣ-ка Осподь, мой милой дядюшка:

Нагрузи мнѣ-ка черьнёныхъ два-та карабля
Зъ дорогима ты съ напитками со разныма:
Ай первой-отъ карапь съ пивомъ пьяныимъ,
Ай другой-отъ карапь да съ разныма-ти водками со сладкима,
А да дай мнѣ-ка два братёлка крестового,
Ай крестового, два братёлка названого:
Ай въ перьвыхъ-то дай Добрынюшку Никитиця,
Ай второго—Олёшенька Поповиць младъ".
Тутъ вѣдь скоро грузилъ онъ чёрны карабли,
Грузилъ-то онъ да приготовилъ-то.
Ай приходитъ Идолишшо поганоё,
Ай приноситъ ко князю всё подароцьки—
По тому-ли онъ по каменю дравоцѣнному,
Дравацѣнному, по дорогому-ту;
Ишшё-то онъ говорилъ поганоё Идолишшо:
„Я въ саний сажусь-то [1]) къ тебѣ я, всё Владимеръ-князь".
Ай прошло-то тому времецьку недѣлёцька.
Говоритъ-то онъ да всё князю Владимиру:
„Я пришолъ-то къ тебѣ за твоей любимой-то племянёнкой,
Я за той-ли пришолъ да Мароой Митрёвной;
А отдай мнѣ-ка племёнёнку-ту съ цесьти, съ радосьти".
Тутъ приходитъ князь Владимиръ стольнё-кіевськой:
„Ай поди, моя любима ты племянёнка,
А безóтна ты вѣдь наша красна дѣвиця,
Ише та-ли ты Мароа, Мароа Митрёвна!
Кабы бралъ у мня тотаринъ красно золото,
Ай мою бы да мнóгу золоту казну,
Ай тогды-то я тебя бы взялъ повыкупилъ,
Не пожалѣлъ бы своего я красна золота".
Вотъ вѣдь плацётъ Владимиръ, уливаитьце,
Ай вѣдь Мароа, Мароушка-та тоже уливаитьце,
За бѣлу́ ёго за шею обниматъ ёго
Ай цёлуётъ дедюшку въ уста сахáрныя,
Сама бьётъ цёломъ, клаяеитце во рѣзвы́ ноги:
— Ай спасибо тебѣ, дядюшка любимой мой,
Ай на хлѣби-то тебѣ, на соли-то,
Ай на всякихъ твоихъ да словахъ ласковыхъ!
Я осталась-то отъ батюшка малёшенька,
Отъ родимой своей матушки глупёшенька;
Воспоилъ ты, воскорьмилъ мипя, повыросьтилъ,

---

[1]) Т. е. собираюсь въ путь. Объясненіе см. на стр. 22. *Собир.*

Ай держалъ миня—сидѣла во высокомъ новомъ тѣреми;
У мня были всё мамушки, всё нянюшки,
Для весельиця вѣдь были сѣнны дѣвушки;
Ты во садъ ходилъ гулять да для меня ты всё,
Ты водилъ меня, красну дѣвицю, по зелёны́мъ садамъ.
Какъ пришло теперь у насъ время, всё прикатилосе,
Ай жива съ тобой розлука у насъ, скорая;
Не отъ Оспода пришла эта розлукушка,
Ай отъ злого всё пришла намъ отъ тотарина,
Отъ того намъ отъ Идо́лишша поганого!—
Ай увидялъ Идолишшо-то скоро Марөу Митрёвну,
Ишше тутъ-ли онъ самъ да веселёхонёкъ,
Веселёхонёкъ Идолишшо, самъ радъ тому.
Говоритъ-то тутъ Марөа, Марөа Митрёвна:
„Ужъ ты гой еси, Идолишшо поганоё,
Ужъ ты тотъ-ли царишшё всё невѣрноё!
Буду, заповѣдь положимъ межу́ собой,
Не заходить шьчобы на твой да мнѣ цернёнъ карабь,
Ай тебѣ шьчобы не сойти-то со своихъ цернёныхъ большихъ ка́раблей,
Мы дока́мѣ [1]) ужъ не при́дёмъ до твоёго города,—
Мы тогда съ тобой въ одно мѣсто будёмъ съобшшатисе“.
Тутъ царишшо-то невѣрной тому радъ онъ былъ.
Отошли они отъ города отъ Кіева,
Отошли они да далёко́хонько;
Пріутихла-то имъ по́вѣтерь тихи́мъ-тихо́,
Не понёсло у ихъ чернёны ихны ка́рабли.
Тутъ роздумалась Марөа, Марөа Митрёвна;
Говорила своимъ-то двумъ могуціимъ бога́тырямъ,
Ишше двумъ-то своимъ бра́тёлкамъ крестовымъ тутъ:
Ай перьво́му-ту Добрынюшки Никитичу,
Ай второму-ту Алёшеньки Поповичу,
Говорила она, да имъ россказыватъ:
„Вы сьвяжитесь-ко съ Идо́лишшевымъ караблямъ;
Я вѣдь здумала дѣлышко немалоё:
Позови ко мнѣ Идолишша поганого,
Ай ко мнѣ-то вѣдь въ госьти, погосьтить ему;
Самъ и при́дётъ-то ко мнѣ Идолишшо—
Я вѣдь буду его сама поить,
Я поить-то буду всё я пивомъ пьянымъ-то,

[1]) Во второй разъ Крюкова пропѣла „доку́ль“. *Собир.*

Я тогды буду поить его напитками;
Вы вѣдь въ ту-ту пору пойте всихъ матросиковъ,
Вѣдь миня-то, красну дѣвицю, одинъ да ишше этта стой,
Ай ты стой у дверей да всё россматривай:
Пообидитъ, быватъ, вѣдь цимъ поганое Идолишшо,—
Ты бѣжи, бѣжи ко мнѣ да ты мнѣ по́можь дай,
Мнѣ-ка по́мошшъ, бѣжи, дай да посматривай".
Онъ вѣдь скоро тутъ бѣжитъ погано къ ей Идолишшо,
Ото всей-то онъ бѣжитъ, тотаринъ, радосьти.
Говоритъ-то онъ самъ да всё таки рѣци:
„Ужъ ты здрастуй-ко, душенька ты Марѳа Митрёвна!"
Тутъ садила она Идолишша всё за дубовой столъ,
Наливала она Идолишшу-ту цяроцьку
Ай того ли она да пива пьяного;
Немала́-та была цяра—полтора ведра.
Принимаетъ Идолишшо отъ радосьти,
Выпиваетъ Идолишшо крутёшенько;
Она всё-то наливатъ да онъ тутъ скоро пьётъ.
Они вы́поили тутъ карапъ имъ пива пьяного;
Вси матросицьки у его да всѣ повыпали,
Ай повыпали матросы, онѣмѣли вси.
Тутъ Идолишшо поганой росьпенёшенокъ,
Онъ хотѣлъ обнеть своей рукой тотарьскою,
Онъ накинулъ ише руку на бѣлу́ шею;
Ай она-та вѣдь, Марѳа, цють жива сидитъ.
Ай увидялъ Добрынюшка Никитиць младъ,
Ай увидялъ Алёшенька Поповиць младъ;
Они скоро къ ей бѣжатъ въ каюту всё хрустальнюю,
Ай берутъ они Идолишша всё за чорны́ кудри,
За черны́ они кудри да всё за тотарьскіи,
Ай спускаютъ они по шеи саблю вострую,
Отсѣкаютъ тотарьску ёго голову,
Тутъ спусьтили тотарина вѣдь скоро тутъ,
Да сѣкутъ они ево всё на мелки́ часьти
Да бросаютъ ёго да во синѐ морё;
Прирубили-прибили всѣхъ матросиковъ
Ай сьмётали тотаръ-то въ морё до единого,
Они взели ихны ка̀рабли черьнёныя.
Ай приходятъ ко князю ко Владимеру;
Ай стрѣцятъ ихъ князь Владимиръ съ цести, съ радосьти:
Зазвонили у кажной у Божьѐй церьквы,
Заслужили въ кажной во Божьѐй церьквы.

50.

Князь Глѣбъ Володьевичъ.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Тамъ вѣдь былъ-то жилъ князь да во Новѣградѣ,
Тамъ то жилъ-то вѣдь какъ князь да Глѣбъ Волóдьевичъ.
Онъ задумалъ-то Глѣбъ да сынъ Волóдьёвиць,
Онъ задумалъ всё дѣлышко немалоё,
Онъ немало вѣдь дѣлышко, великоё:
Нагрузить своихъ три чорного три кáрабля
Дорогима всё разныма товарами.
Онъ вѣдь скоро нагрузилъ да чёрны кáрабли;
Потянула-то имъ пóвѣтерь способная,
Ай способна имъ повѣтерь, уносная.
Онъ вѣдь ставилъ на чернёны на три кáрабля
Всихъ онъ разныхъ-то млáдыхъ карабельщиковъ;
Они—кажной карабельщикъ зналъ всё свой карапь.
Какъ пошли-то вотъ они, скоро отправились,
Да пошли-то они всё за сúнё солонó морё,
Солонó-то всё морё, морё Арапскоё.
Ай во ту-ли пору былó, во то время,
Помѣшалась-то у ихъ да ихна пóвѣтерь,
Пріутихло всё у ихъ вѣтéръ способноё,
Ай вѣдь пали-потянули вѣтры буйныя,
Онъ со вси палъ со чотыре со вси стóроны:
Со востосью-ту палъ вѣдь онъ, со западну,
Онъ со сѣвёрну-ту палъ, вѣдь онъ со лѣтную;
Пали ети вѣтры, всё погда-ли.
Замётало-забросало эти кáрабли
Какъ во ту-ли-то во земьлю во тотарьскую,
Во тотарьскую во земьлю, во Арапьскую,
Шьчо ко той-ли къ еретици, ко розбойници,
Шьчо ко той-ли ко Марúнки ко Кайдáловки.
Она тутъ-то забрала черьнёны-ти вси кáрабли;
Якоря-то они спускали въ воду—брала пошлину,
Ай мосты они мосьтили—мостовó брала;
Засадила всихъ у ихъ млады́хъ матросицьковъ,
На волю́ тольке спусьтила трёхъ-то карабельщицьковъ.
Ети ходятъ карабельщицьки да сьлёзно плацютъ же,
Сьлёзно плачутъ то они да думу думаютъ,
Думу думаютъ они, думу единую;
Говорятъ-то они да всё въ одно слово:

„Намъ-то скольки будётъ этта всё ходить по городу?
Нать писать-то вѣдь князю Глѣбу-ту Володьёвичу,
Написать-то вѣдь нать намъ скора грамотка".
Написали-то они да скору грамотку;
Онъ [1]) вѣдь то ёму пишотъ про товары всё:
„Ишше были дорогй у насъ перцяточки,
Дороги были перцятки ись семи шолковъ;—
Она всё у насъ взяла да всё отобрала.
Своёму она берётъ эту всё пошлину,
Своёму-то скоплятъ она да золоту казну
Ай тому-ли она другу, другу милому,
Дружку милому даритъ-то она пошлину, любимому,
Ай тому-ли она старой-то старыньшины
Ай по имени она да Ильи Мурамцю,
Ильи Мурамцю она, сыну Ивановичу".
Тутъ вѣдь всё они да росьписали тутъ,
Описали своёму князю любимому:
„Заморить она вѣдь хоцётъ всё сьмертью голодною,
Ище тѣхъ она нашла да [2]) всё матросицьковъ;
Тутъ она-то насъ-то, добрыхъ молодцовъ, не посад ила насъ
Хошь не досыта она да насъ поитъ, кормитъ".
Нанимали, посылали всё скорыхъ гонцей,
Ай скорыхъ они гоньцёвъ, штобы скорёхонько,
Они тѣхъ-то всё пословъ, да пословъ вѣрныихъ,
Пословъ вѣрныихъ они, всё неизьмѣнныихъ;
Да они вѣдь говорятъ да таковы слова:
„Вы прiѣдите къ ему, князю, скорёхонько,—
Онъ не мѣшкалъ шьчобы да князь не день, не два,
Шьчо не день-то онъ, не два, шьчобы не полцяса".
Прiѣжали-то тутъ они скоры послы;
Ай во ту вѣдь пору да князь-отъ Глѣбъ Володьёвичъ
Онъ сидитъ-то за столомъ, да сидитъ кушаётъ,
Сидитъ кушатъ за столомъ, сидитъ обѣдаётъ.
Недосугъ-то тутъ князю дообѣдывать;
Приказалъ-то имъ сёдлать да онъ добра коня,
Онъ добра коня сядлать всё богатырьцького
Хорошо-то онъ велѣлъ коня да учесать да всё угладити;
Онъ двѣнадцеть-ту шелковыихъ опружинокъ засьтёгивалъ

---

[1]) Одинъ изъ корабельщиковъ. *Собир.*

[2]) М. б., такъ А. М. Крюкова сократила ради стиха слова: „нашихъ младыхъ". *Собир.*

Да не ради красы, я ради крѣпосьти,
Для своей-то я для силы богатырьскою;
Приговаривалъ-то князь да Глѣбъ Володьёвичъ:
„Ты, укладъ ты мой не гнись, да ты уборъ не рьвись,
Ты не ржавѣй, не темнѣй да красно золото!"
Поѣжалъ-то онъ скоро, приговаривалъ:
„Ты бѣги, бѣги, скаци скоро́, мой доброй конь,
Ты мой доброй конь, да богатырьской мой".
Ту́тъ прі̀ѣхалъ-то князь-отъ Глѣбъ да свѣтъ-Володьёвиць
Онъ ко той-ли еретици, всё безбожници,
Онъ ко той-ли ко Маринки ко Кайда́ловки.
Увидала-то Маринка всё Кайдаловка,
Ишше та всё еретиця, всё безбожниця;
Она зло-то всё несла на Глѣба-та Володьёвича,
Потому она-то нёсла да всё вѣдь думала, —
За ёго-то ей хотѣлось замужъ выйти всё,
Замужъ выйти ей хотѣлось, во супружесьтво.
Прі̀ѣжать-то князь да ко её всё къ широку̀ двору̀,
Онъ крыцялъ-то своимъ да зысьнимъ голосомъ,
Зысьнимъ голосомъ своимъ да во всю голову;
Ишше тотъ-ли богатырь-князь всё Глѣбъ да свѣтъ-Володьёвичъ,
Онъ вѣдь тутъ скоро крыцялъ да во второй наконъ:
„Ужъ ты гой еси, ты еретиця, ты безбожниця,
Ужъ ты та-ли Маринка ты Кайдаловка!
Ты подай, подай мои да чёрны ка́рабли,
Ты подай, подай мои товары всѣ вѣдь разныя,
Ты подай-ко-се, Маринка, ты моихъ-то всё матросиковъ,
Подай трёхъ-то ты моихъ же младыхъ карабельшиковъ".
Я во ту пору Маринка умываитьце,
Хорошо она да нарежаитьце:
— Ты возьми-ко-се, ты Глѣбъ да всё Володьёвиць,
Ты возьми, возьми меня да всё въ замужесьво;—
Я отдамъ тогда чернёны твои ка́рабли,
Я отдамъ-то трёхъ твоихъ я карабельшиковъ,
Я отдамъ-то всё твоихъ, твоихъ матросиковъ.—
Говорилъ-то тутъ Глѣбъ да сынъ Володьёвичъ:
„Мнѣ нанадоть, еретиця ты, безбожниця,
Ишше та-ли Маринка ты Кайдаловка,—
Не отдамъ тебѣ я цёрны ка́рабли,
Не отдамъ тебѣ младыхъ всё карабельшицьковъ".
— Загану̀-то я тебѣ, князь, шесть загадокъ хитромудрыихъ;

Ты отгадашь мои загадки хитромудрыя,—
Я тогда-то я тебѣ да всё отдамъ твоё.—
Говоритъ-то ишше Глѣбъ да сынъ Володьёвичъ:
„Отгану́ твои загадки хитромудрыя;
Говори-ко про загадки, всё мнѣ сказывай“.
— Шьчо перьва́-то загадка хитромудрая:
Ишше краше-то сьвѣту, сьвѣту бѣлого?
Шьчо друга́-та есь загадка хитромудрая:
Ище выше-то лѣсу, лѣсу темного?
Шьчо третья́-та есь загадка хитромудрая:
Бесъ кореньиця она да всё случаитце?
Ай цетьвёрта есь загадка хитромудрая:
Ишше цяшшэ, цяшшэ лѣсу, лѣсу цистого?
Какъ ишшё вѣдь есь-то пя́та всё загадочка:
Бе-з-амоцьковъ-то ишё же есь загадоцька?
Да ишшё-то есь у насъ хитра́ загадочка:
Шьчо у васъ-то это есь да на сьвятой Руси?
У тебя, князь, это есь у широка́ двора
Ай стоитъ-то высока́ гора, великая;
На горѣ-то есь вѣдь кипарисъ росьтётъ всё дерево;
Какъ на дереви-то есь да тутъ соко́лъ сидитъ,
Какъ соко́лъ-отъ сидитъ, да онъ висёмъ сидитъ.—
Говоритъ-то вѣдь ей да князь-отъ всё таки рѣци:
„Ахъ ты, дура, еретиця, всё безбожниця!
Не хитры́ твои загадки хитромудрыя.
Шьчо перьва́-та всё загадка хитромудрая—
Ишше крашше вѣдь сьвѣту красно солнышко;
Ишше вышше-то лѣсу младъ сьвѣтёлъ мѣсецъ,
Ишше цяшше-то лѣсу зьвѣзды Божьи-ти,
Бесъ кореньиця паду́тъ вѣдь снѣ́жки бѣлыя,
Бе-з-амочковъ-то течу́тъ да рѣчки быстрыя;
А гора-та у насъ есь на сьвятой Руси,
Ай гора-то—мой-то богатырьской доброй конь;
Кипарисно-то деревцё—моё да всё сѣдёлышко,
Ай сѣдёлышко моё да на добро́мъ кони;
Да соко́лъ-то вѣдь сидитъ—вѣдь я же, доброй молодецъ,
Я вѣдь руськой сильнёй-отъ, могуцёй всё бога́тырь-отъ,
Ишше тотъ-ли я князь да Глѣбъ Воло́дьёвичъ.
Ты отдай теперь мои вѣдь чёрны ка́рабли“.
Отдала она ему скоро-круте́шенько,
Всё круте́шенько она да ёму всё ёго,
Выпускала-то всихъ-то мла́дыхъ карабельшицьковъ,

Выпускала всихъ-то мла́денькихъ матросиковъ;
Шьчо сама-то говорила таковы слова;
Какъ стояла на крыльци́ паратномъ всё,
Она кланялась ёму всё до низко́й земли;
„Добро жаловать, ты Глѣбъ да сынъ Воло́дьёвичъ,
Ты ко мнѣ-то ты въ полаты бѣлокамяниы,
Шьчо попить-то ты, поись со мной, покушати!
Хоть ты нейдёшь ко мнѣ да во полатушки,
Ты возьми, возьми у мня хоть золоту́ цярку,
Ты возьми-ко у мня-то, у дѣви́ци-душой красною,
Возьми, душенька-князь да Глѣбъ Воло́дьёвичъ!
Мы тогда-то вѣдь съ тобой будёмъ прошшатисе,
Мы тогда же съ то́бой будёмъ роставатисе".
Онъ хотѣлъ-то взеть-то у ей золоту цярку въ бѣлы́ руки;
Тутъ вѣдь доброй ёго конь забилъ въ земьлю право́й ногой,
Онъ сплёска́лъ-то у ево стоканъ въ право́й руки;
Загорѣла тутъ матушка сыра земля,
Загорѣла тутъ грива лошадинная.
Онъ хваталъ скоро́ свою-ту саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-то, отрубилъ да у ей голову;
Они вырубили всихъ со старого до малого,
Не оставили они силы́ на сѣмяна.
Тутъ они-то обирали у ей всё красно золото,
Они со́брали у ей, да всё подо́брали;
Уходили на сьвяту-ту Русь, да ишше въ Но́вго́родъ,
Поживать-то они стали всё постарому,
Всё постарому стали, всё попрежному,
Всё попрежному стали, похорошому.

51.

Волхъ Святославьевичъ (Всеславьевичъ).

(Отъ покрученниковъ, приходившихъ въ Золотицу съ Мезенскаго берега).

Ай вѣдь было во городи въ Цернигови,
Ишше былъ тутъ вѣдь жилъ Светославъ-то-свѣтъ,
Не простого-то онъ былъ роду—боярьского.
Ай родилось у ево-то молодой жоны,
Молодой жоны, боярины-то всё большой-то ей [1]),
Да родилсэ у ей да цядо милоё,
Молодой-то у ей Волхъ да Светосла́вьёвичъ;

[1]) Богатырица была.

Онъ родивши-то у ей, какъ-будто громъ сгремѣлъ.
Говоритъ-то тутъ Волхъ да таковы слова:
„Ай родима моя матушка, любимая!
Ай не пе́лёнай ты въ пелёны́ меня въ шолко́выя,
Ай не овивай ты миня въ пояса всё золочоныя;
Надѣвай ты лучше на меня же, моя матушка родимая,
Надѣвай-ко на меня всё латы богатырьскія,
Надѣвай-ко на миня-то всё вѣдь шляпу-ту всё богатырьскую,
Не малу́-ту, не вели́ку шляпу—всё во сто пудовъ,
Ты клади-ко, моя матушка родимая,
Ты клади-ко мнѣ-ка въ руку-ту въ праву́ мнѣ паличю тяжолую,
Мнѣ тяжолу клади палицю, всё девяносто пудъ,
Да клади ты во лѣву́ мнѣ ру́ку, матушка, да плётку шолкову,
Ай клади ты мнѣ-ка матушка, да во мои-ти во рѣзвы́ ноги,
Ты клади мнѣ-ка всё зѣло́ да копьё востроё,
Ай клади ты, матушка, сѣдёлышко клади чиркальскоё.
Ты клади-ко мнѣ всю принадьлежносьть богатырьскую.
Я родилсэ отъ боярина, скажу-то, матушка,—я не боярьской сынъ,
Я родилсэ отъ боярина—я богаты́рь сильнёй,
Ише тотъ-ли я Волхъ да Светославьёвичъ“.
Тутъ вѣдь матушка родима ужахну́ласе.
Ише сталъ у ей Волхъ-отъ Свето́славьёвичъ,
Ише сталъ тутъ у ей да всё осьми годовъ;
Его стала уцить грамоти сама да ро́дна матушка,
Научила хорошо ево всё къ святой грамоты.
Ище тутъ-то славной Волхъ да Светославьёвичъ
Онъ вѣдь палъ-то на свѣти-то какъ всихъ хитрѣй,
Онъ-то всѣхъ вѣдь палъ хитрѣ́ да изо всѣхъ мудрѣй.
Ише тотъ-ли вѣдь Волхъ да Светославьёвичъ
Овернулсэ-то онъ пе́рьво всё сѣры́мъ волкомъ,
Во второй разъ овернулсэ чорнымъ ворономъ,
Онъ ише́ же овернулсэ яснымъ соколомъ,
Онъ ише́ же овернулсэ-то оленёмъ-золоты рога,
Онъ ише́ же обернулсэ горнасталюшкомъ,
Какъ ише́ Волхъ овернулсэ мурашо́мъ малымъ.
Шьчо приходитъ ко родимой своей матушки
Ище тотъ-ли свѣтъ-Волхъ да Святославьёвичъ
Говоритъ то ро́дной матушки да таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, матушка моя родимая!
Какъ гремитъ-то про меня слава великая,

Ай вели́ка-та славушка, немалая“.
Ише сталъ у насъ Волхъ-свѣтъ Светославьёвичъ
Подьбиратьце сталъ годами, сталъ побольше тутъ
Говоритъ-то тутъ Волхъ да Святославьёвичъ:
„Ужъ ты вой еси, родима моя матушка!
Мнѣ-ка шьто то вѣдь, братцы, какъ придумалось
Собирать мнѣ разьвѣ силушку великую;
Собирать-то мнѣ-ка силу надоть съ трёхъ земель,
Мнѣ-ка съ трёхъ надоть земель да сь трёхъ всё гóродовъ“.
Собиралъ-то онъ какъ силушку три годицька;
Назьбиралъ-то онъ вѣдь силушки да десеть тысецей.
Прогремѣла-то, прошла слава великая
Про того-ли шьчо про Волха Святославьёвича,
Шьчо родилсэ-то когда, то вѣдь взошолъ, скажутъ, свѣтёлъ мѣсецъ,
Розошлись турки [1]), олени по темны́мъ лѣсамъ,—
Шьчо во томъ-ли славномъ городи въ Цернигови
Зародилсэ-то во ту пору, во то время,
Какъ богáтырь-то родилсэ-то могуць-сильнёй
Ище тотъ-ли славной Волхъ да Святославьёвичъ;
Ай родилсэ—на родинахъ будто громъ зьгремѣлъ.
Какъ хотѣла пеленать ево родима-та всё матушка,
Въ пелены́-та пеленать да всё въ шолкóвыя,
Не дозволилъ пелёнать да въ пелёны́ себя,
Не дозволилъ оввивать-то поясами золочоныма;
Какъ дозволилъ славной Волхъ нашъ Светославьёвичъ
Одѣвать ёму родимому [2]) тутъ латы богатырьскія,
Приказалъ полóжить маменьки родимою
На головушку-ту шляпочку всё двѣсьти пудъ,
Ише палицю велѣлъ онъ класьть да девеносто пудъ,
Шьчо во ту велѣлъ во рученьку во правую,
Во лѣву́ руку вѣдь плётоцьку шолкóвую,
Онъ вѣдь въ ноги-то велѣлъ вѣдь класьть да какъ зѣлó вострó копьё,
Онъ велѣлъ-то какъ нагáлишшо съ вострымъ ножомъ,
Онъ велѣлъ полóжить-то сѣдёлышко черкальскоё,
Онъ велѣлъ всю принадьлежносьть богатырьскую.
Прогремѣла, прошла славушка по всей земли
Про того-ли про славного, могучого богáтыря,

[1]) Вмѣсто „туры“; ср. № 24, ст. 1. *Собир.*
[2]) Только-что родившемуся. *Собир.*

Про того прошла слава про Волха Святославьевича;
Докатилась-то, дошла слава великая
До тово-ли до Иньдѣйска славна города,
До тово-ли до царя, царя Иньдѣйськово.
Говорилъ-то вѣдь тутъ да царь Иньдѣйськія:
„Намъ вѣдь надоть наладить оружья-ти всё военныя,
Приготовить надоть намъ вѣдь всё стрѣлы́ калёныя,
Ай не подошолъ штобъ подъ насъ бога́тырь-отъ пресильнія,
Ише сильней-отъ, могуцёй Святославьёвичъ“.
Отправляитце Волхъ да Светославьёвичъ
Со своей то онъ со силушкой великою
Онъ подъ тотъ-ли подъ городъ Иньдѣйськой-отъ
Ко тому-ли ко князю ко Индѣйському;
Вотъ пошли-то они да тутъ отправились.
Остоялись они да во тёмны́хъ лѣсахъ;
Ихъ состыгла-то тутъ всё ночка тёмная;
Заспала́-то всё его сила́ великая;
Тутъ не сьпитъ-то вѣдь Волхъ да Святославьёвичъ.
Овернулсэ онъ ноцью волкомъ сѣрымъ-то.
Овернулсэ онъ олёнемъ златорогіимъ,
Онъ вѣдь сталъ-то тутъ по́ лѣсу побѣгивать,
Онъ вѣдь сталъ-то има́ть да чёрныхъ соболей,
Онъ вѣдь сталъ-то има́ть всё куници и лисици́-ти;
Онъ розьвёртывалсэ опять сильни́мъ, могуцимъ всё богатыре́мъ.
Онъ какъ сталъ-то вѣдь шить да всё куньи́ шубы,
Онъ куньи́-ти шубы шить, всё соболинныя
На свою-ту всё на силу на великую,
Штобы въ стужу-ту было имъ теплѣ́ ходить,—
Да носятъ пушшай всё ку́ньи шубы-то,
Ише куньи, всё шубы соболиныя.
Тутъ они пошли, поѣхали съ того мѣста;
Пріѣжали недалёко тутъ къ богатому ко городу,
Ко тому-ли къ богатому, къ Индѣи-то,
Ко тому-ту къ царю всё ко Индѣйському
Ай ко той-ли царици-то къ Елены Олёксандровны.
Тутъ овёртывалсэ всё Волхъ-отъ Светославьевичъ,
Овернулсэ-то онъ да чёрнымъ ворономъ,
Полёталъ-то онъ да по тёмны́мъ лѣсамъ;
Увидалъ-то онъ богатой городъ всё Индѣ́ю-ту,
Розьвернулсэ онъ тутъ да добрымъ молодцёмъ,
Ише сильнимъ, могуцимъ всё бога́тырёмъ.

Говоритъ-то вѣдь Волхъ Святославьёвичъ:
„Вы вѣдь стойте-тко, моя сила великая,
Вы останьтесь-ко, моя вы силушка великая:
Овернусь-то я теперь да яснымъ соколомъ,
Полечу, сяду къ царю я на окошоцько,
Я вѣдь всё-то у царя буду выслушивать“.
Овернулсэ славной Волхъ да Святославьёвичъ,
Овернулсэ-то онъ да яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ прямо къ царю да на окошоцько.
Говоритъ-то вѣдь тутъ да царь Индѣйскія
Со своей-то онъ съ молодой же со царицою,
Какъ со той со Еленой съ Олёксандровной,
Говоритъ-то царь про Волха Святославьёвича:
„Намъ не надоть ли, царица, запиратьце-то на крѣпки крѣпосьти?“
Говоритъ-то царица-та Елена Олёксандровна:
— Не поминай-ко-се ты, царь, да царь Индѣйскіи,
Ты того-ли вѣдь Волха Святославьёвича:
Говорить-то про ево да думать страшно всё;
Онъ родилсэ на святой Руси, тебѣ будётъ противницёкъ.—
Тутъ сказалъ-то молодой да царь Индѣйськія:
Ты не бойсе, не страшись, молода моя царица ты,
Елена ты всё Олёксандровна!
Приналáжоно у насъ-то для ево, всё приготовлёно,
Для того-ли у насъ Волха Святославьёвича
Оружья у насъ да со стрѣлáми со калёныма“.
Тутъ вѣдь выслушалъ прехитрой-отъ богáтырь нашъ,
Ише тотъ-ли славной Волхъ всё Святославьёвичъ.
Онъ овернулсэ тутъ скоренько горносталюшкомъ,
Вырывалъ-то онъ вѣдь матушку сыру земьлю,
Попадалъ онъ ко военнымъ славнымъ къ бружьямъ,
Вынималъ-то всё у ихъ стрѣлки калёныя,
Закопалъ, зарылъ во матушку въ сыру землю,
Иступилъ-то, приломалъ востры штыки желѣзныя,
Всё зарылъ-то у ихъ, спряталъ въ матушку въ сыру землю.
Увидали тутъ народъ да люди добрыя,
Шьчо идётъ-то силушка великая
Шьчо ко тому-ли царю, цярю Индѣйському,
Шьчо ко той-ли ко стѣны всё городóвою;
Они стали запирать ту-ту стѣну городóвую;—
Ай на тѣ-ли на предмéты, крѣпки крѣпосьти
Не попасьть будётъ некакому сúльнёму, могучому богáтырю,

Не пролѣсьть-то будётъ Волху горносталюшкомъ!
Овернулсэ онъ скоренько яснымъ соколомъ,
Вылётáлъ онъ церезъ стѣну городовую,
Прилетѣлъ-то онъ къ своей силы великою.
Говоритъ-то всё вѣдь Волхъ да Святославьёвичъ,
Говоритъ-то онъ, скорó да всё росказыватъ:
„Заперьли́сь-то они въ стѣну городовую.
Выходи-тко, моя сила, изъ бѣлы́хъ шатровъ,
Отыскалъ только въ стѣны́ я мѣсто пóлого“.
Ище только было тою шшолкой мурашу́ пройти.
Овернулсэ онъ да мурашóмъ скоро [1]),
Овернулъ-то онъ силы десеть тысецей
Онъ вѣдь всѣхъ-то ихъ вѣдь малыма да мурашóчками;
Онъ во сьтѣ́ну-ту зашолъ да самъ вѣдь всихъ провёлъ,
Розьвернулъ тогды свою силу великую,
Ишше самъ-то розьвернулсэ славной Волхъ Святославьёвичъ,
Розьвернулсэ онъ да могуци́мъ, сильнимъ богáтырёмъ,
Надѣвалъ-то на себя онъ платьё богатырьскоё,
Надѣвалъ онъ на себя латы желѣзныя,
Принималсэ за цяжóлу свою палицю,
Онъ за ту свою за сабельку за вострую,
Онъ вѣдь зáцялъ тутъ да всё помахивать
Со своей-то со силушкой сь великою;
Какъ избили-то вѣдь всю силу Индѣйськую;
Онъ оставилъ только тысечю да красныхъ дѣвушокъ,
Ише тотъ-ли нашъ вѣдь Волхъ да Святославьевичъ.
Какъ замкнулсэ царь съ царицей на крѣпки́ замки;
Онъ стопталъ-то, росьпинáлъ да розьбивалъ у ихъ крѣпкій замки;
Онъ вѣдь бралъ-то всё царя, царя Индѣйського,
Онъ вѣдь бралъ-то царя да за жолты́ кудри,
Онъ кинáлъ-то вѣдь царя всё о кирпишной мосъ;—
Тутъ славы́ царю поютъ да въ старинáхъ скажутъ.
Самъ вѣдь бралъ-то за себя да всё въ замужесьтво,
Молодую бралъ царицу-ту
Ище ту-ли Елену Олександровну;
Онъ женилъ-то всихъ дородьнихъ этихъ молодцовъ,—
Достáлось-то на кажного по красной всё по дѣвушки.
Населилсэ онъ въ Индѣюшку богатую

---

1) Во второй разъ пѣвица пропѣла:
„Овернулсэ-то онъ маленькимъ всё мурашóчикомъ“. *Собир.*

Ише тотъ-ли славной Волхъ да Святославьёвичъ,
Онъ на мѣсто-то насталъ да сталъ царёмъ царить,
Свою силушку заставилъ тоже въ городи Индѣйськомъ жить,
Со своима-ти имъ жить съ жонами съ молодыма всё.
Завладѣлъ-то славной Волхъ всё Святославьёвичъ,
Завладѣлъ онъ всей Индѣюшкой богатою.

52.

Василій Богуславьевичъ.

(Отъ покрученниковъ, приходившихъ въ Золотицу съ Мезенскаго берега).

Ише было въ славномъ городи въ Новигброди,
Ай тамъ жилъ-то вѣдь былъ да всё богатой князь,
Ай богатой вѣдь князь всё Богусла́нушко.
Ай была у ево всё молода жона,
Ише та-ли княгина да Овдотья-свѣтъ Васильёвна.
Ай не славилсэ князь, скбрӧ представилсэ;
Оставалась у ево да всё мала́ семья,
Всё мала́ семья, Овдотья всё Васильёвна;
Оставалось у ево всё цядо милоё,
Цядо милоё Василей Богусла́вьёвичъ,
Ише сталъ-то Василей Богуславьёвичъ,
Ише сталъ у насъ Васильюшко семи годовъ;
Отдала ёго родима ёво матушка,
Отдала ево во школу уцить грамоты;
Какъ вѣдь скоро Васильюшко да научилсэ-то.
Ише сталъ онъ на улоцьку похаживать;
Онъ дворяньскима забавами да забавляитце,—
Малыхъ дѣточокъ на улки пообйживать:
Онъ вѣдь голову возьмётъ, да голова тутъ прочъ;
Онъ вѣдь за́ руку, за́ ногу—нога тутъ проць.
Онъ вѣдь тутъ, Василей Богослаевичъ,
Онъ вѣдь много убивалъ да малыхъ дѣточокъ.
Говорятъ-то всё многи́ да люди добрыя;
Тутъ вѣдь стали мужики-новогородцы собиратисе,
Они стали къ Овдотьюшки ходить, ругать-ту всё.
Вотъ уходитъ Васильюшко опять на улочку;
Говорятъ-то мужами новогородскія:
„Мы лишимъ-вершймъ тебя, Василей, съ своей-то буйнбй гбловой,
Отсѣкёмъ у тя по плёць мы бу́йну голову!“
Тутъ задумалсэ Василей Богуславьёвичъ;

Онъ пошолъ-то тутъ вѣдь скоро къ ро́дной матушки,
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плець.
Говоритъ-то тутъ ёму всё ро́дна матушка,
Ишше та-ли всё вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна:
„Ужъ ты шьчо же, ты моё да цядо милоё,
Молодой ты мой Василей Богуславьёвичъ!
Ты невéсёлъ-то идёшь, Васильюшко, ко мнѣ, нерадосьнё?“
— Ужъ ты гой еси, матушка родимая!
Тутъ хотятъ миня ’зымать-то мужики новогороцьскія,
Отрубить они мою всё буйну голову.—
Говорила ёму матушка родимая,
Ишше та вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна:
„Ужъ ты гой еси, моё да чадо милоё,
Цядо милоё моё да ты любимоё,
Молодой ты мой Василей Богуславьёвичъ!
Собирай себѣ дружиночку всё храбрую,
Выбирай себѣ дружиноцьку проти́въ собя,
А противъ себя дружинушку, хоробрую“.
Говорилъ-то ей Василій Богуславьёвичъ:
—Соберу-ту я пиръ на широко́мъ двори,
Я налью-то вѣдь цяру зелёна́ вина́,
Зелёна́-та ви́на цяру полтора ведра.—
Наливатъ скоро чарочку-ту зелёна́ вина,
Зелёна вина цяру полтора ведра;
Самъ садитце во полату бѣлокамянну
Ай на тотъ-ли онъ на стулъ всё рыта бархата,
Онъ вѣдь пишётъ ёрлыцьки да скорописцяты,
Отсылаётъ ёрлыки да всё по городу,
Собирались-то дружиноцька штобы хоробрая.
Тутъ приходитъ къ ёму да на широкой дворъ,
Во перьвы́хъ-то ’приходитъ къ ему Потанюшка всё Хроменькой;
Тутъ-то бралъ Потанюшка цярочку лѣво́й рукой [1]),
Выпиваётъ ету цярочку онъ на еди́ной духъ.
Тутъ вѣдь бралъ-то Василей Богуславьёвичъ,
Онъ вѣдь бралъ-то въ свои руки богатырьскія,
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ да всё какъ чёрной вязъ,
Онъ вѣдь хлопалъ-клёска́лъ вязо́мъ Потанюшку да по рѣзвы́мъ ногамъ;

---

[1]) Онъ (Василій) ищё сказалъ, шьтобы—лѣво́й рукой могутъ ли кто чару ето зды́нять?

Ай Потанюшка стоитъ, стоитъ, не трёхнитце,
Онъ не трёхнитце стоитъ да не зворбнитцö.
Тутъ какъ бралъ его Василей Богуславьёвичъ
За праву́-ту его да всё за рученьку:
„Приходи-ко-се, Потанюшка ты Хроменькой,
Приходи въ мои полаты бѣлокамянны;
Ужъ ты будь мнѣ-ка дружиночкой хороброю;
Ай садись ты за мои-ти дубовы́ столы,
Ты за тѣ садись за скатерьти за браныя,
Ты за тѣ садись за ѣсвы за сахáрныя,
Ужъ ты пей-ко, ты ѣшь да всё ты кушай-ко“.
Самъ пошолъ-то опять да на широкой дворъ,
Наливаётъ опять цярку полтора ведра,
Полтора-та ведра да зелёна́ вина.
Тутъ идётъ опять къ ёму всё на широкой дворъ,
Тутъ идётъ-то всё дружина къ ёму храбрая,
Ай идётъ-то по имени Косьтя новотбрженинъ;
Онъ берётъ-то ету цярочку лѣвой рукой,
Выпивалъ-то ету чарочку всё на единой духъ.
Тутъ хваталъ-то Василей Богуславьёвичъ,
Онъ хваталъ-то въ бѣлы руки богатырьскія
Съ широка-то двора да всё онъ чёрной вязъ,
Онъ ударилъ Косьтю всё по буйной ево гóловы;
Ай стоитъ-то вѣдь Косьтя, не думаётъ [1].
Говоритъ-то Василей Богуславьевичъ:
„Ужъ ты гой еси, Косьтя новоторженинъ,
Ужъ ты будь мнѣ-ка дружиночкой хороброю,
Проходи въ мои полаты бѣлокамянны,
Пей ты, ѣшь у меня садись-ко, кушай-ко,
За мои-ти стóлы садись дубовыя,
Ты за скатерьти да всё за браныя,
Всё за ѣсвы за мои да за сахáрныя“.
Тутъ проходитъ Косьтя новоторженинъ;
Оставаитьце Василей на широкóмъ двори;
Наполняётъ-наливаётъ чарочку опеть онъ зелены́мъ виномъ.
Тутъ приходитъ опеть къ ему дружиночка всё храбрая,
Ище тотъ-ли Данилушко сутулъ, горбатъ,
Онъ сутулъ, онъ горбатъ, всё напередъ покляпъ,
Выпивалъ онъ цяроцьку всё на единой духъ.
Онъ того Василей Богуславьёвичъ

[1]) Небóлько кажетъ.

Онъ не пробуётъ ево всё могучо́й силы,
Онъ не билъ, не пробовалъ да всё чорны́мъ вязомъ:
„Проходи ты ко мнѣ, Данилушко, въ полаты бѣлокамяны,
Ужъ ты будь мнѣ-ка дружиночкой хороброю,
Ты попей поди, поѣшь у мня, покушай-ко,
Ты садись-ко за мои-ти дубовы́ столы,
Шьчо за браны за мои-ти бѣлы скатерти,
Ужъ ты пей-ко, ѣшь да у мня кушай-ко
Ты какъ тѣ-ли мои ѣсвы саха́рныя“.
Тутъ услышилъ Василей Богуславьёвичъ,
Шьчо збираитьце у князя-та новогородцького,
Собираитьце пиръ да всё на весь вѣдь міръ:
Шьчо на тѣхъ-ли на князей всё на богатыихъ,
Да на тѣхъ-ли мужиковъ новогородськiихъ,
Собираетъ пиръ да всё судить-то, да они всё присуживать
Ай того-ли Васильюшка да Богусла́вьёвича [1]).
Да услышалъ про это богаты́рь нашъ всё пресильнёй-отъ,
Да могуцёй богаты́рь нашъ доброй молодець,
Ешше тотъ-ли свѣтъ-Васильюшко нашъ Богусла́вьёвичъ.
Всё на пиръ-то вѣдь Василья тутъ не по́звали.
Говоритъ-то Василей Богуславьёвичъ
Онъ своей-то всё родимой своей матушки,
Онъ-ли той-ли Овдотьи-свѣтъ Васи́льёвны:
„Ужъ ты гой еси, родима моя матушка,
Пожила вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна!
Я пойду развѣ ко князю на почёсёнъ пиръ,
Поведу-ту я свою дружинушку хоробрую“.
Говоритъ-то Василью ро́дна матушка:
— Ужъ ты гой еси, Василей Богуславьёвичъ!
Ишше какъ ты пойдёшь, дакъ ты вѣдь нё́званъ-то:
Шьчо незва́ному, Васильюшко, скажу тебѣ, вѣдь госьтю всё вѣдь мѣста нѣтъ.—
Тутъ не слушатъ Василей Богуславьёвичъ,
Онъ не слушатъ родиму свою матушку;
Онъ вѣдь скоро тутъ да наряжаитце
Со своей-то онъ дружиночкой со храброю,
Со трёма́-ти вѣдь со руськима могуцима бога́тырями:
Со перьвы́мъ-то со Потанюшкой со Хроменькимъ,
Со вторымъ-то со Коськой съ новоторженином,
Со третьи́мъ-то со Данилушкомъ съ Горбатенькимъ;

---

[1]) Набилъ, вишь, ребятъ.

Они скоро пошли-то всё ко князю-ту новогородському [1]).
Какъ вѣдь тутъ они пришли-то тутъ скорёхонько;
Онъ вѣдь не спрашиватъ Васильюшко всё Богославьёвичъ
Онъ у двёрей-то да всё придверьницьковъ,
У воротъ-то да всё вѣдь приворотьницьковъ,
Онъ заходитъ въ полаты княженеськія,
Онъ вѣдь кланеитце князю всё новогородскому;
Онъ заноситъ свою-ту ножку правую
Черезъ ту-ли скамейку бѣлодубову,
Онъ садитце-то скоро за дубовой столъ,
Онъ садитъ свою дружиначку хоробрую;
Упѣхалъ-то изъ-за стола многихъ людей добрыихъ,
Ише тѣхъ-ли мужиковъ новогороцькіихъ,
Онъ выпѣхивалъ ихъ всё на новы сѣни.
Тутъ народъ-отъ, люди добры испугалисе,
По домамъ-то охъ [2]) вѣдь много розьбѣгалосе
Да назадь опеть на пиръ да собиралисе;
Они стали сидѣть, да всё посиживать,
Во сьмиреньици сидятъ да всё какъ пьютъ, ѣдятъ.
Говоритъ-то тутъ князь новогородцькія:
„Ужъ вы шьто-то сидитѐ, да вы богáтыри,
Вы не цимъ, сидитѐ, у мня не хвастаите“?
Говоритъ-то тутъ Коськя новоторженинъ:
— Ужъ и тѣмъ-то разьвѣ я похвастаю:
Я осталсэ всё отъ батюшка родимого,
Я осталсэ отъ батюшка малёхонёкъ,
Я малёхонёкъ осталсэ, зеленёхонёкъ.—
Воспрогóворитъ Василей Богуславьёвиць:
— Я ужъ тѣмъ-то разьвѣ я похвастаю:
О своей-то я о буйной о головушки,
Я ударюсь съ вами, мужики новогородьскія,
Ай ударюсь я съ вами о великъ залогъ,
О великъ-то я залогъ — свою богатырьску-ту-ли я о буйну голову,—
Пробиваю я свою вамъ буйну голову.—
Говорятъ-то мужики новогородськія:
„Мы по утру-ту станёмъ, утруранному,—
Привести тибя, Василей Богуславьёвичъ,
Привести тибя шьчобы намъ ко Нѣпрé-рѣки;

[1]) Имя тяжолое—не помню.
[2]) Вмѣсто „ихъ“? *Собир.*

Приведёмъ тебя да мы къ Нѣпрé-рѣки,
Къ тому-то мы мосту, мостỳ дубовому,
Отсѣкёмъ у тя по плець-то богатырьску буйну голову.
Ты не будёшь убивать-то всё многи́хъ хоть людей добрыихъ".
Тутъ пошолъ-то скоро со пиру́ Васильюшко,
Ай вѣдь тотъ у насъ Василей Богуславьёвичъ,
Онъ повѣсилъ-то свою-ту буйну голову,
Ай повѣсилъ головушку съ могуцихъ плець,
Запечалилсэ, пошолъ, самъ закручинилсэ.
Ай приходитъ къ родимой своей матушки,
Ай ко той-ли Авдотьи-свѣтъ Васильевны
Со своей-то зъ дружиноцькой съ хороброю.
Говоритъ-то ёму всё рóдна матушка:
„Ужъ ты шьто-же, ты моё да цядо милоё,
Цядо милоё моё, цядо любимоё,
Молодой ты мой Василій Богуславьёвичъ!
Ты вѣдь шьчо у мня пришолъ всё запечалилсэ?"
— Ужъ ты гой еси, матушка родимая
А по имени Овдотья-свѣтъ Васильёвна!
Ишше какъ то мнѣ-ка не печалитьце?
Я ударилсэ вѣдь на пиру-ту всё
Я сь тимá-то съ мужиками всё новогородьскима,
Я пробилъ-то имъ свою-ту богатырьску голову:
Увести хотятъ меня да ко Нѣпрé-рѣки,
Ко тому-ли всё миня мосту дубовому,
Отрубить хотятъ, отсѣкци всё мою-ту богатырьску буйну голову.
Посадила ёго матушка родимая
Да во ту-ли ёго клѣтку во желѣзную,
Шьчо за тѣ ёво замки крѣпки заморьскія,
За заморьскія замоцьки за желѣзныя,
Припирала-то ёго ишше чернымъ вязомъ.
Какъ вѣдь тутъ-то пришло-то утро ранноё;
Приходили мужики новогородьскія,
Тутъ вѣдь собирались мужики новогородьскія
Ко Васильюшкову всё къ широку́ двору:
„Выходи-ко ты, Василей Богуславьёвиць!
Поведёмъ мы тебя къ матушки къ Нѣпрé-рѣки,
Ко тому мы тебя мóсту ко дубовому:
Намъ охвота всё отсѣкци-то твоя-та буйна голова,
Богатырьска-та твоя да всё головушка".
Тутъ Василей сынъ Богуславьёвиць

Онъ вѣдь крѣпко спитъ своимъ сномъ богатырьскіимъ.
Шьчо пошло-то то вѣдь время на другй сутки;
Тутъ вѣдь онъ всё спитъ, не пробужаитце.
Тутъ ёго-то всё родима ёго матушка,
Ише та вдова Овдотья-свѣтъ Васильёвна
Тутъ берётъ-то, насыпаетъ она мису красна золота,
Шьчо другу-ту насыпаётъ циста сéребра,
Да третью-ту насыпаетъ скатна жемцюгу,
Да пошла она вѣдь всё къ князю съ подарками.
Шьчо приходитъ ко князю-ту новогорочкому;
Не примаетъ вѣдь князь отъ ей подарочёкъ:
„Не беру вѣдь у тебя я красна золота,
Не возьму я у тебя да чисто сéребро,
Мнѣ ненадобно твой да всё скатной жемцюгъ;
Мнѣ подай тольки своёго ты сынà любимого,
Молодого мнѣ Василья Богуслáвьёвича“.
Какъ пошла-то бѣдна вдовушка, слезнó росплакалась.
Какъ приходитъ она да на чистó полё,
Роскинáла-розбросала злато, сéребро,
Россыпáла она свой да дорогой женцюгъ
По тому-ли она по пóлю чистому,
Шьчо сама-та говорила таковы рѣци:
„Мнѣ не дорого теперь да красно золото,
Мнѣ не дорого теперь мнѣ цисто сéребро,
Не желѣю я теперь да скатна жемцюга,—
Дорогó у мня моё мнѣ цядо милоё:
Мнѣ-ка жаль ёго ухватки богатырьскою,
Мнѣ-ка жаль его удáлой буйной гóловы,
Мнѣ-ка жаль-то вѣдь рожóного мнѣ дитятка,
Молодого всё Василья-та да Богуславьёвича!“
Какъ приходитъ она всё на широкой дворъ,—
На широкóмъ-то двори вѣдь ходятъ по колѣнъ въ крови.
Поступила тутъ ево дружиночка хоробрая,
Они бьютъ всё мужиковъ новогородскіихъ;
Тутъ нашло вѣдь мужиковъ всё перевáлами:
„Мы зайдёмъ вѣдь ко Васильюшку да Богуславьёвичу,
Мы зайдёмъ скорó къ ёму мы на широкой дворъ,
Оберёмъ мы у ево да да злато, сéребро,
Отсѣкёмъ мы у ево да буйну гóлову“.
Услыхали тутъ ихъ красны дѣвушки,
Молоды-ти вѣдь всё ихны кухароцьки,
Ише ти-ли Васильёвы всё портомойници—

Полоскали Васильюшковы всё бѣлы́, тонки́ рубашоцьки;
Какъ котора на Васильюшка стирала-то рубашоцьки,
Какъ хватила она всё корымысло тутъ,
Она стала коромысломъ всё пошалкивать,—
Шьчо убила она силушки да цѣ́лу сотьню-ту,
Ай Потанюшка убилъ да до пети онъ сотъ,
Ише Косьтя новоторженинъ убилъ да до шести же сотъ,
Ай Данилушко убилъ да цѣ́лу тысецю.
Ай бѣжитъ-то тутъ Васильюшкова портомойниця;
Тутъ откинула отъ двéрей она чёрной вязъ,
Отомкнула-то замоцьки-ти скорó заморьскія,
Отпирала она клѣть крѣпку желѣзную,
Говоритъ она сама да слёзно плачитце:
„Ужъ ты слáдка, ты снали́вна наша ягодка,
Молодой ты нашъ хозяинъ, свѣтъ-Василей Богуславьевиць!
Шьчо ты долго у насъ спишь, ты не пробудисьсе,—
Ужъ ты спишь у насъ, Василей, трои сутоцьки!
Шьчо твоя-та вѣдь дружиночка хоробрая
Они бродятъ на широкóмъ двори въ крови-то до колѣней все".
Тутъ ставалъ скорó Василей Богуславьевичъ
На свои-ти онъ на ножицьки на богатырьскія,
Тутъ хваталъ-то всё Василей Богуславьёвичъ
Во свои-ти бѣлы руцюшки да въ богатырьскія,
Онъ хваталъ-то, всё вѣдь бралъ да тутъ вѣдь цёрной вязъ,
Онъ вѣдь сталъ-то всё вязомъ да тѣмъ поигрывать,
Какъ народа, людей добрыхъ сталъ вязомъ чёрныимъ пошалкивать:
Онъ на праву-ту руку махнётъ—свалитце улица,
Онъ на лѣву отмахнётъ—всё переулками;
Онъ прибилъ-то силу всю новогородьскую.
Онъ приходитъ тутъ да ко Нѣпрé, къ рѣки;—
Больше бить-то вѣдь Василью стало некого.
У Нѣпре-то, у рѣки-то былъ да всё дубовой мостъ;
Тутъ стрѣцялсэ Василью на мосту-ту всё ему вѣдь тутъ,
Ише тотъ-ли стрѣтилсэ-то ёму крестóвой ёго брáтёлко.
Говоритъ ёму Василей Богуславьёвичъ:
„Тебя цёртъ вѣдь то несётъ, брата крестового!
Ты идешь во ту пору, когды ненадобно:
Мы играмъ-то вѣдь севодьне головами всё,
Не жалѣмъ своихъ головушокъ мы богатырьскіихъ".
Говоритъ ёму крестовой ёго братёлко:
— Молодой ты знать Василей Богуславьёвичъ!

Ты порато со мной шибко зашибаисьсе.
Ты уцилсэ-то когды ты въ школѣ грамотѣ,
Надъ тобой-то, кажись, былъ тогды большимъ вѣдь я,
Ты, Василей Богославьевиць, ты былъ тогды да всё меньшимъ ты мнѣ;
Я училъ тебя ко грамотѣ господьнёю.—
Во рукахъ несётъ крестовой его брателко
Ише ту-ли шепалыгу подорожную,
Шепалыга подорожна будётъ всё вѣдь двѣсьти пудъ;
Онъ ударилъ Василью въ буйну голову
Онъ вѣдь той-ли шепалугой подорожною [1]).
Ай вѣдь тутъ-то богатырьскоё серьцо розгорѣлосе;
Какъ хваталъ-то вѣдь Василей Богуславьёвичъ
Шепалыгу у его да всё лѣвой рукой,
Вырывалъ изъ рукъ у брателка крестового;
Онъ ударилъ тутъ братёлка по буйной головы.
Тутъ славы-ти поютъ вѣдь брателку крестовому,
Шьчо славы ёму поютъ, во многихъ старинáхъ скажутъ [2]).
Подошолъ опять по мóсту по дубовому;
Тутъ идётъ ёму настрѣту хрёсной ёго батюшко,
Хрёсной батюшко ево да свѣтъ-Дивянишшо.
Ай онъ говоритъ Василей Богуславьёвичъ:
„Тебя чортъ-отъ несётъ, да хрёсной ты мой батюшко,
Водяной тебя несётъ да всё не вó время!“
Говорилъ ёму крестовой ёго батюшко:
— Молодой, ишше Василей Богуславьёвичъ!
Не по собѣ-то ты теперь да дѣло дѣлаёшь.—
Говоритъ-то Василей Богославьёвичъ:
„Ужъ ты гой еси, родимой хрёсной батюшко!
Я севодьне играю головами всё мужицьима,
Всё мужицьима играю я, новогороцькима,
Не пропускаю головы и богатырьскою“.
У ево-то всё у хрёсного да отца-батюшка
Ай на головы надѣтъ намѣсто шляпы большой колоколъ,
А потянётъ этотъ колоколъ пудовъ о тысецю [3]).
Какъ въ руки-то языкъ да всё петьсотъ пудовъ.
Погледѣлъ-то тутъ Василей-отъ на крестового на батюшка;
Онъ ударилъ ёго шепалыгой-то по этому по колоколу,—
Розьлетѣлсэ вѣдь колоколъ на мелки дребезги,

---

[1]) На дорогу эдаку взялъ!
[2]) Врака, всё-таки въ одной!
[3]) Пѣвица слышала также „о десеть сотъ“.

Тутъ прошла-то шепалыга-та его всё буйну голову.
„Ай убилъ я вѣдь, вѣрно, хрестового же отця, хрёсного!“
Ай крестового-то братёлка-та ищще мёртвого попиныватъ.
Тутъ приходятъ къ Овдотьи всё къ Васильёвны
Ише ти-ли женьшины новогородьскія
Подъ косисцято къ ей да подъ окошоцько [1]).
Услыхалъ скорó Василей Богуславьёвичъ,
Онъ вѣдь скóро оврашáлсэ къ рóдной матушки,
Ище къ той-ли къ Овдотьи-свѣтъ къ Васильёвны.
Какъ налимъ-то кругъ вѣдь камешка всё овиваитьце,
Какъ Василей Богославьевичъ къ матушки вѣдь всё онъ лáшшитце;
Онъ вѣдь падатъ своей матушки въ рѣзвы́ ноги,
Онъ-то проситъ у ей родительска благословленьиця:
„Ужъ-ты дай-ко мнѣ-ка, матушка родимая,
Мнѣ-ка дай-ко ты родительско благословленьицё
Мнѣ-ка съѣздить-то, матушка, въ Ерусалимъ всё градъ:
Я вѣдь нагрѣшилъ я много хоть со малыхъ лѣтъ,
Убивалъ много народу православного,
Убивалъ много хресьяньскихъ малыхъ дѣтушокъ,
Убилъ-то я своёго хрёсна батюшка,
Я убилъ-то крестового своёго брателка, —
Ише хрёсному моёму былъ родимой сынъ.
Мнѣ-ка надобно въ грѣхахъ да попрошшатисе,
Ко сьвятой-то мнѣ святыни помолитисе,
Ко сьвятымъ мошшамъ нетлѣнымъ приложитисе,
Бо Ерданъ мнѣ-ка рѣки́ да окупатисе;
Мнѣ увидѣть вѣдь надоть свято озёро,
Откуль выпала матушка Ерданъ-рѣка,
Мнѣ сходить-то нать вѣдь, съѣздить на сьвяту гору,
Пріобразилсэ, на гору́-ту, гдѣ Исусъ Христосъ,
Гдѣ Исусъ-оть Христосъ да гдѣ небесной царь:
Тамъ вѣдь есь-то, скажутъ, стоитъ церьквá соборная,
Тамъ соборная церьквá всё Пріображеньская,
А двѣнадцеть есь престоловъ тутъ, двѣнадцеть крылосовъ;
Тамъ вѣдь есь-то, скажутъ, камень Лáтырь есь,
Ишше Латырь-отъ камень-отъ святой-отъ всё:
Установилъ-то нашъ Исусъ Христосъ, небесной царь,

---

[1]) Здѣсь сказательница прервала пѣніе и стала разсказывать о томъ, что население Золотицы вышло изъ Новгорода; когда она снова стала пѣть, то, вѣроятно, позабыла на чемъ остановилась, и потому пропустила то мѣсто, какъ женщины упросили Авдотью унять сына. *Собир.*

Шьчо на томъ-то ка́мяю вѣру православную,
Написалъ-то онъ на томъ камяю всё книгу Голубинную
Со двѣнадцетью онъ всё вѣдь со апостолами“.
Говоритъ ёму родима ёго матушка:
— Ты пойдёшь токо, моё ты цядо милоё,
Молодой же мой Василей Богуславьевичъ,
Ты пойдёшь токо на дѣло на хорошоё,—
Я вѣдь дамъ тебѣ крѣпко́ родительско благословленьицё;
Изьмѣни́шь токо, Василей Богуславьевиць,
Ты 'зьмѣни́шь токо своё да слово крѣпкоё,
То́ко будёшь кого бить-то по дороги православного,—
Бога́тыря ты, хошь и не бога́тыря,
Не неси-то тебя матушка тогда сыра земля! —
Она скоро благословила своёго тутъ цяда милого;
Они скоро вѣдь поѣхали да на чернёныхъ ка́рабляхъ.
Они шли-то тутъ времени немало жо:
Ай вѣдь шли они времени околъ мѣсецн.
Ай пришли-то они ко Ерусалиму-ту, къ свя́ту граду;
Да завидялъ-то Васильюшко всё силу бусурманьскую,—
А стоитъ-то силушка подъ Ерусалимомъ всё подъ городомъ
Онъ не билъ-то этой силушки да бусурманьскою.
Онъ доходитъ, доступаетъ по своимъ дѣламъ,
По своимъ-то по дѣламъ—Богу молитисе,
Шьчо во тотъ-ли светой въ Ерусалимъ онъ градъ;
Онъ сьвятой-то всё сьвятыни-то всё мо́литьце,
Во тяжкихъ-то онъ грѣхахъ Богу прошшаитьце,
Ко святымъ мошшамъ нетлѣннымъ всё прило́жилсэ,
Заказни́ поётъ обѣдьни съ панафидами,
Съ панафидами, всё со молебнами:
Поминатъ своёго онъ родного батюшка,
Молитъ Бога за свою-ту ро̀дну матушку,
За себя-то онъ всё за Василья Богославьёвича,—
Онъ даватъ-то всё отцамъ, попамъ соборнымъ,
Онъ несчётно-то даватъ да золоту казну;
Онъ вѣдь молитъ за дружинушку хоробрую,—
Онъ несцётно же даватъ да золотой казны.
Ай отправились они всё ко Ёрданъ-рѣки,
Ко Ерданъ-то ко рѣки, ко Льби́ну-ту [1]) святому озеру
Какъ вѣдь тутъ-то стали во Ерданъ-рѣки купатисе
Со своей-то онъ съ хороброю дружиноцькой.

---

[1]) Пѣвица слышала также „ко Львину-ту“; ср. № 53, ст. 84. *Собир.*

Говорила ёму-ту рóдна матушка:
„Не купайсе ты, Василей Богославьёвичъ,
Не купайсе-ко нагимъ во матушки Ердань-рѣки:
Только вáгимъ-то купалсэ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ Христосъ купалсэ, нашъ небесной царь“.
Не послушалъ онъ наказу рóдной матушки,
Ишше той вдовы Овдотьи всё Васильёвны,
Окупалсэ онъ въ Ёрданъ-рѣки нагимъ-то всё,
Шьто нагимъ-то окупалсэ, безъ рубашоцьки;
Какъ ёго-то всё дружиночка хоробрая
Окупались-то они да всё въ рубашоцькахъ.
Ай поѣхали они ко каменю ко Лáтырю,—
Ай лёжитъ-то голова всё богатырьская;
Онъ вѣдь бралъ-то эту голову попинывалъ,
Онъ вѣдь сталъ-то эту голову побрасывать;
Говоритъ-то голова всё богатырьская:
„Не пинай меня ты, Васильюшко всё Богуславьёвиць,
Не пинай ты мою голову всё богатырьскую!
А не перескóцить тобѣ будетъ церезъ Латы́нь-камень:
Ты первóй-отъ разъ, Василей Богославьёвичъ,
Перескóцишь церезъ камень во первóй наконъ,
Перескоцишь цёрезъ камень во второй наконъ;
Не перескóцить тебѣ накону трéтьёго,—
Ты убьéсьсе, Васильюшко, о этотъ кáмешокъ;
Не бывать-то тебѣ будётъ, Василей Богославьёвичъ,
Не бывати тебѣ будётъ-то вѣдь на сьвятой горы,
Шьчо во той тебѣ во церькви всё Преображеньскою,
Не видать тебѣ ужъ той будётъ церькві соборною,
Тебѣ соборною церькви, богомольнёю,
Не видать тебѣ будётъ двѣнадцеть всё престоловъ всѣхъ,
Не видать будетъ, Василей ты да Богуславьёвичъ,
Ай двѣнадцеть-то тебѣ престоловъ-то, двѣнадцеть крылосовъ“.
Говоритъ тутъ Василей таковы слова:
— Ай ты крѣпко спишь—тебѣ всё во снях видитце!—
Перескóцилъ перьвой разъ Василей Богуславьёвиць,
Перескóцилъ Васильюшко цересъ камень во второй наконъ,
Ай въ третéй-отъ наконъ упалъ о этотъ Лáтырь, всё о камень-отъ,
Онъ убилсэ тутъ да всё до смерти-то,
Ай убилсэ нашъ Василей Богославьёвичъ.
Ишше тутъ Васильюшку славі поютъ,
Шьчо славі ёму поютъ да старині скажутъ.

53.

Голубинная книга [1]).

(Отъ покойной сосѣдки Мареы Ларіоновны, которая жила въ кельяхъ Онуѳріевскаго скита; слышала и отъ покрученниковъ съ Мезенскаго берега).

Находила-то тутъ всё туця тёмная,
Туця тёмна находила, туця грозная
Ай со ту-ли со востоцьню со стороноцьку;
Ай вѣдь посередь-то было поля чистого,
Выпадала-то тутъ книга Голубинная.
Ай съѣзжалось къ этой книги Голубинною
Ише сорокъ царей, сорокъ царевицей,
Ише сорокъ князьей, сорокъ князьёвицей,
Ише сорокъ королей, всё королевицей,
Ише сорокъ архиреёвъ всё съ митрополитами,
Ише сорокъ протопоповъ-то съ попами всё;
Ай съѣжалось-то вси могуціи богáтыри,
Ише вси-ти руськи вси могуціи богáтыри,
Ай народа православного да цисла-смѣту нѣтъ.
Ай подходитъ къ этой книги Голубинною,
Ай подходитъ вѣдь нашъ всё православной царь,
Православной нашъ царь Давыдъ Евсеёвиць;
Онъ вѣдь самъ-то говоритъ да таковы рѣци:
„Какъ вѣдь дайсе мнѣ, книга Голубинная!
Ишше я-то—царь, да надъ царёми царь".
Передъ имъ [2]) всё книга, свѣту́, даваитьце,
Да ёму-ту, свѣту, книга открываитьце.
Ета книга-та вѣдь Голубина въ долину́-ту сорока локóтъ,
Въ ширину-ту будетъ книга двадцети локóтъ [3]).
Говоритъ тутъ премудрой царь Давыдъ Евсеёвичъ:
„На налой-то эта книга не уложитце,
Во рукахъ-то эту книгу мнѣ не удёржать будётъ.
Шьчо циталъ я эту книгу рáвно три года,—
Проциталъ я эту книгу тольки три листа".
Пріѣжаетъ къ ёму да всё премудрой царь,
Всё премудрой къ ёму царь да всё Владимеръ-отъ Владимеровиць:

[1]) А. М. Крюкова говорила, что Г. книга „поётьце на стариньской голосъ"; А. Т. Голубина прямо называла ее старинной (см. списокъ сказателей, стр. 23). *Собир.*

[2]) Вмѣсто „ему". *Собир.*

[3]) Пѣвица слышала также „двадцети пети сажóвъ". *Собир.*

„Ужъ ты гой еси же, царь Давыдъ Евсеёвиць!
Росскажи-ко мнѣ про книгу Голубинную:
Отцёго-то вѣдь зацялсэ ишше бѣлой свѣтъ,
35. Отцёго-то зацялось да красно солнышко,
Отцёго же да зацялсэ младъ сьвѣтёлъ мѣсець,
Отцёго же тутъ зацялись зоря утряца,
38. Отцёго же зацелись да звѣзды частыя,
40. Отцёго-то зацелись да всё царевици,
39. Отцёго-то зацелись да цари православныя,
41. Отцёго-то зацелись да князья вѣдь, дѣти княженецькія,
Отцёго же зацелись да народъ-отъ, всѣ да люди добрыя,
Отцёго-то зацялась-то въ цёловѣки кровь горячая,
Отцёго-то зацелись да косьти крѣпкія.
45. Отцёго же зацелась да матушка Ёрданъ-рѣка,
Исъ какого она озера повыпала,
Отцёго же зацялась да всё Офракъ [1])-гора,
Отцёго же названо-то вѣдь плакунь-трава,
Отцёго же вѣдь названо вѣдь славно Окіянъ-морё?"
50. Говоритъ-то тутъ премудрой царь Давыдъ Евсеёвиць:
— Не могу-то я тебѣ, Владимиръ ты же царь да всё Владимировичъ,
Не могу-ту я тебѣ да процитать книги:
Я бы проциталъ вѣдь только книги три листа;
Я скажу-то тебѣ, по своей скажу по памети,
55. Я скажу-то тебѣ, скажу-повѣдаю.
Шьчо зацялсэ у насъ да всё какъ бѣлой сьвѣтъ,
Отъ Судьбы-то всё зацялсэ, отъ Бога, царя небесного;
Ай какъ зацялось у насъ да красно солнышко
Отъ лиця-та отъ его, царя небесного;
60. Зацялось-то у насъ да младъ сьвѣтёлъ мѣсець
Отъ грудей-то отъ его, царя небесного;
Зацелись-то у насъ всё зори утряны
Отъ оцей-то его, царя небесного;
Ишше мелки-ти звѣзды всё отъ ризъ его,
65. А цари-ти православны и царевици
Зацелись-то отъ святой главы Адамовой,
А князья-ти зацелись, всё княжёници
Отъ его-то-ли мошшей всё отъ Адамовыхъ,
Ай народъ-отъ зацелись всё православныя
70. Отъ его-ли колѣна отъ Адамія;
Ай горёця-та кровь изъ моря Чёрнаго,

[1]) Пѣвица слышала также „Фарафонъ" и „свята". *Собир.*

Ай въ целовѣки крѣпки косьти всё отъ каменя,—
Ай на томъ камню вѣдь пребразилсэ нашъ Исусъ Христосъ,
Ай Исусъ всё Христосъ, да всё небесной царь,
Утьвердилъ-то онъ тутъ да косьти крѣпкія,
Написалъ-то на камню всё книгу Голубинную,
Онъ спускалъ-то эту книгу на сыру землю;
Зацѣлись-то дожжи цясты всё отъ слёзъ ёго,
Отъ того вѣдь отъ царя да всё небесного,
Отъ прецистой матери всё Божьей, Богородици;
Ай плакунъ-отъ трава—вѣдь всѣмъ травáмъ трава,—
Ише слёзы-то царици всё небесныя:
Она плацётъ-то всё объ насъ, о грѣшникахъ
Да умаливатъ-то своёго сына пречистого,
Да Исуса-та Христа, царя небесного.
Какъ вѣдь Львино [1]) озёро всимъ озёрамъ оно озёро;
Потому-то оно названо-то это озёро,—
Выпадала изь ёго всё матушка Ерданъ-рѣка.
А Ерданъ-отъ рѣка вѣдь всѣмъ рѣкамъ рѣка;
Потому она да всимъ рѣкамъ рѣка,
Шьчо крестилсэ вѣдь въ ей самъ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ вѣдь Христосъ, да нашъ небесной царь.
А какъ Окіянъ-то вѣдь морё всѣмъ морямъ морё.—
„Поцему-то оно было названо?“
— Потому оно да было названо,
Шьчо вѣдь мылась-то вѣдь въ мори пресьвятая мать-то Богородиця,
Ай царица вѣдь всё наша небесная,
Пріумыла своё лицё пречистоё.
Посьреди-то Окіяна, моря синяго,
Да стоитъ-то вѣдь Божья церьковь соборная [2]),
Ай соборная церьковь, богомольная;—
Почовала цариця-мать небесная.
Ише въ томъ Окіяни, во синёмъ мори,
Есь престрашная птиця вѣдь Магуй-птиця:
Она пóслана вѣдь въ Океянъ, да морё синёё,
Ай за то-ли она была вѣдь послана—
Она много выѣла людей добрыихъ;
Ей послалъ-то во мóре самъ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ ей Христосъ, да самъ небесной царь;

---

[1]) Пѣвица слышала также „Льбино“ и „Лебедино“. Ср. № 52, ст. 421. *Собир.*
[2]) На́ неби.

Повелѣньёмъ-то она да Бога-Господа
Она лóжитъ свои-ти всё вѣдь éиця
Въ Окіянъ-то въ глубину, да морё синёё,
Всё выводитъ своихъ тамъ дитей малыихъ;
Да Магуй-то вѣдь птиця вострепёшшитце,—
Ишше синёё морё восколыблитце,
Восколыблитце морё, розволнуитце;
Тутъ вѣдь пружитъ карабли-ти всё госьтинныя
Со тѣмá-ли съ товарами заморьскима.
А вѣдь есь-то подъ землёй да тамъ престрашной зьвѣрь,
По подзёмелью да онъ вѣдь ходитъ всё;
Онъ куда пройдётъ, дакъ тутъ не клюць пробьётъ,
Вси вѣдь рыбы, вси звѣри, поклоняютце.
Ишше китъ-отъ званъ, рыба, всимъ звѣрямъ онъ зьвѣрь.—
„Поцему же онъ званъ всимъ звѣрямъ онъ мать?“.
— Потому-ту звѣрь онъ званъ былъ,—
Ай на трёхъ-то китахъ основана матушка сыра земля;
Ишше китъ-то шевелитце,—мать сыра земля тогда сколыблитце,
Ай закроитце тогда вѣдь у насъ бѣлой свѣтъ.—
Ай росплакалась тутъ матушка сыра земьля:
„Ужъ ты Господи, Господи, небесной царь!
Не могу-ту я держать, вѣдь матушка сыра земля,
Не могу-ту я дёржать всё много грѣшниковъ,
Ишше больше я того всё безаконьниковъ“.
Говоритъ-то Господь, да царь небесной нашъ:
— Потерьпи-ко ты, матушка сыра земьля!
Не одумаютце ли всё, бывать, грѣшники,
Не устрашатце ли, бывать, хошь безаконники?
И умаливатъ за ихъ да вѣдь какъ Божья мать
Говоритъ-то какъ мнѣ да мать пречистая:
—„Потерьпи ты, потерьпи, да сынъ возьлюбляной,
Ты Исусъ-ли-ли Христосъ да всё небесной царь!
Ты просьти-ко-се, просьти, да просьти грѣшниковъ,
Ты просьти-тко-се просьти всё безаконьниковъ“.
Говорилъ-то ей Господь, да ей небесной царь:
— Ты отдай миня же во второй всё разъ къ жидамъ всё на роспятьё-то,—
Имъ просьтились бы тогды да грѣхи тяжкія,
Грѣхи тяжкія просьтились безаконьниковъ.—
„Не отдамъ-то на мученьё во второй я разъ,
Не могу забыть муценья у тя прежного“.

Ише правда-та съ кривдой заборолисе [1]);
Кривда-та правду изобидѣла.
Оставаитьце кривда на сьвятой Руси
У тово-ли у народа православного,
Да уходитъ то правда какъ на́ небо,
Къ самому Христу она, къ царю небесному.

54.

Разбойникъ Илья, кумъ темный.

(У скекра Василія Леонтьевича).

Ише было во городи Цернигови,
Тамъ вѣдь жилъ-то молодой-отъ князь-отъ душоцька,
Ише душоцька да князь Семёнъ Михайловиць;
Живуцись-то ихна жись да хорошо жилась.
Имъ на радосьть-ту Господь послалъ да цяда милого,
Цяда милого послалъ, да всё любимого,
Да родилсэ у ихъ маленькой княжевиць-сынъ.
Собираетъ онъ на радосьти почесёнъ пиръ,
Собираетъ онъ всихъ князьей-то, всѣхъ онъ бо́яровъ,
Онъ вѣдь всѣхъ госьтей-купцей торговыихъ.
Научили его вянюшки-ти, мамушки:
„Ты поди-ко, душочка, князь Семёнъ Михайловичъ,
Ты зови, зови къ себѣ всё кума стрѣтного,
Кума стрѣтного зови, кума крестового“.
Тутъ князь-отъ не отслышилсэ;
Онъ вѣдь звалъ-то собѣ да кума стрѣтного,
Онъ тово-ли звалъ вѣдь тёмного [2]) розбойника,
Звалъ онъ тёмнаго розбойника, да Илью Климанта.
Говоритъ ему кнегина таковы слова:
„Ужъ ты душоцька, князь Семёнъ Михайловичъ!
Ты худого, нехорошого себѣ привёлъ кума;
Откажись возьми отъ кума Ильи Климанта“.
Говоритъ-то вѣдь онъ да таковы слова:
—Угошшу я на пиру кума крестового;—
На меня вѣдь лихо кумъ всё не подумаётъ,—
Приходилъ-то тёмной-отъ розбойникъ Илья Климантовъ,
Одержалъ онъ собѣ хресника любимого.

---

[1]) Эти послѣднія строки пѣвица припомнила и прибавила къ предыдущему на другой день послѣ того, какъ она пѣла старину. *Собир.*

[2]) Т. е. слѣпого; онъ ослѣпъ послѣ, но прозваніе уже заранѣе прилагается къ нему. *Собир.*

На пиру-ту онъ сидитъ, розбойникъ Илья Климантовъ,
Онъ сидитъ-то на пиру не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
Онъ вѣдь бѣленькой лебёдочки не рушаётъ.
Говорилъ ёму-то душочька, князь Семёнъ Михайловичъ:
„Ужъ ты шьто сидишь, да кумъ ты мой крестовой-отъ,
Ты сидишь у мня не пьёшь, не кушаёшь,
Ишше бѣленькой лебёдочки не рушаёшь?
Налилúсь-то очи ясны всё кровью у тя горячою.
Разьвѣ мѣстомъ я тебя обсадилъ теперь,
Обнесли-то разьвѣ тебя золотой цярой,
Натсьмѣялсэ разьвѣ кто-небудь надъ тобой, крестовой кумъ“!
Говоритъ-то душочка, князь Семёнъ Михайловичъ:
„Не убилъ ты севодьне человѣка понапрасному,
Ты не пролилъ разьвѣ крови христіяньскою?“
Говоритъ темнóй розбойникъ Илья Климантовъ:
— Ты не бойсе, мой крестóвой кумъ Семёнъ Михайловичъ,
Ты не бойсе сéреди да дьня ты бѣлого;
Ты побойсе во полнóчь хошь ночки тёмныя;
Ты споменёшь всё тогда кумá крестового!—
Говоритъ-то тутъ вѣдь душоцька-та, князь Семёнъ Михайловичъ:
„ Я не хвастай-ко ты, мой да кумъ крестовыя,
Ай ты тотъ-ли нашъ розбойникъ Илья Климантовъ!
Я теперепе услышалъ похвальбу твою, —
Я залóжусь на крѣпки́ замоцьки тутъ заморьскія,
Я поставлю тутъ вѣдь вѣрныхъ караульщицьковъ,
Не зайти теперь бы шьтобы, не попасьть никакъ“.
Говоритъ тёмнóй розбойникъ Илья Климантовъ:
— Попаду-ту я къ тебѣ, да я зайду къ тебѣ.—
„Ужъ ты душочка, ты князь Семёнъ Михайловичъ! [1])
Немалу́ ты топерь шутоцьку нашу́тилъ тутъ;
Эта шутоцька тебѣ да какъ вѣдь съ рукъ сойдётъ?“
Говоритъ-то ей вѣдь князь Семёнъ Михайловичъ:
— Мы не будёмъ вѣдь спать да во полноць-ту, ночку тёмную.—
Говоритъ ёму кнегина таковы слова:
„Подавай да дороги ёму подароцьки“.
Онъ сымаетъ свою шапку зъ буйной гóловы,
Подаваётъ своему куму́ крестовому:
„Ужъ ты милой, любимой кумъ крестовой мой,

[1]) Слова княгини. *Собир.*

Ишше тотъ-ли ты розбойникъ Илья Климантовъ!
Ты бери, бери подарочки, какъ я дарю“.
Принимаётъ онъ подароцьки да единбй рукой,
Не даватъ ёму спасиба всё куму́ крестовому.
Поцерьнѣло тутъ у розбойника Ильи всё у Климанта,
Почерьнѣло лицё-то, кровь-та богатырськая,
Богатырська въ лици кровь перемѣниласе:
— Я хошь взялъ-то у тебя подарки, кумъ крестовой мой,
Не укрѣпилъ ты моёго теперь да ретива́ серьця,
Розгрубилъ ты всё моё да ретивб серьцё.—
Тутъ пошолъ у ихъ кумъ да со чёсна́ пиру,
Запираётъ онъ [1]) двери крѣпко-на́-крѣпко.
Они ту вѣдь ужъ ноцьку-ту ужъ не́·спали,
Они всю-ту ноць вѣдь Господу молилисе;
На другу-ту они ночку запиралисе
Шьчо на тѣ-ли на замки, замки на крѣпкія;
У замковъ были поставлены караульшики вѣрныя.
Говоритъ-то вѣдь душоцька-князь Семёнъ Михайловиць:
„Шьчо же мы вѣдь станемъ на замкахъ да запиратьце мы?
Ужъ уѣхалъ теперь мой крестовой кумъ“.
Ай вѣдь у́ кума крестового была у Ильи Климантова,
Ай была у ево шубка-невйдимка,
Ай была-то у ево шапка-невйдимка [2])
Заходилъ то кумъ крестовой на бѣлбмъ сьвѣту,
На бѣлбмъ сьвѣту зашолъ—ёго ужъ не увидишь тутъ;
Повалилсэ подъ кисбву подъ кроваточку,
Онъ держалъ въ своихъ рукахъ ца саблю острую.
Онъ сидѣлъ-то, всё лёжалъ да до полуноци,
Онъ въ полнбць-ту вѣдь ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
Ай отсѣкъ-то онъ у кума у крестового,
Онъ отсѣкъ-то у его да буйну голову,
Онъ отсѣкъ же у кнегины буйну голову,
Онъ отсѣкъ-то у любимого у хресницька;
Отбрызну́ла отъ младѣня-та горѣця кровь,
Шьчо брызну́ла во его-то во ясны́ оци,
Во ясны́-ти оци Ильи Климанту;
Онъ ослѣпъ-то Илья, да Илья Климантовъ.
Закрыцялъ-то онъ своимъ-то зысьнимъ голосомъ:
„Вы сѣките, вы рубите мою грѣшну голову!

---

[1]) Кумъ, захлопываетъ. *Собир.*
[2]) Было вѣдь,—у дьявола ли доставаютъ еретики-ти какъ?

Шьчо засѣкъ я своёго кума любимого,
Я засѣкъ-то свою куму любимую,
У крестового у дитятка отсѣкъ я буйну голову;
Мнѣ попала кровь горя́ча во ясны́ оци".
Захватили тутъ его всё за чёрны́ кудри,
Увезьли они ево на по́лё на Кули́ково,
Шьчо отсѣкли, отрубили буйну голову.

55.

Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ишше былъ-то жилъ купець богатой-отъ.
Помиралъ-то купець да въ молодыхъ лѣтахъ,
Оставлялъ онъ имѣньё своему сыну,
Своёму-ту онъ сыну одина́кому.
Съ того горюшка сынокъ купечеськой
Полюбилъ-то онъ пить да сладку водочку,
Сладку водочку пить и зелено́ вино.
Пропивалъ-то всё имѣнье ро́дна батюшка,
Проигралъ-то онъ да вдвоё въ картоцьки;
Прогулялъ-то, проживалъ да онъ три лавоцьки
Зъ дорогима онъ заморьскима товарами.
Онъ пошолъ-то во кабакъ да гъ зелёну́ виву,
Напивалсэ въ кабаки́-то зелёны́мъ виномъ,
Говорилъ-то онъ голя́мъ, голямъ кабацькіимъ:
„Я скажу-ту вамъ, скажу, голямъ кабацькіимъ:
Я ходилъ, голи́, сегодьне я по городу,
Я искалъ-то всё собѣ брата крестового,
Я крестового собѣ брата, названого;
Я не мокъ собѣ найти брата крестового,
Я нехто со мной хрестами не побраталсэ;
Какъ иду́тъ мимо меня, всё надьсмѣхаютце,
Надьсмѣхаютце иду́тъ да сами procь бѣжатъ".
Вдругъ стоитъ-то тутъ у стойки голь кабацькая,
Голь кабацькая стоитъ, всё горька пьяниця,
Говоритъ-то онъ ему всё таковы слова:
— Мы побра́таимсе мы съ тобой крестами золотыма мы!—
Говоритъ-то всё ему да голь кабацькая:
„Неужели у тебя имѣитце да золотой-отъ крестъ?"
Говоритъ-то тутъ кабацька голь таки рѣци:
— Я сижу-ту хошь за стойкой, прохлаждаюсе,

Я вѣдь былъ-то навѣку́ не голь кабацькая.
Я имѣлъ вѣдь у себя-та чёрны ка́рабли,
Я имѣлъ вѣдь у себя товары разныя,
Ай несцётно у мня было золотой казны.—
Скинывáлъ-то онъ съ ворота золотой всё крестъ;
Ай побрáтались крестами золотыма тутъ.
Обдирало-то [1]) у ихъ да хмѣль-то пьяной тутъ;
Стали они да всё заплакали:
„Намъ вѣдь полно-то ходить да намъ шалѐть больше!
Намъ вѣдь надоть наживать животъ, какъ раньше былъ".

56.

Купеческая дочь и царь.

(У Ф. Е. Стрѣлкова, слышала лѣтъ 15 тому назадъ) [2]).

Ише былъ-то жилъ купецъ да всё богатой-отъ;
Ай имѣлъ онъ многи́ себѣ лавки торговыя,
Ай имѣлъ онъ собѣ всё молоду жону,
Молоду себѣ жону, ишше едину́ю доць
Ай еди́ну-ту доць имъ всё любимую.
А вѣдь было у ёго много жило́ кухароцёкъ,
Ай кухароцекъ, вѣдь много прислужницьковъ;
Тутъ имѣлъ-то онъ себѣ да полей, нивъ много;
Онъ любилъ-то смотрять ходить стояцю рожь,
Прилюбилось на поляхъ, нивахъ, пондра́вилось.
Посылаетъ онъ свою всё дочь любимую:
„Ты сходи-ко-се, сходи-ка на чисто́ полё,
Ты нажни, нажни сходи да намъ хоть по снопу домой".
Онъ давалъ-то ей во руцюшки стальнёй всё серьпъ.
И пошла-то тутъ одна она всё жита жать;
Она снопъ-отъ нажала, и друго́й же жнётъ.
Тутъ какъ видитъ,—ѣдётъ всадникъ на бѣло́мъ кони́,
На бѣло́мъ-то ко́ни всадникъ подъѣзжатъ близко:
„Тобѣ Бохъ шьто помо́шшь, да красна дѣвиця!"
Благодарила она его, всё ниско кланялась.
Сходилъ-то со своёго коня доброго:
„Ужъ ты дай мнѣ-ка серьпа́, дѣви́ця-душа красная".
А какъ красна-та дѣвушка да испугаитьце,
Доць отецеська всё догадаласе:

---

[1]) Пронесло.
[2]) См. списокъ сказателей, стр. 74. *Собир.*

Она видитъ, шьчо наѣхалъ—не простыхъ тутъ лицъ;
Она тутъ скоро собираитьце домой идти.
Говоритъ-то ей да всё тутъ всадьникъ-отъ:
„Я вѣдь снопъ тебѣ нажну да вотъ другой нажну;
Ты подай-ко мнѣ росцётъ, всё золоту казну“.
Говоритъ она ему всё таковы слова:
— Благодарю-то я тебя, да доброй молодецъ!
Ты пойдёмъ-ко ко мнѣ въ домъ къ родному батюшку;
Съ удовольсвіёмъ тебѣ онъ заплáтитъ всё. —
Онъ нашолъ-то всё несчасьёмъ [1]) красну дѣвушку.
Роспростилсэ онъ съ ей скорёхонько,
Самъ садилсэ онъ да на добрá коня.
Она приходитъ тутъ къ своимъ родителямъ,
Ко тому она купцю всё ко богатому,
Ко своей-то ко родимой милой матушки.
Какъ пришла-то она, слёзно прироcплакалась,
Она батюшку своёму прирозжалилась:
„Ужъ ты вой еси, родимой милой батюшко!
Ты послалъ ты меня да на великой сьмѣхъ:
Я пришла къ себѣ на полюшко на чистоё;
Тутъ наѣхалъ вѣдь садьникъ на добрóмъ кони́,
На добромъ-то всё кони да всё на бѣломъ-то,
Просьмѣялъ-то онъ меня, да красну дѣвицю“.
Какъ вѣдь тутъ купець вины на ей всё не положили:
— Виноваты вѣдь мы да всё какъ сами-ти;
По грѣхамъ-то вѣдь-то нашимъ такъ слуцилосе,—
По тяжкимъ-то нашимъ сотворилосе! —
Стали тутъ на ей многи женихи всё тутъ свататьсе,
И купци на ей да всё богáтыря;
Не пошла-то тутъ она, не пожелала всё:
„Провожу-ту я свою жисть красной дѣвицёй,
Попрошаюсь во грѣху Богу въ напрасномъ всё“.
Да родилсэ-то у ей да всё вѣдь сынъ-отъ тутъ;
Ай родители её сыну возросьтили.
Говоритъ-то ей купець да таковы рѣци:
„Посажу-ту я своёго внука милого
На своё-то ево мѣсто, въ свои лавочки“.
Говоритъ-то вѣдь внукъ да таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, родима моя матушка!
Не хочу я жить у васъ да всё у дѣдушка:

[1]) Т. е. не къ добру. *Собир.*

Отьвези ты меня въ какой-небудь хоть въ городъ всё,
Ты отдай меня купцямъ, гостямъ торговымъ.—
Приросплакалась родима ёго матушка:
„Мнѣ-ка жаль-то вѣдь съ тобой будётъ ростатисе!“
Какъ дала ему съ собой да злата, сёребра,
Шьчо несцётно ёму дали золотой казны;
Отьвезла она да въ славной городъ же,
Какъ во ту-ли ево матушку во каменну́ Москву;
Отдала она купцю ево въ прикашшицьки;
Торговать-то онъ вѣдь сталъ да всё съ прибытками;
Вострота ево была да всё великая.
Ай одинъ купець ево перезывать всё сталъ:
„Я поло́жу-то тебѣ вѣдь жа́лованьицё великоё“.
Переходитъ онъ въ другу торгову лавочку;
Самъ вѣдь кругъ-то онъ вѣдь лавоцьки росхаживатъ.
Скоро ѣдётъ тутъ корета золочёная;
Тутъ сидитъ-то во кореты красна дѣвиця,
Шьчо сидитъ она да всё высматриватъ
На младого на етово прикашшика;
Погледѣла на ево, сама призарилась;
Говоритъ-то своёму она кучеру:
„Ты сворацивай къ торговой къ этой лавочки“.
Говоритъ-то всё ёму, да добру молодцу:
„Ты какой ходи́шь вѣдь молодець, розгулива́шь?“
— Я сидѣлъ-то, красна дѣвиця, въ торговыхъ своихъ лавочкахъ;
Мнѣ-ка шьто-то какъ приcкучилось;
Я вѣдь вышелъ посмотрять на сьвѣтлу всё на улицу.—
Говоритъ-то тутъ дѣвиця-душа красная:
„Ты веди, веди миня скоро во лавоцьку;
Онъ приводитъ ей да всё вѣдь въ лавоцьки;
Она брать у ево, побрать, товары-ти берётъ да всяки-разныя;
Набрала́-то у ево всё на три тысеци,
Попросила у ево пера всё лебединого,
Написала всё ёму да тутъ записочку,
Написала ёму, всё запецятала.
„Не евлюсь-то я къ тебѣ какъ, доброй молодець,
Церезъ три тибя денёцька поры-времени,—
Ты возьми моё письмо ты скоро росьпечатывай
Находи ты по письму да ты какъ всё миня.
Можотъ, худо будётъ зайти, дакъ ты не бойсе же,
Хорошо будётъ зайти, дакъ ты не бойсе же,—

Проходи ко мнѣ сьмѣлѢ; тебя пропусьтятъ жо".
Тутъ вѣдь говоритъ она ему всё таковы рѣци:
„У меня-то нѣтъ съ собой всё золотой казны;
Привезу-ту я тебѣ хоть церезъ три разьвѣ денёцика;
А не привезу токо къ тибѣ, дакъ вотъ оставлю я тибѣ да всё записочку.
Вы до тѣхъ поръ не смотрите, не читайте-тко".
Ай прошло-то три денёцька поры-времени.
Какъ прошло-то тому времени да всё три дѐнецька,
Запецяловалсэ тутъ всё доброй молодець:
„Я немаленьку шутоцьку нашу́тилъ тутъ,—
Надавалъ-то я теперь да на три тысеци!
Да хорбша вѣдь матушка всё славна камянна́ Москва;
Написала хоть она всё андресъ свой,—
Написала хоть она, бывать, мнѣ-ка цюжо́ имя, цюжу фамилью всё;
Я зайду-ту какъ неладно—засадя́тъ миня, дородьня добра молодца.
Мнѣ сказать разьвѣ купеце́ськимъ всё дѣтоцькамъ;
Не скажу-то я купеце́ськимъ всё дѣтоцькамъ,—
Засадя́тъ миня дородьня добра молодца.
Я отдамъ-то луцьше, изъ матушки отдамъ всё золотой казны".
Ай подумалъ онъ вѣдь тутъ, всё сибѣ даророздумыватъ;
Росьцецятывалъ онъ скоро-то её письмо.
На письми, всё въ письми было́ написано:
„Молодой ты вѣдь всё какъ лавочникъ,
Да дородьнёй ты уда́лой доброй молодець!
По натуры-то твоей, по востроты твоей,
Я не знаю-то тебя да называть-то какъ.
Заходи-ко ты ко мнѣ, ко красной дѣвици,
Ко моёму всё ты да ко величесьтву:
У тебя была брала не исъ простыхъ родовъ,
Не исъ простыхъ у тя родовъ, да доцька царьская,
Доцька царьская брала, да царя бѣлого,
Царя бѣлого у тя всё право́славного.
Заходи ты прямо всё ко мнѣ крыльцёмъ паратнымъ жо".
Онъ не на́ймуётъ себѣ да всё добра́ коня,
Онъ пошолъ-то, исхитрилсэ, будто какъ въ проходочку[1]);
Онъ идётъ-то всё къ дворьцу да онъ ко царьскому,
Ко тому онъ ко крылецюшку да ко пре-Красному,

---

[1]) Пѣшкомъ — будто гуляетъ.

Ко пре-Красному да ко паратному,
Ко паратному всё гъ золочёному.
Да стрѣчають тутъ ево да ниско кланелись,
Не доносятъ-то царю её да православному,
Тутъ стрѣчають-то её да всё прислужьницы,
Всё прислужьницы её да сѣнны дѣвушки;
Провели-то ево да до царевны-то.
Тутъ дрожать всё у ево да ножки рѣзвыя.
Она скоро скакала царевна на рѣзвы́ ноги,
А брала ево за рученьку за правую,
Чѣловала всё ево въ уста въ саха́рныя,
Ай са́дила-то на свой она диванъ да рыта бархата,
Какъ сама-то всё она скоро и вонъ ушла.
Тутъ вѣдь думаётъ дородьнёй доброй молодецъ:
„Россказать, думать, про то ушла да она батюшку,
Она батюшку своёму, ца́рю бѣлому,
Ца́рю бѣлому своёму православному“.
Пріудрогло у ево всё ретиво́ серьцо,
Прокатились изъ очей слёзы горючія:
„Теперь скоро-то меня да будутъ бить, казнить,
Будутъ бить миня, казнить, ли будутъ вѣсити“.
Шьчо приходитъ тутъ царевна тутъ къ ёму скорёхонько,
Нанесла-то всякихъ водочокъ заморьскіихъ.
Говорилъ-то молодой право прикашшичокъ,
Говорилъ-то онъ вѣдь ей да всё таки рѣци:
„Ужъ ты гой еси, ты всё вашо величесьтво,
Молода же ты царевна! не держи меня, всё не удёрживай;
Я не буду я сидѣть-то у тебя да всё вѣдь пить съ тобой,
Мнѣ не линія съ тобой сидѣть всё простому-ту,
Всё простому мнѣ, сыну да хошь купечеську;
Я пришолъ-то я къ тебѣ да за росцётомъ всё“.
Говоритъ ёму царевна таковы рѣци:
— Рошьчитаю я тебя всё чересъ три часа,
Спровожу тебя домой-то я не по широкой сьвѣтлой улици,
Спровожу тебя домой дорожкой незнакомою:
У меня-то вѣдь какъ въ трои ети суточки
Какъ вѣдь зьдѣлана тебѣ дорожка всё по подземельицю,
Тамъ прокопана отъ нашого дворьца всё государева
До твоей-то до торговой всё до лавоцьки;
Всё засьвѣцёны огни всяки у мня разныя.—
Спроводила она всё да тутъ прикашшицька,
Спроводила ево дорожкой незнакомою.

Съ той-то поры-то сталъ ходить да къ ей цестёхонько,
Сь ей просиживать стали ноцьки тёмныя.
Изъ другой земьли прiѣхалъ тутъ король богатыя,
Онъ вѣдь сталъ-то у царя да всё тутъ сватацьце;
Ай хотѣлъ-то царь просватать да свою жё-доць любимую.
Говоритъ-то ёму доць всё таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, родимой мой ты батюшко!
Я нейду-ту вѣдь за короля да всё въ замужесьтво".
Не неволилъ свою-то доць нашъ бѣлой царь.
Ай пошоль-то по матушки по камяннóй Москвы.
Молодой-то всё да королевиць-отъ;
Онъ вѣдь сталъ-то у купецеськихъ ребятушокъ выспрашивать
Познакомилсэ онъ скоро съ дѣтьми купецеськима.
Тутъ вѣдь всё-то купечеськой-отъ сынъ да россказалъ ему,
Россказалъ-то ему да всё повѣдалъ онъ:
„Не пойдётъ-то ужъ за васъ ея величество;—
Познакомилась-то вѣдь съ нашимъ всё прикашшицькомъ;
Ходитъ нашъ-отъ къ ей прикашшикъ кажной вечорочикъ-отъ,
Да просиживатъ съ имъ да ночки тёмныя,
Шьчо проигрываитъ съ имъ да всё вѣдь въ карточки".
Говорилъ-то ёму всё королевськой сынъ:
— Я не вѣрю, у васъ шьто полюбитъ царевна-та,
Шьчо полюбитъ она вѣдь роду-ту простого, вѣдь не царьского.—
Говоритъ-то тутъ ёму да сынъ купечеськой:
„У ей зьдѣланы таки да потайны всё рвы:
Какъ нехто вѣдь не знатъ въ матушки всё въ камяннóй Москвы;
Я узналъ-то я да тольки укараулилъ-то.
Ишше тутъ-то онъ мнѣ всё отпираитце,
Ишше всё-то онъ объ томъ не извиняитце".
Тутъ вѣдь скоро пошолъ король да прямо онъ къ царю-ту всё,
На лицё-то онъ пошолъ да царю бѣлому;
Говоритъ-то вѣдь король да таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, ты царь, да царь всё бѣлой ты,
Царь ты бѣлой, всё да православной ты!
Потому-то вѣдь нейдётъ твоя любима доць,—
Ознакомилась-то она, всё познакóмилась
У купцята ета въ лавоцьки съ однымъ прикашшицькомъ.
Досмотри-тко своёго ты дворьца всё государева;—
Какъ подкопаны рвы да вплоть до лавоцёкъ торговыихъ;
Тамъ горятъ вѣдь огни всяки-разныя.

Онъ вѣдь ходитъ къ ей да по подзёмелью".
Не овинилъ-то тутъ вѣдь царь свою любиму доць,
Овинилъ-то тутъ онъ млáдого приказшицька:
„Какъ ты сьмѣлъ ты подступить да къ моей доцери?
Исъ простыхъ-то ты родовъ, быватъ, хресьяньскихъ всё?
Не должóнъ ты поступить къ ея высочеству.
Да скажи-ко мнѣ, дуракъ, скажи, безсовѣсной:
Ты какима людьми ты это здумалъ-то,
Ишше съ кимъ ты эта ухитрилсэ-то
Подкопать ты рвы да потаённыя?"
Говорилъ-то тутъ дородьнёй доброй молодецъ:
— Я хоть куда-то иду, да ко присяги всё,
Черезъ звонъ миня ведите вси попы соборныя;—
Не рѣшалсо всё я дѣлать рвовъ да потаённыхъ-то;
Шьчо своя-та вѣдь твоя-та доць ухитрилась.
Какъ сама она миня водила-то по этой по дорожоцьки.—
Тутъ засадилъ-то царь свою взялъ дочь любимую
Хошь не въ тёмны-ти ей да хоть во тёмници,
Не въ въ холодны ей въ покои, всё во тёплыя,
Замыкалъ-то ей всё за многи замки,
Онъ вѣдь бралъ клюци да во свои руки;
У себя дёржалъ да всё хранилъ-то онъ:
„Каравульшики всё, вѣрно, измѣньшики!".
Засадилъ-то онъ изъ лавки добра молодца
Онъ во ту ево во тёмну всё во тёмницю,
Не велѣлъ ёму давать всё трои суточки,
Какъ не пить ёму, не ись, да всё не кушати.
Доносилъ-то онъ вѣдь скоро тутъ въ сенóти вси:
„Какъ вѣдь цимъ въ синоти да россудятъ тутъ,
А вѣдь цимъ-то, цёго да всё россудятъ насъ?"
Какъ вѣдь тутъ-то вышло ёму, шьто добра молодца повѣсить тутъ,
Повѣсить ёво да всё на висѣлицю,
Отрубить ёму тогды да буйна гóлова,
Шьчобы видѣли народъ, вси люди добрыя.
Говорилъ-то онъ всё да таковы слова:
„Ужъ вы донесите-ко, слуги, вы мои караульшицьки,
Донесите вы своёму царю бѣлому,
Царю бѣлому своёму, православному,—
Не отошлётъ-то онъ да этой грамотки
Какъ моей-то всё родимой милой матушки,
Не дозволитъ ли прити мнѣ съ ей проститце-то?"

(Говорилъ-то тутъ царь да таковы рѣци)
Посылалъ-то онъ съ письмомъ да гоньца скорого,
Шьчобы ѣхала ево да ро́дна матушка.
Привезьли-то тутъ родиму ево матушку.
Да стоитъ-то она, слёзно уливаитце [1]):
„Ужъ ты гой еси, моё хоть цядо милоё!
Тебѣ уцесьть пала всё така безцясная,
Ты родилсэ отъ безцясной бѣдной матери:
Просьмѣялъ меня-то всё садовникъ [2]) младъ.
Погибаетъ твоя буйная головушка!
Хоть меня-то (?) приняла я стыдъ напрасной-отъ,
Не отъ князя приняла я, всё не отъ царя же тутъ,
Приняла, бывать, отъ простого деревеньского.
Какъ тебя-то хоть сказьнятъ да всё за царьску доць,
Всё за царьску доць, да за ея хоть за высочество,—
Я рошшила всё тебѣ да модну всё рубашку-ту;
Рошшивала я тебѣ да краснымъ золотомъ,
Вышивала вси слова свои бесцясныя,
Какъ роди́ла-то тебя и какъ возро́сьтила,
Какъ отьвезла-то на цюжу я тибя сторону;
Я не скольки-то шила,—вдвоё плакала;
Вышивала я рубашку ра́вно три года,
Я ронила-то вѣдь слёзъ, да будто ру́цьи быстрыя.
Ты надѣнь, надѣнь мою топерь рубашоцьку,—
Процитаютъ пусь мно́ги да люди добрыя,
Процитаютъ пусь князья да вси князѐвици,
Процитаютъ пусь вѣдь вси люди премудрыя".
Одѣватъ-то онъ рубашоцьку скорёхонько,
Роспрошаитце съ родимой своей матушкой.
Тутъ приходятъ палаци всё немило́сьливы
Да берутъ-то ево всё за бѣлы́ руки́,
За бѣлы́ его руки́, за золоты персьни.
Приходитъ тутъ къ ёму да пра(в)ославной царь;
Посмотрялъ-то онъ на тѣ слова на золоты-ти всё,
Онъ вѣдь сталъ-то всё цитать, да царь заплакалъ тутъ:
„Вы постойте, палаци всё немило́сьливы,
Погодите-ко его да вы всё вѣсить-то,
Ужъ вы дайте-ко сюда да добра молодца.
Мы не будёмъ ёго да мы всё вѣсить-то:

---

1) Въ темници.

2) Вмѣсто „всадникъ". *Собир.*

Кабы́ вѣдь я-то буду ёму да всё родной отець,
Ише онъ-то мнѣ-ка будётъ всё родимой сынъ,
Да родимой-отъ сынъ, да всё царевиць онъ.
По грѣхамъ-то вѣдь моимъ да такъ слуцилосе,
По тяжкимъ-то по грѣхамъ мнѣ-ка отворотилосе:
Посьмѣялсэ надь его я рóдной матушкой,—
Отьсмѣялсэ надъ моей да вѣдь онъ доцерью."
Призываютъ ихъ скоро на осьню́ ставку,
На осьню́-то вѣдь на ставку, царю на лицё-то вѣдь.
Повинилась-то ему да доць родимая:
„Ужъ ты татенька мой да всё родимой ты!
Какъ не онъ-то на меня нашолъ вѣдь всё,—
Ише я-то вѣдь всимъ да виноватая;
Я обзарилась-то всё на красоту ево,
Созвала ево въ полаты бѣлокамянны;
Не пошла-то потому за короля заму́жъ,—
Всё въ нешчасномъ я въ такомъ да положеньици" [1]).
Повѣнчали тутъ да брата-та съ родной сёстрой.

57.

Мать и дочь въ татарскомъ плѣну.

(У дочери Павлы).

За..... [2]) рѣкой стоели злы тотарницьки;
Тотарьницьки дѣлъ дѣля́тъ,
Они дѣлъ дѣля́тъ да они пай пая́тъ.
Доставалась-то зятю всё вѣдь тёшша-та;
И не знаётъ вѣдь зять, што досталась ёму тёшшенька.
Говоритъ-то тотарьницёкъ да таковы слова:
„Увезу-ту я полянку во своё мѣсто,
Во своё мѣсто полянку-ту да къ молодой жены,
Къ молодой-то всё жоны, руськой поляночки;
Прикажу я, прикажу да три роботушки:
Я перьву́-ту дать роботу—ей куделька пресьть,
Да втору ей дамъ роботу—смотрять ей, лебедей стеречь,
Я третью́-ту дамъ роботу—колыбель качать".
Привозилъ-то онъ полянку къ молодой жены;
Ай дала одну роботу ей кудельку прясь,

[1]) Я, говоритъ,—шьто хошь надо мной дѣлай—я непраздна.

[2]) А. М. Крюкова не запомнила имени рѣки; она говорила предположительно, что нужно пѣть: „За Дунай-рѣкой". *Собир.*

Ей другу дала роботу лебедей стеречь,
Третью дала ей роботу колыбель качать.
Сѣдитъ, качатъ да мала дѣтишша,
Что сидитъ она качатъ, сама прибайкиватъ:
„Ай баю, баю, ты сьпи, боярьской сынъ!
Ище по роду-ту мнѣ дакъ былъ бы внучоцёкъ,
Ай нельзя мнѣ-ка назвать—дакъ ты вѣдь вѣры не той;
По отци тебя назвать—дакъ ты тотарничокъ,
Да по матушки назвать—сказать какъ внучоцёкъ,
Ты черёвъ-то всё моихъ ты былъ урывочокъ:
Ишше мать-то всё твоя вѣдь мнѣ родная доць,
Мнѣ родная она дочь да всё поляночка;
Во полонъ была взята она семи годовъ.
На груди-то на правой дакъ есь родима у ей родинка,
У лѣвой-то всё у ножки нѣтъ мизеньцика“;
Тутъ сказали пошли да сѣнны дѣвушки,
Всё её пошли сказали всё прислужоцьки,
Шьчо кацятъ-то полонянка колыбельку, приговариватъ:
„Ты баю, баю, да ты боярьской сынъ!
Ты по батюшку да всё тотарьницёкъ,
Ай по матушки ты да все русаночокъ,
По моимъ-то ты черёвамъ всё урывочокъ:
Ишше мать-та твоя мнѣ-ка родная доць;
У лѣвой-то у ноги да нѣтъ мезинчика“.
Доложили тутъ да красны дѣвушки
Да сказали они своей хозяюшки:
„Молода ты наша да всё боярина,
Со Руси-то взята да ты поляночка!
Ты заставила-то робить родну матушку“.
Тутъ бѣгитъ, бѣгитъ скоро да дочка къ матушки,
Она падатъ-то дочь да къ ногамъ къ матушкинымъ:
„Ужъ ты матушка моя да ты родимая!“
Уливаитце слёзами всё горюцима.
„Ты бери у мня, бери да золотой казны,
Ты бери у мня, бери да коня луцьшого,
Поѣжай-ко-се ты, матушка, да на сьвятую Русь,
На сьвятую ты Русь да изь земли невѣрною“.
Говорила-то матушка да родной доцери:
— Не беру я, не беру я золотой казны,
Не возьму я, не возьму да коня луцьшого,—
Провожу я съ тобой жись, да со роднымъ дѣтёмъ.—

58.

Взятіе Казани и казнь царя Симеона.

(Слышала однажды въ Золотицѣ, отъ кого—не помнитъ).

Ишше было во городи въ Казани тутъ;
Ай во томъ-ли во Казаньскомъ городи,
Середи было Казани, славна города,
Шьчо во тѣхъ было въ полатушкахъ всё во царьскіихъ
Опочовали-то, спали да царь съ царицою,
Семіонъ-отъ вѣдь царь съ царицой со Еленою.
Ище царь-отъ вѣдь сьпитъ себѣ онъ да крѣпкимъ сномъ,
Да Елена-та царица да она спать не сьпитъ;
Она мало-то спала-то всё ночку тёмную,
Она видѣла себѣ-то да такой страшной сонъ:
Да какъ-будто со востоцьню-ту со стороночку
Тамъ вѣдь грозна-та тученька подымаласе,
Подымалась-то туця грознá великая;
Вылетаётъ тамъ скоро ка-быть сизóй орёлъ,
Прилетѣлъ онъ а на крышу-ту всё на царьскую,
Онъ вѣдь сталъ-то на крыши да всё полётывать,
Онъ во крышу-ту орьлинымъ-то носомъ всё поклёвывать.
Ай выходитъ Семіонъ-отъ царь будто на улицю;
Приклёвалъ онъ у ево будто буйну голову,
Онъ выклёвывалъ у ево будто очи ясныя.
Ай вѣдь тутъ-ли цярица-та пріужáхнитцэ.
Она думатъ про собя, думатъ думы крѣпкія,
Думы крѣпки-ти думатъ, всё премудрыя;
Говоритъ она сама собѣ таковы слова;—
Закрычала своимъ она зысьнимъ голосомъ:
„Тебѣ полно-то спать, царь, усыпатисе!
Пробужайсе, Семіонъ ты царь, отъ крѣпкóго сну.
Росскажу-ту я тебѣ да дивной, страшной сонъ,
Росскажу-ту я тебѣ да всё повѣдаю“.
Пробуждаитьце Семіонъ-царь отъ крѣпкóго сну;
Ему стала царица Елена всё росказывать:
„Я ноцéсь мало спала, много во сьни видяла:
Со востошну-ту со сторону какъ орёлъ летитъ;
Онъ садилсэ къ намъ на крышу на золочёную,
Онъ вѣдь сталъ у насъ крышочки всё поклёвывать,
А тебя, царь Семіонъ, будто въ буйну голову,
Въ буйну голову тебя будто, во жолты́ кудри,
Во жолты́ кудри тебя будто, во ясны́ оци“.

Говоритъ Семіонъ-царь таковы рѣци:
— Ужъ ты глу́па, царица да всё Елена ты!
Неужли́ же мы будёмъ снамъ всё ва́ровать?
Некогда же я не буду спу всё варовать.—
А не въ долго-то было-то какъ то времецько,
Подымаитьце тутъ вѣдь да всё москоськой князь,
Да москоськой-отъ князь, ишше нашъ-отъ бѣлой сьвѣтъ.
Ишшё той-ли нашой вѣрушки православною,
Ишше тотъ-ли Иванъ да свѣтъ-Васильёвиць;
Ишше скоро подъѣжатъ къ Казани, славну городу
Онъ со многима своима съ полками, со солдатами,
Онъ со старыма каза́ками да всё со славныма.
Пріѣжаётъ онъ ко Казани тутъ;
Навозилъ-то да онъ вѣдь бочки пороху,
Онъ спуска́етъ вѣдь къ боцькамъ свѣшшу да по подзёмелью.
Придводители сво вси ужахну́лисе,
А одинъ-то предводитель да онъ смѣло́й же былъ:
„Ужъ ты милой ты князь нашъ Иванъ Василѣёвиць!
Ты пошто спусьтилъ свѣшшу-ту всё по подзёмелью?
Розорвётъ-то всю вѣдь матушку сыру́ землю“.
Тутъ доходитъ огонь-то всё до боцёкъ съ порохомъ;
Ище съ порохомъ боцьки всё заима́лисе,
Отъ огню-ту они скоро загорѣлисе,
Загорѣлисе отъ пороху скоро, да захлопала
Ище матушка-та да всё сыра земьля;
Тутъ скопляитьце скоро земьля тутъ во одну гору.
Загорѣли (в)си царьски-ти тутъ, полатуцки.
Ише царица Елена была хитра, мудра́,
Да хитра была, мудра, всё она догадьлива;
Она слыхала про матушку про сьвятую Русь—
Ишше какъ на Руси-то да дѣло дѣлаютъ.
Да берётъ она цариця да въ руки бѣлой хлѣбъ,
Шьчо стрѣцятъ она князя-свѣта Москоського,
Ище Грозного царя Ивана Васи́льёвича,
Ище кланеитце всё ёму низёшенько,
Принесла ему покорносьть всё зъ благодарносью.
Ише тутъ же царю-ту всё пондравилось,
Да пріятны слова въ цесь показалисе
Ище той-ли царицы-то всё Елены-то.
Ище царь-отъ Семіонъ да былъ упрямой-отъ,
Да упрямой-отъ былъ да онъ гордо́й-онъ самъ.

Ище нашъ-отъ вѣдь руськой князь розретивѣлсэ,
Ище Грозной-отъ нашъ Иванъ Васильёвиць;
Бралъ-то царя Семіона онъ за жолты́ кудри,
Онъ держалъ его кудри жо́лты во бѣлы́хъ рукахъ,
У живого оци ясны взялъ повыкопалъ,
Онъ срубилъ-то буйну голову-ту съ могуцихъ плець,
Отьбиралъ-то у его всё платьё царьскоё,
Ише ту-ли потфи́ру-ту государьскую,
Онъ вѣдь тутъ всё себѣ, да онъ собѣ же взялъ;
А царицу-ту Елену да онъ привёлъ ею́,
Окресьтили, привели въ вѣру православную,
Посьтригали-то ей всё во мана́шины;
Въ манастырь-отъ онъ увёзъ ей во спасёной-отъ.
Ище самъ-то уѣхалъ въ матушку въ Москву-ли онъ,
Онъ во матушку уѣхалъ въ камяннý Москву;
Онъ со той-ли поры да сталъ царёмъ царить.

59.

Похороны Сеньки Разина.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ище говоритъ-то атаманъ всё Сенька Разинъ-отъ:
„Ей, мнѣ больше, атаману, по чисту́ полю не ѣжживать,
Мня по чистому по по́лю, по темны́мъ лѣсамъ!
У мня было на вѣку-ту всё поѣжжоно
Ай не годъ у мня, не два было́, не три года,—
Я вѣдь ѣзьдилъ по чисту́ полю, темны́мъ лѣсо́мъ
Ей, тридцеть-то годочковъ поры-времени.
Какъ теперь мою дружиночку хоробрую
Изыма́ли ихъ во ру́ки, посадили всё,
Посадили ихъ во тёмну, тёмну тёмницю,
Ей, за тѣ-ли ихъ за крѣпки за замочки тутъ,
За тѣма́-ти всё за строгима за караулами.
Посьлѣ ихного-то я посьлѣ́ бываньиця
Я вѣдь много-то дѣлалъ пользи царю бѣлому:
Я вѣдь много губилъ да людей добрыхъ-то,
Я тутъ много убивалъ тотаръ поганыихъ,
Я вѣдь силы-то невѣрной, бусурманьскою,
Я тутъ много вѣдь грабилъ золотой казны.
Мнѣ-ка больше золотой казны не грабьливать,
Мнѣ-ка больше циста сѐребра не грабьливать,
Дорогого мнѣ скацёного-то больше жемцюгу!

Я поѣду, атаманъ же, во чистó полё,
Во чистó полё поѣду ко своимъ товарышшамъ,
Посмотрю своихъ товарышовъ въ бѣлóмъ шатрѣ,
Роспрошусь-то я сь имá на жисть на вѣчную“.
Изъ цистá поля поѣхалъ ко Дунай къ рѣки;
Пріѣжаетъ онъ ко матушки къ Дунай-рѣки.
„Хороша течётъ Дунай да рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая течётъ, очунь широкая.
Закрычу я у Дуная переводьшика;—
Тутъ нехто меня вѣдь всё не перевозятъ тутъ,
Шьчо тово-ли атамана Сеньку Разина“.
Говорилъ онъ своёму-ту онъ добру̂ коню:
„Ты останьсе ко, останьсе, ты мой доброй конь,
Ты останьсе-ко, конь мой, въ зелены́хъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ останьсе, въ шолковóй травы“.
Тутъ пóплылъ-то рѣку́ да Сенька Разинъ-отъ,
Подоплы́лъ вѣдь только рѣчку до полу́-рѣки,
До полу́-рѣки доплылъ да всё до камешка,
Всё до камешка дóплылъ до горючого;
Онъ выходитъ на горючой на сѣръ кáмешокъ;
Написалъ онъ на камню, шьчо ёму вѣдь надобно,
Шьчо вѣдь надобно ёму, да про собя пишо̄тъ,
Онъ всё пишотъ со сьлёзами со горючима,
Онъ своей пишотъ хороброю дружиночки:
„Ужъ вы милыи, моя хорóбра ты дружиночка!
Токо выпусьтятъ на волю васъ же, добрыхъ мóлодцовъ,
Токо бу́дите на волюшки на вольнёю,
Найдитé, бывать, вы атамана Сеньку Разина,
Шьчо вы сильнёво, могучого богáтыря[1]),—
Росьпишу-ту вамъ, хороброй всё дружинушки:
Вы возьмите-тко отсюда тѣло бѣлоё,
Вы возьмите-ко миня, всё увезите вы,
Повалите вы меня во матушку въ сыру землю,
Положите межу трёхъ славны́хъ дорожоцёкъ,
Гдѣ сьѣжаютьце могуціи сильни богáтыри,
Во которомъ они мѣсьти думу думаютъ,
Думу думаютъ они, совѣтъ совѣтуютъ;
Ай вѣдь тутъ меня повалите межу трёхъ славныхъ дорожоцьки:

---

[1]) Богáтырей, говорятъ, запретили, какъ Владимира не стало,—въ другой старины поéтьце.

Шьчо перьву́ миня дорожку Питенбурськую.
Межу втору миня дорожку къ матушки всё камянно́й Москвѣ,
Ко третьёй миня дорожки къ славной Кіевской.
Повалите моё, положьте тѣло бѣлоё,
Тѣло бѣлоё моё всё богатырьскоё;
Вы кладите мнѣ-ка въ матушку въ сыру́ землю
Взъ голову кладите мнѣ чудёнъ-отъ кресть,
Вы мнѣ въ ноги-ти кладите мой вѣдь стра́шонъ мецъ,
По праву́-ту руку [1]) мнѣ кладите палицю тяжолую,
Ай къ мецю-ту ставьте моего да всё добра́ коня,
Къ лѣвой руценьки кладите вы булатной ножъ;
Вы закройте моё-то тѣло бѣлоё,
Навалите-ко плиту да камня сѣрого;
Росьпишите вы слова вси до единого,
Опишите вы моё имя, фамилію,
Шьчо лежитъ-то вѣдь Сенька тутъ бога́тырь Разинъ-отъ.
А пойдутъ-то, поѣдутъ многи́ вси люди добрыя,
Бывать, руськіи могуціи бога́тыря,
И пойдутъ-то молодци да красны дѣвушки,—
Всё помянутъ-то моё да тѣло грѣшноё;
Какъ цюдну-ту кресту они помолятце,
Они страшного меця всё пріужа́хнутце".
Тутъ вѣдь выпустили всю дружиночку-ту скоро храбрую;
Тутъ наѣхала дружиночка хоробрая,
Отыскали тѣло бѣло богатырьскоё,
Повезьли-то тѣло бѣло цересъ три дорожоцьки:
Цересъ Кіевську, Москоську, цересъ Питерську;
Хоронили-то его, да атамана-та, бога́тыря,
Шьчо того-то вѣдь Сеньку ёго Разина;
Ище въ голову-ту ставили чудёнъ-отъ кресъ,
Ко ногамъ они поло́жили страшо́нъ-отъ мецъ,
Къ право́й ручсньки поло́жили да саблю вострую,
Къ лѣвой руценьки поло́жили его булатной ножъ,
Добра́ коня они поставили къ его страшну́ мецю,
Накрывали-то плиту всё камня сѣрого,
На плиты́ всё росьписали, какъ и онъ велѣлъ:
Отьписали-то Сеньку всё бога́тыря,
Шьчо того-ли бога́тыря могуцёго,
Могуцёго бога́тыря Сеньку Разина.

---

[1]) При повтореніи этого стиха, Крюкова пропѣла: „Подлѣ бо́ка" и „А въ лѣво́й бокъ". *Собир.*

60.

Семейная жизнь Петра I.

(У свекра Василія Леонтьевича).

Ишше было въ славной матушки да въ камяннóй Москвы,
Ай вѣдь пó небу-то было по голýбому
Выкаталась-то луна, да луна сьвѣтлая,
Луна сьвѣтла, опекало соньцё красноё.
Шьчо во ту вѣдь всё порý было, во то время,
Зародилсэ у насъ млáденькой цяревиць-отъ
Шьчо по имени вѣдь Пётръ да Алексѣёвичъ.
Ночку нé спали премудры разны плотьнички,
Колыбелёчку цяревицю готовили,
Украшали вѣдь они да краснымъ золотомъ;
Какъ втору-ту ноцьку они нé спали
Всё вѣдь нянюшки да ихны мамушки,
А сѣнны́-ти всё у нихъ да красны дѣвушки,
Всё окýточки-ти младому цяревицю готовили,
Шьчо окутоцьки-ти шили дорогого-то атласу бѣлого,
Рошшивали всё они да краснымъ золотомъ,
Ай садили-то они да скатна жемцюгу.
Шьчо на радосьти всё млáдого цяревиця
Шьчо по имени Петра да Олексѣвиця,
Собирали на радосьти почёсёнъ пиръ,
Пиръ почесёнъ собиралъ [1]) да всё навéсели,
На князей-то собиралъ да онъ на бóяръ-то,
Онъ на руськихъ на могучихъ на богáтырей,
Собиралъ-то всѣхъ солдатовъ новобранныихъ,
Собиралъ-то всѣхъ хресьянъ-то всѣхъ прожитосьнихъ [2]),
Собиралъ-то онъ вѣдь вдовъ, сиротъ всё бѣдныихъ.
Говорилъ-то всё нашъ царь да таковы слова:
„Я кого забылъ позвать, дакъ пушшай такъ идýтъ“.
Сóбиралсэ этотъ пиръ вѣдь трои сутоцьки.
Было дáно знать по всимъ землямъ да по всимъ гóродамъ;
Отовсюль многи́ цари сьѣжжалисе,
Отовсюль-то изъ земель да короли всё разныя.
А тотъ пиръ-отъ у ихъ вёлсэ трои сутоцьки;
На такой-то было большой радосьти,
Не видали, какъ прошло-то время, прокатилосе,

---

[1]) Конечно, Олексѣй Михайловичъ. *Собир.*

[2]) Бѣдныхъ, должно быть? *А. М. Крюкова.* Зажиточныхъ. *Собир.*

Прокатилось-то время трои сутоцьки.
Ише стали тутъ вси госьти розьѣжжатисе,
Розьѣжжатисе госьти, росходитисе
По всѣмъ-то по губерьнямъ, по всимъ своимъ гбродамъ.
Ише сталъ-то росьти младъ царевиць-отъ;
Онъ вѣдь скоро-то возростаётъ тутъ,
Возростаётъ онъ да какъ скорёхонько.
Ише сталъ у насъ да Пётръ-отъ Перьвой-отъ,
Сталъ семи годовъ—да ёму отъ роду;
Какъ премудрой былъ царевиць-отъ хитрой-мудрой;
Изучилсэ-то онъ скоро Божьей грамотѣ,
Ко всёму онъ изучилсэ, цёму надобно.
Ише сталъ-то у насъ младой всё царевиць-отъ,
Ише тотъ-ли у насъ Петръ всё Олексѣёвиць,
Приходить-то стало время какъ женитбы тутъ.
Говорилъ-то ёму царь-отъ, государь всё нашъ,
Олексѣй-отъ говорилъ да свѣтъ-Михайловичъ:
„Ты женись-ко-се, женись ты, младъ царевиць-отъ,
Ты женись-ко-се у мня, да гдѣ тѣ хочетце“.
Отвѣчаётъ царевиць Петръ всё Олёсѣёвиць:
— Я женитьце не хочу да въ камянной Москвы;
Ты построй-ко мнѣ-ка, батюшко, да славной городъ-отъ,
Питенбурхъ-отъ ты мнѣ зьдѣлай славнымъ городомъ;
Я уѣду, тамъ дакъ буду жить-то я,
Буду жить-то я, владѣть своимъ дворьцомъ.—
Ай послушалъ-тоево всё рбдной батюшко;
Говорилъ-то самъ ёму да таковы рѣци:
„Ты премудрой, ты прехитрой ты царевиць мой!
Ужъ ты ладно-то всё у мня умудрилсэ.
Мы зацьнёмъ-то дѣлать, убирать-то славной Питёнбурхъ-городъ;
Ты уѣдёшь во готовы во полатушки,
Со своей тогда уѣдёшь съ молодой жоной“.
Женилъ-то своёго сына любимого,
Шьчо того-ли всё Петра да ише Перьвого,
Онъ женилъ-то вѣдь ево въ земли невѣрною,
Во богатой онъ земли у короля швецького;
Онъ вѣдь бралъ-то тутъ Настасью-Королевисьню,
Онъ привёзъ-то всё ей въ матушку-ту въ камянну Москву.
Посьлѣ этово-то было посьлѣ времени,
Тамъ росстроили вѣдь Питёнбурхъ-городъ,
Они здѣлали дворець всё государёвъ-отъ.

Уѣжалъ-то со своей онъ съ молодой жоной,
Съ молодой женой съ Настасьей съ Королевисьнёй.
Они съ той[1]) жили хорошо да бёсь лиха;
Ихъ какъ жись-та вѣдь была, да какъ цьвѣты цьвѣли,
Какъ цьвѣты-то цьвѣли у ихъ лазурёвы;
Какъ катилсэ ихной вѣкъ, да какъ рѣка текла.
Въ этой радосьти Господь имъ далъ ишё радось:
Какъ родилсэ-то у ихъ да всё вѣдь милой сынъ,
Всё вѣдь милой-отъ сынъ у ихъ царевиць-отъ;
Нарекли имя царевицю-ту Ѳёдоромъ.
Собиралъ-то онъ на радосьти весёлой пиръ
Для своёго онъ для мла́дого царевиця.
Тутъ звонили-то везьдѣ да во вси колоколы,
Шьто молили-то Бога за царевиця.
Ише сталъ у ихъ царевиць подростать онъ вѣдь,
До тово-то онъ у ихъ-то, - сталъ большой у ихъ;
Называть-то стали тутъ наслѣдницькомъ,
Ише тѣмъ-то стали звеличять-то Ѳёдоромъ Петровицёмъ.
Онъ[2]) почасту собиралъ всё веселы́ пиры.
Говорили тутъ ему люди премудрыя:
„Ужъ ты гой еси, да нашъ ты бѣлой царь,
Ужъ ты бѣлой нашъ царь да Петръ ты Перьвой нашъ,
Ихъ отецесьтва же сьвѣтъ нашъ Олёксѣёвиць!
Хошь росьтётъ-то у тебя твоё-то чядо милоё,
Твоё мило росьтётъ чадышко любимоё,—
Онъ вѣдь здѣлатъ-то тебѣ, вѣрно, изьмѣнушку,
Онъ изьмѣнушку тебѣ, да онъ твоей вѣры,
Онъ вѣдь будётъ править вѣрушку старинную,
Онъ старинну будётъ вѣру богомольнюю,
Богомольню хранить вѣрушку спасёную“.
Говоритъ-то вѣдь нашъ бѣлой царь,
Шьчо по имени вѣдь Петръ нашъ Олёксѣёвичъ:
— Не повѣрю я у васъ, люди премудрыя,
Не услышу я покамѣсъ всё у сына у любимого,
У того-ли я да всё насьлѣдника,
Я у Ѳёдора всё у Петровиця,—
Ай вѣдь тутъ скоро росходились со пиру-ту вси,
Они вѣдь росходились по своимъ домамъ.
Посьлѣ этой-то поры царь замѣчать всё сталъ

---

[1]) Т. е. съ первой женой. *Собир.*
[2]) Царь. *Собир.*

Своёго-то онъ сына да всё любимого:
Ходитъ Ѳёдоръ-отъ царевиць всё невеселъ-отъ.
Говоритъ-то вѣдь ёму-ту рòдёнъ батюшко,
Ишше тотъ-ли царь Петръ Олексѣёвиць:
„Шьто же ты, моё да цядо милоё,
Молодой ты мой да всё наслѣдницёкъ,
Ты по имени да Ѳёдоръ-свѣтъ Петровиць-отъ!
Ты вѣдь ходишь у меня да невесёлой ты,
Почему ты у мня ходишь призадумалсэ,
Почему ты у мня ходишь запечалилсэ?“
Говоритъ-то ёму младой-отъ царевиць тутъ:
— Мнѣ ноцèсь мало спалòсь да много видялось:
Прилетѣло-то, пришло будто два аньгела,
Шьто два аньгела мнѣ-ка, два хранителя;
Говорятъ они про вѣру про старинную,
Про старинную про вѣру про спасёную,
Про спасёную про вѣру богомольнюю;
Называли-то меня младымъ царевицёмъ.
Говорятъ-то всё они мнѣ-ка, росказывали:
„Какъ теперице живёшь хоть ты наслѣдьницькомъ;
Когда будёшь жить-то ты царёмъ царить,
Ты царёмъ будёшь царить да слыть всё бѣлымъ-то,
Не держи-ко ты, не варуй вѣры папиной,
Ты не варуй-ко ишѐ да вѣры дѣдовой;
Оврати-ко ты вѣдь вѣрушку къ себѣ назадъ,
Ты повѣруй-ко-се въ вѣру-ту всё въ правдѣдка“.—
Ай вѣдь тутъ Пётру Первому-ту показалось за досадушку:
Роспоряжатьце сталъ наслѣдницёкъ малёхонёкъ,
Шьчо малёхонёкъ наслѣдницёкъ всё молодёхонёкъ.
Онъ берётъ ево за рученьку за правую,
Посадилъ ево въ темницю на трой на сутоцьки;
Говоритъ-то самъ вѣдь таковы слова:
„Продёржу-ту я ево хошь трòи сутоцьки,
Я во той-ли продержу да въ тёмной тѣмници:
Не поваруётъ ли онъ да въ вѣру нонѣшну?“
Отпиралъ-то церезъ трои сутки тёмну тѣмницю,
Выпускалъ-то онъ всё младого царевиця:
Онъ сидитъ-то всё въ темници, некудà нейдётъ.
Говоритъ-то всё ему всё царь нашъ бѣлой-отъ,
Царь нашъ бѣлой-отъ Петръ-отъ Перьвой-отъ:
„Я скажу тебѣ тепере, цядо милоё:
Не груби-ко ты моёго ретивà серьця,

Не роспорежайсе надо мной да ты малёхонькій;
Ты вѣдь варуй-ко въ ту вѣру, въ которую я варую,—
Мы поваруёмъ во вѣру всё во дѣдову“.
Говоритъ-то ему младой царевиць-отъ:
— Не поварую-ту я въ вѣру, не въ нонѣшну,
Буду вѣрить я во вѣрушку старинную,
Я въ старинную, во вѣрушку въ спасёную.—
Онъ вѣдь бралъ бѣжалъ со спицьки саблю вострую;
Хоцётъ сѣкци у ёго онъ буйну голову.
Тутъ идётъ скоро царица къ тёмной тёмници,
Шьчо идётъ-то она, слёзно уливаитьце:
„Ужъ ты гой еси, мой да супругъ милой ты,
Ужъ ты милой ты мой до всё любимой ты!
Дай сказать мнѣ хоть единоё словецюшко:
Нѣту, нѣту такихъ правъ да на сьвятой Руси,—
Н'ётсѣкаютъ-то цари да буйны головы.
Ты вѣдь хоцёшь отсѣкци у сына да у любимого,
Розорить-то ты вѣдь хошь да своё царство всё“.
Тутъ стопта́лъ-то [1]) царь ногами-ти всё рѣзвыма:
— Какъ же можошь ты, цярицья, мной роспорежатисе?—
Шьчо во ту вѣдь всё пору было́, во то́ время,
Ужахну́лсэ вѣдь нашъ младой цяревиць-отъ,
Ужахнулсэ-то онъ, скоро помирäётъ тутъ.
Вѣдь заплакала царица Королевисьня:
„Какъ потухла-то у мня свѣшша всё воскуярова,
Со востоцьню-ту стороноцьку упала съ нёба звѣздоцька,
Укатилась-то у мня да виноградинка,
Виноградинка моя, да сладка ягодка!
Какъ не будётъ на царсьви всё теперь наслѣдьницька“.
Похоронилъ онъ скоро мла́дого цяревиця;
Прогонилъ свою царицу-ту да Королевисьню,
Исъ своёго-то исъ царства онъ ей вы́гонилъ [2]),
Приказалъ свезьти во манастырь спасёной-отъ,
Приказалъ-то ей пострикци всё во мана́шины;
И тому она была тому радёшенька,
Шьчо радёшенька была да веселёшенька.
Уходила, уѣжала во сьвяты мѣста,
Во сьвяты она мѣста, да во спасёны мана́стыря;
Она молилась со слёзами Богу-Господу,

---

[1]) Т. е. затопалъ. *Собир.*
[2]) Т. е. лишилъ ее царскаго ея достоинства? *Собир.*

Поминала своёго цяда любимого
Ишше млáдого всё Өёдора Петровиця.
Онъ вѣдь сь тѣхъ-то поръ да нашъ Петръ Перьвой-отъ,—
Повёлась-то ёго жисьть всё не на радосьти,
Не на радосьти пошла, не на весельици.
Шьчо прошло-то тому времени три годика,
И прошло же тому времени петь годиковъ.
Нарѣдилсэ-то нашъ да царь-этъ бѣлой-отъ,
Царь нашъ бѣлой всё да Петръ-этъ Перьвой-отъ,
Петръ-этъ Перьвой-отъ да Олёксѣевичъ,
Нарядилсэ онъ въ платье-то всё плотьницьковъ;
У его вѣдь было содёржоно всё плотьницьковъ [1]).
Тутъ была всё у етихъ да плотьницьковъ,
Приготовляла-то имъ кушаньё вдова прекрасная
Какъ по имени-то всё Екатерина-та,
Изъ отечесьтва была всё Алексѣевна;
Она пекла на ихъ, варила всё имъ кушаньё.
Петръ-этъ Перьвой-отъ, нашъ царь, тутъ робитъ плотьницькомъ;
Онъ вѣдь день-отъ ходитъ робитъ, на другой пришолъ,
Говоритъ-то самъ Екатерины таковы рѣци:
„Ты поди, Екатерина Олёксѣевна,
Ты поди, поди ты за миня въ замужесьтво,
Всё въ замужесьтво поди, да всё въ супружесьтво“.
Говорила-то Екатерина таковы рѣци:
— Допрошу-ту я, спрошусь у всѣхъ у плотьницьковъ,
'ни присудятъ ли итти мнѣ, не присудятъ ли.—
Какъ пришолъ-то тутъ вѣдь вецёръ поры-времени,
Не пришолъ-то тутъ вѣдь ужнать Петръ-отъ Перьвой-отъ.
Говоритъ Екатерина Алексѣёвна:
„Ужъ вы гой еси, мои да вси вы плотьнички,
Вы вѣдь плотьнички вси мои знакомыя!
Россудите мнѣ да дайте ума-разума,
Мнѣ итьти ли замужъ всё за плотьницька?“
Говорили ей да скоро плотьницьки:
— Ты поди-ко-се, Екатерина Алексѣёвна.—
А приходитъ-то вѣдь плотьникъ на другой же день,
Говоритъ-то онъ опять ей таковы рѣци:
„Ужъ ты гой еси, Екатерина Алексѣёвна!
Ты идёшь токо да за миня замýжъ,

---

[1]) Шьчо (=потому что) они роботали караблицёкъ, строеньё ли какое.

Приготовляйсе вечоркомъ да ко вѣньцю со мной;
Мы повѣнчаимсе въ храму въ самомъ посьлѣднёмъ-то".
Екатерина Алексѣёвна да итьти здумала,
За того-ли всё пошла она за плотьницька.
По домамъ-то стали люди росходитисе,
Какъ его-то вѣдь да вси тутъ плотьницьки;
Ище времецько-то тутъ прошло вѣдь къ вецёру.
Онъ приходитъ ко свешшеннику къ духовному,
Попросилъ ево зайти всё во Божью́ церьковь,—
Не въ соборны-ти онъ церькви, самы нижны тутъ.
Шьчо свешшеннику-ту тутъ всё не пондравилось,
Шьчо пришолъ-то онъ въ погодушку великую;
Занесло вѣдь храмъ отъ Божій снѣжкомъ бѣленькимъ.
Говоритъ ему свяшшеникъ-отъ таки рѣци:
„Весъ порядку дѣло дѣлашь всё ты, плотьницёкъ!
Ты бы могъ дождать поры-время хорошого".
Бралъ-то плотьницёкъ лопату во бѣлы́ руки,
Онъ розгрёбъ-то, роськиналъ да взялъ всё бѣлой снѣгъ.
Заходили-то они во Божью́ церьковь;
Екатерина-та въ папéрти прiосталасе,
Прiосталасе она принаредитисе.
Принаредилась-то она да поскорѣ-то всё,
И зашла она во храмъ да въ храмъ всё Божiй-отъ.
(Говоритъ-то этотъ всё вѣдь плотьницёкъ)
Онъ пошолъ-то во корманъ своей правóй рукой;
Доставаетъ онъ несчотно красна золота,
Подаваётъ-то онъ всё да тутъ свешшеннику.
Какъ свешшенникъ-отъ тутъ да ужахну́лсэ тутъ:
„Ужъ ты гой еси, какой богáтырь этотъ плотьницёкъ!
Ты несцётно мнѣ насыпалъ золотой казны".
Говорилъ-то тутъ ёму всё плотьницёкъ:
— Ты бери, бери, да колькн дáно тутъ;
Овѣнчай ты тольки царя бѣлого,
Царя бѣлого миня, хоть Петра Перьвого,
Петра Перьвого миня да Олёксѣёвича.—
Скинывалъ-то онъ своё-то платьё плотниковъ;
Да увидѣли тогда-то, шьчо тутъ бѣлой царь.
Ище попъ-отъ вѣдь тутъ да испугалсэ тутъ
За свои-ти вѣдь онъ да за грубы́ рѣци;
Екатерина Алексѣевна да чуть въ умѣ стоитъ,
Цють въ умѣ она стоитъ, да изъ глазъ слёзы льютъ,
Подломились-то у ей да ножки рѣзвыя,

Пріупали-то у ей да руцьки бѣлыя.
Ишше тутъ они да повѣнчалисе;
Онъ повёлъ Екатерину въ дво́рецъ царьскія,
Въ дво́рецъ въ царьскія повёлъ да въ осударьской-отъ.
Поутру́-ту онъ стаётъ, утромъ ране́шенько,
Онъ идётъ-то наперёдъ по воську-ту, полкамъ солдацькіимъ,
По солдацькимъ-то полкамъ всё новобраныимъ.
Говоритъ-то царь да таковы рѣци:
„Это шьчо же, братцы, есь законъ да на святой Руси,
Въ Питенбурхи-то у насъ да славномъ городи:
Какъ вѣдь женятьце, посмотришь, всё во бѣдносьтяхъ,
Шьчо во бѣдносьтяхъ женятьце, во ну́жды-то;—
Ишше всихъ-то проздравляютъ всё зъ брако́мъ законнымъ тутъ
Какъ миня-то—я царь женилсэ по вечору по поздному,
Овѣнцалсэ-то вѣдь я да тоже вечеромъ;—
Ай нехто-то вѣдь меня не проздравлятъ теперь“.
Тутъ вѣдь зачели солдаты проздравлять ево,
Проздравлять-то всё ево да изьвинетисе [1]).
Услыхали-то тутъ да многи плотьницьки,
Многи плотьницьки да догадалисе:
„Ай не плотникъ-отъ тутъ вѣдь былъ, да Потръ нашъ Перьвой-отъ“.
Проздравляли-то ево-то ото всей отъ радосьти
Шьчо со тѣмъ его со бракомъ со законнымъ-то.
Говорилъ-то нашъ да ишше бѣлой царь,
Нашъ-отъ бѣлой-отъ царь да Петръ-отъ Первой-отъ:
„Собирайтесь-ко, солдатушки вси новобраныя,
Новобраныя мои, да вси военныи!
Я для васъ больше иду, да я вѣдь самъ зову,
Вѣдь самъ-отъ зову, да зову чёстую“.
Собира́ли всѣхъ князьей да скоро бо́яровъ,
Собиралъ-то скоро всѣхъ знакомыхъ плотьницьковъ;
За богатырями-то уѣхали скоры́ послы,
Да скоры́ послы уѣхали да скоры́ гонци,
Шьчобы ѣхали они вси на почесенъ пиръ,
Шьчобы ѣхали исъ поля, поля цистого.
Ишше вси скоро́ бога́тыри съѣжжалисе,
Онѣ скоро-то тутъ да всѣ скоплялисе;
Они пили-то тутъ да ѣли, кушали.
Тутъ недѣлёцьку вёлсэ пиръ на радосьти.

---

[1]) Закрыцели всѣ: „ура“.

II.

Мароа Семеновна Крюкова, старшая дочь Аграфены Матвѣевны (I), дѣвушка 23 лѣтъ, грамотная. Двѣ зимы, когда ей было 8 и 9 лѣтъ, она училась въ своемъ селѣ у учителя, о которомъ сохранила до сихъ поръ самыя свѣтлыя воспоминанія. Очень любитъ читать и бережетъ, какъ драгоцѣнность, рукопись церковнаго письма, подаренную ей дѣдомъ Василіемъ Леонтьевичемъ и содержащую въ себѣ разныя пѣснопѣнія и житія. Большую часть своихъ старинъ и нѣсколько духовныхъ стиховъ она переняла у дѣда, который не менѣе своего брата Гаврилы (III) славился, какъ замѣчательный сказатель. Съ 9 лѣтъ онъ учился въ кельяхъ Онуфріевскаго скита, находящагося въ 100 верстахъ отъ Золотицы и въ 50—отъ Койды, на островѣ посреди Койдозера и разореннаго, по словамъ крестьянъ, лѣтъ 40—50 тому назадъ, надо думать—въ концѣ царствованія Николая I, въ эту эпоху крайней религіозной нетерпимости. Тамъ онъ выучилъ духовные стихи и нѣкоторыя старины [1]); тамъ же онъ научился пѣть церковныя службы, но, несмотря на хорошій голосъ, не соглашался пѣть на клиросѣ въ Золотицкой церкви, потому что, какъ онъ говорилъ (передаю со словъ А. М. Крюковой), тамъ служатъ не постарому, на клиросъ нельзя взойти—такъ разитъ табачищемъ отъ дьячка; а пуще всего онъ боялся щепóти (трехперстнаго крестнаго знаменія, вовсе неупотребительнаго у золотицкихъ крестьянъ). Кромѣ своего дѣда, умершаго 4 года тому назадъ, Мароа перенимала старины у матери и у крестьянъ съ рѣки Мезени, которые нанимались покрученниками на судно (ра́ньшину) ея отца, когда онъ ходилъ въ Норвегію за треской; это было, когда Мароа еще ходила учиться. Она—большая любительница пѣсенъ, которыя поетъ мастерски; старины же „сказываетъ“ рѣдко, только Великимъ постомъ; вслѣдствіе этого она поетъ ихъ довольно неувѣренно, нѣсколько прерывистымъ голосомъ и, сравнительно съ Аграфеной, плохо выдерживаетъ стихъ. На замѣчаніе матери, что она поетъ нескладно, она сказала: „Зато я пою такъ, какъ

---

[1]) Вѣроятно, тамъ онъ выучилъ старины, неизвѣстныя другимъ сказателямъ въ Золотицѣ: Илья и калики (№ 42), Святогоръ и Илья (61), Женитьба Добрыни и неудачная женитьба Алеши (62), Алеша и Тугаринъ (47) Борисъ Романовичъ (48), Соловей (65), Разбойникъ Илья (54), Два купца въ кабакѣ (55), Сенька Разинъ (59), Петръ I (60).

слышала, а вы, мама, и дѣдушка Гаврило прибавляете отъ себя;—вотъ у васъ и выходитъ складно“.

Кромѣ предлагаемыхъ старинъ, М. С. Крюкова знаетъ: 1) Исцѣленіе Ильи Муромца, 2) Волхъ Святославьевичъ, 3) какъ Цюрило ходилъ къ Пересьмякиной женѣ, 4) про трехъ сыновей князя Владимира: Святополка, Бориса и Глѣба (этотъ духовный стихъ она называла стариной), и другія; нѣсколько стиховъ, напр., „По морю синему Халыньскому“[1]). Въ говорѣ М. С. Крюковой замѣтно вліяніе грамотности; но такъ какъ это вліяніе не очень велико, то ея рѣчь представляетъ изъ себя странную смѣсь мѣстнаго нарѣчія и книжныхъ формъ.

61.

Святогоръ и Илья Муромецъ.

(Переняла у дѣда Василія Леонтьевича; покрученники съ р. Мезени пѣли иначе).

Поѣздка Илья Мурамця во чисто́ полё.
Поѣжаетъ Илья Мурамецъ да во чисто́ полё.
Какъ пріѣхалъ онъ скоро во чисто́ полё.
Увидалъ-то онъ во по́лѣ ископоть-ту лошадиную;
Какъ самъ онъ старой прироздумалсэ:
„Ише што же это за такоё удивленіе?
Ише какой очунь бога́тырь сильній-отъ разгуливатъ?
Потому я замѣчаю-то,
Что єво-то конь вѣдь богатырьской-отъ.
Мнѣ-ка ѣхать ли туда, али не ѣхать-то,
Догонять єго ли мнѣ, оставить ли?
Кабы зналъ я, старой, что есь этотъ бога́тырь-отъ не о́чунь сильнёй-отъ,
Состоялъ бы я вѣдь съ нимъ, єво тогды бы побѣдилъ-то вѣдь;
Кабы лѣтами-ти да онъ вѣдь со мной на́ровнѣ,
Не пострашилсэ бы, отъ него смерть я принялъ-то бы;
Есьли́ лѣтами онъ вѣдь очунь мла́дой-отъ,
Побѣдитъ меня Илью, да Илью Мурамця,
Мнѣ-ка старому не чесь будётъ, не похвальба мнѣ богатырская,
Что онъ мла́дого бога́тыря да смерть случитца-то.
Какъ не будетъ-то вѣдь всё, да какъ не писано:
Когда я былъ-то вѣдь не владѣлъ-то, не ходилъ да на рѣзвы́хъ ногахъ,

[1]) Такъ начинается стихъ о грѣшной душѣ. *Варенцовъ*, Сборн. русск. дух. ст., 144.

Приходили ко мнѣ всё вѣдь ангелы,
Говорили-то мнѣ таки рѣчи, росказывали:
„Что не бойсе ты вѣдь, казакъ Илья Мурамець,
Ише сильнѣй-отъ ты руськой бога́тырь-этъ,
Ише бейсе ты со всѣма́ богатырями, ты воюйсе-ко;
Тебѣ, старому, въ чисто́мъ поле́-то смерьть не писана"".
Какъ поѣхалъ-то тогда да Илья Мурамець,
Какъ по той-то онъ путѣ-дороженькѣ.
Пріѣжаетъ онъ скоро́ въ чисто́ поле,
Увидалъ-то въ поле́ да бѣлъ поло́тьненой шатёръ;
Заходитъ онъ скоро въ шатёръ поло́тьненой;
Увидалъ онъ во шатрѣ кровать да всё желѣзную,
Желѣзную-ту кровать богатырскую;
Удивилсэ онъ да той кроватѣ-то:
(Въ) долину́ была кровать да сорока сажень,
Въ ширину была да сорока сажень.
„Ише хто на этой кровати почова́тъ-лёжитъ,
Ише какоё это чудо чудноё?
Но [1]) невѣрной ли какой да злой тотаринъ-отъ,
Онъ руськой ли могучой нашъ бога́тырь-отъ?
Ужъ я сѣ́ду-то покушаю за е́го столъ-отъ всё какъ за дубовой-отъ,
Я за ту-ли за салфетку всё вѣдь брануую,
Я попью-то, поѣмъ, всё покушаю".
Какъ во ту пору́, во то время
Прогово́рилъ-то конь его, да лошадь добрая:
„Ты зачѣмъ-то, Илья Мурамець, прельстилсэ-то
На бога́тырьской-отъ ты шатёръ бѣлый поло́тьненый?
Какъ за тѣмъ столомъ-то кушатъ-то бога́тырь съ молодой жоной;
У ево-то есь жона да всё красавица.
Я скажу тебѣ, мой ласковой хозяинъ-отъ;
Изьвини-ко только, чего я тебѣ да роскажу-то вѣдь;
Ты послушай-ко рѣчей да справедьливыхъ-то:
Выходи-ко вонъ да изъ бѣла́ шатра.
Чесы у насъ вѣдь всѣ проходятъ-то,
Что-которы вѣдь у насъ назначены.
Воротя́тца скоро супруги изъ чиста́ поля,
Станутъ здѣсе пить-то, ѣсь да веселитце-то,
Разно́й игрой они станутъ да забавлятьцэ-то,

[1]) Вмѣсто „нонь". *Собир.*

Ише въ тѣ-то всяки игры они, въ карточки.
Я скажу тебѣ: полѣзай ты на сырой-отъ дубъ,
А коня поставь суда, да за сырой-отъ дубъ,
А не вежи ты его къ себѣ къ дубу,
Отпусьти коня волей гулять да во чистó поле.
Ты послушай моево да наказаньица".
Выходилъ старóй да изъ бѣлá шатра,
Залѣзалъ онъ скоро всё на сырой дубъ,
А лошадь отпускалъ да во чистó полё.
Вдругъ онъ услышилъ чудо чудноё:
Ка згрѣмѣлъ-то будто громъ-то гдѣ,
Збушовала-то погодушка немалая
Какъ со вьсѣхъ съ четыре стóронъ-то;
Потемьнѣло нéбо синее,
Задрожала матушка сырá земьля.
Увидалъ онъ—ѣдетъ конь да богатырской-этъ,
На конѣ-то сидитъ всадьникъ-отъ,
Ише тотъ-ли руськой-отъ могучой-отъ богáтырь-этъ,
Что по имени да Светогóръ [1]) богáтырь-этъ;
На плечахъ-то онъ вѣдь дёржитъ хрустальнёй-отъ раёцьотъ [2]).
Онъ снималъ-то ево-то скоро со своихъ плецей да богатырскихъ-то,
Онъ пихалъ въ карманъ да ручьку правую,
Вынималъ-то изъ кармана ключь да золочёной-отъ,
Отмыкалъ-то онъ раецъ хрустальнёй-отъ,
Выпускалъ-то онъ свою да молоду жену.
'нѣ садились за столы да бѣлодýбовы,
'нѣ покушали да всё поѣли-то,
Онѣ пóпели напиточокъ да розноличныхъ-то,
Поутѣшались игрой въ карточки.
Говоритъ-то онъ богáтырь таковы рѣчи:
„Теперь пора вѣдь мнѣ-ка всё да на спокой лекчи".
Тутъ пóслала на ево-то скоро молода жона
На ево-то кроватъ перину всё пуховую,
Она лóжила подушоцьки, зголовьицё, пуховыя,
Она клáла одѣяло соболиное.
Онъ вѣдь лѣзъ скоро да на кровать богатырскую,
Онъ заснулъ да сномъ крѣпкúмъ да богатырскимъ-то.

---

1) А. М. Крюкова никогда не слыхала этой старины, но слышала имя „Егоръ-Святогоръ". *Собир.*

2) А. М. Крюкова поправила: „ларецъ", но дочь стояла на своемъ. *Собир.*

Она скоро выходила изъ бѣлá шатра,
'на пошла гулять да по чистý полю;
Она съ часъ поры да всё росхаживала,
Золотымъ персьнёмъ да всё поигрывала;
Съ рукѣ нà руку-ту персьтень перебрасывала:
„Когда была я на своей родимой-то на стóронѣ,
Находилась когды красной дѣвушкой,
Гуляла всё вѣдь я да въ зеленóмъ саду;
Ты вѣдь бы́лъ у мня вѣдь, персьтень, на правóй рукѣ.
Я рвала-то разны-ти расьтенья всё садовые,
Распѣвала веселы-ти пѣсьни дѣвыя;
А слыхали-то тогда да какъ дѣвúци-ти, да всѣ мои подружоцьки;
Приходили-то онѣ вѣдь всѣ да прiѣжали-то,
Увеселяли-то миня, да красну дѣвушку.
Прiѣжали-то вѣдь къ намъ да тутъ скоплялись-то
Всѣ вѣдь руськiя могучи-ти богáтыри;
Онѣ гуляли съ нами по зелены́ саду.
Въ одну пору-ту вѣдь я да загуляласе;
Какъ увидала—ѣдётъ-то изъ поля всё богáтырь-отъ,
Что пресильнёй-отъ да всё престрашной-этъ.
Увидалъ-то онъ миня, да красну дѣвицу;
Я пондравилась ему, да красна дѣвица.
Онъ заѣхалъ всё къ моимъ родителемъ
Предлагать на мнѣ да всё вѣдь свататься.
Устрашились то мои чесны́ родители.
Не спросили 'ни-то миня-то, не долóжили,
Что жалаю ли вѣдь я, да не жалаю-то;
Они взяли-то миня да всё просватали
За того-ли за богáтыря за сильнёго.
Я живу-то вѣдь теперь да не красуюсе:
Мнѣ-ка негдѣ-то теперь да розгулятце-то;
Какъ вѣдь нечѣмъ-то онъ меня да не утѣшилъ-то
Ише мой супругъ да всё вѣдь милой-этъ.
Мы сѣдѣли въ одну пору съ нимъ-то, одну соль да кушали,
Росьпивали мы питья́ да розноличныя.
Онъ вѣдь взялъ въ стоханъ себѣ браги нáлилъ-то,
Не допи́лъ-до дна да мнѣ-ка отдалъ-то:
„Допивай ты, моя всё да молода жона."
Какъ вѣдь не хотѣлось мнѣ-ка выпить-то;—
Побоялась я ево да не послушать-то.
Кóгдá допила я всё да изъ стокана-та,

Почуствовала въ сибѣ силушку великую;
Я роздумала, что онъ меня поленйцей зьдѣлалъ богатырьскою.
Онъ не ѣзьдитъ-то вѣдь на светую Русь,
Потому что нé подынетъ матушка сыра земля;
Всё здѣсе, по горамъ Светымъ розьѣжживатъ".
Какъ она огленулась-то назадь да на сырой-отъ дубъ,
Увидала она Илью Мурамця.
Она хватала ево за желты́ кудри,
Принесла ево въ рукахъ да ко бѣлу́ шатру,
Спусьтила ево въ карманъ супругу-ту,
Розбудила-то ево да ростреложила
Отъ того крѣпка-та сна да богатырского:
„Что пора намъ ѣхать, опять по Светымъ горамъ розгуливать."
Онъ вѣдь скоро отъ крѣпкóго сна да пробужаитьца,
Ключевой водой да умываитьца;
Бѣлы́мъ полотеньцёмъ утираитьца;
Убиралъ-то онъ вѣдь скоро-то бѣлóй шатёръ
Посадилъ жону въ хрустальнёй-отъ раéць-отъ какъ,
Замыкалъ её-то онъ да золотымъ ключомъ.
Поѣхали онѣ да по Сьветымъ горамъ.
Какъ падалъ ево доброй конь да на рѣзвы́ ноги:
„Тежело-то мнѣ везти да не подъ силу-ту:
Раньше я возилъ тибя, богáтыря
Шьто твою жену да всё богатырскую;
Што-то есь богáтырь-отъ—будетъ теперь вѣдь третьимъ-то;
Онъ сидитъ у тибя въ карманѣ-то."
Онъ пѣхалъ-то свою ручку правую,
Вынималъ-то изъ кармана Илью Мурамця:
„Ты скажи, скажи ты, всё богатырь-этъ,
Почему ты ко мнѣ зáшолъ во мой-óтъ глубокъ карманъ?"
— Не своей-то я зашолъ волёй-охвотою;
Мия спусьтила-то твоя да молода жона.—
Онъ отмыкалъ-то скоро всё хрустальнёй раець-отъ какъ,
Выпускалъ-то онъ свою да молоду жену;
Онъ хваталъ тогда да саблю острую,
Сказьнилъ онъ у женѣ да буйну голову.
Онъ вѣдь зáчелъ всё выспрашивать:
„Ты скажи-ко мнѣ, да доброй молодець,
Ты какой-то вѣдь какъ руськой-отъ богáтырь-этъ?"

Росказалъ ему да Илья Мурамецъ:
— Какъ прiѣхалъ я вѣдь со сьветой Руси.—
„Покрестоваимсэ мы съ тобою—я да Илья Мурамецъ,—
Что тимá-ти вѣдь крестами однозолочёными;
Назову-то я тибя братóмъ крестовымъ-то.
Я вѣдь буду Светогоръ да брáтомъ старшимъ-то;
Ты вѣдь будь-ко-се, Илья, да братомъ младшимъ-то,
Научу-то я тибя всѣмъ пóѣздамъ да богатырскимъ-то",
Ише всѣмъ-то битвамъ, всѣмъ подвúгамъ богатырскимъ-то."
Какъ поѣхали онѣ да по Сьветымъ горамъ,
Научилъ-то Сьветогоръ да Илью Мурамця
Какъ всѣмъ подвúгамъ-то да богатырскимъ-то.
Какъ въ одну пору́ они въ полѣ́ розгуливали,
Увидали-то онѣ да гробъ желѣзной-этъ;
Онѣ скоро-то туда да поспѣшили-то:
Что за такоё есь вѣдь чудо-то,
Шше кому-то въ этомъ гробѣ, чьему тѣлу будетъ-то лёжать-то вѣдь?
Говоритъ Сьветогоръ-я Ильи Мурамцю:
„Ты лёжись-ко, братъ крестовой, по сибѣ помѣрей-ко:
Не тебѣ ли въ ёмъ да всё лёжать будётъ?"
Повалилсэ Илья въ гробъ вѣдь Мурамецъ;—
Онъ малóй по ёмъ лёжитъ, какъ маленькой ребёнокъ-отъ.
„Выходи-ко-се, крестовой брателко;
Не тебѣ да вѣдь Судьба-то, этотъ гробъ опредѣлёнъ-то Богомъ-Господомъ,
Не тебѣ, не твоёму-то тѣлу въ ёмъ лежать будетъ".
Выходилъ-то скоро Илья Муромецъ;
Заходилъ-то скоро всё вѣдь Сьветогоръ-богáтырь-этъ.
Какъ вѣдь тотъ-то гробъ будьтó по нёмъ-то былъ,
Онъ не малъ-то гробъ и не великой-этъ,
Говоритъ тогда да Илья Мурамецъ:
„Тебѣ полно, брателко, шутить-то вѣдь!
Выходи-ко, ступай вонъ скорѣ́".
Ише хочётъ вытьти Светогоръ изъ гроба-та;
Онъ не можотъ тутъ да онъ-то вытьти-то:
Очутилось-то на гробѣ три-то обруча желѣзныя.
Онъ крычитъ-то зычнымъ голосомъ:
— Ты бери-ко, братъ да саблю вострую,
Ты сьсѣкай-ко эвти обручи желѣзные;
Мнѣ-то душно въ гроби-то приходитъ-то.—

Какъ вѣдь бралъ-то саблю Илья Мурамець,
Онъ сьсѣкалъ-то эти обручи желѣзныи.
Вдругъ вѣдь кровля-та у гроба-та задьвинулась.
Какъ некакъ не могъ отбить да Илья Мурамець.
Говоритъ-то Сьветогоръ-богáтырь-этъ могучой-отъ:
— Не руби-тко, братъ, попустому-ту.
Вѣрно, зьдѣсь мнѣ-ка смерть вѣдь писана;
Вѣрно, этотъ гробъ изъ тучи выпалъ-то.
Подойди ты, братъ, ко мнѣ поближе-то,
Припади-тко-се къ землѣ, ко гробу-ту пониже-то;
Я вѣдь дуну-ту своимъ духомъ въ тибя да богатырскимъ-то.
Ты прими-ко отъ миня да сибѣ силýшки.—
Говоритъ-то Илья Мурамець:
„Я исполню перьво твоё наказаньицё“.
Онъ припалъ-то къ землѣ онъ низёхонько.
Ише дунулъ онъ въ него своимъ духомъ богатырскимъ-то.
Говоритъ Сьветогоръ да во второй наконъ:
— Ты припади опять къ земьлѣ пониже-то,
Ко моёму-ту вѣдь гробу поближáе-то;
Я вѣдь дамъ тебѣ ишшё силы поболѣ-то.—
„Нѣтъ, не надоть болѣ, брателко крестóвой-этъ,
Мнѣ твоей-то болѣ силы богатырской-то;
Мнѣ довольнё-то тепере силы, скольке у меня-то есь теперь,
Какъ взять-то твою силушку-ту сильнюю,
Мать сыра земля тогда меня да не заноситъ-то“.
Говоритъ-то Сьветогоръ да таковы рѣчи:
— Очунь хитрой, братъ крестовой-этъ,
Что не наклонилсэ ты ко мнѣ поближе-то;
Тогда дунулъ бы я духомъ мéртвымъ-то,
Повалилсэ ты бы ко мнѣ вмѣстяхъ мертвымъ-то.
Ты прошшай теперь, да братъ крестовой-этъ!
Роспрошусь-то я съ тобою теперь навѣчно вѣдь.
Привежи ты моево коня ко гробу-ту,
Потому что не совладѣть да некомý будетъ;
А самъ ты поѣжай да на сьветую Русь,
Ты воюйсе теперь со всима теперь богáтырьми;
Со всима-то ты теперь состоишь-то вѣдь;
Не убьютъ тебя некто, некакой да изъ богáтырей.
Тибѣ въ чистóмъ пóлѣ да смерть не писана;
Ты помрёшь, Илья, во своёмъ домѣ родительскомъ.—

62.

Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши.

(У дѣда Василія Леонтьевича[1]).

Во славномъ городи во Кіеви
Добрынюшка сидѣлъ со своей съ рóдной маменькой,
Онѣ подъ тѣмъ-то окошечкомъ косисьцетымъ,
Онѣ смотряли всё да во чистó поле.
Говорила Добры́ни рóдна маменька,
Пожила вдова Омельфа Темоѳеевна:
„Что пора тебѣ, Добрынюшка, женитьце-то“.
Скорóй отьвѣтъ дёржалъ Добрыня своей маменькѣ:
— Я женилсэ бы маменька родимая,—
У насъ въ Кіеви-то дѣвушки-то всѣ замýжъ да исподáваны.
Мнѣ-ка нужно поѣзьдить по дальнимъ гóродамъ,
По селáмъ-то мнѣ и по деревьнямъ-то,
Поискать-то мнѣ невѣсты, красной дѣвици.—
Какъ ставалъ-то онъ скоро на рѣзвы́ ноги:
— Скучно, скучно здѣсь сидѣть мнѣ, добру молодцу.
Я поѣду да розгуляюсе;
Что сьѣжжу-то я во чистó полё,
Ись чистá поля проѣду на Пучай-рѣку.—
Спровожала ево маменька родимая,
На просьтúнахъ-то словó ему сказала:
„Поѣжжай-ко-се, Добрынюшка Никитичъ мой;
Не бери-ко своего коня да Воронеюшка,
Ты возьми коня-та батюшка родимого,
Ты возьми ево саблю вострую,
Ты возьми ево палицю военную,
Возьми плёточку шелкóвую;
Твой-отъ батюшко безъ плёточки не ѣжживалъ“.
Поѣхалъ Добрыня во чистó полё,
Увидалъ-то онъ úскопоть лошадиную,
Онъ пусьтилъ коня туда логанивать;
Увидалъ онъ тутъ поленицю пріудáлую:
На конѣ она пó полю розгуливатъ,
На вороно́мъ по чистому розьѣжживатъ.
Подъѣжжаетъ онъ къ ней очунь близкó-то,
Онъ вытéгиваетъ скоро лукъ тугія-ти,

---

[1]) Эту старину Г. Л. Крюковъ называлъ „мезенской“ и говорилъ, что онъ слышалъ ее отъ прохожаго. *Собир.*

Онъ направливаетъ стрѣлочку калёную,
Что ко стрѣлочки да приговариватъ:
„Вотъ лети, лети, моя стрѣла калёная,
Ты стрѣли, стрѣли въ поленицю въ буйну голову“.
Какъ летѣла-то стрѣлочка калёная,
Розьлетѣлась поленици въ буйну голову;
Сидитъ полениця—не ове́рнитце,
Назадь она да не посмотритъ-то.
Онъ направливаётъ стрѣлочку второй-отъ разъ.
Розьлетѣласѣ стрѣлочка калёная
Она обратно-то, опять поленици въ буйну голову;
Полениця-та сидитъ да не ове́рнитце,
Позади сибя да не посмотритъ-то.
Онъ стрѣляетъ въ поленицю въ третёй-отъ разъ;
Тогда полениця огленуласе,
Огленуласе она да розьмѣхнуласе:
„Что думала я, что руськія комарики меня покусываютъ,—
Ажно руськія могучи-ти кіевськи богáтыри
Калену́ стрѣлу въ меня пускаютъ-то“.
Она хватала-то Добрыню за желты́ кудри,
Спускала ево да во глубокъ корманъ.
Везла она ево да трои суточки;
Проговорилъ-то тутъ у ей конь, лошадь добрая:
„Что молода моя хозяйка ты,
Что душочка Настасья-та Микулична!
Тежело мнѣ везьти да двухъ богáтырей,
Когда раньше въ пору [1]) возилъ тебя одну я красну дѣвицю,
Красну́ дѣвицю, поленицю преудалую“.
Тутъ отвѣтъ держитъ Настасья-та Никулична:
„Что ты какой удáлой доброй молодець?
Исъ какой земли, да ты которого города, села да урождáнець-отъ
Чьего отца да чьей ты матери?
Ужъ ты князя ли сынъ, али короля-та сынъ,
Ты того-ли купця какого сынъ богатого,
Ли простого ты сынъ всё хресьянина?“
Отвѣчаётъ ей Добрынюшка Никитичъ-отъ:
— Тьбѣ чово нужно знать, полениця пріудалая?
Не скажу тебѣ про своего отца съ матерью,
Не повѣдаю, какого роду есь-то я.—

---

1) Въ смыслѣ какъ-разъ, только-что. *Собир.*

„Ужъ ты руськой-отъ могучой-отъ богáтырь-этъ!
Кабы знала, что ты старой-этъ,
Я отрубила бы тебѣ да буйну голову;
Чтобы знала кабы я, что ты вѣдь млáдой-этъ,
Назвала бы я тебя да рóднымъ брателкомъ;
Кабы знала я, что ты лѣтами-ти да со мной нáровень,
Я пошла бы взáмужъ за тебя-то всё“.
Говоритъ-то её доброй конь:
— Онъ вѣдь руськой-отъ могучой есь богáтырь-этъ
Что по имени Добрынечка Никитичь-отъ;
Онъ вѣдь силою-ту супротúвъ тибя,
Онъ вѣдь сьмѣлосьтью вдвоёмъ тибя,
А лѣтами-ти онъ съ тобой вѣдь нáровнѣ.—
Выпускала тутъ Добрынёчку Настасья-та Никулична;
Онѣ садились скоро на добры́хъ коней.
Говоритъ-то тутъ Настасья-та Никулична:
„Ты бери, Добрынюшка, меня теперь да во супружество“.
Какъ отвѣтъ держалъ Добрынюшка Никитичь младъ:
— Ты поѣдемъ-ко, Настасья дочь Никулична,
Къ намъ во славной городъ-отъ во Кіевъ-отъ,
Къ моей маменьки къ родимыя,
Къ пожилой вдовѣ Омельфы Тимоѳеевнѣ.—
Онѣ путь дёржали скоро въ Кіевъ-градъ;
Подъѣжали къ Добрыни къ широку́ двору,
Онѣ добры́хъ коней спускали во конюшну-ту,
Насыпали имъ пшеници бѣлояровой,
Пошли въ полаты онѣ всё бѣлокаменны.
Какъ стрѣчаетъ ихъ вѣдь матушка Добрынина;
Говорилъ Добрынюшка да рóдной матушки:
„Что нашолъ я теперь да себѣ сужону,
Ту-ли всё Настасью я Никуличну.
Мы пойдёмъ теперь съ Настасьей во Божью́ церьковь,
Мы одёржимъ-то съ Настасьёй по злату́ вѣньцю“.
Тутъ давала-то благословленье рóдна матушка.
Они скорѣй того пошли да во Божью́ церьковь,
Одёржали-то Добрыня со Настасьёй по злату́ вѣньцю;
Шолъ у ихъ тогда да пиръ навéсели.
Былъ на пиру-ту князь Владимеръ-отъ,
Была кнеина Апраксеія;
Приглашóны-то вѣдь были всѣ богáтыри.
Ужъ какъ вёлсэ пиръ да трои суточки;
Посьлѣ троихъ суточокъ-то вся госьти розьѣхались;

Оставалсэ только Добрыня съ молодой женой.
Прошло-то тому времени да три-то годичка.
Перестала тутъ Настасья-та Никулична
По чисту́ полю розъѣжживать;
Жила она въ домѣ супруга-та
Со ево-то съ рóдной маменькой.
А какъ тоже [1]) князь (въ) почѐстной пиръ
Посылалъ-то пóсловъ звать Добрынюшку Никитича
Со его-то онъ съ молодой женой.
Тутъ Добрынюшка Никитиць одѣвалсэ-то,
Одѣвалась хорошо Настасья-та Никулична;
Они пошли ко князю-ту да на почѐстной пиръ.
Шолъ вѣдь день скоро у нихъ да прокатилсэ-то,
Пиръ весѐлой-отъ да подъ конець пошолъ.
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы рѣчи:
„Кто бы нашолсэ изъ васъ, да изъ богáтырей—
Ише съѣздить-то во ту землю въ невѣрную,
Какъ къ моему тесьтю любимому,
Прирубить-то ево войсько—подошло къ ему войною-ту;
Онъ писалъ ко мнѣ, просилъ на помочь-ту богáтырей;
Получалъ-то я вѣдь утромъ скору грамоту.
Кто изъ васъ будѐтъ да толь вѣдь доброй-этъ,
Чтобы могъ эту службу́-ту сослужить-то вѣдь?"
Тутъ богáтыри всѣ замолчали-то,
Никто князю отвѣта не держали-то.
Говорилъ-то князь да во второй-отъ разъ,
Говорилъ-то князь и во третѐй-отъ разъ.
Тогда со скамейки бѣлоду́бовой
Какъ ставалъ могучой руськóй богáтырь-этъ,
Что тотъ-ли Алѐшинька Поповичъ младъ:
— Ай кромѣ Добрыни изъ насъ никто тамъ не бывалъ-то вѣдь;
Добрынѐчка у короля бывалъ-то тамъ;
Онъ вѣдь знатъ бой-отъ держать поихному.—
Говорилъ-то князь ему да таковы слова:
„Не исполнишь ты, Добрыня, наказаньица,—
Я розгнѣваюсь на тибя князь Владимеръ-отъ,
Выселю тибя да вонъ исъ Кіева".
Какъ ставалъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Благодарилъ князя съ кнегиною,

---

[1]) Тотъ же? *Собир.*

Онъ пошолъ скоро́ да исъ полатъ-то вонъ;
Онъ идётъ скучно́й да къ родной маменькѣ,
Къ родной маменькѣ да молодой къ жонѣ.
Тутъ начелъ тутъ Добрыня въ путь-дорожку-ту збиратьце-то,
Въ далеку́ землю да отправлятьце-то.
Некому́ въ семьѣ о томъ не сказыватъ;
Тутъ узнали только нянюшки-ти, мамушки,
Всѣ Добрынины прислужницы,
Донесьли о томъ ево да ро́дной маменькѣ,
Пожилой вдовѣ Амельфы Тимоѳеёвнѣ.
Она бьётъ [1]), слёзно плачётъ-то,
Слезьми она да уливаитце:
„Ты куда, моё чадо́, да отправляисьсе,
Ты куда, моя скатна́ жемчужина,
Ты куда у мня, сладка ягода нали́вная,
Ты куда, моё чадо любезно, отправляисьсе?
Почто о томъ ты маменькѣ не скажошь-то,
Зачѣмъ родимой—тайносьти да не повѣдаешь?"
Говоритъ-то тутъ Добрыня ро́дной маменькѣ:
— Ты чого у мня всё выспрашивашь,
Что у мня вывѣдывашь?
Что живой буду—къ тебѣ прiѣду-то
Помру—дакъ ждать тогда неково.
Я гнѣваюсь на тебя, моя маменька родимая:
Для чево меня, Добрынюшку, несчасново споро́дила,
Почему меня, Никитича да неталанного?
Гдѣ моё счасьё прiосталосе,
Кому оно отъ миня доставалосе?
Лучше ты меня несчастного на бѣлъ свѣтъ не споро́дила!
Лёжалъ бы я, Добрынюшка, да сѣрымъ камешкомъ
У той-ли у рѣкѣ да всё Пучай-рѣкѣ,
Вѣкъ-по́-вѣки лежалъ бы этотъ ка́мешокъ,
Некто его не шевелилъ бы никогда да не треложилъ бы;
Только ѣзьдятъ-то къ этому-ту камешку бога́тыри,
'ни тому камню́ да удивляютце.
Нѣтъ—споро́дила миня ты ро́дна маменька
Во чисто́мъ поли берёзинькой кудрявою;
Какъ у той-ли у берёзенькѣ
Какъ бога́тырь' отдыхаютъ во чисто́мъ полѣ.
Нѣтъ—бы ты меня Добрынюшку, да ро́дна матушка,

[1]) Челомъ—Добрынѣ? *Собир.*

Малёшенького въ корзиночку положила,
По Днѣпъ-рѣки по теченiю спусьтила-то!
Миня не было бъ въ живыхъ да на бѣлóмъ свѣти.—
Во сьлезахъ Добрыни маменька сказала-то:
„Я вѣдь рада бы тебя на бѣлой свѣтъ спородить счастливаго:
Таланью-ту тебя да въ Илью Мурамця,
Силою тебя въ Светогора-та-богáтыря,
Кротосью тибя въ Давида Кроткого
Хитросью тибя въ Салóмана Премудраго,
Храбросью тибя въ Олександра Храбраво [1]),
Красотой тебя бы въ Осипа Прекрасного,
Богатьствомъ-то тебя въ Садкá новогородскаго,
Походочкой тебя въ Чурила Плёнковиця,
Какъ тебя бѣгосьтвóмъ [2]) въ Добрынюшку Никитиця,
Какъ перомъ писать—въ Дуная-та Ивановича,
Сьмѣлосью тебя въ Алёшеньку въ Поповича.
У мня не было дѣтей, кромѣ тебя, да не единого.
Ужъ какъ не далъ Бохъ счасья,—теперь не будетъ-то“.
Она пошла скорó въ полаты бѣлокаменны
Гъ богоданому своёму дитетку,
Къ молодой Настасьи-то Никуличнѣ:
„Чего сидишь, Настасья? ничого сидишь не вѣдаешь,
Надъ собой незвѣдушки [3]) не знаешь-то:
Какъ твой супругъ-отъ отправляитце,
Въ богатырьско платье одѣваитце.
Ты поди сходи-ко съ нимъ просьтись-ко-се;
Ты зайди къ нему со правого со стрéмена,
Говори-ко ты ему да со улыбкою,
Говори-ко ты вѣдь, какъ скажу-то я,
Какъ скажу-то, научу тебя:
„Ужъ ты ладушка моя, да лада милая,
Ты вѣньчельня моя лада, обручельняя!
Мы съ тобой, лада, въ Божьёй черьквы стояли-то,
Золоты вѣньци на головахъ дёржали-то,
Какъ изъ одной чары съ тобой мы роспивали-то,

---

1) На мой вопросъ, кто былъ этотъ герой, М. С. Крюкова сказала, что онъ, какъ она слышала отъ дѣда, говорилъ: „Кабы кольцо было на неби, всю Россiю бы повернулъ, матушку“. *Собир.*

2) Вмѣсто „вѣжествомъ“. См. Онежскiя былины, *Гильфердинга*, №№ 5, 149, 157, *Собир.*

3) Вмѣсто „невзгодушки“. *Собир.*

Золотыма-ти перснями мы мѣнялисе;
Мы въ согласьи жили да три годичка.
Скучно мнѣ теперь съ тобой да роставатце-то!
Ты скажи-тко мнѣ, супругъ любимой мой,
Скажи ты мнѣ слова да всё пріятные:
Ты куда, моя надежда, собираисьсе,
Далече́ ли въ путь да отправляисьсе".
Говоритъ-то ей Добрынюшка Никитичъ младъ:
— Ужъ ты ладушка моя да моя милая,
Ты дрожаюшша, мила́ супруга ты!
Я скажу-то тибѣ правду сушшую:
Что живъ буду—къ тебѣ пріѣду-то;
Живъ не буду—ждать тибѣ миня-то не́чого.—
Она спрашиватъ ево да во второй-отъ разъ,
Она спрашиватъ ево да во третей-отъ разъ.
— Я не буду къ тебѣ, Настасья, не пріѣду три-то годичька,—
Подожди, Настасья, ты ишё-то три;
Тому исполнитце-то времени да шесь-то годичковъ.
Ты исполни перьву заповѣдь женьскую,
Посиди-ко, подожди миня.
Какъ не пріѣду я друга́-та шесь-то лѣтъ,—
Тому исполнице двѣнадцеть лѣтъ;—
Тогда исполнишь заповѣдь-ту вдовью:
Ты давай тогды мою да золоту казну
На поминанье въ церькви Божьія,
Въ мана́стыри-ти посылай да во спасёныя,
По вдовамъ давай да всё по бѣднымъ-то,
По сиротьскимъ давай малымъ дѣточкамъ.
А тебѣ, Настасья,—воля вольняя:
Хоть вдовой живи, хоть ты взаму́жъ поди
За того поди за князя, за кнежёвиця,
За короля поди, за прынца-та,
За того поди бога́тыря ты руськаго,
Ты иди-ко за купця да хоть богатого,
За простого-то иди хоть за хресьянина.
Только не даю тебѣ да дозволеньицо—
За тово ты за руського бога́тыря,
За моево брата крестового
За Алёшеньку Поповичя.—
Тутъ скоро-то Добрыня уѣхалъ да съ широка́ двора,
Уѣхалъ онъ да во чисто́ поле,
Ись чиста́ поля поѣхалъ въ ту землю невѣрную.

Какъ прiѣхалъ онъ къ тому да королю къ невѣрному,
Онъ вѣдь началъ рубить войсько непрiятеля.
Онъ не много воёвалсэ, всё не мало-то;—
Какъ прошло-то тому времени двѣнадцеть лѣтъ;
Не возрашшалсэ домой Добрынюшка Никитичъ-отъ,
А когда уѣхалъ былъ Добрынюшка Никитичъ младъ—
Тому времени прошло да три-то годичька [1]),
Прiѣжаетъ-то Алёша ись чистá поля;
Привозилъ онъ вѣсточку Владимеру:
„Что видѣлъ я во чистомъ полѣ-то,
Что лёжитъ богáтырь-отъ убитой-этъ;
Опозналъ я всё по платьицю по цьвѣтному.
Что надоть быть моему брату крестовому
Что тому-ли всё Добрынюшки Никитичу.
Ты поди-тко-се, сходи, князь, къ его рóдной маменькѣ,
Передай ты имъ это извѣсьицо“.
Одѣвалсэ князь Владимеръ-отъ,
Онъ пошолъ скоро къ Добрыниной ко маменькѣ;
Передалъ-то онъ ей извѣсьицё, што получилъ отъ Алёшеньки Поповиця.

---

[1]) Слѣдующее за симъ мѣсто А. М. Крюкова (ср. № 6) поправила такимъ образомъ: *Собир.*

Прошло-то тому времени три годицька.
Соболина шубоцька прошýмѣла
Сафьяны-ти сапожки проскрыпѣли,
Чернá шляпа пухова на головушки сосьвѣтила;
Кушакъ-отъ былъ у князя-то семи шелковъ.
Приходитъ онъ къ Настасьи-то къ Микулишны;
Во перьвыхъ спросилъ вдову Омельфу Тимоѳеевну.
Говоритъ-то князь Владимиръ стольнё-кiеськой:
„Ужъ ты гой еси, Омельфа Тимоѳеевна!
Ты отдай-ко богодана-та дитятка,
Ты отдай-ко-се зáмужъ за Олёшеньку Поповиця“.
Говорила-то Емельфа Тимоѳеевна:
— Про то знатъ сама Настасья дочь Микулична.—
Говорилъ-то князь Владимиръ таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Настасья дочь Микулишна!
Я вѣдь самъ ѣзьдилъ вчарасе во чистò полё,
Я розьвѣдывалъ вѣсьти, перевѣдывалъ;—
Ишше нѣту въ животи Добрынюшки Никитича:
Его бѣло-то тѣло приростáрзано;
Ево костоцьки по полю-ту розношены,
Достальнё-то всё ево да тѣло бѣлоё
Проросло-то у ево всё муравой-травой.
(И другой разъ, и третiй онъ прúдетъ къ ней,—тогда она и пойдётъ).

Тутъ заплакала Добрынина да рóдна маменька.
Говоритъ Добрынина да молода жона:
„Я нейму-то, всё невѣрю-то;
Неправду сказыватъ Алёшенька Поповичъ-отъ.
Подожду я 'шшё Добрынюшку другá три года“.
Какъ прошло-то тому времени-то шесь годовъ,
Привозитъ-то Алёшенька извѣсьтіе,
Что, слышилъ онъ, убитъ Добрынюшка въ землѣ невѣрной-то.
Какъ приходитъ князь опять къ ево родимой маменькѣ.
Тутъ заплакала Добрынина да рóдна маменька.
Говоритъ опять Настасья-та Микулична:
„Я нейму-то всё у его Алёшеньки, не вѣрю-то.
Ишше хто ему далъ-то всё изьвѣсьицё?“
Какъ исполнилось тому времени-то деветь годичьковъ,
Запосылалъ тутъ Алёша князя-та Владимира:
„Ты сходи-ко, поди, князь Владимиръ-отъ,
Къ Добрыниной да къ рóдной маменькѣ,
Ужъ ты сватайсе на Настасьи на Микуличнѣ“.
Какъ пошолъ князь скоро ко Добрыниной да рóдной маменькѣ;
Онъ заходитъ къ имъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ вѣдь спрашиватъ да у прислужницъ-то:
„Вы дол'жите-тко Омельфы Тимоѳеёвны,
Что пришолъ я къ ей да посовѣтовать:
Что я слышалъ-то теперь да вѣсь-ту праведьливую,
Что нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича“.
Приходила тутъ Добрынина-то рóдна маменька:
„Ужъ ты здрастуй-ко-се, князь Владимеръ-отъ!
Ты каку принёсъ къ намъ вѣсточку радосьню?“
— Хоть нерадосьню я вѣсть-ту вамъ принёсъ теперь:
Вдостовѣръ-то нѣтъ Добрынюшки въ живыхъ у тя.
Какъ ждала его Настасья-та двѣнадцеть лѣтъ,
Не могла его она дождатьце-то.
Ты отдай теперь Настасью-ту Никуличну,
Ты отдай замужъ за Алёшеньку Поповиця.—
Отвѣчаетъ тутъ Добрынина да рóдна матушка:
„Я не знаю про Настасью про Никуличну;
Есьли пойдётъ она, дакъ и пушшай идётъ;
Не пойдётъ, не пожелатъ,—дакъ я не вы́даю“.
— Ты поди, поди, Настасья, за Алёшеньку взаму́жъ Поповиця.—

„Я ждала Добрынюшку шесь годичьковъ,
Исполняла тогда заповѣдь-ту женьскую;
Теперь исполнилось двѣнадцеть лѣтъ,—
Исполнила заповѣдь-ту вдовьюю.
Я иду теперь взамужъ за Алёшеньку Поповиця".
Какъ ведутце у князя-та пиры весёлыя,
Что идётъ свадьба́ Алёшеньки Поповичя,—
Далече́-то, далече́ да во чисто́мъ полѣ
Сьпитъ Добрыня во бѣло́мъ шатрѣ
Крѣпкимъ сномъ-то онъ да богатырскимъ-то.
Тутъ забилъ-то конь копытомъ о сыру землю,
Ростреложилъ Добрынюшку Никитичя,
Розбудилъ-то онъ Добрынюшку отъ сна-та утренна.
Говоритъ Добрынюшка да таковы слова—
Ударилъ онъ плёточкой шелко́вою:
„Что ты, волчья сыпь да травеной мѣшокъ,
Не захотѣлъ мнѣ служить да вѣрой-правдою?"
— Нечево́ ты, Добрынюшка, не знаешь-то,
Что во твоей семьѣ несчасьё-то случилосе:
Молода твоя жона взаму́жъ пошла
За мла́дого Але́шеньку Поповиця.—
Онъ скакалъ скоро на своево коня да Воронеюшка,
Онъ сьтегалъ его плёточкой шолко́вою.
Прiѣжатъ-то скоро на широкой дворъ;
Онъ не привезалъ коня да гъ золоту кольцу,
Спускалъ ево всё да во конюшну-то,
Пошолъ онъ скоро въ полаты-то бѣлокаменны.
Тутъ за нимъ-то всѣ идутъ прислужники, прислужницы,
'ни приносятъ жалобу къ Омельфы Тимоѳеёвны:
„Что прiѣхалъ тотъ бога́тырь-отъ скорымъ гоньцёмъ да исъ чиста поля,
Безо всякого дозволенья прошолъ къ тебѣ въ полату бѣлокаменну".
Тутъ заплакала Добрынина-та ро́дна маменька:
— Кабы былъ у мня во живности Добрынюшка Никитичъ-отъ,
Не удалось тебѣ бога́тырю да насьмѣятьце-то
Надъ моимъ дворомъ сиротьскимъ-то.—
„Ужъ ты гой еси, Омельфа Тимоѳеевна!
Ты не гнѣвайсе на меня на руського бога́тыря:
Я зъ дозволеньица прiѣхалъ всё Добрынина.
Мы вчерась зъ Добрынёй прирозьѣхались;

Онъ поѣхалъ во чистб полё,
Меня послалъ во городъ-отъ во Кіевъ-отъ
Передать тебѣ нискбй поклонъ".
— Не насьмѣхалсэ ты, руськбй могучой-отъ богáтырь-этъ,
Кабы былъ въ живыхъ Добрынюшка, наѣхалъ бы.—
„Я динуюсе тебѣ, да рбдна маменька,
Что не признала ты меня Добрынюшки Никитичя".
— У мня вѣдь былъ Добрынюшка Никитичъ младъ,—
Его личенько вѣдь было какъ порошки снѣгу бѣлого,
На ёмъ платьё было всё вѣдь цвѣтное.—
„Ты родима моя маменька,
Какъ дожжами-ти на мнѣ всё платьичё причёлкано,
Краснымъ солнышкомъ лицё моё да запеклосе всё".
— У моёго-то у дитетка
Какъ была у его всё примѣточка—
На правбй-то ноги́ была родинка.—
Скиныва́лъ-то онъ сапожки тутъ сафьянные,
Показалъ-то онъ придьмѣточку.
Тутъ узнала его маменька родимая,
Во сьлезахъ она всё росказала-то:
— Что твоя-та молода жона
'на ушла замужъ за Алёшеньку Поповиця.
Онъ сказывалъ мнѣ вѣсточки нерадосно;
Я скорьбила о тебѣ да ретивб серьцо,
Я сьлезила о тебѣ да очи ясныя.—
„Неси, маменька, мнѣ всё, родимая,
Ты неси-ко моё платье цвѣтное,
Ты неси-ко мои гусьлици игрбмыя;
Нарежусь-то я скаморошиной,
Я пойду ко князю на широкой дворъ,
Съ широка́ двора зайду въ полаты бѣлокаменны".
Одѣвалсэ тутъ Добрыня скаморотьшиной,
Бралъ съ собою звоньчаты́ онъ свои гусьли-ти;
Онъ заходитъ всё ко князю ко Владимеру,
Онъ хрестъ кладётъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ ведётъ да по учёному,
Онъ кланеитце князю со кнегиною:
„Ужъ и здрастуй, князь Владимиръ стольне-кіеськой!
Ты дозволь-ко мнѣ-ка мѣсто, куда сѣсь-то мнѣ".
— Вашо мѣсто-то да скоморошьноё
Что на печьки на муравленой.—
Заходилъ-то онъ на мѣсто, гдѣ назначено.

„Ты дозволь-ко мнѣ-ка, князь, да всё зыграть въ гусли“.
— Ты играй-ко, играй, да скоморотьшина.—
Онъ вѣдь зачелъ тутъ выигрывать.
Онъ берётъ-то всё да исъ Царя́града,
Наговариватъ на красной Кіёвъ-градъ,
Алёшеньки Поповичю напе́ниватъ,
Настасьи-то Никуличны да выговариватъ.
Тутъ Настасьюшка да догадаласе,
Тутъ Никулична узнала-то.
Говоритъ она да таковы рѣчи:
„Ты позволь-ко, князь Владимеръ, мнѣ
Ты налить-то мнѣ-ка чарку мёду сладкого,
Поднесьти-то мнѣ да кому надобно“.
— Наливай-ко-се, Настаья дочь Никулишьня,
Подноси тому, да кому надобно.—
Наливала она чарочку да мёду сладкого,
Поднесла она уда́лой скоморотьшинѣ.
Принималъ-то скоморотьшина одной рукой,
Выпивалъ-то онъ да на единой духъ;
Говорилъ-то онъ тогда да таковы слова:
„Ты позволь-ко, князь, мнѣ слово вымолвить;
Ише дай-ко мнѣ-ка позволеньиця
Какъ налить-то мнѣ-ка чару мёду сладкого,
Поднесьти-то мнѣ, кому жалаю-то“.
Подносилъ-то онъ вѣдь чарочку Настасьи-то Никулишнѣ.
Выпивала она чароцьку да мёду сладкого;
Прикатилсэ къ её устамъ саха́рнымъ золотой перстень.
Она хватала скоро золотой перстень,
Одѣвала-то себѣ на пра́ву ручушку;
Сама скакала-то изъ-за тѣхъ столовъ’зза бѣлоду́бовыхъ,
Она падала Добрынюшки да во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти, просьти, Добрынёчка Никитичь младъ!“
— Я прошшаю тибя, Настасья всё Никулична.
Не дивую я тибѣ да уму женьскому,
Я дивую только князю-ту Владимеру
Потому-то, что у жива́ мужа жену отьнелъ.—
Тутъ ставалъ Алёшенька Поповичъ младъ,
Онъ говорилъ-то всё таки рѣчи:
„Ты просьти, просьти меня, брателко крестовой-отъ,
Ты во той вины меня да въ виноватой-то [1]),

[1]) Вмѣсто „виноватого“. *Собир.*

Шьто посидѣлъ я возьлѣ твою-ту любу́ семью".
— Въ той вины тебя, братецъ, Бохъ просьтитъ;
Только въ той не прошшу тибя,
Что омманулъ ты мою маменьку родимую:
Сказалъ—нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитичя.
Онъ квата́лъ Алёшу за желты́ кудри,
Онъ бросалъ его да о кирпичной полъ,
Хотѣлъ сказьнить у ево да буйну голову
Ише той-ли всё да саблей острою.
Удёржалъ у его саблю острую
Что старо́й казакъ да Илья Мурамецъ:
„Розойдитесь вы вѣдь, братьиця-та, помиритесь-ко".
Онъ бралъ тутъ молоду жону;
Пошли онѣ да къ ро́дной маменькѣ.

63.

Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ.

(У покрученниковъ съ р. Мезени).

Что стоялъ-то шатёръ да во чисто́мъ полѣ.
Во шатрѣ-то спа́ло два бога́тыря:
Что перьво́й-отъ Добрынюшка Никитичъ-отъ,
Что второй-этъ Олёшенька Поповичъ-отъ.
Они скоро тутъ бога́тырь'просыпалисе,
Умывалисе онѣ да ключевой водой.
Говорилъ-то Алёшенька Поповичь-отъ:
„Мы поѣдемъ-ко, брателко крестовой отъ,
Съѣзьдимъ на эту гору мы высокую:
Не увидимъ ли чево мы, не услышимъ ли?"
Они скоро-то садились на добры́хъ коней,
Заѣжали'ни на ту гору высо́кую,
'ни смотрили тутъ во трубочки подзорныя.
Нечево-то не видать нигдѣ,
Никакой не ѣзьдитъ нигдѣ бога́тырь-отъ.
Пріѣжали'нѣ обратно ко бѣлу́ шатру,
Заходили онѣ въ бѣло́й шатёръ,
Они зна́чели роспивать да разны водочки,
Какъ играть-то они начели во карточки;
Поигравши они въ карты, спать легли.
Какъ заснулъ-то крѣпкимъ сномъ Алёшенька Поповичь-отъ,
Какъ Добрынюшка Микитичь-отъ не сьпитъ, лёжитъ,
Онъ не спитъ, лёжитъ, да всё вѣдь слушаётъ.

Шьто со южную-то было со стороночку,
Что не шумъ шумитъ, да тамъ не гамъ гамúтъ,
Не погодушка во пóлѣ росшумѣласе;—
Тутъ крыцитъ-то бóгатырь зычьнымъ голосомъ:
„Ты остойсе-ко-се, мой вѣдь доброй конь!
Шьчо пора тебѣ коню да отдыхать теперь.
Я вѣдь буду становить шетёръ полóтьненой“.
Заходилъ скоро тотарьничокъ въ бѣлóй шатёръ.
Тутъ вѣдь видитъ Добрынюшка Никитичь младъ;
Не до спáнья пришло да тутъ Добрынюшки.
Онъ не знатъ, взбудить ли Олёшеньку Поповиця:
„Какъ збужу-то я Алешу, лутьче не надѣлаю:
Иш̓ Алеша-та вѣдь роду, роду нѣжного;
Онъ вѣдь сквозь просонья не узнатъ, да шьто случилосе,
Потерятъ-то онъ да свою голову.
Я помѣшкаю Добрынюшка до утрія;
Я вѣдь ноченьку да всю вѣдь я продумаю,
Какой хитросью убить да мнѣ тотарина“.
Выходилъ-то по утрý, да утру ранному,
Выходилъ-то исъ шетра Добрынюшка Никитичъ-отъ;
Онъ смотря-то тутъ вѣдь въ трубоцьку подзорную,
Видитъ—недалече-то отъ ихъ стоитъ шатёръ.
Онъ садилсэ скоро на добрá коня;
Подъѣжаетъ онъ къ шатру да ко тотарину,
Онъ крыцитъ-то, зычитъ да звычнымъ голосомъ:
„Ты ставай, ставай, тотаринъ злой,
Пробуждайсе-ко, злодѣй, да поскорёшенько!
Вотъ со мной зъ Добрыней повоюимсе“.
Тутъ держалъ отвѣтъ тотаринъ-отъ:
—Не желаю я ставать да утромъ раннымъ-то.
Мнѣ-ка жаль тебя, Добрынюшка Никитичъ-отъ:
Понапрасну утеряешь буйну голову.—
„Ты ставай, ставай, злой тотаринъ-отъ,
Тебѣ полно, злодѣй, да отговаривать!“
Выходилъ скоро тотаринъ изъ шетра-та вонъ,
Онъ садилсэ-то тотаринъ на добрá коня,
Онъ садилсэ, самъ да россмѣхнулсэ-то:
—Я вѣдь думалъ, шо, Добрынюшка, ты говоришь во шутку-то.
Потеряешь ты свою да буйну голову.
Ты скажи-ко луччэ, какой смерти желаешь ты.—
„Молодой ише тотаринъ, въ молодыхъ годахъ,
Ише смѣшь надо мною насмѣхатце-то?“

Они съѣхались-то скоро другъ-то съ другомъ-то,
Они другъ другá-то крѣпко ударили;
Сабли вострыя у ихъ да поломалисе;
Не которой-отъ другъ друга не ранили.
Во второй-отъ разъ они опять вѣдь съѣхались.
Тогда падалъ-то Добрынинъ конь да на рѣзвы́ ноги;
Какъ стегалъ его Добрынюшка Никитичь-отъ:
„Ты чого, ты конь мой, устрашилсэ-то?
Будто по чисту полю некогда не ѣжживалъ,
Ужъ тотаръ-то будто никогда не видывалъ?“
Отвѣчаетъ тутъ конь человѣческимъ-то голосомъ:
—Ты напрасно бьёшь меня, Добрыня-свѣтъ Микитичъ-отъ:
Ужъ какъ передъ тимъ-то палъ на матушку сыру землю,—
Не состоять-то тебѣ будетъ со тотариномъ,
Побѣдитъ тебя да злой тотаринъ-отъ.—
На отвѣтъ-то отвѣчалъ Добрынюшка Никитичъ-отъ:
„Ты издохни-ко самъ, да лошадь злая-та!
Какъ не я помру Добрынишка Никитичъ-отъ“.
Не сказалъ конь нечего, простоналъ только.
„Ты помри, помри-ко самъ, да лошадь добрая!“
Они съѣхались съ тотариномъ, ударились.
Тогда хваталъ тотаринъ-отъ Добрыню за жöлты́ кудри,
Онъ бросалъ его о матушку сыру земьлю,
А садилсэ-то къ ему да на бѣлы́ груди,
Онъ споролъ-то вѣдь ему да груди бѣлыя,
Вынималъ-то онъ его серьцё богатырьскоё;
Самъ уѣхалъ тотаринъ спать во бѣлóй шатёръ.
Что по сходу-ту вѣдь было красна солнышка,
Пробуждаитце Олёшенька Поповичь младъ,
Смотритъ—нѣту-то Добрынюшки Никитичя:
„Онъ куда, куда у мня да всё уѣхалъ-то?
Онъ гулять, вѣрно, уѣхалъ во чистó полё“.
Выходилъ скоро Алёша изъ бѣлá шатра,
Бралъ съ собою-то онъ трубочку подзорную,
Онъ смотрялъ, смотря на всѣ чотыре стóроны;
Негдѣ не могъ-то онъ увидѣть Добрынюшки Никитичя.
„Онъ куда-то такъ уѣхалъ, не сказалсэ-то?“
Вдругъ соржалъ-то вѣдь Добрынинъ его доброй конь.
Огленулсэ тутъ Алёшенька Поповичь-отъ,
Онъ вѣдь видитъ—далече стоитъ Добрынинъ конь,
Неуря́жонъ онъ стоитъ въ збруи коньской-то,
Неучосаной стоитъ да неуглажаной.

Онъ скакалъ скоро Алёша на добра́ коня,
Подъѣжаетъ онъ къ Добрынюшкиному добру̀ коню;
Какъ стоитъ-то его доброй конь,
Какъ повѣсилъ буйну голову съ могуцихъ плець;—
Онъ тоскуетъ, вѣрно, по хозяинѣ.
Поглядѣлъ недалеце отъ добра́ коня,
Увидалъ-то—лежитъ убитъ Добрынюшка;
Прибѣгаетъ онъ къ Добрынюшки Никитичю,—
Закатилисе у Добрыни очи ясныя.
Какъ вѣдь плакалъ тутъ Олёшенька Поповичъ младъ:
„Тебѣ Богъ судья, Добрынюшка Никитичъ-отъ!
Ты зачѣмъ, поѣхалъ, не розбудилъ меня?“
Онъ смотрѣлъ тогда въ трубку подзорную;
Увидалъ-то онъ во по́лѣ шатёръ бѣлой полóтьненой;
Обозналъ, што, по шатру-ту, былъ неруськой-отъ богáтырь-этъ,
Прiѣжжаюшшой, невѣрной-отъ.
Онъ крычалъ-то, звычалъ да звычнымъ голосомъ:
„Ты ставай, ставай, тотаринъ, ты злодѣй-отъ вотъ!
Ты зачѣмъ убилъ Добрынюшку Никитича?
Что давай со мной съ Олёшенькой побрáтаимсе“.
Выходилъ-то злой тотаринъ изъ бѣла́ шатра,
Онъ садилсэ скоро тотаринъ на добра́ коня,
Онъ садилсэ-то, да самъ онъ розьсмѣхнулсэ-то:
—Шо, желаешь ты, Алёша, со мной бой дёржать?
Понапрасному, Алёша, это здумалъ-то.
Вашъ-отъ родъ-отъ всё попоськой-отъ,
Что попоськой родъ завѝдной-отъ,
Что завидной родъ завиду̀шшой-отъ;
Ваши глаза-ти всё завѝдушшiя,
Ваши бѣлы-ти вѣдь ручки загрэбушшiя.
Ты прельстилсэ на моёго коня богатырского,
Какъ на ту-ли вѣдь збрую-ту серебрену.—
Отвѣчаетъ тутъ Олёшенька Поповичь-отъ:
„Ты бы радъ бы съѣсь меня, проглотить, собака зла!
Каковó ише миня да Бохъ вѣдь выдасъ-то“.
Они скоро-то другъ съ другомъ съѣхались;
Они другъ друга́ взели саблеми ударили,
Они другъ друга́-та до болька́ не ранили.
Они ’зе́ли-то второй-отъ разъ-отъ съѣхались;
Ишше они такъ сильнё ударились,—
Мать сыра земля тогда да здрожала вся,

Изъ озёръ, изъ рѣкъ вода да поливаласе.
Пособилъ Бохъ побѣдить тотарина Алёшенькѣ;
Онъ киналъ тогда злого-то тотарина
Онъ на матушку его да на сыру земьлю,
Самъ садилсэ скоро къ нему да на черны́ груди,
Онъ хочетъ пороть да груди чёрныя,
Вынимать-то его серьцо всё тотарьскоё.
Вдругъ не бткуль взялсэ чёрной воронъ-отъ;
Говоритъ-то воронъ Алёшеньки Поповичу:
„Не пори-ко у тотарина черны́хъ грудей,
Ты спусьти, спусьти его да какъ домой жива́.
Сослужу я тебѣ за то да службу вѣрную.
Далеко-то я сьлетаю за сини́ моря,
Что на тѣ-ли я на воды, воды тёплыя,
Я достану тамъ, найду да воды мёртвою,
Во вторыхъ же я достану-то живой воды,
Принесу е [1]) я тебѣ да черезъ три-то дня“.
Вдругъ-то сталъ-то чёрной воронъ-отъ невидимо.
Онъ спускалъ тогда злого всё тотарина,
Только съ тѣмъ спускалъ, съ такимъ да онъ условiёмъ,
Что полбжить-то тотарину заповѣдь великая,
Что не ѣзьдить болѣ ему на сьветую Русь,
Что не битьце болѣ съ руськима богáтырьми.
Прилетаетъ-то чёрной воронъ чересъ трои суточки,
Принёсъ-то живой воды ему онъ, мёртвой-то:
„Ты возьми, возьми, Алёшенька Поповичь младъ,
Ты возьми-ка напередь да воду мёртвую,
Ты взбрызьни-ко-се Добрынюшку Никитиця;
Во вторыхъ возьми брызьни-ко ты живой водой“.
Вдругъ-то сталъ вѣдь воронъ всё невидимо.
Тутъ послушалъ-то Алёша ворона-та наказаньицё;
Во перьвой-отъ разъ брызнулъ водой мёртвою;
Тутъ сросьлось Добрыни тѣло бѣлоё.
Какъ брызнулъ онъ во второй-отъ разъ,
Простоналъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-отъ;
Открывалъ-то вѣдь онъ скоро очи ясныя,
Говорилъ-то онъ самъ таковы слова:
„Не знай, много ли я, мало ли то спалъ вѣдь здѣсь?
Ужъ я думаю, что вѣдь долго спалъ;

[1]) Вмѣсто „ей“ = ее. *Собир.*

Почему же я вѣдь скоро сталъ?"
Отвѣчаетъ тутъ Алёшенька Поповичъ-отъ:
—Ужъ и спать-то было бы, братецъ крестовой-отъ,
Здѣсь бы было тебѣ вѣкъ всё на вѣки,
Кабы не я помогъ Алёшенька Поповичъ-отъ,
Не побѣдилъ бы я злого тотарина:
Когда побѣдилъ-то я зла тотарина,
Я хотѣлъ пороть да груди чёрныя,
Тутъ прилетѣлъ воронъ со стороны тотарьскою,
Проговорилъ-то онъ таки рѣчи:
„Не убивай-ко ты, не пори у тотарина черны́хъ грудей,
Ты спусьти, спусьти его домой жива."—
Тутъ скакалъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Обнималъ-то своего брата крестового,
Прижималъ-то его къ своему къ ретиву́ серцю,
Называлъ-то онъ его братомъ крестовымъ-то:
„Мы поѣдемъ-ко теперь да въ красной Кіевъ-градъ,
Мы роскажомъ-ко про мбе про несчасьицо;
Принесу-то благодарнось за тебя я, Олёшенька,
Розкажу-ту про тебя князю Владимиру,
Я твоёго-то добра вѣкъ не забуду-то,
Доколь живъ-то я, буду благодарить тебя."

64.

Алеша освобождаетъ изъ плѣна сестру.

(У дѣда Василія Леонтьевича и у покрученниковъ съ р. Мезени; пѣли одинаково).

Во славномъ городи во Кіеви
Заводилсэ у князя-та почёстной пиръ.
Собиралъ-то вѣдь онъ могучихъ всѣхъ руськихъ богáтырей,
Поленицъ-то всѣхъ да преудáлыхъ-то.
Что навёсели идётъ у ихъ почёстной пиръ;
Князь Владимиръ-отъ по комнаты погуливатъ;
Говорилъ-то князь да таковы слова:
„Кто бы, кто бы изъ васъ, богáтыри,—
Ужъ вы съѣздили да на Пучай-рѣку,
Привезли съ Пучай-рѣкѣ да ключевой воды
Мнѣ князю-ту Владимеру съ кнегиной пріумытисе,
Пріумытисе да помолодитисе?"

Тутъ ставалъ-то Алёша на рѣзвы́ ноги,
Говорилъ-то онъ да таковы слова:
Я вѣдь съѣжжу, князь, да на Пучай-рѣку,
Привезу-то тибѣ ключевой воды, —
Поѣжаетъ тутъ Алёша во чисто́ поле,
Ись чиста́ поля подъѣжаетъ онъ къ Пучай-рѣкѣ;
Почерпнулъ онъ взялъ да ключевой воды,
Поѣхалъ прямо въ Кіевъ-градъ,
Привозилъ воды князю Вла́димиру.
Умывалисе онѣ да ключевой водой,
Ай умылисе они да наредилисе,
Наредилисе, помолодилисе.
Тутъ дарилъ-то князь Владимеръ-отъ
Какъ Алёшеньку Поповиця
Какъ вѣдь тимъ-то пёрышкомъ орлинымъ-то,
Которо достато было съ острова Буяна-та,
Что подарёно было князю-то Владимеру
Что у тѣхъ госьтей у карабельшиковъ.
Ай какъ го́ворилъ Алёшенька Поповичь-отъ:
„Ты дозволь-ко мнѣ-ка, князь, да дай-ко волюшку,
Мнѣ-ка дай-ко съѣздить на свою-ту родину,
Повидатьце мнѣ съ отцемъ и съ матерью,
Попросить-то мнѣ у нихъ благословленьица:
Не пріискали ли мнѣ они невѣсты, красной дѣвици?
Не пріискали – дакъ не могу ли я самъ себѣ да пріискать-то гдѣ,
Во своей-ли де я всё на родины,
Ели не на своей, хоть на дальной сто́роны?
Ужъ какъ всѣ, князь, у тибя въ Кіеви поже́нёны,
Только я одинъ да холостой живу“.
Говоритъ-то ему князь Владимиръ-отъ:
— Ты женись, женись, Алешёнька Поповичь младъ,
Тебѣ даваю я да позволеньицо,
Хоть у насъ женись, да въ красномъ Кіеви,
Ай хоть у себя женись да въ славномъ городи,
Въ славномъ городи въ своёмъ да ты въ Ростови-то,
Хоть во тѣхъ женись дере́вьняхъ во простыхъ да не въ горо́дскихъ-то;
Ты вѣдь тутъ бери, гдѣ только тибѣ пондравитце.—
Поѣжжаетъ тутъ Алёшенька Поповичъ-отъ,
Поѣжжаетъ скоро онъ да во чисто поле.
Онъ вѣдь день ѣхалъ, второй ѣхалъ;

Становилъ-то онъ бѣлой шатёръ полотьненой,
Призаснулъ-то онъ сномъ богатырскимъ-то.
Пробужаитце по утру ранному;
Ему пекётъ въ глаза да соньцё красное.
Выходилъ-то онъ изъ шатра да изъ полотьнена;—
Какъ летитъ-то по нёбу да ясной соколъ-отъ,
Онъ летитъ-то, самъ да выговариватъ:
„Тибѣ полно почевать, Алёша, спать да во чистомъ полѣ!
Поѣжай-ко-се туда, куда прикажу я ѣхати,—
Поѣжай-ко-се ты въ степи въ Саратоськи,
Ты во тѣ луга да во зелёныя.
Тамъ во тѣхъ лугахъ да во зелёныхъ-то
Есь въ полонъ-то взята красна дѣвиця,
Красна дѣвиця есь, дочь отечеська.
Хоть она будётъ не сужона тибѣ красна дѣвиця,
Хоть прельсьтисьсе на ей да всё обзарисьсе,
Но не будетъ она тебѣ да молодой жоной“.
Удивилсэ-то такому чуду-то Алёшенька;
Онъ стоялъ-то чясъ времени при розмысленьици:
„И не знай, мнѣ ѣхать ли, не ѣхать ли,
Не знай правду сказалъ соколъ, не знай кривду-то?
А давай я съѣжжу-ту да попровѣдаю“.
Поѣхалъ Алёша во тѣ степи Саратоськи
Тима лѣсами всё дремучима,
Тима садами всё зелёныма.
Пріѣжаетъ въ тѣ сады въ зелёныя,
Онъ вѣдь смотритъ въ трубоцьку въ подзорную;
Увидалъ-то бѣлой шатёръ полотьненой,
Онъ спустилъ коня гулять да по чисту полю,
Самъ пошолъ къ тому шетру къ полотьнену,
Онъ вѣдь спряталсэ тутъ за старой дубъ;
Онъ стоитъ-то всё да тутъ выслушиватъ.
Шьчо не бѣлая-то лебедь, лебедь кикала,
Красна дѣвушка въ полону да слёзно плакала,
Плакучись-то вѣдь она да выговаривала:
„Какъ недѣлечька тому да поры-времени,
Когда я была въ доми во родительскомъ;
Я учясывала свою да буйну голову,
Уплетала не сама я трубчяту косу,
Уплетала у миня да родна маменька,
Уплетала-то она да приговаривала:
„Что ты поди, поди гуляй, да красна дѣвиця,

Что во тотъ-то во прекрасной садъ;
Не ходи-ко ты во ту стороночку во западну:
Не очунь давно-ка здѣсь случилосе—
Злыхъ тотариновъ за городомъ поимали-то“.
Тутъ пошла гулять я красна дѣвица;
Не исполнила-то приказанья рóдной маменькѣ,—
Захотѣлось посмотрять мнѣ во стороночку во западну.
Вдругъ не вѣтромъ по мнѣ ударило,
Какъ не громъ-то да прогремѣлъ-то вѣдь,—
Говорили тутъ троё тотариновъ:
„Мы вѣдь думали — не дождатьце-то сегодьне тибя, красна дѣвица;
Ты сама-то къ намъ да какъ зашла суда.
Увезёмъ тибя въ поганую въ землю, въ невѣрную,
Мы возьмёмъ кому-ли во супружесьво.
Какъ у насъ-то вѣдь вѣрá да есь вѣдь лёккая:
У насъ ненадоть мыть да лиця бѣлого,
У насъ ненадоть молитьце образамъ пречуднымъ-то
У насъ ненадобно хранить да среды, пятьници;
Какъ у васъ вѣдь на сьветой Руси
Привелось бы тебѣ, красна дѣвица,
Вытьти взамужъ-отъ за руського могучого богáтыря,
Хоть за купця-госьтя торгового,
Хоть за прожиточнёго простого за хресьянина,—
Тебѣ была бы вѣра-та тежолая:
Тебѣ надобно бы было мыть да лицо бѣлоё,
Какъ вѣдь ксьтить тебѣ твоё да лицо бѣлоё,
Поклонятьце вѣдь да чуднымъ óбразомъ“.
Они схватили миня красну дѣвицу,
Увезьли въ полонъ да во чистó полё,
Ись чистá поля въ Саратовськи да дики степи-ти“.
Какъ сидитъ-то красна дѣвушка, слезьми да уливаитце
А сама такіе рѣчи выговариватъ:
„Ты талань, талань моя несчасная,
Пала учесь моя несчестливая!
Ты куды, талань, у мня дѣваласе?
Ты въ темнóмъ лѣсу ли, въ лѣси заблудиласе,
Во жидкихъ ли мхахъ гдѣ, во болотахъ-то,
Во преглýбистыхъ тихихъ озёрахъ-то?
Во Дунай-рѣкѣ лежишь ты камешкомъ горючіимъ,
По синю ли по мóрю плаваешь ли сѣрой утицей,

На тихихъ заводяхъ-то плаваешь бѣлою лебедью?
Не оттуль ты улетѣла-то?
Прилетѣла ты ко матушкѣ къ сырой землѣ,
Зарывалась ты во матушку въ сыру землю,
„Не видать, сказала, тебѣ учесьти, да красна дѣвица!“
Одна на свѣти пала я несчасная
Изо всѣхъ изъ дѣвиць-то изъ подружочокъ!“
Говорилъ-то тутъ перьвой тотаринъ-отъ:
— Не плачь, не плачь, да красна дѣвиця,
Что ты руська молода поляночка!
Что на дѣлу̀ ли ты мнѣ достанисьсе,
Жаребью̀ ли ты мнѣ-ка выпадёшь—
Увезу я тибя во своё мѣсто,
Я срублю у тибя съ плечь да буйну голову.—
Выходилъ-то тутъ второй тотаринъ-отъ,
Говорилъ-то онъ тогды да таковы слова:
— Не плачь, не плачь, да красна дѣвица,
Не плачь ты, мла́дая поляночка!
Какъ вѣдь ты мнѣ-ка въ надѣлу̀ достанисьсе,
Въ жэрэбью ты мнѣ-ка выпадёшь,—
Увезу я тибя во своё мѣсто,
Возьму я тибя да за сибя взаму̀жъ,
Буду корьмить-то я тибя хлѣбомъ-то,
Ржанымъ-то вѣдь тибя хлѣбомъ съ мекиною,
Ишче буду корьмить говядиной кобыльёю,
Буду тибя поить водой болотною.—
Выходилъ тогда третьёй-отъ какъ тотаринъ-отъ,
Говорилъ-то онъ да таковы слова:
— Ты не плаць, не плаць, да красна дѣвица,
Не печалуйсе, красавица!
Какъ вѣдь ты мнѣ-ка достанисьсе,
Я возьму тибя да во замужесьво,
Увезу тибя, красотка, во своё мѣсто,
Буду корьмить тибя бѣлымъ хлѣбомъ всё круписьчетымъ,
Буду поить тибя той водой сладкой медовою;
Будёшь сидѣть у мня на стули рыта бархата,
Будутъ подносить тибѣ кушанья-ти разныя,
Приставлю я къ тибѣ многó служаночокъ.—
Услыхалъ-то эти рѣчи Алёшенька,
Выходилъ скорó въ чистó полё,
Онъ крычалъ коня своёго зычнымъ голосомъ,
Садилсэ скоро на добра́ коня;

Подъѣжаётъ ко шатру-ту ко бѣлому ко тотарскому;
Перьвóго-то тотарина мечомъ сколохъ,
Второго-то тотарина конёмъ стопталъ,
Третьёго-то тотарина живá спусьтилъ;
Бралъ онъ тутъ, да красну дѣвицу,
Посадилъ онъ ей да на добрá коня,
На добрá коня, да позади сибя,
Повёзъ онъ ей да въ красной Кіевъ-градъ:
„Повезу я тибя, да красна дѣвица,
Какъ ко ласкову ко князю ко Владимеру,
Премý-то я съ тобой да по златý вѣньцю;
Князь Владимеръ будётъ у миня за свата-та,
Апраксéнія-та будéтъ тебѣ свахою.
Извини-ко, красна дѣвица,—
Не спросилъ у тибя я про родъ-отъ, племя-то,
Началъ предлагать тебѣ о браки-то.
Ты какой земли да какого города?
Князя ли дочь ты, княжéвна-та,
Короля ли дочь ты, королевна-та,
Ты простого ли дочь всё хресьянина?“
Въ отвѣтъ отвѣчатъ да красна дѣвица:
— Я роду-племени-то есь да изъ Ростова-та,
Я того-то попа дочь соборного,
Что та-то я Настасья дочь Леонтьёвна.—
Тутъ Алёшенька сидитъ—незнашьто, что случилосе,
Ише что такое да приключилосе,—
Не призналъ-то братъ сестры родной!
Говорилъ-то онъ да таковы слова:
„Тепере нечево-то въ красномъ Кіеви будéтъ дѣлать-то“.
Поворачивалъ коня обратно-то
Какъ на ту-ли всё дорожочку Ростосьскую,
Повёзъ ей красну дѣвицю да къ отцу, къ матери;
Пріѣжалъ-то скоро въ славной Ростовъ-городъ.
Какъ увидали-то его честны родители,
Выходили, ихъ стрѣчали-то слёзами-ти;
Они не-знай утробѣли ли, возвеселѣли ли.
Собиралъ-то скоро батюшко его, родитель-отъ
Что пиръ-отъ почесснъ навéсели.
Какъ жилъ Алёшенька да у родителей
Какъ полъ-годика да поры-времени;
Потомъ поѣхалъ въ красной Кіевъ-градъ
Ко князю ко Владимиру.

65.

Соловей Соловьевичъ (Будимировичъ).

(У дѣда Василія Леонтьевича).

Изъ-за моря, моря синево,
Изъ-за синево моря Халынскаво
Выходило тутъ двѣнадцеть чёрныхъ кáраблей [1]).
Подходили тѣ карáбли ко городу ко Кіеву,
Заходили они подъ самой дворець да всё вѣдь княжеськой.
Хорошо-то ети карабли очунь были да убраны,
Они убраны были, всѣ позолочены,
Дорогима 'ни товарами да нагружóны-ти;
Ишше разны-ти товары всё заморскіи,
Разны́ матерьи-ти были шелкóвые,
Разны́ атласы были, бархаты,
Ише находился грузъ да красно золото,
Находилось во грузу да чисто сéребро,
'ше вѣдь было въ карабляхъ каменьё драгоцѣнное;
Разны́ мѣхи были—для зимы-то шить на шубы—разные.
Онъ [2]) скоро выкинывалъ-то тѣ мосты дубовые
Какъ со своихъ караблей чернёныхъ-то,
Онъ мосьтилъ-то 'вёрхъ до дворца-то вплоть до князева,
Выстилалъ-то онъ сукна разныя заморьскіе;
Онъ вѣдь нёсъ въ подарки мису перьво красна золота,
Что вторую—чиста сéребра,
Что третьюю мису-ту каменья-та драгочѣнного;
Ещó-то нёсъ въ подарокъ князю всё Владимиру
Ише тѣхъ разныхъ мѣховъ заморьскихъ-то,
А кнеинѣ Апраксеинѣ всё матерьи нёсъ на платье всё шолкóвой-то.
Заходилъ-то онъ скорó ко князю на широкій дворъ,
Онъ допросилъ-то всѣхъ его придворьниковъ [3]),
Чтобы́ долóжили объ ево приходи князю Владимеру,
Ему льзя ли да зайти въ его палаты кнеженесьскіи.
Не ослышились князя [4]) придворьники,
Онѣ пошли скорó-то князю всё долóжили
О ево да всё приходѣ-то;

---

[1]) У его (Соловья) отмѣнной былъ карабль: носъ былъ потуриному. Прим. *А. М. Крюковой.*

[2]) Соловей. *Собир.*

[3]) „Придверники" смѣшаны съ „придворными". *Собир.*

[4]) Т. е. князевы. *Собир.*

Какъ бѣгутъ-то они скоро-то съ изьвѣстіимъ:
„Васъ просилъ-то вѣдь Владимиръ, велѣлъ низко кланетьце;
Заходи ты въ ево пóлаты-ти кнежененьскія“.
Какъ пошолъ скорó Соловей сынъ Соловъевъ-отъ,
Онъ заходитъ-тó въ полату кнеженесьскую;
Онъ вѣдь молитце вѣдь тутъ Спасу пречистому,
Онъ вѣдь здраствуётъ-то онъ съ князёмъ Владимеромъ,
Подаётъ-то онъ ему да ручку правую,
А княгинѣ подаётъ да ручку лѣвую;
Во вторыхъ-то подаётъ ему подарки въ подареньице.
За такія-ти подарки очунь важныи
Что скакалъ-то князь Владимиръ на свои-ти ножки рѣзвыя,
Подьвигалъ да свой вѣдь стулъ онъ рыта бархата,
Онъ садилъ-то дорога госьтя пріѣжжого,
Самъ сказалъ ему-то онъ да такую-ту рѣчь:
„Я не знаю, чѣмъ буду тебя да всё отдаривать;
Какъ мнѣ тибя краснымъ золотомъ дарить, да у тибя-то своего да очунь много-то;
Подарю-то я тибя разьвѣ, въ подарокъ тибѣ всё поздраствую,—
Въ каждомъ городи торгуй безъ дани-пошлинѣ,
Хоть во Кіеви торгуй, хочь во Черни-горѣ;—
Везьдѣ тебѣ всё воля вольняя.
Хоть ты гдѣ-ка хошь, туда и населяйсе-ко,
Ты бери себѣ въ подарокъ города, которы подо мной-ту есь“.
— Ненадоть мнѣ твоихъ разнúхъ городовъ всё въ подаркѣ-то;
Ты дай мнѣ только, князь, да дозволеньицо,
Дай мнѣ-то матушки сырой земли состроить себѣ дворецъ хрустальнѣй-отъ.—
„Тебѣ даю я всё да дозволеньице;
Ты построй ево, куда желаешь-то—
Хоть возьлѣ мой двóрецъ княженеськой-отъ“.
— Я желаю-то построить себѣ дворецъ да во твоёмъ-то, князь, да зеленóмъ саду;
Какъ во томъ саду да во зелéномъ-то
Растутъ-то всяки дрéва-ти прекрасные.
Не ради я гулянки хóчу дворъ состроить-то,—
Для того, чтобы мнѣ видать въ саду твою племянницу,
Что вѣдь мóлоду Забáву дочь Путятичну.—
Ишше строилъ скоро онъ дворецъ хрустальніи,
Изукрасилъ онъ его да краснымъ золотомъ,

Снарядилъ его каменьёмъ драгоцѣннымъ-то.
Какъ въ одну-то пору-то, время къ вечеру,
Когда пошло-то красно-то солнышко къ закату-ту,
Захотѣлось тутъ вѣдь красной дѣвицѣ,
Что молодой Забавы дочь-Путятичнѣ
Погулять-то ей да въ зеленомъ саду;
Не гулять-то ей дѣвицы захотѣлосе,—
Посмотрять-то дворца да всё Соловьева.
Она проситъ-то дозволенья у своего дяденьки родимого,
Что у князя всё да у Владимира.
Какъ даётъ-то князь её да дозволеньицо,
„Ты иди, иди, любяшшая мила племянница:
Что молода Забава дочь Путятична,
Сходи ты разгуляйсе въ зеленомъ саду;
Смотри же ты, племяньница, ты много не загуливайсе:
Что есь во Кіеви народу-то вѣдь всяково:
Езь живутъ которы въ Кіеви—народъ-отъ нашъ, всё кіевскій;
Тово болѣ-то у насъ есь пріѣжаюшыхъ,—
Чтобъ не подсмотряли 'нѣ тибя, да красна дѣвица.
И ты не пой-ко-се, Забава, весёлыхъ пѣсёнъ да заунывныхъ-то,
Не примани своима пѣсьнеми удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Ты своихъ богатырей да всё вѣдь кіевскихъ,
Ишчё не прельстились на тибя пріѣжаюшши".
Тутъ-то скоро вѣдь князь-отъ вышолъ изъ её-то, онъ изъ комнатѣ,
Онъ пошолъ-то, будьто съ нею роспростилсэ-то:
„Ты гуляй, моя племяньница, да всё погуливай;
Тибѣ пусьть твоя гулянка пощестливитъ-то".
Тогды скоро-то Забава снарежаласе,
Поскорѣе-то она да одѣваласе,
Она пошла-то скоро въ зеленъ садъ гулять;
Не очунь долго въ саду она гуляла-то,
Она пошла скоро къ дворьцу да къ Соловью-то вѣдь,
Подошла-то ко окошечку его косисьчету,
Становилась она, что послушала;
Что во перьвой-то ево да было комнатѣ—
Какъ слышитъ—бречитъ-то что-то, сыплетце.
Подошла она ца ко второй ко комнати;
Во второй-то, слышитъ, комнатѣ
Тутъ читатъ-то ево матушка молитвы-ти,
Всё читатъ она да Богу молитце.

Подошла она да къ третьёй комнатѣ;
Въ той сидѣлъ-то комнатѣ да Соловей-отъ какъ,
Онъ наигрывалъ всё во струну-ту,
Росьпѣвалъ-то пѣсьни разные.
Увидалъ онъ ей тутъ красну дѣвицу,
Онъ вѣдь ставалъ скоро со стула рыта бархата,
Выходилъ онъ тутъ да во зелёной садъ.
Онъ просилъ-то зайти къ себѣ Забаву-ту Путятичну:
„Ты пойдёмъ ко мнѣ въ полаты-ти, зайди-ко посмотри у мня,
Хорошо ли онѣ у мня убраны“.
Тутъ стоитъ Забава, прироздумалась,
Не знатъ, ли посѣтить ево, не посѣтить ево;
Роздумалась она своимъ умомъ-то вѣдь:
„Я схожу, зайду къ нему да посмотрю-то вѣдь
Какъ ево-то строенья, въ доми убранства-та“.
Заходила ’на къ ему въ ево высóки комнатѣ;
Онъ садилъ ей на стулъ да рыта бархата,
Наносилъ-то ей вѣдь всякихъ разныхъ сладосьтей:
„Много времени я жилъ вѣдь всё вѣдь нà сьвѣтѣ,—
Не видалъ я такихъ людей хорошихъ-то,
Какъ вѣдь васъ, Забава дочь Путятична.
Изьвините-тко-се, што я вамъ всё скажу-то вѣдь:
Я хочу на васъ вѣдь сватат͡ьце у дядюшки;
Вы жалаите ли за меня итти въ супружесьтво?
Вы вѣдь отвѣтьте-тко, дайте мнѣ скорóй отвѣтъ“.
Тутъ Забава испугаласе,
Горючьмú слезьми да обливаласе;
Она ставала скоро со стула рыта бархата,
Благодарила ево, сама скоро вонъ пошла.
Пришла она не очунь вéсела;
Замѣтили всѣ ей [1]) тутъ няньки, мамкѣ-то:
„Отьчево сегодьне у насъ Забава невесёлая,
Что сь ней такó да приключилосе?“
Донесьли объ томъ-то дяденьки родимому,
Тому-ли князю всё вѣдь кіеському Владимеру.
Приходитъ къ ней её вѣдь дяденька родимой-отъ,
Онъ спрашиватъ у ей да всё выспрашиватъ:
„Очево севодьне у меня, племяньница, ты очунь скучная?
Кто тебѣ въ глаза разьвѣ́ да насмѣялсэ-то?“
Отвѣчатъ-то тутъ Забава дочь Путятична:

---

[1]) Винит. пад. *Собир.*

— Что некто мнѣ въ глаза не насмѣялсэ-то,
Некто не исъ твоихъ не изъ богáтырей;
Насьмѣялсэ надо мной да Соловей-отъ всё:
Во глаза-ти мнѣ да красной дѣвицы
Говорилъ-то мнѣ онъ всё да о супружесьтвѣ.—
Отвѣчать-то ей да князь Владимеръ-отъ:
„Это не смѣялса, говорилъ онъ правду-исьтену.
Ежель станетъ у меня да онъ вѣдь свататься,
Я отдамъ тебя за ево, Забава дочь Путятичня“.
Самъ вѣдь вышелъ скоро князь-отъ отъ племяньницы;
Вдругъ идётъ-то Соловей къ ему да на широкой дворъ,
Проходилъ скоро въ полаты кнеженесьскiя,
Доступалъ онъ до князя до Владимира.
Говоритъ князь таковы рѣчи:
„Ты садись-ко, мой да дорогой-отъ госьть“.
— Не сидѣть къ тебѣ я, князь, пришолъ-то вѣдь,
Я пришолъ къ тебѣ да сватомъ сватацэ
На твоей-ли на племяньницы.
Ты отдай за мня Забаву-ту Путятичну.—
Покатились тутъ изъ глазъ князя горючи́ слезы́;
Онъ ставалъ скорó-то князь да на рѣзвы́ ноги,
Тутъ пóдалъ князь ему да ручку правую,
Онъ просваталъ тутъ Забаву-ту Путятичну.
Говоритъ Соловей да таковы рѣчи:
— У насъ пушай будётъ свадбá черезъ мѣсяць-отъ;
Въ ту пóру я вѣдь съѣжжу за синé море,
За синé морé да въ свою родину,
Роспродамъ тамъ свóе я имѣньицо.—
Тутъ онъ скоро-то какъ съ князёмъ роспрошалсэ-то,
Отправлялсэ онъ за мóрё на трёхъ на чёрныхъ кáрабляхъ.
Какъ прошла-то ета славушка по всей землѣ,
Дошла-то ета слава до невѣрной до земьлѣ,
Что Забава на Руси-то ’на засватана.
Тутъ скоро собиралсэ царь невѣрной-этъ,
Ишше тотъ-ли всё царишшо Грубiянишшо:
„Что нѣтъ теперь во Кiеви да Соловья-та какъ,
Какъ сильнево-то руськово богáтыря“.
Отправлялсэ на дьвѣнадцети да чёрныхъ кáрабляхъ
Итьти войной подъ князя Владимера,
Самъ онъ невѣрной царь да похваляитце:
„Я повыжгу-то весь красной Кiевъ-градъ,
Я князя-та Владимера—сказьню ему да буйну голову,

Ежли не отдастъ за меня взамужъ племяньницы“.
Онъ пошолъ-то скоро царь на чёрныхъ кáрабляхъ,
Заходилъ онъ скоро во городъ всё во Кіевъ-отъ,
Што на ту-ли всё на матушку на Нѣпъ-рѣку;
Онъ бросалъ въ воду якори всѣ булатные,
Какъ выкйнывалъ сукнá заморскіе,
Самъ писалъ онъ князю скору грамоту:
„Что отдай, отдай, князь, за меня взамужъ племяньницу,
Безъ бою отдай ты, драки-кроволитія.
Не отдашь, князь, за меня да сь чесьти, съ радосьти,—
Я боёмъ возьму да ей вѣдь красну дѣвицу“.
Посылалъ скорó посла-та онъ тотарина:
„Какъ которой-то сосваталсэ на Забавы-то,
Онъ у мня-то у царя да всё пойманъ-то,
Посажонъ у мня да въ тёмну тёмьницу;
Отобралъ я всѣ товары въ дань-ту, въ пошлину“.
Какъ пошолъ посолъ тотарьничокъ;
Какъ посылалъ ево да съ скорой грамотой:
„Ты отдай-ко эту грамоту князю Владимеру;
Ты немного сь нимъ да розговаривай.
Дай-ко строку ты ему на едну только недѣлёчку“.
Приходитъ тутъ всё злой тотаринъ-отъ
Къ широку двору да княженесьскому;
Онъ не спрашивалъ у дьверей да всё придверниковъ,
У воротъ-то всё да караульшиковъ,
Онъ бросалъ ихъ всѣхъ да въ сторону;
Безо всякого-то дозволенья пошолъ въ полаты княженесьскія.
Онъ не кьститъ своево лица тотарсково,
Онъ не клаheитце князю-ту Владимеру,
Говоритъ грубó таки слова:
„Принимай-ко, князь, у мня да скору грамоту,
Содержи-ко мнѣ отвѣтъ скорѢ“.
Принималъ-то скоро князь да эфту грамоту,
Приказалъ-то онъ вѣдь скоро роспечатывать,
Приказалъ князь поскорѣе грамоту прочитывать,
Вдосталй-то онъ вѣдь взялъ да во свои руки,
Прочиталъ-то онъ да скору грамоту,
Прочиталъ—да слёзы 'зъ глазъ у éго покатилисе:
— Ужъ ты тотарьничокъ, да всё тотаринъ-ты!
Ужъ вы дайте мнѣ-ка строку на три годичка.—
„Не даю тебѣ строку на три годичка“.

— Ты вѣдь дай мнѣ-ка строку на три мясеця.—
„Я даю тебѣ вѣдь строку только на одну недѣлёчку".
— Я тогда отдамъ свою племянницу за вашого царя невѣрного.—
Тогда на то тотаринъ согласилсэ-то,
Какъ ушолъ съ извѣсьтіёмъ къ царишшу всё невѣрному.
Какъ вѣдь князь Владимеръ-отъ сидитъ задумалсэ;
Говоритъ-то онъ своей племяньицѣ:
„У насъ нѣтъ въ живыхъ-то Соловья теперь:
Хоть сидитъ онъ, посажонъ да въ тёмной тёмницѣ,
Заморятъ они его да всё вѣдь зъ голоду".
Какъ вѣдь день прошолъ, и второй прошолъ;
Какъ приходитъ-то третёй-то день,
Вдругъ бѣгутъ ко князю со изьвѣсьтіемъ,
Что пришолъ онъ Соловей изъ-за синя́ моря,
Привёзъ-то онъ опять товаровъ разныхъ-то заморьскихъ-то:
Получилъ-то эту вѣсьть, да князь возрадовалсэ:
„Что постоитъ теперь Соловей за меня за князя за Владимера,
Онъ вѣдь выручитъ меня изъ рукъ царишша всё невѣрново.
Только тѣмъ теперь я мучáюсь-то—
Не случилось некаково у меня богáтыря;
Они уѣхали-то всѣ да во чистó полё".
Вдругъ идётъ-то Соловей-то скоро самъ на дворъ,
Заходилъ онъ скоро ко князю ко Владимеру.
Ише тутъ скакалъ князь скоро на рѣзвы́ ноги,
Онъ здоровалсэ да съ Соловьёмъ-то вѣдь.
„Ты постой-ко, Соловей, за меня князя Владимера,
Побѣди-ко-се царишша всё невѣрново,
Выручи миня князя да изъ неволюшки".
Какъ немного Соловей тутъ розговаривалъ,
Поворотъ держалъ да скоро вонъ пошолъ.
Роскипѣлось у ево серьцо да богатырьское,
Росходились у ево плечи могучія;
Онъ хваталъ-то скоро саблю вострую,
Онъ бѣжалъ-то скоро на чёрны-ти тотарски всё на кáрабли,
Онъ вѣдь прирубилъ всѣхъ тотаровей;
Самово-то онъ царишша Грубіянишша—
У живого глаза выкололъ;
Самъ пошолъ скорó ко князю со изьвѣсьтіемъ.
Собиралъ-то тутъ вѣдь князь на радосьти почёстной пиръ.
Послѣ пиру-ту посьлѣ этово

Отдавалъ за Соловья племянницу любимую,
Ише ту-ли онъ Забаву-ту Путятичну.
275. Сходилъ Соловей-отъ со Забавой въ Божью церьковь-ту;
Принели онѣ да по злату́ вѣньцю.

III.

Гаврило Леонтьевичъ Крюковъ, старикъ 77-ми лѣтъ, неграмотный. Старины онъ сталъ заучивать еще мальчикомъ, когда ему приходилось сиживать со стариками на тоняхъ. Для того чтобы запомнить старину, ему нужно было, по его словамъ, раза два ее прослушать да пропѣть вмѣстѣ со сказателемъ. Лѣтъ 17-ти онъ нанимался покрученникомъ къ одному крестьянину села Койды (на Мезенскомъ берегу), и тамъ слышалъ много старинъ, но теперь эти старины почти совсѣмъ забылъ. Бо́льшую часть своихъ старинъ онъ перенялъ, когда промышлялъ морскихъ зрѣрей въ одной артели съ золотицкими крестьянами: Андреемъ Тимоѳеевичемъ Яры́мъ, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Голу́бинымъ и хромымъ Григоріемъ Гри́бой; особенно много онъ обязанъ Яро́му, крестьянину Верхней Золотицы, который въ качествѣ хозяина лодки сидѣлъ на кормѣ и, хотя былъ плохимъ промышленникомъ, зато дни и ночи сказывалъ старины. Всѣ эти старики умерли уже лѣтъ 50 тому назадъ. Нѣсколько старинъ Крюковъ перенялъ у крестьянъ, которые приходили покрученниками съ верхней Мезени. До 62 лѣтъ онъ жилъ въ одномъ домѣ со своимъ братомъ Василіемъ, причемъ 12 лѣтъ ему пришлось прожить вмѣстѣ съ Аграфеной Матвѣевной (біогр. I), но ни она у него, ни онъ у нея старинъ не перенимали, хотя они и знаютъ нѣкоторыя отличія своихъ пересказовъ. Его старины представляютъ значительную разницу и сравнительно со старинами его брата, записанными мною по пересказамъ Аграфены и ея дочери (II). Жена Гаврилы Леонтьевича умерла, когда еще его единственному сыну было 4 года, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ вдовцомъ. Лѣтомъ оба брата занимались ловлею семги и не ѣздили въ Норвегію ни на своихъ, ни на чужихъ судахъ. Только ихъ сыновья, когда уже подросли, пріобрѣли себѣ суда. До раздѣла стариковъ сынъ Гаврилы Леонтьевича ходилъ

за трескою въ ладьѣ, затѣмъ продалъ ее и сработалъ себѣ шкуну, а теперь онъ ходитъ на яхтѣ, поднимающей 8 тысячъ пудовъ. Семенъ Васильевичъ (мужъ Аграфены) до раздѣла также плавалъ въ Норвегію 5 лѣтъ въ раньшинѣ, но потомъ она погибла въ океанѣ, а построить новое судно у него не хватаетъ средствъ.

Крюковъ до сихъ поръ еще работаетъ и имѣетъ видъ сравнительно бодраго старика; волосы у него совсѣмъ черные, и только борода посѣдѣла. Жизнь ведетъ онъ очень строгую: не только не пьетъ вина и не куритъ, но даже вмѣсто чая пьетъ мяту, заваривая ее горячей водой. Поетъ онъ старческимъ голосомъ и немного шамкаетъ, но напѣвы у него ясны и лишены детонированія. Какъ замѣчательный сказатель, онъ славится въ обоихъ селахъ Зимней Золотицы. Изъ былинныхъ героевъ онъ никогда не слыхалъ именъ: Соловья Будимировича (или Соловьевича), Ставра, Ивана Гостинаго, Сухмана, Вольги и Микулы, Волха Святославьевича, Чурилы Пленковича и Василія Буслаевича; Садка онъ слышалъ лишь отъ Пономарева (VII). Кромѣ предлагаемыхъ старинъ, онъ знаетъ: 1) Неудавшаяся женитьба Алеши, 2) Дюкъ, 3) Козарушко, 4) 9 разбойниковъ и ихъ сестра, 5) Небылица, а можетъ быть, и нѣкоторыя другія. На Мезенскомъ берегу онъ слыхалъ двѣ старины о Сенькѣ Разинѣ, но теперь спѣть ихъ не можетъ: 1) о томъ, какъ астраханскій губернаторъ засадилъ Разинова сына въ тюрьму [1]; 2) какъ Разинъ въ темницѣ рисовалъ на стѣнѣ лодку, приглашалъ своихъ товарищей въ нее сѣсть и уѣзжалъ изъ тюрьмы [2]; ловилъ руками и бросалъ назадъ пули, которыми въ него стрѣляли; долго его не могли поймать; онъ убивалъ только начальство, а простыхъ людей не трогалъ.

66.

Святогоръ и Илья Муромецъ [3].

(Слышалъ въ с. Койдѣ, лѣтъ 60 тому назадъ).

Святогоръ съ Ильей Муромцемъ ѣздили по полю и наѣхали гробъ во чистомъ поли. „Илья Муромецъ“, говоритъ Святогоръ, „повались въ этотъ гробъ“. Илья Муромецъ повалилсэ,—гробъ

---

1) См. въ „Пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ“, вып. VII, 34.

2) См. ib , Доп., 142.

3) Почти дословная передача разсказа Крюкова, который говорилъ, что въ Койдѣ о Святогорѣ *пѣли* длинную старину; но въ его памяти уцѣлѣлъ лишь этотъ эпизодъ. *Собир.*

ему широкой, долгой и высокой. Святогоръ повалилсэ—какъ есть по ёмъ; сталъ ставать—стать не можетъ: „Илья Муромецъ, россшиби гробъ, сшиби крышу". Илья Муромецъ стегнулъ саблей по гробу, а на крышѣ сдѣлалсэ обручъ желѣзной; онъ другой разъ стегнулъ и третей разъ,—гробъ въ трёхъ обручахъ и сдѣлалсэ. „Видно", говоритъ Святогоръ, „судьба моя—померетъ въ чисто́мъ поли".

67.

Исцѣленіе Ильи Муромца [1]).

Какъ во городи было во Муроми, во сели́-то Карачёеви, а жилъ-то Иванъ да Тимоѳеевичь. Родилось у его да чадо милоё, чадо милоё Илёюшка. Росъ-то Илеюшка тридцеть лѣтъ—некакой отцю-родители помоши не было, не пособлялъ,—всё на печи сидѣлъ. Мать-та у е̇го ушла садовъ полоть. Вдругъ пришло подъ окошочко двѣ калики перехожія, перехожи двѣ калики, переброжія, сами говорятъ да таковы слова, таковы слова да таковы рѣчи: „Ужъ ты гой еси, Илеюшка сынъ Ивановичь! сойди-ко-се со печки съ кирписьнія".—Ужъ вы гой еси, калики перехожія! не могу-то я сойти съ пецьки-мура́вленки: не служатъ мои ножки рѣзвыя; сижу-то я ра́вно тридцеть лѣтъ.—„А гдѣ твой-отъ отецьбатюшко?"—Мой отець-батюшко да полё чисьтитъ, а ломатъ ду́бье съ ко́реньемъ изъ матушки изъ сырой з̇емли.—„А пойди, говорятъ, запусьти насъ въ домъ свой, отво́рь намъ да красно́ крыльцё".—А куды я, братцы, пойду, коль не могу я на́ ноги стать?—„Спусьтико ты рѣзвы́ ноги съ пецьки". Сталъ-то онъ ногами пошевеливать, сталъ онъ ноги поздыѝывать,—у его ноги не постарому, не попрежному. Сталъ-то Илеюшка на рѣзвы́ ноги, пошолъ-то Илеюшка на новы́ сѣни, отво́рилъ имъ крыльчё, запусьтилъ-то каликъ да перехожихъ. Заходили-то калики къ Ильи Муромцю въ свѣтлы свѣ̆тлици, во столовы новы горьници. Говорятъ-то калики таковы рѣчи: „Ужъ ты гой еси, ста́ра ты старыньшина! нѣтъ ли у тебя пивця да намъ напитисе?" Взялъ-то онъ пивну́ чашу, шолъ онъ на погребъ, чѣдилъ-то пива хмѣльнёго; наці̆дилъ-то онъ пива хмѣльнёго, принесъ-то каликамъ перехожима. Какъ попробовали калики пива хмѣльнёго:—„На-тко, выпей, Илеюшка, отъ насъ да пива хмѣльнёго". Взялъ-то Илеюшко братыню съ пивомъ хмѣльніимъ, выпивалъ-то братыню на единой духъ. Спросили: „Шьто въ собѣ чуёшь?"—Чую я силушку вели́ку въ собѣ.—„Начѣди-ко

[1]) Это, по словамъ Крюкова,—не старина, а *роскавъ*, который помѣщенъ въ книгахъ, но слышалъ онъ его отъ золотицкихъ стариковъ. *Собир.*

намъ́ вторý чашу." Принёсъ онъ втору чашу; дали ему калики выпить второй разъ. Выпилъ втору чашу,—чюю я, говоритъ, въ себѣ силу велику весьма.—„Принеси-ко, говорятъ, третью́ чашу." Принёсъ-то третью́ чашу; зачялъ пить Илеюшко третью́ чашу,— не́ дали ему выпить чашу: „Не будетъ тебя подымать матушка сыра земля. Велику ли ты можешь силу?"—Кабы въ сыру землю былъ ввёрнутъ столбъ и укрѣплёнъ въ тверди небесной, взялъ бы я всю землю бы перевернулъ.— Да сказали тутъ калики перехожія: „Будь ты богáтырь—въ чистóмъ поли стоéть за вѣру православную." И затужилъ, заходилъ Илья Муромецъ: „Нѣтъ-то у меня добрá коня, добрá коня по моёму по личю!" Вдругъ идётъ человѣкъ, ведётъ жеребёночка—какъ снѣгу бѣлого, хвостъ, грива у ёго чёрная, весь-отъ въ шóлудяхъ. „Какъ я эти буду шóлуди сживать?"—А катай, говоритъ, въ трёхъ зоряхъ въ трёхъ росахъ утряныхъ,—вси сойдутъ.—Приходитъ его рóдна матушка изъ тогó саду́. Онъ сѣдитъ на печи опеть. Сама говоритъ таковы рѣчи: „Надо итти нести, Ивану Тимоѳеевичу нести па́ужинать. Послать-то некого, а самой итти-недосугъ". Говоритъ-то Илья:—Ужъ ты гой еси, рóдна матушка! дай-ко я снесу родну батюшку.— „Какъ же ты хочешь нести? нѣтъ у тебя рѣзвыхъ ногъ." Онъ скóчилъ съ пéчи кирпичьнія; увидала тутъ его рóдна матушка. Понёсъ-то въ чистó полё, отцю понёсъ па́ужину (онъ тамъ съ робочима робитъ). Приходитъ къ батюшку на чи́шшенье; увидѣлъ его родной батюшко, весьма-то онъ обрадовалсэ, Бога тутъ прославилъ, пречисту-ту матерь Богородицу. Сѣлъ-то его батюшко закусывать, а пошолъ-то Илья Муромецъ ду́бье чистить; дубье-то рвётъ изъ матушки сырой земли совсимъ съ кóренемъ. Говоритъ-то рóдной батюшко: „Этотъ, видно, сынъ у меня будетъ ѣздить во чистóмъ поли, во чистóмъ поли будетъ поля́ковать, и не будетъ ему поединщичка".

68.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

А какъ перьвая была поѣздка Ильи Муромця
А изъ Мурома до Кіева.
А какъ клалъ-то онъ да промежь собой вѣдь заповѣдь
Межь заутреней поспѣть къ обѣдни воскресеньскія.
А пошолъ-то онъ да на широкой дворъ,
А сѣдлалъ, уздалъ своёго коня, да лошадь добрую:
Шьто накладывалъ на спину лошадиную-ту войлучокъ,
А на войлучокъ накладывалъ сѣдёлышко черкальское,

Вотъ затёгивалъ-то онъ двѣнадцеть отýжинокъ,
А застегивалъ-то онъ двѣнадцеть пряжочокъ;
’шше отужинки были шелкóвыя,
А какъ пряжочки былй да золочёныя,
А какъ шпёнышки были булатныя,
А того-то бѣлого булата заморьского,—
Шьто не ради-то красы, да ради крѣпости,
Ради тэхъ-то пришпѣховъ богатырськіяхъ.
Онъ приковывалъ-то палицю ко стремену булатному;
А ка клалъ-то онъ къ палици заповѣдь великую,
Шьтобы отъ Мурума до Кіева-то палици-то не отковывать.
А какъ одѣвалсэ доброй молодець да въ платьё богатырськое,
А прошшалсэ онъ съ отцёмъ да съ рóдной матушкой:
„Ты прошшай-ко-се, да мой рóдной батюшко!“
Онъ вѣдь лёкко скакалъ да на добрá коня.
А какъ видѣли тутъ молодца сряжаючись,
А не видѣли-то ёго поѣздки богатырськія.
Онъ поѣхалъ изъ города изъ Мурома,
Изъ того жо села да Карачаёва.
А какъ подъѣзжаётъ къ городу къ Черни-городу,—
Тутъ стоитъ-то подъ Черни-городомъ сила великая,
А хотятъ-то розбить, розорить-то городъ Чйженецъ,
А Божьи церквы хочютъ да подъ конюшни взеть.
А сидитъ то старой на добрóмъ конй да призадумалсэ:
„А шьто клалъ-то я собѣ-то заповѣдь великую,
Шьто отъ Мурома до Кіева да палечи-ты не отковывать;
Какъ прости меня Господь да въ таковой вины!
Я не буду болѣ-то класть заповѣди великія“.
Отковалъ-то онъ вѣдь паличю тяжолою,
Онъ вѣдь постёгалъ коня да по крутымъ бедрамъ,
А заѣхалъ во ту силу великую;
А да вперёдъ махнётъ, дакъ здѣлатъ улицей,
А назадъ махнётъ—дакъ переулками;
Коё бьётъ, больше конёмъ всё мнётъ.
Онъ прибилъ, притопталъ всю силу великую.
Говорятъ-то мужики черногорци,
Они говорятъ да таковы рѣчи:
„Ужъ какъ съ нёба намъ послалъ Господь-отъ аньгела“.
А други-ти: „нѣтъ не аньгела Господь послалъ,
А намъ пóслалъ Богъ-то руського могучего богáтыря“.
А какъ стрѣчаютъ, мужики-ти города Черни-города,

А стрѣчеютъ, отпираютъ ёму ворóта городóвыя,
А стрѣчеютъ, ёму низко клáнетьсе:
„А приди ты къ намъ хошь князёмъ живи въ Черни-городи, хошь бояриномъ
Хошь купцёмъ у насъ слови, гостемъ торговыма.
Мы вѣдь много даимъ тебѣ золотой казны несчётныя“.
Говоритъ-то старой таковы рѣчи:
—Не хочу-то у васъ-то жить не князёмъ, не бояриномъ,
Не купцёмъ, гостемъ торговымъ жа;
Мнѣ ненадобно-то ваша золота казна несчётная:
Золотой казной мнѣ вѣдь не откупатисе!
Тольке вы скажите въ красенъ-отъ Кіевъ-градъ дорожку прямоѣзжую:
Кольке времени ѣхать какой дорогою?—
„Прямоѣзжой дорогой надоть ѣхать три мѣсеця,
А окольною дорогой надоть ѣхать три года;
Заросла-то прямоѣзжая дорожка равно тридцеть лѣтъ,
Заросла-то она лѣсымъ тёмнымъ жа;
А какъ есь на ей три заставушки великія:
А какъ перьва-та застава—лѣсы тёмныя,
А втора-та застава—грези чёрныя,
А какъ третья-та застава есть вѣдь рѣченька Смородинка,
А у той-то у рѣчки есть калиновъ мостъ;
А тутъ есть-то, тутъ Солóвьюшко живётъ Рохмáньёвичъ;
А сидитъ-то Соловьюшко да на девети дубахъ,
А какъ ревётъ-то Соловéюшко да позвѣриному,
А свиститъ Соловейко посоловьиному,
А сидитъ-то собака, шипитъ онъ позмѣиному.
А не конному, не пѣшому проходу нѣтъ,
А не сѣрому волку́ прорыску нѣтъ,
А не ясному сокóлу пролёту нѣтъ“.
—Ну, спасибо-тѣ, мужики, за дорожку прямоѣзжую!—
Онъ поѣхалъ по той дороги прямоѣзжою.
А какъ онъ пріѣхалъ къ лѣсу тёмному,
Сходилъ-то онъ да со добрá коня,
А лѣвóй рукой-то онъ коня ведётъ,
А правóй рукой дубье рвётъ да вѣдь съ кóринёмъ,
Съ коринёмъ рвётъ да вѣдь мостъ моститъ:
Онъ проѣхалъ-то лѣсы тёмныя,
А проѣхалъ-то онъ да грéзи чёрныя,
А доѣхалъ до той жа рѣчиньки Смородинки.
Какъ увидялъ ёго Соловьюшко Рахманьевичъ,

Зашипѣлъ-то [1]) Соловьюшко посоловьиному,
Заревѣлъ-то Соловьюшко да позвѣриному,
Какъ вѣдь зашипѣлъ онъ Соловьюшко позмѣиному;
Ише мать сыра земля да потрёсаласе,
А сырó дубьё да пошаталосе;
Какъ потнулсэ ёго конь, на колѣни палъ
А отъ того отъ свисту соловьиного,
А отъ рёву-ту онъ отъ звѣриного.
А какъ билъ онъ коня да по крутымъ бедрамъ:
„Ужь ты волчья пасть [2]) да травяной мѣшокъ!
Не слыхалъ ты разѣ свисту соловьиного,
Не слыхалъ ли ты реву звѣриного,
А не слыхалъ шипотку-ту всё змѣиного?“
А какъ бралъ-то онъ да свой розрывчатъ лукъ,
Натягалъ-то онъ тетивоньку шолкóвую,
А накладывалъ-то онъ стрѣлочку калёную,
Самъ ко стрѣлочки да пригóваривалъ:
„А лети моя стрѣла да по-подъ-небёса,
А не падай не на воду, не на землю, не въ сы́рой дубъ,
А пади-тко-се Солóвьюшку во правой глазъ“.
А какъ полетѣла стрѣлочка да по-подъ-нéбеса,
А какъ падала стрѣла не на воду не на землю, не въ сы́рой дубъ,
Она падала стрѣлочка Соловьюшку во правой глазъ.
А какъ падалъ Соловьюшко да на сыру землю;
Подъѣзжалъ тутъ старая стари́ньшина да подъ Соловьюшка,
А приковывалъ-то Соловьюшка да за бѣлы́ руки,
Подымалъ Соловьюшка да на добрá коня,
А приковывалъ ёго ко стремену булатному,
А подымалъ онъ Соловьюшка-то на добрá коня;
А поѣхали они ко городу ко Кіеву.
А какъ мимо ѣхали Соловьево высокое подворьицё,
А высокое-то дворьицё, высокъ теремъ;
Какъ увидѣли Соловьюшка да рóдны дочери,
А больша-то говоритъ: „какъ батюшко-то ѣдётъ, мужика везётъ“.
Да втора-то сёстра говоритъ: „то — мужикъ-отъ, ѣдётъ, везётъ батюшка“.
А какъ ѣдутъ они къ Соловьюшку да къ широку́ двору,

---

[1]) Вмѣсто „засвистѣлъ-то“. *Собир.*
[2]) Вмѣсто „сыть“. *Собир.*

Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
А хотѣла убить да Илью Муромця;
Подхватилъ-то старый казакъ да Илья Муромець да подворотину,
Ухватилъ-то ей да изъ бѣлыхъ-то рукъ;
Тутъ онъ хватилъ своё востро́ копьё,
А сколо̀лъ-то его большую дочь.
Говоритъ Соловьюшко Рохманьёвичъ:
„Ужъ вы гой еси, мои дочерья любимыя!
Не грубите, не гнѣвите серьдца богатырьского;
Выкупайте мня да изъ неволюшки:
Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
А три-то мисы чиста се́ребра,
Насыпайте три-то мисы мѣди, всё коза́рочки“.
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
А не зашолъ-то онъ къ Соловьюшку въ высокъ теремъ.
А пріѣхалъ въ славной Кіевъ-градъ,
Ко ласкову пріѣхалъ князю на широкой дворъ,
Какъ вѣдь соходилъ-то со добра́ коня,
А вязалъ-то коня да середи двора,
Середи двора къ дубову столбу да къ золсту кольчю;
Какъ заходитъ на крылечико косисчято,
Со красна́ крыльця въ полаты княженецькія;
А онъ крестъ-отъ кладётъ да по писа̀ному,
А поклонъ-этъ ведётъ да по учёному,
А какъ бьётъ челомъ-ту князю во рученьку во правую:
„Ужъ ты здраствуй, князь Владимеръ стольне-кіевськой!“
— Ужъ ты здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець!
Я не знаю твоёго не имени, не отчины—
Величеть тебя по имени, пазывать по отечесьву.—
А князьямъ, боярамъ всё—во лѣвую.
— Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ты садись-ко за ти столы окольнія,
А за ти жа за скатерти за браныя,
А за кушанья за розноличнія.—
А какъ сѣлъ-то Илеюшка за столы за бѣлоду́бовы.
Какъ отъ-пиръ идётъ навѐсели,
Красно-то соньчѐ идётъ на е́сени,
А какъ красно̀-то соньчѐ идётъ ко западу,
Ко западу идётъ, ко за́кату;
А какъ вси-то на пиру-ту сидятъ пьяны, веселы,
Пьяны, веселы сидятъ, хвастаютъ:
А какъ всё богатэй-отъ хвастатъ золотой казной.

Иной-отъ хвастатъ широки́мъ дворомъ,
Какъ иной отъ хвастаётъ добры́мъ конёмъ,
Сильнъ-ётъ хвастатъ своей силою,
Умной-отъ-то хвастатъ роднымъ батюшкой,
А разумной-отъ хвастатъ ро́дной матушкой,
А неразумной-отъ вѣдь хвастаетъ родно́й сестрой,
А какъ глупой-отъ хвастатъ молодой жоной.
Какъ Владимеръ-отъ по гридни-то похаживатъ,
А бѣлыма-ти ручьками розмахиватъ,
А желты́ма-ти кудрями принатряхиватъ.
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы слова:
„Ужъ ў мня вси-то на пиру пьяны, веселы,
Ишше вси у мня на честно́мъ хвастаютъ;
А какъ пріѣзжай-отъ гость сидитъ, нечи́мъ не хвастаётъ.
„Ужъ ты шьто жо, дородьнёй молоде́ць, нечи́мъ не хвастаёшь?“
— А какъ чимъ-то я буду всё вѣдь хвастати?
Ише тимъ рази вѣць я похвастаю—
Промежду заутринёй, обѣдней воскресеньскія
Хотѣлъ-то я пріѣхать изъ города изъ Мурома,
Изъ села-то пріѣхать Карачеева.
А какъ ѣхалъ тутъ-то я путёмъ-дорогою,
А стоитъ подъ городомъ Черни-городомъ сила великая,
А великая сила, немалая;
Я тутъ побилъ ту силушку великую;
А пріѣхалъ я ко городу Чернигороду
А спросить у мужичковъ города Черни-города,
А спросить про дорожку прямоѣзжую.
Указали мнѣ дорожку прямоѣзжую,—
Ишше тридцеть лѣтъ по етой дорожочьки не ѣзжено;
Ишше было на ей три заставушки великія:
Какъ перьва-та застава были лѣсы тёмныя да гре́зы чёрныя;
Какъ пріѣхалъ-то тутъ къ двумъ заставушкамъ,
А сошолъ-то я со добра́ коня,
А лѣво́й рукой копя веду, право́й рукой ду́бьё рву,
А какъ дубьё-то рву да совсимъ съ ко́ринёмъ;
Какъ я проѣхалъ тутъ да гре́зи чёрныя да лѣсы тёмныя,
А пріѣхалъ къ третію заставушки,
Я пріѣхалъ туто къ рѣчинки Смородинки.
А сидитъ-то Соловьюшко Рохмановичъ,
Да сидитъ-то воръ-собака на девети дубахъ:
Я его сострѣлилъ съ девети дубовъ.—

Тутъ-то закричели князи, бо́яра:
„Ужъ ты гой еси, мужичонко прі́ѣхалъ задле́ньшина ты, деревеньшина“.
А какъ тутъ старо́му казаку за бѣду да показалосе:
— Ужъ вы гой еси, бояра кособрюхія!
А сѣдитъ-то у меня Соловьюшко да на добро́мъ кони.
На добро́мъ кони, у князя середи двора,
А прикованъ у мня ко стремену́ булатному.—
Говорилъ-то тутъ Владимеръ-князь:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй моло́децъ!
Навѣку́ я не видалъ Соловьюшка Рохманьёва,
Не слыхалъ я ёго свисткотку́ соловьиного,
А не слыхалъ-то я рёву звѣриного,
А не слыхалъ-та я да ши́потку́ змѣиного.
А покажи-тко-се мнѣ Соловьюшка Рохманьёва,
А заставь ёго свистѣть ревѣть да позвѣриному,
Шипѣть ёго да позмѣиному“.
Пошли они да на красно́ крыльцё;
Выходили тутъ бояра кособрюхія
А смотрить, слушать рёву соловьиного-змѣиного.
А какъ говоритъ-то стары́й казакъ да Илья Мурамецъ:
„Ужъ ты гой еси, Соловьюшко Рохмановичъ!
Ты свисти-тко-се полъ-свисту соловьи́ного,
А реви-тко-се полъ-рёву ты звѣриного,
Ты шипи-тко-се полъ-шипотку всё змѣиного“.
А не послушалъ онъ да Ильи Муромця,
Засвистѣлъ-то онъ во весь свистъ-отъ соловьиныя,
Заревѣлъ во весь-то рёвъ звѣриныя,
Какъ зашипѣлъ онъ во весь-то шипотокъ змѣиныя.
Ище мать сыра земля да потрясалася,
Полаты княженецьки зашаталисе,
А какъ у князя рѣзвы ножки подломилисе,
Буйна голова съ плечъ да подкатиласе.
Захватилъ князя Илья Муромець во праву руку къ себѣ подъ пазуху,
А кнегину захватилъ подъ руку-ту всё подъ лѣвую;
А какъ дёржитъ-то ихъ въ охапочки.
Какъ бояра-ти испопадали да вси вѣдь замертво.
А какъ закрычалъ стары́й да зычнимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, воръ-розбойникъ Соловей Рохманьёвичъ!
Тебѣ полно ревѣть да позвѣриному,
Перестань свистѣть посоловьиному,

Перестань шипѣть да позмѣиному“.
А какъ тутъ бояришка повѣрили, забоѐлисе.
А какъ соходилъ старыи со краснá крыльцá,
А отковывалъ отъ стремена булатныя,
А отсѣкъ Соловьюшку-ту буйну голову.
А какъ Соловьюшку у князя на двори да смерть кончаласе.

69.

Илья Муромецъ, разбойники и Идолище.

А какъ ѣзьдилъ старóй по чисту́ полю,
А какъ ѣзьдилъ онъ путёмъ-дорогою,
Да наѣхалъ онъ дорожку весьма широкую,
А широкую дорожку-ту прямоѣзьжую;
Да поѣхалъ онъ по той дорожки прямоѣзьжія
Да наѣхалъ тутъ три ростáнюшки широкія;
Да на тихъ-то на ростаняхъ лёжалъ сѣрой камешокъ,
Какъ на томъ-то камню было написано,
Да написано было, подрѣзано,
Да подрѣзано было: „хто ѣдётъ въ дорожку прямоѣзьжую,
Да тому, братцы, живу́ не быть;
Да хто поѣдетъ въ дорожку въ правую,
А тому, братцы, жонату быть;
Хто въ эту лѣвую дороженьку поѣдётъ, тому богату быть“.
Какъ сидитъ-то старóй на добрóмъ кони́, призадумалсэ:
„Мнѣ старóму въ чистóмъ поли смерьть не писано.
Какъ въ праву-ту дорожку ѣхать — какъ жонату быть;
Да нашьто мнѣ-ка старóму женитисе?
Какъ стáрому, братцы, жениться—всё чужá корысть;
Да пойдутъ отъ старого малы дѣточки,
Захотятъ малы дѣти пить и ись, носить цьвѣтно платьицё.
Какъ и въ лѣву-ту дорожку мнѣ ѣхать — богату быть;
А нашьто мнѣ-ка на старось-то богачесьво,
А нашьто? мнѣ старому ненадобно;
Буду [1]) золотой казны какъ кланетьсе.
Я поѣду въ ту дорожку, да гдѣ живу́ не быть“.
Да какъ туть-то поѣхалъ въ ту дорожечку прямоѣзжую,
Онъ немного подьѣхалъ по той дорожочки
Отъ того жо отъ сѣрого горючого отъ камешка;
Какъ стрѣчялась ёму стрѣточка немалая:
Какъ стрѣчялосе ёму сорокъ станичничковъ,

1) Вмѣсто „будутъ“? *Собир.*

Да по руському званью сорокъ розбойниковъ.
Какъ хотятъ-то старого убить-то всё, ограбити,
Да какъ съ кóнёмъ, съ животомъ да розлучить хотятъ.
Говоритъ-то старóй, сѣдитъ да поговариватъ:
„Ужъ вы гой еси, сорокъ розбойниковъ, сорокъ станишьниковъ!
Какъ вамъ убить-то, братцы, вамъ нé за шьто,
Ише снеть-то у мня старого нéчего:
У мня въ собой вѣдь золотой казны не было;
Тольке у мня живота—да единъ доброй конь,
Еше доброй мой конь да во петсотъ рублёвъ,
Да какъ вся збруда моя да въ чѣлу тысечю“.
А какъ тутъ розбойничковъ призарило, прибавилось;
Да хотятъ-то старого убить-то, всё ограбити.
Да сидитъ-то старой на добрóмъ кони, не встрéхнитьце,
Самъ потихоньку сидитъ приговариватъ,
Да какъ тутъ-то говорилъ да таковы рѣчи:
„Ише есь на мнѣ шуба чéрныхъ сóболей,
Она тольке стоитъ една петсотъ рублей;
Да на шубки только три-то пуговки:
Ише перьва пугвиця въ петьсотъ рублей,
Да друга-та пуговка въ цѣлу тысячю,
Третьей пугвици цѣны ей нѣтъ;
Эта шуба—подáреньецё князя Владимера“.
Да какъ тутъ розбойничковъ призарило,
Да призарило-то ихъ, прибавило;
А какъ начели старого пошúньивать, подéрьгивать,
Какъ сидитъ-то старой не тряхнитьце, не ворóхнитьце:
„Ужъ вы гой еси, вы розбойники-станичники!
Да убить-то вамъ меня вѣдь нé за шьто,
Ише, право, снеть съ меня вѣдь нечево:
Какъ и есь-то у мня ише шляпа, подарéньицё князя всё Владимера;
Какъ во шляпы есь пéрышко,
А да перо стоúтъ едной тысечи“.
Какъ зáчели они его пошúнивать, потыкивать;
Розьерилосе ёго да ретивó серьцё;
Какъ стегалъ-то коня да по крутымъ бедрамъ:
„Ужъ ты гой еси, мой доброй конь Бѣлеюшко!
А хоть подынúсь ты выше лѣсу стоéчего,
А пониже хоть облака ходечего,
Да отскочь-ко ты отъ сорока розбойниковъ“.

Какъ поскочилъ его доброй конь выше лѣсу-ту стоечего,
А пониже облака ходечего,
Да отскакивалъ онъ во чистó полё.
Одёржалъ-то онъ тутъ добрá коня Бѣлеюшка,
А какъ вынималъ-то свой розры́вчатъ лукъ,
Онъ натéгивалъ тетивочку шелкóвую
Да накладывалъ стрѣлочку калéную,
А ко стрѣлочки онъ приговаривалъ:
„А лети-ко, моя стрѣла, во дáлече чистó полё,
А какъ пáди-ко, стрѣлочка, не нá воду, не нá землю,
А не на воду, не на землю, не въ сы́рой дубъ,
А пади-тко, моя стрѣлочка, въ тотъ жо въ самой сырой дубъ,
Росшиби-ко ёго на мелки дребезги,
Ты убей розбойниковъ да до одиного“.
Полетѣла стрѣлочка во далѐче во чистó полё,
Она падала не нá воду, не нá землю,
Какъ не, падала во самой во сы́рой дубъ
Да рошибла ёго на мелки дребезги,
Да убило розбойниковъ до единого.
Какъ очистилъ тутъ дорожку прямоѣзжую,
Онъ поѣхалъ въ свой путь, въ дорожочку
А ко тому жа ко городу ко Лю́бову,
Къ своёму царю, къ пріятелю;
Посмотрѣть-то захотѣлось своего царя Любова:
Шьто дѣитьце во городи во Любови.
А какъ ѣдётъ ёнъ ко городу ко Любову,
Да стрѣчялась ёму калика перехожая,
А тотъ же сильнія великія Иванишшо.
Не дошодъ-то калика ёму низко кланетце:
„Ужъ ты здрастуй-ко, государь нашъ Илья Муромецъ!“
Отвѣчаётъ ёму Илья Муромецъ:
— Ужъ ты здраствуй-ко, калика перехожая!
Ужъ ты какъ жа миня знашь да именёмъ зовёшь?—
„Ужъ ты гой еси, осударь ты Илья Муромецъ!
Какъ тебя не знаю—да именёмъ зовутъ?
Какъ я у твоёго батюшка жилъ во дворникахъ ровно тридцеть лѣтъ,
Шьто во дворникахъ жилъ и во конюхахъ“.
— Откуль ты, калика, идёшь, перехожая?—
„Я иду-то изъ города изъ Любова,
Отъ того-то царя Любова“.

— Шьто дѣитьце во городи во Любови?—
„Во городи во Любови всё да не постарому,
Не постарому всё да не попрежному:
Не даютъ-то просить милостины спасёныя,
А какъ запряшшона просить милостина спасёная,
А запряшшона поминать да Илью Муромця:
Хто ёго споме́нётъ, такового рубить буйну голову.
А царя-та Любова на царьсви нѣтъ,
Да царитъ-то тутъ поганоё Идо́лишшо;
А какъ царь-отъ Любовъ на поварни старшимъ поваромъ;
Сподоблятъ онъ для поганого Идолишша кушаньё“.
Говоритъ-то старой казакъ да Илья Муромецъ таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Ужъ ты дай ты мнѣ своё платьицё каличесько
Да надѣни моё платьё богатырьскоё. -
Говоритъ-то калика да таковы рѣчи:
„Мнѣ въ твоёмъ платьи не подаютъ милостины спасёныя“.
Говорилъ-то старой казакъ да во второй наконъ;
— Ужъ ты скинь своё платьё калицесько
Да надѣнь моё платьицё богатырьскоё.—
А какъ го́ворилъ-то онъ да во третѐй наконъ;
Не даватъ-то калика платья всё каличьского.
А какъ розьерилось ёго да ретиво́ серцё,
До бросалъ-то калику на сыру землю,
Скинывалъ-то съ калики платьё всё калицесько,
Надѣвалъ-то своё платьё богатырьскоё,
А садилъ-то ёго да на добра́ коня.
„Ужъ ты гой еси, мой Бѣлеюшко!
„Ты не бѣгай ты рысью лошадиною,
Ты ходи-ко тихо́й ступьицёй бродовою,
Не уходи калики перехожого“.
А какъ за́чялъ одѣвать платьё каличесько;
У калики была шляпа сорокъ пудъ,
А клюка-та была ёго подорожная сорокъ пудъ.
Какъ пошолъ-то старый казакъ Илья Муромецъ во Любовъ-градъ;
Какъ захочитъ ко Любову на широкой дворъ,
А какъ спрашиватъ онъ про царя про Любова;
А да сказываютъ придворина про царя про Любова:
„Ноньче у насъ царя Любова на царьсви нѣтъ,
А царитъ у насъ поганоё Идолишшо“.
А какъ довели тутъ старую старыньшину до поварни жо;

Говоритъ-то Илья Муромець таковы рѣчи:
„Ужъ ты здрастуй-ко-се, мой Любовъ-царь!
Я пришолъ къ тебѣ да попровѣдать жо,
А какъ шьто у васъ дѣитьце послѣ мо́его бываньиця,
Ише шьто дѣитьце во городи во Любови?“
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Я топере не царёмъ живу, поваромъ,
А царитъ-то у насъ нонѣче поганоё сильнё Идолишшо.—
Говоритъ-то калика перехожая:
„Посылалъ тебѣ поклонъ Илья Муромець, низко кланялсэ“.
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Кабы былъ живой Илья Муромець,
Не былъ я этта поваромъ.—
„Ты подай-ко мнѣ-ка милостины спасе́ныя
Хошь ради Ильи Муромця“.
Хватилъ-то младшей поваръ го́ловню,
Хотѣлъ убить калику перехожую;
Онъ при́знялъ свою клюку да подорожную,
Стегнулъ его да потихошеньку,
Оття́лъ у ёго съ плечь да буйну голову,
Говоритъ-то калика перехожая:
„Ужъ ты гой еси, Любовъ-царь!
Не узналъ ты старого казака Ильи Муромця.“
Заплакалъ-то Любовъ-царь:
— Я топерече не царёмъ живу, поваромъ,
Составле́ю на поганого Идолишша кушаньё.—
А какъ пошолъ-то калика да изъ поварни вонъ,
Да выходитъ онъ да на новы́ сѣни,
А заходитъ тутъ въ полаты-ти царьскія,—
Гдѣ сидитъ поганоё Идолишшо,
Заходитъ въ ти полаты царськія;
Отпираётъ онъ двери на́ пяту,
Запираётъ онъ двери накрѣпко;
Тутъ полата да сколымаласе.
Онъ крестъ-отъ кладётъ да написа́ному,
Да поклонъ-отъ ведётъ да поуче́ному,
Да бьётъ онъ челомъ, низко кланитце
Ише той-ли царици да Бѣлолю́бихи,
Какъ поганому Идолишшу челомъ не бьётъ.
А какъ тутъ поганоё Идолишшо на стули рыта бархата
На колѣняхъ дёржитъ царицю-ту Бѣлолюбиху,
По локо́ть-то дёржитъ руки въ пазухи.

Ише самъ онъ говоритъ калика таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, цариця Бѣлолюбиха!
Пой подай-ко мнѣ милостину спасе́ную
А какъ ради Христа царя небесного,
А какъ ради старого казака да Ильи Муромця“.
Говоритъ-то царицѧ Бѣлолюбиха:
— Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Не даютъ у насъ нонѣче милостины спасе́ныя,
Не поминаютъ старыя старыньшины;
Хто поме́нётъ, тому рубить буйну голову.—
А какъ спрошалъ тутъ поганоё Идолишшо:
„Ужъ ты гой еси, калика перехожая!
Да скожи-ко про своёго Илью Муромця,
Сколь онъ ростомъ великъ жа?“
— А сколь я великъ, столь Илья великъ;
Ише платьё мы носимъ съ имъ съ одного плеча,
А пьёмъ мы изъ одной чаши.—
„А по много ли онъ хлѣба, соли ѣстъ,
Да помного ли онъ вина, пива пьётъ?“
— А онъ пива, вина пьётъ да по одной чары,
А хлѣба, соли ѣстъ по три милостины спасе́ныя,
Во третей-то милостины отставаитьце.—
„Я-то ѣмъ хлѣба, соли по пети печей
Да вина-та пью по сороковки жа“.
Говорилъ тутъ калика перехожая:
— А какъ у мо́ёго у батюшка была корова бурая;
Она много пила, ѣла,—у ей брюшина лопнула.—
А какъ тутъ Идолишшо розьерилосе;
Да хваталъ онъ свой булатёнъ ножъ
Да бросалъ-то онъ въ калику въ перехожою.
Увернулсэ-то калика за ободве́рину;
А какъ тутъ отъ-ножъ ушолъ въ ободверину вплоть до чёрёна.
„Какъ былъ вашъ славной Илья Муромець,
На доло́нь бы посадилъ, другой сверху прижалъ,
Межъ долонеми тольке мокро́ стало,
Грезь одна осталасе“.
Да какъ тутъ Ильи за бѣду да показалосе,
Ёго серьчё да розьерилосе;
Захватилъ онъ свою шляпу всё каличеську,
А стегнулъ-то шляпой по буйно́й главы;
А какъ выпало простѣнкомъ Идолишшо вонъ на улицю;

Тутъ Идолишшу смерть пришла.
Да поставилъ царя Любова жить постарому;
А какъ самъ пошолъ да во чисто́ полё,
Во цисто́ полё да ко добру́ коню,
Ко добру́ коню да калики да перехожою.
А какъ ѣдётъ калика въ Любовъ-градъ;
Онъ чуть сидитъ да на добро́мъ кони,
Ише чуть въ ёмъ душа полу́днуётъ.
Да сымалъ-то старой со добра́ коня,
Скинывалъ-то своё платьё цвѣтноё,
Одѣвалъ-то калику да перехожого.
Тутъ съ каликой прошшалисе,
Простились они да розосталисе;
Илья Муромецъ поѣхалъ во чисто́ полё,
Во чисто полё поѣхалъ ко Кіеву,
А ко ласковому князю ко Владимеру.

70.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Шьто на тихъ было горахъ Латыньськихъ жа,
Какъ у той же было бабы у латыӣгорки
А какъ было у ей да чадо милоё,
А какъ мо́лодый у ей былъ да Подсокольничокъ-охвотничокъ.
А какъ сталъ-то Подсокольничокъ на возрости,
Какъ ясёнъ-отъ соко́лъ сталъ на во́злети,
Какъ онъ сталъ-то ѣздить во чисто́ полё на добро́мъ кони,
А онъ по́лно сталъ владѣть палицей тяжолою;
Высоко-то ей мечётъ по-подъ небеса,
Онъ подхватыватъ въ едну́ю во праву́ руку.
А не бѣлая берёзка къ земли клониться,
А не сырой-отъ дубъ да подгибаится,—
Подсокольничокъ да ро́дной матушки въ ноги падаётъ,
А какъ проситъ благословленьица-то вѣковѣчьнёго,
Ише навѣки да нерушимого
А какъ съѣздить во чисто́ полё поляковать,
Посмотрить-то руськи сильнія могучія бога́тыри.
Какъ даётъ ёму матушка дозволеньицё и благословленьицё,
А даётъ, она ёму наказыватъ:
„Ты поѣдёшь, ты чадо мило, во чисто́ полё,
Ты наѣдёшь старую старыньшину:
Уёго вѣдь борода сѣда, и голова бѣла,

Подъ имъ доброй конь какъ-быть снѣгу бѣлого,
Ишше хвостъ-то, грива была чёрная,—
Не доѣжжаючи сходи да со добрá коня,
Ише бей челомъ ему во сыру замлю да низко кланейсе".
А пошолъ-то онъ на свой да на конюшенъ дворъ
А сѣдлать-то, уздать всё добрá коня;
А наклалъ-то онъ уздицю всё тесмяную,
А на спину-ту накладывалъ сѣдёлышко черкальское,
А застёгивалъ онъ всё двѣнадцеть пряжочекъ,
А ешшо застегивалъ онъ двѣнадцеть шпёнушковъ;
Какъ отуживки были шелкóвыя,
А какъ пряжочки былй да красна золота,
А какъ шпёнышки были булатныя—
Шьто не ради-то красы, да ради крѣпости,
А какъ той-то приправы богатырьскою·
Осѣдлалъ-то, обуздалъ добрá коня,
А онъ скоро скакалъ да на добрá коня,
Какъ поѣхалъ-то онъ да во чистó полё.
А какъ перьвой день ѣхалъ съ утра до вечера,
А другой-отъ день ѣхалъ съ утра до вечера;
А какъ ѣдетъ онъ по чисту полю, розъѣзжайтьсе,
А какъ вострымъ копьёмъ да забавляитьсе,
Ишше клонитъ вострымъ копьёмъ да на святую Русь.
Какъ по утру, утру было ранному,
По восходу-ту сонця было красного,
Какъ во ту пору, во то время
А какъ ѣздилъ старый казакъ да Илья Муромець
Со своима-ти дружинами хоробрыма.
Выходилъ-то онъ да изъ бѣла шатра,
А какъ бралъ-то онъ трубочку подзорную,
А смотрилъ-то онъ во вси чотыре стóроны;
А увидялъ онъ,—со восточнюю стороночку
А какъ ѣдетъ дородьнёй доброй молодець,
А онъ вóстрымъ копьёмъ да потѣшаитьсе,
Высоко его мечотъ да по-подъ нéбеса,
А подхватывать да во правý руку,
А какъ востро копьё клонитъ на святую Русь.
Заходилъ-то онъ да во бѣлы шатры,
А да самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, мои братья мои названыя!
А какъ молодый Олёшенька Поповичъ младъ!
А да съѣзди-ко да съ имъ да поздоровайсе,

Поздоровайсе съ имъ да поназванейсе,
Ты спроси-ко-се у ей (?), какого города,
Какого отца да какой матушки“.
А какъ тутъ Олёшенька да не ослышилсэ,
Одѣвалъ своё платьё богатырьское,
А поѣхалъ къ удалу добру молодцу.
Не доѣхалъ Олёшенька до сильнего могучего богáтыря,
Устрашилсэ тутъ Олёшенька Поповичъ-отъ,
Устрашилсэ ёго, убоялсэ жо,—
А сидитъ, быватъ, на кони какъ сѣнна куча,—
Не спросилъ Олёшенька не про родину, и не про вотчину;
Какъ поѣхалъ Олёшенька ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А спрошалъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Ужъ ты спросилъ ли, Олёшенька, у молодца?“
— Я не доѣхалъ до его, богáтыря,
Устрашилсэ я да убоялсэ жа;
А какъ я да передъ имъ какъ мала мушиця,
Онъ сидитъ-то на добрóмъ кони какъ сѣнна куча.—
Говорилъ-то старыя старыньшина Добрынюшки Микитьичу:
„Ужъ ты съѣзди-ко, Добрынюшка, во чистó полё,
А спроси-тко молодца да про отечесьво,
Ты спроси-тко у его да про отечесьво,
А которой земли, да коего отця да коей матушки,
А которого отця да коей матери“.
А умѣлъ Добрынюшка съѣхатьсе да поздороватьсе,
А не смѣлъ Добрынюшка спросить да про отечесьво,
А не смѣлъ спросить, какой земли, какого города,
Да какого отця да какой матушки;
Какъ стёгалъ коня да по крутымъ бедрамъ:
„А бѣжитъ мой доброй конь да Воронеюшко,
А столь скорó летитъ, какъ стрѣла калёная“.
Какъ уѣхалъ-то Добрынюшка отъ Подсокольничка-охотничка,
Онъ пріѣхалъ ко бѣлу́ шатру.
Говорилъ тутъ старая старыньшина да Илья Муромецъ:
„Шьто ты, Добрынюшка, умѣлъ ты съѣхатьсе,
Да умѣлъ ты, Добрынюшка, съ имъ да поздороватьсе,
А не умѣлъ ты спросить, какого города, какой земли,
Да какого цяря ли королевичя“.
Онъ поѣхалъ старый ко дородьню добру молодцу.
Подъѣзжаетъ онъ ко Подсокольничку:
„Ужъ ты здраствуй-ко, дородьнёй доброй молодець!“
— Ужъ ты здраствуй-ко, дородьнёй доброй молодець.

А какъ руськія сильней богатырь жа!—
„Ты скажи-тко мнѣ, коей земли, какого города,
Ты скажи, какого отця, какой матери,
Эли ты цяря, короля, ли королевичя?—
А кричалъ тутъ Подсокольникъ зычнымъ голосомъ:
— Ише скажотъ моя да тибѣ сабля вострая,
А роскажотъ тебѣ паличя тяжолая:
Отсѣку-то я тебѣ да буйну голову.—
А какъ тутъ-то старому за бѣду да показалосэ;
Розьерилось его ретиво серьцо да богатырськоё;
Какъ стёгалъ-то добрá коня да по крутымъ бедрамъ.
А какъ розьѣхались богáтыри да по чисту́ полю,
А съѣжалисе богатыри да во едно мѣсто,
А ударились они палками буёвыма,
А тимá-ти саблеми вострыма;
У ихъ сабельки всё-то посломилисе.
А розьѣхались богатыри во второй наконъ,
А ударили они ти-палицеми тежолыма;
Ише мать сыра земля да потресаласе,
А въ рѣкахъ вода да сколыбаласе;
Какъ они другъ друга не ранили,
Э какъ нé дари на собя раны кровавыя;
А у ихъ вѣдь палици да пошорбалисе.
А розьѣхались богатыри да во-въ третéй наконъ,
А ударились они да копьеми-ти крѣпкима борзомецькима;
Они другъ друга не ранили,
А какъ нé дали на соби раны кровавыя.
А соскóчили они да со добры́хъ коней,
Они начели боротисе, водитисе;
По колѣнъ въ рѣку, въ землю втопталисе.
А какъ не по Божьей-то было по милости,
Не по Ильинóй-то было учести:
Порвалось у Подсокольника да цьвѣтно платьицё;
А какъ скользнулось у старика Ильи Муромця,
Какъ здала у ёго всё правá рука,
Подвернулась у его да ножка рѣзвая;
А какъ падалъ богáтырь во сыру землю;
А какъ сѣлъ тутъ Подсокольничокъ-охотничокъ да на бѣлы̆ груди
Ише хочётъ спороть да казáку бѣлы груди,
А какъ хочётъ досмотрить да ретивá серьца да богатырьского.
А какъ тутъ старый казакъ да испугалсэ жа,

Ише Господу-ту Богу всё взмолилсэ жа:
„А ужели мнѣ, Господи, въ томъ-то мѣсти смерть-то писана?“
А какъ вдвое-втрое у Ильи-то силы прибыло;
Да схватилъ-то́ Подсокольника да во бѣлы́ руки,
А какъ смётывалъ со своихъ бѣлыхъ грудей да на сыру землю
А какъ сѣлъ-то Подсокольнику да на бѣлы́ груди,
Вынималъ-то изъ кинжа́лишша булатенъ ножъ,
А хотѣлъ-то Подсокольнику спороть бѣлы́ груди,
Досмотрить у его ретива́ сердца́ да богатырьского.
Какъ спросилъ у Подсокольника да про отечесьво,
Говорилъ-то Подсокольникъ таковы рѣчи:
„А сидѣлъ-то я у тя да на бѣлы́хъ грудей,—
А не спрашивалъ у тя не роду, не отечесьва,
А споролъ бы я тебѣ скоро бѣлы́ груди“.
А спрошалъ стары́й казакъ да во второй наконъ;
Ишшё то жо отвичаётъ Подсокольничокъ-охотничокъ:
„А не спрашивалъ у тя про родину, про отечесьво;
А споролъ бы я скоро́ бѣлы́ груди,
Досмотрилъ бы я твоего серьца богатырського“.
Тутъ-то старому да за бѣду да показалосе;
Загибалъ-то у ёго-то платьё цьвѣтное;
Хочётъ пороть ёго бѣлы́ груди,
Хочётъ досмотрить у его ретиво́ серьцо.
Захватилъ-то право́й рукой булатенъ ножъ.
Ише тутъ да Подсокольничокъ испугалсэ жа,
А старому казаку да возмолилсэ жа:
„А я вижу—у тебя голова сѣра да борода бѣла;
Не моги моихъ пороть да всё бѣлы́хъ грудей,
Не смотри моёго ретива́ сердца“.
А какъ увидялъ тутъ старый казакъ да на право́й руки,
На правой руки да свой злачёнъ перстень,
Подымалъ ёго за ручки-ти за бѣлыя,
Чёловалъ ёго въ уста саха́рныя:
— Ужъ ты гой еси, да Подсокольничокъ-охотничокъ,
А да той жо сынъ да бабы всё латы́нгорки!
А какъ я тебѣ—отець, да ро́дной батюшко.
Ты поѣдёшь да къ родной своей матушки,—
Ты скажи отъ миня да ей низко́й поклонъ.—
Какъ Подсокольничокъ поѣхалъ къ ро́дной матери,
А старый казакъ поѣхалъ ко бѣлу́ шатру:
Онъ пріѣхалъ ко бѣлу шатру да сошолъ со добра́ коня,

Сошолъ со добра, спать вѣдь лёгъ въ бѣлъ шатёръ.
Какъ-во ту пору пріѣхалъ Подсокольничокъ къ своёму широку двору,
Подъѣжжаётъ онъ да подъ окошочко:
„Ужъ ты гой еси, моя да родна матушка!
Ты подай-ко мнѣ своё востро́ копьё,
Ты подай-ко-се ко мнѣ воё тупымъ коньцёмъ“.
А на то матушка ёго не ослышилась,
Подала своё востро́ копьё да изъ окошочка.
А какъ принялъ онъ копьё да за тупой конець,
Какъ направилъ онъ вострымъ коньцёмъ въ матушку-ту въ груди бѣлыя,
Заколол̂ъ-то Подсокольникъ свою родну матушку.
А поѣхалъ скоро Подсокольникъ въ чисто полё,
Какъ поѣхалъ во чисто полё да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру да къ Ильи Муромцю.
Онъ какъ пріѣхалъ ко бѣлу шатру,
Направилъ копьё всё вострыи́мъ коньцёмъ,
А какъ ткнулъ Илью Муромца да во бѣлы́ груди;
На грудяхъ-то былъ лёжалъ у ёго крестъ золочёныя,
А вѣсу́ тянулъ да полтора пуда;
Угодилъ онъ въ самой етотъ крестъ,
Да не могъ онъ проколоть да груди бѣлыя.
Какъ отъ сна-то вѣдь стары́й казакъ да пробужалсэ жа,
Со сна-то онъ да испугалсэ жа;
А выскакивалъ-то онъ да изъ бѣла́ шатра,
Схватилъ-то онъ Подсокольника да со добра́ коня,
Высоко-то его бросилъ по-подъ нёбеса;
А какъ падалъ Подсокольникъ о сыру землю,
Какъ убилсэ Подсокольничокъ о сыру землю,
А какъ Подсокольнику вѣдь смерть пришла.
А какъ пришолъ смотрить стары́й козакъ да Илья Муромець,
А увидялъ на руки да свой злочёнъ перстень,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„А не знато, шьто было́ моё чадо:
А хошь высоко бросилъ по-подъ нёбеса,
Подхватилъ бы ёго да на бѣлы́ руки,
Не допустилъ бы я ёго до матушки сырой земли“.
А какъ тутъ вѣдь Подсокольнику да смерть пришла,
Смерть пришла, и конець дошолъ.

71.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ [1]).

Какъ доселева Рязань слободой слыла;
А какъ нонѣче Рязань славенъ городъ сталъ.
А живётъ-то въ той Рязани князь Никита сынъ Романовичъ.
Жилъ-то Никитушка шестьдесятъ годовъ;
Какъ состарилсэ Романовичъ,—преставилсэ,
Ай осталась у него мала́ семья,
Ай мала семья, молода жона,
Молода жона Омельфа Тимоѳеёвна;
Ай осталось у нёго чадо милое,
Милое чадо, любимое,
А какъ мо́лодый Добрынюшка Никитичъ младъ.
Какъ отъ роду Добрынюшка былъ пяти годовъ,
Сталъ ходить по улочьки,
Сталъ съ робятками боротисе;
Какъ не стало Добрынюшки да поединшычка;
А какъ малы-ти ребята двадцати пяти годовъ.
А какъ мастёръ былъ Микитичъ со крутой [2]) съ носка спускать.
А какъ сталъ-то Добрынюшка на возрости,
Какъ ясёнъ-то соко́лъ сталъ на во́злети.
А какъ стало Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ,
Онъ нача́лъ въ чисто́ поле поѣзживать,
А поѣзживать, всё сталъ погуливать,
А ѣздить всё на тихія на заводи,
А стрѣлить всё гусей, бѣлыхъ лёбедей.
А какъ сталъ Добрыня во чисто́мъ поли поляковать,
А не стало Добрынюшки поединшычка.
А какъ началъ онъ метать сильныхъ могучихъ всё бога́тырей,
Ай прошла про молодца слава великая;
А дошла туто слава до города до Мурома,
А до того жа села до Карачёева,
А до старо́го до казака Ильи Муромца;
Услыхалъ тутъ старой казакъ Илья Муромца
Про сильнего могучего богатыря.
Его серьдьце было неуступчиво;

---

[1]) Напечатана съ замѣчаніями проф. *В. Ѳ. Миллера* въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 664. *Собир.*

[2]) Скоро.

Пошолъ онъ скоро на конюшей дворъ
Сѣдлать, уздать своего да коня добраго.
Ай накладывалъ онъ уздицю тесмяную,
А на спину лошадину войлучёкъ,
Ай на войлучёкъ накладывалъ сѣдёлышко черкальское;
Затёгивалъ двѣнадцать сутужинокъ,
А сутужинки-потужинки-ти были шолковы;
А застёгивалъ-то онъ двѣнадцать пряжочёкъ,
А пряжечки-ти были красна золота,
А спёнушки-ти были булатные,
Крѣпкого булата всё заморського,—
То не ради красы, ради крѣпости.
Илья-то былъ сынъ Ивановичъ
Одѣвалсэ онъ въ платье богатырськоё,
Богатырсько платьицё, военное.
У него вѣдь конь-отъ былъ какъ снѣгу бѣлого,
Ишше хвостъ-грива у него была чёрная.
Онъ скоро, легко скакалъ на добра́ коня,
И онъ скоро поѣхалъ по чисту́ полю;
А какъ по чисту полю тольке курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке столбъ столбитъ.
А онъ скоро пріѣхалъ ко Рязани славну городу.
Ѣдетъ онъ по Рязани славну городу,
А играютъ туто маленьки ребятка жа.
А спрошаётъ онъ у маленькихъ ребятокъ жа:
„Ужъ вы гой еси, маленьки ребятка жа!
Гдѣ это Добрыньино подворьицё, широкой дворъ?
Вы скажите-ко мнѣ про Добрынинъ про широкой дворъ".
Какъ отводятъ робятка ' Добрынино подворьицё.
Подъѣзжаетъ онъ подъ окошёчко,
А кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
„Дома ли Добрынюшка Никитичъ младъ, или въ домѣ нѣтъ?"
Услыхала тутъ Добрынина да родна матушка;
Подбѣгала она всё къ окошёчку,
Отпирала 'на окошечка немножечко;
Какъ увидяла она старого казака Илья Муромця,—
А сидитъ-то онъ на своёмъ добро́мъ кони́,—
Говорила Добрынина да ро́дна матушка:
— Ужъ и здраствуй-ко, казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!—
Говоритъ тутъ Илья сынъ Ивановъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси Добрынина ро́дна матушка!

Ты какъ меня-то знаёшь, именёмъ зовёшь,
Величаёшь ты меня по отечесьву?“
— Ише какъ-то я тебя не знаю, Илья Муромець?
Ужъ мы пили изъ одной чаши;
А когда я училасе у твоей-то ро́дной матушки,
Ты тогды не могъ ходить на рѣзвы́хъ ногахъ,
А сидѣлъ ты всё на печьки на кирпицятой.
Ты добро пожаловать ко мнѣ хлѣба, соли покушати!
Накормлю вѣдь я тебя досыти,
Напою вѣдь я тебя допьяна.—
Говоритъ-то Илья сынъ Ивановичъ:
„Я не пить прiѣхалъ, ни исть хлѣба, соли жа.
Ты скажи-ко мнѣ про своего чада милого,
Онъ и [1]) въ домѣ, или его нѣтъ?“
Отвичаетъ Добрынина ро́дна матушка:
— У мня Добрыни топере въ домѣ не случилосе:
Онъ уѣхалъ всё на тихiя на заводи
А стрѣлеть гусей, бѣлыхъ лѐбедей,
А пернастыхъ сѣрыхъ малыхъ уточёкъ.
Ужъ ты гой еси, ты старой казакъ Илья Муромець,
Илья Муромець да сынъ Ивановичъ!
Ты наѣдёшь моёго чада во чисто́мъ поли—
Не моги ёго убить, моги помиловать
Хошь не ради ёго, да ради меня вдовы:
Ишше хто меня будетъ подъ старость поить-кормить?—
Какъ поѣхалъ старой казакъ во чисто́ полё,
Ишше ѣдётъ онъ скоро по чисту полю—
Какъ увидялъ молодого въ чистомъ поли бога́тыря:
Да онъ ѣздитъ на добро́мъ кони, розъизжаитьсе,
Всё дворяньскима утѣхами да забавляитьсе:
Высоко-то онъ паличю-ту мечётъ по-подъ нѐбеса,
Подъѣзжаётъ на добро́мъ кони,
Подхватыватъ ей да во праву́ руку,
А не допускаетъ онъ до сырой земли.
Подъѣзжаётъ тутъ старой казакъ Илья Муромець:
„Здрастуй-ко, дороднѣй доброй молодець!
Ты скажи-ко-се про родину и про отчину“.
Говорилъ тутъ Добрыня таковы рѣчи:
— А какъ скажотъ тебѣ моя палича тяжолая,
А когды тебѣ ссѣку да буйну голову.—

[1]) Вмѣсто „е“ (есть)? *Собир.*

Тутъ розъерилось у Ильи да ретиво́ сердьцо;
А стегалъ онъ коня по крутымъ бёдрамъ.
Розъѣзжалисе бога́тыри по чисту́ полю,
Соѣзжалисе богатыри всё въ одно мѣсто;
Какъ ударились они паличеми тяжолыма,
У ихъ паличи пошербáлисе;
Ише другъ дружки они не ранили,
Не дали на собя раны кровавыя.
А розъѣхались бога́тыри во второй наконъ,
Ай ударились они саблями-ти вострыма;
Какъ по рукѣ да сабельки сломилисе;
Ише другъ друга они не ранили,
Не дали на собя раны кровавыя.
А розъѣхались бога́тыри во-въ третé́й наконъ,
Какъ ударились они копьеми ворзомецькима,
У ихъ копьиця согнулисе, свернулисе;
Ише другъ друга они не ранили,
Не дали на собя раны кровавыя.
Они соско́чили да со добрыхъ коней,
Они схватилисе во схваточку боротисе.
Они перьвыя суточьки борютсе съ утра до вечера
И други-ти сутки борютсе съ утра до вечера;
А на третьи-ти суточьки у Добрыни порвало́сь платьё цвѣтноё,
Окатилось у Ильи всё права́ рука,
Подвернулась у его всё лѣва́ нога;
А какъ падалъ старый казакъ на мать сыру землю,
Ише мать сыра земля да потрясаласе.
Ужъ какъ сѣлъ-то Добрыня на бѣлы́ груди,
А онъ вынелъ-выдернулъ изъ кинжалища булатной ножъ,
Хочётъ спороть Ильи бѣлы́ груди,
Ише хочётъ досмотритъ ретива́ серьця.
А какъ тутъ старой казакъ да Илья Муромець
Возмолилсэ онъ Спасу пречистому,
Ише матери Божьей Богородици:
„Ужъ ты Господи, уже мнѣ въ чистомъ поли смерть не писана,
А ужели я помру на сёмъ мѣстѣ?“
У его да силы вдвое-втрое прибыло;
А мёталъ-то онъ Добрюню со бѣлыхъ грудей,
А какъ скочилъ старый казакъ на рѣзвы́ ноги,
А какъ шѣлъ-то Добрыни на бѣлы́ груди;

Хочётъ спороть Добрынюшки бѣлы груди,
Досмотрить Добрынина ретивá сердьця.
А какъ спомнилъ онъ Омельфино прошеньицё,
Ише спрашиватъ Добрынно отечесьво:
„Ты скажи-ка мнѣ про своё отечесьво“.
Говоритъ-то Добрыня таковы рѣчи:
— А когды сидѣлъ у тя да на бѣлы́хъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ, коей земли, какого города,
Какого отьця да какой матери;
Я споролъ бы у тя всё бѣль́ груди.—
Вынималъ Илья изъ кинжалища свой булатёнъ ножъ,
А хочётъ спороть Добрынюшки да всё бѣлы́ груди,
Досмотрить Добрынина ретивá сердьця.
А какъ тутъ Добрыня испугалсэ жа,
Ухватилъ у Ильи Муромця булатёнъ ножъ:
„Я скажу тебѣ про родину-отечесьво,
Я скажу тебѣ про своего родна батюшка,
Я скажу тебѣ про свою родну матушку:
У меня родной батюшко былъ Никита сынъ Романовичъ;
Онъ княжилъ въ Рязани ровно шестьдесятъ годовъ,
А родна-то моя матушка—Омельфа Тимоѳеёвна.
Не моги меня казнить, моги помиловать.
Назывёмьсе-ко мы братьеми крестовыма,
Покрестоемсе мы своима крестами золочёныма;
А какъ будетъ ты—большiя братъ,
А я буду меньшiя братъ;
А мы будёмъ ѣздить по чисту́ полю, поляковать.
Приставать будемъ другъ зá друга,
Другъ зá друга, за брата крестового“.
А ставалъ-то онъ да на рѣзвы́ ноги,
Подымалъ онъ Добрыню за бѣлы́ руки,
Чёловалъ онъ Добрынюшку во уста сахáрныя;
А сымали оны съ головъ да золоты́ кресты,
Одѣвали другъ на дружку золоты кресты,
Да садились они на добры́хъ коней,
Поѣхали они къ Рязани славну городу
Ко Добрыниной да рóдной матушки.
Какъ прiѣхали Добрыни къ широку́ двору,
Увидала Добрынина рóдна матушка,
Стрѣчала ихъ середи двора,
Середи двора со краснá крыльця,
Да брала она старого казака за бѣлы́ руки,

Повела въ Добрынины да свѣтлы свѣтлици,
Посадила она за дубовы́ столы,
За дубо́вы столы, за ѣсьвы саха́рныя.
У ихъ пиръ пошолъ всё навѐсели;
Они пили, веселились трои суточьки.

72.

Женитьба Добрыни [1]).

Какъ задумалъ тутъ Добрынюшка женитисе,
А просилъ-то своей ро́дной матушки благословленьиця
Какъ женити́се ѣхать да обручатисе
Ко тому-то королю да всё къ Мику́лину.
А поѣхалъ онъ Добрынюшка во чисто́ полё,
А поѣхалъ онъ да въ прокляту орду.
Онъ ѣхалъ путёмъ-дорогою,
А онъ всю-то ѣхалъ тёмну ноченьку;
А доѣхалъ до того жо до восходу соньчя красного,
До закату-ту ̀свѣтла ясна мѣсеця.
Какъ по у́тру-ту было́ по ранному,
По восходу-ту было́ да соньця красного—
А сидѣла-то Настасья подъ окошочкомъ,
Она видяла этого дородня добра молодца:
А онъ въ городъ-отъ ѣхалъ не воротами,
Не воротами да не широкима,
Ёнъ ѣхалъ по широку двору къ полатамъ королевськіимъ.
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
А полаты ихны колыбалисе.
А пріѣхалъ онъ да на широкой дворъ,
Заѣзжалъ-то онъ да середи двора,
Сходилъ-то онъ да со добра́ коня,
А вязалъ-то онъ коня да къ дубову́ столбу,
Къ дубову столбу да къ золоту кольчю;
Самъ онъ пошолъ на красно́ крыльцё,
Со красна́ крыльця да на новы́ сѣни,
Заходилъ-то въ полаты въ королевськіе;
Онъ не кланяитьсе поганымъ идоламъ,
А да бьётъ тольке челомъ королю Мику́лину во рученьку во правую:
„Ужъ ты здраствуй-ко король Микулинъ!“

[1]) Напечатана тамъ же, стр. 677.

— Ужъ ты здраствуй-ко, дороднёй доброй молодецъ!
Я не знаю твоёго ни имени, ни отчины,
А не звеличети да по отечесьву.—
„Мня по имени зовутъ Добынюшкой Никитичемъ“.
— Ты пошьто ко мнѣ прiѣхалъ?
А посломъ ко мнѣ прiѣхалъ пословать изъ города изъ Кiева,
Отъ ласкова князя Владимера?—
„Не посломъ-то я прiѣхалъ къ тебѣ пословать,
Не служить-то я прiѣхалъ вѣрой-правдою,
Я прiѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататьсе.
А отдай-ко ты Настасью за меня всё въ замужесьво,
Ужъ ты съ чести вѣдь отдай за меня, съ радости;
Ише съ чести не отдашь, дакъ я боёмъ возьму,
Съ той да дракой кроволитною“.
Отвѣчаётъ ему король да таковы рѣчи:
— Ужъ гой еси, молодой мальчишко жа!
А скричу я палачей своихъ да немилостивыхъ;
А опутаютъ тебя во путины шелковыя,
Повалятъ тебя на колодку бѣлодубову,
Отсѣкутъ твою буйну голову.—
Говоритъ-то Добрыня во второй наконъ:
„Ужъ ты гой еси, король да сынъ Никулининъ!
А отдай-ко ты Настасью за меня замужъ,
А безъ драки отдай да кроволитныя,
Ужъ ты съ чести вѣдь отдай, съ радости великiя“.
— Ужъ ты гой еси, мужичонко ты задлёньшина, дервеньшшина!
Я скричу-то палачей да немилостивыхъ;
А опутаютъ тебя во путины шелковыя,
А уведутъ тебя да на широкой дворъ,
Повалятъ тебя на колодку бѣлодубову
Отсѣкутъ-то тебѣ буйну голову.—
Говорилъ-то Добрыня по-въ третёй наконъ.
Какъ пошолъ-то король да изъ полаты вонъ,
А пошолъ-то къ своей дочери любимыя,
А какъ къ той жо дочочьки къ Настасьи Микуличьни.
„Ужъ ты гой еси, Настасья дочь Микуличьня!
Какъ прiѣхалъ изъ Кiева богатырь жо,
А какъ сватаитьсе за тебя замужъ,
На тебѣ жа, Настасьи, бѣлой лебеди;
Какъ вѣдь самъ онъ похволяитьсе таковы рѣчи:
Ише съ чести не отдамъ, дакъ „я боёмъ возьму,

Съ той да дракой кроволитною"".
Говорила Настасья таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси да мой да родной батюшко!
Я вѣдь видяла да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивноё:
Со восточьню-ту сторонку какъ-бы туча тучилась,
Туча тучилась, какъ-бы громъ гремѣлъ,
Частой мелкой дожжыкъ шолъ;
Немного тому время миновалосе,
Наѣхалъ дородней доброй молодецъ;
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Ѣхалъ онъ широкимъ дворомъ
Къ тымъ-то полатамъ королеськіимъ;
Мать-сыра земля потрясаласе,
Наши полаты колыбалисе.
Отдавай ты меня съ чещи, съ радости,
Безъ той же безъ драки кроволитныя;
Не губи ты народу понапрасному.—
А пошолъ-то король да вонъ изъ свѣтлой свѣтлици,
А приходитъ въ свои полаты королевськія,
А берётъ Добрыню за бѣлы́ руки,
А чѣлуётъ-ту Добрыню во уста сахáрнія,
А повёлъ-то онъ къ Настасьи въ свѣтлу свѣтлицю.
Какъ сидѣла Настасья на стули-то да рыта бархата,
Она скоро скакала на рѣзвы́ ноги,
А брала она Добрыню за бѣлы́ руки,
Чѣловала Добрынюшку въ уста сахáрныя;
Поминелись они ти перстнями золотыма жо,
Поминелись, обручилисе.
Собираласе Настасья ѣхать въ славной Кіевъ-градъ;
А какъ бралъ-то ей Добрыня за праву́ руку,
А повёлъ-то Добрыня на широкой дворъ,
А садилсэ Добрыня на коня своёго лошадь добрую,
А садилъ-то онъ Настасью позади собя
На своё-то сѣдло на черкальское,
А привязывалъ-прихватывалъ ко стременямъ булатнымъ жа.
Какъ поѣхалъ онъ изъ города воротами да не широкима,
А скакалъ-то черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту жа башню наугольнюю.
Пріѣжаётъ онъ во красёнъ Кіевъ-градъ,
А къ своёму широку́ двору.
Увидала ихъ да рóдна матушка,

А стрѣчала-то ихъ да середи двора,
Чѣловала-то Настасью во уста сахáрныя,
А вела-то она во свои-ти свѣтлы свѣ́тлици,
Во столовы новы горници.
А какъ тутъ у ихъ-то пиръ чесёнъ пошолъ навесели
Заводилась у Добрыни свадёбка:
На отцёвсько-то мѣсто самъ Владимеръ-князь,
А сватьей Владимера да молода жона,
А тысячькимъ старой казакъ Илья Муромець,
А дрýжкомъ-то у ихъ Олёшенька поповськой сынъ.
Повѣнчалсе тутъ Добрынюшка Микитичъ сынъ.
На той жо Настасьи дочери Микуличьни.
Отошли туто туто пиры навесели;
Вси были на пирахъ пьяны, вёселы.

73.

Добрыня и змѣя [1]).

Какъ во славномъ городи во Кіеви,
Да у ласкова-то князя у Владимера
Заводилось пированьицё, почесенъ пиръ
Ай на всихъ князей, на бóяръ жа,
А на руськихъ-то могучихъ на богáтырей.
А какъ красно солнышко идётъ на éсени,
А почесенъ-отъ пиръ идётъ навéсели.
А какъ вси-то при пиру, вси пьютъ, ѣдятъ да вéселы,
А какъ вси-то на честномъ, вси хвастаютъ.
Какъ Владимеръ-отъ князь ходитъ по горници,
Съ ножки на ножку переступыватъ,
А онъ бѣлыма руками всё розмахиватъ,
Золотыма-ти перстнями принашшалкиватъ,
А русыма-ти кудрями принатряхиватъ,
А какъ самъ онъ говоритъ да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои князья, вы бóяра!
Ужъ вы руськіи мои сильни богáтыри!
Ишше хто жа изъ васъ съѣздитъ на Пучай-рѣку
За свѣжóй-то водой ключёвою,
А какъ мнѣ, князю, съ княгиною умытисе, помолодитисе“?
Какъ большой-отъ князь хоронитьсе за среднёго,
А какъ средней-отъ хоронитьсе за мéньшого,

1) Напечатана тамъ же, стр. 682.

Какъ отъ меньшого, отъ бо́льшого отвѣту нѣтъ.
Говорилъ-то князь Владимеръ во второй наконъ,
Говорилъ-то князь Владимеръ во третѐй наконъ;
Какъ отъ бо́льшого, отъ ме́ньшого отвѣту нѣтъ.
Какъ изъ-за того стола, стола окольнёго,
Изъ-за той-то скатерки изъ-за браныя,
Да изъ-за́ той ѣсвы всё саха́рныя
Говорилъ тутъ дородьнёй доброй молодецъ,
А какъ мо́лодый Добрыня всё Никитичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, ты красно солнышко Владимеръ-князь!
Ужъ я съѣжжу тебѣ на Пучай-рѣку,
Привезу-ту я тебѣ свѣжо́й воды ключёвою,
Какъ тебѣ, князю, съ княгиной умытисе, помолодитисе“.
Говорилъ-то Владимеръ-князь да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Олёшенька Поповичъ!
Ты бери-ко всё чернилъ, бумагъ,
Ты пиши-тко съ Добрынёй записи великія,
Во хмѣлинушки Добрыни захлыснулосе [1]),—
Чтобы за́утра Добрыня не попетилсэ.—
А тому Олёшенька не вослышилсэ;.
Ужъ какъ бралъ чернилъ, бумагъ, писалъ онъ по́писи великія
Промежду собой съ Добрынюшкой Микитичемъ;
Пописали они пописи великія;
А какъ сталъ-то Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А какъ бралъ-то Добрыня со спичьки пухову́ шляпу,
Надѣвалъ-то Добрыня на буйну̀ главу,
А нахмурилъ чёрну шляпу на ясны́ очи,
А пошолъ-то Добрыня ко своему да широку́ двору,
А повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи въ матушку-сыру землю.
А идётъ-то Добрыня къ своему-то широку двору,
Онъ идётъ-то, всё шатаитьсе.
Увидала Добрыня молода жона,
А какъ та жа Настасья дочь Никуличьня;
А побѣжала къ своей матушки,
Къ Добрыниной да къ ро́дной маменьки,
Да сказала она своей маменьки:
„Ужъ ты гой еси, Добрынина родна матушка!
Какъ идётъ-то у насъ Добрыня съ чесна́ пира,

---

[1]) Похвасталъ.

А идётъ-то онъ да всё шатаитьсе,
А повѣсилъ-то буйну голову ниже своихъ могучихъ плечь".
А стрѣчала Добрыню молода жона,
А какъ та жа Настасья дочь Никуличьня,
А стрѣчала его да родна матушка,
А какъ та жа вдова Омельфа Тимоѳеёвна;
А стрѣчели его середи ёго да широка́ двора,
А какъ брали его да за бѣлы́ руки,
Говорила ёму родна матушка да таковы рѣчи:
„А какъ шьто же идёшь, моё-то чадо милоё, моё любимое,
Не постарому идёшь, да не попрежному:
Повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечь,
А потупилъ очи въ матушку-сыру землю́?
Шьто тебѣ на пиру было не по разуму:
Или князь-отъ тебя мѣстомъ о́бсадилъ,
Или винной чарой тебя о́бнесли,
А питья, ѣсвы тебѣ разѣ не по́ души?
Эли глупой надъ тобой не насмѣхалсэ жа,
Шьто надъ твоей жа молодой жоной,
Эли, муть, надъ ро́дной твоей матушкой?"
— Ужъ ты гой еси, моя родна матушка,
Какъ Омельфа ты, сударь, да Тимоѳеёвна!
Меня мѣстомъ князь онъ всё не о́бсадилъ,
А да винной чарой меня всё не о́бнесли,
А нехто надо мной не насмѣхалса жа,
Не тобою, родной матушкой,
Не моей да молодой жоной.
Самому мнѣ доброму молодцу во хмѣлю-ту захыснулосе,
А какъ съѣздить мнѣ-ка князю на Пучай-рѣку́
За свѣжо́й водой да всё ключе́вою,
Привезти князю воды ключёвыя
Шьто умытисе князю со княгинёю,
А умытисе, помолодитисе.—
Говоритъ-то ёму ро́дна ёго матушка,
Молода вдова Омельфа Тимоѳеёвна:
„А какъ жилъ твой батюшко шестьдесятъ годовъ,
А ничимъ жо онъ, жилъ, не хвасталъ жа;
Ты нималу собѣ шуточьку нашу́тилъ жо:
Тамъ много дородныхъ добрыхъ молодцовъ прiѣзживало,
А какъ руськихъ-то сильнихъ, могучихъ всё бога́тырей,
А назадь ни одинъ не прiѣзживалъ:
Уноситъ всё змѣя лютая,

Змѣя лютая да Сорочинськая
Своимъ-то змѣёнышамъ на съѣденьицё.
А тебѣ будётъ назадь не бывати во славномъ городи во Кіеви,
А да намъ тебя будётъ не видати жо!
Ты послуша-ко моёго наказаньиця:
Ты когда пріѣдёшь на Пучай-рѣку,
Почерпни ты скоро свѣжой воды ключёвою,
Поѣжжай ты скоро ко городу ко Кіеву".
Отъ хмѣлины съ утра да просыпаитьсе,
На Пучай-рѣку Добрыня собираитьсе;
А приходитъ Добрыня на широкой дворъ;
Онъ сѣдлалъ, Добрыня, уздалъ добра коня,
Насѣдилъ онъ сѣдёлышко черкальскоё,
Застёгивалъ-то онъ двѣнадцать пряжечёкъ,
А затёгивалъ двѣнадцать отужинокъ;
Пряжечки-ти были красна золота,
А шпёнушки-ти были булатныя,
Отужинки-ти были шелкóвыя,
То не ради красы, ради крѣпости,
Приправы богатырскою;
Красно золото-то не ржавѣетъ,
А булатъ-отъ гнётьсе—не сломитьсе,
А шолкъ-отъ подтянетьсе—не сóрветьсе.
Провожаётъ ёго да рóдна ёго маменька,
Провожаётъ ёго да молода жона,
Провожаютъ они, слёзно плачутьсе.
А да онъ скоро скакалъ на добра коня;
Столько видѣли добра молодца, когда сряжаючись,
А не видѣли, когда да на добра коня сяжаючись.
Онъ изъ города поѣхалъ не воротами,
Не воротами онъ ѣхалъ не широкима,
А скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ башню-ту да наугольную.
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ да одинъ столбъ стоитъ.
А пріѣхалъ скоро на Пучай-рѣку́,
Почерпнулъ-то онъ свѣжóй воды ключёвою,
Настрѣлялъ-то онъ гусей, лёбедей,
А пернастыхъ малыхъ сѣрыхъ уточёкъ.
Какъ пороспекло ёго да совьчё красное,
Прироздули ёго да вѣтры буйные;

Захотѣлось ёму во Пучай-рѣки окупатисе;
А да скинывалъ съ собя платьё чьвѣтно богатырськое,
А ныралъ-то онъ во Пучай-рѣку.
А какъ плаватъ Добрыня по Пучай-рѣки,
Какъ увидяла Добрыню змѣя лютая,
Змѣя-та лютая да Сорочиньская;
Налетѣла она на Добрынюшку Никитича,
Да сама она ёму говорила таковы рѣчи:
„Какъ писи-ти, писали—описалисе,
Какъ волхвы-ти волховали—проволховалисе:
А какъ хошь ли ты, Добрыня, я тебя водой залью,
Ишше хошь ли ты, Добрыня, я тебя огнёмъ залью (sic),
Ишше хошь ли ты, Добрыня, я схвачу тебя
Въ свои-тѣ двѣнадцать больши хоботы,
Унесу тя въ свои горы Сорочинськія,
Своимъ дѣтямъ на съѣденьицё?“
А какъ мастёръ былъ Добрынюшка ныркомъ ходить,
Какъ гораздъ-отъ былъ Микитичъ всё понырывать;
А нырнулъ тутъ Добрыня во Пучай-рѣку,
Выставалъ-то Добрыня у крутого жёлта бéрежка:
А да выскочилъ Добрыня на желтóй-отъ крутой бéрежокъ,
Прибѣжалъ Добрыня ко своёму цьвѣтну платьицю;
Онъ схватилъ свою востру сабельку.
Налетѣла тутъ на Добрыню змѣя лютая,
А хотѣла схватить Добрыню въ двѣнадцать больши хоботы;
А отсѣкъ-то Добрыня змѣи двѣнадцать большихъ хоботовъ,
А какъ падала змѣя да на сыру землю;
А какъ мать-сыра земля да потрясаласе,
Во Пучай-рѣки вода да сколыбаласе.
А одѣлъ-то Добрыня своё платьё цьвѣтноё,
А надѣлъ онъ свои латы богатырськія,
А пришолъ-то онъ къ змѣѣ-то лютою,
Захотѣлъ змѣи отсѣкти буйну голову.
А какъ ту змѣя ёму всё взмолиласе,
Она клятву кляла всё ёму великую:
„Ужъ ты гой еси, Добрыня сынъ Никитичъ младъ!
Не моги меня казнить, моги помиловать;
А да назади лиха тебѣ не дѣлала,
Ишше впредь тебѣ лиха не сдѣлаю:
Я налóжу на собя-то заповѣдь великую,
Шьтобы не лётать мнѣ-ка да на святую Русь,
Не носить съ Руси народу православного

А на ти жа на горы Сорочинськія
А своимъ-то дѣтямъ да на съѣденьицо“.
Онъ послушалъ. . . . . [1])
А спустилъ живу Добрыня змѣю лютую,
Какъ прилóжилъ вси двѣнадцать больши хоботы,
Какъ вспорхнула змѣя со сырой земли,
Полетѣла змѣя по-подъ нéбеса,
А да полетѣла она не на горы Сорочинськія,
Полетѣла она на святую Русь.
А какъ сѣлъ-то Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
А срѣчала (sic) змѣя, лéтитъ со святой Руси,
Со святой Руси, изъ города изъ Кіева;
Въ хоботахъ-то несётъ душу-красну дѣвицю.
Самъ поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву;
Заѣзжаетъ онъ во красенъ Кіёвъ-градъ;
А онъ ѣдётъ по городу по Кіеву,
А во Кіеви всё да не постарому, не попрежному,
Какъ народъ-отъ ходятъ не попрежному,
Онѣ ходятъ въ платьѣ чёрномъ, во печальнёмъ жо.
Какъ и ѣдётъ онъ по городу по Кіеву,
А играютъ туто малыя робятка жо;
А спросилъ-то онъ у малыхъ у робяточокъ:
„Что жъ народъ ходятъ не постарому, не попрежному,
Они ходятъ въ чёрномъ платьѣ, во печальнемъ жо.
А завѣсили свои да лиця бѣлыя?“
—'Послѣ твоёго-то быванья,
Налетѣла-то змѣя лютая
А на тотъ жа на зéленой садъ ко князю ко Владимеру;
А во ту пору, во то время
А гуляла-то въ саду душа-Мареа Дмитревна,
А любима-та князя племянниця;
Налетѣла на ей змѣя лютая Сорочиньская,
Ухватила ей въ двѣнадцать своихъ хоботы,
Унесла она на горы Сорочиньскія.—
А сидитъ Добрыня на добрóмъ кони да призадумалсэ.
Призадумалсэ да прикручинилсэ:
„А шьто омманила меня да змѣя лютая!
Мнѣ не чесь будётъ, похвала да богатырськая,

[1]) Здѣсь пѣвецъ замялся и не докончилъ стиха. *Собир.*

А не выслуга мнѣ будётъ да молодецькая“.
А онъ скоро поворачивалъ добра́ коня,
А добру коню да приговаривалъ:
„Ужъ ты гой еси, мой доброй конь, да Воронеюшко!
Побѣжи-ко ты скоро какъ стрѣла калёная,
А подымайсе ты выше лѣсу стоечего,
А пониже облака ходечего.
Ты скачи-тко, горы-долы промежъ ногъ бери,
Ты скачи-тко съ горы на гору,
Рѣки, озёра перескакивай;
Ты бѣжи прямо на тѣ горы Сорочиньскія,
Ишше гдѣ живётъ да змѣя-та лютая“.
Пріѣжжатъ Добрыня къ горамъ Сорочиньскіямъ,
Соходилъ-то Добрыня со добра́ коня;
Во праву́ руку́ берётъ востро́ копьё,
Во лѣву́ руку́ да поводъ лошадиныя;
А востры́мъ копьёмъ закопыватъ ступени жа;
А лѣво́й рукой коня ведётъ на горы Сорочиньскія.
А залѣзъ-то онъ на горы Сорочиньскія,
А садилсэ онъ скоро да на добра коня,
А какъ бралъ-то онъ трубочку подзорную,
А смотрилъ онъ на всѣ четыре сто́роны,
Онъ смотрилъ змѣиного жилишша жа;
А увидялъ тутъ Добрынюшка у змѣи высокъ теремъ;
А стёгалъ коня по крутымъ бёдрамъ.
Какъ пріѣжжалъ ко змѣаному высо́ку терему.
А соскакивалъ скоро со добра коня;
Забѣгалъ-то онъ къ змѣи да всё въ высокъ теремъ.
А сидитъ-то Марѳа Митрёвна въ высокомъ терем**и**, на матушки-сырой земли,
На колѣняхъ дёржитъ два змѣиныша;
А какъ ссутъ у неё да груди бѣлыя,
Высысаютъ изъ ей да кровь горячую;
А какъ чуть-то въ ей душа полуднуётъ.
Отрывалъ-то онъ отъ грудей-то, онъ, да бѣлыя,
Отрывалъ-то онъ двухъ дѣтёнышовъ,
Розрывалъ-то онъ ихъ на́двое,
А вымётывалъ вонъ изъ терема;
Выносилъ-то онъ Марѳу Дмитрёвну изъ высока терема,
А садилъ-то ей ко добру коню.
А какъ тутъ Добрыня зажогъ змѣи высокъ теремъ;
Загорѣлсэ змѣинъ высокъ теремъ.

А увидяла змѣя со святой Руси,
Полетѣла ко высоку терему,
Надлетѣла на Добрынюшку Никитича,
А хотѣла Добрынюшку огнёмъ зажечь,
А хотѣла убить своима большима хоботы.
А отсѣкъ-то онъ змѣи двѣнадцать большихъ хоботовъ;
Она падала да на сыру землю;
А какъ ту змѣя да замолиласе.
А тому Добрыня не поварывалъ [1]);
Розъерилосе его сердьце ретивое;
Онъ отсѣкъ ей да буйну голову.
А садилсэ да онъ да на добра коня,
А садилъ-то Мáрөушку да позади собя,
Привезалъ онъ Марөушку позади собя,
Шьтобы ве пала она да со добра коня;
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову-ту князю ко Владимеру.
Какъ срѣчаетъ ёго князь да середи двора,
Середи двора его со княгиною,
Со своима няньками, кухарками,
Со всѣмá-то своима придворныма,
Со князьями и съ бóяры.
У нихъ пиръ пошолъ навéсели, на радости.

74.

Михайло (Потыкъ).

Какъ во славномъ городи во Кіеви
А у ласкова князя у Владимера
А заводилось пированьё-столованьицё, почѐсёнъ пиръ
А на своихъ-то князей, всё на бóяръ жа
А на руськихъ на могучихъ на богáтырей,
На купцей, гостей торговыя.
А какъ красно-то солнышко идётъ оно на ѐсени,
А почесёнъ-отъ пиръ идетъ навéсели;
А какъ вси-то при пиру-ту сидятъ пьяны вéселы.
Какъ Владимеръ-отъ нашъ по гридни своей похаживалъ,
А съ ножки на ножку переступывалъ,
А какъ бѣлыма ручькáми розмахивалъ,

---

[1]) Т. е. не повѣрилъ змѣинымъ словамъ (?). У *Кирѣевскаго*, V, 97: „не побаровалъ“ объяснено: не обратилъ вниманія, не внялъ. Ср. ibid. I, 81, ст. 151: „не вѣруётъ“. *Собир.*

А жолты́ма-ти кудрями приростряхивалъ;
А какъ самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, ста́рый да ка́закъ Илья Муромецъ!
Я пошлю съѣздить въ проклятý Литву
А къ тому-ту королю ко Прускому.
Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичь младъ!
Ужъ ты съѣзди-ко къ королю-ту къ Астрійському,
Получи-тко у̑ ёго пошлины за три годика,
За три годика да сорокъ тысечей.
Ужъ ты вой еси, Михайлушко ты сынъ Игнатьевичь!
Ужъ ты съѣзди-ко къ королю ко Лиховиньському,
Къ Лиховиньському къ королю, ко Шведському,
Получи-ко дани за три годика,
А-то получи всего да сорокъ тысечей“.
Какъ ставали тутъ бога́тыри да на рѣзвы́ ноги,
А молились они Спасý пречистому,
А прошшалисе они со княземъ со Владимеромъ
Да во ту же всё во ручоньку во правую,
А сѣдлали, уздали добры́хъ коней;
Они скоро, лёкко скакали на добрыхъ коней;
Они видѣли-то добрыхъ молодцовъ на добры́хъ коней сѣжаючись,
А не видѣли ихной поѣздки богатырськой—поѣзжаючись.
Ѣхали изъ города не воротами не широкима,
А скакали черезъ стѣну городо́вую,
А черезъ высоку башню наугольнюю.
А тольке видѣли—въ чисто́мъ-то поли курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке три столба столбитъ.
Они ѣхали перьвой день съ утра до вечера;
На второй—наѣхали на роста́нюшки великія,
А на ти жо на три широки дорожочки.
Одержали они тутъ скоро добры́хъ коней,
Соходили они со добрыхъ коней,
Розоставили-то три шатра поло́тняныхъ,
А какъ сами вѣдь въ шатри они спать легли.
А какъ по утру, утру раннёму,
По восходу-ту было соньчя красного
А ставалъ-то государь да Илья Муромецъ:
„Вамъ полно спать да пора ставать!
А вѣдь надо намъ вѣдь путь дёржать“.
Какъ отъ сна тутъ добры молодцы да пробужалисе,

Выходили опп да изъ бѣлы́хъ шатровъ,
Умывались они свѣжо́й водой ключёвою,
Утирались они бѣлыми ла полотеньцеми,
А молились они сами Спасу все́ пречистому.
Говорилъ тутъ стары́й казакъ да Илья Муромецъ:
„Мы положимъ заповѣдь да промежу собой:
Ише хто изъ насъ привезётъ, дакъ намъ дѣлить-то, братцы, натрое".
Они клали заповѣдь промежъ собой великую.
Какъ скакали они скоро на добры́хъ коней насту́пчивыхъ,
Они поѣхали да всякъ въ дорожпчки широкія.
А какъ пріѣзжаё тутъ скоро́ стары́й казакъ да Илья Муромецъ
А къ тому-то королю ко Прускому да на широкой дворъ,
А онъ скоро соходилъ да со добра́ коня,
А вязалъ-то ко́ня середи двора да къ дубову́ столбу,
Къ дубову столбу да къ золоту́ кольчю,
А какъ самъ онъ вѣдь пошолъ на ново́ крыльцё,
Со красна́ крыльця да на новы́ сѣни,
А съ новы́хъ сѣней въ полаты королевськія;
Онъ не кститъ-то своёго лича бѣлого,
А не поклоняитьсе поганымъ идоламъ,
Только бьётъ целомъ во рученьку во правую
А къ тому жо королю ко Прусскому:
„Ужъ ты здраствуй-ко-се, ты Прусско́й король!"
— Ужъ ты здраствуй-ко, дородьнѣй доброй молодець,
Ужъ ты руськія могучія-сильній бога́тырь жо!
Ты зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ жа?
А посломъ ты ко мнѣ посланъ жа,
Ли служить ты мнѣ пріѣхалъ вѣрой-правдою? —
„Не служить-то я пріѣхалъ тобѣ вѣрой-правдою;
Я пріѣхалъ къ тебѣ посломъ посланъ жа
Отъ того жо нашого отъ князя Владимера
Получить отъ тебя-то дани сорокъ тысечей".
А какъ тутъ король да не ослышилсэ;
А берётъ онъ со спички золоты ключи,
Отмыкалъ онъ скоро кованы ларьчи,
Да отсцитывалъ онъ дани-пошлины за три годика да сорокъ тысечей.
Какъ получилъ-то стары́й казакъ да Илья Муромецъ
Ише ту жо дань, всё вѣдь пошлину;
Какъ дарилъ ёму король да всё подарочки,

А подарочки дарилъ да красна золота.
Какъ прошшаитьсе старый казакъ да Илья Муромця:
„Ты прошшай-ко-се, король до земли Прусськія“.
— Ты прошшай-ко-се, дородьнёй доброй молодець.
Ты скажи-ко про своё отечесьво—
Ты кокого отця да кокой матери,
Звеличеть тобя по имени да по отечесьву?—
„Я изъ города да всё изъ Мурома,
Изъ села-то я ѣжжу Карачеёва;
А у меня отець всё Иванъ да Тимоѳеичъ жа,
А меня зовутъ да Ильёй Муромцемъ;
Я служу у князя у Владимера да вѣрой-правдой, неизмѣною“.
Провожаётъ король да старый-казака Илью Муромця,
А какъ съ чести провожаётъ ёго, съ радости.
А да какъ во ту пору, во то время
А прiѣхалъ Добрынюшка къ королю-ту Астрiйському,
А прiѣхалъ вѣдь къ ёму да на широкой дворъ,
Соходилъ скоро да со добра коня.
Привязалъ коня къ дубову столбу да къ золоту кольчю,
А какъ самъ пошолъ да на красно крыльцё косисчято,
Со красна крыльця да на новы сѣни,
А съ новыхъ сѣней въ полаты королевськія.
Самъ приходитъ онъ въ полаты королевськія,
А не кститъ онъ своёго лич(ц)я бѣлого,
А не поклоняитьсе онъ поганымъ идоламъ,
Тольке бьётъ [1]) королю во-въ рученьку во правую:
„А да здрастуй-ко, король земли Астрiйскія!“
—Ужъ ты здрастуй-ко, дородьнёй доброй молодець,
Ужъ ты руськія сильнiй-мугучія богатырь жо!
А зачимъ ко мнѣ прiѣхалъ жа?
Али посломъ посланъ жа,
Али служить мнѣ-ка вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою да неизмѣною?—
„Я прiѣхалъ къ тебѣ не служить не вѣрою, не правдою да не неизмѣною;
Я прiѣхалъ къ тебѣ да посломъ посланъ жа
А какъ тимъ жо князёмъ всё Владимеромъ
Получить съ тебя ти дани-пошлины да сорокъ тысечей“.
А какъ тутъ король да не ослышилсэ,

[1]) Челомъ. *Собир.*

А да взялъ онъ скоро съ спичьки да золоты ключи,
Отмыкалъ онъ скоро кованы ларьчи,
Отчиталъ-то дани-пошлины да сорокъ тысечей,
Отдавалъ-то онъ Добрынюшки Микитичю:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодецъ!
А какъ тибя звать всё по имени,
Величеть тибя да по отечесьву?“
— Миня йменёмъ зовутъ Добрынюшка Микитичь младъ,
А по фамильи-то да сынъ Романовичъ [1]).—
Какъ во ту пору, въ само во то время
А пріѣхалъ-то Михайлушко къ королю ко Шведьському,
А ко Шведьскому-то королю, ко Лёховиньському;
Ёнъ заходитъ къ ёму на широкой дворъ,
Соходилъ-то онъ да со добрá коня,
Какъ вѣдь привязалъ коня къ дубову́ столбу да къ золоту кольчю,
А какъ самъ пошолъ да на краснó крыльцё косисчято,
Какъ вѣдь онъ заходитъ въ полаты королевськія,
А не кститъ онъ своёго личя бѣлого,
А не поклоняитьсе поганымъ идоломъ,
Только бьётъ челомъ королю во рученьку во правую:
„Ужъ ты здроствуй-ко, король да Ляховиньськія,
Леховиньськія король, ты Шведьськія!“
— Ты зачѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ жа?
Разѣ служить да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою да неизмѣною?—
„Я пріѣхалъ не служить тебѣ не вѣрою, не правдою,
А какъ я къ тебѣ пріѣхалъ посломъ посланъ жа
Отъ того-то вѣдь отъ князя отъ Владимера
Получить съ тобя да дани-пошлины да сорокъ тысечей“.
А какъ тутъ король да не ослышилсэ,
А да бралъ онъ со спички золоты ключи,
Отмыкалъ онъ тутъ да кованы ларьчи,
Вынималъ онъ золоту казну,
Отчиталъ-то дани-пошлины да сорокъ тысечей,
Отдавалъ-то онъ Михайлушку сыну Игнатьёву.
Тутъ-то королю за бѣду показалосе:
А какъ жалко-то ёму стало золотой казны.
Говоритъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодецъ!

[1]) Вмѣсто: „Романовича“. Ср. въ лѣтописяхъ: „князь Всеволодъ Мстиславичъ Романовичя“ (П. С. Р. Л. X, 77), и т. п. *Собир.*

Мы выграмъ-ко съ тобой во пѣшки-шахматы;
Клади-ко-се залогомъ сорокъ тысечей,
Я кладу залогомъ полъ-королесьва, полъ-царсьва своёго".
А какъ тутъ-то Михайлушко сынъ Игнатьёвичь призарилсэ,
А какъ сѣлъ-то вѣдь играть во пѣшочки, во шашочки,
А да клалъ-то онъ дань вѣдь, пошлину.
Какъ ступалъ король во перьвóй наконъ,
Выступалъ вѣдь король да во второй наконъ;
Проигралъ-то Михайлушко-то дань вѣдь, пошлину.
А какъ тутъ Михайлушко да обзадорилсэ;
Клалъ залогомъ всё добрá коня да збрую богатырськую.
А да вотъ короля призарило;
А какъ клалъ-то вѣдь залогомъ сорокъ тысечей.
Какъ ступалъ-то король да во перьвóй наконъ,
Выходилъ-то король да по второй наконъ;
На третьёмъ накóни король Михайлушку ту матъ даётъ.
Проигралъ-то Михайлушко добрá коня
Со всей обрýдой богатырською.
А какъ клалъ Михайлушко залогомъ буйну голову—
А служить-то королю вѣдь вó вѣки:
„Ты клади-ко залогомъ всё добрá коня;
Я кладу свою да буйну голову вó вѣки—
Служить-то вѣрой-правдою да неизмѣною".
А какъ тутъ короля всё призарило.
Какъ ступалъ-то Михайло во перьвóй наконъ,
Выступалъ Михайлушко да во второй наконъ;
На третьёмъ накóни королю вѣдь матъ даётъ.
А какъ выигралъ Михайлушко добрá коня съ обрудой богатырською.
А какъ тутъ королю за бѣду показалосе;
А какъ клалъ-то онъ залогу опеть сорокъ тысечей,
А какъ клалъ-то вѣдь Михайлушко добрá коня;
А какъ начели играть во пѣшочки, во шашочки.
Выступалъ-то Михайло во перьвóй наконъ,
Выступалъ-то Михайло во второй наконъ,
На третьёмъ накóни королю вѣдь матъ даётъ;
Отыгралъ Михайлушко да сорокъ тысечей.
А какъ тутъ королю кажисе за досадушку великую:
„А клади-тко, Михайлушко, дань-ту, пошлину;
А кладу тибѣ залогомъ а полъ-царсьва жа".
А какъ тутъ Михайлушко призарилсэ;
Они начели играть во пѣшки-ти, во шашочки.

А ступалъ-то Михайло во перьвой наконъ,
Выступалъ-то Михайло во второй наконъ,
На третьёмъ накони королю вѣдь матъ даётъ.
Проигралъ-то король полъ-царсьва жа.
А какъ жалко стало королю-ту вѣдь полъ-царсьва жа;
А какъ обзадорило короля играть во пѣшочки, во шашочки:
„Ты клади, Михайлушко, полъ-царсьва жа;
А вѣдь я отдаю тибѣ всё царсьво жо“.
Какъ ступалъ-то Михайло во перьвой наконъ,
А ступалъ-то Михайло во второй наконъ;
На третьёмъ накони королю вѣдь матъ игралъ.
А вѣдь проигралъ король вѣдь царсьво жа
А тому вѣдь Михайлушку Игнатьёву.
Какъ говорилъ король да таковы рѣч(ц)и:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодецъ!
А да ты прости меня во такой вины,
Не бери-тко моёго царсьва жа,
А оставь миня во царсьви жа,
Не садись ты на моё на царсьво жа.
А какъ есь у мня Овдотья, бѣла лебедь жа —
А отдамъ я тибѣ въ замужесьво“.
Какъ выводитъ король Овдотью, бѣлу лебедь жа.
А какъ тутъ Михайлушко обзарилсэ,
А обзарилсэ Михайло взеть собѣ въ замужесьво.
А берётъ ею да за бѣлы́ руки,
А чѣлуётъ ей да въ уста-ти въ сахарныя;!
А повёлъ-то Михайло Овдотью на широкой дворъ,
А садилъ-то Овдотью на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ изъ города да не воротами,
А скакалъ-то через стѣну городовую.
А да какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ-то старый казакъ да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А пріѣхалъ Добрынюшка къ бѣлымъ шатрамъ;
А Михайлушка-то нѣту у бѣлы́хъ шатровъ.
А какъ ѣдётъ Михайлушко да сударь-Игнатьевичъ,
А везётъ самъ на добро́мъ кони̂ да красну дѣвицю.
Сходилъ-то Михайло со добра́ коня,
А сымалъ-то Михайло Овдотью со добра коня.
А какъ говорилъ тутъ старая стары́ньшина да Илья Муромецъ:
„Ужъ вы гой еси, да братья крестовыя-назва́ныя!
А какъ станемъ мы исполнѣть свою заповѣдь великую —

А да станемъ-ко мы Овдотью дѣлить на́троё,
Ужъ мы станёмъ рубить Овдотью натроё".
Говорилъ-то Михайлушко Игнатьёвичъ:
— Ужъ ты гой еси, старый казакъ да Илья Муромецъ!
Я не дамъ-то вамъ дѣлить Овдотьи натроё,
А не дамъ-то ей рубить натроё:
Я Овдотьюшку возьму да за собя замужъ.—
Говорилъ ту старыя старыньшина да Илья Муромецъ:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко сынъ Игнатьёвичъ!
Не жона тебѣ-то будётъ вѣковѣчьняя;
Какъ она, она вѣдь всё—роду́ змѣиного.
Потеряшь ты за ей да буйну голову".
А какъ стала тутъ находить да ночка тёмная,
Повалились туто спать въ шатры поло́тьняны;
Повалилсэ это спать Михайлушко съ Овдотьюшкой.
А какъ было всё во самой во полуночи,
А какъ обвернула Овдотьюшка Михайла сѣрымъ волкушкомъ,
А спустила бѣга́ть да по чисту́ полю.
А какъ убѣжалъ-то Михайло во чисто́ полё,
А какъ бѣгалъ-то Михайло по чисту полю,
Прибѣжалъ-то къ Овдотьи ко бѣлу́ шатру.
Обвернула ёго да чёрнымъ вороном̀ъ;
Полетѣлъ Михайлушко да по темны́мъ лѣсамъ,
А леталъ-то Михайло по темнымъ лѣсамъ,
А прилетѣлъ-то Михайло ко бѣлу́ шатру.
Обвернула она Михайла бѣлымъ горностаюшкомъ,
А спустила ту бѣгать по подкореньицю.
А какъ бѣгалъ Михайло по темно́мъ лѣсу да по подкореньицямъ,
Прибѣжалъ Михайло ко бѣлу̀ шатру.
Отвернула Михуйлушка отъ горносталика.
А тогда Михайлушко въ шатёръ спать лёгъ жа;
А онъ крѣпко спалъ съ того уста́точку великого.
А какъ съ-по восходу-ту было соньця красного,
А да по зари-то было рано-утряной,
Выходилъ туто старый изъ бѣла́ шатра,
А да самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„Тебѣ полно спать, Михайлушко, съ Овдотьюшкой,
Пора тебѣ ставать да ѣхать ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову ко князю ко Владимеру!"
— Ужъ ты гой еси, осударь нашъ Илья Муромецъ!

Не могу я стать да головы поднять;
А болитъ-то моя буйна голова,
А не служатъ у мня да руки бѣлыя,
А не носятъ меня всё ножки рѣзвыя.—
А ставалъ-то Михайлушко да изъ бѣлá шатра,
Одѣвалсэ онъ во платьё дорожно богатырськое.
Говорилъ-то стáрый, государь да Илья Муромець:
„Ужъ мы не повезёмъ Овдотьи во красенъ Кіевъ-градъ!
А какъ не жона тебѣ будетъ любимая;
А того жо она роду вѣдь змѣиного.
А да станёмъ-ко мы Овдотью дѣлить натроё,
Ужъ мы станёмъ рубить Овдотью натроё“.
Говоритъ-то сынъ Михайлушко Игнатьевичъ:
„А не дамъ-то я рубить Овдотьюшку натроё;
Не оставлю я Овдотьи во чистóмъ поли,
Привезу я Овдотью въ красенъ Кіевъ-градъ,
А возьму-то я да за собя замýжъ.
А какъ сталъ-то Михайло садитьсе на добра коня,
А не могъ Михайлушко самъ сѣсть да на добра коня;
Посадилъ-то вѣдь Михайлушка да Илья Муромець.
Они поѣхали ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю да Владимеру.
А какъ пріѣхали ко городу ко Кіеву.
А какъ отдали князю да дань, да пошлину.
А во ту пору, во то время.
Заводилась у Михайла, пошла свадьба жа;
Какъ отцёмъ-ту сѣлъ самъ Владимеръ-князь,
А какъ матерью-ту сѣла да княгина жа,
А какъ тысецькимъ то сталъ казакъ Илья Муромець.
А какъ обвѣнчалсэ тутъ Михайлушко съ Овдотьюшкой,
Повели тутъ Михайлушка спать укладывать
Въ спальню горницю, въ свѣтлу свѣтлицю;
Говорилъ-то старый казакъ да Илья Муромець;
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Игнатьевичъ!
А какъ станётъ Овдотьюшка класть заповѣдь великую,
Не клади ты съ ей заповѣди великія—
Не лёжись-то съ ей живой вѣдь въ гробъ;
Потеряшь тутъ свою буйну голову“.
А какъ повалились спать Михайлушко съ Овдотьюшкой,
А старый казакъ—у дверей вѣдь слушати.
Говорила Овдотьюшка Михайлу таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Михайлушко Игнатьевичъ!

Мы положимъ промежъ-то заповѣдь великую,
А великую-то, вѣдь немалую:
А которой изъ насъ да напередь помрётъ,
А тому живому повалитьсе со мной во гробъ"
А какъ было во саму во полнóчь жа вѣдь,
А какъ померла Овдотьюшка у Михайлушка.
А да какъ по утру, утру ранному
А приходитъ тутъ Михайлушко изъ спальнёю,
Говоритъ онъ старому казаку да Ильи Муромцю,
Говоритъ-то онъ таковы рѣчи:
„Померла-то у меня Овдотья, лебедь бѣлая!"
Говорилъ-то а старый-то казакъ Илья Муромець:
— А почёмъ ты клалъ съ ей заповѣдь великую?
Ише не послушалъ моёго ты наказаньиця.
А вѣдь жалко всё тебя, Михайлушко,
А какъ жалко тобя, доброго молодца,
А какъ руського могучого богáтыря!
Ты послушай-ко меня да во послѣдней разъ:
Ужъ ты сдѣлай-ко-се ей да гробъ великія,
Штобы въ гроби было гдѣ легчи,
Да штобы стоя стоеть да сидя сидѣть;
Ты возьми съ собою свѣшшѝ да воску ярого,
Ты возьми съ собой да саблю вострую къ себѣ во гробъ.
Не жалѣй-то ты Овдотьи, бѣлой лебеди.—
А какъ сдѣлали вѣдь ей большой-отъ гробъ,
А вѣдь повезли Михайлушка съ Овдотьей во сыру землю,
Захоронили тутъ Михайлушка съ Овдотьюшкой;
А задёрнулъ тутъ Илья Муромець полосой-то всё желѣзною,
А какъ сталъ Илья-то Муромець на гробници ихней слушати.
А какъ закатилось тутъ да соньчё красное,
Потыхала тутъ заря (да) вечерняя,
А въ ти поры Овдотья въ гроби шшевелиласе,
А какъ лютою змѣёю овернуласе.
А какъ тутъ Михайлушко да испугалса жа;
А скакалъ онъ скоро на рѣзвы ноги,
Выхватѝлъ онъ свою саблю вострую,
А отсѣкъ змѣи буйну голову;
Ише тутъ Овдотьюшки вѣдь смерть пришла.
Застучалъ-то саблёй вострой въ ту плиту желѣзную.
Услыхалъ старый казакъ да Илья Муромець,
Отсыпáлъ онъ пески, камешки, отдёрьгивалъ плиту желѣзную,

Выпускалъ-то Михайлушка изъ гробници вонъ.
Тутъ Овдотьюшки конець пришолъ,
Конець пришолъ, да старины поютъ,
Старины поютъ да сказываютъ [1]).

75.

Дунай.

Какъ во славномъ было городи во Кіеви,
А у ласкова-то князя у Владимера
А заводилосе пированьё-столованьицё, почёсной пиръ
А на всихъ свойхъ-то князей, бо́яръ жа,
А на всихъ-то на руськихъ могучихъ на бога́тырей,
На купцей-то, гостей торговыя,
А на тихъ-то гостей, каликъ да перехожія.
А какъ свѣтелъ день-отъ идётъ на е́сени,
Красно солнышко идётъ на всей вы́шины,
А почёсенъ-отъ-то пиръ идётъ наве́сели;
А какъ вси-то на пиру сидятъ да пьяны, ве́селы,
А какъ вси-то на честномъ сидятъ пьютъ-то, ѣдятъ, хвастаютъ:
Какъ богатъ-отъ хвастатъ золотой казной 'суда́ревой,
А иной-отъ фастаётъ да широки́мъ дворомъ,
А какъ сильнёй-отъ хвастатъ да своей силою,
А иной-отъ хвастатъ всё добры́мъ конёмъ;
А какъ глупой-отъ хфастатъ молодой жоной,
Неразумной-отъ хфастатъ всё родной сёстрой;
А какъ умной-отъ всё хфастатъ роднымъ батюшкой,
А разумной-отъ хфастатъ родной матушкой.
Какъ Владимеръ-князь по полаты-то похаживатъ,
А съ ножки на ножку переступыватъ,
А жолты́ма-ти кудрями прироcтряхиватъ,
А какъ бѣлыма-ти ручками розмахыватъ,
А златыма-ти перстнями принашшалкиватъ;
А онъ самъ-отъ говорилъ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, моя вы князья, бо́яра!
А какъ вси у мня во Кіеви поже́нёны,
Красны дѣвушки заму́жъ пода́ваны;
А какъ я единъ-то князь Владимеръ всё холо́стъ хожу,
Я холостъ хожу да нежонатъ слову́.

---

[1]) Послѣдніе три стиха пѣвецъ добавилъ словами. *Собир.*

Вы не знаите ли мнѣ обрушьници,
А обрушьница мнѣ-ка-то супроти́въ собя,
Шьто обрушьвици-то мнѣ-ка, красной дѣвици:
Шьтобы возрастомъ нема́ла и умомъ сверстна,
А бѣло́ лицё-то было у ей снѣгу бѣлого,
А какъ ясны очи были какъ у сокола,
У того же со́кола какъ перелётного,
Чёрны брови были ў ей какъ у соболя черно́го всё сибирского,
А какъ я́годи́ници были у ей ка-быть маковъ цьвѣтъ,
А походочка у ей была павиная,
Ти́ха, кро́тка рѣчь была шьтобы лебединая?“
А какъ большо́й-отъ князь хоронитьце за среднёго,
А вотъ средней-отъ тули́тьце всё за меньшого,
А отъ меньшого, отъ бо́льшого отвѣту нѣтъ.
Говоритъ-то князь Владимеръ по второй наконъ,
А какъ говорилъ-то князь да по-въ третёй наконъ:
„Ужъ вы гой еси, мои да князи, бо́яра,
Ужъ вы руськіи мугучи-сильни всё бога́тыри!
А не знаите ли мнѣ обручници, да красной дѣвици,
Красной дѣвици да супроти́въ меня:
Чтобы возрастомъ была нема́ла и умомъ сверстна,
А бѣло́-то личё у ей-то было ка-быть бѣлой снѣгъ,
А какъ ясны очи были какъ у сокола,
У того же сокола какъ перелётного,
Черны брови были ў ей какъ у соболя сибирского,
А какъ ягодьници были у ей ка-быть маковъ цьвѣтъ,
А походочька была её павиная,
Тиха рѣчь-то, кро́тка бы́ла лебединая?“
Какъ большой-отъ князь хоронитьце за среднёго,
А какъ средней-отъ хоронитьце за меньшого;
А отъ ме́ньшого, отъ бо́льшого отвѣту нѣтъ.
Изъ-за то́го жо стола да всё око́льнёго,
Изъ-за той жо скамеячки да бѣлоду́бовой,
Изъ-за той же ѣствы всё саха́рныя
А ставалъ-то на рѣзвы́ ноги дородьнёй доброй молодець
А какъ той жо Добрынюшка Микитичъ младъ;
Ишше самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Владимеръ-князь да стольнё-Кіевськой!
А благослови-тко мнѣ-ка слово вымолвить,
Ты моги меня за слово́-то всё помиловать,
А не будь меня-то не казнить, не вѣсити,

Не садить-то меня въ тёмну тёмницю
А за крѣпкія всё караулы жо.—
Говорилъ-то князь да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка ты Микитичъ младъ!
Говори-тко ты, да шьто тѣ надобно.
Я не буду тибя не казнить, не вѣсити,
Не садить тобя да въ тёмну тёмницю;
Я могу тобя да всё помиловать, пожаловать.“
— А какъ знаю-то я тобѣ обручницю-то, красну дѣвицю,
Красну дѣвицю да супротúвъ тобя:
Она возростомъ немáла и умомъ сверстна;
Какъ бѣлó лицё у ей-то бытьто снѣгу бѣлого,
А какъ ясны-ти очи какъ у сокола,
А чернú-ти брови какъ у соболя сибирского,
А да ягодьници у ей были какъ вѣдь маковъ цьвѣтъ,
А походочька у ей павиная,
Тиха, крóтка рѣчь да лебединая.
А у того жа корóля да Лёховинського
А какъ есть-то у ёго двѣ-то дочери любимыя:
А большá ёго-то дочь Настасья Королевичьня,
А та есть не тобѣ чета, да не тобѣ жона,—
Она ѣздитъ по чисту̀ полю, полякуётъ;
То нама ровнá и намъ чотá;
А меньшая дочь Опраксея Королевичьня,
Она возростомъ немáла и умомъ свёрстна,
Бѣло лицё у ей-то бытьто снѣгу бѣлого,
А какъ ясны-ти очи какъ у сокола,
У того же сокола какъ перелётного,
А чернú-ти брови какъ у соболя сибирського,
А походочка её была павиная,
Тиха, крóтка рѣчь да лебединая,
А да ягодьници-ти у ей были какъ маковъ цьвѣтъ.
Я не самъ видалъ, да отъ людей слыхалъ,
Отъ того-то брата назвáного-крестового
А какъ отъ Дуная сына всё Иванова.
А онъ жилъ-то у короля ровнó й двѣнадцеть лѣтъ:
А онъ три года жилъ у ёго всё ’ дворникахъ,
А да три года онъ жилъ у̌ ёго во конюхахъ,—
А какъ ѣздили они съ Настасьёй во чистó полё поляковать;
А да три года-та онъ жилъ у ёго во ключникахъ,—
А-то всё было ёму повѣрёно;
А да три года-то жилъ-то онъ во стольникахъ,

А во стольникахъ-то жилъ, да у столовъ стоялъ;
А когды-то ёго дочери сидятъ кушаю,
А игралъ-то онъ во звончаты́ гусли,
Утѣшалъ-то у ёго дочери любимыя.
А какъ топере у тя Здунай да си́дитъ во тёмной тёмници
А за крѣпкима замками-ти заморскима,
А за срогима-ти караулами.—
Говоритъ ту всё Владимеръ-князь да таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Добрыня всё Микитичь младъ!
А бери-тко ты у мня со спички золоты ключи".
А да бралъ тутъ Добрыня, не ослышилсэ,
Ишше скоро бралъ да золоты ключи,
А пошолъ онъ отмыкать да тёмны тёмници;
Отмыкалъ онъ тёмну тёмницю,
Заходилъ-то онъ да въ тёмну тёмницю.
А сидитъ Здунай среди да тёмной тёмници,
Да повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи́ ясны въ сёреды кирпичьнія [1]).
Самъ проходитъ къ Здунаю Добрынюшка близёхонько:
„Ужъ ты здраствуй, братъ названыя-крестовыя!"
Ужъ какъ 'видялъ Здунай Добрынюшку Микитьиця,
Онъ да скоро скоцилъ на рѣзвы́ ноги,
А какъ билъ челомъ во рученьку во правую:
— Ужъ ты здраствуй, ты мой братъ крестовыя,
Крестовый ты мой братъ, назва́ныя!—
А какъ говоритъ тутъ Добрынюшка Микитичъ младъ:
„Ужъ ты гой еси, Здунай ты сынъ Ивановичъ!
Мя-то выкупить-то было изъ неволюшки:
А какъ я тобой при пиру-то всё похвасталъ жа
Тому-то князю Владимеру,—
А ты жилъ у короля двѣнадцеть лѣтъ,
Увидалъ у ёго Опраксею королевичьню.
Ты пойдёмъ топере ко князю на почёсёнъ пиръ".
А какъ ту Здунай да не ослышилсэ,
А пошолъ ко князю на почёсенъ пиръ,
Заходилъ-то онъ въ полаты въ княжёнѣцькія;
А какъ крестъ-отъ онъ кладётъ да по писа́ному
Да поклонъ-отъ ве́детъ да по учёному,
Ише бьётъ челомъ князю Владимеру во рученьку во правую:
„Ужъ ты здраствуй-ко, Владимеръ-князь да стольне-кіевской!"

---

[1]) Въ стѣну ли, въ полъ ли? *Крюковъ*. Середа—полъ. *Собир.*

— Ужъ ты здраствуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичъ!
У тя милости прошу да на почёсёнъ пиръ.
А какъ ты у мня, Здунай, да въ забытьи прошолъ.—
А садилъ-то Здуная во большо мѣсто,
Во большо мѣсто, да во большой уголъ;
Наливали Здунаю чару зелена вина,
А не малу, не велику—въ полтора вёдра,
Подавали Здунаю сыну Иванову;
Принималсэ Здунай да одино́й рукой,
Выпивалъ-то тутъ Здунай да единымъ духомъ;
А какъ ту жа чару наливали пива хмѣльнёго;
Выпивалъ-то онъ да единымъ духомъ,
На закуску, на запивку—турей рогъ да мёду сладкого.
Какъ сидитъ Дунай, не чимъ не хвастаётъ;
А повѣсилъ онъ вѣдь буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи ясны въ сёреду кирпичьнюю;
А сидитъ онъ не пьётъ, не ѣстъ, не хвастаетъ.
А какъ наливали вторую чару зелена вина,
А не малу, не велику—въ полтора ведра;
Выпивалъ-то онъ да единымъ духомъ,
На запивку—турей рогъ да мёду сладкого.
А какъ тутъ-то Здунай да сталъ поглядывать,
А поглядывать ту зачалъ, поговаривать,
А какъ зачалъ тутъ Дунай да сталъ похвастывать.
Говоритъ-то князь Владимеръ жа:
„Ужъ ты гой еси, Здунай да сынъ Ивановичъ!
Ужъ ты много ѣзживалъ да по святой Руси,
Ужъ ты много живалъ да въ проклято́й Литвы.
А не знашь ли мнѣ-ка всё обручьницы, да красной дѣвици
Шьтобы возростомъ была немала и умомъ сверстна,
А бѣло́-то лицё у ей-то было ка-быть бѣлой снѣгъ,
А какъ ясны-ти очи были какъ у сокола,
У того же сокола какъ перелётного,
А черны брови были какъ у соболя сибирського,
Тиха рѣчь-то кро́тка была лебединая,
А походочька у ей была павиная?“
— У того-то короля да Лёховинського,
То я знаю, есть двѣ дочери любимыя:
А больша́ ёго-то дочь Настасья-королевичьня,
Она ѣздитъ по чисту полю, полякуётъ,—
То намъ ровна́ и намъ чета;
А меньшая дочь Опраксея-королевичьня,

А та есть тобѣ чета да тобѣ жона.—
Говоритъ-то князь да таковы рѣчи:
„Привези-тко ты за меня ею въ замужесьво;
Ты бери-тко у мня силы, сколько надобно,
А бери ты золотой казны несчётную“.
Говорилъ-то Дунай князю таковы рѣчи:
— А нашьто мнѣ твоя силушка великая?
А какъ мнѣ съ силой не дратисе, не воеватисе;
Мнѣ ненадобна твоя да золота казна несчётная:
Ише мнѣ твоей казной не откупатисе.
Тольке дай мнѣ-ка двухъ крестовыхъ братьицей, названыя:
Какъ перьво́го братъ-Добрынюшку Микитьиця,
А второго братъ-Олёшеньку Поповиця.
Привезёмъ-то мы тебѣ Опраксею-королевичьню;
Онъ съ чести не отдастъ, дакъ мы боемъ возьмёмъ.—
Говорилъ-то князь да таковы рѣчи:
„А бери-тко, Дунай, да кто тѣ на́добно“.
Они брали со спичьковъ пуховы шляпы,
Какъ молились они Спасу пречистому
А да матери-то Божьей Богородици,
А пошли они да со чесна́ пира,
Со чесна пира да на широкой дворъ;
А сѣдлали, уздали своихъ добры́хъ коней.
А какъ тольке видѣли, какъ бога́тыри срежалисе,
А не видѣли, какъ на добры́хъ коней сѣжаючись,
А не видѣли поѣздки богатырськія;
Тольке видѣли—въ чисто́мъ полѝ да курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке три столба столбитъ.
А пріѣхали они да къ королю да на широкой дворъ,
Сходили со добры́хъ коней,
А везали ко́ней середи двора къ дубову́ столбу,
Къ дубову столбу да къ золотымъ кольцю (sic).
Говорилъ-то Здунай да таковы рѣчи [1]):
„Ужъ ты гой еси, да братъ ты мой крестовыя-назва́ныя!
Ты останьсе это, середи двора.
Какъ учюёшь—зазвенитъ неровно́ моя да сабля вострая,
Заскрипятъ-то мои плечи богатырськія,—
А тогды сѣки на двори, руби ты старого ихъ вѣдь, малого,
Ни единого не оставлей королю на сѣмяна.“
А какъ заходятъ они на красно́ крыльцё,

---

[1]) Конечно, Алешѣ. *Собир.*

Съ красна́ крыльця да на нові́ сѣни,
Оставляютъ (sic) тутъ Добрыню на новыхъ сѣняхъ:
„Ты останьсе, мой ты братъ крестовыя;
А какъ зазвенитъ-то моя сабля вострая,
А ты руби, сѣки старого, всё вѣдь мла́дого,
Не единого королю не оставлей на сѣ́мёна“.
А какъ пошолъ Здунай въ полаты въ королевськія;
Заходилъ-то онъ въ полаты королевськія;
Отпиралъ-то онъ да двери на́ пяту,
Запиралъ-то онъ да двери на́крѣпко,—
Шьто полата королеська потрясаласе,
Ставникі́ въ дверяхъ да помиту́сились;
Онъ бьётъ во рученьку во правую королю да Лёховиньсьскому:
„Ужъ ты здраствуй-ко, король да Лёховиньськія!“
— Ужъ ты здраствуй-ко, Здунай ты сынъ Ивановичъ!
Ты пошьто ко мнѣ пріѣхалъ жа?
А служить-то мнѣ пріѣхалъ всё постарому, попрежному
А да той же вѣрой, всё вѣдь правдою?—
„Не служить-то я пріѣхалъ тебѣ́ не постарому, не попрежному,
Я не вѣрой служить тебѣ, всё не правдою,
Не посломъ-то я пріѣхалъ посланъ жа;
А какъ я пріѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататьсе
На твоей-то на любимою на дочери
А на той жо Опраксеи-королевичьни—
За того жа за нашого князя Владимера,
За Владимера да стольнё-кіевська.
Ты отдай-ко ею́ съ чести, съ радости,
Безо драки отдай да кроволитныя,
Не проливай крови напрасныя;
Ужъ ты съ чести не отдашь, дакъ мы боёмъ возьмёмъ,
Той да дракой кроволитною“.
Говорилъ-то король да таковы рѣчи:
— У мня, право, Опраксеюшка просватана,
А просватана да запоручена
За того жо вотъ за поганого Идо́лишша;
А у насъ топерече ведетьце пиръ,
У насъ бѣлыя ручки испода́ваны,
Златыма перстнёми испомѣ́неносъ.
А сидитъ у мня Идолишшо за тима́ столами бѣлоду́быма,
За тима за ѣсвами да всё саха́рныма —

А какъ говорилъ Здунай да во второй наконъ:
„Ужъ ты право, король, Опраксеюшку — за князя за Владимера,
Ужъ ты чесьти отдай ёю, съ радости,
А безъ драки ты отдай да кроволитныя;
Ужъ ты съ чесьти не отдашь, дакъ мы боёмъ возьмёмъ“.
Говорилъ-то Здунай да во третёй наконъ:
„Ты отдай-ко, король, съ чести, съ радости,
Безъ драки ты отдай да кроволитныя,
А не проливай ты чужой крови понапрасному“.
Говорилъ король да таковы слова:
— У мня, право, Опраксеюшка просватана, запоручена
За того жо за царишша за Идолишша.—
Какъ стоитъ Здунай да призадумалсэ,
А повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потупилъ очи въ матушку сыру землю,
А какъ думалъ думушку да промежду́ собой:
„Намъ не чесь-хвала-то будётъ да молодецькая,
А не выслуга будётъ у князя молодецькая,
А не чещь-хвала-то будётъ богатырськая,
А шьто не привезёмъ-то Опраксеи мы за князя всё въ замужесьво!“
Какъ его стало ретиво сердьцё розъерятисе,
А горе́чя кровь ёго да розгорятисе,
Лѣпета́ въ лици стала перемѣнятисе;
Какъ у ёго сердцё розъерилосе,
Богатырськи плечи шшевелилисе.
Подходилъ-то онъ да ко дубовы́мъ столамъ,
А ко тому столу́-то [1]) рыта бархата,
А какъ то́лконулъ поганого Идолишша во грудь-то ёму въ поганую,
А какъ падало Идолишшо со сту́ла рыта бархата.
Ухватилъ-то онъ ёго да за рѣзвы́ ноги,
А какъ начялъ тотариномъ Идолишшомъ по столо́мъ помахивать,
Ишшо самъ онъ ёму да приговаривалъ:
„А какъ жи́ловать тотаринъ, всё не по́рвитьце,
Косьливъ тотаринъ, всё не сломитьце!“
А подъ дубовы-то король столы пѣхаитьсе,
Чёрной шубой соболиной закрываитьсе,

[1]) Вмѣсто „сту́лу-то“, ср. ст. 304. *Собир.*

А онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Здунай да сынъ Ивановичъ!
А бери топерь Опра́ксею за князя за Владимера,
А вези-тко ей да на святую Русь,
Не губи-тко моёго народу понапрасному“.
Какъ бросалъ-то тотарина да изъ бѣлы́хъ-то рукъ,
А какъ самъ пошолъ въ полаты къ Опраксея-королевичьни,
А заходилъ-то въ полату, въ свѣтлу свѣ́тлицю
А ко той жо Опраксеи-королевичьни.
Какъ увидяла-то Здуная Опраксея-королевичьня —
А сидѣла-то она на стули рыта бархата,
Выпивала-то поганому Идолищу шириночку,
А шириночку-ту вышивала краснымъ золотомъ —
Она увидяла Здуная сына Иванова,
А скочила она на рѣзвы́ ноги
И бьётъ челомъ Здунаю сыну Иванову:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Здунай да сынъ Ивановичь!“
— Ужъ ты здрастуй, Опраксея-королевичьня!
Ты срежайсе ѣхать со мной на святую Русь,
На святую Русь да ты въ замужесьво
За того-то за нашого-то князя за Владимера. —
Тутъ недолго Опраксея собираласе,
Собралась она да покрутёшенько.
А какъ бралъ-то Здунай-то ей за рученьку за правую,
Выводилъ-то ей да на новы́ сѣни;
На новы́хъ сѣняхъ прибито народу всё несчётною.
А идётъ она-то, ужасаитьсе,
Она горькима слезами заливаитьсе,
А сама она да говоритъ да таковы рѣчи:
„А умѣлъ-то меня батюшко вспоить, вскормить, возрбстити,
Не умѣлъ-то меня отдать въ замужесьво,
А какъ съ той жо чесьти отдать да съ радости,
А безъ драки всё да кроволитныя“.
Выводилъ-то ей да на широкой дворъ,
А садилъ-то онъ собѣ да на добра́ коня;
Они [1]) скоро́, лёкко скакали на добрыхъ коней,
Какъ изъ города поѣхали не воротами,
А скакали черезъ стѣну городо́вую.
А какъ ѣдутъ они путёмъ-дорогою,
А наѣхали они на и́скопеть глубокую.

---

[1]) Богатыри. *Собир.*

А какъ одёржалъ-то Здунай всё добра коня;
Ужъ и самъ онъ говоритъ да таковы слова:
„Ужъ ты возьми-ко-се, Добрыня, у мня Опраксею на своёго на добра́ коня,
Я поѣду по этой и́скопыти глубокія“.
А какъ бралъ-то Добрыня Опраксею на добра коня;
А поѣхали они ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю ко Владимеру;
А какъ Здунай поѣхалъ пода́лече въ чисто́ полё.
А во ту пору, во то время
Пріѣхалъ Добрынюшка во красенъ Кіевъ-градъ
А ко ласкову-ту князю ко Владимеру.
А срѣчаётъ князь всё Владимеръ жа,
А срѣчаётъ середи двора.
Какъ пошла (sic) у Владимера да пиръ наве́сели,
Повелась у Владимера тутъ свадьба навесели;
Зача́лъ князь женитисе,
Женитисе на Опраксеи-королевичьни.
А во ту пору, во то время
А пріѣхалъ Здунай да ко бѣлу́ шатру,
Соходилъ-то онъ со добра́ коня,
Заходилъ-то онъ въ бѣлъ шатёръ въ поло́тняной,
Увидалъ—въ шатри лежитъ да душа красна дѣвиця,
А какъ та жа Настасья-королевичьня;
Она спитъ лежитъ да розметаласе,
Она крѣпкимъ сномъ засыпала богатырскимъ жа.
А какъ повалилсэ спать Знунай да сынъ Ивановичь,
А какъ обнималъ-то Здунай да красну дѣвицю,
А отъ сна дѣвиця пробуждаласе да испугаласе;
Она скоро выскакивала изъ бѣла́ шатра,
А кричала она да громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, невѣжа, доброй молодець!
Ты зачѣмъ мнѣ-ка пріѣхалъ ко бѣлу́ шатру,
А зашолъ-ты во бѣло́й шатёръ?
Отчѣку-то я тебѣ-то да буйну голову,
Отчѣку-то я да на чисто́мъ поли́!“
Не познала она Дуная сына Иванова;
А скакала на добра́ коня.
Выходилъ Здунай да изъ бѣла́ шатра,
А садилсэ онъ скоро́ да на добра́ коня.
Какъ розъѣхались они да по чисту́ полю,
А какъ съѣхались они да во едно мѣсто,

Какъ ударили они да саблеми вострыма, —
У ихъ сабельки всё да пошшербалисе;
А какъ другъ друга они не ранили,
А какъ нё дали на собя раны кровавыя.
А они розьѣхались да по второй наконъ,
А ударились они да палицеми тяжолыма,—
Они другъ друга не ранили,
А какъ не дали на собя раны кровавыя.
А розьѣхали они да по-въ третёй наконъ,
А ударились они да копьеми да борзоменьскима.
А какъ падала Настасья со добрá коня да изъ сѣдёлышка,
А какъ падала она да на сыру землю.
А какъ соскакивалъ Добрыня да на сыру землю,
А какъ сѣлъ Настасьи на бѣлы́ груди,
Вынималъ онъ изъ кинжалишша булатенъ ножъ,
Залупалъ у ей-то груди бѣлыя,
Захотѣлъ-то спороть бѣлы́ груди,
Досмотрить-то у ей да ретивá сердца.
Тутъ Настасья испугаласе,
А богáтырю Настасья возмолиласе:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодецъ!
Не пори-тко моихъ бѣлыхъ грудей,
Не смотри-ко ты моёго ретивá сердьця,
А возьми-ко ты меня да за собя замýжъ;
Ужъ я буду тебѣ да жона вѣрная,
А какъ вѣрная—служить тѣ буду вѣрой-правдою“.
А какъ бралъ ставалъ-то онъ скоро да на рѣзвы́ ноги,
Подымать-то ей да за бѣлы́ руки,
За бѣлы́ руки да за золоты́ персьни,
Чёловалъ ёю въ уста сахáрныя:
— Ужъ ты гой еси, Настасья королевичьня!
Не узнала ты Здуная сына Иванова.—
Какъ садились они да на добрыхъ коней,
А поѣхали они да ко бѣлý шатру;
А пріѣхали они да ко бѣлу шатру,
Соходили они да со добрыхъ коней,
Насыпáли конямъ шаеници бѣлояровой,
А спускали йись травы муравою,
А сами въ шатёръ зашли, они спать легли;
Они спали поры-время трои суточки;
На четвёрты суточки отъ сна да пробужалисе,
А какъ въ красёнъ Кіевъ они отправлялисе,

А пріѣхали ко князю на широкой дворъ.
Увидалъ-то князь да со кнегиною,
А увидяла Опраксея всё родну сестру.
А какъ тутъ Здунай-отъ взялъ Настасью за собя замужъ,
За собя замужъ да всё въ супружесьво [1]).
А сидятъ-то они на чесномъ пиру-ту, пьютъ, ѣдятъ да хвастаютъ;
А Здунай-отъ какъ похвасталъ своей силушкой:
„А какъ нѣтъ изъ богáтырей меня сильнѣ́ да во чистóмъ поли,
Дѣльнѣй меня да стрѣлеть стрѣлочкой,
Той-то стрѣлочкой калéною“.
Говоритъ-то Настасья да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, сударь Здунай да ты Иванавичь!
Ты не хвастай-ко да своей силушкой:
А какъ нѣтъ сильнѣй въ чистóмъ поли да Ильи Муромця,—
Ише нѣтъ ему да супротившыка;
А какъ нѣтъ дѣльнѣй стрѣлеть меня, да красной дѣвици.—
„Ты не стрѣ́лишь, какъ я стрѣ́лю, доброй молодець:
Я рострѣ́лю на буйнóй главы злачёнъ перстéнь“.
—Я рострѣ́лю на буйнóй главы злачёнъ перстéнь.—
А они поспорили да на чесномъ пиру;
А какъ тутъ Здунаю сыну Иванову за бѣду показалосе.
А поѣхали они стрѣлеть да во чистó полё;
Розъѣзжались они да по чисту́ полю.
Клалъ-то на свою-ту буйну голову да свой злачёнъ перстень;
Натягáла тутъ Настасья свой розрывчатъ лукъ,
Она клала стрѣлочку калёную,
Какъ ко стрѣлочки да приговариватъ:
„А полети моя каленá стрѣла далеко да во чистó полё,
А не падай моя калена не нá воду, не нá землю,
А не падай Дунаюшку во правой глазъ,
А попади стрѣла Дунаюшку въ злачёнъ перстень,
Росшиби ты перстень надвоё.
Полетѣла стрѣлочка да во чистó полё,
Она падала не нá воду, не нá землю.
А какъ падала Здунаю во злачéнъ перстень,
А росшибла она перстень надвоё,—
Не котора половинка не больше, не меньше.
Какъ стрѣляётъ Здунай Настасьюшки въ злачёнъ перстень

[1]) Слѣдующій за симъ конецъ старины Крюковъ пропѣлъ на другой день, когда я ему напомнилъ, что, какъ онъ самъ говорилъ раньше, Дунай убилъ свою жену. *Собир.*

А какъ самъ онъ приговариватъ ко стрѣлочки калёною:
„А не падай, моя стрѣлочка, не на́ воду, не на землю,
А не на воду, не на землю, не въ злачёнъ перстень,
А пади-тко, моя стрѣлочка, Настасьюшки во правой глазъ“.
Полетѣла стрѣлочка не на воду, не на землю,
А попала Настасьюшки во правой глазъ.
Падала Настасья со добра́ коня,
Мать сыра земля да потресаласе.
Прiѣзжаетъ-то Здунай къ Настасьюшки,
Соходитъ онъ со добра коня,
Вынимаётъ изъ кинжалишша булатенъ ножъ;
А споролъ Настасьи груди бѣлыя,
Досмотрилъ Дунай Пастасьи ретиво́ серцо.
Какъ увидялъ въ утробы два младеня жа,
Два младеня, два́ сына,—
А какъ тутъ Здунай брошалсэ на тотъ жо на булатёнъ ножъ,
Закоколсэ Здунай да на вострóмъ ножи,
А какъ тутъ Здунаю съ Настасьёй смерть пришла.

76.

Михайло Игнатьевичъ (Даниловичъ) [1].

Какъ во славномъ было городи въ Кiеви,
Какъ у ласкова-т'у князя у Владимера
Заводилосе пированьицё, почесенъ пиръ
На многихъ князей, всё бóяръ жа,
А на руськихъ могучихъ всихъ богатырей,
А на купцей-гостей торговыхъ жа,
А на всихъ-то каликъ да перехожiёхъ.
Красно солнышко идётъ на ёсени.
Почесёнъ пиръ идётъ навéсели;
А какъ вси-то на пиру пьяны, вéселы;
Они пьютъ, ѣдятъ да хвастаютъ:
А какъ сильнёй-отъ хвастатъ своей силушкой,
А богатой-отъ хвастатъ золотой казной несчётною,
А иной-отъ хвастатъ широки́мъ дворомъ,
А какъ глупой-отъ хвастатъ да всё родной сестрой,
Неразумной-отъ хвастаётъ молодой жоной,
А какъ умной-отъ хвастатъ да рóднымъ батюшкомъ.

[1] Эту старину я записалъ съ разсказа пѣвца, потомъ исправлялъ по его пѣнію; поэтому въ записи оказались нѣкоторые пропуски. Она напечатана въ Извѣстiяхъ Отдѣленiя русск. яз и сл. И. Акад. Н., т. IV, кн. 2, стр. 712. *Собир.*

А разумной-отъ вѣдь хвастатъ ро́дной матушкой.
Какъ тутъ, на пиру вси пьютъ, ѣдятъ, да кушаютъ,
А единъ-отъ доброй молодецъ сидитъ не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
А бѣло́й лебёдушки себѣ не рушаётъ.
Какъ Владимеръ-отъ князь по полаты-то похаживатъ,
Онъ съ ножки на ножку нереступыватъ,
Русыма-ти кудерьцеми поростряхиватъ,
Бѣлыма-ти ручками розмахиватъ,
А какъ самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„А какъ вси на пиру, всѣ пьяны, ве́селы,
Вси-то пьютъ, ѣдятъ, вси хвастаютъ,
А единъ-отъ доброй молодецъ не пьётъ, не ѣстъ;
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
Какъ по имени Игнатій сынъ Даниловичъ".
Говорилъ-то князь Владимеръ стольно-кіевськой:
„Ужъ ты гой еси, Игнатій сынъ Даниловичъ!
Ты сидишь у меня при пиру. . . . .
А ничимъ ты, сидишь, не фастаешь;
Развѣ мѣстомъ я тебя о́бсадилъ,
Или винной чарой тебя о́бнесли,
Ели кто надъ тобой посмихаитьце,
....,
Не по разуму тебѣ, не по́ души?".
Отвѣчаетъ Игнатій сынъ Даниловичъ:
— Мнѣ мѣсто по отчинѣ, по отечесьву,
Питья, кушанья мнѣ по разуму,
Винной чарой-то меня не о́бнесли,
И нехто надо мной не посмѣхаитьсе.
Благослови-тко мнѣ-ка слово молвити,
Не моги-ка меня за́ слово ни казнить, ни вѣсити,
Ни садить меня да въ тёмну тёмницю;
Ты моги меня-то за́ слово помиловать.—
Говорилъ Владимеръ-князь стольне-кіевськой:
„Говори-тко-се, Игнатій, шьто тѣ надобно;
Я не буду не казнить тебя, не вѣсити".
—Жилъ-то я у тя во Кіеви шестьдесять годовъ,
Я спосилъ-то я у тя во Кіеви шестьдесятъ воёвъ,
А какъ срывочныхъ-порывочныхъ числа-снету [1]) нѣтъ;
Было у меня погряжено-покуряжено;

[1]) Вмѣсто: смету; *н* вмѣсто *м*—подъ вліяніемъ слѣдующаго слова, начинающагося звукомъ *н* („нѣтъ"). *Собир.*

А подъ старость лѣтъ [1]) нать душа спасти,
Душа спасти, кабы въ рай спусти,
Какъ постригтисе къ Ѳедосію въ Пешшеръ-ма́настырь,
Нало́жить на собя скиму спасе́ную.—
Говорилъ-то Владимеръ-князь стольнё-Кіе́вськой:
„Гой еси, Данило сынъ Игнатьевичъ (sic!)! [2])
А да кто у насъ будетъ во Кіеви оборанивать
Шьто отъ той жо отъ Литвы, орды поганыя?
Пойдётъ тутъ славушка великая по всей земли,
Дойдётъ-то славушка въ проклятý орду, Литву поганую;
Взволнуетъсе тутъ орда, Литва поганая,—
Шьто во Кіеви бога́тыри престарились.
Пристарились да представились;
Постриглисе они въ ризы чёрныя,
Надѣли на собя скимы спасёныя“.
—Ужъ ты гой еси, Владимеръ-князь стольнё-кіевськой!
Останетьсе у мя мило чадо моё любимое,
А какъ мо́лодый Михайлушко сынъ Игнатьевичъ;
Онъ можотъ оборонить красёнъ Кіевъ-градъ.
А какъ отъ роду ему двѣнадцать лѣтъ;
Онъ вѣдь можотъ владѣть моимъ добры́мъ конёмъ,
Всей моей сбруей богатырською;
Латы-тѣ мои-ти ёму не сходятьсе;
Онъ вѣдь скоро, лёкко скачетъ на добра́ коня,
А онъ ѣздитъ всё по широкý двору,
Моей-то палицей да забавлеетьце,
Котора была палиця во сорокъ пудъ:
Высоко-то онъ ей мечетъ по-подъ не́беса,
А подхватывать въ едину во правý руку,
Не спускатъ онъ на матушку-сыру землю.—
Воспрого́ворилъ Владимеръ-князь таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Игнатій сынъ Даниловичъ!
А я не слыхалъ про твого чада милого,
Ты пришли, приведи своего-то чада милого,
Покажи-ко мнѣ на посмотрѣньицё“.
Ставалъ-то Игнатьюшко изъ-за того стола изъ дубового,
Ставалъ-то на рѣзвы́ ноги,
Бралъ-то онъ пухову шляпу со спичечьки,
А пошолъ-отъ со чисна́ пира, съ широки́хъ полатъ

[1]) Варьянтъ: „Кабы мнѣ ноңече“.
[2]) Въ пѣсни этотъ стихъ былъ пропущенъ пѣвцомъ. *Собир.*

Ко своёму-то широку́ двору.
Увидало его чадо милоё,
Милоё чадо, любимоё;
А срѣчастъ-то его середи широка́ двора,
Берётъ-то его за бѣлы́ руки,
А чѣлуетъ ро́дна батюшка въ уста саха́рныя.
Говоритъ-то ему родной батюшко:
„Ужъ ты гой еси, моё да чадо милоё!
.... одѣньсе въ цвѣтно платьицё,
А поди-тко ко князю на широкой дворъ [1]),
На широкой дворъ на посмотрѣньицё;
Зайдёшь ты въ полаты княженецькіе,—
Крестъ-отъ клади по писа́ному,
А поклонъ-отъ веди по учёному,
Бей челомъ князю во рученьку во правую
И всимъ князьямъ бо́ярамъ“.
. . . .
Поклоняетьсе князьямъ, бо́ярамъ,
А какъ руськимъ всимъ могучіимъ бога́тырямъ.
. . . .
Садилъ-то Михайлушка за дубовой столъ [1]),
За питья, ѣства саха́рныя,
Приказалъ наливать да чару зелена́ вина,
А не малу, не вели́ку—въ полтора ведра;
Принималсэ Михайло едино́й рукой,
Выпивалъ-то онъ на единой духъ;
На запивку, на закуску турей рогъ да мёду сладкого.
Да сидятъ при пиру пьяны весело.
Почесёнъ пиръ да подъ конець пошолъ;
Красно солнышко идётъ ко западу.
Вси князья, бо́яра на росходъ пошли
По своимъ домамъ да ко своимъ жона́мъ.
А немного тому время миновалосе,
А прошла тутъ славушка по всей земли, по всей укра́ины,
Шьто во Кіеви бога́тыри состарились,
Состарились, ины преставились;
Постриглись къ Ѳедосію въ Пешшеръ-ма́настырь,
Нало́жили на собя да ризы чёрныя,
А надѣли на головы скимы-ти спасёныя;

---

[1]) Варьянтъ: „на почесенъ пиръ“.

[1]) Варьянтъ: „Какъ садилсэ да Михайло во мѣсто чарськое“.

А прошла-то слава скоро въ проклятý Литву, въ орду поганую;
Взволновалась проклятá Литва, поганая [1]),
Собрала тутъ силушку великую,—
Розорить .... красёнъ Кіевъ-градъ,
Заплѣнить князя Владимера [2]),
Церковь Божію по огонь спустить [3]).
Тутъ подходитъ силушка великая,
Великая силушка поганая
Подъ тотъ Кіёвъ-градъ.
Учюлъ втѣпоры Михайлушко Игнатьевичъ,
Пошолъ-то онъ ко князю ко Владимеру
Росказать про эту силушку великую,
Взеть-то его [4]) благословленьицё
А какъ ѣхать въ эту силушку великую,
Прибить эту силушку до единого.
А приходитъ онъ въ полаты княженецькія;
Онъ какъ молитсе Спасу пречистому,
Поклоняитьсе-то матери Божьей Богородици,
Говоритъ-отъ князю Владимеру таковы слова:
„Ужъ ты здраствуй, князь Владимеръ стольнё-кіевськой!
Благослови-ко меня съѣздить во чистó поле,
Побить мнѣ эту силушку великую,
.... до единого
Не оставить .... на сѣмена“.
Отговоритъ-отъ князь Владимеръ таковы рѣчи:
— Молодой зобзунъ, ты рано всё попáрхиваšь;
Потеряшь ты свою голову понапрасному.—
Тутъ-то Михайлушку за бѣду стало,
За досаду показалосе;
Розъерилосе его ретивó серьдче,
Горечя кровь розгорѣласе, роскипѣласе;
Пошолъ-то онъ съ полаты вонъ,
Отпираетъ онъ двери нá пяту,
Запираетъ онъ двери нáкрѣпко;
Шьто полаты съ боку на бокъ потрясалисе,
Ободверины помитýсились [5]),

---

1) Варьянтъ: „Подымалсе тутъ король Литовськой...“
2) „Князя Владимера въ полонъ забрать“.
3) Здѣсь пѣвецъ прибавилъ объясненіе: „выжегчи“. *Собир.*
4) „Просить“.
5) По объясненію пѣвца, скривились. *Собир.*

Изъ околенокъ слу́дочки [1]) посыпались.
Приходилъ-то скоро на широкой дворъ,
Осѣдлалъ, уздалъ коня своего богатырського,
Надѣвалъ на себя платьё богатырськое,
Богатырсько платьё, всё военное,
А да ти жа латы всё ....
Какъ берётъ онъ палицю тяжолую,
А котора была вѣсомъ въ сорокъ пудъ;
А леккó-скоро скакалъ на добрá коня,
Поѣхалъ по городу по Кіеву,
Приворотилъ-то онъ къ мáнастырь-спасёному,
Ко своёму-то родну батюшку;
Подходитъ онъ къ ему на крылечечько,
Стучитъ онъ во колечечько потихошенько
Услыхалъ-то у дверей да родной батюшко,
Отпиралъ онъ двери помалёшеньку,
Выходилъ-то онъ на крылёчушко.
А какъ падалъ-то Михайлушко во рѣзвы́ ноги,
Просилъ-то благословленьиця вѣковѣчного
Подратисе съ поганыма татарами,
А побить эту силушку великую.
Говоритъ-то его родной батюшко
Игнатій-отъ сынъ Даниловичъ:
„Ужъ ты гой еси, моё чадо милоё!
Я буду тебѣ наказъ наказывать;
Ты послушай-ко моё да наказаньицё:
Ты пріѣдешь въ силы въ поганыя —
Не заѣзжай ты въ силушку, въ больши полки,
Ужъ ты ѣздь кругомъ силу великую,
Ужъ ты бей-ко-се съ меньши́хъ полковъ;
Въ середины, тамъ накопаны пóдкопы великія,
У ихъ подкопы-ти широкія, глубокія,
А наставлёны у нихъ тамъ копья вострыя,
Востры копья булатныя.
Потеряшь ты свою буйну голову съ добры́мъ конёмъ“.
Роспростилсэ тутъ Михайло съ роднымъ батюшкомъ;
Выѣзжалъ-то да во чистó поле,
Доѣзжатъ онъ до силушки великія;
Онъ начя́лъ съ краю рубить силу великую, меньши́ полки;
. . . . до единого;

[1]) Слюда (вмѣсто стеколъ); по объясненію пѣвца, стекла. *Собир.*

Розъерилось его сердьце богатырськое,
Розгорѣласе кровь да горячая,
Шевелилисе плеча богатырськія;
А забылъ онъ наказаньицё отцёвськое.
Какъ стёгалъ онъ коня по крутымъ бёдра́мъ плёточькой шелко́вою,
Розъерилсэ .... доброй конь;
Заѣзжалъ-то онъ, скакалъ въ силу великую;
Кого ..... втрое .... конёмъ топталъ.
. . . .
Заѣзжаетъ онъ во больши́ полки, въ середину силушки;
Наѣхалъ на эту по́дкопь широкую,
Широкую подкопь, глубокую;
Скакалъ-то его доброй конь черезъ эту подкопь—перескакивалъ;
Наѣхалъ онъ на другу—и другу-то перескакивалъ;
Пріѣхалъ онъ на третью́ жа—
Не могъ его доброй конь перескo̕чити.
Падалъ онъ на копьиця на вострыя;
А какъ палъ-то Михайлушко со добра коня;
Наскакали тутъ татаровя поганыя,
Опутали его во пу́тины въ шёлко́выя,
Привели къ поганому царишшу татарину [1]),
Приказыватъ ему отсѣкти буйну голову.
Розъерилсэ тутъ Михайло сынъ Игнатьевичъ,
Срывалъ-то съ собя пу́тины шелко́выя,
А сватилъ-то онъ свою да саблю вострую,
Онъ отсѣкъ поганому царишшу буйну голову;
Онъ нача́лъ ходитъ по силушки, пошаривать;
Куды махнётъ, туды улочька [2]),
Вперёдъ махнётъ—дакъ улиця,
Назадъ махнётъ—переулочекъ.
Со . . . . . билсэ онъ да трои суточки,
Ни пиваючись, ни ядаючись,
Не ѣдаючись и не сыпаючись;

---

[1]) Варьянтъ: Повели къ королю-то Литовському
„Молодой шшоно́къ, рано попорхивалъ! (Sic!)
Поди-тко ко мнѣ въ услуженьицё;
Не пойдёшь—я отсѣку тѣ буйну голову“.

[2]) Варьянтъ: И какъ рубитъ ихъ да до единого;
Прибилъ-то ихъ до единого;
Не спустилъ-то ихъ на сѣмена ни единого.

Захотѣлосе ему да отдохнути.
Ввалилсэ въ трупья всё поганыя, въ татарськія [1]),
А онъ спалъ да трои суточьки
Крѣпкимъ сномъ да богатырськіимъ.
Какъ схватилсэ его да рóдной батюшко,
Игнатій сынъ Даниловичъ
Какъ бралъ съ собой клюку да подорожную;
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ не просто нѣтъ моего чада милого,
Нѣтъ желанного на сырой земли!
Убитъ отъ поганыихъ татаровей".
Онъ походитъ до силушки великія;
Перемётыватъ трупья поганыя, пересчитыватъ,
Высоко мечетъ подъ нéбеса,
Самъ онъ приговариватъ:
„Уходили моего да чада милого!"
. . . .
Какъ отъ сна втѣпоръ Михайло пробуждаитьсе,
Какъ отъ хмѣлинки доброй молодецъ просыпаитьсе;
Учулъ онъ своего батюшка,
Скоро ставалъ на рѣзвы́ ноги,
Походилъ онъ ко своему батюшку,
Ишше падалъ ему да во рѣзвы́ ноги.
„Прости меня, батюшко, да во первóй вины;
Не послушалъ я твоё да наказаньицё;
Розъерилось мое сердьцё богатырськое,—
Позабылъ-то твой наказъ великія,
А заѣхалъ въ силушку великую;
Уходилъ-то я твоего добра коня Воронеюшка".
Какъ пошли они ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову-ту князю Владимеру; [2])
Игнатій пошолъ въ Пешшеръ-мáнастырь,
А Михайлушко пошолъ къ широку́ двору,
Къ широку двору да къ своей рóдной матушки.

---

[1]) Варьянтъ: Повалилсэ межъ ти-то трупья всё поганыя.
[2]) Варьянтъ: Пошли-то они отъ силушки поганыя,
Пошли-то они во красёвъ Кіевъ-градъ.

77.

Васи́лій (Игнатьевичъ), пьяница.

(Перенялъ у старика Мухи, родомъ съ верхняго теченія рѣки Мезени, умершаго болѣе 20 лѣтъ тому назадъ).

Какъ шло-то два тура́ возьлѣ синё морё,
Какъ два тура́ да златорогія;
А какъ по́плыли туры́ да на Буянъ-островъ.
А какъ шли-то туры́ по Буянъ-острову́,
Да какъ тутъ настрѣчю имъ тури́ця да златорогая,
Златорогая туриця да одношорстная:
„Ужъ вы здраствуйте, туры́ да златорогія,
Златорогія туры́ да одношорстныя!
Да откуль идьте́, да откуль путь лежитъ?“
— Мы идёмъ-то, идёмъ да со сьвятой Руси,
Со сьвятой-то Руси, изъ города изъ Кіева
Да отъ ласкова князя да отъ Владимера.—
„Ише шьто эт' ноньче дѣитьце во Кіеви?“
— Да во Кіеви у насъ да не постарому,
Не постарому да не попрежному:
Какъ ходитъ народъ да въ платьи чёрномъ же,
Въ чёрномъ платьици ходитъ, въ пёчяльнёмъ же.
Какъ подошла тутъ силушка великая,
Подошолъ тутъ самъ Кудрева́нко-царь
А какъ со любимымъ съ зятёмъ всё со Кы́ршикомъ;
А подъ зятёмъ силы сорокъ тысечей,
А подъ самимъ цярёмъ сто тысечей.
Да хотятъ розьбить, розорить красенъ Кіевъ-градъ.
Ише Божьи церьквы на конюшни взять,
Ише манастыри спасёныя на дымъ спусьтить,
А князя со кнегиною въ полонъ вѣдь взеть.
Да какъ мы видѣли ише чудо чудное,
Ужъ мы видѣли ише диво дивноё:
Какъ пресьвята-та да Богородиця
Вышла исъ церьквы исъ соборныя,
На ру́кахъ вынесла книгу всё Еваньгельё,
Она вышла на быстру́ рѣку,
Она сѣла на горючёй сѣрой ка́мешокъ.—
А какъ во ту пору, во то время
Да бога́тырей въ Кіеви не случилосе,
Не случилосе ихъ, не пригодилосе:

Да уѣхали они да по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, къ отцямъ, къ ма́терямъ,
Къ отця́, къ ма́терямъ да къ молодымъ жона́мъ.
Какъ во ту пору, во то время
Да приходитъ ко Владимеру калика-та перехожая.
Онъ молитьце тутъ Спасу всё пречисто́му,
Поклоняитьце князю да Владимеру:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Владимеръ-князь кіеськой!
Ты о чёмъ ходишь невеселъ, нерадостёнъ?
Да повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечь.
Не тужи ты, не печялуйсе:
А какъ есь у тебя во Кіеви Васька, горька пьяниця,
Ише пьётъ въ кабаки вино безпро́сно жо;
Онъ можотъ поѣхать во чисто́ полё,
Онъ можотъ побить силушку великую“.
Да онъ скоро надѣвалъ шубу че́рныхъ со́болей,
Надѣвалъ-то шапку черну му́рванку,
Побѣжалъ онъ отъ ця́ря на большой кабакъ [1]);
Лёжитъ-то Васька-пьяниця на печи кабачьнія,
На печи лёжитъ кабачнія на кирпичнія.
„Ужъ ты здрастуй-ко, Васька пьяниця!“
—Ужъ ты здрастуй-ко, Владимеръ-князь стольне-кіевськой!—
Говоритъ Владимеръ-князь да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Васька да горька пьяниця!
Ты вино-то пьёшь, ничего не знашь, не вѣдаёшь“.
Говоритъ-то Васька таковы рѣчи:
—Ише о́хте мнѣ тошнёшенько!
Да болитъ-то моя буйна го́лова,
Горитъ-то, горитъ да ретиво́ серьцо́,
Да не служатъ мои да ручки бѣлыя,
Да не носятъ меня да ножки рѣзвыя:
Да какъ не́чимъ Васьки всё оправитьце,
Ише нечимъ Васьки опохмѣлитьце.—
Говоритъ-то князь да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, чумакъ, ты чёловальникъ жа!
Наливай-ко ты Васьки зелена́ вина,
Штобы Васьки да оправитьце,
А о́правитьце Васьки да опохмѣлитьце“.
Наливалъ-то Васьки чару зелена́ вина,
Да не ма́лу, не вели́ку—полтора ведра,

---

[1]) Кабакъ отъ царя, т. е. „царевъ“. *Собир.*

Подавалъ же Васьки на печку жа.
Принима'-то Васька да единóй ей рукой,
Выпивалъ-то Васька едины́мъ духомъ,
На запивку пива хмѣльнёго,
На закуску мёда сладкого.
Говорилъ-то Васька таковы рѣчи:
„Ужъ и óхте менѣ́ тошнёшенько!
Да болитъ-то, болитъ моя бу́йна голова,
Да горитъ-то, горитъ да ретивó серьцё:
Нечимъ мнѣ-ка оправитьце,
Нечимъ мнѣ-ка опохмѣ́литьце“.
Говорилъ-то Владимеръ таковы рѣчи:
„Наливай-ко, чёловальникъ, втору чару зелена́ вина,
Подавай-ко Васьки, горькой пьяници“.
Принималъ-то Васька единóй рукой,
Выпивалъ-то Васька едины́мъ духомъ,
На запивку турей рогъ да пива хмѣльнёго,
На закуску ему мёду сладкого.
Ише сѣлъ-то Васька на печку на кабацькую,
Какъ зачялъ Васька съ князёмъ поговаривать,
Ише зачялъ Васька съ князёмъ розговаривать:
„Ужъ ты гой еси, Владимеръ-князь, красно солнышко!
Нѣтъ-то у меня тепереча добра́ коня
И нѣту у меня збруды богатырськія,
Збруды нѣту лошадиною:
Какъ збруда у мня пропи́та въ петсотъ рублей,
Да какъ платьицё военно въ чѣлу тысечю,
И нѣту у мня не сабли вострыя,
И нѣту палички чяжолою,
И нѣту у меня копья да борзоми́ньского; —
Да какъ пропито всё чёловальнику“.
Говорилъ князь Владимеръ таковы слова:
— Ужъ ты гой еси, чумакъ, чёловальникъ жа!
Да отдай ты Васьки скоро добра́ коня,
Да отдай ему ты безьденежьнё,
Ты безьденежьнё да бескопеечнё. —
Какъ отдавалъ чёловальникъ всё безьденежьнё,
Безденежьнё да бескопеёчьнё;
Говорилъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Да болитъ-то, болитъ моя буйна голова,
Да горитъ-то, горитъ да ретивó серьцó,
Да не носятъ мня да ножки рѣзвыя:

Какъ нечимъ мнѣ-ка всё оправитьце,
Ише нечимъ мнѣ-ка опохмѣлитьце".
Говорилъ-то князь Васьки да таковы слова:
— Ужъ ты пей-ко, Васька, скольке хочитьце.—
Нечѣдилъ онъ мѣру зелена́ вина,
Да не ма́лу, не вели́ку—въ полтора ведра.
Выпивалъ-то Васька едины́мъ духомъ,
Запивалъ онъ пивомъ хмѣльнимъ жа
Да закусывалъ онъ мёдомъ сладкимъ жо;
Какъ самъ онъ надѣвалъ жо на собя платьё военноё,
Да военно платьё, богатырскоё;
Онъ пошолъ, сѣдлалъ, уздалъ всё добра́ коня,
Осѣдлалъ онъ, обуздалъ коня доброго,
Онъ бралъ-то палицю тяжолую,
Онъ скоро лёкко скакалъ па добра́ коня,
Онъ поѣхалъ во силушку великую,
Ише въ то во чисто́ полё.
Прiѣжаётъ въ силушку великую,
Прiѣжаётъ онъ ко бѣлымъ шатрамъ [1]);
Прiѣжалъ онъ-то да ко бѣлымъ шатрамъ,
Ко тому жа царю Кудреванку жа;
Какъ самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Кудреванко-царь!
Я не дамъ-то тебѣ розьбить, розорить да красенъ Кiевъ-градъ,
Я не дамъ тебѣ взеть Божьи черькви да подъ конюшны жа,
Да не дамъ-то я тебѣ манастыри на дымъ спусьтить,
Да не дамъ-то я князя въ плѣнъ со кнегиною;
Да вамъ дамъ тольке обирать кнезей, бо́яръ жа:
Обирайте ихъ жо имѣньицё,
Обирайте у ихъ золоту казну".
А какъ согласилсэ на то да Кудреванко-царь.
Да поѣхали въ красенъ Кiевъ-градъ,
Обирали тутъ кнезей, бояръ,
Повезли имѣньице изъ города обозами,
Вывозили имѣньиче во чисто́ полё,
Во чисто́ полё да ко бѣлы́мъ шатрамъ.
Да прiѣхали ко бѣлымъ шатрамъ;

---

[1]) До сихъ поръ Крюк въ пѣлъ „на мезёньской голосъ", довольно скоро, но далѣе онъ перемѣнилъ напѣвъ, на мою просьбу — сказывать помедленнѣе. *Собир.*

Да просилъ-то Васька у ихъ такова́ паю́,—
Не даютъ-то Васьки да такова́ паю́ [1]);
Да просилъ-то Васька у ихъ полу́-паю,—
Не даютъ-то Васьки всё полу-паю;
Да просилъ-то Васька една треть паю,—
Не даютъ-то Васьки и треть паю;
Какъ просилъ-то Васька тольке одной четьверти,—
Не даютъ-то Васьки едной четьверти.
А какъ говорилъ тутъ Кудреванко-князь:
„Ужъ вы гой еси, мои тотаровья!
А какъ при дѣлахъ-то Васька перьвой былъ,
А при дѣлу-ту Васька посьлѣдней сталъ.
Вы немáлу себѣ шуточку шутите;
Ише какъ вамъ эта шутка съ рукъ сойдётъ?“
Какъ сидитъ-то Васька на добрóмъ кони, думу думаётъ,
Думу думаётъ да совѣтъ совѣтуётъ;
А какъ его серьцё стало розьерятисе,
Лѣпета́ въ лици стала да перемѣнятисе;
А какъ розьерилось ёго да ретивó серьцó,
Роськипѣлась въ ёмъ кровь горячяя,
Да хватилъ-то онъ свою паличю тяжолую,
Онъ нáчялъ по силушки поѣжживать.
Цяжолой палицёй помахивать;
А какъ вперёдъ махнётъ, дакъ дѣлать улицёй,
Да назадъ оборотитьце—переулками.
Онъ рубилъ силушку великую,
А онъ билъ и конёмъ топталъ,
Онъ тутъ по силушки поѣжживалъ
Да прибилъ, прирубилъ всю ту силушку великую,
А Кудреванка-царя жива́ спусьтилъ
Со любимымъ зéтёмъ всё со Кы́ршикомъ.
А какъ повёзъ онъ назадъ имѣньицё, животъ-отъ вѣдь,
Да повёзъ онъ обозами
Да ко князю ко Владимеру на широкой дворъ.
Стрѣчяётъ его Владимеръ-князь:
„Ужъ ты здраствуй, здраво, Васька-пьяниця!“
— Ужъ ты здраствуй-ко, Владимеръ стольне-кіеськой!
Говоритъ-то Васька да таковы рѣчи:
— Да бери-тко ты, Владимиръ-князь, моё богачесьво,
Да богачесьво, платьё цьвѣтноё,

[1]) Т. е. пая, равнаго ихъ паю. *Собир.*

Платьё цьвѣтноё бери да золоту казну.—
„Ужъ ты гой еси, Васька, горька пьяниця!
Ты бери самъ да золоту́ казну
Да проживай ей, да скольки можошь жа.“
— Мнѣ ненадобно эта золота казна,—
Да ненадоть берекчи мнѣ-ка,
Не берекчи, не хранити жа.
Ты куды тутъ хошь—дарить-роздаривать.
Тольке дай ты мнѣ волю пить безденежно,
Ише въ кажномъ кабаки бескопеешно.—
„Ужъ ты пей-ко-се, Васька, вина, сколько хочитьце!“

78.

Иванъ Годеновичъ [1]).

Какъ во славномъ было городи во Кіеви,
У ласкова князя Владимера,
А какъ былъ-то у его почесенъ пиръ
На своихъ князей, на бо́яровъ,
А на руськихъ-то могучихъ на бога́тырей.
А какъ вси-то купци, гости торговые
Сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаютьсе.
Красно солнышко идётъ на осени,—
Почесёнъ пиръ идётъ наве́сели;
Красно солнышко идётъ ко западу,
Ко западу, ко за́кату,—
Почесёнъ пиръ да подъ конецъ идётъ.
Какъ Владимеръ-отъ князь по гридни-то похаживатъ,
А своима-ти русыма кудрями приростряхиватъ,
А бѣлыма-ти ручьками да прирозмахиватъ,
А златыма-ти перстнями принашшалкиватъ;
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„А какъ вси у мя во Кіеви поже́нёны,
Красны дѣвушки у мя замужъ подаваны;
Какъ единъ-отъ доброй молодець холо́стъ живётъ,
Онъ холо́стъ живётъ, да онъ холо́стъ словётъ,
Какъ по имени Иванушко да сынъ Годеновичъ.
Ты женись-ко-се, Иванушко, да гдѣ тѣ хочетьсе:
Хошь во Кіеви женись, да хошь въ Чернигови,
Хошь у князя ты женись да у боярина,

[1]) Напечатана въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 695.

Ай у купця, гостя ты женись да у торгового,
Хошь у хресьянина женись да чёрнопахотна".
Говорилъ-то Иванъ да таковы слова:
—Не хочу я у тя женитьсе не во Кіеви, ни въ Чернигороди,
Не у князя же нече (sic), не у боярина,
Не у купця, гостя торгового,
Не у хресьянина чернопахотна;
А какъ буду я жениться въ проклятой Литвы,
У того короля да ляховиньского
А на той жо Овдотьи, бѣлой лебеди;
Онъ чесью не отдастъ, дакъ я й боёмъ возьму,
Той да дракой кроволитною.—
„Женись-ко гдѣ тѣ хочетьсе".
А какъ бралъ ставалъ Иванъ на рѣзвы́ ноги;
А сѣдлалъ-то ёнъ своёго всё добра коня,
Онъ и скоро скакалъ на добра коня;
Онъ поѣхалъ по чисту́ полю,
Въ прокляту Литву, орду въ поганую,
Ко тому жо королю да ляховиньскому.
Онъ въ городъ ѣдетъ не воротами,
Не воротами не широкима;
Скакалъ-то черезъ стѣну городовую,
Черезъ башенку наугольную;
Заѣзжалъ-то къ королю да на широкой дворъ,
Сходилъ-то со добра коня,
Становилъ коня да середи широка́ двора,
Середи широка двора, у дубова́ столба,
У дубова столба, у золота кольця;
А какъ самъ вѣдь пошолъ на красно́ крыльцё;
Онъ не спрашиватъ у воротъ да подворотниковъ,
У дверей не спрашиватъ да придверниковъ.
Заходилъ-то въ полаты въ королевьскія;
А не кстилъ [1])-то онъ своёго лиця бѣлого,
Не поклонялсэ онъ поганымъ идоламъ;
Тольке бьетъ целомъ королю во праву́ руку.
„Ужъ ты здраствуй-ко, король земли да Лёховиньскія!"
— Ужъ ты здраствуй-ко, сильней могучей бога́тырь жа!
Ели ты ко мнѣ пріѣхалъ, посломъ посланъ жа,
Иль служить ко мнѣ пріѣхалъ вѣрой-правдою?—
Говоритъ тутъ Иванъ да таковы рѣчи:

[1]) Т. е. крестилъ. *Собир.*

„Не посломъ къ тебѣ пріѣхалъ пословать,
Не служить тебѣ пріѣхалъ вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою, неизмѣною;
Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататьсе
На твоей же на любимою на дочери,
На той жо на душочки Овдотьи бѣлой лебеди“.
Говоритъ-то король да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, дороднеи доброй молодець!
Ужъ ты руськіи могучія богáтырь жа!
А не знаю я тебя, какъ именёмъ зовутъ,
Величеть тебя по отечесьву.—
„Какъ зовутъ меня Иваномъ сыномъ Годеновымъ“.
— Ужъ ты гой еси, Иванушко Годеновичъ!
У мня, право, Овдотьюшка просватана,
Просватана Овдотья, запоручена
Какъ за сильнего царишша Вахрамѣишша.—
Говорилъ-то Иванушко во второй наконъ;
Говоритъ король да таковы рѣчи:
— У мня, право, Овдотьюшка просватана
Какъ за сильнего царишша Вахрамѣишша.—
Говоритъ Иванъ по третéй наконъ;
Отвѣчаетъ король да таковы рѣчи:
— У мня, право, Овдотьюшка просватана
За того жо царишша Вахрамѣишша;
У ихъ бѣлыя-ти ручьки исподаваны,
Златыма-ти перстнями помѣняносе.—
Стоитъ-то Иванъ да призадумалсэ;
Какъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ,
А потýпилъ очи въ сéреду [1]) въ кирпичьнюю,
А какъ думатъ думушку велúку промежду собой:
„Мнѣ не чесь-хвала пріѣхать въ красёнъ Кіевъ-градъ!“
Какъ ёго шевелились плечи богатырьскія,
Розьерилосе ёго да ретивó сердьце,
Роскипѣласе его кровь горячая;
А хватилъ-то онъ свою да саблю вострую,
Онъ какъ началъ по столамъ сабелькой помахивать.
Заревѣли [2]) тутъ татаровя поганыя,
А король-отъ подъ столы-ти всё пѣхаитьсе,
Соболиной чёрной шубой закрываитьсе,

---

[1]) Середá—полъ.
[2]) Варьянтъ: „завизжали“.

Сѣрымъ котикомъ всё пѣхаитьсе (sic),
Ише самъ говоритъ да таковы рѣчи:
„Ты не бей-ко, Иванъ, народу понапрасному,
Хушь оставь ты мнѣ на сѣ́мена;
Ты бери-тко Овдотью съ чести, съ радости;
А сидитъ она въ свѣтлой свѣ́тлици,
Вó столовой новой горници
За девятью замками заморськима,
За крѣпкима караулами".
А пошолъ-то Иванушка ко Овдотьи въ свѣтлу свѣ́тлицю,
Приломалъ замки заморськія,
Убилъ-то стóрожовъ до единого;
Отпиралъ-то онъ свѣтлу свѣ́тлицю.
А сидитъ-то Овдотьюшка на стули на рытомъ бархатномъ [1]),
Вышиваетъ шириночьку краснымъ золотомъ,
А й высаживатъ дорогимъ-то мелкимъ жемчугомъ.
Какъ увидяла Овдотьюшка Иванушка,
Она скоро скочила на рѣзвы́ ноги,
А брала ёго за бѣлы́ руки,
Чѣловала ёго въ уста сахáрныя.
„Мнѣ-ка звать гостя, да не дозватисе,
Мнѣ-ка ждать гостя, да не дождатисе, —
А топере самъ ко мнѣ всё прiѣхалъ жо!"
Бралъ-то Овдотьюшку за праву́ руку,
Повёлъ-то Овдотьюшку на новы́ сѣни;
А идётъ Овдотья, ужахаитьсе,
А слезами она да обливаитьсе:
„Ай умѣлъ меня отецъ вспоить-вскормить, возрóстити,
Не умѣлъ замужъ отдать съ чести, съ радости!"
Выводилъ-то Иванушко Овдотью на широкой дворъ,
А скакалъ-то онъ на добра коня,
А содилъ-то Овдотью позади собя;
Какъ изъ города поѣхалъ не воротами не широкима,
А скакалъ черезъ ту стѣну́ да городовую,
Черезъ высоку башню наугольную;
Какъ во чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, столькe столбъ столбитъ.
Какъ во ту пору, во то время
А писалъ король царишшу Вахрамѣишшу
Ярлыкъ да скорописцятой:

[1]) Вмѣсто: „рыта бархата". *Собир.*

„Что прі̂ѣхалъ изъ города изъ Кіева дороденъ доброй молодецъ,
А увёзъ у тя Овдотью, бѣлу лебедь жа,
Какъ во славной-отъ Кіёвъ-градъ“.
Пріѣзжаётъ [1]) ко царишшу Вахрамѣишшу,
А кричалъ-то своимъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, царишшо Вахрамѣишшо!
Тебѣ полно пить ѣсть да прохлаждатисе;
Ты здорово женилсэ—тебѣ не съ кимъ спать!
Увёзъ у тя Овдотьюшку Иванушко Годеновичъ“.
Бралъ-то ёнъ ярлыкъ да скорописчатой,
Прочитывалъ, всё просматривалъ.
Розъерилось ёго сердьцё поганое,
Погано-то сердьцё татарськоё;
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ вы гой еси, мои слуги вѣрныя!
Вы сѣдлайте-тко, уздайте моего добра коня“.
Тутъ слуги его не ослышались,
Скоро сѣдлали добра коня.
Одѣвалсэ въ платьицё военно, богатырськое,
Выходилъ-то онъ на широкой дворъ,
Онъ скоро, лекко скакалъ на добра коня;
А поѣхалъ онъ изъ города не воротами,
Не воротами да не широкима,
А скакалъ-то черезъ стѣну городовую,
Черезъ высоку башню наугольную.
Онъ вѣдь ѣдётъ по чисту полю
Да стегатъ онъ свого коня, лошадь добрую.
Какъ по утру-ту, утру было ранному,
По восходу было соньця красного,
Онъ наѣхалъ бѣлъ шатёръ полотьняной,
А въ которомъ-то шатри спитъ Иванушка съ Овдотьюшкой.
Подъѣзжаетъ онъ да ко бѣлу шатру,
А кричалъ онъ, зычалъ да зычнымъ голосомъ.
Мать-сыра земля да потрясаласе;
Полога-то полы розмахнулисе;
Ото сна вѣдь то Иванушка пробуждаитьсе;
Выходилъ-то онъ да изъ бѣла шатра,
Ай умывалсэ онъ свѣжой-то водой ключёвою,

[1]) Конечно, посланный короля. *Собир.*

Утиралсэ онъ да бѣлымъ полотёнышкомъ,
Да молилсэ онъ да Спасу-ту пречистому,
А какъ матери жо Божей, Богородици;
Какъ онъ помолилсэ Господу-Богу жа,
А одѣлсэ онъ въ платьё военно богатырьское.
Розъѣзжалисе богатыри да по чисту полю,
А съѣзжалисе богатыри всё въ одно мѣсто;
Ай ударились они паличи-тѣ тежёлыма;
Ишё мать-сыра земля да потрясаласе,
А какъ сыро дубье пошаталосе;
Они другъ дружки не ранили,
А какъ не дали на себя раны кровавыя;
А дакъ у нихъ палички да пощорбалисе [1]).
Розъѣзжалисе богатыри во второй наконъ,
Ай ударились они да сабли вострыма;
Не по Божьей то было милости,
Не по Ивановой то было учести:
Ай усѣкъ-то Вахрамѣишшо праву руку.
А поѣхалъ-то онъ [2]) да ко бѣлу шатру.
„Ужъ ты гой еси, Овдотья-душа бѣлая!
Ужъ ты выйди поскору да изъ бѣла шатра,
Завежи ты у меня платочкомъ праву руку:
А посѣкъ-то у мня поганое царишшо Вахрамѣишшо“.
Тому Овдотьюшка не ослышилась,
Завезала ему праву руку.
А поѣхалъ Иванъ да во чисто поле;
Ай ударились они да копьеми вострыма,
А вострыма-ти копьеми ворзамецкима;
Они другъ дружки не ранили,
А какъ не дали на себя раны кровавыя;
По руку у ихъ копьици свернулисе.
Да соскочили они да со добрыхъ коней,
А схватилисе они да схваточку боретсе;
Ай да они борютьсе съ утра до вечера;
По колѣнъ въ сыру землю втопталисе.
Какъ по Божьей то было по милости,
По Иванушкову то было учести:
Порвалосе у него да платьё цвѣтное,

---

1) Пощербались, т. е. зазубрились; это выраженіе должно было бы относиться къ саблямъ. *Собир.*

2) Иванъ. *Собир.*

А здала [1]) у царишша всё правá рука,
Подвернулась у его да всё лѣвá нога;
А бросалъ-то Иванушко царишша на сыру землю,
А садилсэ-то царишшу Вахрамѣишшу да на бѣлы́ груди,
Да хватилсэ онъ остра ножа булатного,—
А забылъ-то онъ въ шатри да свой булатенъ ножъ.
А скричалъ онъ ей Овдотьюшки громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Овдотья-лебедь бѣлая!
Обнеси-тко скорѣя изъ шатру мой булатенъ ножъ“.
А какъ тутъ Овдотьюшка да не ослышилась:
Принесётъ-то ему булатенъ ножъ.
Говоритъ тутъ царишшо Вахрамѣишшо да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Овдотья, бѣла лебедь жа!
Не давай-ко-се Иванушку ножа булатного,
А чтб было мъ не спороть моихъ грудей-то бѣлыя,
А не дбсмотритъ ёнъ сердьця богатырського.
А ты не ходи-тко за Иванушка въ замужесьво:
У Иванушка вѣдь своёго дому нѣтъ,
А живётъ онъ во двори у князя у Владимера;
А ты будёшь жа у князя всё кухаркою,
Составлеть на князя со княгиной кушаньё,
А да будёшь всё на князя со княгиной шити цьвѣтно платьицё.
А какъ ты за меня замýжъ пойдёшь,
Ужъ ты будёшь у меня-то жить царицёю;
Теѣ князи мои, бояра будутъ поклонятисе,
А какъ вси будутъ поганыя татаровя,
Будутъ кланятьсе до единого,
Называть будутъ цярицёю“.
Ай какъ сказано—у бабы волосы долги, умъ короткой жа:
А стянула Иванушка за русы кудрú всё съ грудей поганыя;
А какъ скбчилъ тутъ царишшо на рѣзвы́ ноги,
Сѣлъ-то Иванушки на бѣлы́ груди,
А онъ хочетъ спороть ему бѣлы́ груди,
А онъ хочётъ досмотрить всё ретивá сердьця.
Говорила Овдотьюшка-бѣлá лебедь:
„Не кровени-тко ты своихъ рукъ бѣлыя,
Не смотри его ретивá сердьця;
Ты опутай ёго во пýтины шёлкбвыя,
Привежи его къ сырымъ дубамъ во тёмну ночь“.

---

[1]) Т. е. подалась? *Собир.*

Онъ опуталъ его въ пу́тины шелковыя,
Привезалъ къ дубамъ его на тёмну ночь.
А какъ сами они пошли да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру, дошли они во бѣлъ шатёръ,
А во бѣлъ шатёръ зашли, они спать легли.
Какъ было́ по утру-ту, да утру ранному,
По восходу-ту было́ да соньця красного,
Прилетѣло два-то сизыхъ голуба,
А не два-то сизыхъ голуба прилетѣло, два-то ангела:
А послалъ Господь берегчи Иванушка Годенова.
А какъ начели голубы они воркувать по-голубиному;
А отъ сна Овдотьюшка да пробуждаласе;
Выходила-то она да изъ бѣла́ шатра,
Она смо́трила на тихъ-то сизыхъ го́лубовъ,
Она слушала да то воркованьицё,
А да какъ вѣдь зашла она во бѣлъ шатёръ:
„Ужъ ты гой еси, сильнё царишшо Вахрамѣишшо!
Ты ставай-ко, выходи-тко изъ бѣла шатра:
Прилетѣло богатыри (?) два-то голуба;
А сострѣль ты мнѣ-ка этихъ сизыхъ голубовъ;
Захотѣлось шьто-то мнѣ этой голубятины“.
А какъ тутъ царишшо не ослышилсэ;
А не мылъ-то своёго личя поганого,
А не кстилъ-то онъ своего личя чёрного [1]),
А какъ бралъ-то свой розрывчатъ лукъ,
А натегивалъ тетивочку шелко́вую,
А накладывалъ онъ стрѣлочку калёную,
Онъ накладывалъ, ко стрѣлки приговаривалъ:
„А лети моя стрѣла во чисто́ поле,
А не падай на воду, не на́ землю, не въ сы́рой дубъ;
Ты пади-ко стрѣла въ двухъ сизыхъ голубовъ“.
Полетѣла стрѣлочка не на́ воду, не на́ землю,
Она падала стрѣла да всё во сы́рой дубъ,
Отъ дуба царишшу въ черны́ груди поганыя,
Вѣдь она жо да во са́мо ретиво́ серьчё;
А какъ падалъ онъ царишшо на сыру землю,
А какъ тутъ царишшу Вахрамѣишшу вѣдь смерть пришла.
Тутъ Овдотьюшка заплакала:
„О́хти, мнѣ тошнёшонько!

---

1) Эти эпитеты, очевидно, переставлены пѣвцомъ. *Собир.*

От̂ъ одного бе́режка откачнуласе,
Ко другому бе́режку не прикачнуласе“.
А брала-то она саблю вострую,
А пошла-то она ко сырымъ дубамъ;
Ишё хочётъ Иванушку отсѣкци буйну голову.
Отвели ти ангелы востру сабельку
Отъ Ивановой буйно́й головы;
Тюкнула она во пу́тины шелко́выя,
Отсѣкла Иванушка отъ сырыхъ дубовъ;
Ско́чилъ Иванушка на рѣзвы́ ноги,
Пошолъ-то онъ ко бѣлу́ шатру,
Ко бѣлу шатру да ко добру́ коню;
Убиралъ-то Иванушка бѣлъ шатёръ свой поло́тьняной;
Онъ скоро скакалъ на добра коня,
Садилъ-то Овдотьюшку да позади собя,
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіёву.
Какъ доѣхалъ онъ до рѣчиньки Смородинки,
Захотѣлосе ему напитисе свѣжо́й воды.
„Ты сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
А сойми-тко-се съ право́й ноги сафьянъ сапогъ,
Почерьпни-тко мнѣ-ка свѣжо́й воды напитисе;
Этко, право, пить мнѣ да захотѣлосе!“
— Не воды-то хочёшь пить, да хочёшь мою кровь пролить.—
Говорилъ-то Иванъ во второй наконъ:
„Ай сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
А сойми-тко-се съ право́й ноги сафьянъ сапогъ,
Почерьпни-тко мнѣ-ка свѣжой воды напитисе:
Этко, право, пить мнѣ да захотѣлосе!“
Говоритъ она да таковы рѣчи:
— Ты не пить хочёшь, мою вѣдь кровь пролить.—
Не послушала Иванушка да во второй наконъ.
Говорилъ-то Иванъ во-въ трете́й наконъ:
„Ты сойди-тко-се, Овдотья, со добра коня,
А сойми-тко у меня съ право́й ноги сафьянъ сапогъ,
Почерьпни-тко ты мнѣ-ка свѣжо́й воды ключёвою.
Не послушала Иванушка да во-въ трете́й наконъ.
— Не воды-то хочёшь пить, да хочёшь мою кровь пролить.—
Розьерилось у Иванушка да ретиво́ сердьцё,
Соскочилъ онъ скоро со добра́ коня,
А какъ еде́рьгивалъ Овдотью со добра коня,

Какъ бросалъ Овдотью на сыру землю;
Да отсѣкъ онъ Овдотьюшки праву̑ руку:
„А мнѣ эта твоя рученька ненадобно:
Обнимала она поганого царишша Вахрамѣиниша“.
Ай отсѣкъ онъ Овдотьюшки лѣву̑ ногу.
„Эта ножечька мнѣ ненадобно:
Оплетала она поганого царишша Вахрамѣинища“.
Ай вдосталь у ей отрѣзалъ бѣлы́ груди.
„Ише эти титочьки мнѣ ненадобно:
А какъ шшупало поганое царишшо Вахрамѣишшо“.
А какъ скидывалъ со правóй ноги сафьянъ сапогъ,
Напилсэ онъ изъ рѣчиньки свѣжóй воды;
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ай ко ласкову ко князю Владимеру.
Пріѣзжаётъ онъ къ Владимеру да на широкой дворъ;
А стрѣчалъ его Олёшенька, попоськой сынъ:
„Ты здорóво, ты Иванушко, женилсэ всё, да тобѣ не съ нимъ спать!“
Отвѣчаётъ ему Иванушко Годеновичъ:
— Ужъ ты гой еси, ты братъ крестовыя!
А женилась у меня да сабля вострая,
Обвѣнчаласе она у рѣчиньки Смородинки:
Тутъ я сходилъ (sic) Овдотьюшки буйну голову.—

79.

Идолище сватается за племянницу князя Владимира.

Изъ-за моря-то, моря, братцы, синего,
А изъ-за́ синего моря изъ-за Ка́рьского,
Изъ-за Карьского моря, Арапського
А приходило три чернёныхъ три-то ка́рабля,
А (въ) тихъ-то карабляхъ пришло поганое Идóлишшо
Какъ ко ласковому князю ко Владимеру.
Онъ пришолъ вѣдь къ ёму сватомъ сватагьсе
На любимыё всё ёго племяньници
Какъ на душочки всё Мареы Дмитрёвны.
Говорилъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы гой еси, мои да три тотарина,
Ужъ вы мла́дые мои всё карабельшички!
Вы подите-ко ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову-ту князю ко Владимеру;

А какъ сватайтесь на ёго любимой на племяньници,
Шьтобы съ чести онъ отдалъ за меня, съ радости,
А безъ драки вѣдь да кроволитныя.
А роскажите про меня, про Идолишша:
А какъ руки мои по трёхъ сажо́нъ,
А какъ тулово моё какъ сильной бугоръ,
Голова моя да какъ пивной котёлъ,
Глаза-ти у меня да какъ пивны́ чаши.
А какъ при́дите ко князю ко Владимеру,
А да станете вы да сватaтьсе,
А какъ будётъ просить сроку на три годика,—
Не давайте-ко да сроку на три годика;
А какъ будётъ просить да на три мѣсеця,
Не давайте сроку на три мѣсеця;
Будётъ просить да на два мѣсецяr—
Не давайте ёму сроку на два мѣсецяr;
А какъ станётъ просить на три недѣлёчьки,
Не давайте ёму на три недѣлёчьки;
А какъ станётъ просить на три суточки,—
А безсрочнӧго времѐни на свѣти нѣтъ".
А приходятъ три-то карабельшичка ко князю ко Владимеру
да въ свѣтлы свѣтлици,
А не кстятъ они лиця поганого,
Не молятсэ да чуднымъ образомъ,
Какъ бьютъ они чеrомъ князю Владимеру,
А князьямъ, боярамъ не бьютъ челомъ, не клaнятсэ:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Владимеръ стольне-кіеськой!"
— Ужъ вы здрастуйте, дородьни добры молодци,
А да три-то мла́дыхъ васъ да карабельшичковъ!
А вѣдь разѣ пришли вы торговать товарами да розноличными?—
Вы торгуйте у мня безданно и безпошлино.—
Говорятъ тутъ три тотарина:
„Не товарами пошли торговать да розноличнима,
Мы пришли къ тобѣ да сватомъ (sic!) сватaтьсе
На твоею на любимой на племянници
За того жо за поганого Идолишша.
Ты отдай за ёго да съ чести, съ радости,
А безъ драки отдай да кроволитныя;
А ты съ чести не отдашь, мы боёмъ возьмёмъ.
Руки, ноги у Идолишша по трёхъ сажонъ,
А какъ тулово ёго какъ сильно́й бугоръ,

Голова его да какъ пивной котёлъ“.
— Ужъ вы гой еси, млáды три да карабельшички!
Ужъ вы дайте мнѣ-ка сроку на три годика подумати.—
„Не даймъ-то мы тѣ сроку на три годика,
Не даймъ-то мы тѣ сроку на два годика,
Не даимъ тебѣ строку на единой годъ,
Не даимъ тебѣ строку и на три мѣсеця,
Не даимъ тебѣ строку на три недѣлёчки“.
— Ахъ отдайте мнѣ-ка строку на три суточки!—
Говорятъ тутъ три тотарина, да три мýрина [1]):
„А безсрочьнёго, братцы, времéни на свѣти нѣтъ“.
А давали князю сроку на три суточки.
А да какъ пошли они на чёрны кáрабли,
Да приходятъ они на чёрны кáрабли.
Говоритъ поганоё Идолишшо:
„Ужъ вы гой еси, мои млады да карабельшички!
А я дамъ ему-то строку на три мѣсеця“.
А во ту пору, во то время
Собиралъ-то Владимеръ-князь почесенъ пиръ
А на кнезей своихъ, на бóяръ жа;
А какъ вси на пиру сидятъ, пьютъ, ѣдятъ да проклажаютсе.
Говорилъ-то Владимеръ таковы рѣчи:
„Какъ вѣдь вси да князя, бóяра!
А пришло ко мнѣ-ка свататьсе поганоё Идóлишшо
На любимой-то моей племенници
Какъ на душичьки на Мареы всё да Дмитревны.
Заступите-ко за ей, за мою племенницю“.
А какъ говорили князи, бóяра:
— Мы не будёмъ губить народу православнёго
За твою-ту рóдную племянницю,
А не будёмъ проливать крови понапрасному.—
Какъ пошолъ-то Владимеръ-князь да со чеснá пиру,
А повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ;
Онъ пошолъ прямо къ Мареы Дмитревны въ свѣтлу свѣтлицю.
А какъ увидала Марѳа Митревна,
Какъ идётъ её-то дядюшка не постарому, да не попрежному,

[1]) Татара, мура—арапа. *Крюковъ.* Такъ называются въ памятникахъ древней письменности эѳіопляне. *Срезневскій,* Матеріалы для словаря др.-р. яз. s. v. Муре—не что иное, какъ мавры, Mauri. *Собир.*

Не попрежному да не подосе́льнёму, —
А да какъ спрошала Мароа Дмитревна:
„Ише шьто же ты, дедюшка Владимеръ-князь,
А придёшь [1]) ты ко мнѣ не постарому, не попрежному:
Ты повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечъ?“
— Ужъ ты гой еси, моя родна, любимая племянница!
А какъ подошло туто поганоё Идолишшо,
А какъ сватайтсе на тобѣ, всё на Мароы Дмитревны,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
Ише съ чести не отдамъ, дакъ „мы бое́мъ возьмёмъ“.
Какъ ёго-то руки, ноги по трёхъ сажонъ,
А вѣдь тулово какъ сильно́й бугоръ,
Голова ёго да какъ пивной котёлъ,
Очи ясны у ёго да какъ пивны́ чаши,
А какъ носъ его какъ палка дровокольная. —
Говоритъ тутъ Мароа Дмитревна:
„Ужъ ты гой еси, дедюшка мой родимыя!
Не губи народу понапрасному,
А не проливай крови горечею,
А отда́вай меня да съ чести, съ радости,
Безъ драки отдай да кроволитныя.
А тольке дай прида́но—три черныхъ три ка́рабля:
А перьвой-отъ ка́рабе́ль грузи ты зелены́мъ виномъ,
А второй-отъ ка́рапь нагрузи да пивомъ хмѣльнымъ жа,
А третѐй-отъ ка́рапь нагрузи да мёдомъ сладкимъ жо;
Провожатыхъ дай моихъ братьевъ крестовыхъ, всё назва́ныхъ жа:
А перьво́го-то брата дай Добрынюшку Микитьиця,
А второ́го-то брата дай Михайлушка Игнатьёва,
А третьёго брата Олёшеньку Поповичя“.
А какъ даватъ ей князь три чёрныхъ ка́рабля,
Нагружатъ напитками розноличьнима.
Повелась у князя тутъ вѣдь свадьба жа.
Посылали звать Добрынюшку съ Михайлушкомъ душей-то красныхъ дѣвицей;
А пошли они-то звать къ Мароы Дмитревны на дѣвью плач(ц)ь.
Они ходятъ, зовутъ да красныхъ дѣвицей;
А зовутъ они молодыхъ-то вдовъ,
А зовутъ-то они жонъ вѣдь мужнія:

---

[1]) Вмѣсто „гредёшь“? *Собир.*

„Ужъ вы милости просимъ, души красны дѣвици,
Къ Марѳы Дмитревны на дѣвью плачь!
Васъ зазвала-то Марѳа Дмитревна на дѣвью плачь“.
А какъ тутъ скоро збиралисъ красны дѣвици,
А какъ бѣлыя лебёдушки на заводи слеталисе.
А какъ не бѣлá, тутъ на заводи бѣлá лебедь воскúкала,
А какъ слёзно Марѳа Дмитревна восплакала;
Тутъ заплакали да слёзно красны дѣвици,
А да тутъ пуще заплакали по ей молоды вдовы,
Ище пуще тутъ заплачутъ жоны мужнія.
А да какъ отплакали тутъ да красны дѣвици,
А пошла у Владимера свадьба навéсели.
Какъ пришолъ-то тутъ поганоё Идóлищо,
А садилсэ онъ за столы да бѣлодýбовы,
За питья, за ѣсвы сахáрныя.
А какъ ѣстъ онъ, тотаришъ, позвѣриному,
А какъ пьётъ-то онъ да поскотиному.
А какъ пили, ѣли, напивалисе;
А пошли они, повели Марѳушку на чёрны кáрабли.
А какъ провожаютъ ей народъ да православныя,
Провожаютъ ей да слёзно плачутсэ.
А какъ приходила Марѳушка на свой чернёнъ карабь,
А заходитъ она въ каюту карабельную;
А при ёю тутъ Добрынюшка Микитичъ младъ.
Потянула пóвѣтерь тихá способная,
А пошли тутъ карабли да во синё морё,
Во синё морё да во своё село.
А какъ Руськая земля да потаиласе,
Какъ поганая земля да замѣниласе.
А какъ по Божьей-то былó по милости,
По Марѳушкиной было учести:
А какъ пала тутъ вѣдь тúха тúшина;
Не несётъ-то некуда да чёрныхъ кáраблей.
А какъ выходила изъ каюты всё вѣдь Марѳа Дмитревна на палубу,
А сама она вѣдь говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, да братъ крестовыя!
Постарайсе-ко ты изó всихъ жа,
Подорожи моей да буйной гóловóй;
А кричи поганому Идолищу во всю голову,
А штобы онъ стянулсэ веúма карабли да во едно мѣсто,
Ужъ вы пойте-ко тотарове’ всихъ дóпьяна,

А я сама пойду поить поганого Идолишша".
А да какъ закрычалъ Добрыня громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, поганоё Идолишшо!
А зовётъ тибя Марѳа-та Дмитревна стегатисе да черныма кàрабли:
Она хочетъ сдѣлать пиръ на радости,
Шьто своя земля да потаиласе,
А какъ ваша земля да сремѣниласе".
Какъ услыхалъ тутъ поганоё Идолишшо,
А весьма онъ сдѣлалъ весьма радостёнъ;
Приказалъ онъ во едно мѣсто свезатисе.
Повела-ли тутъ Марѳа Митревна поганого Идолишша въ свою каюту карабельнюю,
А садила ёго на стулъ на ременчатъ жа,
А садила за ти ѣсвы за сахáрныя;
Она стала наливать-то чары зеленá вина.
А какъ стала наливать да чары пива хмѣльнёго,
На закуску, на запивку мёду сладкого.
А какъ начялъ тутъ Идолишшо пить, ѣсть да безъ опасности;
А онъ пьётъ-то вино дóсуха;
Запиватъ да пивомъ хмѣльніимъ,
Закусыватъ да мёдомъ сладкіимъ.
Вдостали́ зашаталасе ёго да буйна гóлова;
А валила ёго да на кроваточьку тисовую,
На меккý перину на пуховую.
Захватилъ-то онъ Марѳу въ охапочку;
А какъ зáспалъ онъ сномъ да богатырськіимъ,
А со сна на ей накинулъ руку правую,
А накинулъ на ей да ногу правую.
А да чуть подъ имъ жива лежитъ, душа въ тѣли полýднуётъ.
Закрычала она громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, ты братъ мой крестовыя!
А сойми съ миня руку Идолишша,
А скинь съ миня ногу поганого".
Прибѣжалъ Добрынюшка въ каюту карабельнюю;
А какъ смётыватъ съ ей правý руку,
А какъ скидыватъ онъ съ ей всё лѣвý ногу.
Какъ соскакивала Марѳа съ кроваточки,
А выскакивала она на палубу-ту карабельнюю.
Какъ хватилъ Добрыня вострý саблю жо,

А отсѣкъ Идолишшу да буйну голову;
Заскакало тутъ поганоё Идолишшо;
А какъ онъ присѣкъ ёго вѣдь намелко,
А сметали ёго да во синё морё;
Какъ рубили тотаровей да до единого.
Потянула имъ-то пбвѣтерь да всё способная—
А да какъ ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю-ту ко Владимеру.
Какъ приходятъ они въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Услыхалъ тутъ всё Владимеръ-князь да со кнегиною;
Какъ стрѣчели со всего города со Кіева,
А какъ собиралисе наро'да православныя.
Тутъ пошолъ у князя пиръ навёсели, на радости.

80.

Князь Глѣбъ Володьевичъ.

А какъ падала погодушка да со синя моря,
А со синя морюшка съ Корсуньского
А со дожжами-ти, съ туманами.
А въ ту-ту погоду въ синёморськую
Заносила тутъ неволя три чернёныхъ три-то карабля.
Шьто подъ тотъ подъ славёнъ городокъ подъ Корсунь жа,
А во ту-то всё во гавань всё въ Корсуньськую.
А во томъ-то городи во Корсуни
Не царя-то не было, не царевичя,
А не короля-то не было и не королевичя,
Какъ не князя не было и не княжёвичя;
Тутъ жила была Маринка дочь Колдаёвна,
Она бледь, еретиця была, безбожьниця.
Они какъ вѣдь въ гавани заходили, брала пошлину,
Паруса ронили—брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали—брала пошлину,
А какъ въ шлюпочьки садились, брала пошлину,
А къ мосту проставали—мостову брала,
А какъ пб мосту шли, да мостову брала,
Какъ въ таможню заходили, не протамбжила [1]);
Набирала она дани-пошлины немножко, немало—сорокъ тысечей.

[1]) Не прописала.

А да взяла она трой рука́вочки;
Что да ти трои́ рукавочки, трои́ перчаточки;
А какъ эти перча́точки а не сшиты были, не вязаны,
А вышива́ны-ти были краснымъ золотомъ,
А высаживаны дорогимъ-то скатнымъ жемчугомъ,
А какъ всажено было́ каменьё самоцьвѣтноё;
А какъ перьвы-ти перчатки во петьсотъ рублей,
А други-ти перчатки въ цѣлу тысечю,
А какъ третьимъ перчяткамъ цѣны не́ было.
Везяны́ ети перчятки ' подареньицё
А тому жо вѣдь князю всё Воло́дьёму.
Отбирала ети чёрны карабли она на́чисто,
Розгони́ла она трёхъ младыхъ карабельщичковъ
А какъ съ тихъ съ чёрныхъ съ трёхъ-то ка́раблей,
Она ставила своихъ да крѣпкихъ сто́рожовъ.
А какъ ка́рабе́льшички ходятъ по городу по Ко́рсуню,
Они думаютъ-то думушку за единую,
За едину-ту думу промежду́ собой.
А да́ што купили они чернилъ, бумагъ,
А писали они да ёрлыки-ти скорописчяты
Шьто тому жо князю Глѣбову Воло́дьёму:
„Ужъ ты гой, ты князь да Глѣбъ ты сынъ Воло́дьёвичъ!
Ужъ какъ падала погодушка со синя́ моря;
Заметало насъ подъ тотъ жо городокъ подъ Ко́рсынь жа.
А во томъ жо было городи во Ко́рсыни
Не царя не было, не царевичя,
Не короля-то не было и не королевичя,
А не князя не было́ и не кнежевичя;
Какъ кнежила Маринка дочь Кайда́ловна;
Она бледь, еретиця была безбожьниця.
А мы какъ вѣдь въ гавань заходили, брала съ насъ вѣдь пошлины,
А вѣдь какъ паруса ронили, брала пошлину,
Якори-ти бросали—брала пошлину,
Шлюпки на́ воду спускали—брала пошлину,
Ужъ мы въ шлюпочки садились—брала съ насъ вѣдь пошлину,
А какъ къ пло́ту приставали, плотово́ брала,
А вѣдь какъ по мо́сту шли, дакъ мостово́ брала,
А въ таможню заходили—не протамо́жила;
Да взяла она дани-пошлины сорокъ тысечей,
А взяла у насъ трои перчяточки—

Везёны были тебѣ, да князю, въ подареньицё:
А какъ перьвы-ти перчатки во петьсотъ рублей,
А вторы-ти перчатки въ цѣлу тысечю,
А третьимъ перчаткамъ цѣны нё было".
Они скоро писали, запечатали,
Отослали князю Глѣбову Володьёву.
А тутъ скоро пришли ёрлыки къ ёму,
Онъ ихъ скоро роспечатывалъ, просматривалъ.
Какъ его жо серьдьцо было неуступчиво;
Розьёрилось ёго серьцо богатырськоё.
А онъ скоро бралъ свою-то золоту трубу розрывчяту,
Выходилъ-то скоро на красно крыльчё косисчято,
Онъ крычялъ-то, зычялъ зычнимъ голосомъ,
Зычнимъ голосомъ да во всю голову:
„Ужъ вы гой еси, дружины мои хоробрыя!
Ужъ вы скоро вы сѣдлайте, уздайте добрыхъ коней,
Ужъ вы скоро, лёкко скачите на добрыхъ коней,
Выѣзжайте вы скоро да на чисто полё".
А какъ услыхала ёго дружья-братья-товарышши,
Они скоро-то добрыхъ коней да собирали жо,
Высѣдлали, уздали 'ни добрыхъ коней,
Да скоро садились на добрыхъ коней,
А изъ города поѣхали не воротами,
Не воротами-то ѣхали, не широкима,
А скакали черезъ стѣну городовую.
Выѣжжала-се дружина на чисто полё,
А какъ съѣхалось дружины тридцеть тысечей.
Выѣжжалъ-то князь Глѣбъ-сударь Володьёвичъ
Со своей дружиночками хоробрыма;
Прибиралъ онъ дружью-ту, дружины всё хоробрыя,
Штобы были всё да одного росту,
А да голосъ въ голосу да волосъ къ волосу;
А исъ тридцеть тысечь только выбралъ триста добрыхъ
молодцовъ,
Ихъ-то голосъ въ голосу да волосъ къ волосу:
„Ужъ вы поѣдемте, дружина моя хоробрая,
А ко тому-ту славну городу ко Корсыню,
А ко той жо ти Марины дочери Кайдаловны,
А ко той Маринки, еретици, бляди, всё безбожьници".
А какъ садились они скоро на добрыхъ коней,
А поѣхали они путёмъ-дорогою.
Какъ доѣхали они до города до Корсыня,

Становилъ-то Глѣбъ своёго добра́ коня:
„Ужъ вы гой еси, дружина моя хоробрая!
Соходите вы скоро́ вѣдь со добры́хъ коней,
Становите вы шатры поло́тьняны,
А да спите-тко, лёжите во бѣлы́хъ шатрахъ,
А дёржите караулы крѣпкія и строгія;
Ужъ вы слушайте—неровно́-то зазвенитъ да моя сабля,
Заскрипятъ да мои плечи богатырськія,—
Поѣзжайте-тко ко городу ко Корсыню,
А скачите вы черезъ стѣну городо́вую,
Ужъ вы бейте-ко по городу старого и малого,
Не единого не оставлейте вы на сѣмёна.
Я какъ поѣду топереча ко городу ко Корсыню,
Къ той Маринки дочери Кайдаловны“.
Подъѣжжаётъ Глѣбъ подъ стѣну-ту
Да подъ ту жа башню наугольнюю;
Закричалъ-то онъ да зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачѣмъ ты обрала́ у мня да чёрны ка́рабли,
Ты зачѣмъ жа у мня згони́ла съ караблѐй моихъ трёхъ-то карабельшиковъ,
А нашьто поставила да своихъ караульшиковъ?“
Услыхала Маринка дочь Кайдаловна;
Скоро ей сѣдлали, уздали всё добра́ коня;
Выѣзжала она на ту же стѣну городовую:
„Здрастуй-ко, Глѣбъ ты князь да сынъ Воло́дьёвичъ!“
— Ужъ ты здрастуй-ко, Маринка дочь Кайдаловна!
А зачѣмъ ты у мня взяла мои-то три-то ка́рабля,
А згони́ла моихъ трёхъ-то карабельшичковъ со ка́раблей?—
„Ужъ ты гой еси, ты князь да сынъ Володьёвичъ!
Я отдамъ тебѣ три чернёныхъ три-то ка́рабля;
А да только отгони-тко три мои загадки хитромудрыя,—
Я отдамъ тобѣ-то три чернёныхъ ка́рабли“.
— Только загадывай ты загадки хитромудрыя;
А какъ буду я твои загадочки отгадывать.—
„А какъ перьва-та у мня загадка хитромудрая:
Ише шьто же въ лѣтѣ бѣло, да въ зимы зѣлено?“
Говоритъ-то Глѣбъ да таковы рѣчи:
— Не хитра твоя мудра́ загадка хитромудрая,
А твоей глупѣ́ загадки на свѣти нѣтъ:
А какъ въ лѣти-то бѣло́—Господь хлѣбъ даётъ,
А въ зимы́-то зелено́ да тутъ вѣдь ель цьвѣтётъ.—

„А загону тебѣ втору загадку хитромудрую:
А да шьто безъ кореньиця ростётъ да безъ лыжъ катитьце?“
— Безъ кореньиця ростутъ бѣлы́ снѣги,
А безъ лыжъ-то катятьце быстры́ ручьи.—
„Загану тебѣ третью́ загадку хитромудрую:
А какъ есть у васъ да въ камянно́й Москвы,
Въ камянно́й Москвы да есть мясна гора;
А на той на мясной горы да кипарисъ ростётъ,
А на той париси-дереви соко́лъ сидитъ“.
— Ужъ ты гой еси, Маринка дочь, Кайдаловна!
Нехитра твоя загадка хитромудрая,
А твоей загадочки глупѣ́ на свѣти нѣтъ:
Какъ мясна-та гора—да мой вѣдь доброй конь,
Кипарисо дерево—моё сѣдёлышко,
А ка со́ловёй сидитъ, то—я уда́лой доброй молодець.—
„Я топерече отсыплю отъ воротъ да пески, камешки,
А сама-то я, красна́ дѣви́ця, за тобя заму́жъ иду“.
Какъ поѣхала Маринка съ той стѣны да бѣлокамянной,
Пріѣжжала къ собѣ да на широкой дворъ,
Наливала чару зелена́ вина да въ полтора ведра,
А да насыпала въ чару зелья лютого,
Выѣзжала на ту жо стѣну городо́вую,
Подавала Глѣбушку она чару зелена вина:
„Ужъ ты на-тко на пріѣздъ-отъ чару зелена вина!“
А какъ принимаитьсе-то Глѣбъ да едино́й рукой,
Ише хочётъ онъ пить да зелена вина;
А поткнулсэ ёго конь на ножочку на правую,
А сплескалъ-то чару зелена вина
А да за́ тою да гриву лошадиную.
Загорѣлась у добра́ коня да грива лошадиная.
А какъ ту да Глѣбъ испугалсэ жа,
А бросалъ-то чяру на сыру землю;
Ише какъ тутъ мать сыра земля да загорѣласе.
А какъ розьерилось ёго серьцо богатырьское,
А стегалъ онъ добра́ коня да по крутымъ бёдрамъ;
Какъ поскочитъ ёго конь во всю-ту прыть да лошадиную,
А какъ скакалъ съ прыти ёго доброй конь да черезъ стѣну городо́вую,
А сустигъ-то [1]) ей Маринку середи двора,
А отсѣкъ тутъ ей Маринки буйну голову;
А какъ тутъ Маринки и смерть пришла,
Смерть пришла ей да середи двора.

[1]) Князь. *Собир.*

81.

Камское побоище [1]).

А къ чему жо, братцы, пріуныла луна небесная,
А помолкло-то сончё красноё?
А подымаласе туто Литва поганая,
Какъ подымалосе поганое Идόлишшо
А на тотъ жо на Кіевъ-градъ,
А на ласкова-то князя на Владимера.
Собиралъ-то онъ силы сорόкъ царей,
А да сброкъ царей, сорокъ царевичей,
А да сорокъ-то королей со королевичей,
А какъ сорокъ-то атамановъ, сорокъ атаманьшичковъ;
Подъ каждымъ-то было царёмъ силы сорокъ тысячъ,
Подъ каждымъ было царевичемъ силы по сороку тысячъ,
Подъ каждымъ королёмъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ королевичемъ силы было по сороку тысячъ,
И подъ каждымъ-то атаманомъ, подъ атаманьшичкомъ силы было по сороку тысячъ;
Подъ самимъ-то Идолишшемъ—числа-смѣты не было.
А какъ учулъ-то тутъ да князь Владимеръ-жа,
Онъ повѣсилъ буйну голову съ могучихъ плечь,
А какъ самъ вѣдь говорилъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Никитичь младъ!
Ты бери-тко скоро чернилъ, бумагъ;
Ты пиши-тко ярлыки да скорописчаты,
А да ты пиши-тко всихъ руськихъ могучихъ всё богáтырей
А ко мнѣ, ко князю, всё да на почёсёнъ пиръ,
Пиши-ко ко мнѣ на Камськоё побоишшо.
А садись-ко-се, Добрыня, на ременчатъ стулъ,
А пиши-то ёрлыки да скоропищяты:
У тебя рука лёкка́„ и перо востро.
А какъ перьву-ту голову пиши Самсона сына Колубаёва,
А другу-ту голову пиши Дуная сына Иванова,
Во третьихъ-то пиши Святогора Гурьева,
Святогора-то пиши да со племянникомъ,
А Ремянника пиши да со племянникомъ,
Пересмёту ты пиши да со племянникомъ,
Перемяку пиши да со племянникомъ,

---

[1]) Напечатано съ моей замѣткой въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера“, подъ ред. Янчука, стр. 150—162. *Собир.*

А да Рóшшу, Рошшу-Рошшиби колпакъ да со племянникомъ,
А пиши-тко двухъ-то брателковъ Петровичёвъ,
А двухъ брателковъ пиши-тко ты Сбродóвичей,
Пиши-тко-се Иванушка сына Годенова,
Пиши-ко-се Гаврила Долгополого:
Онъ силой-то силёнъ, тольке полы́ долгiї;
А пиши-тко-се Пóтыка́ сына Иванова,
А пиши-тко-се Олёшенька Поповича:
Онъ хошь силой-то не си́лёнъ, дакъ напу́скомъ смѣлъ“.
А какъ написали вси ёрлыки да скорописцяты,
Они скоро-то писали, запецятали.
А какъ гово́рилъ-то тутъ самъ Владимеръ-князь:
„Ужъ ты гой еси, Михайло сынъ Игнатьевичъ!
А да какъ-то есть у тя, Михайлушко, кóничёкъ малёшенёкъ,
А малёшенёкъ твой кóничёкъ Голубанушко, удалёшенёкъ;
Въ трои сутки ты объѣзьдей по святой Руси,
Облови-тко ты всихъ руськихъ могучихъ бога́тырей,
А не забывай ты ихъ ни единого“.
А какъ бралъ-то Михайло ёрлыки да скорописцяты
А какъ въ сумочьку-то, въ котомочьку,
А какъ молитьсе онъ Спасу-то пречистому,
Поклоняитьсе-то матери-то Божьей Богородици,
А прошшаитьце-то съ княземъ со Владимеромъ,
А прошшаитьце-то съ княземъ да во рученьку во правую,
Со всима́-то руськима бога́тыри.
А онъ скоро пошолъ да на́ свой на широкой дворъ,
Какъ сѣдлалъ-то онъ, уздалъ скоро добра́ коня;
А какъ падалъ родной-то матушки да во рѣзвы́ ноги,
А просилъ онъ бласловленья ѣхать на святую Русь.
А давала-то ёму всё рóдна матушка да бласловленьицё,
А какъ та жа Омельфа Тимоѳеёвна,
А какъ на́вѣки давала нерушимоё
А какъ съизьдить на святую Русь.
Выходилъ онъ, молилсэ-то Спасу Пречистому,
Поклонялса-то матери Божьей Богородици,
Што прошшалса онъ съ своей да рóдной матушкой,
Выходилъ-то онъ да на широкой дворъ,
А онъ скоро, лёкко скакалъ на добра́ коня,
А да какъ стёгалъ-то коня по крутымъ бёдра́мъ,
А добру́ коню да приговаривалъ:
„Ты бѣжи-тко, мой конь, скоро, какъ стрѣла калёная,

А бѣжи-тко скоро по чисту́ полю".
Какъ не видѣли ёго поѣздки богатырьскія:
Онъ изъ города поѣхалъ не воротами не широкима,
А скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
А да черезъ ту же башню наугольнюю;
А какъ тольке видѣли: во чистόмъ поли́ да куревá стоитъ,
Курева стоитъ, да тольке столбъ столбитъ.
Онъ поѣхалъ скоро къ Самсону Колубаёву подъ окошочко косисцято,
А крычалъ-то своимъ зычнымъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Самсонъ да Колыбаевъ жа!
А какъ билъ челомъ тебѣ да ни́зко кланялсэ
А какъ нашъ жо Владимеръ-князь да стольне-кіевской,
А какъ звалъ-то онъ тебя да на почёсёнъ пиръ".
А да подавалъ-то онъ изъ сумочьки ёрлыкъ да скорописцятой;
Принималъ-то изъ окошочька Самсонъ, да Колыбаёвъ сынъ,
А онъ скоро всё роспечатывалъ, прочитывалъ.
А скочилъ-то онъ да на рѣзвы́ ноги,
Ретивό ёго да серьдчё розъерилосе,
Лѣпетá въ лици перемѣниласе,
Горе́чя кровь въ ёмъ да роскипѣласе,
Богатырськи плечи шшевелилисе;
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи,
Таковы рѣчи да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, мои слуги вѣрныя!
А подите ко мнѣ да на широкой дворъ,
Выводите моёгό всё добрá коня,
Надѣвайте-ко на его сѣдёлышко черкальское,
А накладывайте мои пришпѣхи богатырськія".
А́ какъ ту слуги да не ослышились.
Какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ-то Михайлушко къ Дунаю къ широку́ двору,
А кричалъ онъ ёму да громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Сдунай сынъ Ивановичь!
Ты живёшь—да ничого не знашь, не вѣдаёшь:
А какъ тѣ бьё челомъ да всё Владимеръ-князь—
А на то жо на сильнёё на Камское побоишшо,
А да тебя звалъ-то онъ на почесёнъ пиръ,
На почесёнъ пиръ всё да пива пить,
А побить-то силы всё невѣрныя".
Отпиралъ-то онъ окошочка немножочко,

Увидалъ онъ тутъ Михайла сына Игнатьева.
„Ужъ ты здрастуй-ко, мой назваиой братъ,
А названой братъ да ты крестовыя!
Собирайсе ты да къ намъ на ночесёнъ пиръ, на Камськоё побоишшо“.
Какъ поѣхалъ тутъ Михайлушко да по святой Руси,
А ка пóзвалъ тутъ руськихъ всихъ могучихъ всё богáтырей.
А какъ зáчели богáтыри съѣзжатисе,
А къ Самсону съѣзжатись на широкой дворъ;
Какъ зáчели богáтыри съѣзжатисе,—
Какъ ясны соколы да всё слетатисе;
Они скоро собрались, да не ослышились.
Какъ поѣхали богáтыри отъ Самсона широкá двора,
А какъ ѣдутъ богáтыри по чистý полю,—
Ише мать сыра земля да потрясаитьсе,
А въ рѣкахъ, озёрахъ вода да колыбаетьсе.
А какъ со вóсточьню-ту стороночьку
А не тёмная туча тýчилась,
А какъ тёмна туча какъ вѣдь грозная,
А какъ туча тучилась, какъ-бы громъ гремѣлъ,
Какъ-бы громъ гремѣлъ, да частой мелкой дожжикъ шолъ:
А какъ вдругъ наѣхали тутъ всё богáтыри;
Они въ городъ Кіевъ ѣдутъ не воротами да не широкима,
А скакали черезъ стѣну городóвую;
Какъ стрѣчаётъ князь Владимеръ со кнегиною,
А стрѣчаётъ ихъ-то сударь Илья Муромецъ,
Какъ стрѣчаетъ ихъ да середи двора,
А стрѣчаетъ ихъ да низко кланитьсе.
Они скоро скакали со добрыхъ коней;
А какъ бьютъ челомъ да низко кланятсе
Князю со кнегиною, государю Ильи Муромцю.
Говоритъ-то Илья Муромецъ:
„Ужъ вы здраствуйте, руськія могучія богáтыри!
А намъ милости просимъ хлѣба-соли покушати,
А вина, пива попити жа,
А намъ на Камское побоишшо:
Съ поганыма татарами побитисе“.
А весьма богáтыри они вѣдь стали вéсёлы-рáдостны;
А пошли они во гридни кяженецкія,
А какъ въ ти въ полаты въ бѣлокамянны,
Какъ садились за ти столы окольнія,
А какъ зáчели пить-ѣсть да веселитисе;

Они пили, веселились трои суточки.
Какъ не вёшня-та вода да розливаитьсе,
Не морська волна да колыбаитьсе,
А погана сила невѣрна ко Кіеву да подвигаитьсе.
Какъ отъ того вѣдь пару лошадиного
Какъ помолкла луна небесная.
А приходитъ тутъ Владимеръ-князь:
„Ужъ вамъ полно, братцы, пить, — пора ѣхать во чистó полё;
А да полно вамъ да поклаждатисе,
Надо ѣхать съ невѣрной силой управлятисе!“
Какъ скричалъ-то тутъ старая стариньшина Илья Муромецъ:
— Мы безъ тобя-то знаемъ, безъ тобя вѣдаёмъ!—
Тутъ Владимеру за бѣду пало, показалосе;
Онъ пошолъ-то со чеснá пира, изъ гридни вонъ
Ко своей-тó молодой жены, къ Опраксеи Королевишны.
Говорилъ тутъ старая старыньшина да Илья Муромецъ:
„Ужъ ты гой еси, Пересмёта сынъ Стёпановичъ!
Ужъ ты съѣзди-ко со своимъ да со племянникомъ,
Ужъ ты съѣзди-ко въ чистó поле, на шóломя окатисто,
А возьми-тко-се трубочку подзорную,
А какъ пересчитай-пересмечи эту силу великую,
Великую силу невѣрную“.
Туто Пересмёта не ослышилсэ;
А да шолъ-то онъ да на широкой дворъ
Со своимъ-то онъ да со племянникомъ.
(Въ ти пóръ-то богáтыри да они спать легли,
Спать легли и отдóхъ имѣть).
А садились они скоро на добрыхъ коней,
А поѣхали изъ города не воротами и не широкима,
А скакали черезъ ту стѣну́ да городовую,
Черезъ высокую башню наугольнюю;
Они скоро выѣжжали на шóломя да на окатисто,
Они брали трубочки подзорныя,
Какъ смотрили во вси четыре стóроны;—
Не могли они узрить-усмотрить коньця, не краечку
А какъ той-то силушки великія,
Не могли они сосчитать-сосмётать силы великія:
А какъ вёшняя вода да розливаитьсе,
Какъ морська волна да колыбаитьсе,
Ише мать сыра земля да потресаитьсе.
Какъ пріѣхалъ Пересмёта ко князю на широкой дворъ;

Какъ не спитьсе старыя старыньшины да Ильи Муромцю;
А срѣчаётъ ихъ да середи двора,
Говоритъ-то онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Пересмёта сынъ Стёпановичъ!
А перёциталъ ли ты силы великія?“
Говоритъ-то Пересмёта сынъ Стёпановичъ да таковы рѣчи:
— А не могъ-то я пересчитать силы великія:
Всё ровно какъ вёшна вода розливаитьсе,
А морська волна да колыбаитьсе,—
Какъ невѣрная сила ко городу ко Кіеву заподвигаитьсе.—
А какъ приходилъ тутъ старая старыньшина Илья Муромецъ,
А какъ самъ онъ говорилъ да таковы рѣчи:
„А вамъ полно, братцы, спать-то, вамъ пора ставать,
А пора ставать, надоть намъ вѣдь путь смекать,
Намъ побрататьсе съ Идолишшомъ надоть, поздороватьсе“.
А какъ тутъ богатыри да не ослышались;
Они скоро вѣдь скакали на рѣзвы́ ноги,
Умывалисе они свѣжо́й водой ключёвою,
Утиралисе они да полотеньцеми,
Какъ молились они Спасу пречистому,
Псклонелисе они да матери Божьей Богородици;
Пошли-то они да на широкой дворъ,
Скоро, лёкко скакали на добры́хъ коней,
Поѣхали по городу по Кіеву,
Скакали черезъ стѣну городовую,
Черезъ башню-ту да наугольнюю;
Отъѣзжали они подалѣ во чисто́ поле,
Остановили они да добры́хъ коней,
Они соходили со добры́хъ коней,
Становили они бѣлы́ шатры поло́тьняны;
А какъ ставили они крѣпкихъ сторожовъ, да караульшиковъ,
А какъ двухъ-то руськихъ могучихъ-то бога́тырей:
А какъ перву голову—Гаврила Долгополого,
А другую голову—Олёшеньку Поповичя.
Говоритъ-то старикъ Илья Муромецъ:
„Ужъ вы гой еси, два бога́тыря!
А какъ буду я вамъ наказъ наказывать:
Не побѣжатъ ли эти поганыя татаровя,—
А какъ бейте ихъ да до единого,
Не оставлейте ихъ ни единого на сѣ́мяна“.
А ка тутъ скакали богатыри да на добры́хъ коней,

А поѣхали богáтыри въ силы великія,
Доѣжжали до той силы великія,
А да какъ остановили тутъ добрыхъ коней.
Говорилъ-то Илья Муромецъ, государь да таковы рѣчи:
„А кому, братцы, изъ насъ ѣхать въ середину-матицю
Ко тому жа ко поганому Идóлишшу,
А какъ съ имъ поздороватьсе, побрататьсе,
А отсѣкци ему буйна гóловá?“
Говоритъ Самсонъ-то, сынъ Ивановъ, Колыбаёвичъ:
— Ужъ ты гой еси, сударь Илья Муромецъ!
Не кому жъ-то ѣхать, какъ тебѣ, въ силу великую,
А отсѣкци Идóлишшу буйну голову:
А тебѣ-то, Ильи Муромцю, во чистóмъ поли смерть не писана.—
Говорилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Я когда уѣду какъ въ силу великую,
Зазвенитъ-то моя сабля вострая,
Заскрипятъ-то мои плечи богатырськія,—
А тогда вы розьѣжайте по силушки великія,
А рубите вѣдь татаръ да до единого“.
Какъ поѣхалъ старóй-то въ силушку великую,
А онъ мнётъ-то всё конёмъ силу поганую;
Онъ доѣхалъ до поганого Идóлишша.
Говоритъ-со Илья Муромецъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты здраствуй-ко, поганое Идóлишшо!
Я не дамъ тебѣ розорить-то города Кіева,
Въ полонъ взеть князя Владимера,
А черьквей-то Божьихъ подъ конюшни взеть,
И не дамъ-то розорить манастыри спасёныя“.
Тутъ спрошáётъ поганое Идолишшо:
— Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ты скажи-тко, какой есть у васъ да Илья Муромецъ?—
„Я скажу про стáра козака про Илью Муромця:
Сколь я толстъ, великъ,—столь Илья великъ, толстъ;
Ишшо платье мы носимъ съ одного плеча,
А какъ кушаёмъ да изъ одной чаши“.
Говорилъ тутъ поганое Идолишшо:
— А кабы былъ-то вашъ слáвёнъ Илья Муромець,
На долóнь бы посадилъ, другой—сверьху прижалъ;—
Промежду долонеми одно мокрó осталосе.
А да я-то ѣмъ хлѣба по пети печéй,

А вина-то пью да сороковками.—
„Ужъ ты гой еси, поганое Идолишшо!
У насъ-то на Руси у Ивана-свешшенника,
А была-то у его корова бурая;
Много пила-ѣла—у ей брюшина лопнула;
У тебя, Идолишша, скоро лопнетъ жа!“
А какъ тутъ-то закрычалъ поганое Идолишшо;
— Ужъ вы гой еси, палачи да немилослива!
А сватите мужика да со добра коня,
Отсѣките-ка ёму да буйну голову.—
А какъ то Ильи Муромцю за бѣду да показалосе;
Его серьчё розъерилосе да розсердилосе;
Лѣпета въ лици да въ ёмъ перемѣниласе,
А горе́чя кровь да роскипѣласе,
А какъ плечи его да шшевелилисе;
Онъ вѣдь скоро хваталъ саблю тяжолую,
А тяжолую, саблю вострую,
Стегалъ-то онъ добра́ коня по крутымъ бедрамъ;
Онъ поскочилъ его доброй конь въ силушку великую;
А махнулъ-то онъ да саблёй вострою
А какъ са́му-то Идолишшу да́ въ буйну голову
А во всю-то свою силу богатырськую,
А розсѣкъ онъ буйну голову вплоть до са́мого сѣдёлышка;
Розвалилсэ тутъ Идолишшо всё на́двоё.
Начялъ-то въ силы поѣжживать, помахивать;
А вперёдъ махнётъ—сдѣлатъ уличёй,
А назадъ махнётъ—да дѣлатъ переулками:
А зазвенила его да сабля вострая,
Заскрипѣли его плечи богатырськія;
Услыхала тутъ дружина-то хоробрая,
А какъ начели ѣздить, рубить по силушки великія?
А вперёдъ махнутъ—тутъ вѣдь улицёй;
А назадъ махнутъ—тутъ да переулками.
Они кое бьютъ, кое коне́ми топчутъ жа;
Они били-рубили немножко, немало—шестёры суточки,
Не пиваючи добры молодцы, не ёдаючи,
Со добрыхъ коней да не сходячись;
Што они прибили эту силушку да до единого.
Утомились ихъ всё добры кони,
А у нихъ да пріустали всё бѣлы руки;
Они чуть сидятъ-то на добрыхъ коняхъ съѣжжаючись;

Ихны добры кони и́дутъ ступью всё бродо́вою [1]).
Какъ доѣхали они да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Сходили они да со добры́хъ коней,
Насыпа́ли имъ шаници бѣлояровой,
А спускали ко́ней во чисто́ полё
А шшипать-то, йисть травы мура́выя.
А да какъ во ту пору, во то время
Караульшиковъ у шатровъ не случилосе:
Угонилисе они да за татарами поганыма,
За тима́ же за ихныма бога́тыри.
Тутъ-то бога́тыри въ шатры спать легли;
Они крѣпко спали ше́стеры суточки;
А не спитъ-то 'суда́рь Илья Муромець,
Жалѣтъ-то двухъ бога́тырей.
А какъ ѣдутъ богатыри да изъ чиста́ поля,
Они ѣдутъ да сами хвастаютъ,
Какъ хвастаютъ, таковы рѣчи гово́рили:
„А кабы была на небеса да лисьниця,
А прибили бы силу небёсную“.
А не спитъ въ-тѣ-поръ 'суда́рь Илья Муромець,
Не спитъ онъ, такъ лежитъ, всё дѣло слушаётъ,
Выходилъ-то онъ да изъ бѣла́ шатра,
Говорилъ-то имъ да таковы рѣчи:
„Вы нема́лу себѣ, ребята, шуточку нашу́тили;
Ише какъ намъ эта шутка съ рукъ сойдётъ?“
А ка спятъ-то бога́тыри, ничего не вѣдаютъ.
А прошли тутъ ше́стёры суточки;
А отъ сна старой казакъ да пробужаитьсе,
А выходитъ онъ да изъ бѣла́ шатра,
А какъ смотритъ онъ пода́лече въ чисто́ поле:
А какъ вста́ла тутъ вся сила поганая,
Говоритъ тутъ старый таковы рѣчи:
„Вамъ, братцы, полно спать, пора ставать!
Какъ остала-се сила поганая;
А какъ надоть намъ съ има побитисе“.
Выходили богатыри да изъ бѣло́въ шатровъ,
А какъ мылисе они свѣжо́й водой ключёвою,
Утирались они да бѣлы полотеньце́ми,
А молилисе они Спасу пречистому,
А какъ матери-то Божей, Богородици;

---

[1]) По объясненію пѣвца, тихимъ шагомъ. *Собир.*

Они скоро, лёкко скакали на добры́хъ коней,
А поѣхали къ той силы поганыя,
А какъ начели руби́ть силу великую;
А кого сѣкутъ на́двое,
Изъ того рожаитьсе двое жо;
А кого сѣкутъ на́трое,
Изъ того всё трое рожаитьсе.
Они перьвой день билисе съ утра до вечера,
А силы всё не убавляитьсе.
Гово́ритъ-то'сударь нашъ Илья Муромецъ:
„Ужъ намъ полно, братцы, битисе, живымъ съ мёртвыма дратисе!
Ужъ проститъ насъ Господь а въ такой вины?“
Какъ молилисе они Спасу пречистому;
А тутъ пала вся сила поганая.
А поѣхали въ-ти-по́ръ да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А Олёшенька съ Гавриломъ—во чисто́ полё;
На востры́хъ копьяхъ они скололисе.
А прiѣхали бога́тыри да ко бѣлы́мъ шатрамъ,
А да обирали ти шатры поло́тьняны;
Роспростилисе да вси бога́тыри,
А поѣхали богатыри да по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, къ отчямъ, къ матерямъ,
А да къ отчямъ, къ матерямъ да къ молодымъ жонамъ.
Какъ стары́й казакъ да Добрынюшка Микитичъ младъ.
Они осталисе въ чисто́мъ поли поляковать.
А какъ спятъ-то они, по утру ранному,
По восходу-ту соньчя красного
Какъ наѣхала баба Латы́нгорка на ту силу великую;
Она ме́чётъ на востро́мъ копьи ту́лова по-подъ не́беса,
А сама она, мечетъ, приговариватъ:
„Ише кто это прибилъ да силушку великую?
А прибила бы я всихъ бога́тырей да до единого“.
А какъ ту богатырямъ за бѣду показалосе;
Да поѣхалъ Добрынюшка къ бабы Латынгорки;
А ударились они да сабли вострыма, —
У ихъ сабельки да поломалисе;
Ударились они ко́пьеми борзоменьскима,—
По рукъ копья у нихъ согнулисе;
Не дали на собя раны кровавыя;
Они ско́чили со добры́хъ коней
И начели боротисе.

Не по Божьей-то было всё по милости,
Не по Добрыниной-то было учести:
Порвало́сь-то у ей платье цьвѣтное,
А права́ рука у ёго да скольёнуласе,
А лѣва́-то ножка у ёго да подвернуласс;
А какъ падалъ Добрынюшка на сыру землю,
А ка́къ сѣла баба Латынгорка на бѣлы́ груди,
А хочётъ спороть да Добрыни всё бѣлы́ груди,
Досмотрить Добрынина да ретива́ серця.
Она ѣдетъ своей ж.... по бѣлу лицю,
Она ѣдетъ да приговариватъ:
„А цѣлуй-ко-се мою ж... бѣлую!“
Какъ во ту пору ѣдетъ старый казакъ Илья Муромець;
Понюжа́лъ скоро добра́ коня,
Доставалъ тутъ, штобы не спорола грудей бѣлыя,
Не досмотрила Добрынина ретива́ серьдця,
Надъѣхалъ Илья Муромець на бабу Латынгорку
Да спѣхнулъ ей со добра́ коня право́й ногой;
Пала баба на сыру землю,
Тутъ сѣлъ-то Добрыня на бѣлы́ груди.
„Ужъ ты гой еси, Добрынюшка Микитичъ младъ!
Не знаешь ты бабьей ухватки:
Хватай бабу за пе́льки, пинай по́дъ гузно;—
Тутъ будетъ бабы рана кровавая“.
Тутъ-то Добрыня сталъ съ сырой земли,
А садилсэ Добрыня на добра́ коня,
Отъѣзжалъ-то Добрыня во чисто́ поле;
Со того-то со стыду да со великого
А втыкалъ онъ востро́ копьё да во сыру землю,
Ишшо падалъ Добрыня на копьё ретивы́мъ сердьчемъ;
Тутъ-то Добрынюшки и смерть пришла.

82.

Сорокъ каликъ со каликою [1]).

Собиралосе дружиночка и хоробрая
Изъ того жо манастыря Валыньского,
Собиралосе соро́къ каликъ да со каликою.
Они брали собѣ суночки-котомочки-то рыта-бархаты,

---

1) Одна старуха изъ Нижней Золотицы называла эту старину *Еленьскимъ стихомъ*. *Собир.*

А какъ лямочьки у сумочёкъ шолко́выя,
А какъ въ лямочьки было сажоно́ по камню самоцьвѣтному.
А какъ надѣвали суночьки на плечи на могучія
А да брали во правы́ руки копьиця вострыя;
Какъ пошли калики путёмъ-дорогою,
Выходили калики на шо́ломя, да на ока́тину,
А къ тому жо кресту всё Леванидову,
Они помолилисе кресту да приложилисе;
Они стали калики во единой кругъ.
Говорилъ тутъ Касьянъ да немило́сливой:
„Ужъ вы гой еси, дружиночки-то вы хоробрыя!
Ужъ мы вы́берёмъ межъ собой атамана жа,
Ужъ мы выберёмъ промежъ собой подата́манія“.
Какъ выбирали туто атаманомъ Касьяна немило́слива,
А подата́маньёмъ Михайла Миха́йлова.
А какъ го́ворилъ тутъ атаманъ да немило́сливой:
„Ужъ вы гой еси, дружья́-то вы хоробрая!
А какъ мы по́ложимъ про́межъ заповѣдь великую:
А шьто намъ вѣдь не ходить не подъ царськой судъ, не подъ княжеськой;
Али кто какъ изъ насъ заплутуитьсе ели заворуитьсе,
Не ходить-то намъ подъ царськой судъ, не подъ князь-бояръ;
Такова́го будёмъ судить своимъ судомъ,
Всё своимъ будёмъ судомъ судить да во чисто́мъ поли:
Во перьвы́хъ будёмъ силитру жегчи на бѣлы́хъ грудяхъ,
Во вторыхъ-то будёмъ языкъ тянуть исъ ко́реня,
А какъ ясны очи тянуть косиц́еми,
Ретиво́ серьцё да промежду ребра [1]),
А тогда отсѣкци ёму руки бѣлыя да ноги рѣзвыя,
Вдостали́ отсѣкци буйну голову,
Розмётать ёго да по чисту́ полю
А сѣры́мъ ёго волкамъ на та́сканье,
А черны́мъ ворона́мъ на ку́рканьё“.
Какъ пошли тутъ калики путёмъ-дорогою;
А да какъ стрѣчалась имъ стрѣта́ немалая,
А немалая стрѣта́, да самъ Владимеръ-князь
Со своима-ти съ князёми и съ боярами,
А съ могучима, сильнима бога́тыри.
„Ужъ ты здраствуй-ко, Владимеръ-князь да стольнё-кіевськой,
Со своима-ти съ князьями-ти, всё бо́яры!“

---

1) Винит. множ. *Собир.*

— Ужъ вы здраствуй-ко калики-гости перехожія!
А куды у васъ путь лежитъ, дорога-я?—
„А лежитъ нашъ путь-дорожка во перьвы́хъ-то въ красенъ Кіевъ-градъ—
А да тутъ светымъ мѣстамъ да помолитисе;
А да вдостали наша дорожка долгая;
А какъ долгая дорожка, дальняя,—
А да вдостали ити въ Ерусалимъ-отъ градъ
А какъ Господнему кресту да поклонитисе,
Ко Господнёму-то гробу приложитисе,
Какъ тутъ по святымъ мѣстамъ да помолитисе“.
— Вы добро́-то, калики, думайте;
А Господь-отъ вамъ дастъ поры и времени.—
Говорилъ-то Владимеръ таковы рѣчи:
— Ужъ вы гой еси, калики перехожія!
Ужъ вы спойте-тко-то, братцы, мнѣ Еле́ньськой стихъ;
Навѣку-ту я не слыхалъ стиха Еленьського.—
А какъ тутъ калики другъ на дружку запоглядывали,
А какъ суночки снели съ могучихъ плечъ,
Востры копьиця потыкали да во сыру землю,
А какъ суночки повѣсили на копьиця,
А какъ становилисе калики во единой кругъ,
Какъ запѣли калики стихъ Еле́ньськія.
А какъ мать сыра земля затрясáласе да сколыбаласе,
А и въ рѣченьки вода да сколыбаласе;
А у князя съ плечь да покатилась буйна го́лова́,
Подломились у ёго да ножки рѣзвыя;
А подъ правую руку подхватилъ да старая стары́ньшина [1]),
Подъ лѣву́-ту руку подхватилъ До́брынюшка Микитичъ младъ,
За серёдочку-ту захватилъ Олёшенька Поповськой сынъ.
Говорилъ тутъ стары́й казакъ да Илья Муромець:
„Ужъ вамъ полно, вамъ братцы-калики, пѣть стиха Еленьського!
Покатиласе у князя съ плечь да буйна го́лова́,
Подломились его да ножки рѣзвыя“.
Перестали тутъ калики пѣть стиха Еленьского;
Надѣвали суночки на плечи свои на могучія,
Они брали востры копьиця да во праву́ руку,

---

¹) Обычное прозвище Ильи Муромца въ былинахъ Крюкова и А. М. Крюковой (I). *Собир.*

Какъ просили у князя милостины спасёныя:
„Ужъ ты гой еси, красно солнышко, ты Владимеръ-князь!
Ты подай жа намъ милостину спасёную
А какъ ради самого Христа небесного“.
Отвѣчаетъ имъ Владимеръ-князь да стольнё-кіеськой:
— Ужъ вы гой еси, калики перехожія!
А подать-то у мня топере вамъ-то нечего,
У мня золотой казны при себѣ не пригодилосе.
Вы подите-тко топере въ красенъ Кіевъ-градъ,
А подите ко мнѣ да на широкой дворъ,
А во ти полаты княженецькія;
А какъ примётъ васъ Опраксея Королевичьня,
А накормитъ васъ вѣдь до́сыта,
Напои́тъ васъ она вѣдь допьяна,
Она много вамъ подастъ да золотой казны.—
Какъ пошли-то калики путёмъ-дорогою,
А приходятъ они въ красёнъ Кіевъ-градъ,
А какъ въ красёнъ Кіевъ-градъ, ко князю на широкой дворъ;
Заходили въ ти полаты въ княженевськія,
Они молилисе Спасу всё пречистому,
А какъ матери-то Божьей Богородици;
А какъ бьютъ челомъ кнегины Опраксеи Королевичны:
„Ужъ ты здрастуй-ко, кнегиня Опраксея Королевичьня!
Ты напой-ко насъ, каликъ да перехожія,
А подай ты намъ-то милостину спасёную:
Приказалъ-то намъ Владимеръ-князь“.
А да напоила ихъ вѣдь, накормила жа,
А дала имъ милостину спасёную,
А да какъ сама почивать пошла,
А да почивать пошла да въ спальню горницю,
А послала тутъ вѣдь всё кухарку жа,
Приказала привести-то къ собѣ въ горницю
А того жо старшого подъата́манья.
„Ты поди-тко, Михайло Михайловичъ,
А зовётъ тобя Опраксея Королевичьня:
У ней есть съ тобой наказъ—наказывать“.
А какъ тутъ Михайлушко да не ослышилсэ,
А пришолъ-то къ кнегины въ спальню горницю.
А какъ захватила тутъ Опраксея Королевичьня въ охапочку:
„Повалимсе, Михайло, спать со мной на тёмну ночь“.

А не согласилсэ съ ею спать на тёмну ночь,
Убѣжалъ-то онъ изъ спальнёй вонъ.
А какъ тутъ Опраксеи за бѣду да показалосе,
За великой стыдъ да показалосе;—
Приказала Михайлушку въ кошалочьку положить всё злату чашу,
Исъ которой чары по пріѣзду пьютъ;
Положили тутъ чару въ суночьку Михайлушку.
Какъ ставаютъ калики тутъ по утру всё по ранному,
А походятъ тутъ калики въ путь-дороженьку,
А прощаютьсе съ Опраксеей съ Королевичьней.
А да какъ они ушли да съ широка двора,
А во ту пору, во то время пріѣхалъ самъ Владимеръ-князь,
А спросилъ-то той золотой чары—
А зъ дороги ёму выпити.
Не нашли они да той златой чаши.
Говоритъ тутъ Опраксея Королевичьня:
„Видно, у насъ украли калики перехожія“.
Говорилъ-то Владимеръ таковы слова,—
А да таковы слова, да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Олёшенька Поповичъ жа!
Состыди-тко-се [1]) каликъ да перехожія:
Не унесли ли моей златой чаши?“
А какъ тутъ Олёшенька да не ослышилсэ,
А какъ скоро побѣжалъ да на широкой дворъ,
Обуздалъ, осѣдлалъ добра коня,
А онъ скоро скакалъ да на добра коня,
А поѣхалъ въ сугонъ да за каликами;
Увидалъ-то каликъ—идутъ путёмъ-дорогою:
„Ужъ вы стойте-ко, воры калики перехожія!“
Какъ остоѣлисе калики перехожія;
Ише тутъ каликамъ за бѣду да показалосе;
Какъ стёгали, толкали Олёшеньку Поповича.
А поѣхалъ Олёшенька ко городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю да ко Владимеру,
Росказалъ Олёшенька да про своей поступокъ жа.
Говорилъ Владимеръ да таковы рѣчи;
„Ужъ ты гой еси Добрынюшка Микитичъ младъ!
Поѣзжай скоро за каликами да перехожима,
Допроси ихъ да потихошонько“.

[1]) Вмѣсто „состыги“, догони. *Собир.*

А поѣхалъ Добрыня путёмъ-дорогою,
А согналъ онъ каликъ да на чистóмъ поли;
Подъѣзжаетъ онъ ко каликамъ-то ближохонько,
Говорилъ-то имъ да потихошенько:
„Ужъ ты гой еси, атаманъ Касьянъ да немилóсливой!
А какъ не взялъ ли кто у васъ чаши князя Владимера?“
А какъ говорилъ тутъ Касьянъ да немилосливой:
— Ужъ вы гой еси, моя дружья́-товарышши,
А да вси наши калики перехожія!
А посла́тъ посла да во второй наконъ,—
Кто-ли изъ васъ взялъ да золоту чашу?
Осмотрите-ко вы суночки-котомочки.—
А какъ зачели сымать они суночки-котомочки съ могучихъ плечъ,
Они стали въ суночкахъ другъ у дружки всё высматривать;
А нашли эту чарочку тутъ у Михайла Миха́йлова,
У того жо у полуатама́нья жо,
А какъ отдали Добрынюшки злату чашу.
Взялъ-то Добрынюшка злату чашу,
Онъ поѣхалъ-то ко городу ко Кіеву.
А какъ розьдѣвали тутъ Михайлушка дóнага,
А какъ жгли селитру-ту Михайлу на бѣлы́хъ грудяхъ,
А тянули очи ёго косицеми,
Ретивó серьцё промежду ребра,
А да тутъ отсѣкли ёму руки бѣлыя,
А да какъ отсѣкли ёму ножки рѣзвыя,
А отсѣкли ёму буйну голову,
А броси́ли ёго во чистóмъ поли.
А какъ пошли тутъ калики перехожія,
Какъ послалъ тутъ Богъ-Господь да съ нёба аньгела
Оживить тутъ Михайлушка Миха́йлова,
Шьто бы (?) убили понапрасному.
Какъ-будто Михайлушко отъ сна да пробужаитьсе,
А одѣлъ-то онъ своё-то платьё цьвѣтноё,
А надѣлъ онъ суночку-котомочку на могучи плечи,
Побѣжалъ онъ состыгать братьéй-товарышшовъ:
„Ужъ вы гой еси, братья-товарышши!
А пошьто меня оставили въ чистóмъ поли?“
А какъ тутъ калики испугалисе,
А какъ думали бѣжитъ да всё вѣдь блáзникъ жа [1]);

1) Мёртвой. (См. словарь. *Собир.*).

А они присѣкли ёго опеть нáмелко;
Розьметали ёго во чистóмъ поли.
Какъ ушли калики отъ Михайлушка,
А Господь-отъ ёму пóслалъ аньгела;
А какъ взялъ-то Михайла склалъ да во едно мѣсто,
А онъ дунулъ-то ёго святы́мъ духомъ [1]);
А какъ тутъ-то Михайло какъ отъ сна пробудилсэ жа,
А какъ взялъ свою сумку-котомочку да вóстро кóпьицё,
А какъ шолъ онъ состыгать свою дружью-братьёй-товарышшей;
А кричалъ-то онъ да грóмкимъ голосомъ.
А какъ остояласе калика перехожая,
А говорилъ Касьянъ да немилóсливой:
„Это намъ, братцы, чудо чудитьсэ.
А не понапрасну ли мы рубили Михайла Михайлова,
А не ложь ли кака есть отъ княгины Королевичьни?“
А какъ пришолъ Михайлушко къ товарышшамъ,
Во перьвы́хъ-то падалъ во рѣзвы́ ноги Касьянъ да немилóсливой:
„А прости миня, Михайло, во перьвóмъ грѣху,
А прости миня, Михайлушко, да во второмъ грѣху“.
А какъ падали въ ноги вся дружин'-братья-товарышши,
А какъ вси калики перехожія:
„А прошшай-ко насъ, Михайло, во такомъ грѣху!“
— Ужъ васъ Бохъ проститъ да во такомъ грѣху!
Я прошшаю васъ да во такомъ грѣху.
Я терпѣлъ-то ето понапрасному:
А я того дѣла не дѣлывалъ,
А я той златой чаши да не воровывалъ,
Собѣ въ суночку-котомочку не кладывалъ.—

83.

Соломанъ и Иванъ (Василій) Окульевичъ.

Во Цариградѣ-то жилъ прекрасной цярь Иванъ Оку́льевичъ,
А въ Ерусалимѣ жилъ Солóманъ-цярь премудрыя [2]).
Собиралъ-то прекрасной цярь Иванъ Окульевичъ почесенъ пиръ
На князей-то своихъ, всё на бóяръ жа.

---

[1]) Ср. стр. 143 ст. 177 и прим. *Собир.*
[2]) Сынъ Давыдовичъ.

А до какъ вси-то на пиру да пьяны, веселы,
А да сидятъ пьютъ, ѣдятъ да хвастаютъ;
А прекрасной царь Иванъ Окульевичъ по полаты похаживать,
А русыма-ти кудрями прирострахиватъ,
А златыма-ти перстнями принашшалкиватъ,
А какъ самъ онъ говоритъ таковы слова да таковы рѣчи:
„А какъ вси у мня въ Царяградн поженёны,
Красны дѣвушки у мня замужъ подаваны;
А какъ я одинъ-отъ царь холостъ хожу,
А да я холостъ хожу да не жонатъ слову.
А не знаётъ ли кто у мня [1]) обручьници, да красной дѣвици,
Красной дѣвици да супротивъ миня,—
Штобы возростомъ немáла и умомъ сверсна,
А бѣло личё у ей кабы было снѣгу бѣлого,
А какъ ясны очи были какъ у сокола да перелётного,
Чёрны брови какъ у соболя сибирьского,
А походка была павина, кротка рѣчь была бы лебединая?“
Какъ изъ-за того стола окольнёго
А ставалъ тутъ на рѣзвы ноги дородьнёй доброй молодець,
А какъ тотъ жо Васька Тороكановъ Пустоволодьевичъ [2]);
Онъ подходитъ-то къ царю близёхонько да поклоняитьсе низёхонько,
Говорилъ-то онъ да таковы рѣчи:
— Благослови-тко-се, прекрасной царь Иванъ Окульевичъ, мнѣ-ка слово сказать,
Не моги меня за слово казнить, меня вѣсити.—
„Говори-тко-се, тебѣ-ка што тѣ надобно;
Не буду не садить, не вѣсити“.
— Какъ я знаю тбѣ обручьницю да супротивъ тобя,
Супротивъ тобя да хошь не красну дѣвицю:
А какъ есь въ Ерусалими-гради у царя царица Соломáниха,
А какъ столь она прекрасна—такой красоты нигдѣ на свѣти нѣтъ.—
Говорилъ тутъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ:
„Ужъ ты гой еси, Васька Тороكановъ Пустоволодьёвичъ!
Ишше какъ можно у жива мужа жона отнять?“
— Не хитро-мудро жона отнѣть:

---

[1]) Во второй разъ Крюковъ пропѣлъ: „А да вы не знаите ли мнѣ“. *Собир.*

[2]) Вмѣсто „Пустоволосьевичъ“, подъ вліяніемъ имени Глѣба Володьевича (№ 80). *Собир.*

Только дай мнѣ-ка чёрной ка́рабель;
Привезу-то я царицу тебѣ Соломаниху
А со разныма со товарами.—
Какъ давалъ ёму-то чёрной ка́рабель,
Нагрузилъ ёго товары розноличнима.
Какъ пошолъ-то Васька Тороканов Пустоволодьёвичъ,
А приходитъ онъ въ тотъ же Ерусалимъ-отъ-градъ.
А приходитъ, прiѣзжаётъ въ Ерусалимъ-отъ-градъ;
А во ту пору царя Соло́мана-та въ домѣ не случилосе.
А да ходитъ Васька, торгуётъ товарами, по городу;
А увидяла царицǽ Соло́мина:
„Ужъ ты гой еси, дородьнёй доброй молодецъ!
А продай-ка мнѣ товару-ту, какой мнѣ-ка вѣдь надомно“.
Говоритъ-то Васька таковы рѣчи:
— А прiѣзжай ко мнѣ на чёрной ка́рабель;
Покажу тобѣ товары цярьськiя.—
А ушолъ-то Васька на чёрной карабель.
А прiѣхала царицǽ Соломаниха,—
А да самъ онъ приказалъ: „какъ взойдётъ царицǽ Соломаниха да на чернёнъ карабь,
Выпускайте вы вязки, мечите на́ воду,
Роспускайте паруса бѣлы поло́тьняны“.
А зашла тутъ цярицǽ въ каюту въ карабельнюю
Выбирать товары, каки надобно;
Отвязали тутъ да вязки да тутъ верёвки жа,
А метали верёвки на́ воду,
А поднели паруса тонки поло́тьняны,
А пошли они да во синё морё.
Закачалсэ ихъ да чёрной ка́рабель;
Ипше тутъ-то говоритъ царицǽ Соломаниха:
„А какъ што у тя качёетьсе да чёрной ка́рабель?“
Говоритъ Васька Тороканов Пустоволодьевичъ:
— Это онъ всё качаитьсе со старого,
А не можотъ онъ да остоѐтисе.—
А да какъ набрала она товаровъ розноличьнiя,
А какъ выходила тутъ изъ каюты вонъ на палубу,—
Не увидяла она да всё своей земли:
„Охти, мнѣ топерече тошнёшенько!
Я куды топерече дѣваюсе?“
Говоритъ-то Васька Торокань Пустоволодьевичъ:
— Ты молчи-тко-се, прекрасная царицǽ Солома́ниха!
Я везу-то тебя за прекрасного царя Ивана Окульёва.—

А да какъ приходитъ онъ во Царь-отъ-градъ,
А стрѣчатъ тутъ царь Иванъ Окульевичъ,
А берётъ-то ей да за бѣлы́ руки,
Чѣлуётъ ей въ уста саха́рныя;
А повёлъ въ своя полаты бѣлокаменны.
Какъ во ту пору, во то время
А пріѣхалъ царь Соло́манъ изъ чиста́ поля,
А спрошалъ-то онъ у своихъ придворниковъ:
„А какъ гдѣ моя цяриця Соломаниха?“
— Ужъ ты гой еси, Соломанъ-царь премудрыя!
Какъ пришо́лъ-то изъ Цяряграда-то Васька Тороканъ Пустоволодьевичъ,
А увёзъ твою царицю Соломаниху
За прекрасного царя Ивана Окульёва.—
А какъ скоро онъ да бралъ свою да золоту трубу,
Выходилъ-то на крыльцё косисчято,
А кричалъ онъ въ трубочку-ту золочёную:
„Ужъ вы гой еси, дружина-я хоробрая!
Ужъ вы осѣдлайте своихъ добры́хъ коней“.
А какъ дружина не ослышилась;
А сѣдлали, уздали добры́хъ коней,
А скакали они да на добрыхъ коней,
А поѣхали они къ Царю́граду
Да къ прекрасному царю Ивану Оку́льёву
Отымать цярици Солома́нихи.
А да какъ пріѣхали-то ко Царю́граду,
Оставлялъ-то онъ Соло́манъ всё добра коня,
Какъ вѣдь самъ имъ говорилъ да таковы слова:
„Ужъ вы гой еси, дружины мои хоробрыя!
Составлейте бѣлы́ шатры поло́тьняны,
А караулы ставьте крѣпкія, всё вѣдь вѣрныя.
Какъ заиграю я въ звончаты́ гусли во перьвой разъ,
А да какъ заиграю во второй наконъ,
А скочите вы всё на добры́хъ коней,
Поѣзжайте вы во Царь-отъ-градъ;
Заиграю токо въ третёй наконъ,
А тогда рубите и старого, и малого,
А хватайте прекрасного Ивана всё Окульёва,
А да хватайте вы Ваську Тороканова,
А цярицю-ту я вѣдь самъ сдёржу“.
Какъ пріѣхалъ тутъ Соломанъ-царь къ Ивану Окульёву на широкой дворъ,

Заходилъ-то онъ да на красно́ крыльцё.
А да какъ стрѣчала цярицядя Соломаниха:
„Ужъ ты здрастуй-ко, Солóманъ-царь премудрой жа!
А прости меня да во перьвóй вины:
А увёзъ меня неволёй Васька Тороканъ Пустоволóдьёвичъ“.
Она нáчела поить, кормить царя Соломана;
А во ту пору наѣхалъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ.
„Куды я топере спрячусь жа?“
А какъ стоитъ тутъ у ей высокъ сундукъ.
— А замкну-то я тебя топерече въ высокъ сундукъ.—
Повалилсэ царь Соломанъ во сундукъ-отъ жа.
А стрѣчала она цяриця Ивана-то Окульёва:
„Ужъ ты гой еси, душочка мой, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
Шьто сказали—царь Соломанъ хитёръ-мудёръ,
А сидитъ-то онъ подъ гу́зномъ подъ бабьимъ жо!“
— Отмыкай-ко-се да ты сундукъ-отъ жа,
Выпускай-ко-се царя Соломана.—
Отмыкала она замочки-ти заморськія,
Отпирала она ковáнъ сундукъ,
Выпускала царя Солóмана.
„Ужъ ты здрастуй-ко, премудрой царь Соломанъ жа!“
— Ужъ ты здрастуй-ко, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
А зачимъ жо ты у мня увёзъ да молоду жену?—
„Какъ не я увёзъ, да Васька Тороканов жа“.
Говоритъ-то ёго молода жона:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
Отсѣки царю Соломану да буйну голову:
Отойдётъ-то царь Соломанъ своей хитростью“.
Говоритъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ:
— Мнѣ рубить-то головы у ёго вѣдь нé за што:
Некакого навѣку́ лихá не дѣлалъ жа.—
Говорилъ тутъ вѣдь царь Соломанъ жа:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
Не руби-тко мнѣ-ка съ плечъ да буйной головы,
А какъ здѣлай-ко мнѣ-ка высокой рей
Да повѣсь-ко на рей три-то пéтёлки:
А какъ перьву петелку здѣлай-ко-сь липовую
А другу-ту петелку здѣлай всё варóвую [1]),

[1]) Варовá называитьсе.

А третью-ту петелку здѣлай ты шолковую;—
А (въ) липову-ту мнѣ положить буйну голову,
А бѣлы руки положить въ петелку варовую,
А рѣзвы ноги положить въ петелку въ шолковую".
А да какъ приказалъ да здѣлать всё высокой рей,
А да всё здѣлать три-то пётёлки;
А да повѣстилъ прекрасной царь палачей да немилосливыхъ:
„А ведите-ко царя Соломана да на высокой рей".
А какъ повели царя Соломана,
А позади идётъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ съ царицёй Соломанихой,
А какъ съ Васькой да съ Торокановымъ;
А со всего народъ граду сбѣгаитьсе
А смотрить смерти царя Соломана.
А какъ приходилъ-то царь ко рею всё высокому;
А какъ хочетъ ступать да на перьву ступень,
Ишше самъ онъ, царь Соломанъ, говоритъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ!
А позволь-ко мнѣ зыграть, на перьвой ступени поиграть да попотѣшитьсе,
А во ти жа поиграть да въ звончаты гусли".
Говоритъ-то царь Соломанъ таковы рѣчи,
А какъ говорила цариця Соломаниха:
— Не давай царю Соломану въ звончаты гусли:
Отойдётъ-то царь Соломанъ своей-то хитросью-ту, мудростью.—
„А да тутъ гдѣ же отойти царю Соломану?
А топереча-то я, царь Соломанъ, всё у васъ въ рукахъ".
Заигралъ тутъ въ звончаты гусли;
Услыхали тутъ дружиночки въ чистомъ поли,
Они скоро обирали бѣлы шатры полотьняны,
А да какъ поѣхали къ Царюграду жа.
Заступалъ Соломанъ-царь да на втору ступень:
„Ужъ позволь-ко, прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ, да зыграть во второй наконъ,
Мнѣ потѣшить собя и тебя со царицёю".
Говоритъ тутъ да царицa Соломаниха:
— Не давай ты ёму играть да въ звончаты гусли:
Отойдётъ-то царь Соломанъ своей хитросью-ту, мудростью;
А какъ царь Соломанъ былъ весьма хитёръ.—
Говорилъ тутъ всё Иванъ Окульёвичъ:
„Играй-ко, царь Соломанъ, скольке надомно".

Какъ тутъ заигралъ-то во второй наконъ,
Заѣзжали ти-то молодцы во Царь-отъ-градъ,
А скакали черезъ стѣну городо́вую.
А да какъ обступать-то царю Соломану на третью́ ступень,
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи;—
Позади идётъ прекрасной царь Иванъ Окульёвичъ,
А по бокамъ идутъ палачи да немило́сливы;—
Говорилъ тутъ Соломанъ-царь премудрыя:
„Ты позволь-ко мнѣ сыграть въ послѣднёй разъ,
А мнѣ-ка тебя, царя, потѣшити".
Говоритъ цариця Соломаниха:
— Не давай играть цярю Соломану.—
„А какъ гдѣ жа ёму отойти да своей хитростью?
А играй, царь Соломанъ, скольке тебѣ надобно".
А какъ заигралъ-то царь Соло́манъ во-въ третёй наконъ,
Наскакала его дружиночка хоробрая.
Какъ топерече игратъ да приговариватъ,
А царю съ царицей наговариватъ:
„Не видать вамъ смерти царя Соломана!
Во перьвыхъ схватила Ваську Тороканова,
Во вторыхъ схватила прекрасного царя Ивана Окульёва;
А царицю онъ Соломанъ самъ въ рукахъ держи́лъ.
А какъ клали Ваську Тороканова въ петлю липо́вую,
А царицю клали всё въ варо́вую,
Какъ царя Ивана Окульёва въ шолко́вую;
А да тутъ имъ всимъ трёмъ смерть пришла.

84.

Смерть царицы (Настасьи Романовны).

А къ чему жа, братцы, пріуныла всё быстра́ рѣка,
Не гремятъ-то поро́жки быстрыя?
А къ чему жа, братцы, пріумолкло-пріуныло солоно́ морё?
А къ чему жа, братцы, пріуныли, не шумятъ-то да лѣсы тёмныя?
А къ чему жа, братцы, поднебесная звёзда съ неба отпа́дала?
А къ чему жа, братцы, воску ярого свѣшша да потыхала жа?
Благовѣрная цяриця приставляласе;
Порушалась эта наша вѣра православная [1]).

[1]) Затѣмъ Крюковъ пропѣлъ:
„А къ чему жа, братцы, пріуныли берега да рѣчки быстрыя?"

Говоритъ-то она таковы рѣчи:
„Ужъ вы дѣти, мои-то два царевиця,
Два царевиця мои-то, два любимыя,
Два любимы вы учёныя!
А подите-тко ко своёму родну батюшку,
Ко грозно́му-то царю Ивану всё Васильицю;
Вы сходите-тко къ ему въ сенотъ-отъ жа,
Позовите-ко-се мнѣ его проститисе;
А вы знаите, какъ прійти къ ему, всё слово́ сказать:
Вы придите, станьте на ти жа жилы подколѣнныя,
Да вы говорите грозну царю, своёму родну батюшку:
— „Ужъ ты гой еси, грозны́я царь Иванъ Васильевицы!"—
Вы подите-тко къ ему, позовите ко мнѣ-то всё проститисе".
А какъ тутъ-то два царевиця да не ослышились;
А надѣли оны своё платьё цьвѣтноё,
А приходятъ они въ сенотъ къ своёму родну батюшку,
Ко грозно́му-ту царю Ивану-ту Васильицю;
А онъ сидитъ-то на престоли всё на царськомъ же,
А на го́ловы надѣтъ да вѣнецъ царськія,
А въ рукахъ держи́тъ-то онъ чудно́й-отъ крестъ.
Они стали на жилы-ти на подколѣнныя,
Они били [1]) своему царю-батюшку:
„Ужъ ты гой еси, грозны́я царь Иванъ-сударь Васильевицы!
А зовё тебя цариця наша матушка
Во послѣдней-отъ разъ съ тобой проститисе".
А тому-то вѣдь царь не ослышилсэ;
Сходилъ-то онъ со престола-то со царського,
Скидывалъ-то онъ вѣнецъ всё царськія,
А сымалъ съ себя порфиру царськую,
А онъ клалъ на престолъ на царськія,
Онъ пошолъ-то скоро ко царици-то, своей къ молодой жены,
Онъ вѣдь скоро 'ходилъ къ ей въ свѣтлу свѣ́тлицю.
Увидала его молода жона,
Ише та же цариця благовѣрная:
„Ужъ ты гой еси, грозны́я царь Иванъ Васильевицы!
А какъ буду я тебѣ наказъ наказывать:
Ты не будь жа горечь, не будь спальчивъ жа,
До своихъ ты малыхъ дѣточекъ будь ты милостивъ,
А до двухъ-то всё младыхъ царевицей;

[1]) Т. е. челомъ. *Собир.*

Я ишшё тебѣ буду наказъ наказывать:
Ты постой-ко-се за вѣру православную,
Ты постой-ко за манастыри-ти спасёныя,
А за ти же за черквы-ти за Божія;
Я ишё тебѣ буду наказъ наказывать:
Ужъ ты будь ты кротокъ, будь ты милостивъ
До чужихъ-то до дѣточокъ,
Новобраныхъ всё солдатушокъ:
Стоятъ-то они за вѣру православную,
За тобя, цяря Ивана Васильиця,
За всихъ-то князей, за бояръ;
Я ишё буду тебѣ наказъ наказывать:
До своихъ-то до князей будь ты кротокъ, будь ты милостивъ,
А до тихъ жа ты князей, всё бояръ жа;
Я ищё тебѣ буду наказъ наказывать:
Ужъ ты будь ты кротокъ, будь ты милостивъ
А до тихъ жа хрисьянъ да чёрнопахотныхъ:
Ты наложь-ка на ихъ подати по три денёжки,—
Наберёшь ты многи тысячи;
Ты положь на ихъ по три копеечьки,—
Ужъ ты много насбирашь казны несчётныя;
Я ишшё тебѣ буду наказъ наказывать:
Послѣ мо́его-то быванъиця,
Не женись-ко-се ты въ проклято́й Литвы,
Въ проклятой Литвы, орды поганыя
У Кострюка-Небрюка на родной сестры,
На той жа на Марьи Небрюковны:
Какъ порушитсе ваша вѣра православная".
А какъ тутъ царь розьерилса жа,
Розьерилса онъ да розсердилса жа;
Убѣжалъ-то онъ отъ царици, изъ спальнёй онъ.
А во ту пору, во то время
Поднебесная звѣзда съ нёба отпа́дала,
Воску ярого свѣшша да потыхала жа,
Православна вѣра порушаласе;
Благовѣрная цариця приставлялáсе.
А потухла свѣшша да воску ярого,
А преставилась цярицж благовѣрная,
Поруши́лась наша вѣра православная.

85.

Кострюкъ [1]).

Какъ задумалъ Грозный-отъ царь
Иванъ Васильевичъ женитисе,
Женитисе да обручатисе
Не въ камянной Москвы,
Да не въ святой Руси,
Не на святой Руси,
Да въ проклятой Литвы въ поганыя—
У Кострю́ка-Небрю́ка молодого
На той жо на родной сестры
На Марьи Небрюковны.
Да просилъ онъ приданого
Полтораста просилъ улановей,
Триста просилъ татаровей,
Петсотъ просилъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ молодцовъ;
Три телёги просилъ онъ красна золота,
Три телёги просилъ онъ чиста се́ребра,
Да три телёги просилъ мѣди всё козарочки,
Три телёги просилъ онъ скатна дорогого, мелка жемчуга.
Давалъ-то онъ полтораста улановей,
Триста давалъ татаровей,
Петсотъ давалъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ молодцовъ;
Да три телёги давалъ онъ красна золота,
Три телёги давалъ онъ чиста се́ребра,
Три телёги давалъ онъ мѣди-козарочки,
Три телёги скатна жемчуга.
Какъ задумалъ нашъ Грозны́я царь
Иванъ Васильевичъ ѣхати
Въ проклятý орду поганую,
Да въ поганую Литву, Литву женитисе
На той же на Марьи Небрю́ковны.
Да какъ началъ онъ збиратисе,
Собруня́тисе да отправлятисе
Въ ту жа въ проклятý Литву въ поганую.

---

1) Эту старину Крюковъ пѣлъ речитативомъ, останавливаясь послѣ каждаго 4—7-мистишія. *Собир.*

Онъ здра́восцалъ [1]) да грези чёрныя,
Онъ здравосцалъ да лѣсы тёмныя,
Онъ здравосцалъ да рѣчки быстрыя,
Онъ здравосцалъ да въ проклятý Литву.
Прiѣжаётъ къ Дюку Кострюку на широкой дворъ;
Какъ стрѣчаётъ Дюкъ Кострюкъ-отъ,
Да стрѣчае молодыя Грозного царя,
Да ведётъ онъ въ свои свѣтлы свѣтлици
Да во столовы новы горьници;
А садилъ-то Грозна царя да за дубовы столы,
За дубо́вы столы, за скатерти браныя,
А за ти же за ѣствы саха́рныя.
Какъ вси сидятъ и пьютъ, ѣдятъ и хвастаютъ;
Грозныя царь Иванъ Васильевичъ
Сидитъ не пьётъ, не ѣстъ, ничѣмъ не хвастаётъ.
Кострюкъ Небрюкъ по полаты похаживатъ,
Съ ножки на ножку переступыватъ,
Жолтыма кудрями принатряхиватъ,
Златыма-ти перснями принашшалкиватъ.
Самъ онъ говоритъ да таковы рѣчи, да таковы слова:
„Какъ вси у меня-то на пиру сидятъ пьютъ, ѣдятъ,
И вси у меня да хвастаютъ;
Какъ прiѣзжей-отъ гость сидитъ
Не пьётъ, не ѣстъ, не кушаётъ,
Нечи́мъ онъ у меня не хвастаётъ.
Ужъ я разѣ тебя мѣстомъ о́бсадилъ,
Или винной чарой тебя о́бнесли,
Мои ѣствы тебѣ не по́ души,
Не по́ души, не по разуму,
Эли князи мои, бо́яра
Надъ тобою посьмѣхаютце?“
— Ужъ ты вой еси, Небрюкъ Кострюкъ моло́дыя!
Питья, ѣствы мнѣ-ка по разуму,
Винной меня чарой не о́бнесли,
И нехто́ надо мной не посьмѣхаитьце.
Да какъ я къ тебѣ прiѣхалъ
Не пить, не ѣсть, не кушати;—
Ты дай же мнѣ нарьчо́ное, посулёное.—
Чечасъ Кострюкъ Небрюкъ

[1]) По объясненію Крюкова—проѣхалъ. У Кирши Данилова соотвѣтствующее мѣсто читается: „Здравствуетъ царь-государь черезъ рѣки быстрыя“, и пр. Слѣд., это слово искажено изъ „здравствовалъ“. *Собир.*

Писалъ триста татаровей,
Полтораста писалъ улановей,
Петсотъ писалъ доньскихъ казаковъ,
Удалы́хъ добрыхъ мо́лодцовъ.
А насыпалъ онъ три телёги красна золота,
Насыпалъ онъ телёги чиста се́ребра,
Три телёги онъ мѣди всё козарочки,
Три телёги ска́тна мелка жемчуга.
Да какъ началъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ
Сряжатисе, отправлятисе
На ту жа на сьвятую Русь, въ камянну́ Москву.
Какъ поѣхалъ нашъ Грозной царь Иванъ Васильевичъ;
Онъ здраво проѣхалъ грези чёрныя,
Онъ здраво проѣхалъ лѣсы тёмныя,
Онъ проѣхалъ рѣчки быстрыя;
Онъ здраво прiѣхалъ во матушку да въ камянну́ Москву
Со тою со Марьей Небрюковной.
Тутъ пошолъ у ихъ чесёнъ пиръ наве́сели.
Вси тутъ пьютъ, ѣдятъ, хвастаютъ;
Какъ любимой-отъ ёго шуринъ сидитъ,
Не пьётъ, не ѣстъ, не кушаетъ
И ничимъ сидитъ не хвастаётъ;
Онъ повѣсилъ голову съ могучихъ плечъ,
Онъ поту́пилъ очи въ се́реду кирпичяюю.
Говорилъ тутъ Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ:
„Шьто же ты, любимой шуринъ, не кушаешь?
Эли мѣсто тебѣ не по вотчины,
Питья, ѣствы тебѣ разѣ не по разуму?“
— Мѣсто-то мнѣ-ка по вотчины,
Питья, ѣствы по разуму, по́ души:
Винной-то чарой меня не о́бнесли,
Нехто надо мной не посьмѣхаитьце,
Не князи, не бо́яра.
Я у тя спрошу: есь ли у васъ въ камянно́й Москвы
Таковы борьци, таковы борьчи,
Удалы́ добры молодци?—
Да какъ бралъ-то тутъ Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ
Золоту трубу розрывчяту,
Выходилъ онъ на крылечко косивчято,
Кричалъ-то онъ въ золоту трубу:
„Ише есь ли у насъ въ камянно́й Москвы таковы борьци?“
Услыхалъ тутъ изъ того ряду́,

Изъ того ряду кожёвенна,
Услыхалъ тутъ Потанюшко Хроменькой;
Хроменькой, самъ тоненькой,
По животу онъ пережимистой,
На правў ногу подпадывать,
На лѣвў подковыривать,
Костылькомъ онъ помахиватъ,
Къ царському дворцю подвигаитьце.
Увидалъ тутъ Кострюкъ Небрюкъ:
„Это чортъ идётъ, не бровшшикъ [1]),
Водяной идётъ, не роспотѣшильшикъ!“
Онъ скачётъ черезъ вси столы дубовыя,
Черезъ ѣствы сахáрныя,
Да бѣжалъ-то онъ да на новы́ сѣни,
Да на красно крыльцё да на широкой дворъ.
Какъ гóворитъ тутъ Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой да самъ тоненькой:
„Ужъ ты гой еси, Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ!
Мы положимъ промежъ собой заповѣдь великую:
Неровнó которой которого бросить,
Руку, ногу сломитъ,
Хребетну ли кость повыломитъ,
Изъ платья ли повылупитъ“ [2]).
Смотритъ тутъ Грозны́я царь
Иванъ Васильевичъ съ Краснá крыльця.
Какъ начели Кострюкъ Небрюкъ боротисе
Съ Потанюшкой Хроменькимъ,
Съ Хроменькимъ съ имъ, съ тоненькимъ,
Какъ начели боротисе, водитисе.
Какъ Потанюшко Хроменькой,
Хроменькой, самъ тоненькой,
По животу пережимистой
На правў ножкў подпадывалъ,
На лѣвў подковыривалъ,
Костылькомъ онъ помахивалъ,
Какъ металъ тутъ Кострюка Небрюка
На матушку сырў землю́,
Онъ вѣдь его изъ платья повылупилъ,
Хребётну кость повыставилъ.

---

[1]) Боротьсе.
[2]) Подъ судъ не отдавать.

Да скакалъ Кострюкъ Небрюкъ да на рѣзвы́ ноги,
Побѣжалъ да по широку́ двору,
Захватилъ черну́..... въ праву́ руку,
Побѣжалъ, гдѣ-ка собаки шшенятятьсе,
Гдѣ-ка свиньи-ти приносятьсе,
Гдѣ-ка кошки люшшятьсе.
Говоритъ тутъ Марья Небрюковна:
„Это чортъ, не борошьство,
Водяной, не роспотѣшельство!“ [1])

86.

Орсе̂нко (Аксе̂нко) [2]).

(Слышалъ отъ крестьянъ съ верхней Мезени).

А Грозны́я царь Иванъ Васильевичъ задумалъ строить втору Москву, втору Москву на Во́логды. Не могъ-то онъ построить второй Москвы на Вологды; только выстроилъ черьковь Миколину на томъ-то городи на Вологды; положилъ золотой казны сорокъ тысечей. А задумалъ-то Орсёнко посмотрить государёва строеньиця, не второй Москвы, черькви Миколиной, того жо строеньиця государева. Пошолъ-то Орсёнко путёмъ-дорогою, уцюлъ-то во стороноцьки гамъ, говбрю великую. Захотилось посмотрить Орсёнку, хто такой розговариватъ. Дѣля́тъ тутъ воры-розбойники золоту казну, золоту казну да государеву изъ той церьквы Миколиной; церькву подло́мять и укра́дутъ. Подходилъ-то Орсёнко тутъ къ ворамъ-розбойникамъ: „Ужъ вы воры-розбойники! дайте мнѣ такой же пай“. Не даютъ-то воры-розбойники такова́ паю. Просилъ тольке у нихъ полу́паю; не даютъ они и полу́паю. Про-

[1]) — Тебѣ како́ дѣло?—царь-отъ говоритъ. Тутъ и всимъ смѣшно́ пало.

[2]) Крюковъ разсказывалъ эту старину словами, т. к. онъ плохо ее знаетъ; начало ея онъ совсѣмъ забылъ. А. М. Крюкова (I) слышала отъ Гаврилова брата старину про *Орсёнка*, но помнитъ только, что „Ему смерть пришла да немило́сьлива“. Братъ Ивана Прыгунова (IX) разсказывалъ содержаніе старины про *Оксёнушка Перемёнтьевича*, который, встрѣтивъ разбойниковъ, дѣлившихъ казну, попросилъ у нихъ себѣ пая, но они не дали ему и четверти пая; тогда онъ вырвалъ дубъ съ корнемъ и всѣхъ разбойниковъ перебилъ. Имя Арсенки встрѣчаемъ въ одной изъ легендъ о Никонѣ, распространенныхъ въ Поморьѣ: „Говорятъ, въ исправленіи книгъ Никону помогалъ нѣкто Арсенко, по воображенію раскольниковъ, нѣчто въ родѣ злого духа“. (*Ефименко*, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ. I, 220). Этотъ Арсенко, несомнѣнно,—Арсеній Грекъ, который много работалъ по исправленію и переводу книгъ, а ранѣе былъ въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ. *Собир.*

силъ-то онъ тольке треть паю; не даютъ-то они и треть паю. Просилъ онъ тольке четверть паю; не даютъ они и четверть паю. Просилъ тольке пети рублей; не даютъ-то Орсёнку и пети рублей. Розьерилось тутъ Орсёнка ретивб серьцо; хваталъ онъ сырой дубъ изъ матушки сырой земли, высокó-то онъ металъ по поднéбесью. Тутъ розбойники да испугалисе, по тёмнóму лѣсу розьбѣжалисе. Какъ сóбралъ Орсёнко золоту казну несчётную, онъ сóбралъ сй сорокъ тысечей, пошолъ онъ на втору Москву, на Вологду. Какъ приходитъ Орсёнко въ славну Вологду, заходитъ въ царёвы больши кáбаки; ужъ онъ началъ пить вино запоеми, откупать онъ зачялъ сороковками; самъ онъ пьётъ и голéй поитъ, голей поитъ, кабацькихъ пьéницей: „Ужъ вы молите Бога за Орсёнка!“ Они пьютъ вино да Бога молятъ за Орсёнка. Прошла-то та славушка по городу по Вологды, шьто есь такой,—откупатъ вино да сороковками, самъ пьётъ да и голéй поитъ. Прошла по городу по Вологды;—поимали Орсёнка во царёвомъ большомъ кáбакѣ, посадили въ тéмну тéмницю; посадили Орсёнка въ тёмну тёмницю, приготовили ему да высокой рей; повели-то Орсёнка на высокой рей,—со всёго города народъ сьбѣгаитьце, сьбѣгаютьце да съѣжжаютьце. Повели-то Орсёнка на высокой рей; говоритъ-то Орсёнко таковы рѣчи: „Ужъ вы гой еси, народъ православной! не ходите смотрѣть моей сьмерти: моя сьмерть страшнá будетъ, грозна, немилосьтива“. Какъ умной-отъ народъ назадь ворóтитьце, а глупой-отъ народъ вперёдъ идётъ. Говорилъ-то Орсёнко во второй наконъ: „Ужъ вы гой еси, народъ православныя! не ходите смотрить моей сьмерти: моя сьмерть будетъ всѝмъ страшна, всимъ страшна, грозна и немилóсьлива“. Говорилъ-то Орсёнко да во-въ третéй наконъ: „Ужъ вы гой еси, народъ православныя! не ходите смотрить моей сьмерти: моя сьмерть будетъ всѝмъ страшна, всимъ страшна и немилóсьлива“. Привели-то Орсёнка на высокой рей; хотятъ-то Орсёнка класьть въ петелки. Какъ хватилъ-то Орсёнко высокой рей, онъ изъ матушки сырой земли, начелъ-то онъ реёмъ помахивать по тому народу православному; побѣжали народъ да православной, куды кому надобно. Испугались тутъ Орсёнковой сьмерти, пускали Орсёнка. Пошолъ-то Орсёнко опеть пить постарому; приходитъ во царёвы больши кáбаки, самъ пьётъ и голéй поитъ: „Молите Бога за Орсёнка!“

IV.

Анна Ивановна Васильева, дѣвица 56 лѣтъ, неграмотная, уроженка Нижней Золотицы. Живетъ она въ домѣ своего зятя и, такъ какъ у нея нѣтъ большого достатка, по временамъ (напр., на страдную пору) нанимается приходящей работницей къ богатымъ односельчанамъ. Старины она переняла по большей части еще дѣвочкой лѣтъ 10 отъ золотицкихъ „мужиковъ“, теперь уже покойныхъ. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь старинъ, она знаетъ слѣдующія: 1) Дунай (разсказывая содержаніе старины, она называла его Алешей Поповичемъ; выпущенный изъ темницы, онъ сватается на Настасьѣ, дочери короля Задонскаго; соперникомъ его является князь Данило Бѣлый девяноста лѣтъ), 2) Дюкъ, 3) Девять разбойниковъ и ихъ сестра, 4) Князь, княгиня и старицы: „Былъ князь Михайло девяноста лѣтъ“.

87.

Чурило и невѣрная жена.

Ай о вёшномъ было праздницьки во Троици,
Нападала пороха снѣгу бѣлого.
Шьто по той по порошици, бѣлу́ снѣгу
Шьто не бѣленькой-отъ заюшко проскакивалъ,
Не сѣрой горносталюшко прорыскивалъ,—
Туто шло-прошло два брателка крестовыя,
Два крестовы прошло братьиця, назва́ныя:
Во перьвы́хъ-то шолъ Цюри́лушко Оплёнковиць,
Во вторыхъ-то шолъ Олёшенька Поповиць младъ.
Какъ Олёшенька пошолъ да во Божью́ ц́ерьковь,
А Цюрилушко пошолъ да къ широку́ двору,
Къ широку́ двору пошолъ-отъ къ Перемя́тьёву.
Онъ заходитъ на крылецюшко прекрасноё,
Онъ берётьце за колецько за серебряно,
Ужъ онъ дёрьгатъ за ремёшокъ семишо́лковой.
Увидала ёго дѣвушка-служаноцька,
Какъ любима Перемятьёва племяньниця,
Отворила окошоцька немножоцько:
„У насъ хто стоитъ сегодни на крылецюшки,
Хто брецитъ стоитъ (въ) серебряно колецюшко?“
— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаноцька,
Ты любима Перемятьёва племяньниця!

У тя въ доми ли есь дедюшка родимой твой?—
„У насъ нѣту вотъ вѣдь дедюшки родимого:
Онъ уѣхалъ хъ цёсной ранной ко заутрени“.
— У тя въ доми ли есь дединка родимая?—
„У насъ въ доми есь дединка родимая,—
Со слёзами стоитъ да Богу молитце“.
Услыхала её дединка родимая,
Поскорёшенько ставала со кроватоцьки,
Покруце́ одѣвала тюфли на́ ноги,
Поскорёшенько бѣжала по новы́мъ сѣнямъ,
Потихошеньку отпирала сѣни на́ пяту;
Какъ брала она Цюрила за бѣлы́ руки,
Обнимала 'на Цюрила за бѣлу́ шею,
Цёловала Цюрила во саха́рной усъ,
Заводила Цюрила въ нову горьницю.
Какъ Олёшенька пришолъ да во Божью́ церькву,
Ужъ онъ крестъ-отъ кладётъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
На вси сто́роны цятыре поклоняитьце:
„Ужъ вы здраствуйте попы, отци духовныя,
Ужъ вы здраствуйте прецетьники церьковныя!
Ужъ ты здраствуй-ко, Цюрилушко Ивановиць,
Ужъ ты здраствуй, Перемёта сынъ Васильёвиць!
У тибя-то сёгодни небывалой гось,
Какъ твоей-то пожилой жоны да старо-прежной другъ“.
Ишше ето Перемёты за бѣду́ пало,
За вели́ку ёму пало за досадушку;
Въ ёмъ горяця-та вся кровь да роскипѣласе,
Богатырьска ёго сила росходиласе.
Пошолъ поскорёшенько да изъ Божьёй церькви,
Ужъ онъ падалъ Перемёта на добра́ коня;
Пріѣжаётъ Перемёта къ широку́ двору;
Онъ ставилъ коня да середи двора,
Не приказана поставилъ, не привязана;
Онъ заходитъ на крылецюшко прекрасноё,
Онъ берётьце за колецько за серебряно,
Ужъ онъ де́рьгатъ за реме́шокъ се́мишолковой.
Услыхала ёго дѣушка-служаноцька,
Какъ любима ёго была племяньниця,
Отворила окошоцька немножоцько:
„У насъ хто стоитъ тепере на крылецюшки?“
Какъ заходитъ Перемёта на новы́ сѣни,

Онъ спросилъ у любимой у племяньници:
— У насъ (въ) доми ли дединка родимая?—
„У насъ (въ) доми есь дединка родимая“.
— У насъ хто зашолъ сегодни на широкой дворъ?—
Какъ заходитъ Перемёта въ нову горьницю;
Онъ вострым́ъ копьёмъ стоитъ да въ полъ потыкиватъ,
Онъ сьмѣло́ со своей хозяйкой поговариватъ:
„Это цьи лёжатъ персцятоцьки на пéцёцьки?“
— У насъ были этта бабушкины дѣтоцьки,
Какъ оставили персцятоцьки на пецёцьки.—
„Ише цья лёжитъ тамъ шляпоцька на полоцьки?“
— У насъ были вотъ бабушкины дѣтоцьки.—
„Цьи лёжатъ у насъ сапожки подъ кроватоцькой?“
— У насъ были этта бабушкины дѣтоцьки,
Какъ оставили сапожки подъ кроватоцькой.—
Перемёта-та стоитъ да середи́ полу,
Онъ вострым́ъ копьёмъ да въ полъ потыкиватъ;
Его горяця-та кровь да росходиласе,
На свою молоду жону да роскипѣласе.
Какъ сходитъ тутъ Цюрилко со кроватоцьки,
Ише спрашиватъ Перемёта у Цюрилушка:
„Ты постарому пришолъ ко мнѣ, попрежному?
Ты пришолъ ко мнѣ развѣ во конюхи,
Ты во конюхи пришолъ ко мнѣ, во служники?“
Цюрилушко во рѣзвы́ ноги попадыватъ:
— Ты просьти-тко меня да во перьво́мъ грѣху!—
Онъ просьтилъ тутъ Цюрилка во перьвóмъ грѣху,
Онъ цесне́шенько спровáдилъ съ широкá двора;
Ужъ онъ понялъ востру саблю на молоду жону,
Онъ сказьнилъ у ей да буйну голову.

88.

Небылица.

(Старина).

Сказали, братци,—по цисту́ полю карабь бѣжитъ,
Карабельшицьки на караблики побѣ́гаютъ,
Они руцьками, ножками роботаютъ.
Ише это, братци, цюдо—нé цюдо;
Я видалъ ише цюдышко цюднѣ́ того.
Сказали, братци,—по поднебезью медьвѣдь летитъ,
Ужъ онъ ножками, лапками помахиватъ,

Онъ коротенькимъ хвостикомъ поправливатъ.
Ишше это, братци, цюдо—не́ цюдо;
Я видалъ ишше цюдышко цюднѣ̈ того.
Ишше жонки-ти, дѣвки бѣжатъ съ ухватами,
Ишше маленьки ребята бѣжатъ съ подо́лами.
Ишше это, братци, цюдо—не́ цюдо.

89.

Егорій Храбрый и его мучитель.

(Эту старину Васильева переняла у поморки Александры, родомъ изъ Пялицы, на Терскомъ берегу).

Ише туры-ти, олени по горамъ пошли,
Ише бѣлы-ти заеци по за́сѣкамъ,
Ише рыба-то ступила въ морську́ глубину,
Ише на́ небо взошолъ да младъ свѣтѐлъ мѣсецъ,—
Ишше на́ землю родилсэ могуць богатырь
Ишше на́ имя Ёгорья-свѣта Храброго.
Какъ во лбу-ту у Ёгорья красно солнышко,
Въ затылу́-ту у Егорья младъ свѣтёлъ мѣсець,
По косицямъ мелки звѣзды катаютьце,
За ушми́-ти бѣлы зори замыкаютце.
Ишше сталъ у ей Егорей пети́, шти годовъ,
Ишше сталъ у ей Ёгорей конёмъ владать,
Онъ конёмъ у ей владать да копьёмъ шу́рновати.
Какъ прошла эта вѣстоцька по всей земли,
И по всей она земли по Светаруськія.
Какъ узнало-то царишшо невѣрноё,
Какъ невѣрноё царишшо Ондрее́нишшо;
Ужъ онъ силу-ту всю нашу повырубилъ,
Ишше Божьи-ти церькви на дымъ спусьтилъ,
Царя Ѳёдора Смоленського подъ мець склонилъ,
Онъ царицю, доць Прекрасну изуродовать хотѣлъ.
Какъ цярица, доць Прекрасна хитра́-мудра была,
Шьто хитра-мудра была, да во Пешо́ръ-горы ушла,
Уносила своёго да цяда милого,
Ишше на́ имя Ёгорья-свѣта Храброго [1]).
Ишше сталъ у ей Ёгорей благословленьиця просить:
„Ужъ ты маменька, маменька родимая моя!
Благослови-тко мнѣ, маменька, ѣхати

[1]) Смоленьской царь былъ ему родной дядя.

Ко тому же ко царишшу ко невѣрному,
Ко невѣрному царишшу ко Ондреёнишшу".
Ише тутъ-ли цяриця сле́зно сплакала:
— Ужъ ты гой еси, цядо моё милоё,
Ишше на́ имя Ёгорья-свѣта Храброго!
Ты поѣдешь къ царю да къ Ондреёнину, —
Онъ тибя, моя цядо, повырубитъ,
Ишше буйною голову со плецъ сказьнитъ,
Миня, ро́дну матерь, одну погуби́тъ.—
Отвѣцятъ ей Ёгорей-свѣта Храброй-отъ:
„Ужъ ты маменька, маменька родимая моя!
Я поѣду ко городу ко Кіеву,
Я поѣду самъ, безъ благ'словленья твоёго́".
Какъ садилсэ Егорей на добра́ коня [1])—
Не увидяла собранья богатырьского;
Во цистóмъ-то поли́ да курева́ стоитъ,
Курева-та стоитъ да дымъ столбóмъ у̑ его вали́тъ.
Прiѣжаетъ ко городу ко Кіеву,
Какъ на городъ заѣжаетъ не воротами,
Онъ на Кiевъ заѣзжаетъ не широкима.
Увидалъ ёго царишшо Ондреёнишшо;
Отправляетъ онъ могуцихъ, сильнихъ бо́гатырѐй.
Ай съѣжжаютьце бо́гатыри на добро́мъ кони́,
Не поддаваетьце Ёгорей-свѣта Храброй онъ,
Побиваётъ свѣтъ-Егорей онъ вѣдь Храброй-отъ
Трёхъ могуцихъ, сильнихъ бо́гатырѐй [2])...

(*Конца не помнитъ*).

V.

Рукопись покойной *Устиньи Крюковой*. Листокъ со стариною объ осадѣ Соловецкаго монастыря найденъ мною въ Нижней Золотицѣ у одной старухи; онъ находился среди рукописей со статьями церковнаго содержанія и духовными стихами: объ Іоасафѣ-царевичѣ, о кончинѣ и о грѣшной душѣ. Въ одной изъ тетрадокъ съ духовными стихами на-

---

[1]) Эта семи лѣтъ ужъ онъ сталъ.

[2]) Стрѣле́ли, палили исъ пу́шокъ—подстрѣлить не могли. Черезъ три года явилсэ къ матери здоровой.

ходится запись: „1813 года Устинья Крюкова“, на другой— бумажный водяной знакъ: „В. Ф. П. М. 1815“. Слѣд., старина была записана (или списана со стараго оригинала?) въ десятыхъ годахъ XIX в. Владѣлица рукописей въ молодости жила у своей тетки Устиньи Крюковой въ Онуфріевской пустыни Мезенск. у., въ 100 верстахъ отъ Золотицы, и тамъ выучилась грамотѣ отъ скитницъ. Рукопись писана безъ раздѣленія на стихи; начало старины въ ней оторвано, и поэтому оно приводится по записи со словъ старухи, владѣлицы рукописи.

90.

Осада Соловецкаго монастыря.

Чьто во славномъ было царствѣ,
Во великомъ государствѣ
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ;
Изъ бояръ, бояръ выбирали,
Воеводой поставляли;
Что есть выбрали воеводу,
Его роду непростого,
По фамильи Солтыкова,
Петра сына Алексѣевиця.
Посылали воеводу
Къ Соловецькимъ чудотворцамъ
Манастырь ихъ розорити,
Стару вѣру порушити,
Стары книги изодрати
И огню ихъ придати,
(Далѣе приводится по рукописи, съ разнорѣчіями по записи со словъ).
Всѣхъ сътарцевъ прирубити
Ивсинѣе [1]) море пометати.
Что возговоритъ воевода
Съ великимъ плачемъ слезнымъ
Что нелзя того подумать
На святое то [2]) мѣсто
На прекрасною киновию.
Что возговоритъ государь царь

[1]) „Въ сине“.
[2]) „Это“.

Алексей сударь михайлович.
Ты добро добро воевода
Я велю тебя казнити
Руки ноги отрубити
Збуйною [1]) голову отпилити.
Воевода ужасался
И [2]) слезами обливался
Погоди меня казнити
Прикажи речь говорити
Поручи мне силы [3])
Стрельцовъ буйцо [4]) исальдатовъ.
Что садился воевода
Волехи да во лехвия стружечки [5])
Потянули ветры [6])
Со восточную сторонку
Приносило воеводу
Къ соловецкимъ чюдотворцемъ
Ко манастырю свѣто [7])
Коигумену честному
Что стрелялъ воевода
Во соборную божию церковъ
Уронилъ воевода
Богородицу со престола
Все [8]) сътарцы испугались
Постенамъ пометались
Водно место сбирались
Водно слово говорили [9])
Во Москвѣ было во царствe
Въ грановитой во полаты
Отворялись отворялись царския двери
Воскрычали возопили
У васъ естьли караули

---

1) „Буйну“.
2) „Самъ“.
3) Приб. „много“.
4) „бóрцовъ“.
5) „Во легошеньки стружочки“.
6) Приб. „буйны“.
7) „Ко манáстырю святому“.
8) Вси“.
9) Пропущены 4 стиха, передающіе рѣчь старцевъ: см. стр. 199. *Собир.*

Гонцы скоры бы посылали
Скорбее бе манастырь [1]) не розоряли
Й [2]) старцевъ не рубили
И вѣры бы не рушили.
Что возговоритъ игуменъ
Вы духовный мой дѣти
Уже стойте не здаватесъ
За христа бого умирайте
амин [3]).

---

[1]) „Чтобы манастыря“
[2]) „Чтобы“.
[3]) Старуха разсказывала, что московское войско стояло у монастыря 3 года, и взяло его только потому, что одинъ монахъ показалъ Салтыкову потайной ходъ. *Собир.*

Верхняя Зимняя Золотица.

VI.

Өедоръ Тимоөеевичъ Пономаревъ (уличное прозвище Почóшкинъ [1]), неграмотный старикъ 70 или 71 года, содержатель земской станціи (по мѣстному „станціóнъ“); онъ обязанъ возить проѣзжее начальство въ Нижнюю Золотицу („Устье“), Инцы и Кóзлу, за что получаетъ въ годъ 300 рублей. Кромѣ того, онъ занимается ловлей семги въ Бѣломъ морѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья р. Золотицы. Семейство его состоитъ изъ четырехъ замужнихъ дочерей и двухъ женатыхъ сыновей, съ которыми онъ подѣлился только нынѣшній (1899) годъ; одинъ изъ нихъ еще не успѣлъ выстроить себѣ домъ и живетъ пока въ домѣ отца. Этимъ лѣтомъ они общими усиліями строятъ яхту, а раньше мореходное судно было только у другого сына, такъ что Өедоръ никогда не былъ „корабельщикомъ“. Лѣтъ 25 тому назадъ онъ служилъ старостой при Верхне-Золотицкой церкви и, будучи большимъ пріятелемъ покойному священнику Ивану Розанову [2], нерѣдко пѣлъ ему „былины“ (такъ онъ одинъ называлъ старины, очевидно, усвоивъ это названіе отъ священника); навѣрное, и записывалъ Розановъ отъ него, п. ч. Пономаревъ знаетъ всѣ шесть старинъ, записанныхъ въ Зимней Золотицѣ и напечатанныхъ у Ефименка [3]: Первая поѣздка Ильи Муромца, Бой Добрыни съ

---

[1]) У его отца былъ братъ, который въ дѣтствѣ сильно картавилъ и звалъ его вмѣсто Тимошка—Почошка, и это прозвище утвердилось за нимъ, вслѣдствіе чего сынъ всѣмъ извѣстенъ подъ именемъ Почошкина.

[2]) Въ первой части „Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, *Ефименко*, онъ названъ „Владимірецъ-Розановъ“ (стр. 14, 46), во второй же части—„Вл“. (с. 10, 47); такимъ образомъ, часть его фамиліи принята за имя.

[3]) Т. II, 10—25; перепечатаны въ „Русскихъ былинахъ“, *Тихонравова* и *Миллера* II, №№ 5, 15, 32, 49, 67, и 44 (стр. 283).

Ильей Муромцемъ, Дюкъ, Соло́манъ (а не Соломонъ), Иванъ Годеновичъ, Дунай; послѣднюю старину онъ знаетъ не всю, и прежде не зналъ до конца; дѣйствительно, въ записи Розанова разсказъ о встрѣчѣ Дуная съ Настасьей очень скомканъ, а конца былины совсѣмъ нѣтъ (ср. въ этомъ сборникѣ № 75). По характеру Ѳедоръ Тимоѳеевичъ—веселый, добродушный старикъ; онъ любитъ балагурить и шутить съ дѣвушками. Но эта шутливость соединяется въ немъ съ вѣрностью завѣтамъ старины и добропорядочностью: онъ не куритъ и не пьетъ. Замѣчательная память его видна изъ того, что онъ умѣетъ пѣть не менѣе 14 старинъ; она обнаружилась между прочимъ въ томъ, что онъ подробно разсказывалъ мнѣ исторію объ испанскомъ рыцарѣ Веницiянѣ и королевнѣ Ренцивенѣ, исторію, которую давно уже читалъ ему племянникъ; при разсказѣ онъ не затруднялся передавать такія непривычныя для его уха названія, какъ король Брамбеу́съ, Мальтійскій островъ и пр. Старины онъ поетъ сильнымъ пріятнымъ голосомъ и какъ виртуозъ—свободно, легко, не подыскивая выраженій; благодаря этому, онъ славится какъ очень хорошій сказатель.

Изъ былинныхъ героевъ Пономаревъ никогда не слыхалъ именъ: Соловья Будимировича, Ставра, Ивана Гостинаго, Сухмана, Вольги и Микулы, Волха Святославьевича, Василія Буслаевича. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь старинъ и 6 вышеозначенныхъ, онъ знаетъ слѣдующія: 1) какъ Добрыня ѣздилъ на Пучай-рѣку, 2) Потыкъ, 3) какъ Чюрилюшко жилъ съ Перемятовой женой, 4) смерть жены Грознаго царя, 5) слышалъ разсказы о Святогорѣ и говорилъ, что они отпечатаны въ книжкахъ, но чтобы кто-нибудь пѣлъ „на голосахъ“—не слыхалъ.

91.

Исцѣленіе Ильи Муромца [1]).

Илья Муромецъ тридцать лѣтъ былъ больной, сидѣлъ на гно́ищѣ. Однажды пришли къ нему двѣ калики (святымъ духомъ) и попросили напиться. Илья Муромецъ сказалъ имъ, что не можетъ встать; калики велѣли ему попробовать. Онъ всталъ съ

[1]) Изложеніе разсказа Пономарева, который говорилъ, что онъ самъ слышалъ это отъ стариковъ *ро́сказью. Собир.*

печки и налилъ воды. Калики приказали ему испить самому и спросили, велику ли силу онъ чуетъ. „Если бы было въ землѣ кольцо, я повернулъ бы всю землю". Калики дали ему испить въ другой разъ, и силы у него убавилось на половину. Они приказали ему стоять за вѣру православную и за землю Святорусскую и обѣщали, что ему на́ полѣ смерть не писана. „Только молись Спасу и Божьей матери", прибавили они. Когда ушли калики, онъ вышелъ на улицу; а за дверьми лежитъ огромный камень; онъ его выворотилъ и отнесъ на сторону. Коничекъ-жеребчикъ ему изъ облака выпалъ. Тогда онъ поѣхалъ въ Кіевъ и далъ обѣтъ-заповѣдь—не вынимать по дорогѣ оружія [1]).

Илья получилъ смертъ въ Кіевѣ, въ пещерахъ; мощи его есть за то, что за святую вѣру стоялъ.

92.

Илья Муромецъ и Идолище [2]).

(Изложеніе разсказа).

Илья Муромецъ былъ въ полѣ и, когда возвращался въ Кіевъ, узналъ, что тамъ засѣлъ Идблишшо, который хотѣлъ изгнать христіанскую вѣру. На дорогѣ въ Кіевъ Илья встрѣтилъ калику Иванишша и переодѣлся въ его платье калическое, а ему отдалъ своего коня. Прищелъ онъ на дворъ ко князю и проситъ милостыни зычнымъ голосомъ. Князь Владиміръ говоритъ ему: „Не проси,—Идолишшо запрещаетъ давать милостыню". Но Идолишшо самъ позвалъ: „Поди-ка сюда, въ гридню, калика". Когда Илья вошелъ въ палаты, Идолишшо обратился къ нему съ вопросомъ: „Не знаешь ли Илью Муромца? Я о немъ много слышалъ".—Да я знаю его, какъ самъ себя.—„А много ли онъ хлѣба, соли ѣстъ, вина пьетъ?"—Да когда ѣстъ, пьетъ, а когда и такъ живетъ.—„Коли онъ такой богатырь, то я посадилъ бы его на долонь, другою бы прижалъ—только бы мокренько осталось".—А вотъ у нашего попа было коровище обжорчивое; оно много пило, ѣло, да и лопнуло.—Это Идблишшу не понравилось; онъ схватилъ ножъ и бросилъ въ Илью Муромца; Илья увернулся, и ножъ пролетѣлъ мимо. Тогда Илья отсѣкъ ему саблей голову, и она улетѣла за окошко.

---

1) Реминисценція изъ былины о первой поѣздкѣ Ильи; см. пересказъ Пономарева въ „Русскихъ былинахъ", *Тихонравова* и *Миллера*, II, 9. *Собир.*

2) Этотъ разсказъ Пономаревъ слышалъ также въ прозаическомъ изложеніи, но въ формѣ старины не слыхалъ. *Собир.*

93.

Алеша и сестра Збродовичей.

Да во славномъ во городи во Кіеви,
А у ласкова князя у Владимера
Заводиласе пирушочька, почесенъ пиръ
Шьто на многія кнезьéй, на думныхъ бóяровъ,
Шьто на руськихъ могучихъ на богáтырей,
Шьто на тихъ поленúцъ на преудáлыя [1]),
Шьто на тихъ жа на казáковъ на Задóньскія,
Шьто на тѣхъ жа бурлáковъ на московьскія
И на тѣхъ на кресьянъ на прожиточьнія.
Красно солнышко катúтце ко западу,
Ай ко западу солнышко, ко зáкату;
У Владимёра-та пиръ идётъ на радосьти.
Ише всѣ-ти на пиру сидя пьяны весело,
Ише всѣ на пиру-ту да напиваючись,
Ише на пиру-ту да наѣдаючись,—
Ише всѣ вѣдь на пиру-ту да приросхвастались:
Шьто иной-отъ сидитъ хвастаё золотой казной,
Шьто иной-отъ сидитъ хвастатъ широкúмъ дворомъ,
Шьто иной-отъ сидитъ хвастаётъ добрыúмъ конёмъ,
Сидитъ глупой-о хвастае молодой женой,
Неразумной-о хвастаё родной сестрой.
Да сидѣло два вѣдь братьицéй Петровицéй;
Ай Петровици ети братьиця Збродóвици
Да сидятъ они не пьютъ, сами они не кушаютъ,
Ише бѣленькой лебёдушки не рушаютъ,
Ай сидятъ-то они, не чимъ сами не хвастаютъ.
Да Владимеръ-кнезь по гривнюшки похаживаетъ,
Онъ жолтыми кудерцями самъ натрясыватъ,
Ише самъ говоритъ онъ таково слово:
„Ише вси-ти на пиру у мня пъяны, вéселы.
Ужъ вы вой еси, вы братьеця Петровици!
Сидитé вы не пъетé, не чего не кушайте,
Ужъ вы бѣленькой лебёдушки не рушайти,
Сидетé, да не чимъ у насъ не хвастаите?"
— Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевской!
Золотой казны у насъ-то да не случилосе,
Имѣньиця при себѣ не пригодилосе;

[1]) Женськой родъ, богатырици, сшибались на поединки.

Только есь-то вѣдь у насъ одна любимая,
Любима есть у насъ, одна да есь сёстричя
Ише та же Олёнушка Петровна-я.
А сидитъ она у насъ да въ задьней горьници,
Шьтобы лишныя люди ею не зáздрили,
Шьтобы красное солнышко ю не зáпекло.—
Говорилъ тогды Олёшенька Поповиць сынъ:
„Ужъ вы вой еси, вы братьиця Петровици!
Ай живу съ вашой Олёнушкой будто я мужъ съ жоной".
Ише тимъ братьямъ рѣчи-ти не въ любви пришли,
Показались за досадушку за великую.
Говорилъ тогда Олёшенька Поповиць сынъ:
„Вы подите-тко теперече къ широку двору
Закатайте-тко-се комъ снѣгу бѣлово,
Ай мечите-тко Олёнушки въ окóлёнку;—
Ише сами вы увидите, шьто какъ будё дѣлати".
Да пошли ети братьиця къ широку двору,
Закатали они комъ-то да снѣгу бѣлово,
Ише кинули въ стекляну свою околенку.
Увидала де Алёнушка Петровна-я,
Отпирала де окошочько косисьчято,
Выпушшала она бѣленько полотéнышко.
Увидали ети братьиця да родимыя,
Ише сами говорили да таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Олёнушка Петровна-я!
Наряжай-ко-се во платьицё ты во чёрное,
Повезёмъ-то тебя нá полё на Кули́ково
Да сьсѣкёмъ-то у тебя буйну головушку".
Говорила де Олёнушка Петровна-я:
— Ужъ вы вой еси, вы братьиця мои родимыя!
Да не бойтесь-ко стыду-страму вы сестрина,
Ужъ вы бойтесь-ко стыду-страму вы женина:
У большого брата живётъ жона съ Добрынюшкой,
У меньшого брата жона живётъ съ Перемётушкой [1]).—
Ише етому братья не повѣрили;
Наредили ей во платьичё во чёрноё,
Ай положили въ кореточку во тéмную,
Повезли-то ей какъ нá полё па Кули́ково:
Ай хотятъ у ей отсѣкци буйну да головушку.
Да во ту же де во пору и вó время

[1]) Перемѣта Васильевичъ.

Ай поѣхалъ де Олёшенька Поповицъ сынъ,
Ай крычитъ-то онъ, зычитъ-то зычнымъ голосомъ:
„Ужъ вы вой еси, вы братьеця Петровици!
Ай не троньте вы Олёнушки Петровны-я.
Вы не бойтесь стыду-страму вы сестрина,
Ужъ вы бойтесь-ко страму-стыду вы женина:
У большого-то жона живётъ съ Добрынюшкой,
У меньшого брата жона живётъ съ Перемётушкой;—
Ишше ходимъ мы всѣ трое въ одны гости“.
Ише взялъ-то Олёшенька Поповицъ сынъ
Ай увёзъ-то Олёнушку Петровну-ю.

94.

Камское побоище.

Подошло, братцы, подъ Кіевъ-отъ сорóкъ царей,
Ишше сброкъ царей, сорокъ царевиц́ей,
Ишше сорокъ королей, братцы, [1]) королевицёвъ,
Ишше сорокъ ятмановъ, подъятмáниськовъ.
А подъ кажнымъ подъ царёмъ было, подъ царевицёмъ,
А подъ кажнымъ королёмъ, подъ королевицёмъ,
Ай подъ кажнымъ подъ ятманомъ было, подъятмáниц́енкомъ
Ише силушки-то было да по сороку тысечей;
Подъ самимъ подъ царишшомъ да подъ Идблишшомъ
Подъ праву́ руку-то царишша сорокъ тысечей,
Подъ лѣву́ руку царишша сорокъ тысечей,
Впереди идётъ царишша-та сорокъ тысечей,
Позади идётъ царишша-та сила—числа-смѣту нѣтъ.
Говорилъ тогды поганоё да Идблишшо:
„Ай кого жо мнѣ послать будётъ въ красёнъ Кіевъ-градъ
Ай свезти мнѣ ёрлыки-йти скорописьчяты?
Мнѣ послать, не послать Ваську-королёвиця“.
Ишше Васька-королёвицъ Идолишшу любимой зять.
Говорилъ тогды поганоё да Идолишшо:
„Ужъ ты вой еси, ты Васька, королёвицъ ты!
Ужъ ты сѣзди, ты Васька, ты въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Ай свези-тко ёрлыки-йти скорописьчяты“.
Ишше въ тѣ поры де Васька-то не ослышилсэ;
Лёкко, скоро скачетъ онъ на добрá коня,

---

[1]) Пономаревъ пѣлъ эту былину съ передышкой въ этомъ мѣстѣ, посреди стиха. *Собир.*

А поѣхалъ тогды Васька въ красенъ Кіевъ-градъ;
Ёнъ ко городу-ту ѣхалъ да не дорогою,
Ай во городъ заѣжаетъ не воротами,
Ай конь скачетъ чересъ стѣну-ту городбвую,
Мимо ту же круглу башню-ту наугбльнюю.
И ѣдё онъ во гридни-то княженетськія,
И мечё онъ коня самъ середи двора,
Не привязана мечётъ д' не приказана,
Не розсѣдлана мечётъ да не розуздана,
Самъ идётъ тогды во-въ гирьню-ту княженевьскую,
Отпираетъ Васька двери-ту на пяту,
А не кститъ онъ своёго-та лічя чёрново,
Ёнъ кладётъ ёрлыки эти на дубовой столъ.
А берётъ восударь тогды Илья Муромецъ,
А зьберётъ ёрлыки, скоро роспечатыватъ,
А скорѣе того самъ вѣдь просматриватъ;
Ише самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Охти менѣ-чьки, менѣ-чьки,
Охти менѣ-чьки да тошнёхонько!
А не вёшна вѣдь вода насъ облелѣяла,
Подошло-то къ намъ подъ Кіёвъ-отъ сорбкъ царей,
Ише сбровъ царей, сорокъ вѣдь царевицей,
Ише сорокъ королей, сорокъ королевицёвъ,
Ише сорокъ ятмановъ да подъятманьченковъ;
Да подъ кажнымъ подъ царёмъ было, подъ царевицёмъ
Ише силушки-то было по сороку тысечей;
Подъ самимъ подъ царишшомъ подъ Идблишшомъ
Ужъ силушки было—да числа-смѣту нѣтъ".
Говорилъ жо восударь тогда Илья Муромецъ:
„Ужъ ты вой еси, Владимѣръ ты стольнёй-кіевськой!
Ай бери-тко-се свои да золоты ключи,
Отмыкай-ко-се свои окованы ларьци,
Насыпай-ко-се чашу красного золота,
Ай другу жа насыпай-ко-се чистого сѣребра,
Ай третью насыпай-ко-се скатного жемчуга,
Ай дари-тко-се Ваську-ту-королёвицья,
Ай проси-ко-се строку на три годика,
Шьтобы намъ во Кіеви да покаетьсе,
Да покаетьсе во Кіёви намъ да поправитьца".
Ише въ тѣ поры Владимѣръ-князь не бслышилсэ;
Ай берётъ онъ свои тогды золоты ключи,
Отмыкаётъ онъ свои окованы ларьци,

Насыпаётъ онъ вѣдь чашу красна золота,
Ай другу жа насыпаё онъ чиста сéребра,
Ише третью насыпаётъ онъ скатна жемчугу,
Ай даритъ тогды Ваську-ту-королёвицю,
Онъ проситъ гдѣ-ка строку-ту на три годика.
Васька дáры-ти берётъ, имъ да чёломъ не бьётъ,
Не даватъ имъ-то строку на три годика.
Ай просили они строку-ту на три мѣсеца;
Не давалъ Васька строку-ту на три мѣсеца,
Только далъ имъ вѣдь сроку-ту на двѣнадцеть дёнъ.
Да уѣхалъ тогды Васька въ силу-орду невѣрную,
Говорилъ тогды восударь-отъ да Илья Муромець:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиць!
Ты садись-ко-се, Добрыня, да на ременьчатъ стулъ.
У тебя же, у Добрынюшки, рука лёкка́,
Ай рука у тя лёкка да и перо востро́;
Ты пиши-тко ёрлыки скоро-нá-скорѣй,
А пиши-тко-се дружинушку да хоробрую:
Перьву голову—Самсона-та Колыбанова,
Ай пиши-тко Светогора Первослáвьёва,
Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хро́мого,
Ай пиши-тко-се Гаврила-та Долгополого,
Ай пиши-тко Перемётушку да Васильева,
Ай пиши-тко-се ты Ро́шшу-ту-Росшиби колпакъ,
Ише Рошшу-ту пиши да со племяньникомъ“.
Говорилъ тогда восударь-отъ да Илья Муромець:
„Ай кого же мы пошлёмъ ѣхать по святой Руси,
Розьвести ёрлыки эти скорописьчаты?
Ай послать, не послать Михайлушка Данилова:
У Михайлушка лошадь-та вѣдь малёшенька,
Да малёшенька лошадь да удалёшенька“.
Ишше при́звали Михайлушка тогды Данилова,
Ишше сами говорили ёму таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Михайлушко да Даниловичь!
Ужъ ты сьѣзди, ты Михайлушко, по святой Руси,
Розьвези-тко ёрлыки эти да скорописьчяты,
Созови-тко-се дружинушку да хоробрую
Да тому жо де ко князю на почёсной пиръ,
Къ восударю и де къ Ильи Муромцю [1]),

[1]) Онъ перьвой населялсэ въ Кіевъ, какъ Соловья рѣшалъ (см. прим. къ № 91).

Да на грозноё зови на Камськоё побоишшо".
Ище въ тѣ поры Михайлушко не ослышилсэ;
Лёкко, скоро самъ онъ скачетъ на добрá коня,
Ай поѣхалъ де Михайлушко по святой Руси,
Ай крычалъ-то онъ, зычалъ тогды зыоьнимъ голосомъ,
Да во всю жа богатырьску буйну́ да головушку:
„Добро жаловать, дружинушка вы хоробрая,
Ай ко князю ко Владимеру на почесенъ пиръ,
Къ восударю ко Ильи, братцы, вы какъ нá помочь
Ай на грóзно де на Камськоё сильнё побоишшо!"
Да пріѣхалъ де Михайлушко тогды Даниловицъ,
Ай пріѣхалъ де Михайло-то въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Онъ обьѣздилъ вьсю-ту землю Святоруськую,
А пріѣхалъ де Михайлушко на трéтей день,
Ишше трéтьёго дьня да полу́ же дня.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка да Микитицъ!
Ты скачи-тко-се ты скоро жо на добрá коня,
Поѣжжай-ко-се, Добрынюшка, во чистó полё,
Сосьситай-ко-се да орду-силу невѣрную,
Привези-тко-се ты смѣтушку въ красёнъ Кіевъ-градъ".
Ишше въ тѣ поры Добрынюшка не ослышилсэ,
Лёкко, скоро скакалъ тогды на добрá коня,
Ай поѣхалъ де Добрынюшка во чистó полё;
Ёнъ смотритъ на орду-силу да невѣрну́ю,
Ишше самъ буйной головушкой да покац(ч)иватъ.
А не могъ сосьцитать орды да невѣрныя;
Да пріѣхалъ де Добрынюшка въ красёнъ Кіевъ-градъ,
Онъ привёзъ—не привёзъ смѣты въ красёнъ Кіевъ-градъ;
Ишше самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевськой!
Ишше надобно бумагъ, чернилъ три воза,
Ай описывать орда надо три года:
Да какъ этой орды-силы да невѣрьныя
Ише ясному соколу будё не óблетѣть
Да во весь день-отъ какъ вѣдь вёшныя,
Ишше сѣрому-ту волку будё не óбрыскать
Ай во вьсю-ту ноченьку въ осённую".
Ише сьѣхалась дружинушка-та хоробрая,
Ай дружинушки сьѣхалось рáвно тридцеть душъ,
Ишше тридцеть-то было безъ единого,
Самъ тридцатой восударь былъ Илья Муромецъ.

Да живётъ эта дружинушка да по перьвой день,
Ишше пьё эта дружинушка она по вто́рой день,
Ишше пьютъ они бога́тыри да по тре́тей день.
Говорили тогды князи-ти, ду́мныя бо́яра:
„Ужъ ты вой еси, Владимеръ стольнёй-кіевской!
Ише пьё у тя Илейка, проклаждаитце,
Ише ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце,—
Ише хочё изминить у насъ да во Кіеви".
Говорилъ тогда Владимёръ-отъ стольнёй-кіевськой:
„Ужъ ты вой есь, восударь да Илья у мня Муромець!
Ише пьёшь у мня во Кіеви, забавляисьсе,
Ише ратнымъ дѣломъ не заботисьсе;—
Вѣрно, хочёшь изминить у мня ты во Кіеви?"
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевськой!
Ишше не́жаль мнѣ тебя, князя, со кнегиною,
Ишше не́жаль мнѣ бояриновъ да брюши́никовъ;
Только жаль мнѣ-ка во Кіеви Божьи́хъ церквей,
Только жаль мнѣ-ка во Кіёви-то бѣдныхъ вдовъ.—
Ишше сталъ тогды Иле́юшка собиратисе,
Ишше сталъ тогды зъ дружинушкой собрунятисе[1].
Отправляитьце Илеюшка во цисто́ полё;
Ай берётъ онъ сороковочку зелена́ вина,
Ишше пива-та берётъ вѣдь онъ другу́ бочку,
Ишше третью-то ме́ду сладкого.
Ишше выѣхали они во чисто́ полё,
Розоставили шетры они бѣлопoло́тьняны;
Ише пьютъ во шетрахъ они по перьвой день,
Ише пьютъ во шетрахъ они да по вто́рой день,
Забавляютьце они, пьютъ сами да по третей день.
Говорили тогды князи, думныя бо́яра:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевськой!
Ише пьё у тя Илейка-та по перьвой день,
Ише пьё у тя Илейка-та да по вто́рой день,
Ише пьё у тя Илейка и по третей день;
Самъ ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце,—
Вѣрно, хочё изминить у насъ подъ Кіевомъ".
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ ты вой еси, Олёшенька, ты Поповиць сынъ!
Поѣзжай-ко-се ты, Олёша, ты во чисто́ полё,

[1]) Збрудой богатырськой; палици, сабли, то—збруда.

Ай скажи-тко ты восударю ты Ильи Муромцу:
Ишше што онъ во шатрахъ пьётъ, забавляитце,
Ишше ратнымъ онъ дѣломъ не заботитце;—
Вѣрно, хочё изминить у насъ подъ Кіевомъ?“
Ишше въ тѣ поры Олёша не ослышалсэ,
Лёкко, скоро скакалъ тогды на добрá коня,
Да прiѣхалъ-то Олёша-та ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Ише самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ужъ ты вой есь, восударь да Илья Муромецъ!
Ише пьёшь ты во чисто́мъ поли, проклаждаишьсе,
Самъ ты ратнымъ ты дѣломъ не зоботисьсе,—
Вѣрно, хочёшь изминить, вѣрно, подъ Кіёвымъ“,
Говорилъ де восударь тогды Илья Муромецъ:
— Мнѣ-ка нéжаль мнѣ вора князя Владимёра,
И какъ нéжаль мнѣ бледи Опраксеи Королевишны,
Ишше нежаль мнѣ князéновъ, бояръ брюшинниковъ;
Только жаль мнѣ Божьи́хъ церквей, бѣдныхъ вдовъ.
Ай на комъ ета заботушка на комъ полóжона,
Ише тѣмъ ето дѣло будё созлáжоно.—
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ужъ вы вой еси, дружинушка да хоробрая!
Ужъ я стану вамъ топеречи што да наказывать,
Ужъ я стану вамъ топеречи вамъ наговаривать;
Да сысполните моё вы приказаньицо;
Я поѣду я топере въ силу-орду невѣрьную,
Да сысполните моё вьсё приказаньицё:
Засьвиститъ моя когды сабьля вострая,
Зазьвенитъ когда моя кольчуга да серебьряна,
Заревутъ когды поганыя да татаровя,
Вы скачите тогда-кось на добры́хъ коней,
Поѣжжайте-тко во силу-орду невѣрьную,
Ай рубите-тко всё старого и малого,
Не оставлейте единого на сѣмяна“.
Лёкко, скоро де Илеюшка скаче на добрá коня,
Ай поѣхалъ въ орду-силу невѣрною;
Ай ѣдё да во силушки, къ орды невѣрныя.
Ай не вôшна вода тогды розьливаласе,
Роступаласе орда-сила невѣры́ная;
Ише ѣдё восударь тогды Илья Муромецъ,
Ише ѣдё онъ къ поганому Идóлишшу.
Ай сидитъ де Идолишшо на девети стулахъ,
Ай сидитъ-то де онъ будто сильнѣй бугоръ;

Голова-та у его а будто сильней бугоръ,
Ай глаза у ёго будто пивны́ чаши,
Ише носъ у ёго будто палка драва́ко̀льняя.
Да пріѣхалъ восударь къ ёму Илья Муромець;
Говорилъ тогды поганоё Идолишшо:
„Ужъ и здрасвуй, дородьнёй доброй молодець!
Вы поправились во Кіеви ли, покаелись,
Ли очистили дорожки въ красенъ Кіевъ градъ,
Ли построили дворы намъ постоялыя,
Да устроили конюшны вы лошадиныя?“
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Мы поправились во Кіеви вси да покаелись,
Ай очистили дорожки въ красенъ Кіевъ градъ,
Ай построили мы домы постоялыя,
Ай устроили конюшны лошадиныя.—
Говорилъ тогда поганоё Идолишшо:
„Ай каковъ у васъ есь восударь-отъ да Илья Муромець?
Или много ли онъ хлѣба, соли ѣстъ,
Или много ли вина онъ передъ вы́тью пъётъ?“
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ ты вой еси, поганоё Идолишшо!
Ужъ ты зглень на миня: вѣдь какой я,—Илья:
Ишше хлѣба, соли ѣсъ онъ да умѣрянно,
А вина по вытью пьётъ по одной чарочки.—
Говорилъ тогды поганоё Идолишшо:
„Онъ мало вѣдь пьё, сы (?) мало пьё и кушаетъ,—
Онъ и мало можётъ онъ и дѣстовать.
Ише хлѣба я ѣмъ, дакъ къ вы́тью по семи печей,
А вина-та я пью по се́ми вёдёръ жа“.
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ ты вой еси, поганоё ты Идолишшо!
Ай была у миня у батюшка коровишшо;
По загу́менью коровишшо питалосе,
Ай на за́хлѣбьи [1]) у коровишша брюхо треснуётъ;
У тибя жо, у Идолишша, скоро тресьнётъ жа.—
Говорилъ тогды поганоё Идолишшо:
„Кабы былъ здѣсь восударь-отъ да Илья Муромець,
На долбнь посадилъ, сверьху при́жалъ я,—
Межь двума можь долонеми только мокро́ стало“.
У Илеюшки серьдечушко розьерилосе,

1) Вмѣсто „захлѣвьи“. *Собир.*

Ай горе́ча-та кровь да роськипѣласе,
Ай могучи ёго плечи росходилисе,
Лѣпётá во лици перемѣниласе.
Ай берётъ онъ тогды свою-ту сабьлю вострую,
Ай махнулъ то своей-то сабьлей вострыя,
Отсѣкъ у Идолища буйну́ головушку;
Да свёрьнулась голова, будто-какъ пугвица.
Засьвисьтѣла тогды сабьля ёго вострая,
Зазьвинѣла-то кольчуга-та серебьряна,
Заревѣли да поганыя тотаровя;—
Услыхала де дружинушка хоробрая,
Лёкко, скоро де скачутъ на добры́хъ коней,
Ай поѣхали въ орду-силу невѣрную;
Да сѣкутъ-то они старого и малово,
Не оставливаютъ единого ихъ на сѣмяна.
Да рубилисе бога́тыри по перьвой день,
Не пиваючись рубились, не ѣдаючись,
Со добры́хъ коней они сами не сьлѣзаючись;
Да рубилисе богатыри по втóрой день,
Не пиваючись рубились, не ѣдаючись,
Со добрыхъ коней они сами не слѣзаючись;
Да рубилисе бога́тыри по третей день,
Не пиваючись рубились, не ѣдаючись,
Со добры́хъ коней не сьлѣзаючись.
Говорилъ тогды восударь-отъ Илья Муромець:
„Ай поѣдёмъ мы топеречи во бѣлы́ шотры,
Ише станемъ мы въ шатрахъ да отдыхать теперь“.
Во шатрахъ былъ оставлёнъ Олёшенька Поповичь сынъ,
А оставлёнъ де Гаврило Долгополыя [1]).
Увидалъ тогды Олёшенька Поповиць сынъ,
Да поѣхалъ де какъ Васька-та, королевиць сынъ,—
А скакали они де тогды на добры́хъ коней,
А настыгли тогды Ваську-королёвиця,
Ай отсѣкли де у Васьки да буйну́ головушку.
Да какъ ѣдутъ они ко бѣлы́мъ шатрамъ,
Ише сами говорили да таково слово:
„Ай была кабы лисьница намъ на небо,
Ай присѣкли мы бы силушку небесную“.
Услыхалъ жа восударь тогды Илья Муромець:
— Ужъ и сукины вы дѣти, Олёшенька Поповиць сынъ!

[1]) А Васька-королевичъ поѣхалъ.

Хорошу жо вы какъ шуточку да нашу́тили;
Ише какъ эта шуточка вамъ съ рукъ сойдётъ?—
Да легли тогды богатыри во бѣлы́ шатры.
Ише спятъ они бога́тыри да по перьвой день,
Ише спятъ они бога́тыри да по вто́рой день,
Ише спятъ тогды бога́тыри сами по третей день
Со того жа со уста́тку со великого.
Да по у́тру-ту было, да утру очунь рано жа,
По восходу-ту какъ было соньця красного
Ише вышелъ де Илеюшка изь бѣла́ шетра,
Ай гледитъ на орду-силу тогды невѣрную,—
Ай стоитъ сила-орда вься живёхонька.
Да 'ише самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ише хто-то де эту шуточку, вѣрно, да нашучивалъ,
Ише надо тому шуточка отшучивать“.
Да какъ вышла де дружинушка изь бѣлы́хъ шатровъ;
Увидалъ тогда Олёшенька да Поповиць сынъ,
Увидалъ тогды Гаврилушко Долгополыя:—
Ай скакали де на копья, коньци они на вострыя,
Закололись они на копьяхъ грудью бѣлою.
Ише тутъ-то имъ, братанушкамъ, да славы́ поютъ.
Да пришло тогды дружинушки дѣлать было нечево;
Ай скакали де они тогды на добры́хъ коней,
Ай поѣхали въ орду-силу они невѣрную;
Ише рубятъ де они ихъ всихъ да до единого.
Ай которого какъ рубятъ они на́двое,
Изь того же какъ рожаитьце два тотарина;
Да которого рубили да они натрое,
Исъ того вѣдь какъ рожаитьсе три да тотарина.
Да рубилисе бога́тыри они по перьвой день,
Ай рубилисе бога́тыри они по вто́рой день,
Ай рубилисе бога́тыри сами по третей день,
Не пиваючись рубили да не ѣдаючись,
Со добры́хъ коней они сами не сьлѣзаючись.
Да отьѣхалъ тогды восударь-отъ да Илья Муромець,
Ай гледитъ де на орду-силу тогды невѣрную,—
Ай лёжитъ де тогда орда вься мерьтвёхонька.
Закрычялъ тогды Илеюшка зычьнимъ голосомъ:
„Ужъ вой еси, друшинушка вы хоробрая!
Поѣжжайте-ко, дружина вься, по своимъ мѣстамъ“.
Да поѣхалъ восударь тогды Илья-та Муромець,
Ай поѣхалъ де Добрынюшка сь имъ да Микитиць сынъ.

Ише ѣдутъ де они сами по чисту́ полю,
Ай наѣхали на и́скопыть на глубокую:
Ише ѣхалъ де вѣдь сильнія да бога́тырь тутъ;
Ише конь и подъ бога́тыремъ, будто сильней левъ,
Поворачивалъ ископыти глубокія.
Да какъ сами они ѣдутъ да по чисту́ полю,—
Ишь ѣзьдитъ баба, бѣла́ блеть латы́нгорка,
Она трупья-ти сама на копьиця помётыватъ,
Да ко тру́пелямъ сама она приговариватъ:
„Охьте, менѣ-чики, менѣ-чики теперь тошнёхонько!
Не застала я вѣдь Камського сильня поббишша!
Не застала вѣдь какъ вора да Ильи я Муромца;—
На доло́нь посадила, другой сверьху при́жала,
Межь двума межу долонеми тольки мокро́ стало".
Услыхалъ жа восударь тогда Илья-та Муромець:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка ты Микитиць сынъ!
Поѣжжай-ко-се ко бабы ты ко латы́нгорки,
Ай поѣду я топеречи, по и́скопыть-глубокія".
Добрынюшка поѣхалъ къ бабы латынгорки,
А Илеюшка поѣхалъ по ископти глубокія.
Онъ ѣде де Илеюшка по чисту́ полю,
Увидалъ во чисто́мъ поли бѣло́й шатёръ;
У шатра-та вѣдь стоялъ вѣдь какъ доброй конь,
Ише зо́блё онъ пшаницю-то бѣлёя́рову.
А пріѣхалъ де Илеюшка ко бѣлу́ шатру,
Ай сошолъ, скакалъ Илеюшка со добра́ коня,
Самъ пошолъ тогды Илеюшка во бѣло́й шатёръ.
Во шатри-то вѣдь какъ спалъ тогды доброй молодець,
Ишше спитъ молоде́ць сномъ богатырскіемъ.
Говорилъ тогды восударь-отъ Илья-та Муромець:
„Ай сонного мнѣ убить-то, будто-какъ мёртвого,—
Ишше честь-та молодцу́, не похвалба́ будётъ".
Ишше самъ онъ говорилъ тогды таково слово:
„Ай ставай-ко-се, дородьнёй ты доброй молодець,
Ай не для́-ради спасеньиця, а сьвоей главы!
Ужъ мы съѣдимьсе съ тобой на поли да побра̀тимьсе;
Кому на́ поли будётъ намъ Божья́ помочь?"
Пробудилсэ дородьнёй доброй молодець;
Ай скакали де они тогды на—на добры́хъ коней [1]),
Ишше съѣхались они тогды да по перьвой разъ,

---

[1]) См. примѣч. къ стиху 3. *Собир.*

Ай ударились они балоцеми да боёвыма;
Только палеци въ рукахъ у ихъ поломалисе,
Они другъ-то дружки сами они не ранили,
Ише не́ дали они раны къ ретиву́ серцу.
Да какъ съѣхались бога́тыри во—во второй наконъ,
Ай ударили они сабьлеми-ти вострыма;
Ише другъ-то дружки сами они не ранили,
Ише не́ дали ранушки къ ретиву́ серцу;
Только сабли-ти въ рукахъ у ихъ пошорба́лисе.
Да какъ съѣхались бога́тыри во третёй наконъ,
Ай ударились ти-копьеми бурзуменьскима;
Они другъ-то дружки сами они не ранили,
Они не́ дали ранушки къ ретиву́ сертцу;
Только копьиця въ чинега́лишшахъ [1]) свернулисе.
Да скакали черезъ гривы-ти лошадиныя
Да схватилисе бога́тыри и больши́мъ боёмъ,
Да большимъ они боёмъ сами рукопашосьнимъ.
Да по Божьею было всё да по милосьти,
По Илеюшкиной было ёго по учесьти:
Подьвернулась у молодца-та ножка правая,
Ай ослабла у ёго тогды рука лѣвая;
Ише падалъ тогды молодець на сыру землю,
Да Илеюшка-та сѣлъ къ ёму на бѣлы́ груди;
Увидалъ де на руки у ёго да злачёнъ перстень,
Ише перстень-отъ увидѣлъ да онъ имяно́й жа свой;
Ише самъ онъ говорилъ ёму таково слово:
„Ты скажись-ко-се, дородьнёй ты доброй молодець,
Ужъ ты ко́ёго жа города и какой земли,
Ай какого сынъ отца ты да какой матери?
Ишше какъ тя, молодець, всё да именёмъ зовутъ,
Ишше какъ молодца звеличаютъ по отечеству?“
Говорилъ тогды дородьнёй доброй молодець:
— Ай сидѣлъ кабы вѣдь у тя на бѣлы́хъ грудяхъ,
Не спросилъ бы я ни родины и не вотчины,
Ай спорολъ бы я тебѣ груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы я твоёго ретива́ серца.—
Говорилъ ёму Ильюшка во второй наконъ,
Говорилъ ёму Илеюшка во третёй наконъ.
Говорилъ-то вѣдь дородьней доброй молодець:
— Ай такого я вѣдь города да такой земли,

[1]) По черенкамъ.

Ай такого я отца-ли, я такой матери;
Миня де молодца зовуть да Борисушкомъ,
По отецесью вѣдь я сынъ королевичь же.—
Услыхалъ жа восударь тогды Илья Муромець,
Ай скакалъ тогды Илеюшка со бѣлы́хъ грудей,
Ай берё де молодца онъ да за бѣлы́ руки,
Ай чёлуётъ во уста-ти во сахáрныя:
„Ужъ ты вой еси, дородьнёй ты доброй молодець!
Ай Борисъ ты вѣдь ты не королевиць сынъ,
А Борисъ ты, ты да какъ вѣдь Ильёвичь сынъ:
Ай была твоя когды рóдна матушка,
А была де когды она заполóнена,
Ише ѣзьдилъ вѣдь я, ей отполáнивалъ,
Да тогда тибя, Борисушка, всё засѣялъ жа.
Ты вѣдь какъ, Борисъ, мнѣ-ка да любимой сынъ“.
Да Борису ети какъ рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досадушку за великую.
Ай Борисушко поѣхалъ къ рóдной матери,
А Илеюшка поѣхалъ во чистó полё.
Да какъ ѣдётъ де Илеюшка по чисту́ полю
Ко тому жа ко Добрынюшки ко Микитицю;—
У Добрынюшки вѣдь баба-та-бледь да латы́нгорка
Да какъ ѣзьдитъ по личю она гу́зномъ же.
Говорилъ жа восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка да Микитиць сынъ!
Ай не знашь жа ты какъ бабьею да ухваточки:
Ай бери жа бабу за пельки да пинай пóдъ гузно;—
Ише тутъ жа бабы раны да кровавыя“.
Да какъ толкнулъ Илеюшко бабу латынгорку,
Ише пнулъ сапогомъ какъ ей пó гузну,
Да сьвернуласе вѣдь бабушка, будто овсяной снопъ.
Ише сѣлъ тогды Добрыня къ ей на бѣлы́ груди,
Розьметалъ, присѣкъ Добрыня на мелкú ей часьти жа,
Розьметалъ ею бабу латы́нку по чисту́ полю,
Самъ поѣхалъ де Добрынюшка, куды ёму путь лежитъ.
Говорилъ же восударь тогды Илья Муромецъ:
„Ай скажу-то я, Добрынюшка, да во Кіеви,
Шьто какъ ѣз'дила латынгорка по бѣлу́ лицю“.
Да Илеюшка поѣхалъ во бѣлóй шатёръ;
Ай Борисъ-отъ де поѣхалъ къ рóдной матери,
Ише самъ онъ говорилъ онъ таково слово:
„Ужъ ты вой еси, моя же да рóдна матушка!

Ай наѣхалъ я старого на чистóмъ поли;
Ай зовётъ какъ вѣдь старой миня выбьлядкомъ.
Да скажи-ко мнѣ-ка, мать, правду-исьтяну,
Королевичъ ли я, ли Борисъ младой Йльевичъ?“
Говорила де ёму тогды рóдна матушка:
— Ише ты вѣдь какъ, дитя, Борисъ не королевиць сынъ:
Ай когда же я была заполóнёна,
Пріѣжалъ де восударь тогды Илья Муромецъ;
Ай миня-то вѣдь какъ онъ отполàнивалъ,
Сотворила сь емь любовь какъ сердесьнюю,
Ай втипоръ я тибя, Борисушка, засѣяла.
Ише ты вѣдь какъ Борисъ теперь младой Ильевичъ.—
Да Борисушку какъ рѣчи эти да не въ любви пришли,
Показались за досадушку за великую.
Отсѣкъ онъ у матери буйну́ головушку;
Ише самъ тогды поѣхалъ во чистóмъ поли́,
Ише самъ онъ говорилъ таково слово:
„Ай наѣду ели старого на чистомъ поли,
Ай сьсѣку де у ёго я да буйну-ту голову“.
Да какъ ѣдё Борисъ ко бѣлу́ шатру,
Ишше сьпитъ тогды Илеюшка во бѣлóмъ шатри,
Ишше зáспалъ онъ сномъ-то да богатырскія.
Ай соскóчилъ де Борисъ со добрá коня,
А идётъ де какъ Борисъ во бѣлóй шатéръ;
Ише спитъ тогды Илеюшка забуду́шшимъ сномъ.
Да берётъ своё копьё-то вострое,
Да какъ хочётъ де придать Илеюшку злой смёртоцьки;
Ише шáрнулъ онъ въ бѣлу грудь да копьёмъ вострыя.
Да по Божьею было всё по милосьти,
По Илеюшкиной было ему по учесьти,—
Ай Илеюшки-ка въ поли смерть было не писано,—
Ише крестъ-отъ былъ на груди вѣсу полтора пуда,
Ише плитка-та была да серебьряна.
Ишше пало де ёго да кóпьё-то да востроё,
Ишше пало во плитку-ту, крестъ да серебьряной;
Ай согнулось-то копъё-то да востроё.
Ай скакалъ тогда Илюшка на рѣзвы́ ноги,
Ай хватилъ молодца за бѣлы́ руки;
Ише мечётъ де высокó ёго по-подь нéбеса,
Ай на бѣлы ёго ручюшки не прихватыватъ;
Да убилъ тогды Бориса о сыру́ землю.
Ише тутъ де Борисушку да славы́ поютъ.

Да скакалъ тогды Илеюшка на добрá коня,
Ай поѣхалъ де по ископыти да Добрыниной.
Ай пріѣхалъ де Илеюшка ко синю́ морю.
У синя́ моря лёжитъ-то да камень сѣрыя;
На кони́-то [1]) вѣдь лёжалъ Добрынюшка,
Ай убилсэ Добрыня на добрóмъ коня
Со того жо со страму-стыду съ латынь-гóркину:
Шьто какъ ѣзьдила баба по бѣлу́ лицю,
По бѣлу́-ту лицю ѣзьдила своимъ гу́зьнишшомъ.
Ишше тогды восплакалъ Илья-та Муромець:
„Ужъ ты вой еси, брателко да крестовыя!
Не сказалъ бы про тебя я да въ городи Кіеви“.
Да какъ здялалъ де колоду бѣлоду́бову,
Ай зарылъ-то де Добрынюшку во сыру землю;
Самъ поѣхалъ де Илеюшка въ красёнъ Кіевъ-градъ.

95.

Сотко [2]).

Да какъ хвалитце Сотко́, похваляитце Сотко́
Во ини́ гради [3]) товары вси повыкупить
Да на чёрлены на кáрабли да повыставить.
Да пошолъ Соткó на двѣнадцети карабляхъ,
Онъ приходитъ во гавань карабельнюю
Ай ко той жо ко при́стали лодейныя.
Да по перьвой день товары всѣ повыкупилъ,
На черлёныя на кáрабьли повыставилъ;
Да на втóрой день товаровъ больше старого нашло.
Ай по втóрой день товары всѣ повыкупилъ,
А на чёрлены на кáрабьли повыставилъ;
Да на трётей день товаровъ больше старого пришло.
А по третей день товаровъ всѣхъ повыкупить не могъ,
Да на черлёны на кáрабьли повыставить не могъ.
Да пришолъ Соткó на двѣнáдцеть карабля́хъ,
Да назадь-ту онъ пошолъ на шесьти́ карабля́хъ.

---

[1]) Конечно, вмѣсто „на камени;“ ср. стр. 38, ст. 80. *Собир.*

[2]) По словамъ Пономарева, эта старина поется особеннымъ веселымъ напѣвомъ. Ея удалой напѣвъ напоминаетъ „Ахъ вы сѣни“. *Собир.*

[3]) Вмѣсто „во Нови-гради“; названіе города принято за простое опредѣленіе, и прилагательное „новóй“ замѣнено тождественымъ по значенію словомъ „иной“ (см. словарь). Ср. въ Пѣсняхъ, *Рыбникова* (III, 251), въ былинѣ о *новгородскомъ* гостѣ Терентіи „Поди-сходи на йной городъ“- *Собир.*

Ише вы́шолъ Сотко́ на синёё на морё.
Ише всѣ карабли какъ-будто со́колы летятъ,
Ай Сотко́вой вѣдь карабль да некуды вѣдь нейдётъ,
Некуцы онъ нейдётъ да на одномъ мѣсти стоитъ.
Ай Сатко́-купець по ка́раблю похаживаётъ,
Онъ жо́лтыма кудерцёми натряхиваётъ,
Ише самъ онъ говорилъ да таково́е слово́:
„Ужъ вы вой еси, дружинушка хоробрая моя,
Ише тѣ же мои да водолашшички!
Вы скачите-тко вы скоро вы во синеё во морё,
Вы смотрите-тко вы скоро подъ черьлёнымъ караблёмъ:
Ише нашъ-отъ карабль не на ме́ли ли стоитъ,
Не на ме́ли ли стоитъ, не на лу́ду ли нашолъ,
Не на лу́ду ли нашолъ не на подводную?“
Ай скакали какъ дружина во синёё во морё,
А смотрили они скоро подъ черьлёнымъ карабьлёмъ,
Ише сами говорили таково ёму слово́:
— Ише нашъ-отъ карабль не на ме́ли онъ стоитъ,
Не на мели онъ стоитъ, не на луду онъ нашолъ,
Не на луду онъ нашолъ не на подводную. —
Да Сотко́-купець по ка́раблю похаживаё,
Онъ и жо́лтыма куде́рьцёми натрясываё:
„Ужъ вы вой еси, дружинушка хоробрая моя!
Вы скачите-тко, дружинушка, во шлюпочку,
Поѣзжайте-тко, дружина, во темные во лѣса,
Вы срубите-тко по же́ребью по тава́лженому.
Вѣрно, есь у насъ на ка́рабли пригрѣшной человѣкъ;
Отсѣките-ко по же́ребью тава́лженому“.
Ише въ тѣ поры дружинушка не ослышилась ево;
Ай скакали они скоро вѣдь во шлюпочку.
Ай поѣхала дружина во темныя во лѣса,
Они сѣкьли какъ по же́ребью тава́лженому,
Ай метали они же́ребьей во синёё во морё.
Ише вси-ти жеребья да будто гоголи пловутъ,
Ай Сотко́вой-отъ же́ребь ко дну ка́менёмъ пошолъ,
Ко дну ка́менёмъ пошолъ да онъ нигдѣ-то не выста́лъ.
Пришло Сотку́ да съ карабля-та сходить,
Съ карабля-та сходить да на дошшочку сходить;
Сходилъ Сотко́ да на дошшо́чьку.
Сошолъ Сотко да на дошшочёчьку;
Ай кара́бель-отъ пошолъ, да будто со́колъ полетѣлъ.
Заснулъ Сотко да на дошшочочьки,

Пробудилсэ Сотко да у Морского у царя.
Говорилъ-то ёму да вѣдь Морской-отъ царь:
„Ужъ ты вой еси, Сотко-купецъ, богатой человѣкъ!
Ужъ ты ко́лико ты по́ морю не хаживалъ,
Ишше мнѣ-то вѣдь царю дани не плачивалъ.
Ты бери-тко-се, Со́тко, у мня су́жону собѣ,
У мня сужону собѣ, да собѣ ряжоную".
Ай сидѣла у царя за зы́бой бабушка,
Говорила де Сотку да таково́ ёму слово́:
„Приведётъ тобѣ царь ишше полкъ дѣви́цъ,—
Не бери-тко-се изъ того полку невѣсты собѣ;
Приведётъ тебѣ полкъ да второй-то дѣвицъ,—
Не бери-тко-се съ полку да собѣ сужоную;
При́ведётъ тебѣ полкъ-отъ третѐй дѣвицъ,
Идётъ сзади какъ дѣвушка Черна́вушка,
Ай Чёрнавушка идётъ да Шолудья́вушка;—
Ты бери-тко-се да собѣ сужоную,
Собѣ сужоную да собѣ ряжоную".
Привёлъ ёму царь вѣрно по́лкъ ёму дѣви́цъ.
„Ише нѣту мнѣ-ка своей су́жоноѐй".
Ише привёлъ ёму полкъ да второй дѣвицъ.
„Ишше нѣтъ-то мнѣ здѣсь да собѣ су́жоною".
Да привёлъ ёму полкъ да третѐй да дѣви́цъ;
Идётъззади дѣвушка, идётъ Чернавушка,
А Чернавушка идётъ да Шолудьявушка-я.
Говорилъ тогды Сотко-купецъ, богатой человѣкъ:
„Вотъ мнѣ сужоная да моя ряжоная."
Ишше лёкъ Сотко́ на кроваточку,
На кроваточку легъ съ дѣвушкой съ Чёрнавушкою;
Засаулъ Сотко да на кроваточки,
Пробудилсэ Сотко у быстрой рѣченьки:
Ай стоятъ во рѣченьки черьлёны карабли,
Черьлёны карабли купця богатого, ёго.

96.

Сорокъ каликъ со каликою.

Собиралосе вѣдь, братцы, сорокъ царей [1]),
Ишше сорокъ каликъ, братцы, со каликою.
Становилисе калики на зеле́ной лугъ,
На зелёной лугъ сами во единой кругъ,

[1]) Машинальное заимствованіе изъ былины № 94, ст. 1. *Собир.*

Выбирали промежу́ они де атаманушка,
Атамана выбирали съ подъата́маньёмъ:
Атаманомъ былъ Михайло Михайло́вичь сынъ.
Они клали промежу заповѣдь великую,
Ише клали они заповѣдь промежу́ собой:
„Ише хто-то изъ насъ, братцы, заворуитце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, заплутуитце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, за блудо́мъ пойдётъ,—
Не ходити-то намъ, братцы, не подъ царьскій судъ,
Не подъ царьскія судъ-отъ да не подъ княжеськой;
А судити-то мы будёмъ промежу́ собой:
Да рети́во-то серьдечушко промежу плечи [1]),
А рѣчистъ-отъ языкъ, братцы, тянуть те́менёмъ,
Да жегчи-то на бѣлы́хъ грудяхъ сели́трушка,
А ломать на правомъ боку рёбрышка,
Вдостали́-то отсѣкци буйну головушку“.
Собиралисе калики перехожія,
Ай пошли эти калики въ красёнъ Кіевъ градъ.
Да настрѣту имъ Владимёръ стольнёй-кіевской,
Ише самъ говорилъ имъ таково слово:
„Ужъ вы здрасвуйте, калики перехожія!
Вы откуль иди́те, калики, куда путь лежитъ?“
Отъвѣчяли де калики перехожія:
— Мы идёмъ отъ креста отъ Клядови́това,
Да пошли мы ко городу ко Кіеву
Ишше Восподу Богу помалитисе,
Ко Восподьнёму гробу приложитисе,
Во Ердань во рѣки́-то да покупатисе.—
Говорилъ тогды Владимеръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ вы вой еси, калики перехожія!
Ужъ вы спойте, вы калики, да мьнѣ-ка Еле́ньской стихъ;
Не слыхалъ я отъ ро́ду стиху Еле́ньсково“.
Становилисе калики на зелёной лугъ,
На зелёной-отъ лугъ сами во единой кругъ;
Они посохи-ти въ землю испоты́кали,
Они суночьки-котомки исповѣсили;
А запѣли де калики стихъ и да Еле́ньскія.
Ишше мать сыра земьля подъ има потресаласе;
А упалъ тогды Владимеръ на сыру землю,
Ишше самъ онъ говорилъ имъ таково слово:

---

[1]) Винит. множ. *Собир.*

„Ужъ вы вой еси, калики перехожія!
Ише полно вамъ пѣть стиху да Еленьсково!“
Перестали де калики перехожія.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
„Ужъ вы вой еси, калики перехожія!
Золотой казны съ собой у мня не случилосе,
Имѣньиця при мьнѣ не пригодилосе.
Да подите вы, калики, въ красёнъ Кіевъ градъ
Ай ко той же Опраксе́и Королевисьни,
Ай просите вы милосьтины спасёныя,
Ай спасёныя милосьтины, тружо́ныя“.
Да пошли ети калики въ красёнъ Кіевъ градъ,
Ай Владимёръ-отъ поѣхалъ, куда путь лёжитъ.
Да пришли ети калики перехожія,
А пришли ети калики въ красёнъ Кіевъ градъ,
Да пришли они ко гривьни княженевськіи,
Ише прося они милосьтины спасёныя,
Ай спасёныя милосьтины, тружо́ныя,
Ише для́-ради Христа, царя небесьного,
Ише для́-ради вѣдь Божьею Богородицы.
Услыхала Опраксеюшка Королевицьня,
А сама де говорила таково слово:
„Добро жаловать, калики, хлѣба, соли ись,
Хлѣба соли-то ись-то да вина съ мёдомъ пить!“
Да зашли ети калики перехожія,
Ай зашли ети калики во гривьню княженевськую.
Да живутъ ети калики-ти по пе́рьвой день,
Да живутъ ети калики по вто́рое.
Говорила Опраксея-та Королевисьня:
„Ужъ ты вой еси, Михайло ты Михайло́виць сынъ!
Ты пойдёмъ ко мнѣ во спальню-ту княжоневськую,
Ише спи-тко во спальни княжоневскія“.
Ише етому Михайлушко не ослышилсэ,
Да пошолъ-то онъ спать въ спальню княженевськую.
Говорила Опраксея Королевисьня:
„Ужъ ты вой еси, Михайло да Михайло́виць сынъ!
Сотворимь-ко-се любовь со мной сердесьнюю“.
Говорилъ тогды Михайло-то Михайло́виць сынъ:
— Ай не льзя мнѣ сотворити любовь-сердесьнія,—
У насъ кла́дёна заповѣдь великая,
Ише заповѣдь кладёна промежу собой:
Ише хто-то изъ насъ, братцы, заворуитце,

Ише хто-то изъ насъ, братцы, заплутуитце,
Ише хто-то изъ насъ-то да за блудо́мъ пойде́тъ,—
Не ходити-то намъ будётъ не подъ царьской судъ,
Не подъ царьскія судъ-отъ, не подъ княжеской;
А судить-то мы будёмъ всё своимъ судомъ:
Да рѣчистъ-отъ языкъ станемъ тянуть те́менёмъ,
Ясны очи-ти потянёмъ мы косичеми,
Ай ретя́во-то сердечушко промежу́ плечи,
Да жегчи́ станёмъ селитру-ту на бѣлы́хъ грудяхъ,
Вдостали́ станёмъ отсѣкать буйну головушку,
Да оставимъ мы того всё во чисто́мъ поли.—
Говорила Опраксея-та во второй наконъ,
Говорила Опраксея-та во третѐй наконъ:
„Сотвори́мъ-ко-се любовь со мной сердечьнюю".
Отказалсэ Михайло Михайло́вичъ сынъ.
Ише стали де калики собиратисе,
А пошли эти калики изъ города изъ Кіева.
И во ту же во пору и во то время
Положила де Опраксея Королевичьня
Ко тому же ко Михайлуйшку ко Михайлову
Ай во ту же ему во суночку, во котомочку
Ише ту же она чашу красного золота,
Исъ которой чаши Владимеръ по пріѣзду пьётъ,
По пріѣзду-ту пьётъ, по отъѣзду пьётъ.
Да пошли эти калики во чисто́ полё.
Да во ту же де во порушку, во то время
Ай наѣхалъ де Владимёръ стольнѐй-кіевской.
Ай стрѣчаётъ Опраксея Королевичьня;
Ише сталъ тогды Владимёръ стольней-кіевской,
Ай спросилъ у 'праксеи Королевичьни—
Исъ которой онъ исъ чаши по пріѣзду пьётъ;
Не нашли этой вѣдь чаши они негдѣ́ ею́.
Говорила Опраксея Королевисьня:
„Ужъ ты вой еси, Владимёръ стольнёй-кіевской!
Йише были е́та калики перехожія,—
Видно, взели чашу твою они красного золота".
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
— Ужъ ты вой еси, Олёшенька Поповиць сынъ!
Поѣжжай-ко-се ты, съѣзди во чисто́ поле,
Состыди-тко-се ты каликъ да перехожія,—
Не попала ли има чаша красна золота,
Исъ которой я исъ чаши по пріѣзду пью?—

Ишше въ тѣ поры Олёша не ослышилсэ;
Лёкко, скоро самъ онъ скаче на добрóмъ кони,
Да поѣхалъ де Олёша во чистó полё,
Онъ наѣхалъ де каликъ да перехожія,
Онъ крычалъ, зычалъ тогды имъ зыцьнимъ голосомъ:
„Ужъ вы воры, вы калики перехожія!
Вы украли у Владимёра чашу красна золота,
Исъ которой де Владимёръ по пріѣзду пьётъ“.
Услыхали де калики перехожія;
Становилисе калики на зелёной лугъ,
Они на зелёной лугъ, сами во единой кругъ,
Они копьи-ти въ земьлю испотыкали,
Они суночки, котомки исповѣсили,
Да какъ взéли де Олёшу-ту за бѣлы́ руки,
Ишше знели Олёшу со добрá коня,
Оттыкáли Олéшѣ подштанники [1])
И нахлопали Олёшѣ ж... дó красна.
Да поѣхалъ де Олёша въ красёнъ Кіевъ градъ;
Ай пріѣхалъ онъ ко князю ко Владимеру,
Ишше самъ онъ говорилъ таково слово:
„Ай не могъ-то я состы́кчи каликъ-то перехожія“.
Говорилъ тогды Владимёръ стольнёй-кіевской:
— Ужъ ты вой еси, Добрынюшка да Микитиць сынъ!
Поѣзжай-ко ты, съѣзди во чистó полё,
Постыди-тко-се каликъ да перехожія;
Не попала ли имъ чаша красного золота?—
Ище въ тѣ поры Добрынюшка не ослышилсэ;
Лёкко, скоро онъ вѣдь скачетъ на добрá коня,
Ай поѣхалъ Добрынюшка во чистó пóлё
Да состыкъ-то каликъ-то да перехожія;
Онъ крычалъ, зычалъ каликамъ зысьнимъ голосомъ:
„Ужъ вы стойте-тко, калики перехожія!
Не попала ли вамъ въ суночки-котомочки,
Не попала ли вамъ чаша крáсного золота,
Исъ которой де Владимёръ по пріѣзду пьётъ?“
Услыхали де калики перехожія;
Становилисе калики на зелёной лугъ,
На зелёной лугъ калики во единой кругъ,
Ишше копьиця вь земьлю испотыкали,
Ишше суночки-котомки исповѣсили;

---

[1]) Мѣстное названіе штановъ. *Собир.*

Они стали де искать сами промежу́ собой
Во тихъ жа во суночкахъ, во котомочкахъ;
Ай нашли какъ ету чашу красного золота
У того де Михайла Михайло́виця,
Ишше отдали чашу красного золота
Ай тому же де Добрынюшки да Микитицю.
Ай Добрынюшка поѣхалъ въ красёнъ Кіевъ градъ,
И привёзъ-то онъ ко князю-ту да Владимеру,
Ишше отдалъ онъ чашу красного золота.
Ишше стали де Михайлушка своимъ судомъ,
Ишше судятъ де Михайла Михайло́виця:
Ай рѣчистъ-отъ языкъ они тянутъ тёменёмъ,
Ишше ясны-ти очи тянутъ они косичеми,
Ай ретиво-то сердечушко промежу́ плечи,
Вдостали́, тутъ селитру́ жгутъ на бѣлы́хъ грудяхъ,
Вдостали́ де какъ отсѣкли буйну́ ему головушку;
Ай оставили Михайлушка на чисто́мъ поли,
Да пошли ети калики, куды имъ путь лежитъ.
Недалёко вѣдь отошли они отъ Михайлушка,—
Состыгатъ ихъ да Михайло Михайло́вицъ сынъ,
А крычитъ-то онъ, зычитъ имъ зычьнимъ голосомъ:
„Ужъ вы братцы-калики перехожія!
Ай зачимъ меня оставили во чисто́мъ поли?“
Услыхали де калики перехожія;
Становилисе калики на зелёной лугъ,
На зелёной-отъ лугъ они во единой кругъ;
Они посохи-ти вь земьлю испотыкали,
Они суночки-котомочки исповѣсили,
Ишше стали де Михайлушка во второй наконъ,
Во второй наконъ вѣдь стали ёго судить своимъ судомъ:
Да рѣчистъ-отъ языкъ они опять тянутъ тёменёмъ,
Ишше ясны-ти очи тяну́тъ опять косичеми,
Да ретиво-то сердечко тя́нутъ они тёменёмъ,
Они жгутъ-то селитру-ту на бѣлы́хъ грудяхъ,
Вдостали́-то отсѣкали буйну́ головушку;
Ише сами де пошли, куды имъ путь лежитъ.
Ай состыгъ опять Михайлушко во второй наконъ
А крычитъ-то онъ, зычитъ имъ зычьнимъ голосомъ [1])
. . . .
Да состыгъ-то ихъ Михайлушко во третей наконъ.

[1]) Повторяются стихи 189—204. *Собир.*

Ай судили де калики-ти во третёй наконъ,
Ай розьсѣкли, розметали его на мелки части же,
Ишше сами-ти пошли, куда имъ путь лежитъ.
Да состыгъ-то ихъ Михайлушко Михайлбвиць сынъ:
„Ужъ вы вой еси, вы братья-калики перехожія!
Ай зачимъ же оставьляите во чистбмъ поли?“
Становилисе калики на зелёной лугъ,
На зелёной они лугъ стали во единой кругъ;
Ишше копьиця-ти вь земьлю испотыкали,
Опи суночки-котомки исповѣсили,
Ишше сами говорили да таково слово:
— Ты просьти-тко-се, Михайлушко Михайлбвиць сынъ,
Ты просьти-тко-се, Михайло, ты въ таковой вины! —

VII.

Власъ Ивановичъ Чекалёвъ (уличное прозвище Блиновъ), неграмотный, семейный крестьянинъ 59 лѣтъ. Отъ отца остался трехлѣтнимъ ребенкомъ; долго жилъ однимъ домомъ съ двумя своими братьями; тогда они сообща владѣли двумя судами, и ему приходилось ѣздить въ Норвегію; но двадцать лѣтъ тому назадъ братья раздѣлились, при чемъ онъ предоставилъ суда своимъ братьямъ и съ тѣхъ поръ въ Норвегіи не бывалъ. Занимается онъ ловлею семги въ Бѣломъ морѣ, а также, между дѣломъ, сапожнымъ мастерствомъ. Старины онъ переняль отъ стариковъ на тоняхъ, и славится въ своемъ селѣ какъ хорошій сказатель. А. М. Крюкова (I) говорила, что нѣкоторыя старины онъ выучилъ по книгѣ, которую ему читали; по всей вѣроятности, здѣсь надо разумѣть разсказъ про Святогора и сказку объ Еруcланѣ Лазаревичѣ, которые онъ, дѣйствительно, знаетъ, слышавши чтеніе ихъ по книжкѣ. Изъ былинныхъ героевъ онъ никогда не слыхалъ именъ: Соловья Будимировича, Ставра, Ивана Гостинаго, Сухмана, Вольги и Микулы, Василія Буслаевича; не знаетъ онъ и старинъ про Садка, о томъ какъ Идолище сватался за племянницу князя Владиміра. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь старинъ, онъ знаетъ слѣдующія: 1) Первая поѣздка Ильи Муромца, 2) Бой Добрыни съ Ильей, 3) Добрыня на Пучай-рѣкѣ,

4) Добрыня и Алеша, 5) Дунай, 6) Иванушко Гордёновичъ, 7) Девять разбойниковъ и ихъ сестра, 8) Князь девяноста лѣтъ и старицы.

97.

Илья Муромецъ и разбойники.

Ише хто ету дорожоцьку-ту у́торикъ,
Ише хто ету широкую-ту у́ѣздилъ?
— Уторилъ ету дорожоцьку старóй старикъ.
Въ ширину ета дорожка—стрѣльцю-ту да перестрѣлити,
Въ глубину ета дорожка коню подъ шшóтоцьку.
Ише конь-отъ былъ у старого на-убѣ́лъ былъ былъ;
Ише самъ-отъ старой – голова-та сѣра да борода бѣла.
Ише ѣхалъ ту старой по дорожоцьки
Да наѣхалъ ко столбу-ту да ко ростáнюшкамъ.
Да на столбики было-то какъ написано,
А глубокима-ти пóдрѣземи подрѣзано:
„Во перьву́ ѣхать дорожоцьку – богату быть,
Во втору ѣхать дорожоцьку—жонату быть,
Во третьó ѣхать дорожоцьку—убиту быть“.
А сидитъ тогды старой на добрóмъ кони,
Розмышляётъ своимъ-то умомъ-разумомъ:
„Я не ѣду въ ту дорожку, гдѣ-ка богату быть;
Да нашьто-то мнѣ-ка старому золота казна?
У мня нѣту у старого молодой жоны,
Да у мня некому топши́ть будётъ золотой казны.
Я не ѣду въ ту дорожку, гдѣ-ка жонату быть;—
Да нашьто-то мнѣ-ка старому женитисе?
Ужъ какъ старому женитце—будетъ чюжá корысьть.
Я поѣду въ ту дорожку, гдѣ-ка убиту быть“.
Ужъ какъ ѣхалъ-то старой по дорожочьки,
Да наѣхалъ на дорожки на семь станицьниковъ,
А понашому поруському семь розбойниковъ.
Да они хоцютъ старóго убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Да сидитъ-то вѣдь старой на добро́мъ кони,
Говорилъ-то вѣдь старой таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси-то, да семь станисьниковъ,
Вы понашому поруському семь розбойниковъ!
Вы зашьто миня хочете убить, ограбити?

Да имѣньиця въ собой у мня не луч(ц)илосе,
Золотой у мня казны не пригодилосе.
Токо есть у мня у старого одинъ доброй конь;
Ише конь отъ вѣдь стоитъ какъ петсотъ рублей,
Какъ уборъ-отъ на кони стоитъ цѣлу тысечю".
Ише тутъ-то станичьниковъ призáрило;
Они хочютъ старого убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Говорилъ-те вѣдь старой-отъ таковы рѣчи:
„Вы зашьто миня хочете убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ миня розлучити хотитѐ?
Да имѣньиця въ собой у мня не лучилосе,
Золотой-то казны у мня не пригодилосе;
Тольке есть у мня у старого одна шубочька,
Да на шубочьки есть у мня три пуговки:
Ише перьва-та пуґовка петьсотъ рублей,
Да втора-та вѣдь пуговка въ семьсотъ рублей,
Ише третья-та пуговка въ чѣлу тысечю."
Ише тутъ-то станичьниковъ призарило;
Они хочютъ старóго убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Да какъ говорилъ-то вѣдь старой таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, да семь станичьниковъ!
И зашьто миня хочите убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ миня розлучити хотитѐ?
Да имѣньиця въ собой у мня не лучилосе,
Золотой у мня казны-то не пригодилосе;
Только есь у мня у старого одна суночька,
Да во суночьки есь у мня три стрѣлочьки:
Ише перьва-та стрѣлочька во семьсотъ рублей,
А втора-та стрѣлочька въ цѣлу тысечю,
Ужъ какъ трѐтьёй-то стрѣлочьки цѣны ей нѣтъ."
Ише тутъ-то станичьниковъ призарило;
Они хочютъ старóго убить, ограбити
Да съ конёмъ-животомъ ёго розлучити хотятъ.
Да росправилъ тутъ старой какъ аркáньцикъ-отъ
Да накинулъ на всихъ станичьниковъ,
Да напустилъ-то своёго коня доброго,
Ише самъ-то вѣдь сталъ-то ѣздить по чистý полю;
Ростреналъ-то, розьдѐрьгалъ всихъ станичьниковъ.
Онъ очистилъ дорожку прямоѣзжую.

98.

Илья Муромецъ на заставѣ.

Да межу Кіёвымъ было, межъ Черниговымъ,
Да стояла заставушка 'семь богатырей:
Атаманомъ государь нашъ Илья Муромецъ,
Втору голову Добрынюшка Микитиць-отъ,
Въ третью голову Самсонъ да Колывановиць,
Во ц(ч)етвёртыхъ Гаврюша-та Долгополыя,
Да во пятыхъ Потанюшко былъ Хроменькой,
Во шестыхъ-то были братьиця Збродовици,
Во седьмыхъ-то былъ Олёшенька Поповиць-отъ.
Да отъ той-то отъ заставушки 'семь богатырей
Да не конному, не пѣшому проходу нѣтъ,
Да не ясному-ту соколу пролёту вѣтъ.
Да на ту жа на славушку на великую
Пріѣжаётъ дородёнъ доброй молодець
Да изъ той жо изъ земьли-то изъ Задоньскія.
Да кричялъ молодець своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, заставушка 'семь богатырей!
Ты давай-ко мнѣ, заставушка, поединьщика;
А не дашь ты мнѣ, заставушка, поединьщика,
Я убью-то вѣдь васъ всихъ за единого.“
Говорилъ государь тогды таковы рѣчи:
„Да послать мнѣ-ка Самсона-та Колыбанова,—
Онъ вѣдь силой-то силенъ, да неухватистъ былъ;
Черезъ то онъ потерятъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ-ка Гаврюшу-то Долгополого,—
Онъ вѣдь силой-то силенъ, дакъ полы долги;
Да церезъ то онъ потерятъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ-ка Потанюшка-та Хроменькой,—
Онъ вѣдь силой-то силенъ, какъ въ ногахъ хромой;
Черезъ то онъ потерятъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ двухъ братьицей Збродовицей,—
Они силой-то сильни, сами забродятце;
Черезъ то они потеряютъ да буйну голову.
Да послать мнѣ-ка Олёшеньку Поповичя,—
Онъ вѣдь силой-то несилёнъ, только напускомъ смѣлъ;
Церезъ то онъ потеряетъ свою буйну голову.
Да послать мнѣ-ка вѣдь брателка названого,
Молодыя Добрынюшку Микитиця,—

Онъ вѣдь силой-то силёнъ да какъ здѣло есть [1]".
Да недолго нашъ Добрынюшка розговаривалъ,
Лёкко, скоро скакалъ-то да на добра́ коня,
Ише самъ поѣхалъ онъ-то да во чисто полё;
Выѣзжаётъ на шо́ломя на окатисто,
Онъ вѣдь здрилъ-смотрилъ на вси чётыре сто́роны,
Увидалъ-то—подъ одной да подъ стороночькой
Ужъ какъ ѣзьдитъ-то молодець, потѣха́итце,
Изъ рѣцей-то да молодѐць да похваляитце:
„Мнѣ наѣхать бы руського могучёго бога́тыря,—
Я убилъ бы ёго да 'мѣсто овода".
Да скричялъ тогды Добрынюшка громкимъ голосомъ:
— Ужъ ты, полно тѣ ѣзьдить да потѣхатисе,
Изъ рѣчей-то тебѣ-ка да похвалятисе!
Ужъ мы станёмъ-ко на́ поли съѣзжатисе.—
Не два ясного сокола слетаитце,
Два дородьнёго добра молодця съѣзжаитце.
Подъ Добрынюшкой конь-отъ потыкаитце;
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рѣчи:
„Ужъ ты конь жа, конь ты да Воронеюшко!
Развѣ слышишь ты надо мной да незгодушку?"
Да гледѣлъ тогды Добрыня на доброго молодця;—
Да сидитъ-то молодѐць да какъ сѣяна́ кучя,
Голова-та у ёго-то да какъ пивной котёлъ,
Да глаза-ти у ёго да какъ пивны́ чяши,
Ише носъ-отъ у ёго какъ палка дровокольняя.
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рѣчи:
„Ужъ ты конь, ты мой конь да Воронеюшко!
Уносилъ отъ пурги́ и отъ па́дёры
Да удёрьгивалъ отъ пулечьки отъ свинцёвыя;
Унеси миня отъ смерьти-то отъ напрасныя."
Ише конь-отъ отъ земьли-то де отдѣляитьсе,
Выше лѣсу стоячёго поднимаитьце,
Да унёсъ онъ къ заставушки 'семь бога́тырой.
Ницёго-то государь нашъ у Добрынюшки не спрашивалъ,
Да лёкко, скоро скакалъ-то да на добра́ коня,
Ише самъ онъ поѣхалъ-то во чисто́ полё.
Выѣжаётъ на шо́ломя на окатисто,
Онъ смотрилъ-то на вси цётыре стороны;

---

[1] (Умѣетъ), какъ сдѣлать честь? Ср. въ Пѣсняхъ *Кирѣевскаго*, IV, 13: „Знаетъ (Добрыня), какъ богатырю честь отдать." *Собир.*

Увидалъ подъ одной онъ подъ сторонсчькой.
Ужъ какъ ѣздитъ-то молодець, потѣхаитьце,
Изъ рѣчей-то вѣдь молодець похваляитьце:
„Мнѣ наѣхать бы руського богáтыря,—
Я убилъ бы ёго 'мѣсто овада.“
Да крицялъ государь тогды громкимъ голосомъ:
— Ужъ какъ полно тѣ ѣздить да потѣхатисе,
Изъ рѣчей-то тебѣ да выхвалятисе!
Ужъ какъ станёмъ мы нá поли съѣжжатисе.—
Не два ясного сокола сьлетаитьце,
Два дородьнёго молодця съѣзжаютсе.
Да ударили богáтыри саблеми вострыма;
У ихъ сабельки-ти да пошербалисе;
Сами другъ-то вѣдь друга они не ранили.
Да ударились тутъ палецьми тяжолыма;
У ихъ палици-ти да поломалисе;
Сами другъ-то вѣдь друга они не ранили.
А ударились тогда да кóпьеми вострыма;
У ихъ копьиця по яблучькамъ сломилисе;
Сами другъ друга они-то вѣдь не ранили,
Они нé дали вѣдь раны къ ретиву́ серцу.
Да скакали черезъ гривы-ти лошадиныя,
Да большимъ-то боемъ да рукопашкою
Да водились богáтыри трои суточки;
Они ноги втоптали да по колѣнъ въ земьлю.
Государя-та ножоцька подломиласе,
Ише права-та ручюшка окатиласе,
Да упалъ-то государь тогды на сыру земьлю;
Да садилсэ молодéць ему на бѣлы́ груди,
Онъ вѣдь хочетъ спороть ёму бѣлы́ груди.
Да змолилсэ государь да Спасу пречистому,
Пресвятой-то матери Божьёй Богородици;
У ёго прибыло силы, втроё больше стало жо.
Онъ спѣхнулъ-то богáтыря какъ овсяной снопъ,
Ише самъ онъ садилсэ да на бѣлы́ груди,
Да не спрашивалъ не родины, не вотчины,
Да споролъ у богáтыря бѣлы́ груди.
А потому шьто государю-ту было нá поли смерть не писана.
А отправилсэ тогда онъ къ заставушки великою,
Ише самъ онъ говорилъ имъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, дружиночька хоробрая!
Розьѣзжайтесь вы, дружиночька, по своимъ мѣстамъ,

По своимъ-то мѣстамъ да ко своимъ домамъ.
Ише полно намъ стоять заставушкой великою!“
Да розьѣхались бога́тыри по своимъ мѣстамъ,
По своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.

99.

Бой Добрыни съ Дунаемъ.

Ужъ какъ было у Дунаюшка погрѐжоно,
Да погрежоно-то да было покурѐжоно,
А на добрыхъ на коничькахъ поѐзжоно.
Да поѣхалъ ту́тъ Добрынюшка во чисто́ полё,
Да увидялъ Добрынюшка, во цисто́мъ поли́
Да стоитъ-то чёрно́й шатёръ поло́тьняной.
А пріѣхалъ Добрынюшка ко чёрну́ шатру.
На шатри-то вѣдь было какъ написано,
А глубокима-ти по́рѣземи подрѣзано:
„Хто пріѣдётъ какъ ко чёрну́ шатру,
А живому вѣдь отъ чёрна шатра не уѣхати!“
Во чёрно́мъ шатри стояла кроваточька со новы́хъ [1]) костей,
Со новы́хъ костей да съ зуба рыбьёго;
На кроваточьки перинушка пуховая,
Одіялышко лёжало да чёрны́хъ соболей;
У шатра-та стояла-то бочька съ зелёны́мъ виномъ,
Да на бочьки-то чярочька золочёная,
Да не ма́ла, не вели́ка—полведра вина.
Ише взялъ-то Добрынюшка чяроцьку золочёную,
Наливалъ-то ету чяроцьку зелёна́ вина,
Выпивалъ-то ету чяроцьку на единой духъ
Ише для́-ради красы-то да молодецкою,
Да втору-ту наливалъ ради смѣлосьти богатырьскія,
Ужъ какъ третью наливалъ ради крѣпости богатырьскія.
Хмѣли́нушка въ головы́ тогды росходиласе.
Ети подписи тогды ёму не понравились,
Ише по́дрѣзи ёму-ту не поглянулисе;
Ростопталъ тогды взялъ онъ чёрно́й шатёръ
Да ласку́тьё розьметалъ взялъ по чисту́ полю,
Да розсѣкъ онъ взялъ бочьку съ зелёны́мъ виномъ,

---

[1]) Слоновыхъ. *Собир.*

Да лёжилсэ какъ тогды самъ на кроваточьку,
Засыпаётъ тогды своимъ сномъ какъ богатырьскіимъ.
Тогды ѣхалъ къ шатру-то Дунаюшко сынъ Ивановичь;
Закричялъ-то Дунай да громкимъ голосомъ:
„Ишше хто-то ростопталъ мой чернóй шатёръ,
Да лоскутьe хто-то розьметалъ по чисту̀ полю,
Да розсѣкъ-то хто-то бочьку съ зелёвымъ виномъ?
Да кричялъ—да живому отъ чёрна́ шатра не уѣхати!“
Услыхалъ тогды Добрынюшка Микитиць-отъ,
Да скакалъ-то Добрынюшка со кроваточьки,
Да скакалъ-то Добрынюшка на добра́ коня.
Да не ясны-ти соколы слеталисе,
А дородьни-ти молодцы съѣзжалисе.
Да ударились они да саблеми вострыма,—
У ихъ сабельки-ти да поломалисе;
Они ударились тутъ палицеми цяжолыма,—
У ихъ палеци-ти да поломалисе;
Да сами другъ-то друга они не ранили.
Да ударились тогды да кóпьеми вострыма,—
У ихъ копьиця по яблучькамъ сломилисе;
Они другъ-то друга какъ не ранили,
Они не́ дали раны къ ретиву̀ серцу.
Да скакали черезъ гривушки лошадиныя,
Да большимъ они боемъ, ту-да-рукопашкою
Да водилисе бога́тыри три суточьки;
Они ноги втоптали по колѣнъ въ землю.
Да во ту-то пору да какъ во то́ время
Ужъ какъ ѣхалъ государь-отъ нашъ Илья Муромець,
Да какъ самъ-то говорилъ онъ таковы рѣчи:
„Какъ невѣрной съ невѣрнымъ какъ вѣдь борится,
Ише надо ѣхать ихъ какъ прита́кивать;
Ише руськой со руськимъ какъ вѣдь борьтце,
Ише надо вѣдь ѣхать да розговаривать;
А какъ руськой съ невѣрнымъ да какъ вѣдь боритьце,
Надо ѣхать вѣдь руському помошъ дать.“
Да пріѣхалъ государь къ имъ Илья Муромець,
Ише говорилъ имъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановиць!
Молодыя Добрынюшка Микитиць-отъ!
Вы о цёмъ жа какъ тутъ да вы боритесь?“
Росьпѣпились тогды какъ бога́тыри;

Говорилъ ёму Дунай да сынъ Ивановичь:
— Я оставилъ въ чистóмъ поли чёрнóй шатёръ.
Ростопталъ у мня Добрынюшка чёрнóй шатёръ,
Да лоскýтьё розьмёталъ онъ по чистý полю;
Да стояла у шатра боцька съ зелёнымъ виномъ,
Да на боцьки была цярочька золочёная.
Да розьсѣкъ взялъ онъ боцьку-то съ зелёнымъ виномъ,
Изломалъ у меня чярочьку золочёную.—
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой есь, восударь ты нашъ Илья Муромець!
Я прiѣхалъ вѣдь къ этому ко чёрну шатру;
На шатри-то вѣдь было какъ написано
Да глубокима-ти пóдрѣземи подрѣзано:
„Хто прiѣдётъ къ чёрнý шатру,
Изъ чёрнá шатра живому не уѣхати“.
У шатра стояла боцька золочёная;
Ише выпилъ-то я изъ боцьки какъ три ц(ч)ярочьки;
Хмѣлинушка въ головы у мня росходиласе.
Ети подписи-ти мнѣ какъ не понравились,
Ети пóдрѣзи-ти мнѣ не поглянулисе;
Ростопталъ вѣдь я взялъ чёрнóй шатёръ,
Какъ я лоскýтьё розьметалъ взялъ по чистý полю,
Я розьсѣкъ взялъ тогды боцьку-ту съ зелёнымъ виномъ,
Изломалъ я эту чярочьку золочёную“.
Говорилъ-то да государь-отъ таковы рѣчи;
— Ужъ ты гой еси, Дунаюшко Ивановичъ!
Ише колько я не ѣживалъ во чистóмъ поли,
Ише колько не роставливалъ чёрныхъ шатровъ,—
На шатрахъ-то вѣдь етого не подписывалъ
Да глубокима-ти пóдрѣземи не подрѣзывалъ.
Да хорошо-то я прiѣхалъ къ вамъ ростатй васъ,—
Оборолъ бы тя Добрынюшка Микитичь-отъ
Да убилъ бы тебя какъ дó мертва.—
А поѣхали богáтыри въ крашонъ Кiевъ градъ
Ко тому жа ко князю-ту ко Владимёру.
Росказалъ государь-то да Илья Муромець
Про того жо про Дунаюшка Иванова,
Ише какъ онъ написалъ на чёрнóмъ шатри.
Обсудили Дунаюшка Иванова,
Посадили Дунаюшка въ тёмны пóгребы
Да немножко, немало—на семнадцеть лѣтъ.

100.

Потыкъ [1]).

Собираласе дружиночька хоробрая:
Въ перву голову государь нашъ Илья Муромець,
Во вторыхъ-то Добрынюшка Микитичь младъ,
Въ третью голову-ту По́тыкъ сынъ Ивановичь.
Да пріѣхали къ столбу да ко ростанюшкамъ.
Говорилъ восударь нашъ Илья Муромець:
„Ужъ ты вой еси, дружинюшка хоробрая!
Я поѣду ко царству-то какъ ко Дюкову [2]),
Привезу я золотой казны сорокъ тысечей“.
Говорилъ тогды Добрынюшка Микитиць младъ:
„Я поѣду-ту на тихи-ти вёшны за́води,
Привезу я три камешка драгоцѣнныя“.
Говорилъ тогды вѣдь По́тыкъ сынъ Иванович(ц)ь:
„Я поѣду во землю-ту, во землю во Задбньскую,
Привезу-ту Марьюшку [3]) лебедь бѣлую“.
Говорилъ-то восударь да таковы рѣчи:
„Розьдѣлю-то я золоту казну на̀трое“.
Говорилъ тогды Добрынюшка таковы рѣчи:
„Привезу-то я три камешка драгочѣнныя,—
Розьдѣлю-ту ети камешки-ти на́троё“.
Говорилъ-то тогды По́тыкъ таковы рѣчи:
„Привезу я вѣдь Марѳушку, лебедь бѣлую,—
Я не дамъ вамъ дѣлить-то какъ ей на́троё“.
Говорилъ ёму восударь да таковы рѣчи:
— Ужъ ты гой еси, Потыкъ да сынъ Ивановиць!
Не велѣлъ бы я брать-то Марѳы, да лебедь бѣлую:
Да не будётъ тибѣ Марѳушка молода жона,
Ужъ ка будётъ тибѣ Марѳушка змѣя лютая;
Ужъ ка будёшь у Марѳушки у семи сьмертей,
У семи-то сьмертей да у напрасныя.—
Да розьѣхалась дружиночка хоробрая.
Да поѣхалъ восударь ко царству Дюкову,
Да Добрынюшка поѣхалъ на тихи-ти вёшны заводи.
Да наказывалъ государь-то да Илья Муромець:

---

[1]) Начало этой былины Чекалевъ пѣлъ вмѣстѣ съ Ѳ. А. Сѣдуновымъ. См. списокъ сказателей, стр. 24. *Собир.*

[2]) Ср. № 101, ст. 81. *Собир.*

[3]) Вмѣсто „Марѳушку“. *Собир.*

Ужъ ты вой еси, брателко назва́ныя!
А ты будёшь на тѣ на тихи вёшны заводи,
Ужъ ты станёшь купатьсе на перьво́й рѣки,
Да покъжитце тибѣ да какъ вода лёкка́,
Какъ вода-та лёкка да какъ струя тёпла́,
А поплове̇шь тогды, Добрынюшка, на втору рѣку,—
Да увидитъ змѣя вѣдь зъ горъ лютая,
Да тибя-то тогда она водой зальётъ,
Да водой она зальѐтъ тогды, огнёмъ зажгётъ".
Да прiѣхалъ какъ Добрынюшка Микитиць-отъ
Да на ти же на тихи вёшны заводи,
А розьдѣвалъ онъ своё-то да платьё цьвѣтноё,
А побрёлъ онъ во ту ту рѣку купатисе;
Да показаласе Добрынюшки да вода тёпла́,
Да вода-та тёпла да какъ струя лёкка;
Ише поплылъ Добрынюшка да на втору́ рѣку.
Увидала-то изъ горъ да змѣя лютая,
Налетѣла на Добрынюшку Микитичя;
Она хоцётъ Добрынюшку водой залить,
Какъ водой-то залить она, огнёмъ сжегти.
Ише мастёръ былъ Добрынюшка въ воду нырати онъ.
Унырнулъ-то Добрынюшка на перьво́й рѣки,
Онъ вѣдь вы́сталъ Добрынюшка на второй рѣки,
Да у своёго у платьиця у цьвѣтного;
Да схватилъ онъ свою-ту да саблю вострую.
Надлетѣла-то зьмѣя-та да какъ вѣдь лютая,
Онъ махнулъ-то своей да саблей вострою,
Онъ отсѣкъ-то у ей двѣнадцеть хоботовъ.
Да змолилась зьмѣя-та какъ вѣдь лютая:
„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитиць-отъ!
Не сѣки-тко моей ты да буйной головы:
Я вѣдъ дамъ тебѣ-ка да какъ три камешка,
Я три камешка да драгоцѣнныя".
Да садилсэ какъ Добрынюшка на змѣю лютую;
Она вынесла на го́ру-ту на Сiоньскую.
Ише взялъ-то Добрынюшка вѣдь камешки.
Да змолилась зьмѣя-та тогды лютая:
„Не розорей-ко-се, Добрынюшка, зьмѣиного подворьиця
Да не сожги-ко моихъ-то да малыхъ дѣтоцёкъ.
Я не буду летать больше на святую Русь,
Я не буду губить народу-ту православного".

Ише етого́ Добрынюшка не ва́руётъ [1]).
Онъ зажогъ взялъ зьмѣиноё подворьицё,
Онъ зажогъ взялъ всихъ малыхъ дѣтоцёкъ;
Ише самъ-то вѣдь сѣлъ на зьмѣю лютую,
Приказалъ сьнести съ горы Сіоньскія.
Полетѣла зьмѣя-то какъ вѣдь лютая
Да снесла-то Добрынюшку на сыру земьлю.
Онъ отсѣкъ у ей-то какъ вѣдь голову,
Розьметалъ какъ её тѣло по чисту́ полю,
Да поѣхалъ тогды онъ вѣдь въ крашонъ Кіевъ градъ.
Ише поѣхалъ-то Потыкъ да сынъ Ивановиць
Онъ во ту жо во земьлю-ту въ Задоньскую,
Ко тому-то королю земьли Задоньскія.
А да прималъ ёго король земьли Задоньскія:
„Ужъ ты здрастуй, ты Потыкъ сынъ Ивановиць!
Ты постарому ли пріѣхалъ, ты попрежному,
А во ключники пріѣхалъ, во замочники?“
Отвѣцялъ-то Потыкъ да сынъ Ивановиць:
— Не постарому пріѣхалъ я, не попрежному,
Я не въ ключники пріѣхалъ, не въ замочники;
Я пріѣхалъ къ тобѣ сватомъ свататьсе
Я на душоцьки на Мареы, лебеди бѣлыя.—
Отвѣцялъ ёму король земьли Задоньскія:
„Ужъ ты вой еси, Потыкъ сынъ Ивановичь!
Да какъ тутъ у мня вѣдь Мареушка просватана
За того жо за поганого за Идо́лишша.
Да сидитъ у меня Мареушка въ задьнёй горници
За двѣнадцети висучима замоцьками,
За двѣнадцетью за крѣпкима-ти сто́рожьи;
Ише ткётъ у меня Мареушка красе́нышка,
Забиратъ она платоцьки-ти краснымъ золотомъ.
На кобы́лоцькахъ сидятъ у ей ясны соколы,
На наби́лоцькахъ сидятъ у ей сизы голоби,
На подножоцькахъ сидятъ у ей чёрны соболи.“
Говорилъ тогды Потыкъ да сынъ Ивановичь:
— Ужъ ты цесью не отдашь, да возьму нёцесью.—
Отвѣцялъ-то король земьли Задоньскія:
„Право, е́й-Богу, Мареушка просватана.“
Ише ти вѣдь какъ рѣчи но въ любви пришли.
А пошолъ-то вѣдь какъ Потыкъ на нові́ сѣни,

[1]) См. стр. 379, прим. *Собир.*

Онъ убилъ-то двѣнадцеть да крѣпкихъ сто́рожовъ,
Онъ вѣдь при́рвалъ-то двѣнадцеть да вси замоч(ц)иковъ,
Да отпиралъ вѣдь у Мареушки двери на́ пяту.
Сизы голубы у ей да испугалисе,
По верхамъ-то у ей да розьлеталисе,
Чёрны соболи у ей вси розбѣжалисе.
Да скакала тогды Мареушка на рѣзвы́ ноги
Да сама-то говорила таковы рѣчи:
„Да не грѣло-то красно солнышко ра́вно три́ года,
Да тепере праведи́мо высоко́ взошло!"
Да обнимала-то Потыка за бѣлу́ шею,
Цёловала ёго-то въ уста саха́рныя.
Ужъ какъ бралъ-то вѣдь Потыкъ ей за праву́ руку,
Да повёлъ-то ей Потыкъ по нові́мъ сѣнямъ.
Да увидѣла вѣдь Мареушка, лебедь бѣлая,—
Да убиты двѣнадцеть-то крѣпкихъ сто́рожовъ,
Ише сорваны двѣнадцеть вси замоц(ч)ики,—
Да сама говорила-то таковы рѣчи:
„Да умѣлъ миня батюшко споить, скормить,
Не умѣлъ миня батюшко замужъ выдати:
Отдавашь миня не съ цесьти, да какъ не съ радосьти,
Отдавашь ты миня да съ кроволитьиця."
Да повёлъ взялъ вѣдь Мареушку на широкой дворъ,
Посадилъ-то вѣдь Мареушку на добра́ коня,
Ише самъ-то садилсэ да переди́ ею.
Да выходитъ король-то земьли Задоньскія,
Ише самъ онъ говорилъ-то да таковы рѣчи:
„Добро жаловать, Потыкъ сынъ Ивановиць,
Хлѣба, соли ко мнѣ ись да вина съ мёдомъ пить!"
Отвѣцялъ-то вѣдь Потыкъ сынъ Ивановиць:
— На пріѣзди ты гостя не учёстовалъ,—
На отъѣзди тибѣ гостя не учёстовать!—
Только видѣли—Потыкъ-отъ собираитце,
Да не видѣли поѣздоцьки богатырьскія.
Конь скакалъ черезъ стѣну-ту городо́вую,
Черезъ ту же черезъ башню науго́льнюю.
Они день-отъ какъ ѣдутъ съ утра до вечора;
Состыгала тутъ Потыка ночька тёмная;
Розоставилъ вѣдь Потыкъ какъ бѣло́й шатёръ,
Розоставилъ кроваточьку со нові́хъ-то [1]) костей,

[1]) См. прим. къ № 99, ст. 12. *Собир.*

Со новы́хъ-то костей да съ зуба рыбьёго
Да валилсэ со Мареушкой—лебедь бѣлыя.
Розьсердилась-то на ёго Мареушка, лебедь бѣлая.
Обвернула ёго да чёрнымъ ворономъ,
Приказала летѣть ёму по поднебесью;
Онъ леталъ-то всю ноцьку осённую,
А осённу-ту ноцёньку до бѣла́ свѣту.
Обвернула другой разъ да какъ добры́мъ конёмъ,
Да сама-то садилась какъ на добра́ коня,
Она ѣзьдила-то всю ночьку осённую;
До того жа онъ ѣзьдилъ до бѣла́ свѣту,
Пролёжалъ онъ весь день съ утра до вец(ч)ёра.
Обвернула она тогда горносталюшкомъ,
Приказала копатьце да подъ кореньицёмъ;
Копалсэ Потыкъ до бѣла́ свѣту,
Приломалъ онъ свою да буйну голову.
Да тогда-то овернула-то сѣрымъ камешкомъ,
Она бросила ка́мешокъ во ц(ч)исто́ полё,
Да сама она валилась въ новой бѣло́й шатёръ.
Да во ту-ту пору де, какъ во то время
Ужъ какъ ѣхалъ государь нашъ Илья Муромець,
Ише самъ говорилъ-то да таковы рѣци:
„Ише колько въ цисто́мъ поли не ѣзживалъ,
Ужъ какъ этого камешка не видывалъ."
Онъ вѣдь бралъ тогды ка́мешокъ на бѣлы́ руки
Да металъ этотъ камешокъ по поднебесью;
Ужъ какъ выскоц(ч)илъ у камешка Потыкъ сынъ Ивановиць.
Говорилъ государь тогды таковы рѣчи:
„Ты постой-ко-се, Потыкъ, во чисто́мъ поли;
Я пойду-то ко Мареушки во бѣло́й шатёръ."
Да пришолъ-то вѣдь государь-отъ во бѣло́й шатёръ,
Повалилсэ вѣдь къ Мареушки—лебедь бѣлыя;
Да накинула Мареушка праву́ ногу,
Да хватила она-то ёго право́й рукой;
Ише хоцётъ-то здушить-то осударя Илью Муромця.
Да скакалъ государь тогды на рѣзвы́ ножки,
Ише бралъ-то вѣдь Мареушку за русу́ косу,
Ужъ какъ вынялъ государь-то какъ три пру́тышка,
Ише начялъ стягать-то Мареушку, лебедь бѣлую.
Да змолилась-то Мареушка, лебедь бѣлая:
„Ужъ ты вой еси, Потыкъ сынъ Ивановиць!
Я не буду теперь-то да зьмѣя лютая,

Я вѣдь буду теперецн молода жона."
Ише про́спалъ государь ноць-ту да до бѣла́ сьвѣту.
Тогда садились они да на добры́хъ коней:
А́ садилъ-то вѣдь Потыкъ Мареушку позади собя;
Да поѣхали они тогда въ крашонъ Кіевъ градъ,
Да наѣхали они на зьмѣю лютую;
А горитъ у ей зьмѣиноё подворьицё.
„Ты сойми-ко-се, Потыкъ, да свой сафьянъ сапогъ,
Ты залей-ко моё зьмѣино гнёздышко;—
Я тѣ здѣлэю добро-то какъ великоё."
Да сходитъ-то Потыкъ со добра́ коня,
Скинива́ётъ какъ свой сапогъ сафьянныя,
Да зачёрьпывать свѣжо́й воды ключёвыя,
Да заливатъ онъ зьмѣино гнёздышко [1]).
Да по ихному было да какъ по 'тъѣзду-то,
Да пріѣхалъ во Кіевъ король какъ Тульскія [2]);
А онъ выигра́лъ у Владимёра золотой казны сорокъ тысечей,
А онъ выигра́лъ у Владимёра двѣнадцеть-то ка бога́тырей,
А во ти жо во пѣшки онъ, во шахматы.
„Ужъ ты гой еси, Потыкъ да сынъ Ивановиць!
Послѣ васъ-то пріѣхалъ король земьли Тульскія;
Онъ вѣдь выигралъ у меня золотой казны сорокъ тысечей,
Онъ вѣдь выигралъ у мня двѣнадцеть-то какъ богáтырей,
А тогды съѣзди ты, Потыкъ да сынъ Ивановиць,
Ко тому жо королю да земьли Тульскія,
Отыграй ты золоту казну, сорокъ тысечей,
Отыграй-ко-се ты двѣнадцеть какъ бога́тырей."
Да отправилсэ Потыкъ да въ земьлю Тульскую,
Ко тому королю-ту да земьли Тульскія.
Пріѣзжалъ вѣдь Потыкъ да сынъ Ивановиць,
Ише самъ говорилъ ёму таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, король да земьли Тульскія!
Я пріѣхалъ играть во пѣшки-ти, какъ во шахматы".
Они садились играть съ королёмъ де земьли какъ Тульскія.
Да недолго вѣдь Потыкъ какъ отыгрывалъ:
Онъ вѣдь ступь-ту вѣдь ступилъ, на другой вѣдь матъ даётъ.
Отыгралъ-то у ёго золотой казны сорокъ тысечей,
Отыгралъ у ёго двѣнадцеть-то всихъ бога́тырей,

---

1) Стихи 203—211 Чекалевъ припомнилъ и вставилъ въ это мѣсто при разсказѣ о смерти Мареы (ст. 252). *Собир.*

2) Турскій, турецкій. *Собир.*

Онъ вѣдь выигралъ у его да любимую доць,
Да любиму-ту доць да одинакую
Ише на́ имя Овдотьюшку, лебедь бѣлую;
Да поѣхалъ вѣдь Потыкъ въ крашонъ Кіёвъ градъ.
Да стрѣчятъ его Владимёръ-отъ стольнё-кіеськой,
Да стрѣцяётъ Опраксе́я Королевичьня.
Да привозитъ золотой казны сорокъ тысечей,
Да привозитъ двѣнадцеть да какъ бога́тырей.
Да узнала тутъ Мареушка, лебедь бѣлая,
Какъ сосваталсэ на Овдотьюшки-лебедь бѣлыя,
Да сама говорила таковы рѣци:
„Мы поѣдёмъ съ тобой да какъ вѣнцятисе;
Мы положимъ таку заповѣдь великую:
Да которой умрётъ, другому живому во гробъ легчи,
Шьтобы выкопать могила трёхъ локо́тъ“.
Обвѣнцялсе вѣдь Потыкъ сынъ Ивановичь.
Умёрла-то у его да Мареушка, лебедь бѣлая;
Повалили вѣдь Мареушку во гробъ въ огромныя
Да наверхъ-то вѣдь Потыка сына Иванова
Зарывали во ту могилу-ту во глубокую.
Да на ето государь-то какъ догадьливъ былъ:
Привезалъ какъ ко гробу колокольцикъ-отъ,
Ишше вы́вёлъ изъ могилы проволо́ку жа.
Втипоръ скакала Мареушка, лебедь бѣлая,
Ише заце́ла душить-то Потыка сына Иванова.
Зазьвенѣлъ-то вѣдь мѣдной колокольцикъ-отъ,
Зазьвонила-то про́волока-та какъ желѣзная.
Не дозволятъ-то законъ розрыть могилу-ту.
Да во ту-то пору, да какъ во то́ время
Налетѣла зьмѣя да какъ вѣдь лютая,
Она на́цяла рыть-то да какъ сыру́ землю,
Она вырыла Потыка сына Иванова
Да втипо́ръ тутъ же Мареушку, лебедь бѣлую,
Опалила она Потыка сына Иванова,
Ише будто его да головёнушку.
Говорилъ восударь-то да Илья Муромецъ:
„Ише надоть вѣдь здѣлать ре́инка высокая,
Надоть зьдѣлать-то пе́тёлка варёная.
Повели-то вѣдь Мареушку, лебедь бѣлую,
Да повёлъ-то вѣдь Потыкъ сынъ Ивановичь;
Онъ вѣдь вывёлъ на ре́ину высокую,

Да хотѣлъ онъ сунуть ей въ петёлку варёную.
Да на ето государь-отъ да какъ догадьливъ былъ:
Онъ вѣдь сталъ подъ реинку высокую;
Она сунула Потыка сына Иванова,—
Да махнулъ государь-то да саблёй вострою
Да по той жо по рёины высокою;
Да упалъ-то вѣдь Потыкъ на сыру́ землю.
Да скакалъ-то государь-отъ да Илья Муромецъ
Да на ту жа на реинку высокую,
Онъ вѣдь сунулъ тутъ Мареушку въ петёлку варёную.
Задавилась тогды Мареушка, лебедь бѣлая.
Да росклали огонь, большой пожогъ,
Повалили тутъ вѣдь Мареушку, лебедь бѣлую,
Повалили вѣдь Мареушку на большой пожогъ
Да сожгли-то её какъ тѣло бѣлоё,
Ише пепелъ какъ розьвѣели по цисту́ полю.
Говорилъ государь тогды таковы рѣци:
„Ужъ ты сукинъ сынъ, Потыкъ сынъ Ивановиць!
Говорилъ тогды я тибѣ таковы рѣчи:
„Ты не ѣзьди во землю-то во Задоньскую,
Не бери-тко-се ты Мареушки-лебедь бѣлыя:
Тѣ не будётъ вѣдь Мареушка молода жона,
Тебѣ будётъ вѣдь Мареушка зьмѣя лютая“.
Поѣжай-ко-се теперечи къ королю-то какъ вѣдь Тульскому,
Ты возьми-тко-се Овдотьюшку, лебедь бѣлую“ [1]).
Да отправилсэ вѣдь Потыкъ-то сынъ Ивановичь;
Ише съ имъ-то поѣхалъ государь-отъ да Илья Муромецъ,
Да поѣхалъ Добрынюшка Микитиць-отъ;
А пріѣхали къ королю-ту за земьли Тульскія.
Онъ не сталъ-то давать Овдотьюшки-лебедь бѣлыя;
Они нёцёсно взели Овдотьюшку, лебедь бѣлую,
Увезьли-то они да въ крашонъ Кіевъ-градъ.
Повѣнцялсэ тогды Потыкъ сынъ Ивановичь
А со той же Овдотьюшкой-лебедь бѣлыя.

101.

Дюнъ.

Ужъ какъ не было на силу-ту на Самсонову,
Да на сильнёго Самсона-та Колыба́нова,

[1]) Сказатель уже позабылъ о томъ, что Потыкъ еще раньше привезъ Овдотью. *Собир.*

Да на сцястьё государя Ильи Муромця,
Да на вѣ́чьво[1]) Добрынюшки Никитичя,
Да на ярость-ту Олёшеньки Поповичя,
На злату казну Саткá, купц(ч)я богатого,
На строеньицё Дюка сына Стёпанова.
А у Дюка былъ домъ-отъ да на сёми вёрстахъ.
Кругомъ Дюкова было вѣдь широкá двора,
Ведёнá была ограду̀шка булатная;
Насажоны были столбицьки серебряны,
Насажоны были столбики позолóчёны,
Ужъ какъ мѣдныхъ, желѣзныхъ числа-смёту нѣтъ.
Да закрытъ какъ вѣдь домъ мѣдью козаркою,
А котора-та мѣдь дороже красна золота.
Да настроёны у Дюка-та были кузьницы,
Да настроёны у Дюка-та были банёчьки.
Да не бѣленька берёзка-та къ земьли клонитце,
Ише Дюкъ-отъ передъ матерью низко кланилсэ:
„Ты спусьти миня, маминька, съѣздить въ кра́шонъ Кіевъ градъ,
Посмотрить-то мнѣ князя Владимѣра
Да со той же съ Опраксеёй-то Королевичьнёй".
Не спушшатъ ёго маменька родимая:
— Ты поѣдёшь, моё цядышко ты милоё,
Да напьёсьсэ ты зелёна́ вина,
Да во хмѣлю-то, моё чядышко, не устроисься[2]),
Да захвасташь своимъ-то да широкимъ дворомъ,
Да захвасташь своею ты рóдной матушкой.
Ужъ какъ Дюкова-та была матушка:
Она дровцеми топитъ кипарисныма,
Она помёлышками па́шотъ да семишолковы,
Пекётъ она колачики круписцяты;
Да колач(ц)икъ-отъ съѣшь—другого хочетца,
А другого-та съѣшь—о третьёмъ душа бажи́тъ.—
Да просилса вѣдь Дюкъ-отъ по второй наконъ;
Не спушшаётъ ёго маменька родимая.
Да просилсэ вѣдь Дюкъ-отъ по третéй наконъ;
Да спустила ёго маменька родимая.
Одѣвалъ тогды Дюкъ-отъ платьё зблото,
На коня-то—уборъ да какъ серебряной,
Да поѣхалъ тогды Дюкъ-отъ въ крашонъ Кіевъ градъ.

---

[1]) Вѣжство. *Собир.*
[2]) Остережешься, устоишь? Ср. стр. 108, ст. 251: „неуступчиво". *Собир.*

Пріѣжалъ тогды Дюкъ-отъ въ крашонъ Кіевъ градъ,
Да ко той же пріѣжалъ да ко Божьёй церьквы́;
Да заходитъ вѣдь Дюкъ-отъ да во Божью церькву;
Онъ вѣдь крестъ-отъ кладётъ да по писáному,
Какъ поклонъ-отъ ведётъ тогды по учёному;
Онъ вѣдь кланеитце чюднымъ образамъ.
Огледѣлись попы-ти вси, какъ дьяконы
На того жо на дородьнёго на молодца,
Они пѣть-то, читать да помѣшалисе.
Отслужили тогды-то да во Божьёй церьквы,
Ише вонъ-то пошли да изъ Божьёй церьквы.
Ише звалъ его государь-отъ [1]) на почёсной пиръ:
„Добро жаловать, да Дюкъ-отъ всё Стёпановичь,
Хлѣба, соли ко мнѣ-ка ись да вина съ мёдомъ пить!“
А они приходятъ во гривьню-ту да княженёрскую
Да садятце за столы-ти за дубовыя.
Да подносятъ винцё-то, пиво стоканц(ч)иками.
А сидитъ-то вѣдь Дюкъ-отъ да сынъ Стёпановичь—
Да повѣсилъ-то свою-ту буйну голову,
А ничимъ-то сидитъ онъ какъ не хвастаётъ.
Да ставалъ тогды государь-отъ на рѣзвы́ ноги,
Онъ вѣдь взялъ-то чярочьку въ полведра вина,
Наливалъ эту чярочьку зеленá вина,
Подносилъ тогды вѣдь Дюку сыну Стёпанову.
Да прималъ онъ ету чярочьку единóй рукой,
Выпивалъ онъ ету чярочьку на еди́ной духъ;
Да вторую наливалъ ёму полтора ведра;
Принималъ-то ету чярочьку единóй рукой,
Выпивалъ онъ ети чярочьки на единой духъ.
Хмѣлинушка въ головы тогды росходиласе;
Онъ захвасталъ тогды своимъ широки́мъ дворомъ
Да захвасталъ своею родной матушкой:
„Проживу я у васъ во Кіеви три годика,
Ише кажной день носить стану платьё смѣнноё“.
Да нехто тогды по Дюки-то не ручяютце;
Говорятъ-то вѣдь Дюку сыну Стёпанову:
— Да засельщина, дѣтина, деревеньщина!
Ужъ ты пьяной напилсэ да приросхвасталсэ.—
Поручилсэ по Дюки-то государь-то да Илья Муромець;
А тогды отправили ко царству Дюкову

1) Илья Муромецъ, вмѣсто князя Владимера. *Собир.*

Описать ёго-то какъ имѣньицё.
Да какъ жили у Дюка-та ра́вно три года,
Описали одны они ку́знеци съ банеми.
Розьсердилась тогды Дюкова-та матушка,
Отписала вѣдь князю Владимеру:
„Да вы продайте-тко Кіёвъ со Церниговымъ,
Вы купите бумагъ-то со чернилами;—
Вы тогда-то опишите моё имѣньицё.
Вы спустите тогды моёго цяда милого,
Да во свой-отъ спустите во широкой дворъ“.
Отпустили тогды Дюка сына Стёпанова
Да во свой-то ёго да во широкой дворъ,
Ко своей-то родимой да какъ ко матушки.

102.

Козарушко (Коза́ринъ).

На роду-ту Козарушка попорьтили,
Отець съ матерью Петровиця не злюбили,
Отсылали Козарушка ко бабушки,
Да ко бабушки Петровиця къ задво́рёнки,
Не велѣли корьмить хлѣбомъ круписцятымъ,
Не велѣли поить водой мёдо́выя;
Да велѣли корьмить хлѣбомъ гнилымъ жа всё
Да велѣли поить водой со ржавчинкя.
Ужъ какъ тихъ рѣцей бабушка не варуётъ;
Да корьмила Козарушка хлѣбомъ круписцятымъ
Да поила Петровиця водой мёдо́выя.
Ише сталъ вашъ Козарушко пети́, шти лѣтъ,
Ише сталъ-то по улочьки похаживать,
Ише съ малыма ребятушками поигрывать.
Ёго дразьнятъ тутъ маленьки ребятушка:
„Не прямого ты отця, не пря́мой матушки;
Ишше всё ты вѣдь ходишь чюжой выблядокъ!“
Ишше какъ эти рѣчи не въ любви пришли.
Онъ которого ухватитъ какъ вѣдь за́ руку,
Оторвётъ у того да онъ праву́ руку;
Онъ которого ухватитъ какъ вѣдь за́ ногу,
Оторвётъ у того онъ праву́ ногу.
Ише самъ пошолъ втипо́ръ да какъ ко бабушки,
Ише самъ говорилъ ей таковы рѣчи:

„Ужъ ты вой еси, бабушка-задворёнка!
Ты скажи-тко-се мнѣ, да кто у мня отецъ вѣдь, мать:
Миня дразьнятъ тутъ маленьки ребятушка,
Да зовутъ-то меня всё какъ выблядкомъ“.
Говорила ёму бабушка-задворёнка:
— Ужъ ты вой еси, Козарушко Петровиць-отъ!
У тя отецъ вѣдь-то—Пётръ да Коромысловиць,
Ише матушка—Петрова-та молода жона.—
Говорилъ-то Козарушко таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, ты бабушка-задворёнка!
Напеки-тко-сё мнѣ подорожьничковъ,
Ужъ ты дай мнѣ шляпочьку равно тридцеть пудъ;
Ужъ ты дай-ко мнѣ ключёчьку равно сорокъ пудъ“.
Напекла ёму бабушка подорожьничьковъ,
Да дала ёму бабушка тутъ шляпочьку,
А дала ёму бабушка вѣдь ключёчьку;
Да пошолъ нашъ Козарушко искать батюшка.
Да приходитъ Козарушко въ ту дерёвёнку;
Да играютъ на улоцьки маленьки ребятушка;
Онъ вѣдь спрашивалъ да какъ у маленькихъ ребятушокъ:
„Ише гдѣ-то Петрово какъ подворьицё?“
Отвели ёму ребятушка подворьицё.
Да скричялъ-то Козарушко громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты вой еси, Пётръ да Коромысловиць!
Не бывало ли у тя да чядышко милоё
Ише на имя Козарушко Петровичь-отъ?“
Да избёнка у Петра вся попаталасе,
Ставники-ти[1]) у ёго вси покосилисе.
Отвѣцялъ-то Пётръ да Коромысловиць:
— Не бывало у насъ тако чядо милоё.—
Да вѣдь проць пошолъ Козарушко Петровиць-отъ;
Покатились по бѣлу лицю горючи слёзы.
Да пошолъ-то Козарушко во чисто полё,
Розоставилъ бѣлой шатёръ полотьняной,
Да валилсэ онъ самъ во бѣлой шатёръ.
Да выходитъ въ полноць-ту изъ бѣла шатра;
Услыхалъ-то въ чистомъ поли деветь голосовъ.—
Тамъ вѣдь плакала въ чистомъ поли красна дѣвиця:
„Да коса, ты коса, да моя русая!
Да плели тебя, коса, да на святой Руси,

---

[1]) Стойки у окна.

Росплетутъ тебя, коса, да въ проклято́й Литвы.
Кабы былъ у мня вѣдь брателко Козарушко,
Онъ не далъ тутъ поганымъ тотарамъ-то на пору́ганьё“.
Ише о́бралъ Козарушко бѣло́й шатёръ,
Ише самъ побѣжалъ-то да во чисто́ полё,
Онъ избилъ-то всихъ да семь [1]) розбойниковъ,
Ише отнялъ у ихъ свою да какъ родну́ сёстру;
Ише сами пошли они ко батюшку,
Ко тому жо Петру-ту Коромыслову.
Приходятъ ко ёго-то да ко подворьицю;
Да скричялъ тогда Козарушко громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты вой еси, Пётръ да Коромысловицъ!
Не бывало ли у тя-то да цядо милоё
Ише на́ имя тутъ Мареушка, лебедь бѣлая?“
Да выскакивалъ Пётръ тогда на улицю
Со своей-то онъ да съ молодой жоной:
— Да бывало у мня тако чядо милоё
Ише на́ имя тутъ Мареушка Петровна-та.—
Ише бралъ онъ вѣдь Мареушку за праву́ руку
Да повёлъ-то вѣдь Мареушку въ свою горьницю,
Ише тутъ же пригласилъ да Козарушка Петровиця.

103.

Чурило и невѣрная жена.

А на вёшной на празьничёкъ на Троицю
Нападала поро́шиця снѣжку бѣлого.
А по той по порошици, по бѣлу́ снѣжку́
Ише шло-прошло два брателка назва́ныя,
Два назва́ныя брателка, крестовыя:
Во перьвы́хъ-то шолъ Чюри́лушко Петровичь-отъ,
Во вторыхъ-то шолъ Олёшенька Поповичь-отъ.
А Чюрилушко пошолъ-то де къ широку́ двору,
Онъ колотитьце у серебряна колечушка.
Услыхала тутъ дѣвушка-служаночька,
Да любимая Васильёва племе́нёнка;
Отпирала окошочька немножоцько,
Да сама говорила-то потихошенько:
„Ише хто у насъ колотитьце у колечушка?“
Отьвѣчялъ ей Чюрилушко Петровичь-отъ:

---

[1]) Ср. № 97, ст. 27. *Собир.*

— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночька,
Да любима ты Васильёва племенёнка!
Дакъ у тя дома ли дедюшка родимыя?—
Отьвѣчяла ёму дѣвушка-служаночька:
У мня нѣту вѣдь дедюшки родимого:
Да ушолъ-то у мня дедюшка во Божью́ церькву
Да онъ четья́-то, пѣнья́ слушать церьковного,
Онъ того жа де звону-ту колокольнёго."
— У тя дома ли дѐдинка родимая?—
Отвѣц(ч)яла ёму дѣвушка-служаночька:
„У мня дома тутъ дединка родимая:
Да злёжитъ у мня дединка въ задьнёй горници."
— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночька!
Ты поди скажи дединки родимыя:
„Какъ пришолъ-то къ тебѣ да небывалый гость
Дакъ ише на́ имя Чюрилушко Петровичь-отъ."
Я вѣдь дамъ тебѣ, дѣвушка, три денёжки,
Три денёжки-то дамъ да какъ три золотыхъ.—
Побѣжала тутъ дѣвушка въ задьню горницю
Да сказала тутъ дединьки таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, дединка родимая!
Да пришолъ-то какой-то къ тебѣ-ка небывалый гость
Ише на́ имя Чюрилушко Петровичь-отъ."
Да скакала тогды дединка на рѣзвы́ ножки,
А бѣжала тутъ дединка по новы́мъ сѣнямъ,
Какъ отпирала тутъ дединка сѣни на́ пяту,
А сама говорила-то таковы рѣчи:
„Да не грѣло-то солнышко, не сьвѣтило,
Да тепере праведи́мо-то высоко взошло!"
Да обнимала Чюрилушка за бѣлу́ шею,
Понабрала (?) она Чюрилушка за праву́ руку,
Повела она Чюрилушка въ задьню горьницю,
Скинива́ла у Чюрилушка сибироцьку,
Скинивала у Чюрилушка сапожочьки
Да валилась со Чюрилушкомъ на кроватку спать.
Да Олёшенька пришолъ вти́поръ во Божью церкву́;
Онъ вѣдь крестъ-отъ кладётъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по уч(ц)ёному,
Онъ вѣдь кланялсэ-то чюднымъ о́бразомъ,
Ише въ ли́шшецю-ту кланялсэ Василью Переме́тьѣву.
Его спрашивали да попы, дьяконы:
„Ты какой-отъ идёшь да какимъ словёшь?"

— Я слову-ту Олёшенькой Поповичёмъ.
Насъ вѣдь шло-прошло два брателка названыя:
Во перьвыхъ-то шолъ Чюрилушко Петровиць-отъ,
Во вторыхъ-то шолъ я, Олёшенько Поповиць-отъ.
Какъ Чюрилушко пошолъ къ Васильёву широку двору,
Да къ Васильёвой ушолъ онъ къ молодой жены;
Я Олёшенько пришолъ да во Божью церькву
Какъ четья-та, пѣнья слушать церьковного,
Я того жа вѣдь слушать-то звону колокольнёго.—
Ише бралъ-то Васюльюшко шляпочьку со спичечки,
Ише самъ-то пошолъ да изъ Божьёй церьквы,
А повѣсилъ свою-ту буйну голову.
Онъ приходитъ къ своёму-ту широку двору,
Онъ колотитьце за серебряно колечюшко.
Услыхала тогды дѣвушка-служаноцька,
Да любимая Васильёва племёнёнка,
А сама говорила-то таковы рѣчи:
„Ише хто у насъ колотитьце у колечюшка?"
Говорилъ-то ей дедюшка родимыя:
— Отпирай-ко ты, дѣвушка-служаночька.—
Да скакала тутъ дѣвушка на рѣзвы ножки,
Побѣжала тутъ дѣвушка по новымъ сѣнямъ,
Отьпира тутъ дѣвушка двери на пяту.
Говорилъ вѣдь дедюшка таковы рѣчи:
— Ужъ ты вой еси, дѣвушка-служаночька!
Ише хто-то вѣдь у насъ есь небывалой гось?—
Отьвѣчяла ёму дѣвушка-служаночька:
„Какой-то пришолъ Чюрилушко Петровичь-отъ,
Да ушолъ онъ вѣдь съ дединкой въ задьню горьницю".
Отьпиралъ тогды Васильюшко въ горьници двери на пяту.
Завернула Чюрилушка во periночьку.
Говорилъ тогды Васильюшко таковы рѣчи:
„Ише чья эта сибирочька на спичёчьки?"
Отвѣчяла ёго да молода жона:
— Ужъ какъ были тутъ бабушкины робятушка
Да оставили у мня эфту сибирочьку.—
„Ише чьи эти сапожочьки подъ кроваточькой?"
Отьвѣчяла ёго-то молода жона:
— Ужъ какъ были тутъ бабушкины робятушка
Да оставили сапожки-ти подъ кроваточькой.—
Розьвернулъ тогды Васильюшко пиринушку;—
Да лёжитъ-то Чюрилушко Петровичь-отъ.

Онъ вѣдь выхватилъ свою-ту саблю вострую
Да отсѣкъ у Чюрила-та буйну голову.
Говорила Васильюшку молода жона:
„Соберёмъ мы, Васильюшко, пиръ навéсели,
Шьто уходилъ у мня Чюрилушка Петровичя.“
Ишше сóбралъ Васильюшко пиръ навéсели.
Наливала она имъ два стоканьчика,
Наливала она да зелья смёртного,
Подносила Васильюшку Перемéнтьёву,
А другой-отъ вѣдь дѣвушки-служаночьки,
Да любимой-то Васильёвой племéнёнки.
Выпивали они-то да зельё смертноё;
Приходила имъ тутъ конч(ц)ина свѣту бѣлого.

104.

Камское побоище.

(Отрывокъ [1]).

„Ужъ ты вой еси, Добрынюшка Микитичь-отъ!
У тибя, у Добрынюшки, рука лёккá,
Да рука-та лёкка да какъ перо вострó.
Ужъ я буду-ту тебѣ, Добрынюшка, росказывать:
Въ перьву голову—Самсона ты Колыбáнова,
Втору голову—Дуная-та Переслáвьёва,
Въ третью голову—Гаврюшу-ту Долгополого;
Да пиши-тко Луку Толстоременьника,
Да обѣхъ пиши съ племéньникомъ;
Ужъ ты Рóшшу пиши-тко, Рошшиби колпакъ,
Рошшиби колпакъ пиши съ племеньникомъ,
Да двухъ братьицей пиши-тко-сь, да двухъ Збродовичей,
Да двухъ братьицей пиши-тко-се двухъ Поповицей,
Да пиши-тко-се Потанюшку-ту Хрóмого,
Да пиши-тко-се Дюка сына Стёпанова,
Да пиши-тко-се Матьвѣюшка Петровичя [2]).“
Да собиралось тутъ богáтырей тридцеть безъ единого,
Да тридцятой—государь нашъ Илья Муромець.

---

[1]) Чекалевъ знаетъ всю старину, но я не успѣлъ записать ее цѣликомъ. Когда онъ разсказывалъ ея содержаніе, я замѣтилъ нѣкоторыя особенности въ перечисленіи богатырей и потому записалъ это перечисленіе,—какъ всегда, съ пѣнія. *Собир.*

[2]) Его Илья посылаетъ созвать дружину. *Собир.*

105.

Сорокъ каликъ со каликою.

Собираласе дружиночька, соро́къ каликъ,
Ужъ какъ сброкъ каликъ-то да со каликою.
Атаманомъ тутъ Касьянъ-то да сынъ Ивановицъ,
Подъата́маньё Михайлушко Михайло́вичь-отъ.
Они клали таку заповѣдь великую:
„Ише хто-то изъ насъ, братцы, заплуту́итьце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, завоpуитьце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, за блудо́мъ пойдётъ,—
Не ходить тогды вѣдь намъ не подъ царской судъ,
Не подъ царской-отъ судъ да не подъ княжеской;
Ну такого чёловѣка судить своимъ судомъ:
Ише ясны-ти оци тянуть косицеми,
Да рѣчистой-отъ языкъ тянуть тёменёмъ,
Да ретивоё сердечюшко промежу́ плечи,
Да жогчи́ будёмъ селитрушку на бѣлы́хъ грудяхъ,
Да отсѣ́кчи втѣпо́ръ да буйна голова,
Розьмётать ёго тѣло по чисту́ полю.“
Они здраво [1]) идутъ-то въ полё чистоё;
Да пошли ети калики въ Еруса́лимъ-градъ
Они Господу-Богу-ту помолитисе,
Ко Господьнёму гробу-ту приложитисе,
Во Ердань-рѣки-то да окупатисе.
Имъ вѣдь стрѣтилсэ Владимёръ на чисто́мъ поли;
Скинива́ётъ свою-ту шляпу пуховую:
„Ужъ вы здрастуйте, сорокъ каликъ со каликою!“
— Ужъ ты здрастуй, нашъ Владимёръ да стольнё-кіеськой!—
Говорилъ-то имъ Владимёръ да таковы рѣчи:
„Ужъ вы вой еси, сорокъ каликъ со каликою!
Ужъ вы спойте-тко мнѣ стихъ Еле́ньскія
Не слыхалъ-то я у васъ стиху́ Еленьского“.
Становилисе калики во единой кругъ,
Во единой кругъ калики-ти на зелёной лугъ,
Востры копьиця въ земьлю-ту испоты́кали,
Они суночьки-котомочьки исповѣсили;
У ихъ суночьки-котомочьки рыту бархату,
А подсуночьки у ихъ-то де красного золота;

---

[1]) Ср. стр. 460—1. *Собир.*

Да какъ запѣли калики-то стихъ Еленьскія.
Ужъ какъ матушка сыра земьля потряхаласе;
Подъ Владимёромъ конь-отъ подтыкаитьце,
Да упалъ на колѣнки конь на сыру́ землю,
Да упалъ-то Владимёръ-то со добра́ коня.
Говорилъ тогды Владимёръ-отъ таковы рѣчи:
„Ужъ вы сорокъ каликъ-то да со каликою!
Ужъ вамъ полно пѣть-то стихъ Еленьскія;
Не могу-ту я у васъ больше слушати“.
Перестали калики пѣть стихъ Еленьскія.
Да ставалъ тогда Владимёръ на рѣзвы́ ноги,
Ише самъ говорилъ-то таковы рѣчи:
„Да имѣнья у мня въ собой не случилосе,
Золотой-то казны при мнѣ не пригодилосе;
Вы подите-тко-се да въ крашонъ Кіёвъ градъ,
Да къ моей-то вы подите къ молодой жоны
Ише на́ имя къ Опраксеи-ти Королевисьни:
Она заплатитъ вѣдь вамъ за стихъ Еленьскія“.
Да пошли эфти калики въ крашонъ Кіевъ градъ;
Да приходятъ ко гривни-то княженѐрскія,
Они просятъ тутъ милостину спасёную.
Увидала-то Опраксея Королевисьня,
Отпирала окошоч(ц)ька немножочько,
[Да сама говорила потихошенько]
Подала имъ вѣдь милостину спасёную.
Увидала ту прекрасного подата́манья
Ише на́ имя Михайлушка Михайло̀вичя,
Да сама говорила-то таковы рѣчи:
„Добро жаловать ко мнѣ-ка хлѣба, соли ись,
Хлѣба, соли ко мнѣ ись да вина съ мёдомъ пить!“
Заходятъ калики во гривни-ти княженерскія;
Да садила она за столы дубовыя,
Угошшала ихъ да пивомъ пьяныя,
Пивомъ пьянымъ-то ихъ да хлѣбомъ, солью жа.
Ише тутъ ити каликомъ начьле́говать;
Розьвела ихъ каликъ вси во разны комнаты,
Да Михайлушка увела во свою спальную,
Да валила ёго на свою кроваточьку,
А сама говорила-то таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, прекрасно ты подъата́маньё!
Сотворимъ мы съ тобой любовь сердечьнюю“.

Говорилъ ей прекрасно-то подата́маньё:
— Ужъ ты вой есь, Опраксея ты Королевисьня!
Мнѣ нельзя сотворить любовь сердечьнюю:
У насъ кла́дёна вѣдь заповѣдь великая:
Ише хто-то изъ насъ, братцы-то, заворуитьце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы-то, заплуту́итьце,
Ише хто-то изъ насъ, братцы, за блудо́мъ пойдётъ,—
Да не ходить тогды намъ вѣдь не подъ царской судъ,
Не подъ царской намъ судъ да не подъ княжеской;
Таково́го чёловѣка какъ судить своимъ судомъ:
Ише ясны-ти очи тянуть косичеми,
А рѣчистой-отъ языкъ-отъ тянуть тёменёмъ,
Да ретивоё сердечюшко промежу́ плечьми,
А жогчи́ будёмъ селитру на бѣлы́хъ грудяхъ
Да отсѣкчи втипоръ-то да буйна голова,
Розьмётать-то ёго тѣло по чисту́ полю.—
Проходила тогда ноченька осённая.
Ише про́спалъ Михайлушко до бѣла́ сьвѣта.
Да ставала дружиночька хоробрая,
Собиралась дружиночька во походъ ити.
Понесла тутъ Опраксея ёго на се́рдочьку;
Положила ёму въ суночьку чашу зо́лоту,
Изъ которою Владимёръ по пріѣзди пьётъ.
Да не знало прекрасно-то подъата́маньё
Ише на́ имя Михайлушко Михайло́вичь-отъ.
Да отправились калики-ты во чисто́ полё;
Она послала тутъ сзади Олёшеньку Поповичя:
„Настыги-тко сорокъ каликъ со каликою:
Они украли у мня чяшу-ту какъ вѣдь зо́лоту,
Исъ которой Владимёръ-отъ на пріѣзди пьётъ".
Да поѣхалъ тутъ Олёшенька Поповичь-отъ
Да настыгъ-то сорокъ каликъ со каликою,
Закричялъ-то Олёшенька громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы стойте, сорокъ каликъ со каликою,
Ужъ вы воры, калики да перехожія!
Вы пошьто-то украли у насъ-то да чяшу зо́лоту,
Исъ которой-то Владимёръ по пріѣзди пьётъ?"
Они сне́ли тутъ Олёшеньку со добра́ коня,
Да подштанники [1]) снели у Олёшеньки
Да насѣ́кли Олёши-ти ж... до́ красна.

[1]) Порчо́нка.

Прiѣжалъ-то Олёша-то въ крашонъ Кiевъ градъ,
Говорилъ-то Опраксеи-то Королевичьни:
„Они нé отдали калики мнѣ чяши золотой,
Да насѣкли мнѣ ж...-ту они дó красна“.
Посылать она Добрынюшку Микитиця.
А настыгъ-то Добрынюшка на чистóмъ поли.
Да на это Добрынюшка очéсьливъ былъ;
Ише самъ говорилъ-то таковы рѣчи:
„Ужъ вы сорокъ каликъ-то да со каликою!
Не попала ли вамъ чяша-та красна золота,
Исъ которой Владимёръ на прiѣзди пьётъ?“
Становилисе калики-ти во единой кругъ,
Во единой кругъ калики-ти на зелёной лугъ;
Они стали смотьрить во своихъ суночькахъ
Да нашли-то вѣдь чяшу какъ вѣдь зьлоту
У прекрасного нашли-то да подъатáманья
Ише нá имя Михайлушка Михайлóвичя?
Они отдали чяшу-ту красна золота
Молодыя Добрынюшки Микитичя (sic).
Они стали судить Михайлушка своимъ судóмъ:
Ише ясны-ти очи тянули косичеми,
Да ретиво-то сердечюшко промежý плечи,
А жоглú они селитру на бѣлы́хъ грудяхъ,
Да отсѣкли у ёго-то да буйну голову,
Розьметали ёго тѣло-то по чистý полю,
Ише сами пошли-то во чистó полё.
Обвернулисе назадъ они,—
Да бѣжитъ-то Михайлушко Михайлóвичь-отъ.
Ише зáчели судить они по второй наконъ:
Ясны-ти очи тянули косичеми,
Да рѣчистой-отъ языкъ тянули тéменёмъ,
Да ретивоё сердечюшко промежý плечи,
А жоглú они селитру на бѣлы́хъ грудяхъ,
Да отсѣкли втипóръ да буйну голову,
Ише тѣло розьметали-то по чистý полю,
Ише сами пошли поперёдъ-то по чисту полю.
Овернулисе пазадъ они,—
Да бѣжитъ-то Михайлушко Михайлóвичь-отъ,
Ише самъ онъ говорилъ имъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты вóй еси, дружиночька, сорóкъ каликъ!
Вы напрасно меня-то какъ наказываите:
Я ночёвалъ-то у Опраксеи Королевичьни;

Увела-то она во свою спальницю,
Да валила меня на свою кроваточьку
Да сама говорила таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, прекрасно ты податаманьё!
Сотворимъ мы съ тобой любовь сердечьнюю".
А не согласилсэ я съ ней сотворить любовь сердечьнюю,
Росказалъ свою заповѣдь великую,
Понесла она миня на сёрточьку,
Положила мнѣ-ка чяшу во суночьку".
Да прошшалась съ имъ дружиночка хоробрая,
Шьто—напрасно наказали мы два раза;
Мы не знали тоёго дѣла великаго.—
Какъ отправились калики въ Еруса́лимъ-градъ;
Они Господу-Богу-ту помолилисе,
Во Ёрдани, въ рѣки́-ти да окупалисе,
Ко Господьнёму гробу-ту приложилисе.

106.

Иванъ Грозный.

Да къ цёму де пріутихло-то морё синёё,
Да къ цёму де пріуныли круты бережка,
Почёму де призасохли рѣцьки быстрыя,
Почёму не побѣжали ручьи мелкія?
— Потому де пріутихло-то морё синёё
Потому де пріуныли-ты круты бережка,
Да потому не побѣжали ручьи мелкія,—
Какъ представляитце цариця-та благовѣрная,
Да сама-то царю она наказыватъ:
„Ты Грозёнъ ты вѣдь царь Иванъ Васильёвиць!
Ты не будь-то грозёнъ да до солдатушокъ,
А не будь ты вѣдь строгъ до малыхъ дѣточёкъ.
Я ишшё-то накажу тибѣ наказъ великія,
Я великъ-отъ тѣ наказъ накажу, немалыя:
Не бери-тко се ты замужъ Марьи Берблю́ковны,—
А не будётъ тебѣ Марьюшка молода жона,
Ужъ какъ будётъ тебѣ Марьюшка зьмѣя лютая".
А представиласъ цариця-та благовѣрная.
Ише собралъ тутъ царь-отъ пиръ навёсели;
Ише самъ говорилъ-то да таковы рѣци:
„Ужъ я вывёлъ-то измѣнушку изъ Кіева;

Привезу я вѣдь правдушку изъ чиста́ поля“ [1]).
Ише было у царя-то да цядо милоё,
Ише мило-то вѣдь чядышко одина́коё
Ише на́ имя Васильюшко Ивановиць;
Ише о̂тъ роду Васильюшку было двадцеть лѣтъ.
Говорилъ-то Васильюшко таковы рѣчи:
— Ты Гро̂зёнъ ты нашъ царь Иванъ Васильёвиць!
Ужъ ты вывёлъ вѣдь правдушку изъ Кіёва;
Привезёшь ты изьмѣнушку изъ чиста́ поля.—
Розьсердилсэ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць
На своёго на чядышка на милого;
Приказалъ отьвезьти ёго во чисто́ полё
Да отсѣкц(ч)и ёго вѣдь какъ буйну голову,
Принести-то ёго голову на торе́лоцьки.
Отвели-то Васильюшка во чисто́ полё,
Шьтобы не видалъ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць.
Они при́брали поганого тотарина,
Шьто такой же вѣдь есь—Васильюшко сынъ Ивановиць,
Да отсѣкли у Васильюшка [2]) буйну голову.
Да какъ поѣхалъ тутъ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвиць,
Онъ поѣхалъ во то жо во чисто́ полё,
Да привёзъ онъ вѣдь Марьюшку Верблюковну,
Ише взялъ онъ за себя да обвинцялсэ.
Да у Марьюшки была-то да какъ родна́ сёстра.
Называлась она да муськи́мъ имено̂мъ—
Кострюко̂мъ Мастрюко̂мъ сыномъ Ивановымъ;
Захотѣла она-то да какъ боротисе,
Да искала себѣ она поединшика;
Да нехто противъ ей да какъ не вы́скивалсэ.
Она много згубила народу-ту православного.
Да спокаелсэ Грозной царь Иванъ Васильёвиць,
А шьто взялъ-то вѣдь Марьюшку Верблюковну;
Онъ вѣдь спомнилъ наказъ своей жоны благочесли́выя;
Пожалѣлъ тогды своего-та чяда милого
Ише на́ имя Васильюшка Иванова.
Да выходитъ тогды Потанюшка де Хроменькой.
Ише самъ вѣдь говорилъ онъ таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь!
Ужъ ты какъ мнѣ прикажошь съ ей поборотисе?“

---

[1]) Измѣна и правда—двѣ жены Грознаго. *Собир.*

[2]) Т. е. татарина, похожаго на Васильюшка. *Собир.*

Говорилъ-то Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь:
— Ужъ ты вой еси, Потанюшка ты Хроменькой!
А борись-ко-се, Потанюшка, какъ Бохъ поможотъ тебѣ.—
Да схватилсэ съ Кострюкомъ сыномъ Ивановымъ.
Онъ изъ платьиця-та ей да какъ повылупилъ
Да хребётну-ту костоцьку повыломилъ;
А упала Кострюкъ Мастрюкъ на сыру земьлю.
Тогды увидялъ Потанюшка вѣдь Хроменькой,
Шьто не мужикъ-то вѣдь есь, да какъ вѣдь водитьце.
Да со-съ того со стыду она со великого
Затянулась она-то да подъ крылечюшко,
Ише гдѣ-ко собаки-ти какъ приносятце.
Росьсердиласе её-то сестра милая
Ише на́ имя-то Марья Верблюковна;
Побѣжала она вѣдь въ задьню горьницю,
Надѣвала свою шляпу богатырьскую:
Ей поддѣлали въ шляпу-ту вѣдь ку́тило[1]),
Да надѣла на свою-ту буйну голову;
Ише шляпа-та была да равно тридцеть пудъ;—
Ише тутъ она да закололасе.
Ише зра́довалсэ Грозёнъ царь Иванъ Васильёвичь,
Ишше самъ онъ говорилъ-то таковы рѣчи:
„Охте-те-мни-чки-то мнѣ тошнёхонько!
Уходилъ я своёго-то чяда милого
Ише на́ имя Васильюшка Ивановичя!“
Привели къ ёму Васильюшка Иванова,
Ише сами говорили да таковы рѣчи:
„Ты Грозёнъ ты нашъ Иванъ Васильёвиць!
Мы отсѣкли у тотарина буйну голову,
Принесли тогды къ тебѣ-ка на торелочьки;
Пожалѣли мы Васильюшка Иванова“.

VIII.

Өедоръ Пареенович ***Сѣдуно́въ***, грамотный старикъ лѣтъ 60, любитель покурить и выпить. Читать и писать онъ выучился у матери, а старины переняль отъ отца, считавшагося замѣчательнымъ сказателемъ. Поетъ онъ сильнымъ, пріятнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово; послѣдняя особенность его пѣнія, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что

---

[1]) См. стр. 21, прим. *Собир.*

въ прежнее время онъ пѣвалъ въ церкви, на клиросѣ. Кромѣ предлагаемой здѣсь былины, онъ поетъ еще нѣсколько старинъ, напр., Сорокъ каликъ со каликою, но не ручается за то, что знаетъ ихъ до конца.

107.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

Намъ не дорого не злато да чисто сёребро,
Дорога наша любовь да молодецкая:
Да какъ злато-то, сёребро минуитца,
Дорога наша любовь не позабудитца,
Да какъ перьва поѣздка да Ильи Муромца
Отъ славного города отъ Мурома
Ко славному городу ко Кіеву.
Онъ уздаётъ, сѣдлаетъ да коня доброго:
Ёнъ кладётъ сѣдёлышко черкальское,
Да подстёгивалъ подпружинки шолковы
Да застёгивалъ пряжечки чиста золота,
А бралъ съ собой мечъ да саблю вострую
И бралъ-то копьё да борзомѣрное,
Онъ приковывалъ ко стремени булатному;—
Не отковывать отъ города отъ Мурома
Да до славного города до Кіева.
Лёкко, скоро скакалъ да на добра́ коня.
А какъ видѣли богáтыря—сряжаитце,
Да не видѣли поѣздки богатырскія;
Только видѣли—въ чистóмъ поли куревà столбомъ.
Ёнъ выѣхалъ нá шóломя окатисто,
Да здрилъ-то, смотрѣлъ на всѣ чéтыре стóроны.
Да со западну видѣлъ со стороночку:
Да не грозна туча поднимаитце,
А стояла-то тамъ сила невѣрная,
Подъ славнымъ-то городомъ подъ Чи́женцёмъ.
Говоритъ-то сударь да Илья Муромецъ;
„Да прости миня Бохъ да въ таковомъ грѣху!
Я клалъ-то вѣдь заповѣдь великую
Да на ту же на мечъ да саблю вострую,
Да на то же копъё да бурзомѣрное;
А тепере мнѣ сабля да нужно-надобно“.
Отпадала-то сабля отъ стремени булатного;
Онъ берётъ-то саблю да во бѣлы́ руки,

Самъ поѣхалъ во ту силу невѣрную.
Онъ рукою махнулъ, дакъ лежитъ улицёй,
Да въ другу [1]) махнётъ, дакъ—переулками.
Онъ пресѣкъ-то вѣдь всю силу невѣрную,
Самъ поѣхалъ-то въ городъ Малой Чиженецъ
Да ко тимъ мужикамъ да мало-чиженцямъ.
Говорятъ мужики да мало-чиженци:
„Ужъ ты вой еси, удáлой доброй молодецъ!
Ужъ ты хошь ли у насъ да царёмъ царить,
Ужъ ты хошь ли у нась да сѣдокóмъ сидѣть?"
Отвѣчатъ имъ восударь да Илья Муромецъ:
— Не хочу я у васъ да не царёмъ царить,
Не царёмъ я царить, не сѣдокомъ сидѣть.
Вы скажите мнѣ про дорожку прямоѣзжую,
Да куда-то ѣздить въ красёнъ Кіевъ-градъ.—
Говорятъ мужики да по второй наконъ,
Говорятъ-то они да по третéй наконъ.
— Не хочу я у васъ вѣдь не царёмъ царить,
Не хочу я у васъ не сѣдокомъ сидѣть.
Вы скажите мнѣ про дорожку прямоѣзжую,
Шьто куда-къ-ли мнѣ ѣхать да въ красёнъ Кіевъ-градъ.—
„Ужъ ты вой еси, удáлой доброй молодецъ!
Да какъ около ѣхать тибѣ будетъ три года,
А прямо-то ѣхать тебѣ три мѣсеца.
Да по той жа дорожки прямоѣзжія
А есь-ли три заставушки великія:
Да какъ перьва застава да лѣсы тёмныя,
Да втора застава да грези чёрная,
Да какъ третья застава—рѣченька Смородина;
А у той же у рѣчки да у Смородинки
У ей нѣтъ переброду да часто-мелкого
Да нѣтъ перескоку да часто-ускаго;
У ней есь черезъ ей одинъ калёновъ мостъ.
У того есь у моста у калёного,
Да сидитъ Соловей на девети дубахъ;
Тамъ не конному, не пѣшому проѣзду нѣтъ,
Да не ясному соколу пролёту нѣтъ:
Да по цѣлому богáтырю съ конёмъ глотатъ".
Тутъ немного богáтырь да розговаривалъ,
Покручé свою лошадку поворачивалъ;

---

[1]) Сторону. *Собир.*

Онъ поѣхалъ по дорожки да прямоѣзжія.
Ай пріѣхалъ вѣдь онъ да къ заставушки великія,
Да вѣдь гдѣ были тутъ грези чёрныя,
Да тамъ-ли стояли да лѣсы тёмныя.
Онъ и сходитъ, восударь нашъ Илья Муромецъ,
Онъ и сходитъ, слѣзаетъ да со добра́ коня;
Онъ одною рукой да онъ коня ведётъ,
Да другою рукой онъ вѣдь дубъё рвётъ,
Да дубъё-ти рвётъ да коню мосъ моститъ.
Онъ проѣхалъ двѣ заставушки великія
Да пріѣхалъ ко третьей заставушки великія,
Ко той же ко рѣчки ко Смородины.
Говоритъ-ли государь нашъ Илья Муромецъ,
Говоритъ-то вѣдь онъ да таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, рѣчинька Смородинка!
На тѣ нѣтъ переброду да часто-мелкого
Да и нѣту перескову да часто-узкого;
Да есь черезъ тебя одинъ калёной мостъ;
У того-то есь у калена́ моста,
А сидитъ Соловей на девети дубахъ,
Онъ, не конному, не пѣшому проходу нѣтъ,
Да не ясному соколу пролёту нѣтъ“.
Онъ самъ говорилъ да таковы рѣчи:
„Да просьти миня Бохъ да въ таковой вины!
Ужъ я клалъ-то вѣдь заповѣдь великую
Да на ту же на лукъ, калену́ стрѣлу:
Не отковывать отъ стремени булатного
Какъ отъ славного города отъ Мурома
Да до славного города до Кіева;
Ай тепере мнѣ лукъ, стрѣла нужно-надобно“.
Самъ поѣхалъ вѣдь онъ ко калену́ мосту;
Заѣзжаётъ-то онъ да на калёной мостъ.
Засьвистѣлъ Соловей посоловьиному,
Заревѣлъ Соловей да позьвѣриному.
Подъ бога́тыремъ конь да спотыкаитце;
Ёнъ и бьётъ-то коня да по крутымъ бедрамъ:
„Ужъ ты волчья-ли пасть [1]) да травяной мѣшокъ!
Зачимъ скоро подъ богатыремъ да спотыкаисьсе?
Онъ берётъ-то вѣдь лукъ да калену́ стрѣлу,
Онъ берётъ во свои да во бѣлы́ руки,

---

[1]) См. прим. 2 къ стр. 348. *Собир.*

Направляётъ Соловейку онъ во правой глазъ.
Да какъ выстрѣлилъ онъ да калену́ стрѣлу,
Она падала Соло́вьюшку во правой глазъ;
Полетѣлъ Соловей со девети дубовъ,
Онъ и падалъ на матушку сыру землю,—
Сыра мать-та земля да потрясаласе.
Онъ берётъ Соловейка да во бѣлы́ руки,
Онъ приковывалъ ко стремени булатному,
Самъ поѣхалъ вѣдь онъ да въ красенъ Кіевъ градъ.
Онъ ѣдётъ во городъ въ красенъ Кіевъ жа,
Да ѣхалъ мимо Соло́вьевъ широкой дворъ.
Какъ было у Соловьюшка три дочери;
Они здрятъ-то вѣдь, смотрятъ во чисто́ полё:
„Вонъ батюшко ѣдётъ да мужика́ везётъ“.
Да втора́ говорила таковы слова:
„Шьто батюшко ѣдетъ да мужика везётъ“.
Да какъ третья говоритъ да таковы слова:
— Да мужикъ-отъ вѣдь ѣдётъ, везётъ батюшка;
Онъ прикованъ ко стремени булатному.—
Они вышли на улочку настрѣчать да Илью Муромця:
„Ты отдай намъ родного нашого ба́тюшка“.
Онъ немного бога́тырь съ им' [1]) розговаривалъ,
Онъ поѣхалъ ко князю да на широкой дворъ
На почёстной пиръ ко князю ко Владимеру.
Онъ мечётъ коня да нерозуздана [2]),
Самъ идётъ-то во гривню да княженецкую;
Онъ крестъ-отъ кладётъ да по писа́ному
Да поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Онъ и бьётъ-то челомъ князю Владимеру
Да книгины Опраксеи да Королевичьни,
И кланялсэ на вси четыри сто́роны:
„Ужъ вы здраствуйте вси кня́зя да вси бо́яра!“
И руськимъ могучимъ бога́тырямъ,
И всѣмъ поленицямъ да преуда́лыя
Да всѣмъ-то народу да православнымъ жа.

1) Вмѣсто „съ има“. *Собир.*

2) Съ этого мѣста Сѣдуновъ плохо зналъ старину и допѣлъ ее до конца только съ помощью нѣсколькихъ крестьянъ, которые ему подсказывали почти каждый стихъ. Болѣе всѣхъ ему помогалъ Кизилъ (Іезекіиль) Андреевичъ *Лыткинъ*, братъ довольно извѣстной сказательницы (см. стр. 24, № 7). Отъ послѣдняго я слышалъ между прочимъ преданіе о томъ, что „Илья Муромецъ въ Кіеви сидитъ на коня́ съ саблёй“. *Собир.*

— Ужъ ты здрасвуй, удáлой да доброй молодець!
Я не знаю, тебя какъ именёмъ назвать
Да какъ звеличать тибя изъ отечества.
Добро жаловать ко мнѣ да хлѣба, соли ись
Хлѣба, соли то ись, вина съ мёдомъ пить!—
Они всѣ на пиру да сидятъ пьютъ, ѣдятъ,
Да всѣ на честномъ ониприросхвастались:
А иной-отъ хвасталъ да широки́мъ дворомъ,
А иной вѣдь хвасталъ да золотой казной,
А иной вѣдь тутъ хвасталъ силой богатырскою,
Да иной-отъ хвасталъ да молодой жоной,
Да безумной-отъ хвасталъ да родной сестрой.
А оди́нъ доброй молодець сидитъ не пьётъ, не ѣстъ,
Онъ не пьётъ-то, не ѣстъ, ишé ничѣмъ не хвастаётъ.
Говоритъ-то Владимёръ стольнё-кіевской:
„Ужъ ты вой еси, удáлой доброй молодець!
Ужъ ты што жа сидишь у меня не пьёшь, не ѣшь,
А не пьёшь-то, не ѣшь сидишь, ничѣмъ не хвастаёшь?“
— Бласлови мнѣ, Владимеръ-князь, слово молвити,
Слово молвити мнѣ-ка, да рѣчь говóрити!
Я ѣду изъ города изъ Мурома.
Я былъ-то подъ городомъ Чижемомъ;
Я очистилъ дорожку къ вамъ прямоѣзжую,
Да привёзъ я Соловья къ тебѣ на широкой дворъ.—
Говоритъ-то Владимёръ таковы рѣчи:
„Не пустымъ ли ты, дѣтинушка, похваляисьсе?“
Говоритъ-то Илья да таковы рѣчи:
— Ужъ ты вой еси, Владимёръ-князь стольнё-кіеськой!
Ты бери-тко дружинушку хоробрую:
Перьву голову Добрынюшку Микитича,
Во вторыхъ ты Олёшеньку Поповича,
Да пойдёмъ мы со мной да на широкой дворъ.
Да смотрѣть Соловья прикована ко стремени.—
А пошли они Владимёръ да на широкой дворъ;
Говорилъ-то Илья нашъ, Илья Муромець,—
Онъ велѣлъ Соловéю засьвистѣть въ полгóлосу,
Заревѣть Соловéю велѣлъ онъ позвѣриному.
Сыра мать-та земля да потрясаласе;
Задрожали у Владимёра ножки рѣзвыя,
Буйна голова съ плечъ да покатиласе;
Онъ падалъ Владимёръ на сыру́ землю́.
Да подхватывалъ Добрынюшка за праву́ руку,

А Олёшенька подхватывалъ за лѣву́ руку,
Повели-то во гридню да княженецькую.
Говорилъ-то Владимѣръ-князь таковы рѣчи:
„Ты просьти миня, осударь Илья Муромець,
Да просьти миня да въ таковой вины“.

IX.

Иванъ Прокопьевичъ Прыгуновъ, неграмотный крестьянинъ 57 лѣтъ; старины слышалъ отъ золотицкихъ стариковъ, уже покойныхъ: Аверьяна, Андрея Викуловича Сѣдунова, Олина. Послѣдняго сказателя вспоминаютъ въ обоихъ селахъ Зимней Золотицы, хотя онъ уже давно умеръ. Прыгуновъ поетъ отрывисто, отчеканивая чуть-ли не каждый слогъ. Кромѣ предлагаемой старины, онъ знаетъ хорошо стихъ про Алексѣя Божьяго человѣка, но другія старины спѣть не можетъ. Вдвоемъ со своимъ братомъ онъ разсказывалъ подробно про Иванушка Гордёновича весьма близко къ пересказу (№ 78) Крюкова.

108.

Бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ.

Да доселёва Резанюшка слободой слыла,
Ише нынѣце Резань словётъ городомъ.
Ише былъ жилъ Микитушка Романовичъ
Живучи́сь-то Романовичъ состарилсэ,
Да состарилсэ Романовичъ, преставилсэ.
Оставалась у Микитушки велика́ семья,
Да вели́ка-та семья его молода жена;
Да ишё-то оставалосе чядо милоё,
Ише маленько чядышко любимоё,
Да любимо е́го чядышко одинакоё
Ише на́ имя Добрынюшка Микитичь младъ.
Ише сталъ-то Добрынюшка пети-шти лѣтъ,
Ише сталъ-то на улочку похаживать,
Ише съ малыма робятками поигрывать:
Да которого хватитъ за праву́ руку,
Оторвётъ онъ у того да пра́ву ручюшку;
Да которого хватитъ да за лѣву́ ножку,

Оторвётъ онъ у того да лѣву ножечьку.
Изучилсэ Добрынюшка боротисе,
Да горасъ-то Добрыня со крутой метать.
Да прошла жа про его-то слава великая,
Да велика ета славушка, немалая,
Да немала та славушка по всей земьли,
Да по всей-то земьли по всей украинки,
Да дошла эта славушка до Мурома
Да до сильня казака-та Ильи Муромца:
Ише нѣтъ-то такого борца по всей земьли,
Да по всей-то земьли, по всей украины.
Да немного тутъ богатырь розговаривалъ,
Да бѣжалъ-то Илеюшка на конюшей дворъ,
Онъ бралъ-то себѣ да коня доброго;
Ише видѣли богатыря сряжаючи,
Да не видѣли поѣздочьки богатырьскія,—
Тольке видѣли въ чистомъ поли курева стоитъ,
Курева-та стоитъ да тольки дымъ валитъ.
Ишше ѣдётъ Илеюшка не дорошкою,
Да ко городу прiѣжаётъ да не воротами,
Ише скачётъ черезъ стѣнушку городовую,
Черезъ ту жа то башню наугольнюю.
Онъ увидялъ во городи ребятушокъ:
„Ужъ вы вой еси, ребятушка малешеньки!
Вы скажите-ко, ребятушка, которой Добрынюшки широкой [домъ,
Да широкой-отъ домъ, да онъ высокъ теремъ?"
Отвѣчяютъ робятушка малёшеньки:
— Не высокой-отъ домъ, да не широкой дворъ.—
Услыхала-то Добрынина родна матушка,
Отпираетъ окошочька немножечко,
Да сама-то говорила потихошеньку:
„Ужъ ты здрастуй, дородьнёй доброй молодець,
Ужъ ты па имя Илеюшка ты Илья Муромець!
Ужъ ты милосьти ко мьнѣ хлѣба ись,
Ко мьнѣ хлѣба ты ись, да вина съ мёдомъ пить!"
Отвѣцятъ-то Илёюшка, Илья Муромець:
— Ише какъ миня знаёшь, именёмъ зовёшь,
Именёмъ миня зовёшь ты, изъ отечесьва? —
„Ише знать-то ясного сокола по полету,
Ише знать-то удалого молодца по поѣзду".
Говоритъ-то Илёюшка таковы рѣчи:
— Ужъ ты вой еси, Омельфа Тимоѳевичьня!

У тя въ доми ли твоё-то чядо милоё,
Ише мило твоё чядышко одинакое,
Ише на̀ имя Добрынюшка Микитичь младъ?—
„Не случилосе у миня въ доми чяда милого,
Ише милого чядышка, любимого:
Да уѣхалъ у миня чядышко во чисто́ полё,
Да на ти же на тихи вёшны заводи
Да стрѣлёть-то гусей да бѣлыхъ лёбедей.
Ишё тихъ же пернастыхъ сѣрыхъ уточёкъ“.
— Ужъ ты врёшь ты, Омельфа, миня оманиваиь,
Ужъ ты сушшой-то правды минѣ не сказываиь.—
„Охте те-мнѣ-чько тошнёшенько порато же!
Ужъ ты вой еси, Илёюшка, Илья Муромець!
Ты наѣдешь моего да чяда милого,
Ты наѣдёшь ты его да во чисто́мъ поли,—
Не моги его убить, моги помиловать,
Ты моги-тко-се ёго помиловать,
Не розори-тко-се вдовиного подворьица“.
Тутъ немного бога́тырь розговаривалъ,
Да поѣхалъ Илёюшка во чисто́ полё,
Онъ увидялъ-то, въ чисто́мъ поли курева́ стоитъ,
Курева-та стоитъ, да тольки дымъ валитъ:
Тамъ ѣздитъ Добрыня по чисту́ полю,
По чисту-ту полю ѣздитъ, похваляитца:
„Ише нѣту-ту мнѣ-ка поединшычька!“
Услыхалъ-то Илеюшка, Илья Муромець;
Ише тутъ-то Илеюшки не подравилось.
Они сьѣхались бога́тыри во чисто́мъ поли
Да ударились бога́тыри пальчёми-ти;
Ише другъ друшки бога́тыри не ранили.
Да во второй-отъ разъ они да сьѣхались,
Да ударились они сабелькеми-ти вострыма;
Ише другъ друга́ бога́тыри не ранили,
Пошербались у бога́тырей востры сабельки.
Ише сьѣхались бога́тыри во третёй наконъ,
Да скакали бога́тыри черезъ ко́ничковъ,
Да схватились богатыри боротисе;
По колѣнямь-то въ земьлю-ту втопталисе.
Да по Божьей-то всё было по милосьти,
По Добрыниной-то было всё по учесьти:
Да здала у Илёюшки лѣва пожечька,
Да здала у Илеюшки права ручюшка;

Ише палъ-то Илеюшка на сыру земьлю,
А Добрынюшка палъ да на бѣлы́ груди.
Говорилъ-то Добрыня таковы рѣчи:
„Ужъ ты вой еси, дородьнёй доброй молодець!
Ужъ ты кбего города, коёй земьли,
Ты какого отца да какой матери?“
Отьвѣчятъ ему да Илья Муромець:
— Я сидѣлъ бы у тибя да на бѣлы́хъ грудяхъ,—
Я не спрашивалъ у тибя бы да роду-племени,
Я споролъ бы у тибя да груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы у тибя да ретиво́ серцо.—
Говорилъ-то Добрынюшка во второй наконъ:
„Ужъ ты кбего города, коёй земьли,
Ты какого отца да какой матери?“
Отьвѣчятъ-то Илеюшка, Илья Муромець:
— Я сидѣлъ бы у тибя да на бѣлы́хъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ бы у тибя да роду-племени,
Я споролъ бы у тибя да груди бѣлыя,
Досмотрилъ бы у тибя да ретиво́ серцо́.—
Говорилъ-то Добрыня во третёй наконъ:
„Ужъ ты кбего города, коей земьли,
Ты какого отца да какой матери?“
Отьвѣчятъ-то Илеюшка, Илья Муромець:
— Я того жо города-та Мурома,
Ише сильни каза́ка да Илья Муромець.—
Да скакать-то Добрыня со бѣлы́хъ грудей,
Да берётъ-то Добрыня да за бѣлы́ руки
Ише падатъ Добрыня во рѣзвы́ ноги:
„Ты просьти миня, Илеюшка, въ таковой вины!
Кабы зналъ-то ише, вѣдалъ, Илеюшка,
Не сидѣлъ бы у тибя, да на бѣлы́хъ грудяхъ“.
Тутъ побра́тались братаны да покрестовались:
„Ужъ ты будь-ко мнѣ-ка, Илеюшка, да вторы́й отець“.
Тутъ поѣхали братанушки въ красёнъ Кіевъ градъ
Да ко славному Владимеру ко кіеську.
Пріѣжаетъ къ Владимеру на широкой дворъ;
Да стрѣчятъ-то Владимеръ стойно-кіеськой:
„Ужъ ты здрастуй, Илеюшка, Илья Муромець!
Ужъ ты здрастуй, дородьнёй доброй молодець!
Я тибя-то, доброй молодець, не знай, какъ зовутъ“.
Говоритъ-то Илеюшка, Илья Муромець:
—Ише на́ имя—Добрынюшка Микитичь младъ.—

X.

Марья Сергѣевна Точилова, дѣвица лѣтъ 60. По ея словамъ, за нее сваталось шесть жениховъ, но ни одинъ изъ нихъ ей не понравился, и она предпочла остаться въ дѣвкахъ. Если не ошибаюсь, въ молодости она жила въ одномъ изъ скитовъ: Онуфріевскомъ или Игнатьевскомъ (см. стр. 10, 304; послѣдній находится верстахъ въ 60-и отъ Золотицы, недалеко отъ рѣки Ру́чьевъ), и тамъ выучила нѣкоторыя старины; но бо́льшую часть своего обширнаго репертуара она переняла у отца. Въ своемъ селѣ она слыветъ замѣчательной сказательницей; къ сожалѣнію, я могъ записать у нея очень немногое. Она долго не соглашалась мнѣ пѣть, подозрѣвая, не явился ли къ ней дьяволъ въ моемъ образѣ [1]), или не посланъ ли я правительствомъ провѣрять рекрутовъ, или не увезутъ ли ее въ Москву, если она споетъ старины. Кромѣ предлагаемыхъ здѣсь былинъ, она знаетъ: 1) Первую поѣздку Ильи Муромца, 2) какъ Алеша отнялъ жену у Добрыни, и многія другія.

109.

Дунай.

Да у ласкова князя да у Владимера
Заводилось пированьё ёго, поцёсёнъ-отъ пиръ,
Онъ на много князей жа, на многихъ бо́яровъ,
Онъ на руськихъ могуцихъ на бога́тырей
Да на вси поленйци да преуда́лыя [2]).
Да Владимёръ-отъ по полу запохаживалъ,
До онъ бѣлыма руцьками помахивалъ,
Онъ русы́ма кудрями принатряхивалъ:
„У мня вси были въ городи испожёнёны,
У мня красны дѣвйци да за́мужъ были выданы.
Токо я одинъ во городи холостой хожу,
Я холо́стъ хожу себѣ, неженатъ слыву.
Вы не знаете ли гдѣ-ка, братцы, мнѣ обруцьници,
Вы обруцьници гдѣ мнѣ-ка, портомойшици [3]), —

---

[1]) Вслѣдствіе того, что я вставлялъ фотографическія пластинки въ баняхъ, среди женскаго населенія Верхней Золотицы распространился слухъ, что я — „банна жихоня“ (банный духъ).

[2]) На войну ѣздили, бабы.

[3]) Вмѣсто „сопротивницы“. *Собир.*

Ужъ возрастомъ немала и умомъ сверстна,
У ей бѣло лицё шьтобы—бѣлой снѣгъ,
У ей цёрны брови будто были у соболя,
У ей оци-ти ясны будто были у сокола,—
У ей я́годьници-ти были будто маковь цьвѣтъ,—
У того жа у соболя у сибирьского,
У того жа у сокола перелётного?“
Ише бо́льшой за меньшого хоронитьце,
Отъ большо́го-то, братцы, всё отьвѣту нѣтъ.
Да выходитъ Добрыня да сынъ Микитиць-отъ
Зъ-за того жо стола-та изъ-за угольнёго,
Онъ со той жо скамеёцьки зъ бѣлоду́бовой,
Подьвигаитьце къ ёму потихошеньво,
Ужъ онъ рѣць говори ёму помалёшенько:
— Бласлови миня, Владимёръ-отъ, слово вымолвить,
Не моги миня за́ слово-то скоро́ сказнить,
За одно же слово моги миня помиловать.—
„Говори-тко, Добрынюшка, шьто тѣ надобно“.
— Ужъ я знаю, тобѣ есь гдѣ обручьниця;
Хоша самъ не видалъ, то у людей слыхалъ,
Ужъ я цюлъ-то у брателка названого,
Я отъ молода Дуная сына Иванова.
Да сидитъ у тибя онъ да въ тёмной тёмьници,
Онъ за ту бѣду сидитъ, за напраслинку;
Да сидитъ у тя Дунаюшко въ тёмной тёмьници
Тридцеть лѣтъ вѣдь сидитъ, весь во мху обросъ.—
„Вы пойдите-ко, слуги да мои вѣрныя,
Вы берите, мои слуги, да золоты клюци,
Отмыкайте-тко, слуги, вы тёмны жё,
Выпускайте мнѣ Дуная сынъ-Иванова“.
Они брали эти слуги да золоты́ клюци,
Отмыкали эти слуги тёмны тёмьници,
Да привели они Дуная сына Иванова,
Наливали ёму цяру да зелёна́ вина,
Небольшу таку, немалу—да полтора ведра;
Да примаитце Дунаюшко единой рукой,
Выпивалъ тамъ Дунай да едины́мъ духомъ.
Наливали ёму цяру пива пьяного;
Да примаитце Дунаюшко единой рукой,
Выпивалъ-то Дунай-отъ едины́мъ духомъ.
Они третью наливали да мёду ёму сладкого.
Ише тутъ-то Дунаюшко весёлой сталъ,

Онъ весёлой сталъ, позаговаривалъ.
Да Владимёръ-князь по полу запохаживалъ,
Ужъ онъ бѣлыма руцьками помахивалъ,
Да русы́ма кудрями да принатряхивалъ,
Ужъ онъ самъ говорилъ ёму таковы слова:
„Ужъ ты вой еси, Дунай дакъ сынъ Ивановиць!
Ты не знашь ли ты гдѣ мнѣ-ка обруцьници,
А обруцьници ты гдѣ мнѣ, портомойници,
Шьтобы возрастомъ нема́ла была, умомъ сверстна,
Шьтобы было лицё у ей будто бѣлой снѣгъ,
У ей цёрны брови будто были у соболя,
У ей оци-ти ясны будто у сокола,—
Да походоцька у ей-то шьтобы была павиная,
У ей ти́ха рѣць была лебединая,—
У того жа у сокола у сибирьского,
У того жа у соболя перелётного (sic!)?“
— Ужъ я жилъ-то во городи въ Ляхивоньскія,
У того жо короля я, земли, Задоньского,
У ёго я три года жилъ во клюцьникахъ,
Ужъ я три года жилъ у ёго въ замочьникахъ,
Ужъ я три года жилъ у ёго въ столя́рьницькахъ;
Я видалъ-то—у ёго да есь двѣ доцери:
А перьва́ доць-отъ Настасья да Королевицьня,
Они ѣзьдитъ по цисту́ полю, полякуётъ,
А полякуё, ѣзьдить она розбойниця,
Да словё поленицей да преуда́лою
Да стоитъ-то въ цисто́мъ поли поединьшицькомъ;
А втора доць Опраксея есь Королевисьня.
Опраксеюшка тибѣ будётъ твоя рука,
Да рука-та будётъ, твоя сьняга[1]):
Она возрастомъ нема́ла и умомъ сверсна;
У ей бѣло лицё да будто́ бѣлой сьнѣгъ,
У ей цёрныя брови будто у соболя,
У ей оци-ти ясны будто были у сокола,—
У ей ягодьници-ти да будто маковъ цьвѣтъ,
Да походоцька у ей та была павиная,
Тиха рѣць-та её была лебединая,—
У того жа у соболя у сибирьского,
У того-та ясного сокола перелётного;
А сидитъ Опраксея доць Королевисьня

[1]) Какой онъ, такая и есь.

За двѣнадцетеми сидитъ она замоцьками,
За тринадцетеми-то крѣпкима сторо́жеми,
Шьтобы красно ей солнышко не запекло,
Шьтобы буйныя вѣтры-ти не за́дули,
Шьтобы лишны-ти люди ей не засмо́трили.—
„Поѣжжай-ко ,Дунаюшко, скорымъ сватомъ сватайсе,
Ты бери у мня, надобно сколько силы-арьміи,
Ты возьми моей несцётной золотой казны“.
Да Дунаюшко ёму да вѣдь отьвѣтъ дёржалъ,
Отьвѣцяётъ Дунай ёму сынъ Ивановиць:
— Мнѣ-ка сцётной твоёй не откупатисе,
Могуто́й-то, силой твоёй не воёватисе;
Только дай-ко три брата да три названого:
Во перьвы́хъ мнѣ названого-кресто́вого
Ужъ ты вой еси [1]) Добрынюшку мнѣ-ка Никитиця,
Во вторыхъ Иле́юшку славна Муромця,
Мнѣ во третьихъ Олёшеньку дай Поповиця;
Тотъ ужъ силой несилёнъ да хуть напу́скомъ смѣлъ.—
Да не долго бога́тыри збиралисе:
Только видѣли богатырей поѣзжаючись,—
Во цисто́мъ-то вѣдь полюшки курёва́ стоитъ,
Курёва-та стоитъ, да идётъ дымъ столбомъ,—
Да не видѣли поѣздки да богатырьскою.
Они мелки озёрышка перескакивали,
Они рѣки-ти быстры промежъ ногъ брали́;
Они ѣхали бога́тыри на цисто́мъ поли,
Они къ городу ѣхали не дорожкою,
Да во городъ заѣзжали не воротами,—
Они скацютъ черезъ стѣну городо́вую,
Черезъ ту да нову башню троугольнюю.
Да король-отъ во полаты перепада́итьце,
Въ сундуки жо король-отъ замыкаитьце.
Да выходётъ король-отъ земли Задоньскія:
„Ужъ ты здрастуй, Дунаюшко сынъ Ивановиць!
Ты пошьто ко мнѣ пріѣхалъ, жить не во ключьники ли,
Не во ключьники пріѣхалъ, не въ замочьники ли,
Не въ замочьники ко мнѣ, не въ столарники?“
— Я пріѣхалъ къ тобѣ жа не во ключьницьки,
Я пріѣхалъ къ тебѣ-ка да не въ замочьники,
Я пріѣхалъ ко тебѣ да не въ столарничьки;

---

[1]) Ср. № 112, ст. 78. *Собир.*

Ко тебѣ жа я прiѣхалъ сватомъ свататьце
Я на молодой Опраксеи доць-Королевисьни.—
„Право, ей-Богу, у мня засватана,
Да засватана Опраксея да запору́чёна
За того жа цюди́шша да за Идо́лишша;
У ёго носъ-о какъ палка дровокольняя,
Да глаза-то у жениха-то какъ пивны́ цяшы,
Голова-та ёго будто сильнёй бугоръ“.
Во второй разъ говорилъ, изъ грени вонъ пошолъ:
— Ужъ и цесью не дашь, то мы за бу́ёмъ возьмёмъ,
Мы возьмёмъ своей сило́й да богатырьскою,
Мы возьмёмъ жа грозой своей-княженецькою.—
Онъ выходитъ за ворота на улицю,
Ише тотъ жо Дунаюшко сынъ Ивановичь,
Говоритъ-то всимъ могуцимъ трёмъ бога́тырямъ,
Говорилъ-то вѣдь онъ имъ таковы слова—
Онъ Добрынюшку оставилъ да у добра́ коня,
Онъ Илеюшку оставилъ да на новы́хъ сѣняхъ—
Онъ Добрыню съ собой берётъ за праву́ руку,
Ужъ онъ самъ говорилъ таковы слова:
„Ужъ ты вой еси, Илья у миня славной Муромицъ!
Зазьвенитъ у мня когда сабля вострая,
Забрецитъ когда моя-та сабля вострая,—
Ты сѣки на сѣ́няхъ старого тогда, малого,
Не оставь ты единого на сѣ́мяна“.
Да присѣкли двѣнадцеть да крѣпкихъ сто́рожовъ,
Обломали висуци тутъ да вси замки,
Да заходя къ ей во гридню да княженецькую.
Она дѣлала дѣлышко немалоё:
Да плела-то сидѣла золоты круги
Да цьвѣтами-ти всякима розноличьнима
Да кругами-ти всякима розноличьнима,
Да Идо́лишшу своёму она дары плела;
По кобылоцькамъ у ёй сидя сизы голыби,
По набилоцькамъ у ей сидя ясны соколы,
По ставця́мъ у ей сидѣли бѣлы лебеди.
Сизы голыби у ей-то да прирозлётались,
Ясны соколы у ей-то да прироспо́хались;
Опраксея во полаты перепада́ласе,
Красота-та въ лици у ей измѣняласе.
Да берё ей Дунаюшко за праву́ руку,

Да ведё ей Дунаюшко за злацьни́ персьни,
Да ведё ей изъ гредни да княженецькою.
Да заплакала Опраксея доць Короловицьня:
„Ты умѣлъ миня, батюшко, воспоить-корьмить,
Не умѣлъ миня, батюшко, замужъ выдати!
Тамъ людськи-ти отци бѣдны, людськи матери
Отдаваютъ изъ нужды бѣдны, изъ бѣдносьти,
Отдаваютъ изъ-за́ хлѣба, изъ-за́ соли;
Ты-то, моё да соньцё красноё,
Не цёснымъ миня пиркомъ давашь, съ кроволитьицёмъ“.
Тогда вынёсъ-то король земли Задоньскія,
Ему вынёсъ-то мизу да красна золота,
Да другую да вынёсъ да циста сéребра,
Ужъ онъ третью выноситъ скатна жемцюгу.
Они да́ры берутъ-то, сами цѣломъ не бьютъ,
Да цёломъ-то они не бьютъ да имъ не кланеютце:
„Вотъ на прiѣзьди ты госьтя не уцёстовалъ,—
На отъѣзди тѣ дорогого не уцёстоватъ!“
Посади́тъ свою невѣсту да заруцённую,
Посадилъ-то Дунаюшко на добра́ коня,
На добра-та коня онъ позади себя,
Закрывалъ свою невѣсту шалью шолковой,
Шьтобы красно ей солнышко не за́пекло,
Ёю буйны-ти вѣтры шьтобы не за́дули,
Ей бы лишныя люди да не засмо́трили.
Да поѣхали бога́тыри по цисту́ полю
Да прiѣхали къ Владимѣру стойно-кiёському.
Да выходитъ кнезь Владимѣръ да стойно-кiёськой,
Да выходитъ на улицю потихошенько,
Подвигаитьце къ невѣсты да помалёшенько,
Онъ и кланеитце ей низёшенько:
„Ужъ ты здрастуй, невѣста заруцёная!
Невѣста ты была мнѣ да Богомъ сужона,
Ише сужена ты Богомъ была, ряжона,
Ише мнѣ ты, ты невѣста была налажона.
Ужъ ты здрастуй патретнова красавиця!
Ише въ мiри тако́выхъ людей мало водитце,
А на свѣти негдѣ́ болѣ не отышшетсе“.
— Ужъ ты здрастуй, Владимѣръ-кнезь да стойно-кiёськой,
Ужъ ты удалой да доброй молодець!
А не сужоной ты былъ мнѣ-ка Богомъ, ряжоной,
Ише Восподомъ-Богомъ да приналажоной.—

Ужъ онъ бралъ свою невѣсту за праву́ руку,
Ужъ онъ вёлъ свою невѣсту да въ задню горьницю,
Надѣвалъ на ей повязку да драцѣнную,
На ей платьё надѣлъ-то необцѣнённое,
Покатилъ свою невѣсту во Божью церькву.
Да немало етого времени продьлилосе,
Ише шесь тутъ цясовъ имъ миновалосе;
Ише всё они дѣло то прикончили,
Пріѣхали во гредню-ту княженоцькую [1]);
У ихъ пиръ-то пошолъ да всё на радосьти,
Да на томъ на весельици на великія.
Во цистóмъ-то вѣдь поли мало-не дымъ столбитъ,
Да не дымъ-то столбитъ, ѣдё поленúця преудалоя,
Да не дымъ-то столбитъ, да не гамъ гамитъ.
Говорилъ-то Владимеръ-кнезь стойно-кіеськой:
„Ужъ вы гой еси, сильни вы богáтыри,
Ужъ вы вся, мнѣ, дружиноцька хоробрая!
Погодите [2]) вы моёму-ту горюшку:
А вы стрѣтьте поленицю да преудалую,
Да сьсѣките, срубите до плець голову,
А не допускайте до моёго вы широка двора“.
Да поѣхали они да во цистó полё.
Да стоитъ-то Опраксея Королевишьня
За снаряднымъ стоитъ она дубовы́мъ столомъ,
Да сама-то говоритъ ёму таковы слова:
„Ужъ ты гой еси, Владимеръ-кнезь стойно-кіёськой!
Допусьти у мня родиму милу сéстрицю [3]),
Угости-тко-се ей да сладкой водоцькой,
Ужъ ты всекима дорогима ей напитками,
Ужъ ты всекима дорогима ей гостиньцеми“.
Да въ отьвѣтъ-то Владимеръ да стойно-кіёськой
Отьвѣцяё онъ всё да молодой жоны:
— Ужъ ты гой еси, моя да молода жона!
Да не ты бы говорила, кабы новóй мнѣ кто,—
На долонь бы посадилъ я, другой сверху прижалъ,
Только межъ долонеми бы мокрó стало [4]).—
Да пріѣхали богáтыри во цистó полё,

---

[1]) Стихи 205—228 представляютъ собою, несомнѣнно, сочиненіе самой сказательницы. *Собир.*

[2]) Пригодитесь? помогите (ги=ди)? *Собир.*

[3]) Ср. стр. 82, 184, 189, 461—3. *Собир.*

[4]) Слова эти должна была бы говорить поленица Настасья Дунаю. *Собир.*

Ише сьсѣкли у ей-то по плёцямъ буйну голову,
Роскинали, розбросали по цисту́ полю,
По тому жо по роздольицю по широкому.
У Владимёра пиръ-то пошолъ на радосьти,
Да на томъ на весельици на великія.

110.

Козарушко (Козаринъ).

Отець съ матушкой Коза́рушку не злю́били,
На роду-ту Козарушку попорьтили.
Ише сталъ-то Козарушка-та пети́, шти лѣтъ [1]),
Онъ сталъ-то на улочьку побѣ́гивать,
Онъ со малыма ребятушками сталъ поигрывать.
Задрозьнили Козарушка ребятушки:
„Не прямого ты отця, не прямой матери!"
Кого за́ руку хватитъ, да руку выдерьнё,
Кого за ногу хватитъ, да ножку выставитъ,
За животъ-отъ перехватитъ—да живота лишитъ.
Да пошолъ-то Козарушко ко бабушки:
„Ужъ ты вой еси, бабушка родимая!
Я прямого ли отця да прямой матери?"
— Ты прямого отця-та да прямой матери:
У тя былъ жа Петъ-отець Коромысловиць,
У тя мать была Петриха Коромыслиха.—
„Напеки жа мнѣ-ка, бабушка, подорожьницьковъ
Я пойду жа нӑ тихи мелки заводи
Пострѣлеть гусей дӑ бѣлыхъ лёбедей,
Ише тихъ же пернастыхъ малыхъ утоцёкъ".
А идётъ-то Козара да по цисту́ полю,
По тому идё роздолью да по широкому;
Ише стрѣтилось ёму цюдо страшноё,
Цюдо страшноё стрѣтилось, ужасноё:
У его носъ-отъ какъ палка дровокольняя,
А глаза у его будто пивны́ цяшы,
Голова у его жа будто сильнёй бугоръ.
Ише спрашиватъ-то цюдышко ето страшноё:
„Ты вой еси, уда́лой ты доброй молодець!
Ты не знашь ли Козары гдѣ Петровиця?

---

[1]) Шти годовъ. *Точилова.* Около пяти—шести лѣтъ. *Собир.*

Ужъ онъ сколь-то великъ да сколь широкъ?“
— Да сколь я-то великъ да сколь я широкъ,
Ише столь-то Козарушка-та великъ и широкъ.—
„Онъ по много ли Козара да къ выти хлѣба ѣстъ?“
— Ужъ онъ ѣстъ по три милостины.—
„Ужъ и много ли Козарушко зелена́-та вина пьё?“
— Зелена-та вина пьё по три рюмоцьки.—
„Вашъ немудрой Козарушко Петровиць-отъ!
Я ишшу-то его да ровно шесть лѣтъ;
Да прошла про его слава великая
По всей земли, по всей вокра́инки.
Ужъ я хлѣба-та ѣмъ да по семи пецей,
Зелена-та пью-то по три сороковоцьки“.
У Козарушки серьцё да роскипѣлосе,
Да могуція плеци да росходилисе,
Лебёда́ [1]) его въ лици вся перемѣниласе;
Да хватилъ-то онъ цюди́шша со добра́ коня
Да зашибъ-то цюдишша о мать сыру земьлю.
Да тогда онъ зговорилъ: „слава Восподу,
Слава Восподу Христу-ту, царю небёсному,
Той же матери Божьёй да Богородици! -
Мнѣ-ка при́слалъ-то Бокъ да коня доброго,
Мнѣ ише прислалъ-то Бокъ саблю вострую,
Мнѣ тогда прислалъ-то Бокъ жа копьё булатноё“.
А тогда розоставилъ да онъ шатёръ бѣлой,
Онъ шатёръ-отъ бѣлой-то поло́тьняной.
На зори тогды было да рано утряной,
На выка́ти-то было соньця красного,
Да во тихъ во горахъ-то да во Пешшорьскіяхъ,
Да приплакиватъ Козарушку Петровиця,
Тамъ живётъ-то родима его се́стриця,—
Унесла е зьмѣя да семиглавая:—
„Кабы былъ у мня брателко Козарушка,
У мня не были зьмѣины да дити маленьки,
Они не́ ссали мои да груди бѣлыя!“
Да поѣхалъ во горы да во Пешшорьскія,
Онъ присѣкъ-то Козарушка Петровиць-отъ
Ужъ онъ всихъ-то зьмѣиныхъ малыхъ дѣтоцёкъ,
Роскиналъ, розбросалъ-то ихъ по цисту́ полю,
По тому по роздолью да по широкому,

[1]) Лѣпета, румянецъ. *Обыр.*

Посадилъ сестру-ту да на добра кона,
На добра-та коня онъ позади себя;
Да пріѣхалъ къ отцю да къ родной матери,
Онъ и къ тимъ-то полатамъ да къ бѣлымъ камяннымъ,
Да крыцитъ-то Козарушка громкимъ голосомъ,—
Вся полата у ихъ пошаталасе,
Ставникй въ окнахъ побуту́сились [1]),—
Да крыцялъ-то Козарушка звонкимъ голосомъ:
„Ужъ ты гой еси, Петъ дакъ Коромысловицъ!
У тя было ли цядышко любимоё,
Да изъ мо́лодыхъ Коза́ра да сынъ Петровицъ-отъ [2])?
Да была ли ваша доць-та да прилюбимая?“
— Да была-то одна доць-та у васъ любимая.—
„Я привёзъ вашу доцерь да вамъ любимую“.
— Вы отдайте-тко доць мнѣ-ка любимую.—
„Вы обсыпте мою-ту саблю золотомъ,—
Я тогда-то отдамъ вамъ дочь любимую“.
Тогда отдалъ доць-ту ихну любименьку,
Да пріѣхалъ Козарушка ко бабушки.

111.

Мать князя Михайлы губитъ его жену.

Поѣжалъ-то кнезь-отъ Михайло
Во чисто́ полё широ́ко,
Да во роздольицё дале́цё.
Да говорилъ-то кнезь-ё Михайло
Да своей маменьки родимой:
„Ужъ ты маменька родима!
Не буди моей кнегины
Да присьпѣсивой Катерины
По утру рано ставати,
Свѣтлой пецьки затоплёти;
Потому ей не буди-то,—
Мало дѣтишшо во утробы“.
Не усьпѣлъ-то кнезь-е Михайло
Онъ со двора-та долой сьѣхать,

---

[1]) Косы́ сдѣлались. *Точилова*. Вмѣсто „помитусились“; см. это слово въ словарѣ. *Собир*.

[2]) По словамъ сказательницы, отецъ отвѣчалъ ему, что—не было. *Собир*.

От двора-та скоро отъѣхать, —
Его маменька родима
Жарко банёцьку топила
Во владыцьнёй цёсной празьникъ,
Во Христово воскресеньё;
Сѣрой камень нажигала;
Повела эту кнегину
Присьпѣсиву Катерину
Въ парну банёцьку помытьце,
Да помытьце, похвостатьце,
Клюцёвой водой поплёскатьце;
Завязала оци ясны
Тонкимъ, бѣлымъ полотеньцёмъ
У кнегины Катерины,
На утробу ей спушшала
Сѣръ-горюцёй сѣрой камень,
Выжигала изъ утробы
Она малого младе́ня,
Она малого дите́тя;
Да рыболовамъ-то крыцяла:
„Вы поскорѣ-скорѣй бѣжите!“
Рыболовы прибѣжали,
Ею зьдѣлали колоду,
Трои обруци набили,
Трои обруци жалѣзны.
Ужъ во-въ ту пору въ то время
Ише ѣдё кнезь-е Михайло
По цисту́ полю широкому,
По роздольицю дале́цю.
У его же конь потьпялсэ,
Пухова́ шляпа свалилась,
Сабля востра подломилась:
„Ужъ ты конь мой, лошадь до́бра,
Ты слуга праворучьня!
Ужъ ты мнѣ-ка не скажошь,
Шьто мнѣ-ка не роскажошь,
Шьто-ль есь въ доми неладно,
У меня же неисправно:
Или маменька хвораё,
Ли кнегина немога́ё?“
Шьто прiѣхалъ кнезь Михайло
Изъ циста́ поля широкого,

Изъ роздольиця далёкого.
Не стрѣчя́тъ ёго кнегина,
Да стрѣ́цятъ маменька родима.
„Ише гдѣ моя кнегина
Присьпѣсива Катерина?“
— Пригорда твоя сьпѣсива
Сьпитъ на мяккую перину,
На пуховыхъ на подушкахъ;
Она изъ горьници не выйдё,
Тебя, Михайло, не стрѣ́цёё.—
Онъ пошолъ-то кнезь Михайло
Въ задьню горницю убра́ну,
Ко перины ко пуховой,
Ко кровати ко тесовой;
Ише нѣтъ ёго кнегины,
Присьпѣсивой Кате́рины.
„Ужъ онъ тутъ перепалсэ;
Онъ на вострой ножь металсэ;
Его нянюшки здёржали,
Его мамушки подёржали:
„Ужъ ты стой-постой, Михайло!
Ужъ какъ мы тебѣ всё скажомъ,
Ужъ какъ мы тебѣ роскажомъ:
Не усьпѣлъ ты, кнезь Михайло,
Со двора-та зъ дому сьѣхать,
Отъ двора свэго отъѣха́ть,—
Твоя маменька родима
Жарко банёцьку топила
Во владыцьнёй цёсной празьникъ,
Во Христово воскресеньё;
Сѣрой камень нажигала;
Повела эту кнегину
Въ парну банёцьку помытьце,
Да помытьце, похвастатьце,
Клюцёвой водой поплёскатьце:
„Ты пойдёмъ, моя кнегина,
Въ парну банёцьку помытьце“.
Шьто сѣръ-горюцёй вытягала;
Завезала у кнегины
Шьто её же оци ясны
Тонкимъ, бѣлымъ полотеньцёмъ,
Выжигала изъ утробы

Она малого младеня,
Она малого дѣте́тя;
Рыболовамъ-то крыцяла:
„Поскорѣ-скорѣй бѣжите!“
Рыболовы набѣжали,
Ею зьдѣлали колоду.
Трои обручи набили,
Трои обруци желѣзны,
На синё морё спушшали.
Ты поди-ко, кнезь Михайло,
Ты по конюхамъ коню́шнымъ,
По торговишшамъ гостиннымъ;
Ты купи-ко, кнезь Михайло,
Коней пару вороныя,
Ты корету золотую,
Ты три нёвода шолко́выхъ;
Набери силы хресьёньской,
Ты лови ету колоду“.
Онъ пошолъ-то кнезь Михайло
Онъ по конюхамъ конюшнымъ,
По торговишшамъ гостинымъ;
Онъ купилъ же кнезь Михайло
Коней пару вороную,
Онъ корету золотую,
Онъ три нёводы шолко́вы;
Набралъ силы онъ хресьёньской,
Ужъ онъ выловилъ колоду.
Ужъ онъ тутъ сперепалсэ,
Во синё морё бросалсэ.
Ёго маменька родима
Вдоль по бе́режку ходила,
Слёзно плакала-рыдала:
„Три души я погубила:
Я перьву́ душу́ безвинну,
Я другу душу́ безгрѣшну,
Третью ду́шу занапрасно!“

XI.

Анна Пудовна Бурая и Анна Ивановна Лыткина—пѣли вмѣстѣ, при чемъ вторая исполняла должность подголоска; всѣ старины онѣ пѣли однимъ напѣвомъ. Бурая—замужняя женщина лѣтъ 40, неграмотная; старины переняла у своей тетки М. С. Точиловой (X). Кромѣ старинъ, пропѣтыхъ ею вмѣстѣ съ Лыткиной, она знаетъ слѣдующія: 1) Добрыня и змѣя, 2) Дунай, 3) Козарушко, 4) Цюрило, 5) Мать князя Михайлы губитъ его жену, 6) Камское побоище (послѣднюю старину она знаетъ не совсѣмъ хорошо). Лыткина—дѣвица 38 лѣтъ, грамотная; у нея я пріобрѣлъ сказку о Бовѣ-королевичѣ старой печати, съ картинками. Старины, повидимому, она знаетъ плохо: она согласилась помогать Бурой только потому, что послѣдняя одна пѣть стѣснялась. Обѣ женщины пѣли мнѣ вмѣстѣ также похоронныя и свадебныя причитанія („пла́ци“).

112.

Неудавшаяся женитьба Алеши.

У ласкового князя у Владимёра
Заводилось пированьицё, поцёсёнъ пиръ
Да на многихъ кнезей, на многихъ бояровъ,
Да на сильнихъ, могуція богáтыри
Да на всихъ поленúць да преудáлыя [1]).
Они всѣ-то на пиру да напивалисе,
Они всѣ на цёснóмъ да наѣдалисе.
Говорилъ-то восударь да Илья Муромецъ:
„Намъ кого, братцы, послать да на Пуцяй-рѣку
Принести-то холодной клюцёвой воды,
Ише тихъ принести да младыхъ яблуковъ?“
Говорилъ-то Олёшенька Поповиць младъ:
— Мы пошлёмъ, братцы, за холодной клюцёвой водой,
Мы пошлёмте Добрынюшку Микитиця;
Принесётъ онъ холодной да клюцёвой воды,
Ужъ онъ тѣхъ принесётъ да младыхъ яблуковъ.—
Да пошолъ у насъ Добрыня къ своёму двору,
Да невéсёлъ, повѣсилъ буйну голову,
Ужъ онъ ниже повѣсилъ своихъ могуцихъ плецъ.

---

[1]) Бабы сильнія, храбрыя, воевались.

Да стрѣчять-то ёго да ро́дна маменька
Да со той со Добрыниной молодой жоной,
Да ужъ спрашиватъ у Добрынюшки родна маменька:
„Ужъ и шьто ты, моё да цядо милоё,
Шьто невёсёлъ, повѣсилъ буйну голову?
Развѣ мѣсто тебѣ пало не по вотцины,
Ели тебя хто обнесли да винной цярою,
Разьвѣ хто тя укорилъ да молодой жоной,
Разьвѣ хто тя попрекнулъ своей [1]) ро́дной матерью?“
Говорилъ-то Добрынюшка Микитиць младъ:
— Да нехто не укорилъ миня молодой жоной,
Да нехто не попрекнулъ миня ро́дной матерью;
Посылаютъ миня да на Поцяй-рѣку́
Принести мнѣ холодной да клюцёвой воды,
Ише тѣхъ принести да младыхъ яблуковъ. —
Да росплакалась Добрынина ро́дна маменька:
„Охте, те́-мнѣ-цько, те́-мнѣ-цько тошнёхонько!
На Пуцяй-то на рѣки да змія лютая
Да сьсѣкётъ у тя, срубитъ по плець голову.
Да тебѣ-то дитетко, шьто же я скажу:
А не пей, моё цядо, клюцёвой воды“.
Говорилъ втѣпоръ Добрыня молодой жоны:
— Ты поди-тко, моя да молода жона,
Принеси-тко поди мнѣ-ка триста стрѣлъ.—
Да жона-та принесла ёму цетыреста.
Да заплакалъ Добрынюшка Микитиць младъ:
— Да не сталъ миня Господи-то миловать,
Молода миня жона не стала слушати!—
Говорила Добрынина молода жона:
„Ужъ ты вой еси, моя лада милая!
Да при времени понадобитце калена́ стрѣла,—
Ты за стрѣлку бы далъ всё петьсотъ рублей,
Ты петьсотъ-то рублей далъ, да тебѣ не́гдѣ взеть“.
Говорилъ ише Добрынюшка молодой жоны:
— Ужъ ты вой еси, моя да молода жона!
Когда выйдётъ-то мнѣ разьвѣ шесь годовъ
Да ише-то истекутъ да всѣ двѣнадцеть лѣтъ,
Ты бери тогды мои да золоты́ клюци,
Ты мою-ту бери тогда золоту казну,
Розсылай по черьква́мъ-то, по мана́стырямъ,

[1]) Т. е. твоей; ср. прим. къ стр. 63, 197, 227. *Собир.*

Поминай-ко тогды да душу грѣшную.
Да ишё тѣ накажу, да молода жона:
Тогды розойдётъ-то слава великая
Да по всѣмъ-то по городамъ, по вьсей земьли,
Да по вьсей-то земьли, по вьсей украинки,
Да засватаютьце на тебѣ-ка, князи, бо́яра,
Ужъ какъ сильни, могуція бога́тыри;
Да засватаитьце Илья да славной Муромець,—
Не ходи ты за Илёюшку славна Муромця;
Да посватаитьце Олёшенька Поповиць младъ,—
Да поди за Олексѣюшка Поповиця [1]).—
Во цисто́мъ-то во поли да тамъ шатаитьце,
Съ боку на бокъ калика-та лягаитьце,
Ко Добрынину дому подвигаитьце.
Да увидяла Добрынина ро́дна маменька
Да отво́рила косисцято окошоцько:
„Ужъ ты вой еси, калика перехожая!
Не видалъ ли моёго цяда милого
Ужъ ты вой еси [2]) Добрынюшка-Микитиця?"
— Ужъ мы пѣли-то, ѣли со одна́ блюда,
Ужъ мы платьё носили со одна плеця;
Да преставилсэ Добрынюшка, престарѣлсэ.
Ише гдѣ-то у Добрыни молода жона?—
Да сёгодне у Добрыни, ето дѣвей столъ [3]),
Да ужъ завтро у бѣдненькой смотрѣньицё,
Послѣ завтре у ей-то будётъ вѣнценьицё".
— Ужъ ты вой еси, Добрынина ро́дна маменька!
Пригласи-ко калику перехожую.—
Ноцёвала калика перехожая;
Говорилъ онъ Добрыниной ро́дной маменьки:
„У тя гдѣ-то Добрынины звоньцяты́ гусли?
Мнѣ велѣлъ поиграть онъ въ звоньцяты гусли;
Мнѣ-ка хотьце утѣшить князя со кнегиною [4]).
Доведи-тко до ихного смотрѣньиця".
Да пришла-то калика перехожая,
Ише сѣла калика на песьнёй-отъ столбъ,

---

[1]) Т. к. Илья (ст. 8) играетъ здѣсь роль князя Владимира, то можно думать, что въ оригиналѣ этого пересказа онъ выступалъ въ качествѣ свата Алеши. *Собир.*

[2]) Ср. № 109, ст. 111. *Собир.*

[3]) Т. е. здѣсь, у Добрыни въ домѣ. См. стр. 22. *Собир.*

[4]) Новобрачныхъ. *Собир.*

Говорила калика перехожая:
„Благослови-ко, Олексѣй, зыграть въ звонцяты́ гусли,
Мнѣ утѣшить-то князя со кнегиною".
— Ты играй-ко-се, калика перехожея.—
По найгрышкамъ калика перехожея,
По насвистышкамъ Добрынюшка Микитиць младъ.
„Благословя-ко Олексѣюшко Поповиць младъ,
Поднести мнѣ калики винну цяру-ю".
Не благословлятъ-то Олёшенька Поповиць младъ.
Не глядѣла Добрынина молода жона,
Подошла она къ калики перехожою,
Наливала калики цяру зелёна́ вина.
Да калика-та берётъ да едино́й рукой,
Проздравлятъ Олексѣюшка Поповиця
Да со всѣмъ проздравлятъ съ убраны́мъ столомъ,
Со всѣма́ его княземи, со кнегинами,
Выпиваё калика зелену́ цяру
Да кладётъ-то калика свой злацёнъ персьтѐнь.
Тогда взялъ Добрынюшка молоду жону,
Молоду-ту жону-то за праву́ руку.
Во глаза-ти вси Олёшеньки насмѣялисе:
„Ты здорово женилсэ—тебѣ не́ съ кимъ спать!
Тебѣ свадёбка стала во семсотъ рублей.
Ты здорово женилсэ—тебѣ не съ кимъ спать!"
Да не кажному жонитьба издаваитьце.

113.

Дюкъ.

Да у Дюка-та дворъ-то да на семи вёрстахъ,
Кругомъ дому оградушка серебьряна;
Ише по́ сту столбовъ-то было́ серебьряныхъ,
По полу́тросту столбовъ было́ позолоченыхъ,
Ише мѣдныхъ, желѣзныхъ да цисла-смёту нѣтъ;
Ише сорокъ конюхъ да со конюшнами,
Ише сорокъ кухароцёкъ ходя въ гарусномъ,
А друга́-та вѣдь сорокъ ходя въ шолковомъ;
Ише пецьки у Дюка были муравцяты,
Да помёлышка у Дюка изъ семи шолковъ.
Ише мать-та у Дюка была коласёнка,
Да пекла она у его колацики:

Да колапикъ-отъ съѣшь—другого хоцетьце.
Да другой-отъ съѣшь—третьёго душа бажитъ.
Не лѣсина во цисто́мъ поли шатаитьце,
Ише Дюкъ-отъ передъ ма́тюнкой вѣдь це́ломъ бьётъ,
Ужъ онъ це́ломъ-то бьётъ, опеть кланеитце:
„Благослови миня, маменька, въ гости ѣхати
Ко тому мнѣ-ка ко Кіеву, славну Мурову,
Ко тому мнѣ ко Владимѣру славну кіеському,
Во Божью́-ту мнѣ-ка церковь да помолитисе,
Ко Восподнёму мнѣ гробу да приложитисе,
На Дунай на рѣки да окупатисе,
Мнѣ людей-то посмотрить да самому себя показать“
Не давать-то ему мать благословленьиця:
— При пиру́-то приросхвастаисьсе, цядо милоё,
Ты своей-то несцётной золотой казной,
Ты своимъ-то вѣдь домомъ благодатныимъ,
Ты бесцётнымъ своимъ у мня имушшесьвомъ.—
Тутъ дала вѣдь ему мать благословленьицё.
Онъ поѣхалъ-то Дюкушко Стёпановицъ;
Онъ ко городу ѣдётъ не дорогою,
Онъ во Кіевъ заѣжжаётъ не воро́тами,
Скацё конь черезъ стѣну-ту городо́вую,
Да воѣхалъ во Кіёвъ, славной Муромъ-отъ
Онъ ко тимъ-то́ ко раннымъ заутринямъ,
Онъ ко тимъ-то ко поздымъ ко обѣдёнкамъ:
Ужъ онъ ставитъ-то добра́ ко́ня не привязана,
Не привязанного ставитъ-то, не приказана,
Да воходитъ-то Дюкъ да во Божью церькву,
Ужъ онъ крестъ-отъ кладётъ да по уцёному
Да поклонъ-отъ ведё да по писа́ному;
Становлилсэ-то Дюкушко во сторо́вьицё.
Вси-ти кнёзи, бояра да огледѣлисе;
Да подходитъ Владимёръ да столно-кіеськой.
„Ужъ ты здрастуй, Владимёръ-князь столно-кіеськой!“
—Ужъ ты здрастуй, уда́лой ты доброй молодецъ!
Я не знаю, какъ тибя-то именёмъ назвать,
Именёмъ тебя назвать да изъ отеце́сьва.—
„Отойди-тко се, Владимёръ-князь столно-кіеськой!
Они не то тутъ поютъ, не тебя слушаютъ,
Намъ ужъ слушать велятъ звону колокольнёго“.
— Ужъ какъ милосьти прошу тебя хлѣба, соли ись,
Хлѣба, соли тебя ись да винной цяры пить!—

Да Владимёръ-отъ конь во ступь-ту бѣжитъ да лошадиною,
Да у Дюка-та рысью всё павйною.
Заводилсэ у Владимёра поцесёнъ пиръ
Да на многихъ князей-то, на многихъ бояровъ
Да на сильнихъ, могуцихъ на богáтырей.
Ише вси-то на пиру сидя́, пьютъ, ѣдятъ,
Ише вси-то на цёсномъ да напиваютце;
Ише вси при пиру да приросхвастались:
Ише глупой-о вѣдь хвастатъ родной матерью,
Неразумной-о хвастатъ родной сéстрицей,
Да неумной которой хвастатъ молодой жоной.
Да Владимёръ-о пó полу похаживатъ,
Ужъ онъ тростоцькой въ полъ да поколациватъ,
Да подходитъ ко Дюку да ко Стёпановицю:
„Ужъ ты шьто же, молодéць, не пьёшь, не ишь
Да неци́мъ-то, удалой-о, не забавляисьсе,
Да неци́мъ-то, молодéць, ты не похваляисьсе?
У тебя развѣ нѣту да широкá двора,
У тебя-то развѣ нѣту да своёго села,
У тебя развѣ нѣту да молодой жоны,
У тебя разьвѣ нѣту да рóдной матери,
У тебя разьвѣ нѣту да родной сéстрици?"
— Да у меня-то, братцы, домъ на семи вёрстахъ;
Кругомъ домушку оградушка булатная;
У мня пó сту столбовъ-то былó серебряныхъ,
По полу́тосту столбовъ у мня позолóчёныхъ,
У мня мѣдныхъ-то, желѣзныхъ цисла-смéту нѣтъ;
У мня сорокъ конюхъ да со конюшнями,
У мня сорокъ кухароцёкъ ходя въ гарусномъ,
Да другá-та вѣдь сорокъ ходя въ шолковомъ;
У мня пецьки-ти бѣлы да всё муравцяты,
Да помéлышка у мня изъ семи шолковъ;
Ише мать-та у мня была коласёнка;
Да колацикъ-отъ съѣшь—другого хоцитьце,
Да другой-отъ съѣшь—третьёго душа бажитъ.
Да поѣдёмте, братьиця, въ моё село;
Да берите-ко книгъ, да колько надобно,
Да пера-то берите да со цернилами;—
Ницёго-то не описать вамъ моя имушшесьва.—
Да поѣхали ко Дюкову широку̀ двору,
Да на тихъ они поѣхали на сто-то лошадяхъ,
Они набрали пéръ да со цернилами

Да бумаги они себѣ понáдобью,
Да пріѣхали ко Дюкову широку двору.
Ишше маменька у Дюка перепадаитце:
„Говорила я своёму да цяду милому:
Ты росхвастаисьсе, дитятко, широкимъ дворомъ,
Ты своимъ-то безцётненькимъ имѣньицёмъ!“
Да стрѣцяютъ-то Дюкушка кухароцьки;
Да здороваютце съ Дюковыма кухарками:
„Ужъ ты, здрастуйте, Дюкова ро́дна маменька!“
— У мня не маменька, тутъ-то мои кухароцьки.—
Да стрѣ́цеютъ-то Дюковы кухароцьки;
Да здороваютце они-то съ кухароцьками:
„Ужъ вы сдраствуйте-ко, Дюкова молода жона!“
— Не жона-та у меня, ише кухароцьки.—
Они стали описывать имѣньицё,
Да не стало у ихъ да не бумагъ, не пера,
Ницёго-то на Дюково имѣньицё;
Они всё-то придёржали, не хватило ницёго.

114.

Братья-разбойники и ихъ сестра.

Да бывала поживала пожила вдова.
Да у той у вдовы-то было девéть сыновъ,
Да девéть-то сыновъ было, ясныхъ соколовъ,
Да десята-та была да красна дѣвиця.
Ише братья сёстру да не возлю́били,
Не возлю́били сёстру, невознавидѣли,
Ненавидѣли братья да во розбой ушли.
Послѣ тихъ-то поръ мать доцьку возро́сьтила,
Да возро́сьтила она да замужъ вы́дала
За того-то за купця-гостя Морянина.
Они годъ-о живутъ да съ имъ другой живутъ;
Они прижили къ себѣ-то мала дѣтишша.
Захотѣлось тутъ Моряночьки въ гости къ матери:
„Ты поди сходи, Морянинъ, на коню́шей дворъ,
Выберай-ко себѣ да лошадь добрую,
Лошадь добрую себѣ да неѣзжáлую,
Неѣзжалую себѣ ты, постухмя́нную [1]),
Ты себѣ-то слугу-то праворучьную“.

---

[1]) Послушную.

Да не видяли Морянина на пóѣзьди,
Только видяли Морянина во цистóмъ поли:
Во цистомъ-то поли да дымъ столбомъ стоитъ.
Дымъ столбомъ-то стоитъ, да курева́-то куреви́тъ.
Да состы́гала Морянина ночька тёмная;
Розоставилъ шатёръ-о бѣлóй полóтьняной,
Повалилсэ со Моряночькой во бѣлóй шатёръ:
Ужъ онъ самъ повалилсэ на праву́ руку,
Да жону-то валилъ да на лѣву́ руку,
Мало дѣтишшо валили во серёдыши.
Ише мало-не шумъ-о шумитъ, не гамъ гами́тъ,
Да наѣхало девéть-то братьéй-розбойницьковъ.
Они ссѣкли у Морянина по плець голову,
Рóскинали-розбросали по цисту́ полю,
Мало дѣтишшо убили о сыру земьлю,
Молоду́ эту Моряноцьку во собой взели,
Во собой-то взели только до утрика.
Ишше всѣ-ти розбойницьки приза́спали,
Ише малой-о розбойницёкъ не спитъ, лёжитъ,
Да не спитъ онъ, лёжитъ да у ей спрашиватъ:
„Ужъ ты вой еси, женьшина Моряноцька!
Ты скажись какого города, коéй земли,
Ты какого отьця да какой матери?“
— Ужъ я города Кіёва, славна Мурома,
Я отьця-то доць Петра да Корóмыслова,
Ужъ я матушки Петри́хи да Коромыслихи;
Да у насъ-то ишше было девéть сыновъ.
Да деветь-то сыновъ у мня розбойниковъ,
Да десятая была да красна дѣвиця.
Ише братья сёстру́-то меня не злюбили
Да не злюбили миня да не возрóсьтили,
Не возросьтили миня, они во розбой ушли.
Послѣ этихъ-то поръ меня мать, доць, возрóсьтила,
Да возрóсьтила миня да замужъ вы́дала
За того меня купця-госьтя Морянина;
Ужъ я годъ-о прожила, ужъ я другой прожила:
Ужъ мы прижили къ себѣ да мало дѣтишше.
Захотѣлось мнѣ Моряночьки въ госьти къ матери;
Я послала Морянина на конюшей дворъ
Выберать себѣ [1]) коня-та неѣзжалого,

---

[1]) Т. е. ему; ср. № 112, прим. къ ст. 28. *Собир.*

Неѣзжалого себѣ-то да постухме́нного;
Насъ не видѣли съ Моряниномъ на поѣзьди,
Только видѣли насъ во цисто́мъ поли,
Во цисто́мъ-то поли у насъ дымъ столбомъ стоялъ,
Дымъ столбомъ-то стоитъ, да курева куревитъ.—
„Ужъ вы вой еси-то, братьиця родимыя!
Вы ставайте-ко, братья, да шьто вамъ я скажу:
Ужъ мы сѣкли у зетя да по плець голову,
О сыру земьлю убили любимого племеньницька,
Во собой-то возели да ро́дну се́стрицю!
Ужъ намъ полно-то, братья, ѣзьди́ть поляковать,
А поляковать-то ѣ́зьдить намъ, розбойници́ть!
Не узнать, когды-то мы ссѣкёмъ у матери голову.
Да поѣдёмте-ко, братья, во своё село,
Во своё-то село да къ свсему двору,
Повезёмте любиму-ту милу се́стрицю“.

115.

Князь, княгиня и старицы.

(Гибель оклеветанной жены).

Старина-та сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою́.
Ише ето вѣдь цюдо, братцы,—не́ цюдо,
Ише есь-то какъ цюдышко цюднѣ́ того:
Да женилсэ Ондрей да девяноста лѣтъ,
Ужъ онъ взялъ себѣ кнегину девети годовъ
Да уѣхалъ отъ кнегины на три годика.
Она годъ-о живётъ, самъ-другой живётъ.
На третѐй годъ приходятъ да три старици,
Да три старици стары, да три мана́шоци.
Принела-та кнегина да старыхъ стариц́ей,
Напоила, накорьмила хлѣбомъ до́сыта;
Стали старици у кне́зюшки всё выспрашивать,
Да выспрашивать стали у ей, вывѣдывать:
„Ужъ ты вой еси, кнегина девети годовъ!
Ты жолѣшь ли Ондрея девеноста лѣтъ?“
— Кабы пріѣхалъ ко мнѣ Ондрей девеноста лѣтъ
Середи ко мнѣ бы пріѣхалъ ноцьки тёмною;
Хоть бы выскоцила я въ одной рубашоцьки,
Не одѣла побѣжала, ёго стрѣтила;

Хоть бы безъ башма́цьковъ была, я бы въ одныхъ цюлоцикахъ,
Не одѣла бъ побѣжала, ёго стрѣтила;
Хоть бы безъ повойника я, въ одномъ платоцики,
Не одѣла побѣжала да ёго стрѣтила.—
Да ушло-то отъ кнегинушки три старици;
Они стрѣтили Ондрея во цистомъ поли.
„Ужъ ты вой еси, три стареньки три старици,
Вы три стареньки старици, три манашици!
Не видали ль вы кнегины девети годовъ?“
— Ужъ мы были у кнегины да девети годовъ.
Да кнегина у тебя да за гульбой пошла,
За гульбой она пошла, да загуляласе:
Перву горницю ты зайдёшь—да колыбель вѣсьнётъ,
Другу горницю зайдёшь—у тя друга вѣсьнётъ;
Третью горницю зайдёшь—у тя третья́ вѣсьнётъ;
Прожилась у тя кнегинушка, проматаласе:
Ко онбарамъ дорожоцьки изуто́рёны,
Да шурупцяты замоцики исприломаны,
Да стоялы [1]) твои хлѣбы да испрiѣдёны,
Да лёжашши-ти деньги роспрото́рёны,
Вси напитки у тя сладки да исповыпиты;
На конюшенъ дворъ зайдёшь—кони не убраны,
Они не убра́ны стоятъ да по колѣнъ въ говни.
Ты прiѣдешь—ссѣки у ей буйну голову,
Роскинай-то, розбросай да по цисту́ полю.—
Да прiѣхалъ Ондрей да къ широку́ дрору,
Середи-то онъ прiѣхалъ ноцьки тёмною.
Да стала ёго кнегина девети годовъ
Да услышила Ондрея девяноста лѣтъ,
Побѣжала стрѣцеть-то ёго безъ лѣтницька,
Да безъ лѣтника она, въ одной рубашоцьки,
Безъ платоцька она, въ одномъ повойницьки,
Безъ башма́цьковъ она-то, въ одныхъ цюлоцикахъ.
Ужъ онъ сѣкъ-то у кнегины по плець голову,
Роскиналъ-то, розбросалъ да по цисту́ полю.
Перьву горьницю зашолъ—у ей свѣшши́ горятъ:
У ей сколько не мо́лёно, сколько плакано,
Самого кнезя Ондрея у ей дожи́данось;
Въ другу горенку зашолъ—всѣ лампадоцьки затёплёны:

---

[1]) Эпитетъ коней; ср. стр. 168. *Собир.*

У ей сколько не мблено, сколько плакано,
Самого кнезя Ондрея на дворъ дожиданось;
Третью горьницю зашолъ—у ей краснá стоятъ:
У ей сколько не ткано, сколько плакано,
Самого кнезя Ондрея на дворъ дожиданось.
Ко онбарцямъ дорожки да не протбрёны,
Да шурупцяты замоцьки да не приломаны,
Да стоялы-то хлѣбы да не прiѣдёны,
Да лежашши ёго денёжки не придёржаны,
Да напитоцьки сладки да не повыпиты.
На конюшонъ дворъ зашолъ—да кони убраны,
Кони убраны стоятъ да по колѣнъ въ шолку.
Тогда палъ-то Ондрей да на добрá коня;
Перьву старицю состыгъ да ту конёмъ стопталъ,
Другу старицю состыгъ да на копьё прималъ;
Третья старицяя ёму да возмолиласе
Да во рѣзвы-ти ножки да поклониласе:
„Не троний меня, Ондреюшко девеноста лѣтъ!
Оживлю твою кнегинушку девети годовъ“.
Да повёзъ-то онъ стареньку-то старицю;
Оживила кнегинушку девети годовъ.
Возрадѣлъ втипбръ Ондреюшко девяноста лѣтъ.

116.

Небылица.

(Старина-погудка).

Старина-та сказать да старика связать,
Старика, братцы, связать да со старухою;
Ише это, братцы, чюдышко нецюдноё,
Ише есь-то, братцы, чюдышко цюднѣ того:
Шьто по морю, морю да жорнова несё,
Ише три-то снохи да жорнова дѣлятъ;
Ише это, братцы, цюдышко нецюдноё,
Ише есь-то, братцы, цюдышко цюднѣ того:
Шьто по синёму-ту морю какъ овинъ несётъ,
Да овинъ-о горитъ да со соломою;
Ише это цюдо, братцы, нецюдноё,
Ише есь-то, братцы, цюдышко цюднѣ того:

По поднёбесью-ту, братцы, какъ медвѣдь летитъ
Да коротеньками [1]) ножками погудыватъ,
Да коротенькимъ хвостёмъ своимъ поправливатъ;
Ише это, братцы, цюдышко нецюдноё.
Да свинья-та въ дубу, братцы, гнѣздо сьвила; —
Ише это, братцы, цюдышко нецюдноё,—
Да гнѣздо-то сьвила да дѣтей принёсла.

---

[1]) Прилагат. съ краткимъ окончаніемъ (безчленнымъ). *Собир.*

Словарь мѣстныхъ и старинныхъ словъ [1]).

А́жно **62**, 53—анъ, анъ вотъ. Р; С. „аже“.

А́ли **82**, 24—если. С.

А́то **75**, 113—анъ. Д. такъ что?

Ба́бушка **102**, 3—повивальная бабка. Д., С. „баба“; К., П. „бабка“.

Бажа́ть **15**, 180—стремиться, любить. Д., К., П.

Безо́тной **49**, 162—сирота, не имѣющій отца. Д., К., П., Р.

Безпро́сно **77**, 49—беспросыпно, безпросыпно.

Бла́зникъ **82**, 202—бла́знитъ, об.—показалось, почудилось. Д., К., П., ср. С.

Богода́ное ди́тетко **62**, 215—невѣстка. Д., К., П. „богоданный“—родственный по браку.

Большо́й у́голъ **44**, 37—передній, подъ образами, почетное мѣсто. Д., К., П., Р.

Борзоме́цькое **70**, 131; борзоми́ньское **77**, 106; борзомѣрное **107**, 13. См. „бурзуменьское“. Ср. Р. „долгомѣрный“.

Бра́ныя скатерти **22**, 83—изъ узорчатой ткани. Д., К., П., Р., С.

Брата́нъ **108**, 133—крестовый братъ. Ср. Д., К., П., С.

Брать **41**, 66, 143; **52**, 437—въ смыслѣ вспомогательнаго глагола взять.

Браты́ня **67**, стр. 344—металлическая чаша, изъ которой пьютъ пиво или квасъ. Д., П.; ср. К.

Брозаме́ньское **17**, 59; брозаме́цькое **3**, 201; брузаме́ньское **2**, 253; брузаме́цькоё **12**, 23. См. „бурзуменьское“.

Бу́ду **49**, 285—давай, въ смыслѣ побужденія?

---

1) Цыфры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ № былины, а слѣдующія за ними—ея стихъ. Обыкновенно дается указаніе лишь на одно мѣсто, гдѣ встрѣчается слово. Значеніе словъ объясняется 1) по Толковому словарю живого великорусскаго языка Даля (Д.), 2) по Словарю областного олонецкаго нарѣчія Куликовскаго (К.), 3) по Словарю областного архангельскаго нарѣчія Подвысоцкаго (П.), 4) по небольшому словарю, приложенному къ III тому Пѣсенъ Рыбникова (Р.) и 5) по Матеріаламъ для словаря древне-русскаго языка Срезневскаго (С.). Если слово слышано мною въ *обычномъ* разговорномъ языкѣ золотицкихъ крестьянъ, то я ставилъ при немъ отмѣтку: об.

Буёвой **70**, 120—боевой. Ср. К. „буй, буево, буевка".

Була́новя **2**, 140—уланы, татарскіе чиновники. Д. „уланъ".

Бурзумéньское **94**, 402; бурзамѣ́рное **107**, 31—эпитетъ копья, мурзамецкое, мурзинское. Д.; ср. С. „мурза".

Быва́ть: быва́ла **114**, 1—для образованія формы давнопрошедшаго. Ср. Д. „бывало-живало". Быва́тъ **4**, 175—можетъ быть. Д., К., П., Р.; **70**, 74—пожалуй.

Быть: былъ, была, было, были **1**, 3; **2**, 2, 90; **4**, 4, 171; **5**, 1; **8**, 3; **10**, 1; **15**, 1, 3; **16**, 7, 159; **17**, 1; **21**, 1; **25**, 1; **26**, 1; **27**, 92; **28**, 1, 48; **32**, 6; **33**, 1; **40**, 72; **42**, 3; **43**, 3; **46**, 4; **48**, 1; **50**, 1; **51**, 2; **52**, 2; **55**, 1; **56**, 1, 6, 134; **62**, 278; **70**, 206; **80**, 12; **82**, 194; **94**, 331; **108**, 3—для образованія формъ давнопрошедшаго. С.

Вали́тьце **100**, 157—ложиться спать. Д., К., П.

Варга́ны **3**, 216, 252—кандалы? Ср. Д., С. „варганъ"—музыкальный инструментъ въ видѣ согнутой желѣзной полоски.

Варо́вой **83**, 157—смоченный варомъ? Ср. Д.„ варовый косякъ"; П. „варъ, варовина". **100**, 273 „варёной".

Ва́ровать **24**, 118—вѣровать; **58**, 41—вѣрить. Об. ср. С. „варовати"; **102**, 9—слушаться; ср. „поваровать".

Вдостали́ **8**, 151—подъ конецъ; **65**, 227—наконецъ, окончательно; **79**, 189—въ концѣ концовъ; вдо́стали **82**, 48—послѣ всего. Ср. К., „досталь, достали́"—кромѣ того.

Верши́ть **52**, 28—казнить, умертвить. Д.

Висёмъ **50**, 139—висьмя, повѣшенный. Ср. Д. „висма".

Ворзомéцькое **71**, 130. См. „Бурзуменьское".

Воски́кать **79**, 133—закричать. Ки́кать—об. о крикѣ лебедей. Д., П.; Р. „возгакати, прокырчить".

Во собой **114**, 34—съ собой.

Вотýпоръ **46**, 54—въ ту пору, тогда.

Врака́ **6**, 59—ложь, вранье. Об., Д., П.; К., С.—„вракать".

Вти́пóръ **103**, 51; **100**, 259; втѣпо́ръ **112**, 41—тогда. Д., К., П.; втѣпо́ръ **105**, 16—затѣмъ.

Въ-ко́и-поръ **22**, прим. къ 157—въ то время какъ. Ср. Д. „въ кои по́ры"—въ кои вѣки.

Въ собой **24**, 25—съ собой.

Выздыма́ть **18**, 28; вызнима́ть **5**, 107—поднимать. Д., П.

Выть (ж. р.) **43**, 185—ѣда, пріемъ пищи. Д., К., П., Р.

Вѣ́ра **3**, 235—обычай, образъ жизни. Ср. Д., К., П.

Вя́зки **83**, 58—веревки, которыми привязываютъ (судно). П. Ср. Д.—„завязка"; К. „завязаться"; С. „вязчее".

Га́вря **40**, 133 — дрянь, гной? Ср. Д., К., П. „гаведь“; Д. „гаврить“—пачкать.

Га́русной **113**, 7—изъ гаруса, шерстяной пряжи. Д.

Гдѣ́-ка **94**, 71—хотя бы? ну хоть? Об. „гдѣ-то“—какъ-то.

Голуба́нушко **81**, 50—названіе коня по пепельному цвѣту шерсти, Сивко. Ср. „голубой“ Д., К., С.

Гости́нной **53**, 117—купеческій.

Гость (торговой)—купецъ. С.

Гра́ять **36**, 216—смѣяться. Об., Д., К., П.

Гре(д)ня **109**, 145; гривня—гридница, большая комната для собранія (дружины?) Р.; Д., С. „гридня“.

Да будутъ **49**, 134—чтобы были. С.

Дать: даю́ **20**, 175—дамъ; дай́мъ **2**, 177—дадимъ. К. „даютъ“.

Де́динка **87**, 26—жена дяди. Об. „де́дьна“, Д., К., П.

Дёржа́ть **113**, 114—издерживать, тратить. Д., К., ср. Р.

Достали́—см. „вдостали́. Ср. С. „досталь“.

Достальнё́й **62**, прим. къ 21—остальной. Об., Д.

Дружи́на **80**, 77—дружинникъ. Ср. С., Д.

Духо́вной: отецъ **8**, 99—духовникъ (употр. безъ отношенія къ этому значенію, какъ эпитетъ); свещщёвникъ **60**, 243—относящійся къ церкви. Д., С.

Дыба́тьце **14**, 25—качаться, трястись. П.; ср. С. „дыбати“.

Дѣлъ **17**, 103—дѣлежъ добычи, жребій. Д., П., С.

Е́ли **94**, 491—если. Д., К., С; **64**, 39—или. С.—ли.

Ёрлы́къ **52**, 57—письмо. Д.

Е́сень **68**, 162—ясное небо. Об., Д., П.

Есть вы́брали **90**, 7—вм. суть в., форма прошедшаго.

Е́та, е́тто **96**, 121; **22**, 141—этта, здѣсь. Д.

Живе́тъ **28**, 58—бываетъ. Об., Д., К., П.

Животъ **110**, 10—жизнь. Д., С.; **2**, 19—имущество, богатство. Д., К., П., С.

За (шьто) **69**, 37 —изъ-за (чего).

Забуду́шшой **94**, 498—отнимающій память. К. Р.; ср. С. „забытный“.

Зави́дной, завиду́шшой **63**, 134—6—завистливый. Д., П.

За́водь (ж. р.) **8**, 18—рѣчной заливъ. Д., К., П., Р., С.

Загану́ть **50**, 117—загадать. Д., К., П., С.

Задле́ньшина **68**, 210—житель „задле́нной“ стороны, окраины, что́ об.—отъ словъ: за Двиной,—„задвенный“. Ср. Пѣсни *Рыбникова*, III, Замѣтка, стр. XXXIV.

За́здрить **93**, 42—зазрѣть, завидѣть. Д. „зазрѣть“.

Залупа́ть 75, 408—задирать, заворачивать, вынимать. Д.; об. „лупа́ть"—обдирать; ср. С. „лупити".

Запира́ть 75, 246—захлопывать. Д., К.

За́повѣдь 63, 169—постановленіе. С.; **68**, 18—обѣтъ.

Заприцьта́ть 27, 68—начать причитывать.

Заручёвная 6, 148—обрученная. Об., П. „заруче́ньё"—благословеніе, наканунѣ вѣнчанья; ср. С. „заручений"—назначенный.

Заспа́ть 51, 101—заснуть. Об., Д., П.

За́сѣка 24, 2—засѣченный, заповѣдный лѣсъ Д.; ср. С. „засѣчи".

Затюре́мщикъ стр. 13, прим.—узникъ, арестантъ. Д., Р.; К. „долги пѣсни, говорятъ, затюремщики складаютъ."

Захлыснýлосе кому-ниб. **73**, 40—кто-ниб. неразумно похвасталъ? Ср. Д. „память, въ головѣ захлеснуло"—позабылъ; П. „захлы́шевой"—смѣлый, отчаянный.

Збрýда 77, 101—сбруя; **94**, 168, прим.—оружіе. См. „обруда".

Зворóнитце 52, 69—сворохнется, сдвинется.

Зглене́тце 18, 151—понравится? Об. глёнитьце"—нравится; Д. „глянуться".

Здохъ, сдохъ **14**, 124; **27**, 103—отдыхъ.

Зе́льё 41, 43—порохъ. Д., С.

Зоба́ть, зóблетъ **94**, 375—жевать, ѣсть. Д., К., П., Р., С.

Зобзýнъ 76, 157—птенецъ кукушки? укорит. назв. Ср. Д. „загозка"; К. „загожка, загошица"; С. „зогзица, зогзуля"—кукушка; П. „зозуля"—(ругат.) пьяница.

Зыча́ть 56, 213—громко кричать Д.; ср. К., П. „зыкать"; С. „зыкъ".

Извиня́тьце о чемъ-ниб. **56**, 213—сознаваться въ чемъ-н. Д.; **41**, 142—просить пощады, помилованія; ср. С. „извинитися"—быть оправданнымъ.

Изнева́гушка 22, 130—несчастіе. Д. „изневага"—неволя, тревога; С. „невазнивый"—несчастливый.

Изыма́ть 8, 26—поймать, схватить. Д., С.; К. „изнимать".

Има́ть 44, 86—ловить. Д., П., С., Р.

И́скопоть 61, 4; и́скопы **10**, 16—комъ земли изъ-подъ копытъ. Д., К., П., Р. „ископыть"; и́скопеть **75**, 351—яма отъ удара копытомъ.

Кали́ка—странникъ, просящій милостыню и поющій стихи. Д., К., С.—об.

Камча́тка 2, 37—узорчатая ткань. Д.; ср. С. „камчатый"—сдѣланный изъ камки, шелковой цвѣтной ткани съ узорами.

Камы́шники 45, 19, 25—жители г. Камышина? голенастыя птицы изъ семейства водяныхъ курочекъ?

Корабе́льщикъ 28, 29—владѣлецъ корабля; **50**, 12—капитанъ к. Д.; ср. С. „корабльникъ".

Кенорія 40, 24—киновія Д., С.—общежительный монастырь.

Ки́кать 64, 85—гоготать, кричать (о лебедяхъ). Д., С., П.—об.; Р. „гыкать".

Кинжа́лишшо 70, 154—ножны для ножа. Ср. „нагалишшо".

Клёска́ть 52, 67—ударять, бить. Д.; ср. К. „крёскать"; Р. „клеснуть".

Клѣть, клѣтка 52, 212, 279—кладовая, амбаръ, чуланъ, холодная половина избы; тюрьма? Д., К., П., С.

Кнеги́на 36, 82—новобрачная. Д., К., П., Р., С. „княгиня".

Кнёзюшка 115, 13—княгинюшка.

Кобы́лоцьки 100, 107—петли между двумя жердочками для подниманія нитей основы въ ткацкомъ станкѣ. Д. „кобылка".

Когды́ 17, 72—нѣкогда́, когда-то. С. „когда".

Коси́счатое окно 65, 102; крыльцо **68**, 146—„косящатое", обшитое досками. Д., П.; Р. „косерчетый".

Коси́ця 24, 10—бровь об; Д., К., П., Р.—високъ.

Кошу́лёцька 2, 36—кошуля, крытая сукномъ мѣховая шуба. Д., К., П., С.

Красота́ 109, 176—см. лѣпета.

Кружа́ло 6, 3—казенный кабакъ. Д., Р.

Крутёхонько 48, 28; **крутёшенько 6**, 115—скорехонько.

Круто́й: крута́я (борьба) 71, 17—скорая, проворная. П.; ср. Д., К.—об.

Кстить 14, 29—крестить. Д., К., П.—об.

Куде́лька 57, 11—ленъ или пенька для пряжи. Д.

Куко́льници 30, 9—съ „куколемъ", монашескимъ капюшономъ на головѣ. Д., С.; об. „куколь"—мѣшокъ.

Курева́ 17, 89—дымъ, пыль. Д., К., П.; ср. С., Р. „курево".

Куреви́ть 114, 22—куриться, дымиться; ср. Д., П.

Куть 18, 216—уголъ избы. Д.; ср. П., С; об.—уголъ.

Куха́рка, кухароцька 14, 169—домашняя работница, об.

Ла́да 112, 49—мужъ (ласкат.) Д., К., С.; **62**, 239—жена. Д.

Ла́шшить 41, 89—улещать, льстить; ср. С. „лащити, ласкати"; Д. „лащиться".

Лёжи́ть 1, 98—ложить, класть. П., Р., С., об. „ложить".

Ли 62, 70—или. С.; об. „ли-то".

Лиходѣевна 8, 41—прозвище жены Потыка; ср. С. „лиходѣльниця"=блудьниця; Д. „лиходѣйка"—злодѣйка; лихорадка.

Лицо: по моёму личю 67, стр. 345—по мнѣ, годный мнѣ.

Ли́шшеця, въ ли́шшицю кла́нетьце 103, 55—въ особицу, особенно; ср. С. „лише"—больше, кромѣ.

Лу́да **95**, 29—выдающійся изъ воды плоскій камень, об., Д., К., П., Р., С.

Луна́ **15**, 24—небо, небесный сводъ; **60**, 3—солнце?

Лѣпета́ **3**, 156—румянецъ; ср. Д., С. „лѣпота́"—красота.

Лѣтникъ **115**, 51—легкая холщевая женская одежда, надѣваемая на рубашку. Д., С.

Любя́шшей **65**, 81—любимый; об. „лю́бешшей".

Люшшитьце **85**, 161—испражняться; ср. Д., П. „лющи́на"—пометъ, испражненіе.

Лягá́тьце **112**, 72—качаться, переваливаться. Д.; ср. К. „ля́гендать, ле́гайдать".

Мало-не **109**, 231—какъ будто, словно=то не; ср. С.—чуть не.

Ма́тиця **81**, 244—главная, основная часть, середина. Д., К., П., Р., С.—об.

Матъ дава́ть **74**, 185—выигрывать у кого-ниб.; ср. Д. „матъ"—проигрышъ, конецъ игры.

Ми́ловать **11**, 130—оказывать милости. Д.

Могута́ **7**, 29—сила. Д., П., Р.

Мо́лвлю **38**, 48—говорю, наст. вр.

Мостово́ **50**, 32; мостова́ **80**, 19—пошлина за причаливаніе и проѣздъ по мосту. Д. „мостовое"; С. „мостовщина".

Мошь **3**, 106—можешь.

Мужи́къ **106**, 69—мущина, об.; ср. С.

Мукосѣйниця **15**, 162—работница, сѣющая муку́. Д. „мукосѣя".

Мура́влёны пе́цьки **15**, 174—покрытыя зеленой глазурью. Д., Р.; пе́цька-мура́вленка **67**, стр. 344—*тоже*; ср. Д. „муравленка"—муравленая посудина.

Мура́вцяты пе́цьки **113**, 9—*тоже*; ср. Д. „муравчатый"—травный, мелкокрапчатый; С. „муравьскый, мурамъ".

Му́рванка **77**, 53—мурмолка, черная шляпа. Д., Р.; ср. об. „Му́рванъ—Мурманъ; С. „муравское сукно"—нѣмецкое.

Муть **73**, 81—можетъ быть? ср. малор. „мабуть".

На **39**, 2—да.

Наби́лоцьки **100**, 108—набилки, двѣ досчатыя грядки, въ которыя вставляется бердо, въ ткацкомъ станкѣ. Д., П.

Навéсели **3**, 302—весело; ср. Д. „на́весели"—подъ хмѣлькомъ.

Навѣку́ **55**, 31—когда-то, нѣкогда; об. „навѣку́ не"—отъ роду не; ср. К. „на вѣкахъ"—встарину.

Нага́лишшо **7**, 79—ножны; С. „лагалище"; ср. Д., П. „нагалище".

Надѣлъ **64**, 153—дѣлежъ, раздѣлъ, удѣлъ. Д.; ср. П; С. „надѣлокъ".

Назёмъ **30**, 30—навозъ, об., Д.; назёмной **9**, 138—навозный.

Наи́грышъ 112, 100—мелодія въ игрѣ. К.; ср. Д. „наигры“.
Найти́ 56, 34—встрѣтить; ср. С.
Нако́нъ 35, 34—разъ, пріемъ. Д., К., П., Р., С.
Напра́вить 34, 117—приготовить. Д.; ср. С.
Напра́сной 22, 187—ложный; **56**, 56—нечаянный. Д.; **1**, 114—невинный. Д.
Нареди́ть 43, 79—устроить, приготовить. Д., П., Р., С.; нарежа́тьце **43**, 55—снаряжаться, собираться, готовиться. Д., С.
Нарьчо́ное 85, 73—договоренное, условленное; ср. Д. „нарекать, нареченье, нарокъ“; С. „наречение, наречи“.
Насту́пчивой 74, 62—рысистый, быстро бѣгущій; Р.; ср. К. „ступистый“; Д. „наступать“.
Нать 1, 196—надо. П.—об.
Наѣ́хать кого-ниб. **42**, 369—встрѣтить, настигнуть. Д., С.
Невнаце́й 1, 176—невзначай, неожиданно.
Незна́й.. незна́й **64**, 73—ли... или.
Незна́шьто 64, 201—неизвѣстно, Богъ знаетъ что такое. Д. „незнатно“; П. „незнать“; Р. „невѣмъ“.
Не... не 29, 54—не... но.
Нео́ткуль 63, 156—откуда ни, неожиданно?
Ново́й, мн. ч. но́вы **16**, 35—иной, другой. Д., К., П., Р.—об.
Ноче́сь 33, 34—этой, прошлой ночью. Д., П.
Нѣме́цькой 2, 143 - иностранный; ср. Д., С. „нѣмецъ“; П. „нѣмца́“—иностранцы.
Обдира́ть 55, 37—проносить (хмѣль)?
Облелѣ́ять 94, 44, ср. 224 — разлиться вокругъ чего-ниб. Р. ср. К.; Р. „лелѣевать“.
Ободве́рина 69, 225—дверная притолока. Д., К., П., С., Р.
Обошо́лъ кро́вью 1, 153 — изошолъ, истекъ. Д., П. „обойтись“.
Обру́да 74, 187—узда (и сбруя?). К. „обрутка“; П. „обруть“.
Обру́чниця 9, 28; обру́шьниця **75**, 32—невѣста. Д. „обручница“ С. „обрученица“; ср. П. „обру́чанье“.
Обсты́гъ 21, 145—обогналъ, об. См. „перестыгъ“.
Одина́кой 55, 4—одинокій, единственный. Д., П., Р.
Одинце́выя су́кна 18, 30—вытканныя изъ однѣхъ шерстяныхъ нитокъ. К.; ср. Д., Р., С. „одинецъ“.
Однозоло́тной, однозолочёной **61**, 180—изъ чистаго золота. Д., П.; ср. Р. „одномѣдный“.
Ойми́ 37, 72—возьми; ср. Д. „оймовать“.
Ока́тина 82, 10—крутизна; ср. Д, „окатъ“; С. „окачьный, вься-мо̀качьный“.
Ока́тистой 98, 43—крутой, обрывистый. Д.

Окбленки 76, 168—оконницы, рамы со стеклами. Д. „оконенка“; К. „окольница“.

Окбльней 75, 63—сосѣдній; Д., Р., С. „окольный“.

Окýтоцька 41, 129—одѣяло и вообще все, чѣмъ покрываются во время сна. Д., П. „окутка“.

Опáсность 79, 185—осторожность. Д.; ср. С. „опасывание, опасьно“,

Опрýжинки 4, 79—подпруги?; ср. Д., К., П. „опруга“. См. „упружинки“. Об. „пружи́ть“—жать.

Орýжьё 37, 107, мн.-и́ и -я́ **38**, 58; **51**, 90—ружье. Д., К., П.—об.

Остоя́тьце 51, 99; **63**, 28—остановиться на время. К.

Отганýть 50, 121—отгадать. Д., К., П.

Отдавáю 17, 178—отдамъ. См. „дать“.

Отéческая дочь 64, 66—отъ законнаго брака; ср. Д. „отецкій сынъ“.

Отмѣнной 65, 3, прим.—отличающійся. Д., К.

Оття́ть 69, 172—оторвать, отломить. Д.

Отýжинка 68, 9—веревка, которою привязываютъ сѣдло? Ср. Д. „отужина“—веревка въ сѣтяхъ.

Очéсьливой 105, 124—вѣжливый. Д., К., „отчесливый“.

Пáдёра 98, 67—вихрь, буря, вьюга. Д., К., П.

Паи́ть пай 57, 3—дѣлить по паямъ. Р. „паевать“.

Пáла 64, 128, 139—явилась, сдѣлалась. Ср. Д. „палось, пался“; П. „пасться“; об. „пади́ть“ (о вѣтрѣ)—задуетъ.

Пáрной 21, 98—одинаковый. Д.—об.

Пáужинать 67—ѣсть „пáужину“, закусывать между обѣдомъ ужиномъ, въ 3—4 часа. Д., К., П.—об.

Пахáть 101, 31—мести. Д., К., П.; Р—об.

Пéльки 81, 424—женскія груди. Р.; Д.—одежа, запонка на груди.

Перевáлъ 52, 260—широкая куча, гряда. Д., К., Р.

Переди́ 2, 295—напередъ; С.—впереди, прежде.

Пережи́мистой 36, 126—съ тонкой таліей К.

Пережи́мъ 36, 126—талія. Д.—суженіе, перехватъ.

Переня́ть 28, 37—взять, поймать. Д., С.

Перепадáтьце 109, 127; перепáлсэ **8**, 145—пугаться; Д,, К., П., Р. „перепасться“.

Пересты́гъ 21, 62—перегналъ, опередилъ. Д. „перестигать“; С. „перестичи“.

Плани́да Бóжія 41, 25, прим.—комета, об. Д.—судьба; С. „планита“—небесное свѣтило.

Плотовó 80, 58—пошлина за причаливаніе къ плоту. Д. „плотовое“—плата за перевозъ.

Повали́тьце 1, 105—лечь спать. Д., К., П.—об.
Пова́ровать 73, 276—повѣрить, обратить вниманіе, внять.
Повы́неслось 49, 26—узналось; ср. С. „нестися".
По́вѣтерь 21, 142—попутный вѣтеръ. Д., К., П.—об. С. „повѣтріе".
Погоди́тьце 36, 73—пригодиться, оказаться Д., С.
Погре́жоно 99, 1; погряжено **76, 56**—напрокажено. Д., П. „гре́зить"—дурачиться, шалить, пакостить; С. „грѣзити"—мучить.
Подва́лышша 31, 90—„повалыша", холодная горница, строящаяся черезъ сѣни противъ избы. С.; Д. „повалуша".
Подле́рнуть 14, 34—пододвинуть. Д.
Подкорю́цить 4, 127—поддѣть, подмять. Д. „подкорячивать".
Подоро́жницьки 18, 233—взятые на дорогу съѣстные припасы, обыкновенно печенье. Д., П.—об.
Подшта́нники 20, 61; 105, 116—штаны. Д.—портки (?).
Подъ 15, 177—выстилка въ печи, гдѣ кладутся дрова Д., С.
Пожила́я 87, 47—матерая, почтенная (об. „матёрой"—большой).
Пожо́гъ 100, 288—горящій костеръ. Д., К., С.
Позды́нывать 67—поднимать. Д., К. „вздынуть"; С. „въздынути".
Пой 69, 197—пойди. К.
Покля́пъ 3, 48—наклоненъ. Д., Р., С. „покляпый".
Покрутёшенько 75, 334—см. „крутёхонько".
Покруцё 87, 31; покручё **107, 74**—поскорѣе; об. „круто"—скоро. См. „крутой".
Покуре́жоно 99, 2; покуря́жено **76, 56**—покучено; ср. Д. „курежъ"—кутежъ, попойка; С. „курва"—распутная женщина.
Поленйця 17, 96; 93, 6—богатырша. Р.; **109, 82**—разбойница ср. С. „поляница"—удалецъ.
Полкъ 18, 215—(мужской или женскій) полъ,—об.
По́лого мѣсто 51, 175—полое, пустое, щель. Д. „поло"; ср. К., П., С. „полый".
Полтретья́ста 48, 59—двѣсти пятьдесятъ; ср. Д. „полтретья"—два съ половиною.
Полу́дновать 73, 259—держаться, существовать; ср. Д.
Получёвныя стихари́ 2, 141—парчевые?
Полѣ́совать 18, 208—охотиться въ лѣсу. Д., К., П.
Полѣ́сьницёкъ 18, 295—охотникъ за лѣсной дичью. Д., К. „полѣсникъ"; ср. П.
Поля́ковать 67—воевать въ полѣ, Р.; **27, 78; 109, 80; 114, 70**—разбойничать; об.—уходить надолго стрѣлять птицъ; К.—уходить на заработокъ.
Поля́нка 3, 38; 57, 7—„полонянка" (Р.), плѣнница; ср. С. „полоняникъ, полоняный".

Помитуситьце **75**, 248; **76**, 167—скривиться. Д.; ср. С. „митусь".
Помо́лкнуть **81**, 2, 163—помутиться? затуманиться?
Пора́то **34**, 144—очень. Д., К., П., Р.—об.
Портомо́йниця **52**, 267—прачка. Д., ср. К. „портно"—холстъ; Р. „портъ"—платье.
Поры́вочной **76**, 55 (бой)—урывками, по временамъ; ср. Д.
Постухмя́нной **114**, 17; стр. 45—„насту́пчивой?" (см. это слово); ср. С. „поступьный"; Р. „ступистый"; Д. „поступь"—поступка коня.
Постыди́ **96**, 153—постиги, догони. Д., С. „постичь".
Потреби́ть **31**, 61—погубить. Д., Р.; С. „потрѣбити".
Потьпя́лсэ **111**, 44—подпнулся, споткнулся; об. „опну́тьце"—подождать.
Потя́нутой (о платьѣ) **2**, 37—покрытый; ср. П. „потяну́шка"—кафтанъ, кофта.
Похи́тить **48**, 129—погубить. Д.
Поче́стной, поче́сенъ **62**, 123—почетный, праздничный. Д., П.
Пошерба́тьце **71**, 123—пощербаться, зазубриться; ср. Д. „щербить"; Р. „повыщербѣть".
Поши́ньивать **69**, 57, 65—подергивать, задирать; ср. Д., К., П. „ши́ньгать"—щипать, теребить.
Пре́дае́мъ **45**, 56—предадимъ. См. „дать".
Предлага́ть **34**, 107—предсказывать?; ср. Д. „предлежать"—предстоять, видѣться въ будущемъ.
Предме́ты **51**, 165—примёты, откосъ городской стѣны. Д.
Пречу́дной **64**, 111—см. „чудной".
Пригоди́тьце **31**, 95—оказаться, случиться. Д., К., П.
Придво́рникъ **83**, 87—придверникъ, придворный; ср. Д.
Приза́рило **74**, 181—прельстило. Д., П.; приза́ритьце 173—позариться, польститься. Д.; К. „зариться, призоръ"; Р. „обзариться".
Приздыну́тьце **23**, 248—подняться. П.; Р. „призаздынуть"; К. „здынуться". Приздыма́ть, признимать **24**, 115, 132—приподымать. Д., П.; К. „здымать". Призня́ть **69**, 170—поднять вверхъ. Д.
Приро́да серде́чная **46**, 104—родители, родня. К.
Прирозжа́литьце **36**, 225—начать жаловаться. Д., К., П. „жалиться"; Р. „пожаливаться".
Приростѣ́шитьце **29**, 11—раскричаться?
Присодви́гнуть казну́ **42**, 51—накопить?
Приста(ва)ть за кого-ниб. **49**, 201; **71**, 184—стоять, заступаться. Д., П.

Пристыга́ть **1**, 96—застигать. Д., П. „пристигать“.
Притули́тьце **18**, 216—спрятаться. Д., П.; К. „тулиться“.
Причёлкано (платье дождя́ми) **62**, 381—прищелкано? ср. П. „чё-кать“ (о дождѣ)—стучать каплями.
Проводи́ть про кого-ниб. **32**, 7, ср. 16—сплетничать? осуждать?
Прожи́тосьнёй,-чной **2**, 352; **60**, 25—зажиточный. Д., К., П.
Прости́тьце **31**, 168—получить прощеніе. Д.; прошшатьце **22**, 152; съ кѣмъ-ниб. **105**, 169—просить прощенія, каяться. Р., Д. „прощаться“.
Протамо́жить **80**, 21—прописать, дать свидѣтельство объ уплатѣ тамги, торговой пошлины; ср. Д. „тамжи́ть“.
Пружи́ть **53**, 117—опрокидывать. Д., П.—об.
Пу́рга, род. пурги́ **98**, 67—снѣжная метель. Д., К., П.—об.
Пу́тани **3**, 215—путы. Р. „путыни“; пу́тины **72**, 48—узы.
Пѣ́шочки **41**, 63—пѣшки въ смыслѣ: шахматы? ср. К. „пѣшки“—шашки.
Пята́—деревянный шпенекъ, на которомъ ходитъ дверь: на́ пяту **14**, 27—настежь. Д., П.
Ре́ина, ре́инка **100**, 272—6; рей, дат. ре́ю **23**, 224—висѣлица. Д., Р. „рель“; ср. „рей“; К. „райна“.
Ро́бить **57**, 44—работать. Д., К., П., Р.
Розгова́ривать **99**, 63—отговаривать, уговаривать. Д.
Розгруби́лось (сердце) **37**, 48—разъярилось; груби́ть (сердце)—сердить.
Роздёрнулось по го́роду (о вѣстяхъ, слухахъ) **7**, 153—разошлось.
Роздо́лье **61**, 3, 76—широкая долина. Д.—просторъ, ширь.
Розду́мать **61**, 139—догадаться; Д.—выдумать, отгадать.
Розннма́ть (книгу) **18**, 185—раскрывать; ср. Д.
Розы́нутьце **38**, 39—разинуться, разверзнуться; ср. П. „розы́нька“—створчатая раковина.
Роспрото́рить **3**, 28; **115**, 40—истратить. Д.
Роста́нь **69**, 7—перекрестокъ. Д., К.—об.; П., Р. „ро́зстань“.
Роста́ть **99**, 102—разставить, разнять.
Ростосну́тьце **5**, 65—растосковаться, начать мучиться; ср. Д., К. „тосну́ть“.
Росьпина́ть **51**, 194—растянуть, разомкнуть, разбить. Д.; ср. Р. „пясть“—пнуть.
Ру́шать **36**, 87—разрѣзать. Д., К.
Ры́той ба́рхатъ **52**, 56—узорчатый; ср. Д., К.
Рѣша́ть **94**, 105, прим.—убивать, губить. Д., К.
Самоцьвѣ́тное каме́нье **82**, 6—самосвѣтное, свѣтящееся; ср. Д.
Свёрсна́, сверстна́ **9**, 37; **20**, 205—подходяща, ровна. Д., Р.

Семья́ **5**, 4—жена; ср. К., Р.

Середа́, мн. ч. сёреды **75**, 132, 170—полъ въ избѣ. Д., К., Р.; первонач. значеніе—поднятое на ступень мѣсто передъ печью, мощеное кирпичомъ. Д.

Ска́жутъ **51**, 61—говорятъ, наст. вр. К. „скаже"—говоритъ.

Сметъ 1, 137; смётъ **101**, 13—счетъ. П.—скидка со счета.

Смотри́ть **21**, 104—высматривать какъ на смотринахъ. Д. „смотрѣть невѣсту"; об. „смотрѣ́ньё"—смотрины.

Собруня́тисе **85**, 34; **94**, 168—вооружаться, снаряжаться; ср. С. „бръня", готск. и др.-нѣм. brunja; Д. „собруняться"—надѣвать сбрую (?).

Со́вѣсьть **36**, 93—удовольствіе.

Сосвѣ́тной **2**, 342—сесвѣтной, сего свѣта. Р.; ср. К. „сесвѣтной"; Д. „сосвѣтный".

Состыга́ть **82**, 140, 198—догонять, об.; Д., П. „состигать"; состы́гла (ночь) **51**, 100—застигла, застала. Д. „состичь". Состыди́ **96**, 126; состы́кчи 149.

Сперепа́лсэ **111**, 126—см. „перепадатьце".

Спи́цька, спи́чоцька **7**, 91—вѣшалка, деревянная палочка, вбитая въ стѣну—об.; Д. „спица"; ср. К. „спичникъ"—полотенце.

Спосо́бной **21**, 142—спопутный, благопріятный. Д., К.

Срмѣни́тьце **79**, 175—вспремѣниться, замѣниться; ср. *Тихонравовъ и Миллеръ*, Русскія былины; II, 250: „возвременилася".

Сры́вочной (бой) **76**, 55—ошибка; ср. Д.

Ссать **110**, 65—сосать. Д., К., Р.

Ставники́ (въ дверяхъ) **75**, 248—стойки—об.; (у оконъ) **102**, 52—рамы; ср. Д., П. „ставни́къ, ставень".

Ставцы́ **109**, 172—основная часть ткацкаго станка. Д., К. „ставецъ"; П. „ставины".

Стари́(ы)ньшина **2**, 2—старѣйшина.

Сто́йка **55**, 23—прилавокъ. Д.

Строкъ **25**, 34—отсрочка, промежутокъ времени; ср. К. „строкъ"; Д. „срокъ".

Ступь **113**, 55—шагъ. Д., К., П., Р.—об. Ступь, сту́пьиця бродо́вая **69**, 141; **81**, 321—тихій шагъ, какъ идутъ въ бродъ. Д., Р. „бродучій".

Сухо́е зо́лото **2**, 132 = золото для шитья, канитель или бисеръ; ср. К. „сухокрасный".

Сходи́ть **78**, 361—сбить, срубить; ср. К. „ходить"—бить.

Съ **14**, 165—послѣ.

Сьняга́ **109**, 86—пара, ровня; ср. Д. „снага́"—сила; „сна́жный"—здоровый, удобный.

Сѣдо́къ 107, 44—посадникъ?

Тёмной 54, 17—слѣпой. Д., Р.; ср. К. „темень“.

Токо, токо (энкл.) **1**, 65; **97**, 37—только. К.; **1**, 123; **56**, 110—если, об.; **34**, 171,—ли; **2**, 81—такъ какъ; **18**, 258—такъ и быть; Д.—чуть-ли, едва-ли; **17**, 169 токо... токо—если... то.

Толкова́ть **1**, 112—смекать, догадываться, понимать. Д., К., П.

Тошши́тѣ **97**, 20—тратить; ср. Р. „тощиться“.

Ту **75**, 122—тутъ. К., Р.

Тулётьце **9**, 151; тули́тьце **75**, 44—прятаться, хорониться, закрываться. Д., К., Р. „тулятся“; К. „тулиться“.

Тю́кнуть **78**, 307—рубнуть, П.; Д., К. „тюкать“.

У **11**, 154—изъ; **42**, 288; **45**, 7; **64**, 30 у кого-ниб.—къ-ниб. (abl. instr.).

Ува́жить кому-ниб. **10**, 41—обратить вниманіе, сдѣлать исключеніе, помиловать? **36**, 130; **43**, 66—сдѣлать пріятное? Д.—почитать, уступать.

Ука́тистой **2**, 272—см. „окатистой“.

Укла́дной **10**, 151—стальной. Д.

Укла́дъ **50**, 80—наварная сталь. Д., П.

Укра́инка **108**, 24—страна, мѣстность, область, об.; ср. Д. „украйна“; П. „украйной“.

Уво́сной **21**, 143; **50**, 10—отъ берега, попутный (о вѣтрѣ). Д.

Упа́дка **37**, 60—паденіе духомъ, страхъ; „не съ упадкою“—бодро, рѣшительно. К. Р.

Упру́жинки **4**, 47; **34**, 120—подпруги?; ср. Д., К., П. „упруга“. См. „опружинки“.

Уста́точекъ **74**, 283—усталость. Д., К., П.

Утробе́ть **64**, 212—сробѣть, испугаться. Д., П. „удробѣть“; об., К. „дробѣть“; Р. „удроба“.

Уходи́ть **15**, 74—испортить. Д.; ср.К.; об. „уходило“ кого-ниб.—кто-ниб. погибъ.

Участь **2**, 159—счастье. Д.

Хвоста́тьце **111**, 24—париться вѣникомъ. Д., К.

Хлоста́ть **31**, 39—исхлестывать, измочаливать; ср. Д., К. „хвостать“—хлестать, хлопать.

Хошь **3**, 207—хочешь. К.

Храни́ть (посты) **64**, 112—соблюдать; Д.—вѣрно исполнять.

Худа́я боль **40**, 126—венерическая. Д.

Церёнъ **23**, 103, цернёной—см. „чернёной“.

Цирка́льское—см. „чиркальское“.

Цюлъ **109**, 35—чулъ, слышалъ. Д., К., П.—об.

Чернёной **28**, 28, черьлёной **95**, **27**; червёнъ **21**, 61—червленый, багряный. Р. „черленый, черненый“.

Чета́, чота́ **75**, 93, 95—ровня, пара. Д.

Чинега́лишшо **94**, **405**—черенокъ копья (ошибкой); К. „чинжалище“—ножны кинжала; Д. „чингалище, чинжалъ“—кинжалъ; Р. „чинжалище“.

Чирка́льское (сѣдло) **51**, **23**; черка́льскоё **46**, **47**—черкасское, черкесское.

Чу́дной **64**, 121—чудотворный (эпитетъ образа). Д.

Чума́къ **77**, 71—цѣловальникъ, кабачникъ. Д., К.

Шали́ть **23**, **199**—шалѣть, сходить съ ума. Д.; ср. К., П. „шаль“.

Шалость **34**, 50—гульба, нарушеніе цѣломудрія? ср. К. „шалопутъ“—безпутный, мотъ; П. „шалай“—повѣса, бездѣльникъ.

Ша́рнуть **20**, 137; **94**, 501—ударить. К.; ср. П. „шарчать“.

Шелапы́га **47**, 123, шепалы́га 79, 110; **52**, 315; шепалу́га 318—шелепуга (искаж. подъ вліяніемъ сл. „шалыга“—дубина), шелепъ, плеть изъ толстаго ремня. Д.; Пѣсни, *Кирѣевскаго* I, 9; *Гильфердингъ*, № 312, ст. 49.

Шо́ломя **82**, 10; **98**, 43—холмъ. Д., Р.

Шти **89**, 11—шести. К.—об.

Шу́рновати **89**, 13—шурмовать, ударять, бросать; ср. К. „шорнуть“— ударить (ножомъ); Д. „шуркать“—бросать; Р. „штурмовать“.

Шу́тка, шу́точка **27**, 122; **56**, 115—нешуточное дѣло, проступокъ.

Шшо́тоцька **97**, 5—пучокъ волосъ надъ копытомъ. Д. „щетка“; Р. „щеточка“.

Эли **70**, 110—или; ср. К. „эль“—если. См. „ели“.

Э́та 19, 69; э́то **75**, 231; э́тта **50**, 39—здѣсь; К., П., об. „этта“; Д. „этто, этъ“; этта дѣвицю **49**, 310 — здѣсь около дѣвицы? 23, 13—сюда; э́та **89**, 42, прим.—тогда, въ это время.

Яблучко (у копья) **98**, 96—набалдашникъ у рукояти въ видѣ яблока. Д.; Р. „яблуню“.

Ягодьници **75**, 40, 57—щеки. П.; Д., К. „ягодица“.

Яро́вцяты (эпитетъ гуслей) **21**, 2—яворчатые, изъ явора. Р.

Ярой воскъ **35**, 5; лёдъ **20**, 177—чистый: бѣлый или не покрытый снѣгомъ. Д., К. Бѣлоя́рова пшени́ця, шани́ця, **42**, 134—бѣлая яровая; ср. К. „ярь“—яровой хлѣбъ. Д. „бѣлоярая п.“—кукуруза (?); ср. Р.

I.

Указатель предметовъ[1].

Амбары съ запасами 168, 562.

Ангелы 51, 306, 346, 421—2, 449—50; а. хранители 299.

Апостолы 271.

Арканъ 501.

Архіереи 273.

Атаманъ, такъ называется Илья Муромецъ 214, 502; Стенька Разинъ 293; а. каликъ 445, 494, 524; атаманы, атаманщички 434, 478.

Атласъ 335, бѣлый дорогой 296.

Баба, у нея волосъ долгъ, умъ коротокъ 85, 420; повивальная б. задворенка 518, 547.

Балконъ высокій 178.

Баня 170, 516, 518; парная 113, 550.

Бархатъ 168, 335; рытый 40, 183, 244. См. стулъ, сумки, диванъ.

Башмаки 562.

Башня 211; наугольная 46, 371, 375, 380, 415, 417, 432, 436, 438, 479, 511, 537; треугольная 543.

Береза 60; бѣлая 358, 516; кудрявая 316; зеленая 31, 102.

Благословеніе сына родителями 31, 212, 330; отцомъ 406; матерью 59, 102, 154, 270—1, 314, 358, 369, 435, 468; матерью дочери для замужества 176; княземъ Владиміромъ богатырей 104, 213—4, 390, 405; Иваномъ Грознымъ Потанечки на бой съ Кострюкомъ 188.

Блюдо серебряное 239—240.

Богатство ненужно старому 32, 352, 500.

Богатыри сильные, могучіе, русскіе—часто; пять 53; три 469; семь на заставѣ 502; тридцать 523; двѣнадцатилѣтній 56, 59,

[1] Указатели составлены, при незначительномъ моемъ участіи, *Н. В. Васильевымъ*. Цыфры означаютъ страницы.

403; младой 305; святорусскій 89; славные 45; удалые 186; бѣдный 187; двѣнадцать 38, 513—4; спятъ въ шатрахъ 44; уѣзжаютъ изъ Кіева 38, 47; собираются къ Кіеву 49—50, 437; къ Владимиру отовсюду 234; къ Петру I на пиръ 303; богатырь—князь 253; богатырицы 255; богатырей запретили, какъ не стало Владимира 294; не случилось въ Кіевѣ 409; богатыри-богачи 282, 302; кіевскіе б. 313, 317; состарились и преставились въ Кіевѣ 403—4.

Бой, борьба рукопашкою 56, 187—8, 233, 419, 488, 504, 506; бой огненный 205.

Болота 32, 332.

Бояре 37, 184, 197, 198, 470; кособрюхіе 38, 42, 215, 223, 351; брюшинники 482—3; живутъ при дворѣ князя 45; бояринъ 97, 256, 347, 414—5; боярыня 255, 290; думные 476, 482.

Боярскій сынъ 53, 234, 256, 290; б. родъ 54, 255; б. дѣти 221; забавы ихъ 55.

Брага 308.

Братина съ пивомъ 344.

Братанье черезъ обмѣнъ перстней 156; крестовъ 214, 233, 280—1, 310, 539; брататься, здороваться = биться 439—40, 487; братаны 539; братья крестовые 47, 64—8, 147—8, 150, 214, 234, 237—8, 268—9, 310—1, 318—9, 324, 329, 368, 395, 423, 427—8, 491; названые 68, 151, 359, 502, 522, 541, 543; крест.-назв. 80, 127, 233, 235, 248, 280—1, 385, 391—2, 394, 426, 437, 465, 520.

Бродяга деревенская 112.

Бугоръ сильный, сравненіе съ нимъ богатыря 54, 483—4, головы 544, 547.

Бумага 106, 108, 373, 430, 434, 481, 516, 559; гербовая 40, 168, 183, 244; хлопчатая бѣлая 201; листъ бумаги 46; гербовый листъ 168.

Бурлаки московскіе 476.

Вдовы 242, 245, 296, 366; бѣдныя 184, 186, 267, 318, 481—3; молодыя 426—7.

Верба кудреватая 182—3.

Верста мѣрная 39, 55, 85.

Вечерни позднія 75.

Вода ключевая свѣжая (см. умыванье), болотная 105, 333; медовая 106, 117, 333, 518; мертвая и живая 238, 328; воды теплыя 328.

Водки разныя 33, 324; сладкія 248; водочка сладкая 127, 280.

Водолазы 493.

Водяной 269, 462—3.

Воевода 197—201, 470—1.

Волкъ сѣрый 256, 258, 347, 386, 445, 481.

Волхвы 376; волшебство 77.

Вӧроны черные 93, 159, 177, 256, 258, 328—9, 386, 445, 512; каркуны 113.

Ворота городовыя 347.

Воскресенье свѣтлое Христово (см. почитаніе).

Востокъ—см. молитвы; восточная святая сторона 212.

Вырубаніе со стараго до малаго 41, 49, 59, 394—5, 432, 483, 485, 544; до единаго 52, 205, 226, 405—7, 441, 486; не оставленіе силы на сѣмена 81, 88, 205, 405, 407, 417, 439.

Вѣдьма 34.

Вѣнецъ златъ 83—4, 101, 126, 128, 154—5, 176, 185, 241; царскій 457; = вѣнчанье 175, 302, 314, 317, 334, 342; вѣнчанье 75, 125, 242, 302—3, 372, 387, 514—5, 529, 555.

Вѣра православная 41, 50, 52, 93, 95, 96, 271, 292—3, 345, 456, 458, 475; христіанская 183, 234, 475; крещеная 185; богомольная 96, 298; спасеная 96, 247, 300; святая 475; старая, старинная 96, 198, 200, 298, 300, 470; тяжелая 100, 332, легкая 101, 332; неправая 51; невѣрная 155.

Вѣтры буйные 156, 199, 251.

Вязъ черный 262—4, 266, 268.

Гавань 120, 122, 243, 429—30; тихая 122; княженецкая 244; корабельная 491.

Генералы 6?; генеральскій родъ 54; сынъ 53, 234.

Голосъ зычный 118, 173, 183, 189, 191, 253, 291, 310, 325 и др.

Голова буйная (часто), удалая 267; грѣшная 279.

Голуби сизые 421, 510—1.

Гонцы скорые 221, 223, 227, 252, 288, 303, 321, 472.

Гора крутая 117, 159, 229; каменная 152—3, 155; отъ земли до неба 154; высокая 324; великая 254; святая 270.

Горницы высокія 171; свѣтлыя 127; новыя 466; столовыя 344, 372, 417, 460; заднія 477, 510, 521, 530, 546, 551, (убраныя); г. спальня 387, 447.

Горностаи 159, 256, 259, 512; бѣлые 152, 386; сѣрые 465.

Гости торговые 95, 190 и др.

Грамота 46—7, 183, 235; скорая 40, 202, 243—4, 252, 315, 340; нѣмецкая (иностранная) 40; см. татарская, русская; грамота святая 256; Господня 269; Божья 297; обученіе грамотѣ 179, 256, 261, 269.

Гридня 350, 379, 414, 438, 475—6, 544; княженецкая 437, 479, 495, 517, 525, 534.

Гробъ 194, 344, 388, 514; Господень 557, желѣзный 310, выпадаетъ изъ тучи 311; гробница 388—9.

Груди бѣлыя—часто; черныя 237, 328—9, 421; сѣрыя 239—40.

Гусли звончатыя 66, 137, 322, 392, 453, 455, 555; игромыя 322, гусельцы 84, яровчатыя 135.

Дани-пошлины 119, 136, 144, 146, 340, 381—4, 387, 429—30.

Дворецъ царскій 146, 284, 462; государевъ 188—9, 285—6, 297; царскій государскій 303; княжескій 335, 336; хрустальный 336.

Дворникъ 354, 391.

Дворъ широкій—часто; княженецкій 340, вдовій 232, сиротскій 321, конюшенный 92, 105, 107, 168, 365, 562, конюшій 559; на семи верстахъ 516, на семидесяти семи столбахъ 101, 105.

Дворянскія забавы—охота 36, 49; см. боярскій; дворянскія утѣхи—метаніе палицы 366.

Деньги лежащія 562.

Держава королевская 119.

Диванъ рыта бархата 285, да красна золота 242.

Дороги: три нечистыхъ 31—2, прямоѣзжихъ 234—5, славныхъ 294, широкихъ 380; прямоѣзжая 34—5, 347, 350, 352, 502, 532, широкая 123, 229, 381, незнакомая 285.

Драка кроволитная 244, 246, 370—1, 395—7, 415, 424; кроволитіе 340.

Дружина хоробрая 213—4, 227, 262—8, 271—2, 293—5, 359, 431, 441, 444—5, 453, 456, 480—1, 483, 485—6, 492, 504, 526, 546.

Дружко (на свадьбѣ) 372.

Дубина въ 90 пудъ 89.

Дубъ сырой 32, 307, 309, 348, 354, 358, 419—22, 464, старый 331; девять дубовъ 347, 532; семь 34.

Духъ святой 143, 157, 450, 474; богатырскій, мертвый 311.

Дѣвица красная—часто; сѣнныя дѣвушки 128, 249, 285, 290, 296; дѣвушка служаночка 465—6, 520—2; дѣвья плачь 426—7, дѣвій столъ 555.

Еретица 75, проклятая 77; разбойница 251, безбожница 253—4, 429.

Желѣзо прикованое 51, желѣзная полоса 76.

Жемчугъ скатный 98, 113, 185, 267, 293, 296, 430, 459, 479—80; дорогой мелкій 417, 459; скачёныя жемчужинки 182, 192; сравненіе съ жемчужиной 191, 193, 316.

Женитьба 297, 303, 312, 362; не каждому удается 556; ненужна старому 32, 352, 500.

Женихъ 282, нареченный 33.

Жеребьи 333, ихъ метаніе 50, 137, красна дерева, дубовые 492.

Жернова 563.

Заводи 427, тихія 87, 159, 231, 333, 364, 366, вешнія, 508—9.

Загадки хитромудрыя 253, 432.

Зайцы бѣлые 465, 468, сѣрые 151, 159.

Законъ Божій (= бракъ) 101, 185.

Замки 254, 287, 511, крѣпкіе 71, 98, 150, 178, 191, 246, 260, 279, 293; заморскіе 69, 79, 97, 99, 242, 268, 278, 392, 417, 454; желѣзные 266, висучіе 510, 544, шурупчатые 562.

Западная сторона 531.

Застава: три заставы у цар. Груб. 154—5,—великіе по дорогѣ къ Кіеву 347, 350, 532; въ 7 богатырей между Кіевомъ и Черниговомъ 502—3, называется великою 504—5.

Затворничество дѣвушекъ 69, 97—8, 178, 417, 477, 510, 543.

Заутреня 345, ранняя 103, 127, 174—5, 466.

Звѣзды частыя 96, 102, 106, 152, 184, 274; мелкія 468, Божьи 254, з-да поднебесная 456, 458.

Звѣри рыкучіе 108, рысущіе, бѣгущіе 234; звѣрь страшный (съ нимъ сравнивается конь) 236; престрашный подъ землей 276.

Зелье лютое (порохъ) 56, 81, 133, 169 (съ нимъ сравнивается богатырское сердце); зелье съ порохомъ 202; (отрава) 197, 433, смертное 523.

Земля проклятая 97, 101; невѣрная 97—8, 117, 184, 290, 297, 315, 319—21, 339, з-и н-ыя 242; поганая 427, татарская 247, Арапская 251; земля трясется: 34, 56, 97, 100, 237, 327, 348, 361, 367, 369, 376, 401, 437—8, 446, 494, 525, 534—5.

Змѣя лютая 77, 173, 374—8, 388, 509—10, 514, 554; семиглавая 548, злодѣйка 61—3, 197, ея хоботы 61—2, 376—7, 379, 509, змѣёныши 375, 378, 548; родъ змѣиный 386—7; змѣиное подворье 509—10, 513.

Золото дорогое, сухое, красное 40, 244 (для вышиванія буквъ).

Зоря утренняя 274, вечерняя 96; зори 102, 152—3, утреннія 104, 345, бѣлыя 468.

Зубъ рыбій 505, 512.

Игра богатырская (выдергиваніе рукъ и ногъ) 90, 110—112, 518; см. карты.

Идолы 243; поганые 97, 369, 381—3, 415.

Измѣреніе времени 77.

Иконы святыя 46, 152.

Ископыть 491; глубокая 82, 397—8, 487; лошадиная 305, 312.

Кабакъ 280, 414; большой царевъ 410, 464; голь кабацкая 280—1, 464.

Кабанъ, страшный звѣрище ваканище 239—40.

Казаки донскіе 459, 461; задонскіе 476; см. Илья Муромецъ.

Казна золотая—часто; несчетная 120, 347, 394, 401, 458, 461.

Казнь 285, 390—1, 402; скорая 183, 188; казни и убійства: отсѣченіе головы 35—6, 40, 47, 51—2, 58, 63, 71—3, 100, 140, 143, 168, 198, 449, 467, 471, 477, 494, 496, 498, 521, 526—7, 560—1, 562; разрубаніе на мелкія части 77, 429; и раскидываніе по полю 168, 445, 450, 489, 499, 560, 562; ломаніе ребра 494; отрѣзаніе рукъ, ногъ и грудей 423; отпиливаніе рукъ и ногъ 198, 200, 471; вытягиваніе жилъ 98, 140; языка 100; сердца 494; глазъ 445, 496, 498, 524, 526—7; струганіе стругомъ 46, 98; сдираніе кожи 40, 43; голодная смерть 41, 44—5, 252; закапываніе въ землю по поясъ 139, 143; стрѣляніе въ глаза 51, 348; пронзаніе копьемъ 110, 118, 169, 563; висѣлица 287; разрываніе 161; убиваніе о землю 560; сжиганіе селитры на груди 445, 449, 494, 496, 498, 524, 526—7.

Калачи 557; круписчаты 106, 516; калачницы 105, 107, 556.

Калики 139, 143, 209, 210, 444, 474, 493, 524, 527; перехожіе 208, 219, 225, 238, 345, 354, 389, 401, 410, 448, 494, 526; переброжіе 47, 140, 148, 212, 217, 225, 236, 344; спасеные 206, гости 446; идутъ въ Іерусалимъ 140, 446, 524, въ Кіевъ 140, 143, 447, 494, 525; к-ка оживляетъ Алешу 238; Добрыня переодѣвается каликой 555; Илья 217, 225, 355; Илья приноситъ хвалу каликамъ наряду съ Богомъ 211; былина о сорока каликахъ 531.

Камни драгоцѣнные 139, 335, 337, 508—9; дорогіе 248, самоцвѣтные 243—4, 430, 445; сѣрые 180, 295, 316, 491, 512, съ надписью 228, 352, горючіе 230, 232, 235, 294, 409, 550.

Камчатка мелкотравчатая 37.

Камышъ-трава 157.

Караулы 471; строгіе 293, 392; крѣпкіе 391, 417, 432; вѣрные 453; караульщики 98, 123, 287, 340, 432, 439, 442; вѣрные 69, 242, 278—9; крѣпкіе 76, 81, 122.

Карета золоченая 283; золотая 552; темная 477.

Карманъ 307; глубокій 309, 313.

Карты 280, 286, 307, 324.

Кафтанъ синій 46.

Каюта корабельная 427—8, 452; хрустальныя 147, 250; красна дерева и красна золота 121, 147.

Кинжалище (ножны) 362, 367—8, 399, 401; съ тѣмъ же значеніемъ—нагалище (см. словарь) 257.

Кипарисъ-дерево 195, 254, 433; кипарисныя дрова 516; см. сѣдло.

Китъ: на трехъ китахъ держится земля 276.

Клѣтка желѣзная 266, 268.

Клюка подорожная 225—6, 356; въ сорокъ пудовъ 355, 519.

Ключи 34, 98; золотые 84, 98, 309, 381, 383, 392, 479, 541; золоченые 307; ключники 83, 192, 391; замочники 510, 542—3.

Книги церковныя 52; Божьи 200; старыя 198, 470; к-га волшебная 123;=тетради 558.

Князья 167, 465, 500; богатые 264; княжевичи 34, 273, 277, 288, 318, 429; княжевна 334; князь и княгиня (молодые) 66; княжескій родъ 33, 95, 129; судъ 445, 494, 496, 524.

Кобылятина 117, 333.

Коверъ красна золота 102, 106; ковры новые, расшитые краснымъ золотомъ 122.

Колода (гробъ) 550; сыродубовая 170—2; бѣлодубовая 491; (плаха для казни) 370.

Колоколъ большой 185, 195, 220; на головѣ 269; колокольный звонъ 557, 521—2.

Колыбель 168, 562.

Кольцо золотое для привязыванія коней 32, 97, 171, 321, 349, 369, 381—3, 394, 415; на каждомъ изъ 77 столбовъ Дюкова двора 102, 105; серебряное 520, 522, на ремешкѣ семишолковомъ у дверей 465—6; кольцо, которымъ можно повернуть землю 208, 210, 231, 317, 475.

Кольчуга серебряная 483, 485.

Конь добрый, богатырскій—часто; перемѣнный 106; самолучшій 116; вороной 178, 312; златогривый 181; неѣзжалый 560; бѣлый 281—2; постухмянный 559, 561; наступчивый 381; конь-животь 500; слуга праворучная 550, 559; снѣга бѣлаго, а хвостъ и грива черные 359, 365; волчья сыть, травяной мѣшокъ 348, 533; изъ ноздрей искры, изо рту пламя 236; предостерегаетъ кн. Глѣба Володьевича 255, 433; спотыкается (дурное предзнаменованіе) 169, 550, будитъ Добрыню 321; обнимаетъ ногами хозяина 43, 180; говоритъ 50, 72, 180, 321, 326; топчетъ силу 43, 52, 93, 118, 209, 407, 413, 444; старицу 169, 563; опускается въ могилу 76—7; изъ тучи выпадаетъ Егорію Храброму 154; Ильѣ М. 475.

Конюхи 354, 391, 467, 556, конюшные 552; конюшня 112, 314, 321, 409, 412, 440, лошадиная 484.

Копье вострое—часто, черкальское 133; булатное 406, 548; мурзамецкое 43, 50, 91, 116, 180, 209, 211, 231, 361, 367, 399, 411, 419, 443, 488, 531; метаніе копья 359.

Корабли 467; черные 2, 57—8, 120, 136, 146—7, 164, 179, 243, 248, 251, 253—4, 281, 335, 339—41, 425, 427, 430, 432, 452; черненые 45, 52, 59, 120—2, 136—9, 146, 164, 177, 248—9, 251, 253, 271, 335, 423, 426—7, 429, 432, 452; червенъ 137; черленые 491—3; гостиные 276; корабельщики 59, 163—4, 251—4, 330, 423—5, 430, 432, 467.

Король 543; невѣрный 97, 319; богатый 286; короли королевичи 34, 39, 45, 158, 242—3, 273, 429, 434, 478—9; королева 97—8, 185; королевичъ 286, 360—1; королевство 118; королевскіе роды 33, 118; мѣсто и держава 119.

Коса русая 174, 512, 519, дѣвья 33, 71; трубчатая 113, 331; заплетеная коса—символъ дѣвственности 117.

Котелъ пивной 46, 175, 424, 426, 503; котельная пригарина 81.

Краснà (ткацкій станокъ) 563.

Красота женская 78, 390, 541; поднебесная 153.

Крестины — 196; крестовое дитятко 280; крестный батюшка 269—270; крестовый кумъ 277—280; любимый крестникъ 277, 279; кума 280.

Кресты животворящіе 39, золотые 41, 58, 214, 238, 280—1, 368, золочёные 363, 368, однозолотные 233, 310, чуденъ крестъ 295, 457; въ полтора пуда у Ильи Мур. 363, 490; см. братанье крестами.

Крестьяне 31, 247, прожиточные 45, 64, 68, 77, 145, 186, 296, 332, 476, богатые 205, бѣдные 65, 77, 135, 145, 158, 186, простые 313, 318, 334, православные 245, чернопахотные 415, 458; крестьянскіе роды 287, дѣти 179, сила 552.

Кровать 466—7, 506, 521, 525, 528, тесовая 33, 279, 428, слоновыхъ костей 505, 511, богатырская 307, желѣзная 306.

Кровь татарская 154, христіанская 154, 278, горячая 155, 191, 278, 396, 405, 413, 416, 466, богатырская 279, напрасная 396.

Кружало государево 63.

Крыльцо 406, 530, красное 33, 156, 180, 191, 243, 344, 349, 351—2, 368—9, 381, 394—5, 415, 431, 454, прекрасное 284, 465, золоченое 285, бѣлое 127, парадное 105, 111, 127, 255, 284—5, 132, косящатое 349, 382—3, 431, 453, 462.

Крыша золочёная 102, 291, красна золота 105.

Крѣпость 199, крѣпости крѣпкія 259.

Кудри желтыя 37, 58, 136, 145, 156, 161, 162, 225, 260, 291,

293, 309, 313, 324, 326, 350, 380, 389, 460; русыя 69, 372, 414, 420, 451; черныя 156, 250, 280; соломенныя 176.

Кузница 516—8; желѣзная 172, 177, 241.

Кума крестовая 196—7; кумъ крестовый 197.

Купанье 61, 271, 376, 494, 509, 524, 528, 557; нельзя купаться нагимъ тѣломъ въ Ерданъ-рѣкѣ 272.

Купцы 283; гости 63, 64, 68, 77, 238, 277, 283, 332; торговые 347, 379, 389, 401, 414—5; купцы-богатыри 282; богатые 177—8, 186, 280—2, 313, 318; купеческій сынъ 280, 285; дочь 281.

Кухарка 101, 132, 134, 267, 281, 379, 420, 447, 556.

Кушакъ семи шелковъ 319.

Лавки 280; торговыя 281, 283, 285—6.

Лампады 128, 168, 562, масла Божьяго 167, 174.

Лань златорогая 181.

Лапти семи шелковъ у калики 236.

Ларцы кованые—98, 381, 383, 479; ларецъ хрустальный 307, 309.

Латы 403, 406; богатырскія 56, 91, 93, 180, 208, 209, 211, 256—7, 376; желѣзныя 260.

Лебеди 289; бѣлыя 186, 190, 221—2, 234, 278, 331, 333, 427, 476; съ ними сравниваются гребни волнъ—122.

Лицо поганое 243; какъ порошки снѣгу бѣлаго 322; бѣлое—часто, черное 421.

Лукъ 533; тугой 37, 74, 312; разрывчатый 348, 354, 400, 421.

Луна поднебесная 102, 106; свѣтлая 296; небесная 434, 438.

Лыжи 433.

Макъ 390, 393, 541; красный 78.

Мамушки-нянюшки 242, 249, 277, 296, 316, 338, 551.

Матросы 121—2, 136—7, 147, 250; молодые 251—255.

Маханье татариномъ 93, 396.

Медвѣди черные 166; медвѣдь 564, 467.

Медъ сладкій 104, 169, 175, 231, 323, 393, 404, 411—2, 426, 428, 482.

Мечъ 531; страшенъ 194, 295; подъ мечъ склонить (= убить) 468.

Милостыня 475; спасеная 206, 209, 217—218, 226, 356—7, 447, 525; труженая 495.

Мисы съ драгоцѣнностями 32, 35, 48, 267, 349, 545; см. чаши.

Митрополиты 273.

Могила большинская 76.

Молебны 41—2, 47, 50; заздравные 53.

Молитва 53, 122—3, 126—7, 130, 142, 158, 163, 164, 168, 171, 174, 271, 337, 362, 367, 380—1, 394, 404, 410, 419, 435, 443, 445—7, 466, 475, 494, 504, 524, 528; Исусова 202, 213; на востокъ 43, 212, 235.

Монастыри 63, 94, 412, 470, 472, 554; спасеные 39, 43, 48, 52, 93, 95, 163, 213, 225—6, 228, 293, 300, 406, 409, 440, 458; святой 198—9, 471.

Монахи 199—200, монашенки 167, 293, 300, 561—3; см. постриженіе.

Море синее—часто, славное сине солоно 120, 251, 456.

Мосты дубовые 46, 120—2, 243; мостки дубовые у церкви 103; калиновые 87—9, 347; каленовъ 532; красна дерева 146—7, кирпичный 156, 260; мостовая пошлина 251, 429—30; мощеніе мостовъ 347, 533.

Мощи 91; пречистыя 140, нетлѣнныя 175, 228, 270—1.

Мужики деревенскіе 174; мужичонко задленьшина деревеньшина 351, 370.

Мхи жидкіе 332.

Мѣдь козарка 459, 461; дороже золота 516.

Мѣстничество на пиру 132, 221—2, 278, 374, 402, 460—1.

Мѣсяцъ младъ, свѣтелъ—95, 96, 102; и др.

Мѣха заморскіе 335.

Наговоръ на стрѣлы 348, 354, 400, 421.

Наигрышъ 556.

Налимъ 270.

Напитки дорогіе разные 248; разноличные 307, 426.

Народъ 245, 265, 274; черный, простой, 34, 63; православный 174, 189, 203, 270, 273, 376, 425, 427, 429, 464, 509, 529, 534, кіевскій 337.

Небо ясное 184; голубое 296; синее 307.

Неводъ 172, шолковый 136, 172, 239—240, 552.

Невѣста 245, 312, 330, обрученная—126; обручница 451.

Ножъ булатный 67, 70, 86, 100—1, 204, 209, 211, 220, 242, 295, 357, 362, 368, 401, 420, вострый 257, укладный 172—3, 177, 241; бросаніе ножомъ 475.

Ныряніе 376, 509.

Няньки 379, см. мамушки.

Оборотничество 74—5, 386, 388, 512.

Образа чудные 424, 517, 521, пречудные 332, святые 153, свѣтлые 52; святыя иконы 46.

Обрученіе 369, 371, 416.

Обручи желѣзные 170, 172, 310—1, 344.

Обѣдни 41—2,50, съ молебнами и панафидами 220, заказныя 271, поминальныя 64, 166; обѣдня воскресенская 103, 127—8, 175, за здравье 168.

Овинъ 563.

Одѣяло соболиное 307, черныхъ соболей 505.

Оживленіе 169, 238, 328, 563.

Озера 32, 211, 274, 328, 378, 437, 543, святое 199, 270, преглубистыя тихія 332.

Окна косящатыя 69, 75, 111, 118, 122, 133, 148, 217, 232, 270, 312, 387, 436, 477, 555 и др.; околенки 47, 406, околенка стеклянная 477.

Олень 257, золотые рога 256, златорогій 258.

Орда проклятая 369, поганая 403, 405, 415, невѣрная 480—1, 485—6.

Орелъ сизый 159, 291.

Оружье 195, мелкое 192—3, военное 258, славное 259.

Отсрочка сдачи города 41, 479—80, свадьбы 203, 241, 245—247, 424—5.

Павиная походка 78, 145, 390—1, 393, 451.

Палаты высокія, княженецкія—часто, бѣлокаменныя 35, 40, 115, 168, 549, грановитыя 91, 471, царскія 122, 191—2, 292, 356, царскія-княженецкія 141, королевскія 369, 371, 381—3, 395, 415, широкія 403.

Палачи немилостивые 174, 191, 224, 288, 370, 441, 455.

Палица 346, тяжелая 35, 42, 55, 91, 93, 111—2, 154, 180, 209, 211, 260, 295, 346, 361, 366—7, 399, 411—3, 419, 504, 506, 538; въ сорокъ пудъ 35, 43, 111, 403, 406, въ 90 пудъ—231, 256—7; богатырская 112, боевая 488, военная 312; метаніе палицы 53—4, 358, 403.

Палка дровокольная 236, 426, 434, 503, 544, 547; палки боевыя 361.

Палуба 427, хрустальная 121—2.

Паннихиды 41—2,50, великія 63, 166.

Паруса 429—30, тонкіе 121, 452, бѣлые полотняные 452.

Парча золотая 172.

Пелены шолковыя 256—7.

Перебродъ 532.

Перевозчикъ 123.

Перескокъ черезъ рѣку 532.

Перила золоченыя 178.

Перина 522, пуховая 33, 307, 428, 505.

Перо 1) для письма 40, 244, 558, лебединое 244, 283, 2) для украшенія лебединое 230, орлиное 330.

Перстень именной 57, 488, золотой 67, 83, 98, 120, 136, 145, 176, 232, 288, 308, 323, 371, 451, 372, 389, 395, 399, 414, 416, 460, злаченъ 85, 99, 122, 233, 362—3, 400—1, 545, 556, обручальный 125, 318, однозолотный 156.

Перчатки 467, шолковыя 73, красна золота 229, семи шелковъ 252, вышиты краснымъ золотомъ, усажены драгоцѣнными камнями 430.

Печи кирпичныя 105, 206, 210, 344—5, 366, 410, муравленыя 106, 322, 556; печка-муравленка 344; см. столбъ.

Пещеры 475, смертныя темницы 38; спасеныя 38, 41—2, змѣиныя 61—3.

Пиво пьяное 122, 125, 219, 231, 248—50, 525, хмѣльное 344, 393, 411—2, 426, 428, сладкое 206—8, 210.

Плакунъ-трава 274—5.

Планида Божья 202.

Платокъ 562.

Платье цвѣтное—часто, каличье 217, 225, 355, 475, черное 237, царское 219, черное 477, (см. трауръ), золотое 516.

Плотеніе (вышиваніе) круговъ 544.

Плетка шолковая 91, 112, 180, 209, 211, 256—7, 312, 321, 407.

Повойникъ 562.

Погребъ глубокій 33, 156, 507.

Подать: 2, см. дани-пошлины.

Подкопы 1) = темницы 38, 42; 2) = ямы, глубокіе 50, 94, великіе, широкіе глубокіе 406, подкопъ страшный, глубокій 93, подкопь шир., глубокая 407.

Подушки-изголовья пуховыя 307.

Поединщики 59, 180, 212, 225, 228, 345, 364, 502, 529, русскіе 224, татарскіе (см.).

Поленица преудалая 79, 82, 83, 117, 312—3, 329, 476, 534, 540, 542, 546, 553, богатырская 309.

Полонянки 46, 289—90, 333; полоненіе кораблей 58, 251, 430, народа 59.

Полотенце бѣлое 309, 419, 477, 381, 442, тонкое 235, 550.

Полъ кирпичный 324, 392, 416.

Полѣсникъ 124—6.

Полякованье 53, 161, 219, 345, 358, 368, 391, 393, 443, 561.

Помело сосновое 105, шолковое 106, 556, семишолковое 516.

Попы 273, 475, соборные 76, 185, 287, отцы 171, духовные 126, 166, 172, 466; попы-діаконы 517, 521, протопопы 273.

Порохъ 199, 202—9, 292; см. зелье.

Портомойницы 105, 107, 267—8, ср. 540.

Порфира государская 293, царская 458.

Порча на родинахъ 110, 113, 115, 518, 547.

Посадникъ—см. сѣдокъ.

Пословицы: 67, ст. 151—2; 100, ст. 146; 101, ст. 182—3; 247, ст. 190; 264, ст. 138; 420, ст. 250; 506, ст. 60—5; 511, ст. 124—5; 521, ст. 43—4; 537, ст. 56—7.

Посольство 80, 175, 315, 340, 370, 380—3, 415—6; послы 124, скорые 193, 227, 241, 252, 303.

Посохи (у каликъ) 494, 498.

Постриженіе 403—4; схима спасеная 403.

Почитаніе среды, пятницы, воскресенья 101, среды и пятницы 332.

Пошлина съ кораблей 57, 251—2, 429—30.

Пояса золоченые 256—7.

Праздникъ владычный 550.

Престолы: двѣнадцать—въ Преображенской церкви 270, 272; царскій 457.

Приданое 184—5, 139, 459.

Придверники-приворотники 44, 91, 265; придверники 216, 340, 415; придворники 335, 453, придворные 379, подворотники 415.

Принцъ 318.

Пристань лодейная 491.

Присяга 287.

Причетники церковные 126, 166, 172, 466.

Птицы иностранныя 109.

Пуговки—съ птицами и звѣрями у Дюка и Чурилы 108—9; драгоцѣнныя у Ильи 229, 353, 501.

Пуля 1) стрѣла 88; 2) пуля свинцовая 503.

Пучина морская 163.

Пушки 192—3, 199; п.-матушки 202—3.

Пшеница бѣлояровая 33, 151, 160, 162, 168, 208, 210—1, 314, 399, 442, 487.

Пѣніе—Дюкъ поетъ на клиросѣ 104; пѣсни дѣвьи 308; веселыя и заунывныя 337; четье пѣнье церковное 521—2.

Разбойники 32, 353—4; братья-р. и ихъ сестра 159, 161—3, 559; три разбойника 117—8; сорокъ 229; разбойникъ 97, 277; воры-разбойники 463—4; былина о девяти разбойникахъ упоминается 343, 465, 500; разбойница 542.

Рогъ турій 1) охотничій 81, 148, 150; 2) въ качествѣ сосуда 393, 404, 411.

Родинка 66, 290, 322.

Росы утреннія—въ нихъ катаетъ Илья жеребца 208, 210—1, 345.

Рубашки 561; бѣлы тонки 268; модная 288.

Руда золотая 106.

Рыболовы 170—2, 550—2.

Рѣки 32, 211, 328, 361, 378, 437, 446; быстрыя 254, 456, 460—1, 493, 528; рѣка предостерегаетъ богатыря 87; рѣка медовая 106; огненная 154—5.

Рѣчь лебединая, тихая 78, 145, 390—1, 393; кроткая—451, хорошія 203, справедливыя 306.

Рѣшетка желѣзная частая 122, 156.

Сабли вострыя—часто, сабелька кровавая 192, тяжелая 441.

Садъ 1) милый (=дочь) 165; 2) зеленый 173, 249, 308, 331, 336—7; прекрасный 332; растенія садовыя 308.

Сажени печатныя 236.

Сапоги 467, 521; сафьянные 64, 103, 129, 319, 322, 422—3, 513.

Сахаръ 106; с-ныя яства 33, 169, 196, 263—4, 369, 373, 390, 395, 404, 427—8, 460, 462.

Сбруя богатырская 116, 384, 403; лошадиная 411; конская 326; серебряная 327.

Свадьба 372, 387, 398, 426—7, 556; слезливая 247.

Сватовство 64, 130, 175, 184, 244, 246, 338, 370, 395, 416, 423—6, 510, 544; сватья 126, 372.

Свиньи 110, 115, 564.

Свѣтлица свѣтлая 128, 344, 369, 371—2, 387, 397, 417, 424—5, 457, 460.

Свѣтъ бѣлый 84, 156, 229, 230, 254, 274, 279, 317.

Свѣчи 292, 562; воскояровыя 38, 167, 191; воска яраго 174, 182, 192, 300, 388, 456.

Священникъ духовный 302.

Селитра—см. казнь.

Село въ качествѣ собственности 558.

Серпъ стальной 281.

Скаканіе выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго 211, 353—4, 378, 503; бросаніе 188.

Скамейка бѣлодубова 265, 315, 390.

Скатерти шолковыя 78, 87, браныя 141, 263, 349, 460, 373; бѣлыя 264.

Скоморошина 66—7, 322—3.

Слава сего свѣта 45; поютъ славу: царищу Грубіянишу 156;

царю Индѣйскому 260; крестовому брату Василія Буслаева 269; Василію Буслаеву 272; Олешѣ Поповичу и Гаврилѣ Долгополому 486.

Слюда 406.

Смерть 198; скорая 230; напрасная 114, 192; матушка престрашная 194; страшная немилостивая 464; злая 490; голодная 252; не писана Ильѣ Муромцу 31, 51, 55, 209, 214, 231, 306, 311, 352, 367, 440, 475, 490, 504; Потанечкѣ Хром. 187; смерть=разлученіе со свѣтомъ 37.

Смотрѣнье (=смотрины) 125, 555.

Сновидѣнія у женщинъ 41, 119, 175, 291, у мужчинъ 174.

Снѣгъ бѣлый 69, 78, 254, 390—1, 393, 451, 465, 477, 520.

Соболь черный сибирскій 78, 120; черный 145, 258, 353, 505, 510—1; сибирскій 390—1, 393, 451, 541.

Соколъ ясный—часто; заморскій 78, 120, 145; перелетный 145, 390—1, 393, 451.

Солдаты 194—5, 198, 212, 292, 303; новобраные 183—4, 296, 303, 195; солдатъ государевъ бѣглый 97; полки солдатскіе 195.

Спальня 448, 525, 528; теплая 128; хорошая 142, спальня-горница 387, 447; княженецкая 495.

Спичка 73, 133, 168, 192, 300, 373, 381, 383, 392, 394, 403, 522.

Ссылка дальняя 183.

Станичники 352—3, 500—1.

Старина (=былина) 1—3, 13, 90, 117, 142, 156, 158, 164, 190, 194—5, 215, 228, 260, 269, 272, 294, 304—5, 307, 312, 342—4, 459—463, 465, 467—8.

Старицы 561; монашины, чернокнижницы, черныя кукольницы 167; старцы (монахи) 470—2.

Стихари получевные 40.

Столарники 542.

Столбы серебряные, позолоченые 516, 556, мѣдные, желѣзные 556; столбъ на перекресткѣ съ надписью 31—2, 500, 508; дубовый съ кольцомъ для привязыванія коня 97, 349, 369, 381—3, 394, 415; столбы точеные позолоченые 101, 105; печной 555; столбы отесаные (татары) 243; отъ земли до неба 345.

Столы дубовые, бѣлодубовы—часто; круглый 47; окольніе 349, 438, 390, 451.

Стольникъ 391—2.

Стремена 217, 234, 317; булатныя 346, 348, 351—2, 371, 531.

Струги легонькіе 199, 471.

Стрѣлы 64, 240; каленыя 34, 37, 51, 74, 85, 88, 238, 258—9, 313, 348, 354, 360, 378, 400—1, 421, 435; ихъ цѣна 554; свѣтятся 37.

Стрѣльцы 198, 471; стрѣлецъ (охотникъ) 500.

Стрѣляніе гусей, лебедей и утокъ, 74—5, 98, 366, 364, 375, 538, 547; въ перстень 85, 400, въ глазъ 34, 348, 534.

Стулъ рыта бархата—часто; золотой 202; ременчатъ 428, 434, 480.

Стыдъ за сестру и за жену 70—3, 477—8, стыдъ наготы 189, 530.

Стѣна 46; городовая 49, 95—6, 180, 259—260, 371, 375, 380, 385, 397, 415, 417—8, 431—3, 436—9, 479, 511, 537, 543, 557; бѣлокаменная 433.

Судъ царскій, княжескій 140, 445, 494, 496, 524.

Сукна одинцовыя 120, 146; заморскія 340; дорогія 243, разныя 335.

Сумки-котомки 435, 448—50, 491, рыта бархата 139, 142, 444, 524—5.

Сундукъ платной 148; высокій 454; кованый 454.

Сѣдло 254, 329, 433, 441; кипарисное 31, 35, 209, 211—2, черкальское 112, 116, 162, 180, 217, 231, 256—7, 345, 359, 365, 371, 375, 436, 531; сѣдланіе коня 31, 54, 55, 160, 162, 252—3, 345—6, 359, 365, 375, 380, 394, 406, 412, 418, 415, 431, 435, 448, 453, 531.

Сѣдокъ (посадникъ?) 532.

Сѣни 213; новыя 97, 132, 265, 344, 356, 369, 381—2, 397, 417, 462, 466, 521—2, 544; первыя и вторыя сѣни 176.

Талань (= участь) несчастная 332.

Таможня 429—30.

Темница 34, 288; темная 84, 89, 106, 108, 287, 293, 299, 300, 340—1, 391—2, 402, 464, 541.

Теремъ высокій 242, 245—6, 348—9, 378—9; новый 69, 70, 71, 75, 249.

Тетива шелковая 348, 354, 421.

Товары 253, 281, 283, 424, 452; дорогіе 138, 251; заморскіе 121, 136, 146, 177, 213, 276, 280, 335, 341; царскіе 452.

Торговища гостинныя 552.

Трауръ 47—8, 62, 192, 241, 377, 409; см. платье черное.

Труба золотая 187, 453; разрывчатая 431, 461.

Трубка поздорная 43, 53, 164, 325—7, 331, 359, 378, 438.

Туры 95—6, 409; туры-олени 151, 257, 468; носъ потуриному у корабля 335.

Туфли 466.

Тынъ 117; серебряный, позолоченый 106.

Тысяцкій (на свадьбѣ) 126, 372, 387.

Узда серебряная 31, 162; тесмяная 112, 359, 365, красна золота 180.

Улановья 459, 461, сф. 40.

Улица 179, 226, 261; свѣтлая 91, 113, 283; широкая 110, 123, 148, 154, 196, 218, 220, 285; прокладываніе улицы съ переулками среди враговъ 407, 413, 441.

Умыванье ключевой водой 53, 127, 235, 309, 324, 381, 418, 439, 442; молодить 60, 329—30, 372—4; ср. 553.

Уточки пернастыя 75, 98, 124—5, 148, 366, 375; утица сѣрая 159, 332.

Участь (счастье) 40, 123, 361, 419, 427, 444, 488, 490, 538.

Флаги шолковые 120, 122, 147.

Хвастанье на пиру 68, 77—8, 85, 86, 102, 105—6, 145, 190, 265, 278, 349—50, 389, 401—2, 451, 460—1, 476, 517, 535.

Хлѣбъ бѣлый 117, 292; крупичатый 333, 518; ржаной 333; гнилой 518; хлѣбопашество 205.

Царь бѣлый 52, 188, 191, 194, 284, 286, 293, 398—9, 301—3; православный 284—8; надежда 52, 188; государь 198, 200, 270; царь царица (=князь, княгиня) 52—3, 59—63; царица (=княгиня) 141—2; цари, короли 152; цари, царевичи 34, 39, 158, 179, 201, 243, 273—4, 429—30, 434, 478—9; царь невѣрный 45, 100, 122, 152, 154, 216, 242, 339, 341; царское житье 238; домъ 241; судъ 140, 445, 494, 496, 524; царь въ Чиженцѣ 532; царство 182, 192, 197, 199, 201, 300, 384—5, 470.

Церкви 63; Божьи, соборныя, богомольныя 39—42, 46—8, 52, 75, 93, 95—6, 103, 127, 139, 166, 171—2, 174—6, 185, 201, 203, 216, 225—6, 228, 241—4, 250, 199, 213, 250, 270, 272, 302, 314, 317—8, 342, 346, 400, 405, 409, 412, 440, 458, 465, 468, 471, 482, 517, 521.

Чара золотая 255, 278; золоченая 505, 507; винная 556; зелена вина—часто.

Чаша серебряная позолоченая 281; золотая 142, 448—50, 526—7; пивная 344, 424, 426, 484, 503, 544, 547; чаши съ драгоцѣнностями 479—80, 496—8, 527.

Чернила 40, 106, 108, 183, 244, 373, 430, 434, 481, 518, 558.

Чернокнижницы (монашенки) 167.

Чортъ 462—3.

Чудо страшное 544, 547.

Чулки 562.

Шапка-невидимка 279.

Шатры 120, 483; бѣлые 100, 214, 216, 224, 229, 260, 294, 307, 321, 325, 334, 359, 362, 381, 385, 398, 412, 419, 421, 432, 442, 483, 485, 490, 511; полотняные 53, 57, 65, 72, 160, 455, 548, 560, 235, 306, 327, 331, 418, 439, 453, 519, 162, 325, 380, 386, 432, 443; бѣлополотняные 160, 398, 482; новый 99; черный 505—7.

Шахматы 384, 513.

Шолкъ 168, 120; заморскій 147.

Ширинка красна золота, усаживается скатнымъ жемчугомъ 98; вышивается краснымъ золотомъ 397, 417.

Шлюпки 164, 429, 492; легкія 52; бѣлая модная 137.

Шляпа 268, 353, 467; черная 373; пуховая 129, 169, 319, 373, 394, 403, 524; сарачинская 211, 220; земли Греческой 236; каличья 357; богатырская въ сто пудовъ 256; въ двѣсти 257, въ сорокъ 355; въ тридцать 518, 530.

Шоломя окатистое 438, 502, 445.

Штыки вострые 34, 50; желѣзные 259.

Шуба черныхъ соболей 353, 410; соболиная 64, 129, 229, 319; черная 416; кунья 81, 121, 258; долгополая 221, 236; сорочинская 131; съ дорогими пуговицами 108, 167, 229, 501; невидимка 279; кошуля 37.

Яблоки младые 553.

Якоря 136, 251, 429, булатные 121, 243, 340.

Ярлыки 431, 479; скорописчатые 46, 201, 216, 224, 227, 262, 417—8, 430, 434, 478, 480; татарскіе 47.

II.

Указатель именъ.

Авдотья Васильевна, княгиня, мать Василія Богуславьевича 261—2, 264, 266—7, 270, 272.

Авдотья Королевична, жена Чурилы 127—9.

Авдотья, лебедь бѣлая, дочь Ляховинскаго короля, невѣста царя Вахрамѣища 415—23.

Авдотья Лиходѣевна (см. словарь), жена Потыка 74—7; лебедь бѣлая 385—9, 514—5; она рода змѣинаго 386—7.

А(в)стрійскій король (къ нему ѣдетъ за данью Добрыня Никитичъ) 380, 382.

Адамова святая глава, мощи, колѣна 274.

Адріанъ, царь, см. Ондреéнишшо.

Аксёнко, Оксёнушко Переметьевичъ 463.

Александръ Храбрый 317.

Алексѣй Михайловичъ, царь 198, 200, 471;—и Никонъ 201.

Алексѣй человѣкъ Божій, стихъ о немъ 536.

Алена Петровна, сестра Збродовичей 477—8.

Алеша (Олеша) Поповичъ младъ, Поповскій сынъ 53, 372, 423, 446; Левонтьевичъ 234—6; Олексѣюшко 555; его смѣлость упоминается 317, 435, 502, 543; ярость 516;—роду нѣжнаго 325; неудавшаяся женитьба 7, 64, 304, 312, 318, 343, 540, 553; бой съ Тугариномъ 8, 237, 304; освобождаетъ изъ плѣна сестру 8, 329, 333; бой съ татариномъ 8, 324, 327;—и сестра Збродовичей 8, 68, 476; читаетъ татарскую грамоту 40, 47; вмѣстѣ съ Дунаемъ и Добрыней 244; ѣдетъ къ Бадану 49—50; поддерживаетъ кн. Владимира подъ лѣвую руку 141; за середочку 446; клевещетъ на каликъ 143; подъ начальствомъ Ильи Муромца съ другими богатырями 214; даетъ обѣтъ стоять за родину 234; умираетъ отъ руки Екима Ивановича и оживляется каликой 238; предлагаетъ кн. Владимиру послать Добрыню на помощь къ тестю 315; на Пучай-рѣку 373, 553; проситъ у князя позволенія жениться 330; ѣдетъ на Пучай-рѣку за водой для кн. Владимира 330; от-

правляется въ Саратовскія степи 331; А. и Подсокольникъ 360; съ Добрыней и Михаиломъ Игнатьевичемъ провожаетъ Мареу Дмитріевну 426; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435, 439; самоубійство его 443, 483; догоняетъ каликъ и терпитъ наказаніе за невѣжливость 448, 496, 526; доноситъ мужу о невѣрности жены 466, 522; ѣдетъ къ Ильѣ М. передать упрекъ отъ кн. Владимира 482—3;—седьмой въ числѣ 7 богатырей на заставѣ 502; А. съ Потыкомъ 73; съ Добрыней 106, 127, 140, 147, 151, 228, 248—50, 535—6; Дунаемъ 80, 543; Гаврилой Долгополымъ 439, 485; Чурилой 465, 520.

Амельфа Тимоееевна, 1) мать Добрыни, честна вдова 68, 230, 232—3, 312, 316, 319—21, 364, 368, 374; Тимоеевична 537; называетъ отца Ильи М. своимъ двоюроднымъ братомъ 232; 2) мать Дюка 102—3, 105, 107, 109; 3) мать Михайлы Игнатьевича 435.

Андрей, князь 24, 561—3.

Аника-воинъ 7; и Смерть 157—8.

Антоній (Печерскій) 43, 91, 140, 143.

Апраксія (Опраксея) Королевична, княгиня 37—8, 40—8, 70, 84—5, 87, 91—2, 104, 109, 130, 132, 212—3, 218, 221—2, 224—7, 233, 243—4, 397, 400, 438, 514, 516, 534, Апраксеія 314; Апраксенія 334; Апраксейна 335; княгиня Королевична (безъ имени) 450; называется блядью 483; сваха 67, 334; пытается соблазнить калику 141—2, 447—8, 495—6, 525; ея болѣзнь, какъ наказаніе Божье 143, излѣченіе 144; не желаетъ отдаться Идолищу 216; дочь Ляховинскаго короля 391—4; просватана за Идолища 395—6, выходитъ за кн. Владимира 82, 398, 545.

Апраксія (Опраксея) Коромысловна 8.

Аравійская гора 43, 113.

Арапская земля татарская 251; три татарина-мурина 425.

Арапское море, Карское 423.

Арсёнко (Орсёнко) 463—4.

Баданъ Бадановичъ, невѣрный царь, приходитъ съ сыномъ и зятемъ 45; татаринъ 46, 49; собака поганый 51.

Блудъ, Блудище, отецъ Хотѣна 131.

Богородицы сонъ (дух. стих.) 3.

Богородица Матерь Божія, царица пречистая, пресвятая 93, 95—6, 100, 123, 142, 163, 211, 217, 246, 275—6, 345, 367, 405, 409, 442—3, 447, 471, 475, 495, 504; ея образъ 199.

Богусланушко, богатый князь въ Новгородѣ, отецъ Василія 261.

Божья воля 51; милость 51, 123, 361, 419, 427, 444, 488, 490; служба (=обѣдня) 104; Божьяго масла лампады 167, 174; законъ (=вѣнчаніе) 101, 185; см. церкви, книги.

Большая земля (Золотая орда, см.) 119—20, 124.
Борисовы, три брата 36—7.
Борисъ-королевичъ, сынъ Ильи Муромца 489—90.
Борисъ Романовичъ, князь: 8, 238, 304.
Бродовичи—см. Збродовичи.
Бурушко, конь Дюка 106.
Буянъ-островъ 239—240, 330, 409.
Бѣлёюшко, конь Ильи Мур. 217, 353—5.
Бѣлолюбиха, царица, жена царя Любова 356—7.
Бѣлорыбица, жена Морского царя 135—7.
Валынькій монастырь—изъ него отправляются калики 444.
Ванька, генеральскій сынъ 53, 214, 234.
Ванюшка, боярскій сынъ 53, 234, по фамиліи Залѣшанинъ 214.
Варшава 30.

Василій Богуславьевичъ: его дѣтство 261, выборъ дружины 262—4, бьется объ закладъ 265—6; бой съ мужиками 268, встрѣча съ крестовымъ братомъ и крестнымъ батюшкой 268—270; отправляется въ Іерусалимъ 270—1, его смерть 272; былины о немъ 14, 343, 474, 499.

Василій Ивановичъ, сынъ Ивана Грознаго 529—30.

Василій (Игнатьевичъ) пьяница 409—14.

Василій Окульевичъ 8, Иванъ Окулıевичъ 450, Никульевичъ 144, прекрасный царь.

Василій Перементьевичъ, мужъ любовницы Чурилы 520—2, его отравляетъ жена 523.

Васька-королевичъ, зять Идолища, привозитъ его ярлыки въ Кіевъ 478—80, смерть его 485.

Васька Торокашка Замбрянинъ похищаетъ жену кн. Романа 120—22, 124, жену Соломана 144, 146—7; его вѣшаютъ 151; убиваетъ князя Бориса 240; Васька Тороканов Пустоволодьевичъ 451, похищаетъ жену Соломана 452—6.

Вахрамѣище, царище сильное, соперникъ Ивана Годеновича 416.

Владимиръ Владимировичъ, премудрый царь 273—4.

Владимиръ, князь стольно-кіевскій, славный, ласковый, красное солнышко, свѣтъ—часто; воръ 483; при его появленіи разсвѣтаетъ 44, не потухаетъ 52, сватъ 64—7, 334; его отношеніе къ попамъ 76—7, мнѣніе о немъ ляховинскаго короля 81, сажаетъ въ темницу Илью М. 38, Сухматія 89, Дюка 106, служитъ въ поварахъ у Идолища 216, 218; женитьба его 77, 398, 540; проигрываетъ въ шахматы 12 богатырей 513.

Вологда, городъ 200, вторая Москва 463—4 (рѣка).

Волхъ Святославьевичъ (Всеславьевичъ) 255—261, былина немъ упоминается 305, 343, 474.

Вольга и Микула, былина о нихъ упом. 30, 343, 474, 499.

Воронеюшко, конь Ильи Муромца 32, 42—3, 52, Добрыни Никитича 60, 312, 321, 360, 378, 503, Ждана-царевича 180 Игнатія Даниловича 408.

Гаврила Долгополый участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435 439, 480, 523; съ Алешей Поповичемъ 439, 485; самоубійство его 443, 486; Гаврюша Долгополый, 4-й въ числѣ 7 богатырей на заставѣ 502.

Глѣбъ Володьевичъ, князь 8, 251—5, 429—33.

Голубанушко, конь Михаила Игнатьевича 435 (см. словарь).

Голубиная книга 12, 23, 273—4; ее написалъ Христосъ съ двѣнадцатью апостолами 271, 275.

Господень гробъ 110, 158, 476, 494, 524, 528, крестъ 446.

Греческой земли шляпа 236, греческій свинецъ 236.

Грубіянище, царище 121—4, для него похищаютъ жену кн. Романа 144, 341; мучитель Егорія Хр. 152—5; идетъ войной на Владимира 310.

Давыдъ Евсеевичъ, православный премудрый царь 273—4, кроткій 317; его сыномъ называется Соломанъ 450.

Данило Бѣлый, князь девяноста лѣтъ, является соперникомъ Алеши Поповича въ сватовствѣ 465.

Данило Игнатьевичъ 90—91, 93—4; см. Игнатій Даниловичъ

Данило Ловчанинъ—см. Борисъ Романовичъ.

Данилушко, дружина Василія Буслаева 263, 268, Горбатенькій 264.

Дивянище, крестный батюшко Василья Богуслаевича 269.

Дмитрій Дмитріевичъ (Митрей Митреяновичъ, король проклятой земли) 97.

Дмитрій, князь 7, Васильевичъ, его сватовство и самоубійство 175—7.

Днѣпъ-рѣка 317, см. Нѣпра.

Добрыня Никитичъ, младъ, силой несиленъ, напускомъ смѣлъ 232, его вѣжество 317, 516; бой съ поленицей и женитьба на ней 8, 304, 312—4; бой съ Дунаемъ 8, 24, 30, 505, съ Ильей М 8, 230, 232, 364, 367, 499, съ татариномъ 8, 324—7, женитьба 8, 369, 312; бой съ Подсокольникомъ 53—5, 360; его дѣтство 59, 230, 364, 536; самоубійство 38, 441, 491, убійство 326; читаетъ татарскіе ярлыки 47, вмѣстѣ съ Дунаемъ и Алешей 244; ѣдетъ къ Бадану 49—50; бой со змѣей 59, 372, 509—10, 553, столкновеніе съ Алешей 63—68, 323—4, 500; его посылаетъ кн.

Владимиръ провѣрить слова Сухматія 89; поддерживаетъ кн. Вл. подъ правую руку 141, подъ лѣвую 446, подъ начальствомъ Ильи М. съ другими богатырями 214; его посылаетъ кн. Владиміръ вернуть разгнѣвавшагося Илью М. 223; даетъ обѣтъ стоять за родину 234; ѣдетъ на Пучай-рѣку 553, къ королю Астрійскому 380, 382; съ Алешей и Михайломъ Игнатьевичемъ провожаетъ Мароу Дмитріевну 426—7, убиваетъ Идолище 428, пишетъ ярлыки, приглашающіе богатырей на Камское побоище 434, 480, 523; бьется съ бабой Латынгоркой 443, 489, догоняеттъ по порученію кн. Владимира каликъ 448, 497, 527; считаетъ орду невѣрную 481; второй въ числѣ 7 богатырей на заставѣ 502, Д. съ Потыкомъ 73, Дунаемъ 80, 541—4; Алешей 106, 127, 140, 147, 151, 228, 248—50, 535; Ильей 486, 543, Потыкомъ 508, 515; былина о томъ, какъ Д. ѣздилъ на Пучай-рѣку упоминается 474, 499.

Домна Θалелеевна, невѣста князя Дмитрія 7, 175—6, ея самоубійство 177.

Дунай Ивановичъ 7, 389, 500, 553; бой съ Добрыней 8, 24, 30, 505; сватаетъ невѣсту кн. Владиміру 78, 541; бьется съ Настасьей Королевичной 82, 398, закалывается 86, 401, сватаетъ невѣсту Ивану Грозному 184; подъ начальствомъ Ильи съ другими богатырями 214, даетъ обѣщаніе служить кн. Владимиру 234, читаетъ съ Добрыней и Алешей татарскую грамоту 244; его умѣнье писать упоминается 317; Д. и Идолище 396; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 434, сватается за Настасью, дочь короля Задонскаго 465, его сажаютъ въ погребъ на 17 лѣтъ за хвастливую надпись на шатрѣ 507; сидитъ въ темницѣ 392, 541.

Дунай Переславьевъ 523; см. Святогоръ.

Дунай-рѣка 289, 294, 332, 557.

Дюкъ Степановичъ, молодой, богатый бояринъ, свѣтъ 24, 101, 517, съ Чурилой 108, въ Камскомъ побоищѣ 523, Дюкъ-Кострюкъ 460, Дюково-царство 508, 517; былина о немъ упомин. 343, 465.

Евангелье 38, 96, 409.

Егорій Храбрый 3, 7, 151—156, 468—9.

Егоръ-Святогоръ—см. Святогоръ.

Екатерина, жена Петра I 60, вдова прекрасная 301; вѣнчаніе ея съ Петромъ 302—3.

Екатерина II Алексѣевна, царица 201—4.

Екимъ Ивановичъ, крестовый братъ Алеши 234—5, 237—8.

Елена Косьтентиновна—по ошибкѣ называется такъ мать Дюкова 102.

Елена Олександровна, мать Ильи Муромца 232; царица Индѣйская 258—260.

Елена, царица казанская 291—3.

Еленскій стихъ 446, 494—5, 524—5, славный 140—1; такъ называется старина „Сорокъ каликъ со каликою" 444.

Епестемія Александровна, мать Ильи Муромца 31, 209, 212.

Ерданъ-рѣка 157, 271—2, 494, 524, 528; вытекаетъ изъ озера 270, 274—5.

Ермакъ 5.

Ерусалимъ-градъ 124, 140, 158, 270, 450—452, 524, 528, святой градъ 271, славный градъ 144, 151.

Еруславъ Еруславьевичъ 128.

Жданъ царевичъ 177—181.

Забава Путятична, племянница князя 62—3, 336—42.

Задленьшина—изъ-за Двины (см. словарь) 351, 370.

Задонская земля 502, 508, 510, 542—5; Задонскій король—за его дочь сватается Дунай 465.

Задонскіе казаки 476.

Збродовичи, два брата, Петровичи 8, 476—9; участвуютъ въ Камскомъ побоищѣ 435, 523; упоминаются въ числѣ семи богатырей на заставѣ 502; Бродовичи 68—72.

Золотая земля, поганая орда 39; см. Большая.

Зрыданище—ошибкою вмѣсто Тугарина 236.

Иванище, калика-богатырь 225—6, 475; сильный, великій, жилъ въ дворникахъ у отца Ильи Муромца 354.

Иванъ Годеновичъ 24, 414—23, участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435; Иванушко Гордёновичъ, старина о немъ упоминается 500, 536.

Иванъ Гостиновичъ, богатый купецъ 177.

Иванъ Гостиновъ, сказка о немъ 29.

Иванъ Гостиный, сынъ, былина о немъ упомин. 7, 343, 474, 499.

Иванъ Грозный: 7; Грозенъ царь Иванъ Вас. 182—195, 292, 456—62, 528—30; свѣтъ государь 188; князь 292—3; становится царемъ со взятія Казани 293; задумалъ строить вторую Москву 463; былина о смерти его жены упоминается 474.

Иванъ Дородоровичъ—его убиваютъ мужики деревенскіе 173—4.

Иванъ Никульевичъ, Окульевичъ,—см. Василій Окульевичъ.

Иванъ-священникъ—съ его коровой сравниваетъ Илья Идолище 441.

Иванъ Тимоѳеевичъ, отецъ Ильи Муромца 31, 205, 209, 212, 232, 344—5, 382; крестьянинъ богатый 205.

Игнатій Даниловичъ 402, 408; см. Данило Игнатьевичъ.

Идолище поганое проклятое, сватается за племянницу князя Владимира 242, 423; былина объ этомъ 8, 499, 144; приходитъ съ татарской силой 215, 224, 475, 484; у царя Любова 355; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 439, 478; женихъ Опраксеи 395, 544; Мареы 510; невѣрный царь 216, 219, 243—4, 246—7, 249; татаринъ 216, 396; похищаетъ Романову жену 120; его описаніе 219, 357, 424, 475, 483, 544 (ср. 46, 547); идолище поганое стрѣляетъ въ Сухматія 88.

Илья Климантовъ, разбойникъ 277—9; былина о немъ упоминается 304.

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ: Илеюшка 231, 344, 482, 486—9, 491, 537, 543, 555; Илейка 47, 205, 482; Мурамецъ 31, 82—3, 207—9, 211, 213—29, 243, 305, 309—11, 317, 359, 380—8, 400; старая старыньшина 36, 43, 48—9, 53, 55, 83, 228, 252, 344, 355, 385—6, 438—9, 446, стариньшина 42, 57, 70, 222, 227, 348, 438; старикъ 361, 439; старый сѣдатый 37, 51, 57—8, 229—30, старый 305—6, 346—7, 352—3, (въ цѣлой старинѣ нѣтъ собственнаго имени) 500—1; у него борода сѣда и голова бѣла 358, 362, 500; славный 355, 440; славный казакъ 42; казакъ 49, 70, 216, 232, 306, 365; старый казакъ 231, 324, 351, 355—6, 360—8, 372, 444; сильный казакъ 537—9; государь 44, 354, 380, 386—7, 437, 439, 440, 442—3, 479—87, 489—90, 502—4, 532—6, 553.

Его бой съ сыномъ 53, 358, 487 (былина 7); съ Соловьемъ-разбойникомъ 34, 348, 533 (былина 5); съ Добрыней 232, 364, 537 (былина 8); съ Идолищемъ 219, 226, 440, 475; съ молодцемъ изъ Задонской земли на заставѣ 502; съ бабой Латыгорской 443, 489; отношенія къ Маринкѣ Кайдаловкѣ 57—8, 252, къ царю Любову 354 (былина 8), къ женѣ Святогора 309, къ Святогору 310, 343 (былина 8, 304); къ разбойникамъ 228, 352, 500 (был. 8, 24); ссора съ кн. Владимиромъ 38 (ср. 47), 215, 221, 438, 482, съ его боярами 351; три поѣздки 31 (был. 7); первая поѣздка 34, 345, 531 (был. 7, 24, 499, 540); исцѣленіе 205, 210, 344, 474 (был. 304); его надѣляютъ силой юноши 231; былина о боѣ съ Мамаемъ 8; Илья въ роли Владимира 437, 479, 517, 553—5; получаетъ отъ князя шубу 37, 353; перчатки 229; кричитъ на князя Владимира 438; поддерживаетъ князя подъ правую руку 446; разнимаетъ Добрыню съ Дунаемъ 506; отказывается помогать Дунаю противъ одной поленицы 83; помогаетъ Добрынѣ въ такомъ же случаѣ 444, 489; ѣдетъ къ Прусскому королю 380—2; мечетъ по поднебесью камешекъ, который оказывается По-

тыкомъ 512; вмѣстѣ съ Дунаемъ 543, съ Добрыней и Потыкомъ 508, 515; въ роли свата Алеши 555; его счастье упоминается 317, 516; его мощи въ Кіевѣ 475; статуя 534, прим. 2; ему смерть не писана (см. смерть); его популярность 15.

Индѣя богатая, городъ Индѣйскій 258, 260—1.

Индѣйскій царь 258—260; князь 258; Индѣйская сила 260.

Казань городъ 291—2.

Каинъ Калиновичъ царь, собака 39—44, поганый татаринъ 44; его сынъ и зять 44; былина о немъ 5, 7.

Камское побоище 8, 30, 434, 436—7, 478, 481, 487, 523, 553.

Камышники (жители города Камышина?) 229.

Карамышевъ (?), см. Петръ Коромысловъ.

Карачарово село 5; Качарово 31, 205, 213, 215, 230—1, Карачеево 344, 350, 364, 382, Карачаево 346.

Карское море, Арапское 423.

Касьянъ Немилостивый, атаманъ каликъ 139, 142, 445, 449—50; Ивановичъ 524.

Катерина преспѣсивая, жена князя Михайлы 549; прегордая 551.

Кіевъ-градъ, красенъ, славный—часто; Кіевъ-Москва 55, 57—8, 99, 101, 141, 143, 184; Кіевъ-монастырь 140; кіевская дорожка 295; гавань 59, 243; богатыри 313.

Клядовитовъ крестъ, отъ него идутъ калики 494; см. Леванидовъ.

Козаринъ 110, Казар(ушк)а Петровичъ, младъ королевичъ 111; въ деревнѣ 519; у бѣлокаменныхъ палатъ 549, былина о немъ 7, 8, 343, 553; см. Михайло Петровичъ.

Корела 2; славная богатая, изъ нея родомъ Дюкъ 103, 106.

Корсунское море, гавань 429; Корсунь (-сынь), городъ, въ немъ живетъ Маринка Кайдаловна 429—432.

Кострюкъ Небрюковичъ 184—9, Небрюкъ 458—60, 462—3, Дюкъ-Кострюкъ 460; Кострюкъ Мастрюкъ сынъ Ивановъ 529—30.

Костя новоторжанинъ, дружина Василія Буслаева 263—5, 268.

Красное крыльцо 462, ср. 284.

Кудреванко—царь, нападаетъ на Кіевъ 409, называется княземъ 413, Кудріянище 144.

Кутузовъ 202.

Кыршикъ, зять царя Кудреванка 409, 413.

Куликово поле, мѣсто казни 51, 192, 280, 477.

Лазорь Лазоревичъ 30.

Латынгорка баба 358, 362, 443, 487; Латынскія горы 358.

Латырь, камень 63, 270, 272; Латынь 272.

Леванидовъ крестъ, къ нему прикладываются калики 445, см. Клядовитовъ.

Литва поганая 82, 403, 434; проклятая 117, 184, 380, 393, 405, 415, 458, 460, 520; орда поганая 403, 405, 415, 458—9; литовскій король 405, 407.

Лука Толстоременникъ съ племянникомъ 523; см. Ремянникъ.

Львино (или Льбино) святое озеро 271, 275; Лебедино озеро 275.

Любовъ, царь и городъ 354—8.

Ляхово вм. Ляхова (земля) 79; Лёховинская земля 415; Ляхивонскій городъ 542; Ля(и)ховинскій, Шведскій король 380—3, 415; Лёховинскій 391, 393, 395, Ляхоминскій 79—81, 82—4.

Магуй-птица 275—6.

Малюта Скурлатовъ сынъ 191; его дочь—кума М. Скопина, котораго отравляетъ 196—7.

Мамай 8.

Маринка Кайдаловна 430—3; Колдаевна 429; Кайдаловка 57—8, 251, 253.

Марфида (=Мальфрида), жена кн. Михайлы 169—72; см. Катерина.

Марьюшка-лебедь бѣлая—ошибкою вм. Мареушка (см.).

Марья Андреевна княгиня, жена князя Романа — убіеніе ея 165—6.

Марья В(Б)ерблюковна, жена Ивана Грознаго, сестра Кострюка 528—9, ея самоубійство 530.

Марья Небрюковна, жена Ивана Грознаго, сестра Кострюка 184—5, 187, 189, 458—9, 461, 463.

Марья Юрьевна, княгиня: 2, 7, 119—126.

Мареа Васильевна, сестра кн. Дмитрія 175—6.

Мареа Дмитріевна, племянница кн. Владимира 242, 244—50, 377—9, 423, 425—8.

Мареушка лебедь бѣлая, дочь короля Задонской земли, просватана за Идолища 510; жена Порыка 511—5; змѣя лютая 508, 512, 515; ея смерть 515.

Мареа Петровна, сестра Козарушки 520.

Матвѣюшко Петровичъ, его посылаетъ Илья М. созывать богатырей на Камское побоище 523.

Мещериновъ—см. Пещерскій.

Микулинъ король 369; сынъ Никулининъ 370.

Михайло Васильевичъ Скопинъ, князь—смерть его 196—7.

Михайло Даниловичъ 7, 90—5; сзываетъ богатырей на Камское побоище 480—1; Михайло Игнатьевичъ 401, 403—8, сзываетъ богатырей 435; съ Добрыней и Алешей провожаетъ Мареу Дмитріевну 426.

Михайло, князь 169, 171—3, 549; былины о немъ 7, 465, 553.

Михайло Михайловичъ, податаманье каликъ 445, 494, 524; Касьяновичъ 139.

Михайло Петровичъ, королевичъ младъ 114—9; см. Козаринъ.

Морской царь 136—8, 493; въ сказкѣ 29—30.

Морянинъ, купецъ богатый; Моряночка, его жена 160, 559; его теща, пожилая вдова 159.

Москва, матушка, каменная, славная—часто, см. Кіевъ; вторую Москву строитъ Иванъ Грозный 463; Москва-рѣка 196; московская дорога 295; бурлаки 476.

Муравенка,—рѣка 208.

Муромъ 31, 205, 208, 213, 215, 230—1, 235, 344—6, 364, 382, 531, 535, 537, 560; Муровъ 557.

Надежда, одна изъ сестеръ Егорія Храбраго(?) 157.

Настасья, дочь Морского царя 138.

Настасья Ивановна, мать Ждана-царевича 177—8; царевна, дочь Ивана Грознаго 182, 184, 194.

Настасья Королевична: 1) жена Добрыни 64—8; см. Н. Никулична; 2) жена Дуная 79, 84, 391, 393, 542; 3) жена Петра Перваго 297—8; царица-Королевична 300; 4) сестра Козарина 110—9.

Настасья Леонтьевна дочь попа соборнаго Ростовскаго, сестра Алеши Поповича 334.

Настасья Митреяновна, дочь короля проклятой земли 91—101.

Настасья Никулична, поленица преудалая, жена Добрыни Никитича 314—5, 317—320, 322—3, 373—4; дочь короля Микулина 369—371; выходитъ за Добрыню Никитича 372; называется бѣлой лебедью 370.

Настасья Петровна, сестра Бродовичей 69.

Настасья Романовна, 1) царица 7, 182, 456; 2) дочь князя Романа 165—6.

Небрюкъ Небрюковичъ, въ Литвѣ король, отецъ Кострюка 184—5, 189.

Никита-Залѣшанинъ—такъ называетъ себя Илья М., являясь незванымъ на пиръ 221—2.

Никита, отецъ Добрыни 59; Романовичъ 536; князь 364, 368; пребогатый, Ивановичъ 230.

Никита Романовичъ князь 192—3.

Никола угодникъ 51; Можайскій 137, 139; Миколина церковь въ Вологдѣ 463.

Никонъ, его отношеніе къ царю Алексѣю 201, исправленіе книгъ 463.

Новгородъ 191, 251, 255, 261, 270; новгородскіе мужики 261—2, 264—7, 269; женщины 270; сила 268; князь 264—5, 267.

Нѣмцы некрещеные, поганый народъ 2; нѣмецкая грамота 40.

Нѣпра-рѣка 87, 89; въ Новгородѣ 265—6, 268; см. Нѣпъ, Днѣпъ.

Нѣпъ-рѣка 340.

Окіянъ-море 230, 274—6.

Ондреенишшо (Адріанъ), царь, мучитель Егорія Храбраго 468—9.

Осипъ Прекрасный 317.

Островъ, прекрасный городъ, изъ него выѣзжаютъ Олеша и Екимъ 234.

Офракъ-рѣка 235; гора 274.

Перемёта 24, 466—7; Степановичъ съ племянникомъ 434, 438—9; Васильевичъ живетъ съ женою меньшого Збродовича 477; участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 480.

Пересмяка 24; съ племянникомъ 38, 214; обѣщаются служить кн. Владиміру 234; Пересмяга 50; Перемяка 434; его племянникъ 71—3.

Петербургъ 297, 303; Питерская дорога 295.

Петръ Коромысловъ король, отецъ Козарина 109, 111, 115, 118, 560; Коромысловичъ 519—20, 547; его жена Петриха Коромыслиха 547, 560.

Петръ Первый 30, 59—63, императоръ 60; былина о немъ 304.

Пешерскій (Мещериновъ) князь-бояринъ осаждаетъ Солов. мон. 198.

Пешеръ-гора, въ ней спасается мать Егорія Хр. 152—3, 468; Пешшорскія горы 548; Пешшеръ-монастырь 403—4, 408.

Подсокольникъ, сынъ Ильи Муромца 57—9, 358, 360—3; собака 58; см. Борисъ.

Поповичи, два брата, въ Камскомъ побоищѣ 523.

Потанюшка Хромый участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 480, 523; Хроменькій, въ дружинѣ Василія Богуславьевича 262—8; пятый въ числѣ семи богатырей на заставѣ 502; бьется съ Кострюкомъ 187, 462, 529.

Потыкъ Ивановичъ 435; государь 514; Михайло 73, Игнатьевичъ 379, 383; былина о немъ 474.

Почай-рѣка 49, 60—2, 74, 87, 109, 123—4; см. Пучай.

Прекрасна, царица, мать Егорія 152, 468.

Преображенская церковь 270, 272.

Прусскій король 380—2.

Пучай-рѣка 312, 316, 329—30, 372—6, 553; см. Почай.

Ремянникъ съ племянникомъ 434; см. Лука.

Романъ, князь, Дмитріевичъ 2; Ивановичъ 119—26; былина о немъ 7.

Романъ Ивановичъ, князь, убиваетъ жену 165.

Ростовъ 330, 334; см. Островъ; дорожечка Ростовская 334.

Рошша-Росшиби колпакъ съ племянникомъ участвуетъ въ Камскомъ побоищѣ 435, 480, 523.

Русь святая—часто, Россія матушка 317, православная 234; русаночекъ 290; русскій языкъ 40, 46; земля 427; грамота 39, 203; см. богатыри, Святорусская земля.

Рязань, родина Добрыни 230, 233, 364—5, 368, 536.

Садко 135; Сотко 491; его богатство упоминается 317, 516; былина о немъ 7, 499.

Салтыковъ, Петръ Алексѣевичъ, князь 198, 470.

Самсонъ Колыбаевъ 434, 440, Колыбановъ 480, 523, его сила 515, Колывановичъ 502; С. Сильный 38, 50, 214, 234.

Саратовскія степи 43, 159, 331, дикія 332.

Святогоръ 305, 317, 343, Егоръ-С. 307; былина о немъ 8, 304, 474; Гурьевъ съ племянникомъ 434; Первославьевъ 480.

Святополкъ Святополковичъ 128; стихъ о С., Борисѣ и Глѣбѣ 305.

Святорусская земля 39, 152, 183, 231, 475, 481.

Святославъ, боярскаго рода, отецъ Волха 255.

Святыя горы 309—10.

Семенъ Михайловичъ, князь Черниговскій 277—9, Семіонъ, царь казанскій 291—3.

Сенька Разинъ 293—5; старина о немъ упоминается 304, 343.

Сибирскій соболь—см. соболь.

Сіонская гора 509—10.

Смерть-матушка престрашная 158.

Смородин(к)а—рѣчка 347, 350, 422—3, 532—3.

Соловей-разбойникъ 532, Рахманьевичъ 347, Рахматьевичъ 34, глотаетъ по богатырю съ конемъ 532; Илья предлагаетъ ему ѣздить вмѣстѣ въ поле 36; былина о немъ 304.

Соловей Соловьевичъ русскій богатырь 339; былина о немъ 343, 474, 499.

Соловецкій монастырь 12, 157, 197, 470; чудотворцы 198—199, 470—1.

Соломанъ Премудрый 317, царь 144, Давыдовичъ 450; его жена Соломаниха 144, 351—6, царица Соломина 452.

Сорочинская змѣя лютая 375—7; Сорочинскія горы 376—8; см. шляпа, шуба.

Софья Микулична, мать Домны Θалелеевны—176.

Софья-царевна, племянница кн. Владимира, ее убиваютъ мужики деревенскіе 173—4.

Спасъ 475, пречистый 93, 141, 163, 213, 220, 243, 246, 336, 367, 380—1, 405, 410, 419, 435, 439, 442—3, 447, 504.

Ставеръ, былина о немъ упомин. 30, 343, 474, 499.

Судьба-Богъ,—274, 310.

Сухманъ-рѣка—90.

Сухматій Сухматьевичъ (Суханъ), богатырь 86—90; былина о немъ 343, 474, 499.

Татары поганые—часто, татаровя 416, тотарява 98, 226, злые 325, 332, 288, немилостивые 46. 224, хитрые, мудрые 93, т. поединщики 228, татарнички-камышнички 299; три татарина-мурина 425.

Татарская сила 39, 50, 52, 88, 89, 92, 94, 215, 220, 226—7, бусурманская 215, невѣрная 224; поганые трупы 408, поганый духъ 39, грамота 40, 224, 244, земля 251, проклятая 101, поганая 247, сторона 329; кровь 154, голова 155, 220, шея 51, кудри черные 156, 250, рука 250, сердце 328, 418, лицо 340.

Торокашка, сынъ Бадана 45, 51—2; см. Васька.

Троица, вешній праздникъ 465, 520, ср. 20.

Тугаринъ. его наружность 236, бой съ Алешей и смерть его 237, называется змѣемъ 236—8; былина о немъ 8.

Тульской земли (т.-е. турской, турецкой) король 513, 515.

Фарафонъ, святая гора 274.

Французскій король 92, сила 94.

Хвалынское море 139, Халынское 305, 335.

Херувимская пѣснь 155, х-ія обѣдни 185.

Хотѣнъ Блудовичъ 130—132, 134—5, Хотѣюшко, Хотѣнюшка; былина о немъ 7.

Христосъ 61, 199, царь небесный 154—5, 217—8, 277, 357, 495, небесный 447, Исусъ Христосъ, царь небесный 270, 272, 275—6, написалъ Голубинную книгу 271, 275; Христово Воскресенье 550.

Царь-градъ 119, 125, 145, 148, 450—1, 453, 455—6, Царьгородъ 144, Добрыня выигрываетъ изъ Царьграда 323.

Часова жена, сестра князя Владимира 130—134; ея дочь Чавична Часовична 131, 133, 135.

Чáхово, вм. Чахова (земля) 79.

Чернавушка дѣвушка, Шолудьявушка, невѣста Садко 493.

Черниговъ 82, 108, 177, 190, 235, 255, 257, 277, 414, 518, Черниловъ 73; въ Черни-горѣ разрѣшаетъ торговать Соловью кн. Владимиръ 336; Черни-городъ 346—7, 350, 415; мужики черни-горцы 346.

Черное море 45; 274 (Чермное).

Чернышовъ, Захаръ Григорьевичъ 30, 202.

Чиженецъ—городъ 346, 531, Малый 532, Чижемъ 535.

Чудо-озеро (Чудское) 136.

Чурило Пленковичъ 38, 72, 108, Опленковичъ 465, Пеpеметковичъ 8, 24, Чюрилюшка 24; бабій угодникъ 109; его походка 317; въ роли Пермяты 126—9, его похожденіе съ чужой женой 465, 520; богатырь 214, 234; былина о немъ 8, 24, 305, 474, 553.

Шведскій король 92, 202—4, 297, невѣрный 201, онъ же ляховинскій 380—3; сила 94, 204—5.

Ѳедоръ Ивановичъ, царевичъ,—сынъ Ив. Грознаго 191—4.

Ѳедоръ Петровичъ, царевичъ,—сынъ Петра I 298—301.

Ѳедоръ Смоленскій, царь, отецъ Егорія храбраго 152—4, дядя 468.

Ѳеодосій (Печерскій), его монастырь 43, 403—4, мощи 91, 140, 143.

СПИСОКЪ

былинъ по содержанію, съ указаніемъ параллелей въ другихъ изданіяхъ [1]).

Аксенко (*Орсенко*)—стр. 463. Прозаическій пересказъ—Пермскій Сборникъ, т. II, отд. II, 166, № 6.

Алеша Поповичъ, 1) переодѣвшись каликою, убиваетъ Тугарина—234. Кир. II, 70—4; 2) освобождаетъ изъ плѣна сестру—329. Кир. II, 80; 3) его неудавшаяся женитьба—63, 315—24, 553. Гильф. № 5, ст. 734; 23, 26, 33, 38, 43, 49, 65, 100, 107, 118, 145, 157, ст. 246; 168, 187, 198, 206, 211, 215, 217, 228, 290, 292, 306, 315; Кир. II, 2, 4, 11, 14, 17, 18, 30 (=Рыбн. I, 129=Гильф. № 149), 97 (=Гильф. 118), 119; Рыбн. I, 139, 150—71 (=Гильф. 80, ст. 152—1023); II, 14; III, 69 (=Гильф. 222), 76, 84; Соколовъ, Былины и пр. 2—6; Тих. и Милл. II, 77, 86—93, 279, 281—2 (=Гильф. 319); 4) и сестра Збродовичей—68, 476. Кир. II, 64, 66, 67; Шейнъ, Бѣлорусскія народныя пѣсни, № 453; Матеріалы для изученія быта и языка сѣверозападнаго края I, ч. I, № 526.

Борисъ Романовичъ, *князь*—см. Данило Ловчанинъ.

Братья-разбойники и ихъ сестра—159, 559. Васнецовъ, Пѣсни сѣверо-восточной Россіи, 128; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 68; Нижегородскій Сборникъ III, 117; Сочиненія Пушкина, изд. Суворина, III, 192; Собол. №№ 178—194; Соколовъ, Былины и пр. 16.

Василій Б(оі)уславьевичъ—261, Гильф. № 2, ст. 194—256; 30, 44, 54, ст. 230; 141, 259, 284, 286, 321 (=Тих. и Милл. II, 289); Кир. V, 1, 8, 14, 23; прил., стр. I, III; Рыбн. I, 335, 344, 352 (=Гильф. 54), 358, 360, 361; II, 197 (=Гильф. 103), 201; III, 233, 239; Тих. и Милл. II, 221, 231, 234, 236.

---

[1]) Объясненіе сокращеній: Гильф.—Гильфердингъ, Онежскія былины; Кир.—Кирѣевскій, Пѣсни; Рыбн.—Рыбниковъ, Пѣсни; Собол.—Соболевскій, Великорусскія народныя пѣсни, т. I; Тих. и Милл.—Тихонравовъ и Миллеръ, Русскія былины старой и новой записи.

Василій (Игнатьевичъ), пьяница—409. См. Туры и турица. Гильф. 18, 41, 116 (=Тих. и Милл. II, 148), 181, 231, 258; Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и слов. И. Академіи Наукъ, т. V, кн. 1, стр. 69; Кир. II, 93; Рыбн. I, 174; II, 37 (=Гильф. 60), 39, 352; III, 37 (=Гильф. 66); Собол. 570; Тих. и Милл. II, 146.

Вдова, ея дочь и сыновья-корабельщики—163. Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ, 62, 169 (указаны бѣлорусскіе и малор. варіанты); Кулишъ, Записки о южной Руси, II, 150; Пивоваровъ, Донскія пѣсни I, 1, 2; Терещенко, Бытъ русскаго народа II, 436; Шейнъ, Великоруссъ, I, 213, № 811.

Волхъ (Вольга) Святославьевичъ (Всеславьевичъ)—255. Гильф. 15; Рыбн. I, 1 (=Гильф. 91), 7, 11, 12.

Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ—280.

Гибель оклеветанной жены—167, 561. Собол. №№ 70—5, 77—8; Труды Этнографическаго Отдѣла И. О. Люб. Естествозн., кн. IX, 111 (№ 158; 112—указано еще 4 бѣлор. варіанта); Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ ю.-з. край V, 734; Шейнъ, Великоруссъ I, 243, № 896. Князь, княгиня и старицы—Гильф. 253; Живая Старина 1890 г., вып. II, отд. I, 23; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа 63; Истоминъ и Ляпуновъ, П. р. н. 237; Шейнъ, Великоруссъ I, 243, № 895.

Глѣбъ Володьевичъ, князь—251, 429.

Голубиная книга—273. Безсоновъ, Калѣки перехожіе II, 269—341; Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ 11, 16, 17, 19, 23, 30, 229; Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. Академіи Наукъ, II, 1897, кн. 1; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 19; Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, V, 287, 291, 295, 298, 301; Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1849 г., № IX, 187.

Горе—158. Варенцовъ, Сборникъ русск. дух. стиховъ, 127, 130; Собол. №№ 440—5, 447—8; Шейнъ, Великоруссъ I, 209—10 (№№ 797—800; № 797=Собол. № 445); Бережковъ, Еще нѣсколько образцовъ нар. историческихъ пѣсенъ, № 8.

Данило Ловчанинъ (князь Борисъ Романовичъ)—238 (ср. 554). Кир. III, 28, 32.

Дмитрій, князь и его невѣста Домна—175. Собол. №№ 172—5.

Добрыня Никитичъ, 1) и змѣя—59, 372 (ср. 509—10, 513, 553—4). Кир. II, 23 (=Рыбн. I, 122=III, 60=Гильф. 148), 40, 49; VII, прил., 10; Гильф. № 5, ст. 238; 59, 64, 79, 123, 148, 157, ст. 1—194; 241, 289; Миллеръ, Очерки русской нар. сло-

весности, 426; Рыбн. I, 120 (=Гильф. 93); II, 14—7; Тих. и Милл. II, 68, 279. Ср. Гильф. 191 (Дунай); 2) его бой съ Ильей Муромцемъ—230, 364, 536. Тих. и Милл. II, 60; Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Росс., кн. III, 1877 г., отд. II, 17; 3) его бой съ Дунаемъ—505. Гильф. 49, ст. 51—161; 4) бой его и Алеши съ татариномъ—324. Ср. подобный эпизодъ у Кир. IV, 109—12; 5) его женитьба на поленицѣ—312. Гильф. 5, ст. 581—733; 157, ст. 195—245; Кир. II, 29—30 (=Рыб. I, 127=III, 67=Гильф. 148, ст. 254); 6) его женитьба на королевнѣ—369.

Дунай Ивановичъ—389, 540. Гильф. 34, 102, 125 (=Тих. и Милл. II, 131), 139; Кир. III, 52, 58, 70; Рыбн. I, 178 (=Гильф. 94), 186 (=Гильф. 81); II, 44; III, 96 (=Гильф. 108); IV, 28; Тих. и Милл. II, 115, 121, 126, 127; 1) сватаетъ невѣсту князю Владиміру—77. Ср. Гильф. 214, 272; Рыбн. III, 9; 2) его женитьба—82. Ср. Гильф. 50 (=Рыбн. I, 194); Кир. III, 56.

Дюкъ Степановичъ—101, 515, 556. Гильф. 9, 20, 115, 128, 159, 180, 213, 218, 226, 230, 243, 279; Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. V, кн. I, 37; Кир. III, 100, 101; Панкратовъ, Гребенцы въ пѣсняхъ. Владикавказъ. 1895; Рыбн. I, 271 (=II, 158=Гильф. послѣ № 72,—3), 283 (=Гильф. 85), 295 (=Гильф. 152), 308; II, 135, 137, 152; III, 147 (=Гильф. 225), 164, 178, 186; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. XXII, отд. III, 37; Тих. и Милл. II, 172, 176, 179, 183, 188; Этнографическое Обозрѣніе, кн. XLIII, 93—4; кн. XLVI, 130.

Егорій Храбрый и его мучитель—151, 468. Безсоновъ, Калѣки перехожіе II, 393—502 (21 варіантъ); Варенцовъ, сборникъ русск. дух. стиховъ, 95, 100; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 9; Истоминъ и Ляпуновъ, П. р. н. 11; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, V, 302, 308.

Жданъ-царевичъ—177.

Иванъ Годи(е)новичъ (Настасья Митреяновна)—96, 414. Гильф. 179, 188, 194, 256, 275, 293; Извѣстія отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, V, кн. I, 52—4; Кир. III, 9, 20; Рыбн. I, 197 (=Гильф. 51), 202 (=Гильф. 83); II, 52, 57; III, 113; Тих. и Милл. II, 153, 159, 283.

Иванъ Грозный—528. См. Настасьи Романовны, царицы, смерть; Иванъ Г. и его сынъ; Кострюкъ; 1) и его сынъ—190, 529. Гильф. 13, 25, конецъ 129, 142, 165, 175 кон., 183, 201, 209, 244; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 47, 51; Кир. VI, 55—113 (12 варіантовъ); Рыбн. I, 383 (=Гильф. 153), 389, 396;

II, 211; III, 327—8; IV, 81; Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1877, III, 53, 55 (сомнительной подлинности), 56; 2) его смерть—194. Кир. VI, 206, 210, 212.

Иванъ Додородовичъ и Софья-царевна—173. Ср. подобный мотивъ у Собол., №№ 82—8.

Идолище сватается за племянницу князя Владимира—242, 423.

Илья Муромецъ, 1) и Святогоръ—305, 343. Гильф. 1, 265, ст. 83; 270, 273; Кир. I, стр. XXXIV, прим.; IV, 184 (=204= Гильф. 119); Рыбн. I, 36; III, 5; IV, 3.

2) его исцѣленіе—205, 344, 474 (ср. 231, 306, 366). Гильф. 120, ст. 1—135 (=Тих. и Милл. II, 17); Кир. I, 1, I—II, XXIX, XXXII; IV, 1—2; Миллеръ, Очерки русск. нар. слов., 362 и слѣд.; Рыбн. I, 33; II, 2; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ IV, 17.

3) его первая поѣздка—34, 345, 531. Гильф. 3, 56, 112, 120 (=Тих. и Милл. II, 20), 210, 212, 274; Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ I, 419; Живая старина, г. VII, вып. I, 101; Кир. I, 25, 30, 31, 34, 40, 41, 77; стр. I, XVII, XXXIII; IV, 2; Рыбн. I, 45, 54 (=Гильф. 74); II, 5, 323; III, 13 (=Гильф. 104), 16, 24; IV, 7, 17 (=Гильф. 171), 27; Тих. и Милл. I, 1= 4=7=10, 11; II, 1, 7, 9; Миллеръ, Очерки русск. нар. слов. 375 и слѣд.

4) и Идолище—217, 224, 354, 475. Гильф. 4, 22, 63, ст. 114—51; 106, 120 (=Тих. и Милл. II, 18), 178, 186, 196, 218, ст. 214—75; 232, 245; Живая старина, г. VII, вып. I, 101—2; Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 45; Кир. I, стр. XXI, XXXIV; IV, 18, 22; Тих. и Милл. I, 22, 49; II, 52.

5) его ссора съ княземъ Владимиромъ—220—223. Гильф. 76, 210, ст. 320—430; Кир. I, 84; IV, 46, 49; Рыбн. I, 95 (=Гильф. 47); II, 333—40 (=Гильф. послѣ № 72); III, 33—5; Саратовскій сборникъ I, отд. II, 14; Этнографическое Обозрѣніе, кн. XLIII, 90.

6) въ изгнаніи—215—216.

7) его бой съ сыномъ—53, 358, 487—90 (ср. 443—4). Гильф. 114, 226, 233, 246, 265; Кир. I, 2, 3, 5, 7, 11, 52; IV, 12; VII, прил., 1; Рыбн. I, 65, 66 (=Гильф. 77), 75, 81 (=Гильф. 46); II, 345; III, 54 (=Гильф. 219); Тих. и Милл. II, 56, 108; Труды этнографическаго отдѣла И. О. Л. Естествознанія, т. XI, вып. I, 170, № 3.

8) на заставѣ—502. Кир. I, 46 = IV, 4.

9) и Калинъ—36. Гильф. 57, 69, 105, 121 (=Рыбн. I, 118), 138, 170, 257, 296, 304; Кир. I, 66, 70; Рыбн. I, 97, 106

(=Гильф. 75), 114 (=Гильф. 92); III, 205, 214; Тих. и Милл. II, 30, 34, 38, 48.

10) и Баданъ (Батый)—45. Кир. IV, 38.

11) и разбойники—228, 352, 500 (ср. 36—7). Гильф. 197, 216, 274, ст. 1—27; Кир. I, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 27, 40; VII, прил., 7; Пермскій сборникъ II, отд. II, 166; Рыбн. IV, 26; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, XXII, отд. III, 35; Тих. и Милл. II, 8, 9, 271, 272, 273.

12) его три поѣздки—31—34. Гильф. 58, 190, 221, 240, 266, 271, 287, 291, 305; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 27; Кир. I, 86; Рыбн. I, 62; II, 318; III, 40, 45, 49 (=Гильф. 221); IV, 16 (=Г. 171); Тих. и Милл. II, 14.

Илья-разбойникъ, кумъ темный—277. Гильф. 10.

Казани взятіе, и казнь царя Симеона—291. Кир. VI, 8.

Камское побоище—434, 478, 523. Параллели указаны въ юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера, 158—162.

Князь, княгиня и старицы, см. Гибель оклеветанной жены.

Козаринъ (Козарушко)—109, 114, 518, 547. Кир. IV, 91; Тих. и Милл. II, 149; ср. Пивоваровъ, Донскія пѣсни, I, 5.

Кострюкъ—184, 459, 530. Гильф. 24, 166, 193, 261, 310, 317; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 42; Кир. VI, 106, 109—11, 116—85 (22 варіанта); VII, прил., 51; Рыбн. I, 403; II, 221, 224, 227; III, 257; IV, 85; Шейнъ, Великоруссъ I, 298, 299; Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка с.-з. края, II, 178; Бережковъ, Еще нѣсколько образцовъ нар. историческихъ пѣсенъ, № 2.

Купеческая дочь и царь—281.

Мать и дочь въ татарскомъ плѣну—289, Желѣзновъ, Уральцы, второе изд., II, 265; Живая Старина, г. VII, вып. I, 104; Кир. VII, 56, 61; доп., 190—213 (12 варіантовъ); Соколовъ Былины, и пр. 8; Сочиненія Лермонтова, изд. Глазунова, 43; Терещенко, Бытъ русскаго народа, II, 385; Шейнъ, Русскія народныя пѣсни, 10—2; 70—4.

Михайло (Иванъ) Даниловичъ—90, *Игнатьевичъ* 401. Воронежскія Губернскія Вѣдомости 1860 г. № 30; Гильф. 192; Кир. III, 39, 41; Миллеръ, Очерки русской нар. слов., 417; Рыбн. III, 103; Тих. и Милл. I, 61.

Михайлы-князя мать губитъ его жену—169, 549. Собол. №№ 60—9.

Настасьи Романовны царицы смерть—182, 456, 528. Кир. VI, 114—6, 119; Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости 1896 г., № 34.

Небылица—467, 563. Гильф. 238, 295; Живая Старина, г. VII, вып. I, 243; Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни № 125; Рыбн. III, 338, Шейнъ, Великоруссъ I, 271 (№ 958), 272, 273 (№ 962); Шейнъ, Русскія нар. пѣсни, 31.

Оника-воинъ—157. Кир. IV, 115—44 (8 варіантовъ); Рыбн. I, 465 (=Кир. IV, 139); II, 36, 255 (=Кир. IV, 141).

Орсенко, см. Аксенко.

Петра I, семейная жизнь—296. Начало ср. Кир. VIII, 1, 3, 5.

Потыкъ Михайло—73, 379, 508. Гильф. 39, 40, 52, 158; Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 50—2; Кир. IV, 52; Рыбн. I, 205 (=Гильф. 82), 206, 212, 228 (=II, 71=Гильф. 150); II, 59, 80; IV, 60 (=Гильф. 6); Тих. и Милл. I, 25=32 = 39.

Романъ-князь и Марья Юрьевна—2, 119. Кир. V, 92, 96.

Романъ-князь убиваетъ жену—165. Собол. №№ 89—96; Сухановъ, Древнія русскія стихотворенія СПБ. 1840, № 2.

Садко—135, *Сотко*—491. Гильф. 2, ст. 1—193; 174; Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 62; Кир. V, 34 (=Рыбн. III, 241), 41, 47, VII, прил., 15; Рыбн. I, 363, 365, 367, 370 (=Гильф. 70); III, 248 (=Гильф. 146).

Сеньки Разина похороны—293. Ср. Кир. VII, 40; прил., 156, 157, 158 (=Рыбн. II, 239); Пивоваровъ, Донскія казачьи пѣсни I, 49 (№38), 52; Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1877, № 3, стр. 63, 64 (№ 5).

Скопина Михайлы смерть—196. Живая Старина 1890 г. вып. I, отд. II, 3; Кир. VII, 9 (2 варіанта), 14; прил., 107; Памятники старинной русской литературы II, 410; Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа XXII, отд. III, 38.

Соловей Будимировичъ (Соловьевичъ)—Гильф. 36, 199, 208; Кир. IV, 99; Рыбн. I, 318, 325(= Гильф. 53); II, 184 (= Г. послѣ № 72, 4); III, 187 (= Гильф. 68), 193; IV, 56.

Соловецкаго монастыря осада—197, 470. Безсоновъ, Калѣки перехожіе III, 675—80 (3 варіанта); Лѣтописи русской литературы и древности I, отд. II, 59; III, отд. III, 30. Ср. Перетцъ, Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы II, 130 л. 78—81 об.; 132, л. 41 об.

Соломанъ и Василій (Иванъ) Окульевичъ—144, 450. Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго народа, 59; Рыбн. II, 277, 287; III, 296; IV, 97; Тих. и Милл. II, 239, 246. Ср. конецъ сказки въ Живой Старинѣ, г. V, вып. II, 213.

Сорокъ каликъ со каликою—139, 444, 498, 524. Гильф. 72,

173, 301; Кир. III, 81, 84 (=Рыбн. II, 87=Гильф. 96), 90; Рыбн. I, 236 (=Гильф. 86), 237; Тих. и Милл. II, 255.

Суханъ (*Сухматій*)—86. Гильф. 63; Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и сл. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 50; Рыбн. I, 26; Соколовъ Былины и пр. 1; Тих. и Милл. II, 188.

Туры и турица—95; см. Василій-пьяница. Ср. Гильф. 22, ст. 1—20; Рыбн. I, 106—7 (ср. Гильф. 75).

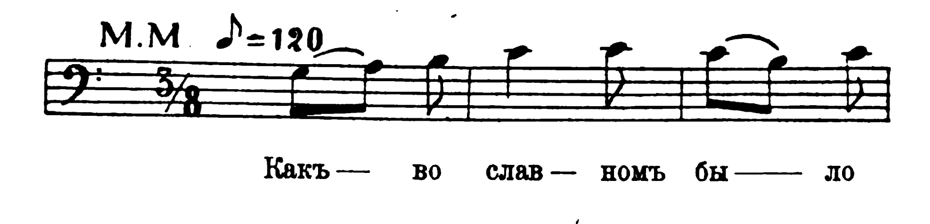
Хотѣнъ 130. Гильф. 19, 126, 164, 277, 282, 308; Кир. IV, 68, 72; Рыбн. I, 251 (=Гильф. 84), 255, 315; II, 120; III, 141; IV, 36, 42.

Чурило и невѣрная жена—126, 465, 520. Гильф. 8, 27, 35, 132, 189, 242, 268, 309; Истоминъ и Дютшъ, Пѣсни русскаго нар. 38; Кир. IV, 85—6, 87; Рыбн. I, 267, 269; II, 123, 125; III, 127 (=Гильф. 110), 132 (=Г. 67), 136 (=Г. 224); Тих. и Милл. II, 163, 165, 166, 168.

Шведская война при Екатеринѣ II—201.

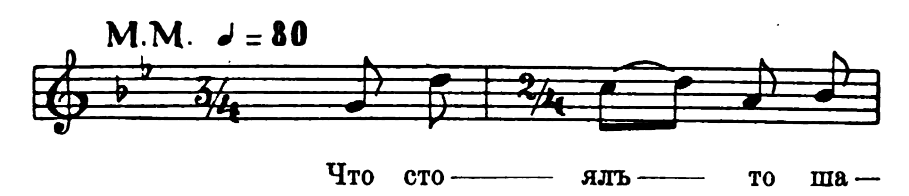
Дунай Ивановичъ.

Къ № 75.



Бой Добрыни и Алеши съ татариномъ.

Къ № 63.



Примѣчаніе. Напѣвомъ былины о Дунаѣ Крюковъ исполнялъ также и нѣкоторыя другія былины, къ сожалѣнію, не отмѣченныя мною при записи.

Обѣ прилагаемыя здѣсь мелодіи записаны по моей передачѣ *В. В. Пасхаловымъ*.

Опечатки.

Стр.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
23, строка 7 снизу	т. о.	т. е.
42 „ 2 „	мододыя	молодыя
157 „ 1 „	(№ 39)	(№ 40)
169 „ 2 „	и 39	и 40
197, стихъ 3	переборъ	переборъ
199 „ 55	манáтырю	манáстырю
201 „ 10	напередъ	наперёдъ
204, строка 2 снизу	ст. 329	ст. 284
229, стихъ 30	сторой	старой
232 „ 85	ко—ты!	токо—ты,
243 „ 39	самоцввѣтноё	самоцьвѣтноё
261 „ 27	мужими	мужики
271, строка 1 снизу	ст. 84	ст. 86
305, стихъ 19	онъ	отъ
307 „ 70	згрѣмѣлъ	згремѣлъ
310 „ 211	жолѣзныя	желѣзныя
312 „ 6	Темоѳеевна	Тимоѳеевна
359 „ 26	замлю	землю
398 „ 377	Знунай	Здунай
399 „ 405	Добрыня	Дунай
401 „ 489	закоколсэ	закололсэ
402 „ 42	пе отчинѣ	по отчинѣ
427 „ 143	тотарипъ	тотаринъ
429 „ 207	Идолпшу	Идолишшу
455 „ 185	пллóтьняны	полóтьняны
486 „ 348	друшинушка	дружинушка

6/

	DATE DUE		